

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2018. № 427. Февраль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2018. № 427. February

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; В.И. Канов, д-р экон. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд.
физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук,
проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат.
наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.-
мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим.
наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко,
канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьянин, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р
ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; V. Kanov, Dr. of Economics,
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of
Tomsk State University Publishing House; T. Portnova, PhD in
Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific
and Technical Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law,
Professor; Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko, PhD
in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin, PhD
in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr. of
Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr. of
Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –

Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor

Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Аристова (Тинникова) А.С. Об образе «распятых серафимов» в книге М.А. Волошина «Неопалимая купина»	5
Гнюсова И.Ф. Две Долли: отклик на роман Джордж Элиот «Сайлес Марнер» в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого	17
Григоренко Р.А. Роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» как предопределенный неуспех: поэтика замысла	24
Ермакова Е.Н., Проколова М.В., Файзуллина Г.Ч., Прокутина Е.В. Номинация персонажей низшей мифологии в тюркском и славянском языковом сознании: семантико-культурологический аспект	33
Каравая В.Г. Акустические и перцептивные характеристики гласных /u/ и /o/ (на материале британского новостного аналитического дискурса)	39
Лю Яньчунь. Мотивационная структура субполя «Сглаз, порча» лексико-семантического поля «Вред» в диалектах русского языка	47
Набиуллина А.С., Резанова З.И. Измерение лексического компонента языковой способности (создание и апробация теста)	55
Хоанг Тхи Хонг Чанг. Московские ресторонимы в структурно-грамматическом аспекте	63

ФИЛОСОФИЯ

Лешкевич Т.Г. Вектор модификации методологии: социогуманитарное знание конвергирует с постнеклассикой	71
Максименко Л.А., Зенец Н.Г., Варова Н.Л. Биологический метафизический сциентизм в решении проблемы альтруизма и эгоизма	79
Санжеников А.А. Античный театр в свете понятия «катарсис»	91

ИСТОРИЯ

Бугров К.Д. Политический кризис 1730 г. и идеология провиденциального монархизма	96
Быкова Т.А. Технологии работы с обращениями граждан в Администрацию Томской области	105
Зверев Р.Ю. Социалистическое соревнование в советском вузе на довоенном этапе развития СССР (1929–1941 гг.): материальное и нематериальное стимулирование деятельности трудящихся	113
Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в региональной политике Российской империи в XIX в.	118
Капустина Я.В. Преступность и борьба с ней в городе Красноярске в годы революции и Гражданской войны	125
Лиджиева И.В. Охрана общественного порядка инородческими органами местного самоуправления в XIX – начале XX в.	132
Мариненко Л.Е., Катцина Т.А. «Что мы крестьяне, другой народ, что ли?»: сельское население Восточной Сибири в условиях карточной системы в первой половине 1930-х гг.	137
Мостовенко М.С. Природа и власть на Советском Севере: проекты освоения в XX в.	144
Подрезов М.В. Строительство Чуйского тракта в 1920-х гг.	148
Прищепа Е.В. Проблемы реконструкции жилищ тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины	153
Сизова И.А. Газета «Красное знамя» как источник изучения музейного дела Томской области	164

CONTENTS

PHILOLOGY

Aristova (Tinnikova) A.S. The image of the “crucified seraphim” in M. Voloshin’s <i>The Burning Bush</i>	5
Gnyusova I.F. Two Dollies: The response to George Eliot’s <i>Silas Marner</i> in Leo Tolstoy’s <i>Anna Karenina</i>	17
Grigorenko R.A. <i>The Taigans</i> by G. Potanin and N. Yadrintsev as a predestined failure: the poetics of the conception	24
Ermakova E.N., Prokopova M.V., Faizullina G.Ch., Prokutina E.V. Nomination of lower mythology characters in the Turkic and Slavic language consciousness: semantic and cultural aspects	33
Karavaeva V.G. Acoustic and perceptual characteristics of vowels /u/ and /o/ (in BBC analytical news programs)	39
Liu Yanchun. The motivational structure of the subfield “Evil Eye, Jinx” of the lexical-semantic field “Harm” in the dialects of the Russian language	47
Nabiullina A.S., Rezanova Z.I. Developing a test for measuring the lexical component of the language faculty	55
Hoang Thi Hong Trang. Restauronyms of Moscow in the structural-grammatical aspect	63

PHILOSOPHY

Leshkevich T.G. The vector of methodology modification: convergence of socio-humanitarian knowledge with post-non-classics	71
Maksimenko L.A., Zenets N.G., Varova N.L. Biological metaphysical scientism in addressing the issue of altruism and egoism	79
Sanzhenakov A.A. Ancient theater in the light of the notion of catharsis	91

HISTORY

Bugrov K.D. The political crisis of 1730 and the ideology of providential monarchism	96
Bykova T.A. Technologies of work with citizens’ appeals to the Administration of Tomsk Oblast	105
Zverev R.Yu. Socialist competition in Soviet universities in the pre-war period of the USSR (1929–1941): financial and non-financial incentives of labor	113
Izbassarova G.B. The Kazakh steppe of the Orenburg Department in the regional policy of the Russian Empire in the 19th century	118
Kapustina Ya.V. Crime and its control in Krasnoyarsk during the years of the Revolution and the Civil War	125
Lidzhieva I.V. Policing by non-Russian local government bodies in the 19th – early 20th centuries	132
Marinenko L.E., Kattsina T.A. “We, peasants, are we a different people?”: the rural population of Eastern Siberia and the rationing system of the first half of the 1930s	137
Mostovenko M.S. Nature and the power in the Soviet North: development projects of the 20th century	144
Podrezov M.V. The construction of the Chuya Highway in the 1920s	148
Prishchepa Ye.V. Reconstruction problems of dwellings of the Tagar culture of the Khakass-Minusinsk Basin	153
Sizova I.A. The newspaper <i>Krasnoye znamya</i> as a source of the Tomsk Oblast museology study	164

Соловенко И.С., Феррейра Р., Лизунков В.Г., Полицинская Е.В. Решение социально-экономических проблем шахтеров России в 1990-е гг.	169
Шульц Э.Э. Статистические данные результатов выборов в рейхстаг Германии 1928–1932 гг.: к проблеме интерпретации источников	178

ПЕДАГОГИКА

Дмитриев С.В., Загrevская А.И. Смысловое проектирование решения двигательных задач в контексте онтодидактики	184
Сосуновский В.С., Сухоставская К.В., Верёвкина Е.О. Взаимосвязь компонентов кинезиологического потенциала дошкольников 5–6 лет	191

ПРАВО

Ершов В.В. О формах международного права, реализуемых в России	195
Илюхин А.В., Илюхина В.А., Везенова П.Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногографического сравнительного правоведения	201
Катионова А.О., Лукьянов Н.Е. Законодательство стран в области усыновления: опыт сравнительно-правового анализа	208
Малышева О.А. Негативные последствия действия правового механизма избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста	215
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	222

Solovenko I.S., Ferreira R., Lizunkov V.G., Politsinskaya E.V. On solving the socio-economic problems of Russian miners in the 1990s	169
Shults E.E. Statistical data of the Weimar Reichstag 1928–1932 elections results: on the interpretation of the sources	178

PEDAGOGICS

Dmitriev S.V., Zagrevskaya A.I. Semantic planning of motor task solutions in the context of ontodidactics	184
Sosunovskiy V.S., Sukhostavskaya K.V., Verevkin E.O. The interrelation of the components of kinesiological potential of preschoolers aged 5 to 6	191

LAW

Ershov V.V. On the forms of international law implemented in Russia	195
Ilyukhin A.V., Ilyukhina V.A., Vezenova P.R. The military jury court in Russia as an object of chronodiscrete monogeographical comparative jurisprudence	201
Kationova A.O., Lukyanov N.Ye. Adoption legislation in different countries: a comparative legal analysis	208
Malysheva O.A. The adverse effect of the action of the legal mechanism of using house arrest as a measure of restraint	215
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	222

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-1

А.С. Аристова (Тинникова)

ОБ ОБРАЗЕ «РАСПЯТЫХ СЕРАФИМОВ» В КНИГЕ М.А. ВОЛОШИНА «НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА»

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

Анализируется образ «распятых серафимов» в произведениях М. Волошина о войне и революции, вошедших в книгу «Неопалимая купина». Этот образ, пусть и не всегда явно, неоднократно воспроизводится в произведениях книги и, таким образом, становится мотивом, который служит скреплению произведений в сверттекстовое единство. Отталкиваясь от литературного источника – «Цветочков Франциска Ассизского», – в ходе анализа автор обнаружил живописные и иконописные источники образа, через связь с которыми становится наиболее явным воплощенный в книге «Неопалимая Купина» гностический миф о Софии и пленной Мировой Душе.

Ключевые слова: «распятые серафимы»; святой Франциск; Лик; личина; София; пленная Мировая Душа; иконография.

В данной работе основное внимание уделено образу распятых серафимов в произведениях книги М.А. Волошина «Неопалимая Купина». Несмотря на то, что в текстах этот образ напрямую упоминается всего три раза: в стихотворениях «Из бездны» («*Распятые серафимы*¹ заточены в плоть»), «Неопалимая Купина» («В каждом Стеньке – Святой серафим»), «Потомкам» («...каждый / Есть пленный ангел в дьявольской личине»), его смысловая нагрузка и анализ сопутствующих ему мотивов выявляет его многослойность, глубокое философское и историософское содержание. Если обратиться не только к прямым словесным указаниям, но к целому комплексу связанных с этим образом мотивов, ключевая роль его в книге станет несомненной.

Образ «распятого серафима» прежде всего отсылает к «Цветочкам Франциска Ассизского», к сцене явления Христа в образе «распятого серафима». Волошин, несомненно, был знаком с текстом. Это произведение упоминается в одном из адресованных ему писем Маргариты Сабашниковой: «Читаю ежедневно “Floretti” по-итальянски» [1. Т. 11. С. 428]. Сцена стигматизации св. Франциска близко к тексту «Цветочков» воспроизводится в стихотворении «Русская революция»: «Как некогда святой Франциск / Видал: разверзся солнца диск / И пясти рук и ног Распятый / Ему лучом пронзил трикраты – / Так ты в молитвах приняла / Чужих страстей, чужого зла / Кровотокающие стигматы» [Там же. Т. 1. С. 288].

В «Цветочках» подчеркивается, что явившийся в образе распятого серафима Христос поразил Франциска непостижимым сочетанием в Нем человеческого и божественного: «...стоя и возгораясь в своем созерцании, тем же утром увидел он, как с неба спускается некий серафим с шестью крыльями, сверкающими и пламенеющими; быстро летя серафим приближался к святому Франциску, так что вняв распознавал он несомый им образ распятого человека; и крылья серафима располагались так, что два крыла простирались над его головой, два несли в полете и еще два прикрывали все тело... И дивился он столь небывалому и странному видению, зная твердо, что болезнь

и страдания не природны бессмертию серафического духа» [2. С. 298]. Как видим, в приведенном отрывке «болезнь и страдания» противопоставляются «бессмертию серафического духа». Такой облик Христа удивил Святого Франциска контрастным сочетанием двух природ. Очевидно, ощущение боли – свойство человеческой природы, серафическое же бессмертие – Божественной. Таким образом, через человеческий облик распятого Христа в окружении серафических крыл Франциску зримо было явлено сочетание во Христе двух природ – Божественной и человеческой. Так как человеческая природа во Христе не была поглощена Божественной, Он был истинным человеком и потому во всей полноте ощутил физическую боль казни, несмотря на то что одновременно с этим Он был и истинным Богом, Тем, в Ком явилась «вся полнота Божества телесно» (Колосс. 2:9). В данном фрагменте Божественное во Христе зримо явлено в облике огненных серафических крыл, не опаливших человеческое тело, что напоминает явление Бога Моисею в образе объятый пламенем Неопалимой Купины. Таким образом, Божественное явлено через серафическое. Далее в тексте «Цветочков» Франциску поясняется, что «было ему открыто, что божественным промыслом видение это явлено в таком образе, дабы вразумить, что не через телесное мучение, но через горение духа должен он весь преобразиться в подобие Христа распятого» [Там же]. Важно заметить, что в приведенных словах говорится не о физической сопричастности страданиям Христовым, а о духовной, через «горение духа». Став носителем язв Христовых, Франциск не только духовно, но и физически преобразился в самого Христа, стал богоподобным.

Такое понимание «обожения» как раскрытия человеком Христа в себе самом обнаруживает глубокую связь с религиозно-философскими воззрениями рубежа веков. Прежде всего здесь следует обратиться к христологической теории Р. Штейнера, оказавшего немалое влияние и на М. Волошина и на его первую жену М. Сабашникову. Согласно Штейнеру, Христос есть «высшее осознание себя», человеческое существо, в котором впервые проявилось сознание «Я есть

Я-есть». Такое осознание доступно и человеку, поэтому, по Штейнеру, «каждое человеческое существо или личность в перспективе достигнет такого же сознания» и «поэтому станет существом-сознанием Христос» [3. С. 113]. Подобные мысли можно обнаружить и у Н.А. Бердяева. В «Смысле творчества» философ пишет, что «помощь человеку Искупителя-Богочеловека есть не внешняя для человека помощь, чуждая его природе, а внутренняя ему помощь, раскрывающая его собственную богоподобную, причастную к божественной жизни природу, внутренний подъем человека», из этих рассуждений Бердяев делает вывод: «Христос не вне нас, а в нас, Он – Абсолютный человек в нас, Он – наша причастность св. Троице... Христианство есть путь раскрытия в каждом человеке Абсолютного Человека» [4. С. 247]. Эти рассуждения Бердяева перекликаются с мыслями М. Сабашниковой, которая, рассуждая о молитве Иисусовой, пишет, что в этой молитве, где молящийся обращается к Иисусу Христу, душа призывает не самого Христа, а «обращается к высшей сущности своей, как к Господу. Это высшее, божественное в душе есть Сын Божий. Это то Существо, Которое живет в каждой душе...» [5. С. 25]. Думается, при стольких совпадениях в области религиозных воззрений особенный интерес к Святому Франциску в начале XX в. не удивителен.

Сцена стигматизации св. Франциска с видением Христа в образе распятого Серафима становится очень популярна в католической религиозной живописи. К ней неоднократно обращается Джотто. Во Флорентийском соборе события из жизни святого Франциска посвящена целая серия фресок, среди которых есть и сцена стигматизации (рис. 1).

Рис. 1. Джотто ди Бондоне. Стигматизация святого Франциска. 1320–1325. Капелла Барди церкви Санта-Кроче, Флоренция

Эти фрески упоминаются Волошиным в статье «“Сестра Беатриса” в постановке театра В.Ф. Коммиссаржевской»: «...Мне при виде их все время снились фрески Джотто во Флорентийском соборе – это дивное успение святого Франциска во всей его беспощадной реальности и идеальной красоте» [1. Т. 5. С. 233]. Вероятно, под влиянием западной религиозной живописи на Руси в XVII в. появляется икона «Ты еси иерей во век по чину Мелхиседеко-

ву» (рис. 2), на которой распятый на кресте Христос изображен в обрамлении серафических крыл. На связь иконографических мотивов этой иконы со сценой стигматизации впервые обратил внимание в 1921 г. ученый-византолог Л.А. Мазулевич [6. С. 270–276], писал об этом и Г. Флоровский [7. С. 406]. Сама икона вряд ли уже вызывала ассоциации со сценой стигматизации святого Франциска, тем более что в православии к стигматам относятся сугубо отрицательно. Однако, как нам представляется, таковой облик дал возможность визуального изображения «двуприродности» во Христе, непостижимого сочетания в Нем Божественного и человеческого. Это способствовало расширению возможностей религиозного изобразительного искусства.

Рис. 2. Ты еси иерей во век, или Христос Распятый Серафим. Около 1600 г.

Вероятно, в результате влияния «Цветочков» серафическое на рубеже веков осмысливается не как ангельское, а как божественное. Так как Франциск полностью преобразился «в Бога и в истинный образ Христа Распятого», став «ангельским человеком», в католической традиции с тех пор за ним закрепилось наименование «pater seraphicus», что значит «серафический отец», со временем эпитет «серафический» был перенесен на весь орден францисканцев. О том же пишет В. Соловьев в «Жизненной драме Платона»: «Само монашество считает и называет себя чином ангельским; истинный монах носит образ и подобие ангела, он есть “ангел во плоти”; за величайшим монахом западного христианства, святым Франциском Ассизским, остается прозвище pater seraphicus» [8. Т. 2. С. 618]. Однако В. Соловьев не отождествляет серафическое и божественное, а божественное ставит выше серафического, поясняя, что «быть ангелом» не есть окончательная задача человеческого духа, так как ангелы «не есть высшие из созданий», а представляют собой «служебных духов», поэтому «серафическое» состояние – это временное состояние, конечной же целью является обожение [Там же]. Однако в начале века, видимо, под влиянием «Цветочков», серафическое осмысливается именно как божественное, появляется понятие серафического человека, под ко-

торым понимают человека с преображенной природой в противоположность человеку адамическому, что можно видеть, например, в работах Н. Бердяева. В «Смысле творчества» «серафическую» природу человека философ определяет как «серафически-безгрешную, богоподобную природу», «предназначенную к творчеству» [4. С. 257], как «натуральную божественность человека» [Там же. С. 240]. Знаменательно, что одно из высших проявлений такой природы Бердяев находит в святом Франциске.

Рис. 3. В. Васнецов. Серафимы. Эскизы к фрескам Владимирского собора в Киеве

Значимо и то, что серафимов на рубеже веков стали изображать отлично от сложившихся иконописных канонов. В православной иконописи серафимы традиционно изображались в виде огненных ликов с шестью пламенно-красными крыльями. Однако изображения серафимов на фресках В. Васнецова и В. Котарбинского во Владимирском соборе в Киеве отличаются от традиционных иконописных подлинников. Особого внимания здесь заслуживают крылья серафимов. В иконописной традиции серафические крылья были пламенно красные, здесь же они не просто красные, но могут быть расцвечены разноцветными перьями: голубыми, синими, розовыми, павлиньими, отчего больше напоминают не столько ангельские крылья, сколько крылья райских птиц. Здесь нужно отметить, что в средневековой гимнографии пестрые, разноцветные крылья райских птиц были знаком святости, духовного полета, в них облачались святые, чтобы взлететь «превыше всякия твари» – туда, где стоит «древо жизни», на ветвях которого они рассаживались, «готовясь к непостижимому духовному полету» [9. С. 53]. Это можно наблюдать и на иконописных изображениях крылатых святых: Иоанна Предтечи, евангелиста Матфея, Еноха. Васнецов, перу которого принадлежат знаменитые изображения мифологических птиц Сирина, Алконоста и Гамаюна, в ходе работы изучавший иконописные подлинники, думается, неслучайно наделяет своих серафимов причудливыми крыльями райских птиц и делает их антропоморфными: на фресках будто явлена серафическая божественная природа, достигаемая через святость.

Образы крыльев, мотив крылатости в значении духовного пробуждения, полета и преображения является одним из ключевых в поэзии символистов: А. Блока, А. Белого, Д. Мережковского. В качестве одного из самых ярких примеров можно привести «Молитву о крыльях» Мережковского, где греховное, омраченное состояние противопоставляется состоянию духовного просветления как бескрылость и крылатость: «Ниц простерты унылые, / Безнадежные, бескрылые, / В покаянии, в слезах, – / Мы лежим во прахе прах <...> О, спаси нас от бессилья, / Дай нам крылья, дай нам крылья, / Крылья Духа Твоего» [10. С. 193–194], – крылья здесь становятся знаком просветления, благодати, озарения Святым Духом. В творчестве Блока важен мотив забвения крыльев, своей крылатой природы, с которым связана неспособность к полету: «Вот сидят, погружаясь в дремоту, / Птицы, спутники прежних годов, / Все забыли, не верят полету / И не видят, на что я готов» [11. С. 111]. Такое осмысление образа крыльев и крылатости восходит к В. Соловьеву, который использует его для выражения идеи платоновского анамнезиса: «Бескрылый дух, землею полоненный, себя забывший и забытый бог...» [12. С. 71]. Как будет показано далее, в творчестве Волошина мотивы крылатости и анамнезиса тесно связаны: каждый человек – серафим, распятый в теле, серафим со сложенными крылами, чтобы взлететь, нужно вспомнить свою божественную сущность и расправить огненные крылья.

Рис. 4. В. Котарбинский. Серафим. Фреска Владимирского собора в Киеве

Словосочетание «распятые серафимы» можно рассмотреть и вне связи с явлением святого Франциска. Выражение «распятые серафимы» содержит две важных составляющих: «распятые» и «серафимы».

«Распятые» связано, с одной стороны, с крестными муками Христа и Его искупительной жертвой, с другой стороны, с символикой креста. О ней М.А. Волошин подробно рассуждает в статье-лекции «Пути Эроса», где приводит дохристианское значение символа креста как знака, обозначающего скрещение материального и духовного начал, божественного и человеческого, отсылая к словам Платона из диалога «Тимей»: «Мировая душа распята на кресте мирового

тела» [1. Т. 6. С. 212]. Осмысляя семь ступеней «Крестного пути» как «семь ступеней христианского посвящения, символически воплощенного в архитектурных кристаллах готических соборов», Волошин определяет распятие как «символ Божества, воплощающегося в материи», отмечая, что символически сам человек с распростертыми руками являет крест», является «облеченным в крест тела своего» [Там же. Т. 1. С. 460]. Таким образом, символика креста и распятия и вне связи с «Цветочками» имела для Волошина значение соединения Божественного и человеческого.

Образ «серафимов» на рубеже веков обретает широкий круг ассоциаций: это и огненные шестикрылые серафимы; и ангел из шестой главы книги Исайи, вложивший горящий уголь в уста пророка со словами: «Беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен»; и пушкинский шестикрылый серафим, преобразивший поэта в пророка, наделивший его вещим знанием; и Серафим Саровский – особенно почитаемый и пользовавшийся в этот период особым интересом, что, думается, во многом связано с его канонизацией в 1903 г.

Из того, какое значение имеют компоненты словосочетания «распятие серафимы» по отдельности, видно, что оба они содержат софийные смыслы: воплощение Божественного в материи, очищение человеческой природы (Исайя), преобразование, просветление материи.

Отсюда не случаен особенный интерес к образу преподобного Серафима Саровского, имя которого связано с соответствующим ангельским чином. Святой Серафим, с одной стороны, по своему имени соотносится с ангелом, планетным серафимом, с другой стороны, достигает богочеловеческого состояния, что наиболее ярко и зримо представлено в сцене из жития преподобного, где он, беседуя с Мотовиловым, предстает перед ним пронизанным ослепительным божественным светом. Поэтому вполне закономерным кажется осмысление жития святого в софийном ключе. Наиболее явно это отразилось в книге М.В. Сабашниковой «Святой Серафим», которой пользуется Волошин при написании своей поэмы с тем же названием. В письме к Аделаиде Герцык Волошин, рассказывая о работе над поэмой «Святой Серафим», замечает: «О Серафиме у меня только “Житие Св. Серафима”, составленное Левитским, – издание Афонского Пантелеймоновского монастыря да Маргаритина книжка. И больше ничего» [Там же. Т. 12. С. 281]. Поэтому ключ к этой поэме может быть найден в книге М. Сабашниковой, к которой, анализируя ключевые эпизоды поэмы, мы будем обращаться.

В поэме «Святой Серафим» Волошин изменяет жизнеописание святого. Согласно тексту поэмы преподобный Серафим – это ангел, огненный серафим, по велению Божией Матери воплотившийся в человеческое тело, попавший в плен материи для того, чтобы преобразить ее, прокалить божественным огнем и тем самым уподобиться самой Богородице, которая определяется в поэме как «глина, девством прокаленная», «плоть, рожденная сиять». Богородица побуждает ангела к земному воплощению такими словами: «Воплотись. Сожги / Плоть земли сжигающей любо-

вью». В связи с таким происхождением героя в поэме постоянно делается акцент на узничество небесного духа, скованного плотью, подчеркивается его рабство материи: «Вечный дух, сливающийся с плотью, / Сразу гаснет, слепнет и впадает / В темное *беспамятство*. Отныне / Должен видеть он очами плоти» [1. Т. 2. С. 102], «Дух небесный врос в земное тело, / Земный узел был завязан туго, / Духу наступало время снова / Расплести завязанное» [Там же. С. 104], «Как ни туго вяжет плоть земная <>, но какой темнице / Удержать верховный омут света, / Ураган молитв и вихри славословий?» [Там же. С. 106]. Само же тело, материя, в поэтическом мире Волошина осмысляются как крест, следовательно, воплотившийся серафим – это серафим, облеченный в «крест тела своего», т.е. «распятие серафим».

Таким образом, святой Серафим буквально становится «пленным ангелом», «распятие серафимом». Закономерным становится и мотив анамнезиса – смутного припоминания святым своей небесной Родины. Например, в поэме есть эпизод, где замечается, что юному отроку Прохору (так звали преподобного Серафима до принятия монашеского пострига), некогда ангелу, ныне впадшему в *беспамятство*, «о чудесах повествованья / Были милы как *напомянья* / Об утраченном, живом законе жизни» [Там же. С. 103]. Так как изначально Серафим был ангелом, то его ангельская, богоподобная природа является его подлинной сущностью, земное же тело – личиной, тем, что скрывает его истинный духоносный Лик. Пребывание подвижника в затворе осмысливается как процесс избавления от личины, освобождения от нее лика: «И когда он вышел из затвора, / То увидели, что *лик* его / Стал сгущенным светом» [Там же. С. 112]. Яснее это противопоставление личины и лика, которое не столь явно проводится в поэме, но является одним из ведущих мотивов в книге «Неопалимая Купина», можно обнаружить, если сопоставить этот эпизод поэмы с тем, как он трактуется в книге М. Сабашниковой. По мнению Сабашниковой, так как «слово человеческое стало ложью, лицо человеческое обманом» [5. С. 42], святой ушел в затвор, чтобы «стереть себя, поскольку он *личина*, хотел молчать и дать говорить в себе Богу» [Там же. С. 39]: «...захотел Серафим всю силою своего вечного духа стереть с лица земли эту *личину*; и когда он встречал в лесу человека, падал лицом на землю, и, отворяя двери, закрывал лицо полотенцем; когда пятнадцать лет ни один смертный не слышал от него обращенного к себе слова – он стирал с земли свою *личину*» [Там же. С. 42]. Далее в книге говорится, что когда святой вышел из затвора и снова явил себя миру, «его лицо стало *ликом*, сгущенным в облик человеческий светом» [Там же. С. 43]. То есть подлинный лик Серафима – богоподобная сущность в нем, тленное же телесное обличье – чуждое, временное наложение, личина. Это личное освобождение святого из темницы плоти осмысливается как путь к преобразению плоти всего мира: «В нем росло и ширилось сознание / Плоти мира – грешной и единой». Этого преобразования жаждут звери, которые тянутся к святому, в беседе с Мотовиловым старец замечает: «Зверь на нас взирает с упованьем, / Как на Божьих

сынов. И звери / Веруют и жаждут воскресенья» [1. Т. 2. С. 109]. Такого же освобождения от личины жаждет и народ, несущий к святому «плоть гниющую и омертвелый дух» [Там же. С. 113]. Таким образом, преображая себя, святой преображает и мир, его окружающий. Постепенно в тексте поэмы происхождение Серафима из ангела, шестикрылого серафима, раскрывается как происхождение человека вообще, старец раскрывает это Мотовилу: «Каждый человек есть ангел, / Замкнутый в темницу плоти. / Если бы соизволением Божиим / Мы могли увидеть душу / Ничтожнейшего из людей такую, / Как есть она, Мы были б сожжены / Ее огнем»². По мнению героя поэмы, таким был и Адам до своего грехопадения: «Был Адам в раю подобен углю / Раскаленному. И, вдруг погаснув, / Плотен стал и холоден, / И черен». Из слов старца следует, что каждый человек, будучи заточенным в плоть ангелом, является «распятым серафимом». Сияние же, явленное Мотовилу, по словам старца, является следствием того, что «Дух» «просветился сквозь плоть». В связи с таким взглядом на человека как на ангела, угасшего во плоти, святой видит в каждом сквозь «искаженные обличья тленного» его подлинный вечный лик, «Божий Лик в глубинах темных вод» [Там же. С. 115]. И, таким образом, преодолевая временное и наносное, освобождает из «грубой коры вещества» подлинную сущность мира и человека. Та же мысль прослеживается и в жизнеописании Серафима Маргаритой Сабашниковой: «Он давал людям свой образ, возвращал людям их образ Божий, утраченный. И каждый был радостью для Серафима, потому что в каждом сквозь весь слой дорожной пыли он видел его истинный, незатемненный лик первоначальный, который откроется в конце веков» [5. С. 45], «в каждом из малых сих он видел и любил Бога, Который просияет через всю тьму» [Там же. С. 46]. Этот двойственный облик человека связан с отношением его к двум мирам – здешнему, временному и духовному, вечному. В книге Сабашниковой замечается, что преподобный «видел в человеке его высшее “я” в духовном мире и видел человека здесь в становлении». Это двойственное видение человека во временном плане и в вечном относится и к видению всего мира: «Видимый мир становился для него все прозрачнее, и проступал иной, не видимый большинству, но действительный и непреложный» [Там же. С. 28].

Видение конечной цели человечества в освобождении земли и человека от искаженной временной личины и явлении вечного идеального Лица имеет корни в софиологии В. Соловьева. В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев определяет Софию как неискаженный образ мира и человека, вечно существующий в уме Божиим, то, каким мир и человек являются в замысле Господнем, существовавшим прежде времен, еще до создания самого мира и самого человека (см. слова Премудрости: «Бог имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони» (Притч. 8:22)). Совпадение состояния мира и человека с замыслом Господним, с идеальным образом в уме Божиим и есть достижение софийной цели исторического процесса. Двойственность же человека и

мира является следствием несовпадения замысла Господня, должного и подлинного, с наличным настоящим [13].

Думается, на отличное от канонического осмысление жития преподобного Серафима Саровского наложилась сюжетная схема гностического мифа о Софии и пленной Мировой Душе. Согласно симонианскому мифу изначально София была верховным духом, матерью всего существующего. Однако созданные ею духи позавидовали ее могуществу и низвергли на землю, заключив в грешное человеческое тело. С тех пор павшая и униженная София томится в плену материи и жаждет освобождения.

Рис. 5. М.В. Сабашникова. Графический рисунок к книге «Святой Серафим». 1913 г.

Этот гностический сюжет о Софии с некоторыми изменениями повторяется в жизни преподобного Серафима. Святой, будучи небесным духом, огненным серафимом, по изволению Божией Матери низвергнулся с небесных высей на землю, попал в плен материи, чтобы просветить ее своим божественным огнем. Освобождая себя из земного плена, он освобождает и Душу Мира. Установка Волошина на осмысление жития прп. Серафима в софийном ключе была сознательной. В период работы над поэмой в письме Е.И. Васильевой поэт пишет: «Главное – это поэма о Святом Серафиме. Я беру его как реальное существо Первой Иерархии, воплощающегося по непосредственному изволению Богоматери (в аспекте Софии) в плоть России. Вся бытовая сторона, которую я постараюсь сохранить неприкосновенной, как в “Аввакуме”, будет пронизана этим космическим смыслом» [1. Т. 12. С. 286]. Те же мысли прослеживаются и в книге М. Сабашниковой о святом Серафиме: «Не делается ли человек, освободивший себя добровольным страданием, освободителем мира?» [5. С. 33], «в человеке средоточие всех в мире действующих сил. Вот почему освободивший себя является освободителем мира» [Там же. С. 35]: «Пламенная воля Серафима так глубоко приняла в себя силы творческого Слова, что его собственная жизненная сила слилась с чистыми, святыми и целительными силами космоса, действующими в природе. Камень, на котором он молился, источник, который он благословил, принадлежат к его собственному существу, ибо его дух соединился с духом

земли, ставшей после Голгофы телом Христа. Этот камень высится в мирах, где действует Серафимова воля; и в этом источнике, бьющем из земли, струится, как из его собственного сердца, та любовь, которая исправляет человеческие судьбы и исцеляет тела» [Там же. С. 78]. В конце книги личный путь Серафима осмысливается как тайна всей России: «Связь Серафима с Девой Марией – тайна всей России. Не есть ли Россия душа, ожидающая “стяжания Духа Святого Божьего”, Который, озарив ее, очистив страстный огонь ее, все своеобразие ее освятит в вечность, в божественную Премудрость – Софию?» [Там же. С. 79]. Таким образом, житие Серафима Саровского Маргаритой Сабашниковой, а затем и Волошиным осмысливается в аспекте Софии как пример освобождения пленной Души от рабства материи. Святой Серафим, освобождая свою собственную душу, освобождает из рабства и саму Душу Мира. Не случайно ему принадлежат широко известные слова, по смыслу столь близкие В. Соловьеву: «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи».

Рис. 6. София Премудрость Божия. Вторая половина XVI в. Новгород Великий

На клапан обложки книги М. Сабашниковой «Святой Серафим», вышедшей в 1913 г., был помещен графический рисунок автора (рис. 5). Его анализ, обнаруживающий связи с русской иконографией, может послужить ключом к раскрытию иконописных источников, способствовавших осмыслению образа Серафима Саровского в аспекте Софии. На рисунке изображен Серафим Саровский, благословляющий склонившийся перед ним народ, вверху же возвышается София-Премудрость в образе крылатой женщины, как принято ее было изображать на соответствующих иконах новгородского типа, восседающая в звездной сфере. Сферу окружают шестикрылые серафимы. Таким образом, на рисунке проводится связь между Серафимом Саровским и шестикрылыми серафимами, с которым он совпадает по имени, а также с Софией-Премудростью. Рисунок графический, черно-белый, однако зрители сразу же представляют себе соответствующий образ в цвете, где София имеет огненные красные крылья, напоминающие серафические (рис. 6). Таким образом, возникает параллель: Серафим Саровский – шестикрылые серафимы – София. Дума-

ется, этот рисунок мог оказать значительное влияние на осмысление Волошиным образа Серафима в связи с ангелами-серафимами и Софией. На рубеже веков иконография неотступно сопровождает софийные идеи, что можно видеть уже в заглавии романа В.Я. Брюсова «Огненный Ангел». Несмотря на то, что роман представляет определенную пародию на младосимволистов, однако явно отсылает к иконописному образу Софии, изображавшейся в виде огненного Ангела с серафическими крыльями. Таким образом, уже в самом заглавии романа дается отсылка к соответствующему иконописному образу.

Рис. 7. Спас Благое Молчание. XVII в.

Параллель шестикрылые серафимы – София имеет глубокие корни в русской иконографии. Историки иконописи истоки образа Софии возводят к иконописным канонам, с одной стороны, серафимов – ангелов, изображавшихся с шестью огненно-красными крыльями и огненным ликом, с другой – Ангела Великого Совета: «В огнезрачном ангеле нужно видеть Ангела великого совета, Сына Божия, – здесь оживает древний иконографический сюжет» [7. С. 404]. Как указано Г. Флоровским, иконография серафимов повлияла сначала на иконографию «Спаса Благое Молчание» (рис. 7) и «Ангела Совета», в этом образе Христос изображался в виде Ангела с огненными крыльями, распятый на кресте. Предвечный совет – совет Святой Троицы, на котором «прежде век» решено было даровать человеку возможность избавиться от первородного греха и достичь богоподобия через искупление. Одно из древних изображений Христа в образе Ангела относится уже к VI в. и, как пишет И.А. Припачкин, происходит из александрийских катакомб в Кармузе, изображение обычно сопровождается надписью «София – Иисус Христос» [14. С. 126]. Позднее Софию начинают сближать с Богородицей, наиболее явно это отражено на «киевско-ярославской» иконе Софии, Премудрости Божией [15. С. 52], а также на иконе «Похвала Богородицы», источником которой послужил образ Софии, Премудрости Божией.

Таким образом, осмысление серафимов в софийном ключе является ориентацией на древнюю иконописную традицию. Взаимодействие с иконографией Сабашниковой, талантливой художницы Серебряного

века, несомненно, что можно видеть на выполненном ею графическом рисунке, прилагавшемся к книге. Не без влияния иконографии софийная, богоподобная природа человека осмысливается как окрыленная, вознесенная до Бога. Отсюда важной становится такая деталь, как крылья, что можно наблюдать в уже упомянутом стихотворении Соловьева: «Бескрылый дух, землю полоненный, / Себя забывший и забытый Бог», где содержатся мотивы «окрыленности – бескрылости», земного плена, а также забвения и анамнезиса – припоминания своего божественного существования: «себя забывший и забытый бог». Этот мотив обретения крыл встречается и у А. Блока в стихотворении «Я пишу в своей келье Мадонну»: «Я пишу, моя дума растет. / Вот я вычертил лик Ее нежный, / Вот под кистью рука расцвела, / Вот сияют красой белоснежной / Два небесных, два легких крыла». Образ крылатой Мадонны также тесно связан с иконой Софии-Премудрости ярославского извода, на которой Богоматерь, наряду с Иоанном Предтечей, изображалась с крыльями, правда, не белоснежными, а красными, как у Софии. Таким образом, изображение преображенной природы как крылатой, как той, что может вознестись при помощи крыл, берет истоки в иконографии.

Поэма «Святой Серафим» изначально должна была войти в состав книги «Неопалимая Купина», однако в полном собрании сочинений не включена составителями в книгу, видимо, из-за того, что была дописана позже других произведений. Изначально же «Святой Серафим» был задуман как диптих с поэмой «Протопоп Аввакум», которая в состав «Неопалимой Купины» входит: «Он («Святой Серафим. – А.А.) должен составить диптих с “Аввакумом”» [1. Т. 12. С. 273]. Аввакум осмысливается в том же ключе, что и Серафим, как дух, существовавший до рождения, а затем попавший в темницу своего тела: «Был же я как уголь раскаленный / И, пеплом собственным одевшись, был низвержен / В хлябь внешнюю» [Там же. Т. 1. С. 296]. Таким образом, земное существование Аввакума также осмысливается как плен, из которого нужно освободиться. Аввакум, подобно Серафиму «распятый» в «пепле» плоти, является подобием «распятого серафима», обладает двуприродностью. И тоже должен освободить себя от личины и явить духоносный лик. Однако, в отличие от Серафима, святость Аввакума сомнительна и Церковь не признала: чудес он не совершает, не имеет «духа мирного», мятежен и тяжел на руку. Возникает вопрос: каким же образом, если не через духовный подвиг, избавляется он от искаженной личины? Достигает святости и возгорается огнем в прямом и переносном смысле Аввакум в конце поэмы, когда его сжигают в деревянном срубе. Этот деревянный сруб становится для него огненным кораблем на небо. Таким образом, если Серафим преображается «огнем души», через духовный подвиг, то Аввакум – через «мученичество телесное», через огонь страданий. В этой плоскости мученичества Волошин уподобляет его мученикам первых веков христианства, с которыми Аввакум также роднит способность противостоять безбожнику, на его взгляд, государству. Однако, как можно видеть из письма Волошина к А. Петровой, в этом

ключе святости как мученическом противостоянии злу Аввакум обнаруживает сходство с Бакуниным и террористами: «Меня волнует то лицо, которое я все время чувствую за Аввакумом. Это – Бакунин. Я чувствую их органическую связь, но совершенно не знаю, как ее выявить и передать, настолько они сейчас далеки для общего представления. Между тем они выражают основную черту русской истории: христианский анархизм... В славянстве же христианство имеет тенденцию переноситься целиком в индивидуальное чувство и противопоставляет себя государству как царству зверя. Поэтому в народовольцах и террористах не меньше христианства, чем в мучениках первых веков, несмотря на их атеизм. Вот в этой плоскости я чувствую какое-то конгениальное родство Аввакума и Бакунина» [1. Т. 12. С. 47]. Противопоставить себя государству – значит, обрекать себя на мученичество. В этой плоскости бунтари сближаются со святыми мучениками первых веков христианства.

Объединяющей мыслью в поэмах о святом Серафиме и Аввакуме является идея соединения в любом человеке двух противоположных начал – божественного и материального, земного, точнее, идея пленения одного другим: божественное заключается в темницу тела, дух попадает в плен материи. Эта плененная божественность человека томится и жаждет освобождения. На путях освобождения она начинает просвечивать сквозь наброшенную поверх личину и, прокаяв ее огнем божественным, освобождаться от нее. Таким образом, значимым в этих поэмах становится противопоставление того, что скрывает подлинное – темной личины и того, что скрыто – светоносной богоподобной сущности. В период работы над «Святым Серафимом» Волошин планирует найти героя, в котором противостояние темной личины и светлого лика было бы более явным, более контрастным. Желая явить этот еще больший контраст подлинного и наносного, он планирует обратиться к святому из разбойника, чтобы наглядно показать преобразование грешной человеческой природы, ее возможность воссиять «со дна падения»: «После Серафима мне нужно будет святого, который бы был разбойником: очень люциферического, трагически преображающего плоть» [Там же. С. 283].

Такие разбойники «люциферического» типа были найдены в русской истории – в ее прошлом и настоящем. Эти «люциферические» типы являются в образах Стеньки Разина, Дмитрия Самозванца, в которых наиболее ярко была явлена темная человеческая личина. Дмитрий Самозванец (Dmetrius-Imperator) и Стенька Разин (Стенькин суд) становятся для Волошина воплощением демонизма и бесовства, что проявляется в сопутствующих им мотивах ветра, метели, связанных с игрой демонических сил, а также с мотивами распыления и хаоса: «Тут тогда меня уж стало много: / Я пошел из Польши, из Литвы, / Из Путивля, Астрахани, Пскова...» (Dmetrius-Imperator) [Там же. Т. 1. С. 274]. Так, например, Самозванец «по Руси, что ветер засвистал», как «вихрь-витной» «бичом по маковкам хлестал» [Там же. С. 273–274]. Знаменательно, что Самозванцы в тексте стихотворения не разделены, а объединены в один образ «Дмитрия-Императора»,

смерть одного и восстание другого осмысливаются поэтом как размножение, разделение одной и той же демонической фигуры, не имеющей своей индивидуальности, так как, по мнению Волошина, свойством бесов является «дробление и множественность». О демонизме образов Самозванца и Разина Волошин пишет в письме А.М. Петровой: «Пока у меня единый русский демон – “Дмитрий-Император”. Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распяленного тоже между тысячами бесов (“имя ему – легион”))» [1. Т. 12. С. 46–47], «В Стеньке больше бесовщины, чем демонизма. Он – легион, несмотря на его индивидуальность» [Там же. С. 47]. Знаменательно, что оба стихотворения следуют перед стихотворением «Китеж», в котором говорится: «Святая Русь покрыта Русью грешной» [Там же. Т. 1. С. 279].

Таким образом, не только человек, но и пространство имеет свою личину, а Стенька Разин и Самозванец являются воплощением грешной Руси, которая есть личина Святой Руси. Прямо эти мысли выражены в письме к той же А.М. Петровой, где о стихотворении «Стенькин суд» Волошин пишет следующее: «Я хотел дать только стихотворение, характеризующее “грешную Русь” в параллель “святой Руси”. Благодаря этому в ущерб всему прочему подчеркнут цинизм, безверие и издевка в связи с удалством» [Там же. Т. 12. С. 46]. Таким образом, стихийный аморализм, страсть к разрушению являются внешним и наносным, подлинное же – это божественный огонь, пламенеющий внутри, который скрывают внешние ложные наслоения. Надо уметь видеть эту красоту, сорвать эти маски. Эта вера в то, что даже в разбойнике самого «люциферического» типа скрыто божественное, выражено в финальном стихотворении цикла «Пути России» – «Неопалимая Купина»: «Мы зараженные совестью. В каждом / Стеньке – Святой серафим, / Отданный тем же похмелям и жаждам, / Тою же волей томим» [Там же. Т. 1. С. 294]. Под серафическим, как было показано выше, на рубеже веков понимали божественное подобие в человеке, поэтому в словах «в каждом Стеньке – святой Серафим» содержится образ распятого серафима. Стенька – личина, воплощение темной и неподлинной, не должной человеческой природы, скрытый же внутри серафим – божественное в этом темном: свет в плену у тьмы, божественное, распятое в телесном. В то же время, помимо очевидного оживания в этих строках образа «распятого серафима», содержащиеся здесь мотивы духовной жажды и томления: «Отданный тем же похмелям и жаждам / Тою же волей томим» – отсылают к «томимому духовной жаждой» пушкинскому «пророку», но здесь это томление отнесено не только к избранным – поэтам, а к любому человеку, даже разбойнику, подобному Стеньке, который тоже жаждет религиозного откровения, могущего преобразить и даровать прозрение. Возможно, через связь с Пушкиным здесь актуализируется и связь с первоисточником – книгой Исаии, через которую возникает мотив очищения от греха: «Беззаконие твое удалено от тебя, грех твой очищен» (Ис. 6:7). Этот же эпизод изображался на богородичной иконе «Неопалимая Купина», где взятый серафимом клещами «уголь раскален-

ный» – прообраз Христа (знаменательно, что именно этим словосочетанием дословно определяется Адам до своего грехопадения: «был Адам в раю подобен углю раскаленному»; и Аввакум до своего рождения: «был же я как уголь раскаленный» – таким образом, отдельные мотивы связаны с иконописным образом Неопалимой Купины), очищал и преображал пророка.

Знаменательно название цикла, в котором даны «революционные портреты» – «Личины». Описываемые в цикле типы – «Большевик», «Буржуй», «Красногвардеец», «Спекулянт» – осмысливаются как темные личины России. Не случайно в цикл «Личины» помещено стихотворение «Феодосия». Имя города «Феодосия» имеет значение «Богом дан», о чем говорится в начале стихотворения: «Сей древний град – богоспасаем / (Ему же имя «Богом дан»)» [1. С. 323]. Бесчинства же, которые происходят на этой земле: продажа рабов, спекуляции, сумятица и неразбериха, иронично названные «социальным раем», не соответствуют сущности этого города, выраженной в его имени. Издревле считалось, что имя отражает сущность вещи, дать имя вещи значило познать истинную ее природу. Не соответствующая своей сущности Феодосия, которая должна быть «Божьим даром», – личина, надетая на Феодосию подлинную. Таким образом, не только человек, но и земля может иметь свою личину – то внешнее, ложное, ненастоящее и наносное, что не соответствует ее подлинной природе. Наиболее явно эта мысль выражена в уже приведенном выше стихотворении «Китеж»: «Святая Русь покрыта Русь грешной», где грешная Русь предстает как личина святой Руси. Такое же противоречие между именем, отражающим подлинную сущность именуемого, и тем, как это именуемое является в настоящем, наблюдается в стихотворении «Святая Русь», в котором заглавие стихотворения противоречит его содержанию, – Русь представлена здесь вовсе не как святая, а как «гулящая»: «Поддалась лихому подговору, / Отдалась разбойнику и вору, / Подождла посадки и хлеба, / Разорила древнее жилище / И пошла поруганной и нищей / И рабой последнего раба» [Там же. С. 258].

На это противоречие между именем и тем, как является именуемое, Волошин указывает в письме Е.П. Орловой: «В “Святой Руси” есть ирония (в имени), но надо уметь видеть сущность народа сквозь текущее» [Там же. Т. 12. С. 70]. Таким образом, текущее – временная личина, отраженная же в имени сущность народа – его подлинный вечный лик. В связи с этим противопоставлением подлинного, вечного и должного с недолжным, ложным и искаженным вновь возникает мотив плена в темной личине светящегося лика, характерный для гностического мифа о пленной Мировой Душе, томящейся в «искаженном обличье тленного». Отсюда закономерным становится воплощение темной личины России в характерных для гностического мифа образах блудницы и юродивой. Русь представлена как юродивая в стихотворении «Святая Русь»: «Ты – бездомная, гулящая, хмельная, / Во Христе юродивая Русь!» [Там же. Т. 1. С. 258], как падшая, поруганная и презираемая блудница в стихотворении «Русь гулящая»: «Шлендит пьяная в лохмах кумашных / Да бесстыжие песни орет. / Скверносло-

вит, скликает напасти, / Пляшет голая – кто ей заказ? / Кажет людям срамные части, / Непотребства творит напоказ» [Там же. С. 289]. В стихотворении «Видение Иезекииля» лирическим сюжетом является обращение Бога с обличительной речью к пророку, который соотносится с самим поэтом, образ земли-блудницы соотносится с Россией: «Иди предо мною – / В землю Мою, возвестить ей позор! / Перед лицом Моим – ветер пустыни, / А по стопам Моим – язва и мор! / Буду судиться с тобою Я ныне!» [1. Т. 1. С. 357]. Иезекииль, пророк периода доавилонского пленения, в преддверии будущего порабощения иудейского народа, произнося свои обличительные пророчества, сравнивал Иудейское и Израильское царства, с блудницами Оголой и Оголивой. Прелюбодеяние здесь является метафорой измены Богу, довольно частым библейским сравнением уклонявшегося к язычеству Израиля. Обращение именно к этой ветхозаветной книге неслучайно, так как она была создана в преддверии вавилонского плена, когда Израиль потерял свою независимость. Эти исторические потрясения ветхозаветного времени были сопоставимы с событиями, происходившими в революционной России. Посредством прямого обращения к книге пророка Иезекииля проводится параллель между революцией и вавилонским пленом, которому пророк придает значение наказания за отступление от заповедей, данных Богом. Согласно гностическому мифу пленная Мировая Душа – это страждущая блудница, томящаяся в плену и жаждущая освобождения. Блудница, юродивая – темные личины России. Таким образом, неявно здесь вновь возникает образ «распятого серафима»: лик распят в личине. Нужно снять, сорвать эту личину, освободить Лик и явить его. Этот освобожденный Лик является в следующих после цикла «Пути России» произведениях книги в образах Богоматери («Хвала Богоматери»), преподобном Серафиме («Святой Серафим»), святом Франциске («Святой Франциск»), мученичестве Аввакума («Протопоп Аввакум»), которые стирают с себя личину и являют лик – серафическую божественную сущность.

Однако герой книги продолжает верить, что и за самыми темными личинами скрыт духоносный лик, подлинная серафическая сущность. Прямо эти мысли выражаются в стихотворении «Из бездны», в котором явно указывается на осмысление образа распятого «серафима» в аспекте гностического мифа о пленной Душе Мира:

Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным –
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
Бичами страстей гонимы –
Распяты серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть Господь

[Там же. С. 260].

Объяснение первым двум стихам из приведенной цитаты дается в стихах, следующих после тире: «смерч» «бесов земных разрух» является тем темным, вырвавшимся наружу, что закрывает, замутняет мировой дух, является его пленом. Эти четыре стиха

служат пояснением к следующей части стихотворения. Пленный мировой дух сопоставим с «распатыми серафимами», что наблюдается в сходстве предикативных частей: мировой дух пленен «в самом косном и темном», «распатые серафимы» «заточены в плоть». Таким образом, обнаруживаются следующие смысловые параллели: пленный мировой дух – распатые серафимы, косное и темное – плоть. «Косное и темное» отнесено здесь к масштабу мировых событий, к «земным разрухам», словом же «плоть» определяется частное – человеческое тело. В соответствии с этим всеобщее, мировое и индивидуальное ставятся в положение взаимозависимости. В мировом и частном происходят одни и те же процессы: греховность человеческой природы распинает в человеке его божественное, светлое начало, божественное подобие, как и происходящие в мире «земные разрухи» и бесчинства распинают мировой дух, повергают свет в плен тьмы. Это космическое значение частного звучит в финальных строках стихотворения: «Я вижу в большом и в малом / Водовороты комет... / Из бездны – со дна паденья / Благословляю цветенье / Твое – всестрастной свет!» [1. Т. 1. С. 260]. Знаменательно, что освобождение серафимов из плена плоти осуществляется через огненное горение («Их жалит горящим жалом, / Торопит гореть Господь»). Издревле, еще в ветхозаветных текстах огонь был метафорой страданий, имеющих очистительное значение: «Так как вы все сделали изгорью, за то я соберу вас в Иерусалим, соберу и расплавлю вас» (Иезекииль 22:18). Таким образом, огонь – это страдания, посредством которых осуществляется преобразование плоти, то, что может расплавить грубую «кору вещества» и явить скрытую за ней «нетленную порфиру Божества». Думается, на таковое осмысление огня немалое влияние могло оказать открытие в области реставрации икон: на рубеже веков с поверхности иконы научились удалять толстый слой олифы и позднейших наслоений. После того, как темные наслоения сгорали, икона из темной вновь становилась светлой, «красочная гамма древнерусской иконописи представляла во всей своей яркости, чистоте, гармонии и духоносной силе» [16. С. 148]. Наиболее явная аллюзия на это культурное явление дается в стихотворении Волошина «Владимирская Богоматерь»: «Из под риз и набожной коросты / Ты явила подлинный свой Лик, / Светлый Лик Премудрости-Софии, / Заскорузлый в скаредной Москве, / А в грядущем лик самой России / Вопреки наветам и молве» [1. Т. 2. С. 130]. Икона «Владимирской Богоматери» была отреставрирована, вновь обретя первоначальную яркость красок. Однако знаменательно, что в стихотворении происходит софийное переосмысление этого факта: очищенная от темных наслоений икона является предзнаменованием будущего очищения и просветления самой России. Таким образом, конкретно-вещественное смыкается с духовным. Нельзя не отметить и сходства с образами пушкинского «Возрождения», где герой, впавший в заблуждения, сравнивает себя с живописным творением великого гения, на которое варварской рукой были нанесены грубые, незаконные мазки: «Художник-варвар кистью сонной картину гения чернит...».

Прозрение же героя от прежних заблуждений подобно очищению живописного произведения от грубых варварских мазков: «Но краски чуждые с летами / Спадают ветхой чешуей, / Творенье гения пред нами / Выходит с прежней красотой. / Так исчезают заблуждения с измученной души моей...» [17. С. 94]. С очистительной и преображающей силой огня связана и очень важная у символистов тема претворения угля в алмаз, берущая истоки в произведениях Ф. Ницше и В. Соловьева, Вяч. Иванова. Эта тема звучала и в словах Р. Штейнера, произнесенных им на одной из лекций в Париже в 1906 г.: «Как уголь, несмотря на всю грубость и черноту свою, все то же, что бриллиант, так и дух человеческий, очищенный от примеси эгоизма и страстей, лучезарный, а не темный дух, потому что в великом очистительном огне страданий он приобрел сияние чистоты» [3. С. 574]. Таким образом, анализ данного стихотворения раскрывает связь образов «распятых серафимов» с мифом о пленной Мировой Душе, а также с мотивами ее ожидаемого освобождения и софийного преображения.

Эти же мысли вновь звучат в стихотворении «Потомкам» (цикл «Усобица»): «...мы поняли, что *каждый* / Есть *пленный ангел в дьявольской личине*, / В огне застенков выплавили радость / О преосуществлении человека, / И никогда не грезили прекрасней / И пламенной его последних судеб» [1. Т. 1. С. 350]. Здесь вновь возникает образ «пленного» в каждом «ангела», что неявно отсылает к образу «распятого серафима», и «дьявольской личины», распинающей и пленяющей ангелическую, богоподобную природу человека.

Необходимо отметить, что противопоставление Святой Руси и темной и грешной России как личины и лика характерно для религиозно-философской мысли тех лет. Здесь прежде всего следует назвать работы С.Н. Дурылина и Вяч.И. Иванова. В 1916 г. вышла книга Дурылина «Лик России. Великая война и русское призвание», составленная по материалам лекций, читанных автором в 1914–1916 гг. в Москве, Костроме и Рыбинске. В книге автор замечает, что видимая поверхностному взору Россия – «бедная, грязная, нищая, пьяная» – неподлинная Россия, а личина, наросшая на истинный Лик, «светлый», «мудрый и прекрасный», являющийся нам в дни бедствий и страшных испытаний [18. С. 24]. То же противопоставление находим в работе Вяч. Иванова «Лик и личины России: К исследованию идеологии Достоевского», опубликованной в «Русской мысли» за 1917 г., где

данная антитеза выражена в образе «Аримановой Руси» – «Руси тления», «мертвых душ», «надругательства над святынею человеческого лика и человеческой совести», «Руси самоуправства, насильничества и угнетательства», «Руси зверства, распутства, пьянства, гнилой пошлости, нравственного отупения и одичания», которая как «черный призрак» «так заслоняет собою» «Русь воскресения», «нежно брезжащий свет сокровенной родимой матери, что она уже и не "сквозит", и не "светит тайно"» «из-за смертоносного морока» [19. С. 453].

Таким образом, как было показано на анализе текстов, через образ «распятого серафима» в произведениях Волошина находит воплощение гностический миф о пленной Мировой Душе и идея софийной богоподобной природы каждого человека. По нашему убеждению, таковому осмыслению образа во многом способствовало обращение к иконографии и религиозной живописи. В работах Джотто, а затем и на иконе «Ты еси иерей», в образе «распятого серафима» важное значение имеет изображение двуприродности: через серафические крылья показано зримое соединение материального человеческого и огненного, божественного. Этот контраст двух природ оживает в русском изобразительном искусстве рубежа веков. В работах Васнецова и Котарбинского. В русской же иконографии серафическое осмысляется не только как ангельское, но и как софийное преображение плоти, что наиболее явно обнаруживается на иконе «Софии, Премудрости Божией», где София, под которой разумеется преображенное человечество, мир, каким он является в замысле Бога, предстает в образе огнеликой женщины с пламенными серафическими крыльями. Таким образом, изображения русской иконописи и религиозной живописи на рубеже веков встраиваются в столь значимый для В. Соловьева и символистов миф о Софии и пленной Мировой Душе. Осмысление же образа «распятого серафима» через призму гностического мифа о пленной Душе Мира подключает к нему и такие важные для книги «Неопалимая Купина» образы как блудница, святая и юродивая, а также противопоставление недолжного, неистинного, искаженного обличья и истинного, светоносного облика – личины и Лика. Итак, образ «распятого серафима» в культуре рубежа веков обретает широкий круг различных культурных и религиозных ассоциаций и наслоений. Анализ этого сложного и многослойного образа, а также связанного с ним широкого комплекса мотивов и был предпринят в настоящей работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее курсив мой. – А.А.

² Эти мысли были заимствованы Волошиным из Леона Блуа, слова которого он приводит в письме Е.П. Орловой от 23 сентября 1917 г.: «Если бы по божественному соизволению мы смогли бы увидеть человеческую душу такой, как она есть, то мы бы погибли в то же мгновение, как если бы были брошены в пылающий горн Вулкана. Да! Первая попавшаяся душа – душа дворника, душа судебного пристава испепелила бы нас. Чудовищно подумать, что вот несчастный писарь, лет восемнадцати, который до самой своей смерти будет царапать глупейшие канцелярские отношения, беспросветно тупея год от года, и что душа его куплена всюю жизнью Сына Божьего. А какое скорбное, какое непостижимое племя Божье! Вечная и всемирная вереница, поток факелов, более раскаленных, чем звезды и не сознающих самих себя... такие же точно звезды, но покрытые мраком, невидимые, но несомненные, потому что они стоили всей крови Иисуса Христа. Пылающие горны, огромные, как миры, но невидимые и не сознающие себя горнами». Волошин – Орловой от 23 сентября 1917 г. [1. Т. 10. С. 684–685].

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин М.А. Собр. соч. : в 13 т. М., 2003–2015.
2. Цветочки святого Франциска Ассизского. СПб., 2000.
3. Штейнер Рудольф / авт.-сост. А.А. Грицанов. Минск, 2009.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества // *Философия творчества, культуры, искусства* : в 2 т. М., 1994. Т. 1.
5. Волошина (Сабашникова) М.В. Святой Серафим. М., 1999.
6. Мацулевич Л. Хронология рельефов Дмитровского собора во Владимире Залесском // *Ежегодник Российского института истории искусств*. Петроград, 1921. Т. 1, вып. 2. С. 270–276.
7. Флоровский Георгий. О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси // *Догмат и история*. М., 1998.
8. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // *Сочинения в двух томах*. М., 1988. Т. 2.
9. Былинин В.К., Магомедова Д.М. Из наблюдений над bestiарием А. Блока: Птицы Гамаюн, Сирин, Алконост и другие // *Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве*. М., 2012. С. 41–59.
10. Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. XXII. С. 193–194.
11. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М., 1967.
12. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
13. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // *Собрание сочинений* : в 15 т. М., 1993. Т. 3.
14. Припачкин И.А. Иконография Господа Иисуса Христа. М., 2001.
15. Громов, М.Н. Образ Софии Премудрости Божией как символ Древней Руси // *Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII века*. М., 1996.
16. Лепехин В.В. Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М., 2002.
17. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1: Стихотворения 1814–1822. М., 1959.
18. Дурыйин С.Н. Лик России. Великая война и русское призвание. М., 1916.
19. Иванов Вяч. И. Лик и личины России: К исследованию идеологии Достоевского // *Собрание сочинений*. Брюссель, 1987. Т. 4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 декабря 2017 г.

THE IMAGE OF THE “CRUCIFIED SERAPHIM” IN M. VOLOSHIN’S *THE BURNING BUSH*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 5–16.

DOI: 10.17223/15617793/427/1

Anastasia S. Aristova (Tinnikova), Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: atinnikova@bk.ru

Keywords: crucified seraphim; St. Francis; face; mask; Sophia; captive World Soul; iconography.

The aim of the paper is to analyze the image of the “crucified seraphim” in M. Voloshin’s works that were included in the book *Neopalimaya Kupina* [The Burning Bush]. This image, although not always clearly, repeatedly appears in works of the book. So it becomes the motive that unites the works of the book in a supertextual unity. Starting from an obvious literary source – *Little Flowers of St. Francis* that narrates about Christ’s epiphany in the guise of a crucified Seraphim – the author discovered picturesque and iconographic sources of the image during the analysis. This episode of Christ’s epiphany is popular in catholic religious art. Giotto used it in his frescoes devoted to St. Francis’s life, which Voloshin mentions in one of his articles. However, in the author’s opinion, appeal to the Russian iconographic tradition is much more important. The image of “Sophia, the Holy Wisdom” that was depicted in the Novgorod version as a woman with a burning face and seraphic wings and the image of the Angel of the Great Council, in which Christ was depicted with burning seraphic wings, are genetically associated with the iconography of the six-winged Seraphim. The image of the “crucified seraphim” is comprehended in the aspect of Sophia. It symbolizes the conjunction of the material and the Divine, becoming a symbol of the Divine fiery essence that is crucified in a corruptible human body. The interpretation of the image of the “crucified seraphim” in the aspect of Sophia is also connected with an appeal to the image of Seraphim of Sarov. In Voloshin’s poem “St. Seraphim” and in M. Sabashnikova’s book that is devoted to the narrative of St. Seraphim’s life, the image of St. Seraphim is interpreted as an image of a human that reached the Sophian transformation of the flesh, the angelic seraphic state. The evidence of the reliance on iconographic sources in interpreting the image of St. Seraphim of Sarov is a graphic drawing by Sabashnikova that is placed on the cover of the book about St. Seraphim. Voloshin used this book when he wrote the poem “St. Seraphim”, so he knew this drawing. Thus, images of Russian iconography and catholic religious painting are built into the Gnostic myth of Sophia and the captive World Soul. The interpretation of the image of the “crucified seraphim” through the prism of the Gnostic myth of the captive World Soul connects the images of a harlot, a righteous woman and a holy fool, important for *The Burning Bush*, as well as the antithesis of the untruth, the distorted and the true masks and the light-bearing face, to this myth. Thus, the image of the “crucified seraphim” in Voloshin’s works acquires a wide range of cultural associations and layers. This multilayered image and the wide complex of motives that are connected with it have been analyzed in the paper.

REFERENCES

1. Voloshin, M.A. (2003–2015) *Sobr. soch.: v 13 t.* [Works: in 13 vols]. Moscow: Ellis Lak.
2. Sogov, S.I. (ed.) (2000) *Tsvetochki svyatogo Frantsiska Assizskogo* [Little Flowers of St. Francis of Assisi]. Translated from Latin. St. Petersburg: Amfora.
3. Gritsanov, A.A. (2009) *Shteyner Rudol’f* [Rudolph Steiner]. Minsk: Knizhnyy Dom.
4. Berdyayev, N.A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kul’tury, iskusstva: v 2 t.* [Philosophy of creativity, culture, art: in 2 vols]. Vol.1. Moscow: Iskustvo.
5. Voloshina (Sabashnikova), M.V. (1999) *Svyatoy Serafim* [Saint Seraphim]. Moscow: Evidentis.
6. Matsulevich, L. (1921) *Khronologiya rel’efov Dmitrovskogo sobora vo Vladimire Zaleskom* [Chronology of the reliefs of the Dmitrovsky Cathedral in Vladimir Zalesky]. *Ezhegodnik Rossiyskogo instituta istorii iskusstv*. 1:2. pp. 270–276.
7. Florovskiy, G. (1998) *O pochitanii Sofii, Premudrosti Bozhiey, v Vizantii i na Rusi* [On the veneration of Sophia, the Wisdom of God, in Byzantium and in Russia]. In: Kholmogorov, E. (ed.) *Dogmat i istoriya* [Dogmat and history]. Moscow: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo bratstva.
8. Solov’ev, V.S. (1988) *Zhiznennaya drama Platona* [Plato’s life drama]. In: Losev, A.F. & Gulyga, A.V. (eds) *Soch. v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl’.

9. Bylinin, V.K. & Magomedova, D.M. (2012) Iz nablyudeniy nad bestiariem A. Bloka: Ptitsy Gamayun, Sirin, Alkonost i drugie [DM From observations on the bestiary of A. Blok: Birds Gamayun, Sirin, Alkonost and others]. In: Dovgiy, O.L. (ed.) *Bestiariy v slovesnosti i izobrazitel'nom iskusstve* [Bestiary in literature and fine arts]. Moscow: Intrada.
10. Merezhkovskiy, D.S. (1914) *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. XXII. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I. File Sytina. pp. 193–194.
11. Blok, A.A. (1967) *Stikhotvoreniya. Poemy. Teatr* [Verses. Poems. Theater]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
12. Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
13. Solov'ev, V.S. (1993) *Sobr. soch.: v 15 t.* [Works: in 15 vols]. Vol. 3. Moscow: Logos.
14. Pripachkin, I.A. (2001) *Ikonografiya Gospoda Iisusa Khrista* [Iconography of the Lord Jesus Christ]. Moscow: Palomnik.
15. Gromov, M.N. (1996) *Obraz Sofii Premudrosti Bozhiey kak simvol Drevney Rusi* [The image of Sophia the Wisdom of God as a symbol of Ancient Rus]. In: Bychkov, V.V. (ed.) *Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura Drevney Rusi XI–XVII veka* [Artistic and aesthetic culture of Ancient Rus of the 11th–17th centuries]. Moscow: Ladamir.
16. Lepakhin, V.V. (2002) *Ikona v russkoy khudozhestvennoy literature. Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy* [Icon in Russian fiction. Icon and icon-veneration, iconography and icon-painters]. Moscow: Otchiy dom.
17. Pushkin, A.S. (1959) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat.
18. Durylin, S.N. (1916) *Lik Rossii. Velikaya vojna i russkoe prizvanie* [The face of Russia. The Great War and the Russian calling]. Moscow: Tvorch. mysl'.
19. Ivanov, V.I. (1987) *Lik i lichiny Rossii: K issledovaniyu ideologii Dostoevskogo* [The face and the mask of Russia: on the study of Dostoevsky's ideology]. In: Ivanov, D.V. & Deshart, O. (eds) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 4. Brussels: Foyer Oriental Chretien.

Received: 21 December 2017

ДВЕ ДОЛЛИ: ОТКЛИК НА РОМАН ДЖОРДЖ ЭЛИОТ «САЙЛЕС МАРНЕР» В «АННЕ КАРЕНИНОЙ» Л.Н. ТОЛСТОГО

В статье доказывается гипотеза о том, что на формирование образа Долли Облонской повлияло знакомство Л.Н. Толстого с романом Дж. Элиот «Сайлес Марнер». Совпадение нравственно-философского содержания образов двух Долли, а также приемов их художественного изображения позволяет утверждать, что героиня Элиот стала прообразом Долли Облонской – и причиной, по которой Толстой выбрал то же имя для одной из важнейших героинь своего романа. Исследование проводится на материале рукописей «Анны Карениной», дневников, писем и фондов личной библиотеки Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; Дж. Элиот; образ; сюжет; роман.

Из всех персонажей романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» образ Долли Облонской является одним из самых малоизученных в литературоведческой науке. В числе прочего остается загадкой вопрос о происхождении этой героини. В послесловии к двадцатому тому полного собрания сочинений Толстого Н.К. Гудзий подробно говорит об истории создания и прототипах большинства героев романа, в том числе и второстепенных, однако о Долли не упоминает (10, 640–641)¹. Любопытным представляется и тот факт, что Долли едва ли не единственная из ключевых персонажей «Анны Карениной» сразу обретает свое окончательное имя, тогда как имена и фамилии остальных героев меняются Толстым по несколько раз от рукописи к рукописи. Как же возникла эта Долли в творческом сознании писателя? В настоящем исследовании будет предпринята попытка доказать, что создание этого образа было прямым откликом Толстого на чтение романа Джордж Элиот «Сайлес Марнер».

Творчество английской писательницы Мэри Энн Эванс, взявшей псевдоним Джордж Элиот (1819–1880), было хорошо знакомо автору «Анны Карениной». В 1859 г. он восхищается ее ранней повестью «Исповедь Джэнет» (60, 300) и вслед за этим читает первый роман Элиот «Адам Бид», который оценивает более критически (48, 22). Представляется неоспоримым, что в 1850–1870-е гг. Толстой познакомился со всеми романами писательницы, которые в это время печатались на страницах ведущих российских журналов сразу вслед за публикацией в Англии. Это доказывают, например, его слова о романе «Феликс Холт, радикал» в письме 1885 г.: «Я читал его, но когда был очень глуп, и совсем забыл» (83, 477). Еще одним подтверждением раннего знакомства Толстого с произведениями Элиот является наличие в ясполян-ской библиотеке их изданий 1850–1870-х годов (и притом на английском языке): «Адама Бид» 1859 г., «Мельницы на Флоссе» 1860 г., «Ромолы» 1863 г., «Феликса Холта» 1867 г. и романа «Мидлмарч» 1872 г. а издания.

В середине 1880-х гг. Толстой повторно обращается к творчеству Элиот – возможно, в связи с необходимостью рекомендовать для публикации в издательстве «Посредник» произведения, подходящие для народного чтения. В январе–феврале 1885 г. он перечитывает в подлиннике уже упомянутый роман «Феликс Холт, радикал», а в письме от 9 мая того же года упоминает имя Элиот, рекомендуя произведения ан-

глийских авторов для родственницы В.Г. Черткова, желавшей заняться переводами: «Есть G. Elliot роман. Кажется, тоже хорошо» (85, 189). О каком романе идет речь, доподлинно неизвестно, однако комментатор справедливо указывает (85, 192), что вряд ли это «Феликс Холт, радикал», получивший весьма высокую оценку писателя тремя месяцами ранее². В итоге для издательства «Посредник» действительно были переведены (и адаптированы для народного чтения) три романа Элиот – «Адам Бид», «Мельница на Флоссе» и «Сайлес Марнер», однако не родственницей Черткова, а племянницей самого Толстого Верой Сергеевной.

Не вызывает сомнения, что выбор произведений для перевода был осуществлен при участии Толстого. И хотя иных свидетельств знакомства писателя с романом «Сайлес Марнер» не имеется, весьма маловероятно, чтобы Толстой прошел мимо одного из наиболее известных произведений Элиот – притом, что внимание к ее творчеству он проявлял на протяжении всей жизни, неоднократно указывая на значительное впечатление от произведений английской писательницы³.

«Сайлес Марнер, ткач из Рейвлоу» – третий роман Элиот, опубликованный в Англии в апреле 1861 г. В России он был переведен и напечатан в том же году в журнале «Русский мир», а в 1862 г. – в «Отечественных записках». Безусловно, интерес для Толстого мог представлять материал, выбранный Элиот для романа: быт и идеалы простых деревенских тружеников, параллелью к которым выступает жизнь сыновей сельского сквайра, один из которых безволен и труслив, а другой бездушен и порочен. Не меньшее внимание мог привлечь и сюжет: судьба ткача, переживающего несколько серьезных жизненных потрясений, которые сперва приводят его к одиночеству и полной утрате веры в людей и Бога, а затем возрождают эту веру и реабилитируют в душе героя ценность человеческого общения.

Однако наиболее явным доказательством знакомства Толстого с романом «Сайлес Марнер» является типологическая близость одного из второстепенных его образов – героини по имени Долли Уинтроп – и толстовской Долли из романа «Анна Каренина». Совпадение нравственно-философского содержания этих образов, а также приемов их художественного изображения позволяет утверждать, что именно миссис Уинтроп стала прообразом Долли Облонской – и при-

чиной, по которой Толстой выбирает то же имя для одной из важнейших героинь своего романа.

Для начала необходимо отметить, что в сюжете «Сайлеса Марнера» Долли Уинтроп занимает совсем небольшое место и даже появляется в нем далеко не сразу, только в десятой главе, т.е. ровно в середине повествования (в романе 21 глава и заключение). К этому моменту читатель уже хорошо представляет себе характер всех основных героев, и в первую очередь, самого Сайлеса. Вначале это молодой человек, член общины баптистов в большом городе, и его жизнь отличается «полнотой чувств, деятельности и тесным товарищеским общением, какие... были свойственны жизни ремесленника, с юных лет примкнувшего к немногочисленной религиозной секте, где даже беднейший мирянин имел возможность отличиться» [2. С. 10]. Но предательство друга, из-за козней которого Сайлес был обвинен в краже принадлежащих общине денег, заставляет его покинуть город и переселиться в каменную хижину неподалеку от деревни Рейвлоу. Здесь смыслом существования и единственной радостью героя делается накопление денег, которые он рассматривает и пересчитывает каждый вечер, достав из тайника.

Однажды деньги похищают, и ткач впервые становится объектом заботы и сочувствия со стороны односельчан, до той поры считавших его человеком странным и даже опасным. Здесь-то на сцену и выступает Долли Уинтроп, женщина необразованная, но благочестивая, пользующаяся безусловным уважением односельчан. Ее визит к Сайлесу непосредственно предшествует кульминационному событию романа, которое в очередной раз переворачивает жизнь главного героя: в его дом случайно приходит маленькая девочка, чья мать только что замерзла на дороге, и Сайлес без раздумий берет ее на воспитание. Ребенок «затронул струны, которые никогда не звучали у Сайлеса в Рейвлоу: былой трепет нежности, благоговение перед высшей силой, властвующей над его жизнью» [2. С. 117], и в то же время «снова связал его с окружающим миром» [Там же. С. 137]. Долли теперь не только помогает ткачу в воспитании девочки, но и становится его другом.

В финале романа героя постигает еще один кризис, когда объявляется настоящий отец ребенка, старший сын местного сквайра. Но выросшая Эппи заявляет, что не оставит горячо любимого приемного отца ради богатства и роскоши, и роман завершается благополучно: «Теперь, когда она говорит, что никогда не покинет меня, я буду верить до самой смерти» [2. С. 186], – говорит в финале старый ткач.

Периферийное положение Долли в сюжете не отменяет важной роли героини в авторском замысле романа. В отличие от Сайлеса, который долгие годы ищет смысл существования и духовную опору, Долли – характер цельный, героиня не склонна к сомнениям, поскольку имеет твердые убеждения и веру в Божий промысел. Согласно М.М. Бахтину, Долли вообще не может считаться романским героем, который «должен быть показан не как готовый и неизменный, а как становящийся, изменяющийся, воспитуемый жизнью» [3. С. 453]. Однако именно эта цельность

героини, вкупе с ее способностью к активному сочувствию, и оказывается крайне важна для Сайлеса Марнера в процессе его возвращения к людям и вере. Как пишет известный американский писатель и литературовед Генри Аллей, Долли «демонстрирует выдающуюся способность к пониманию и широту взглядов – качества, которые другие герои вынуждены отыскивать до самого конца романа. И поэтому вполне логично, что она является в какой-то степени руководителем, советчиком и учителем героя-протагониста» [4. Р. 76]. Австралийский исследователь Тим Долин даже сравнивает задачи, которые решает Долли в романе, с функциями священнослужителя [5. Р. 182].

Функциональность образа Долли дополнительно подчеркивается способом ее введения в сюжет романа: героиня сразу же показывается в действии, которое совершает с глубокой уверенностью в его необходимости: «После мистера Мэси к Сайлесу явилась гостья с таким же твердым намерением утешить его. Это была миссис Уинтроп...» [2. С. 84]. Акцент на деятельной натуре Долли делается и в ее развернутой характеристике: «Это была женщина безукоризненно добросовестная, так ревностно исполнявшая свои обязанности, что ей казалось, будто в жизни их слишком мало...» [Там же]. Другой доминантой характера героини Элиот становится ее природная мягкость, чуткость и способность к сопереживанию: «Очень мягкая, кроткая и терпеливая», она являлась «общей “утешительницей”» (в оригинале «comfortable woman»): «когда в Рейвлоу кто-нибудь заболел или умирал, прежде всего вспоминали о ней» [Там же].

«Кроткая» – ключевой эпитет, сопровождающий образ героини Элиот. Не случайно Н.Л. Емельяникова, переводчик советского издания «Сайлеса Марнера» (1959), добавляет его в первую характеристику Долли, усиливая буквальный перевод прилагательного «mild». «Very mild, patient woman» – дословно «очень мягкая (или очень кроткая), терпеливая женщина» – Емельяникова передает как «женщина очень мягкая, кроткая и терпеливая». Этот же эпитет выбирает и переводчик романа для журнала «Отечественные записки» в 1862 г.: «кроткая, терпеливая Долли Винтроп» [6. С. 153]. Кротость героини усиливается и дополняется целым комплексом эпитетов, иллюстрирующих ее внешность, поведение и мироощущение.

Оригинальный текст [7]	Дословный перевод	Перевод Н.Л. Емельяниковой [2]
<i>good-looking, fresh-complexioned</i> ⁴	обладающая приятной внешностью, со свежим цветом лица	красивая, румяная
<i>good wholesome</i>	добродетельная, нравственная (цельная)	славная, добрая
<i>Dolly sighed gently</i>	Долли кротко (мягко, слегка) вздохнула	Долли кротко вздохнула
<i>the desire to give comfort</i>	желание утешить	неподдельное участие
<i>her simple view of life</i>	ее простой взгляд на жизнь	взгляд простодушной женщины на жизнь
<i>with a woman's tender tact</i>	с мягкой тактичностью женщины	с чуткостью женщины

Эти качества – нравственную цельность, постоянную погруженность в заботы о близких и чуткое со-

страдающее сердце – делает ядром образа своей Долли и Лев Толстой в романе «Анна Каренина». Показательно, что эпитеты, которыми Элиот характеризует свою героиню, почти дословно воспроизводятся Толстым в описании Дарьи Александровны Облонской. Это видно и в окончательном тексте романа, однако наиболее отчетливо проступает в черновых вариантах «Анны Карениной». В первом из дошедших до нас набросков Долли еще не фигурирует (о ней лишь кратко упоминается в диалоге). Но уже в следующей рукописи, вариант развития событий в которой приближается к окончательному сюжету романа, героиня появляется в первых же строках, и с весьма примечательной характеристикой: «Жена его, *кроткая, милая* Дарья Александровна, урожденная Щербацкая, *не верившая в зло на свете...*»⁵ (20, 51).

Упоминание о неверии Долли в зло характеризует здесь не только наивность и нравственную чистоту героини, случайно узнавшей о неверности мужа, – это еще и прямая отсылка к главному из убеждений Долли Уинтроп, которое она трижды (практически рефреном) повторяет во время первого разговора с Сайлесом Марнером: «Если *есть на свете добро*, мы очень нуждаемся в нем» [2. С. 86]. В рукописях «Анны Карениной» можно заметить и другие акценты, сближающие образ Дарьи Облонской с ее тезкой из романа Элиот. Так, во всех черновых вариантах романа Толстой последовательно использует прием изначального изображения героини «со стороны», в том числе глазами ее мужа. В первой рукописи Степана Аркадьевича спрашивают о жене общие знакомые, и он коротко отвечает: «Вся в хлопотах, в детях, в классах» (20, 17). Точно так же, глазами беззаботного Стивы, показывается Долли и в окончательном тексте: «эта вечно озабоченная, и хлопотливая, и недалекая, какою он считал ее, Долли» (18, 4), «ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства» (18, 5).

Долли Уинтроп в романе Элиот поначалу также находится в тени своего мужа – неслучайно она и представляется читателям как «жена колесного мастера» [2. С. 84], общительного остряка Бена Уинтропа, который уже появлялся в сцене вечерних посиделок в деревенском трактире⁶. Как и Толстой, Элиот акцентирует несходство характеров Долли и ее мужа, аналогично показывая героиню «извне», глазами односельчан: «Многие дивились, как умудрялся Бен Уинтроп, который любил посидеть за кружкой и пошутить, так ладить с Долли. Впрочем, она относилась к шуткам и общительному нраву мужа так же терпеливо, как и ко всему на свете...» [Там же].

Таким образом, в сюжете обоих произведений героини вначале появляются исключительно как простые, ничем не примечательные женщины, только добросовестные матери и хозяйки. Разумеется, образ Дарьи Александровны Облонской, крайне значимый в архитектонике и нравственно-философской системе романа, не исчерпывается этой характеристикой. Однако, как и Долли Уинтроп, она тоже не совсем романтический герой, особенно на фоне главных действующих лиц «Анны Карениной». Канадская исследовательница творчества Л.Н. Толстого Донна Орвин пи-

шет: «...Как история, так и романы возможны только в тех случаях, когда люди не способны смирить свои страсти. Поэтому... несчастливая жизнь Долли, до тех пор пока она сохраняет семью, не может стать сюжетом романа» [9. С. 199] – героиня лишь играет в нем роль «обыкновенного, скромного человека» [Там же. С. 200], отстаивающего неизбежность идеалов семейной жизни.

И между тем, эта роль «простого героя» связана в романе Толстого с важнейшими функциями, которые весьма схожи с задачами, выполняемыми миссис Уинтроп. Если в завязке сюжета «Анны Карениной» Долли выступает скорее как лицо пассивное, то уже во второй части она оказывается вполне самостоятельной героиней, способной к активному действию во имя добра: «...Несмотря на то, что у ней было много своего горя и забот, она, оставив грудного ребенка и заболевшую девочку, она заехала узнать об участии Кити, которая решалась нынче» (18, 127).

Характерно, что эта активизация Долли описывается с помощью бытовой метафоры, позволяющей расширить, но не перечеркнуть тот образ «доброй матери семейства» и хлопотливой хозяйки дома, который был нарисован Толстым вначале: «Еще как только Кити в слезах вышла из комнаты, Долли с своею материнскою, семейною привычкою тотчас же увидела, что тут предстоит женское дело, и приготовилась сделать его. Она сняла шляпку и, нравственно *засучив рукава*, приготовилась действовать» (18, 130). Эта готовность к утешению активно проявляется в Дарье Александровне и в дальнейшем: она объясняет Левину его неправоту по отношению к Кити и тем самым способствует возобновлению их отношений; она убеждает Каренина простить жену и не начинать развода; она же, наконец, навещает Анну и поддерживает ее в момент, когда та подверглась открытому осуждению в свете.

Весьма симптоматично, что именно с этим последним эпизодом, являющимся важнейшим «узлом»⁷ в содержании и архитектонике романа, связано первое упоминание о героине в рукописях «Анны Карениной». «Поездка Долли» (20, 6) – записывает Толстой в плане № 3, и с этого момента, повторимся, ее имя ни разу не меняется в черновиках романа. Ситуация, когда Долли навещает Анну в имении Вронского, наиболее отчетливо выявляет главную задачу этой героини: быть носителем моральной нормы, своеобразной «лакмусовой бумажкой», по которой проверяется нравственная состоятельность поступков и чувств всех прочих героев. В романе Элиот миссис Уинтроп также пытается указать одинокому ткачу на те ценности, к которым он впоследствии придет собственным путем, т.е. говорит ему о некоей норме жизни. «Поездка Долли», таким образом, становится в романе Толстого прямой аналогией визитов Долли Уинтроп в уединенную хижину Сайлеса Марнера (также весьма сомнительного места в глазах жителей Рейвлоу).

При всем том Долли Облонская, приехав к Анне, не пытается убедить ее в своей правоте – она только наблюдает и внутренне оценивает ее жизнь. Поэтому содержательно гораздо ближе к диалогам героев в

«Сайлесе Марнере» два других эпизода «Анны Карениной»: встреча Долли и Левина в имении Ергушово и ее беседа с Карениным во время его приезда в Москву. Особенно интересен последний эпизод. В окончательном тексте романа он значительно сокращен Толстым и является лишь фрагментом большого описания вечера у Облонских, во время которого Левин делает предложение Кити. В черновом варианте (третья из рукописей романа) Каренин отдельно приезжает к Долли, и этот визит позволяет Толстому значительно углубить характеристику обоих героев. Так, в обстановке квартиры Облонских писатель дополнительно акцентирует контраст между «беззаботностью, мотовством мужа» и «рабочей, напряженной жизнью» Дарьи Александровны (рядом Толстым вычеркнут другой вариант – «трудова, степенная» жизнь) (20, 331). Здесь же Каренин отмечает на лице героини «тихий страдальческий свет, говорящий о неустанном терпении» (20, 332). Примечательна и готовность героини помочь не самому близкому ей человеку (Толстой упоминает, что герои не виделись пять лет), невзирая на поглощенность заботами о семье: «она увидела на лице Алексея Александровича черту страдания, и вдруг ее досада прошла и заменилась состраданием» (20, 332); «лицо ее выразило готовность понять всякое горе, какое бы ни было оно, и попытаться помочь ему» (20, 333).

Содержание беседы героев также содержит прямые переключки со словами Долли Уинтроп, когда та говорит о необходимости смиренно принимать все, что дается свыше: «Много бед и горя на свете, а также есть много такого, чего нам никогда не понять. И все, что нам остается, мастер Марнер, это верить, исполнять, как умеем, свой долг и верить» [2. С. 152]. Об этом же в рукописном варианте романа думает, слушая Каренина, и Дарья Александровна: «Она знала, что делать – то, что она делала – нести крест» (20, 334). Обе героини в попытке убедить своих собеседников одинаково апеллируют к собственному опыту, говоря о том, что дает утешение им самим. Долли Уинтроп указывает на посещение церкви как источник спокойствия и твердости любого человека. Долли Облонская говорит Каренину о необходимости христианского милосердия и прощения, которое непременно принесет свои плоды.

Долли Уинтроп (перевод Н.Л. Емельяниковой)	Долли Облонская
Только побывав в церкви и послушав молитвы и пение во славу господу, ...а особенно приняв причастие, я чувствую в себе покой и счастье, а если и приходит беда, я нахожу в себе силы перенести ее, ибо я искала помощи в верном месте и предалась воле тех, кому мы все должны будем вручить свою душу, когда придет наш час. Если мы выполним наш долг, никак нельзя поверить, что они, те, кто над нами, окажутся хуже нас и не выполнят своего [2. С. 88] ⁸	Постойте, я вам скажу про себя. Я вышла замуж, и муж обманывал меня; в злобе, ревности я хотела все бросить, я хотела сама... Но я опомнилась, и кто же? Анна спасла меня. И вот я живу. Дети растут, муж возвращается в семью и чувствует свою неправоту, делается чище, лучше, и я живу... Я простила, и вы должны простить! (18, 415)

Легко, впрочем, заметить, что, несмотря на убедительность и эмоциональность риторики, обе героини не совсем искренни: Дарья Александровна прекрасно

знает, что муж продолжает ей изменять, а вовсе не «делается чище», а Долли Уинтроп на деле посещает церковь с «умеренным усердием» [2. С. 84], как и все жители Рейвлоу. Неслучайно обе «утешительницы» в данной ситуации не добиваются успеха. «Алексей Александрович слушал, но слова ее уже не действовали на него. В душе его опять поднялась вся злоба того дня, когда он решился на развод» (18, 415) – «Изложение немудреного богословия Рейвлоу устами бедной Долли не произвело большого впечатления на Сайлеса. В сказанном ею не было слов, способных напомнить ему о том, что он считал своей религией...» [Там же. С. 88].

В черновом варианте этого эпизода Толстой привносит в образ героини еще одну важную черту: здесь появляется мотив неумения сказать, неспособности выразить свои мысли так, чтобы убедить собеседника. В финале беседы Дарья Александровна просит Каренина о продолжении разговора: «Я не могу, не умею сказать вам, что надо. Вы жалкий, вы добрый человек, но вы не правы. Пожалуйста, оставайтесь у нас. Я хочу вас видеть, мы еще поговорим, пожалуйста. Мне хочется сказать вам, да я не умею» (20, 335). Этот же мотив сопровождает и образ Долли Уинтроп. Так, после долгих размышлений о причинах постигшего Сайлеса несчастья она признается: «...Мне все стало ясно, но не знаю, запомнила ли я и сумею ли сейчас объяснить вам, найдутся ли подходящие слова. В голове у меня всегда много такого, что я не умею высказать» [Там же. С. 151].

Мотив «неумения говорить» еще раз подчеркивает, что главное достоинство обеих героинь – не ум, а сердечность, душевная отзывчивость. Именно поэтому в спорах с героями-мужчинами обе Долли неизбежно терпят поражение. Однако в этой битве за свои идеалы у героинь есть другое оружие: гораздо сильнее они убеждают своей жизнью, делами, практическими умениями – вести хозяйство, заботиться о семье, воспитывать детей. Именно поэтому Сайлес почти не воспринимает размышлений Долли Уинтроп о пользе веры, но жадно слушает ее советы о том, как устроить жизнь найденной им девочки. Здесь героиня находится в своей стихии: воспитывая четверых сыновей, она считается в Рейвлоу «образцовой матерью» [Там же. С. 126] – и при этом выгодно отличается от своих соседок тем, что оказывает Сайлесу помощь «не навязчиво и без желания поучать» [Там же. С. 127]. Семейная жизнь Долли Облонской (примечательно, что в черновом варианте и у нее четверо детей) также становится предметом пристального внимания и даже зависти окружающих. Так, в рукописи романа Каренин поражен картиной семейного уюта в бедной квартире Облонских: «Вид ли этой женщины, такой матери, несмотря на распущенность мужа, вид ли этой хорошей семьи и сравнение с своей судьбой, только он поблел и губы его затряслись» (20, 333). Левин точно так же присматривается к опыту семейной жизни Долли, которая представляется ему идеалом: «Увидав ее (окруженную детьми. – И.Г.), он очутился пред одною из картин своего воображаемого в будущем семейного быта» (18, 281).

Эта встреча Долли и Левина во время его приезда в Ергушово может быть напрямую соотнесена со вто-

рым диалогом Сайлеса и миссис Уинтроп о только что обретенной героем приемной дочери. Здесь Дарья Александровна фактически делает то же, что и ее тезка из романа Элиот: она рассказывает Левину, что представляет собой жизнь и душа молодой девушки, почти девочки, которой нужно сделать судьбоносный выбор. То, что о восемнадцатилетней Кити говорят как о ребенке, подтверждают сравнения, которые приводят оба героя. «Я говорю о сестре, которую я люблю, как своих детей» (18, 286), – горячо заверяет Долли, а Левин реагирует аналогичной по смыслу метафорой: «Все равно, как у вас бы умер ребенок, а вам бы говорили: а вот он был бы такой, такой, и мог бы жить, и вы бы на него радовались» (18, 286). Одинаково в этих сценах и снисхождение, которое проявляют обе героини-наставницы по отношению к мужчинам, неопытным и неловким – будь то в бытовом или в духовном отношении.

Долли Уинтроп (перевод Н.Л. Емельяниковой)	Долли Облонская
Я знала мужчин, которые отлично умели обращаться с детьми. Мужчины, прости их господа, неуклюжи и упрямы, но когда из них выйдет хмель, они не так уж бестолковы. Только мучение с ними, когда приходится ставить им пивячки или перевязывать их, – они такие вспыльчивые и нетерпеливые. [2. С. 128] ⁹	– Ах, гордость и гордость! – сказала Дарья Александровна, как будто презирая его за низость этого чувства в сравнении с тем, другим чувством, которое знают одни женщины (18, 285). – Как вы смешны, – сказала Дарья Александровна с грустной усмешкой, несмотря на волнение Левина (18, 286)

Рукописный вариант этой сцены, гораздо более лаконичный по сравнению с окончательным текстом, содержит и прямые отсылки к роману Элиот. Долли здесь прямо говорит о любви Кити к Левину: «Она вас любит, – вдруг, как выстрелила, сказала Дарья Александровна, – да, любит» (20, 252). Точно так же Долли Уинтроп указывает на привязанность маленькой Эппи к своему приемному отцу: «Вот видите, – сказала Долли с чуткостью женщины, – она вас очень любит» [2. С. 128]. «Чуткость женщины» здесь также прямая параллель с «тем, другим чувством, которое знают одни женщины», у героини Толстого.

Разумеется, нельзя не отметить и образы детей, которые сопровождают обеих героинь, любящих и заботливых матерей. Миссис Уинтроп в первый раз приходит к ткачу с младшим сыном, семилетним Эроном, красивым мальчиком «с русой головкой» [Там же. С. 89], «блестящими глазенками» [Там же. С. 86] и «с щеками как румяные яблочки» [Там же. С. 85]. Долли Облонская во время приезда Анны также показана рядом с сыном, «белоголовым пухлым мальчиком» (18, 71) – в черновике к этой характеристике добавляются «красивое лицо, умные веселые глаза и развязность движений» (20, 332). Дом, детская комната как наиболее естественная для обеих героинь среда актуализирует саму этимологию их имени: Долли – очень простое, «домашнее» английское имя (от него, кстати, происходит слово «doll» – кукла, что вызывает дополнительную ассоциацию с детьми).

И одновременно это упрощенный вариант имени Дороти [10], что с древнегреческого языка переводится как «Дар Бога» [11]. Последний факт необязательно был известен Толстому, однако определенно имел значение для Элиот, в произведениях которой имена героев всегда неслучайны и придают образам дополнительный смысл.

В финале укажем на еще один поразительный факт, который служит дополнительным доказательством связи образов Толстого и Джордж Элиот. В семье Облонских живет гувернантка – англичанка, которую во всех черновых вариантах романа зовут мисс Тебор, так же, как и реальную гувернантку детей писателя в годы написания «Анны Карениной». Однако в окончательном тексте Толстой неожиданно меняет фамилию этой эпизодической героини – и, что характерно, единственное упоминание о ней вкладывает в уста Долли Облонской: «Тысячу раз пожалеешь miss Elliot» (19, 175). Двойное «ll» в фамилии писательницы (Eliot) здесь не случайная ошибка – именно в таком варианте, как было показано выше, она встречается в письмах Толстого.

Проведенный анализ показывает, что образ Долли Облонской стал результатом творческой переработки и переосмысления Толстым героини Джордж Элиот. Очевидно, писателя привлек сам сюжетный ход, когда наставницей героя, находящегося в ситуации духовной потерянности, дезориентированности, становится простая деревенская женщина, не умеющая читать и писать, но имеющая твердые нравственные убеждения. Долли оказывает воздействие на Сайлеса Марнера не только в силу своей нравственной цельности – она еще и подкупает его своей добротой, чуткостью, мягкостью. Именно такой образ нужен был Толстому, чтобы уравновесить характеры мятущихся, страдающих от потери духовной опоры Левина и Анны. В итоге, несмотря на собственные сомнения и отсутствие личного счастья, именно Долли Облонская наиболее последовательно воплощает в «Анне Карениной» авторские идеалы и благодаря своей душевной чуткости скрепляет образный мир романа, служит композиционным «мостиком» между «линией Анны» и «линией Левина».

По сути, именно ценности обеих Долли в финале принимают герои, ищущие смысл своей жизни. В конце романа Сайлес говорит: «...Вы правы, миссис Уинтроп, вы правы. Есть добро на свете. Теперь и я это чувствую, и мне даже кажется, что, несмотря на все беды и зло, хорошего больше, чем плохого» [2. С. 152]. Отклик на эти слова можно увидеть в заключительных словах внутреннего монолога Левина, которыми и завершается «Анна Каренина»: «...Жизнь моя теперь ...каждая минута ее – не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» (19, 399).

Нравственная философия романа «Сайлес Марнер», таким образом, оказывается очень близка ключевым идеям Толстого. Эта близость еще раз доказывает, что интерес русского писателя к творчеству Джордж Элиот был не случайным и базировался на сходстве как этических, так и эстетических принципов двух крупнейших авторов второй половины XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л.Н. Толстого [1] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.
- ² «...Читаю я Eliota Felix Holt. Превосходное сочинение. <...> Вот вещь, которую бы надо перевести, если она не переведена» (83, 477).
- ³ Так, в 1891 г. Толстой включил Элиот в число авторов, произведения которых произвели на него «большое впечатление» с 35 до 50 лет (66, 68).
- ⁴ Здесь и далее курсив мой. – И.Г.
- ⁵ Характерно, что, хотя эпитет «кроткая» исчезнет из окончательного текста романа, именно его использует при описании Долли Облонской и Э.Г. Бабаев в своей монографии об «Анне Карениной»: «Она проходит через роман как кроткая, неосуждающая душа, хранительница семейного очага» [8. С. 121].
- ⁶ По сути, этот сюжетный ход также воспроизводится в романе «Анна Каренина», где Стива, схожий по характеру с мужем Долли Уинтроп, в самом начале первой главы вспоминает сон о некоем «обеде в Дармштадте» (18, 4), а затем изображается в развернутом эпизоде посещения ресторана.
- ⁷ Термин Толстого: так он называл ситуацию неудавшегося побега Наташи Ростовой в романе «Война и мир» (61, 180).
- ⁸ “For I feel so set up and comfortable as niver was, when I’ve been and heard the prayers, and the singing to the praise and glory o’ God... and more partic’lar on Sacramen’ Day; and if a bit o’ trouble comes, I feel as I can put up wi’ it, for I’ve looked for help i’ the right quarter, and gev myself up to Them as we must all give ourselves up to at the last; and if we’n done our part, it isn’t to be believed as Them as are above us ‘ull be worse nor we are, and come short o’ Their’n” [7].
- ⁹ “I’ve seen men as are wonderful handy wi’ children. The men are awk’ard and contrairy mostly, God help ‘em – but when the drink’s out of ‘em, they aren’t unsensible, though they’re bad for leeching and bandaging – so fiery and impatient” [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
2. Элиот Дж. Сайлес Марнер. М. ; Л., 1959. 190 с.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
4. Alley H. The Quest of Anonymity: The Novels of George Eliot. Newark ; London, 1997. 182 p.
5. Dolin T. George Eliot. Oxford, 2005. 284 p.
6. Сайлес Марнер. Роман Джорджа Элиота // Отечественные записки. 1862. Т. 140, № 1. С. 133–175.
7. Eliot G. Silas Marner, the Weaver of Raveloe. URL: <http://www.gutenberg.org/files/550/550-h/550-h.htm> (дата обращения: 18.12.2017).
8. Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. М., 1978. 160 с.
9. Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого, 1847–1880. СПб., 2006. 303 с.
10. Dolly // Behind the Name. URL: <http://www.behindthename.com/name/Dolly> (дата обращения: 18.12.2017).
11. Английские имена – D // Европейские имена: значение и происхождение. URL: http://kurufin.ru/html/English_names/english_d.html (дата обращения: 18.12.2017).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 января 2018 г.

TWO DOLLIES: THE RESPONSE TO GEORGE ELIOT’S *SILAS MARNER* IN LEO TOLSTOY’S *ANNA KARENINA*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 17–23.

DOI: 10.17223/15617793/427/2

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: Leo Tolstoy; George Eliot; character; plot; novel.

The character of Dolly Oblonskaya is one of the most understudied in Leo Tolstoy’s *Anna Karenina*. The paper attempts to prove that its creation was Tolstoy’s response to the reading of George Eliot’s *Silas Marner* (1861). He knew right well the English writer’s works. It seems certain that Tolstoy read all Eliot’s novels in the 1850–1870s. The mentions of her name in Tolstoy’s diaries and letters and the presence of her five novels in the writer’s own library prove it. The most apparent proof of Tolstoy’s knowledge of *Silas Marner* is the typological proximity of one of its secondary heroines and Dolly Oblonskaya. The coincidence of the moral-philosophical content of the characters and expressive means of its representation allow asserting that Mrs. Winthrop became the foretype of Dolly Oblonskaya and the reason why Tolstoy chose this name for his heroine. The peripheral position of Dolly Winthrop in the plot does not cancel her important role in the conception of the novel. Unlike the central character, Silas Marner, the weaver, who searches for the meaning of existence and the inner mainstay for long years, Dolly is a complete personality; she is not inclined to doubts, because she has strong beliefs and a faith in Providence. It is Mrs. Winthrop’s integrity and her ability to actively sympathize that become substantial for Marner in his return to people and faith. Tolstoy also makes these traits – moral integrity, absorption in the care of her family and a tender sympathizing heart – a core of his Dolly’s character. It is significant that Tolstoy duplicates epithets which accompany Eliot’s character (“mild”, “gentle”) in his characterization of Darya Oblonskaya. At the beginning the both characters are simple, unremarkable women, conscientious mothers and housewives only. But Tolstoy, like Eliot, subsequently demonstrates his character’s ability to be active for the sake of good. The paper analyses resemblance of the conversations of Dolly Winthrop with Silas Marner and the scenes of Darya Oblonskaya’s meetings with Karenin, Levin and Anna. The motive of inability to utter their thoughts and convince other people accompanies the both characters. However, both Dollies prove their rightness by their lives, affairs, skill to keep a good house and bring up children. The house, the nursery as natural surroundings for the both characters actualise the origin of their name: Dolly is a very simple, “home” English name. The research shows that the character of Dolly Oblonskaya became the result of Tolstoy’s creative recast and rethinking of Eliot’s character. Obviously, the writer took note of the plot twist, when a simple village woman, sincerely tender and with strong moral convictions, becomes a mentor of the hero who was in the situation of inner disorientation. Tolstoy was in need of such a character to counterbalance Levin and Anna, unhinged and suffering from a loss of inner mainstay.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

2. Eliot, G. (1959) *Sayles Marner* [Silas Marner]. Translated from English by N. Emel'yannikova. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
3. Bakhtin, M.M. (1975) Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana) [Epos and novel (On the methodology of exploring the novel)]. In: Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Alley, H. (1997) *The Quest of Anonymity: The Novels of George Eliot*. London: Newark.
5. Dolin, T. (2005) *George Eliot*. Oxford: Oxford University Press.
6. Otechestvennye zapiski. (1862) Sayles Marner. Roman Dzhordzha Eliota [Siles Marner, a novel by George Eliot]. *Otechestvennye zapiski*. 140:1. pp. 133–175.
7. Eliot, G. (1996) *Silas Marner, the Weaver of Raveloe*. [Online] Available from: <http://www.gutenberg.org/files/550/550-h/550-h.htm>. (Accessed: 18.12.2017).
8. Babaev, E.G. (1978) “*Anna Karenina*” L.N. Tolstogo [Anna Karenina by L.N. Tolstoy]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Orwin, D.T. (2006) *Iskusstvo i mysl' Tolstogo, 1847–1880* [Tolstoy's art and thought, 1847–1880]. Translated from English by A. G. Grodet'skaya. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
10. Behind the Name. (n.d.) *Dolly*. [Online] Available from: <http://www.behindthename.com/name/Dolly>. (Accessed: 18.12.2017).
11. The Burufin's Castle. (n.d.) *Angliyskie imena – D* [English names – D]. [Online] Available from: http://kurufin.ru/html/English_names/english_d.html. (Accessed: 18.12.2017).

Received: 29 January 2018

РОМАН Г.Н. ПОТАНИНА И Н.М. ЯДРИНЦЕВА «ТАЙЖАНЕ» КАК ПРЕДОПРЕДЕЛЕННЫЙ НЕУСПЕХ: ПОЭТИКА ЗАМЫСЛА

В центре внимания находится роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» как крупнейший результат художественных исканий сибирских областников 1860–1870-х гг. В работе ставится проблема закономерности творческого фиаско соавторов, обусловленного, как показано в статье, неспособностью молодых писателей интегрировать жанровые традиции и образно-идеологические конструкты различного происхождения. «Тайжане» понимаются в этой перспективе как предвестие системного кризиса областнического проекта в литературе.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин; Н.М. Ядринцев; областничество; роман; поэтика; хронотоп; идиллия.

В современной науке масштабное наследие лидера сибирского областничества XIX в. Г.Н. Потанина рассмотрено с нескольких точек зрения: внимание исследователей главным образом привлекал Потанин-этнограф, путешественник, публицист, фольклорист (работы М.В. Шиловского [1], А.М. Сагалаева, В.М. Крюкова [2] и др.). Однако писательская деятельность ученого в течение десятилетий не анализировалась: создававшийся совместно с Н.М. Ядринцевым в начале 1870-х гг. романский проект был недовершен, литературно-критические статьи в отсутствие серьезного, теоретически обоснованного разговора об областничестве казались маргинальными. Интерес к художественному творчеству областника усилился после того, как в 1997 г. Н.В. Серебренниковым был опубликован и прокомментирован черновик повести (романа) из сибирской жизни «Тайжане» [3]. Позднее исследователь ввел в научный оборот еще несколько фрагментов этого текста, так и не ставшего законченной эстетической целостностью [4, 5]. В ряде своих работ Н.В. Серебренников обратил внимание на приемы создания образов персонажей, стиль письма, близкий очерку и в то же время предполагающий игру-диалог с читателем [6. С. 141–142]. Особое внимание уделено в монографии истории создания текста, сотрудничеству двух мировоззренчески близких, но в художественном отношении весьма не похожих друг на друга авторов, какими были Г.Н. Потанин и его младший друг и соратник по областническому движению Н.М. Ядринцев.

Исследователи, анализирувавшие эпистолярное наследие областников, отмечают «жанровую неустойчивость» черновика, заключающуюся в сочетании элементов романа-фельетона, письма и очерка [6. С. 158–160]. К.В. Анисимов рассматривает «Тайжан» как попытку Потанина и Ядринцева «художественно осмыслить автобиографический материал, <...> придать ему знаковый, программный характер» [7. С. 223].

Обобщим: в настоящее время найдено и опубликовано три фрагмента «Тайжан», рассмотрена история создания текста, реконструирован путь изменения замысла, тематическая и эстетическая установки соавторов; однако не выработан единый взгляд на жанровую природу произведения Потанина и Ядринцева, не рассмотрена его художественная структура, с точки зрения мифопоэтики и не объяснены внутренние, системные причины краха романного замысла, неудачи, которую нельзя отнести на счет только нехватки

таланта – причины слишком общей, неопределенной и к тому же в массе случаев не препятствовавшей появлению второразрядных, однако завершенных, а иногда и весьма популярных у публики произведений.

На настоящем этапе понимание областничества и, в частности, исследование романа Потанина и Ядринцева требуют систематизации всех современных подходов как к проблемам культурной легитимации территориальной сибирской идентичности, так и к специфической поэтике текстов, которые создавались в осваиваемых империей географических пространствах. В работах такого рода не раз реактуализировалось теоретико-философское наследие М.М. Бахтина. Не менее важно современное осмысление теорий знаменитого ученого, касающихся романа.

Так, Н.Д. Тмарченко недавно показал, насколько продуктивной может быть ревизия взглядов М.М. Бахтина на этот жанр. Хорошо известно, что особенности романа плодотворно раскрываются при его сопоставлении с эпосом. Ключевыми для интерпретатора бахтинской теории оказываются следующие конститутивные слагаемые романного повествования: во-первых, стилистическая трехмерность, связанная с присущим роману многоязычным сознанием – стадийно существенно более современным, чем эпос [8. С. 70]; во-вторых, отнесенность мира персонажей и сюжетного события к «настоящему в его незавершенной современности» [9. С. 215], в-третьих, изображение героя «в исторически меняющемся пространстве и времени» [8. С. 70]. «Стилистическая трехмерность», по Н.Д. Тмарченко, – это «соотношение в нем трех типов прозаического слова и связанных с ними “плоскостей”: авторской, объектной и “внутренне диалогической” (встречи в одном высказывании на равных правах смысловых направленностей разных субъектов)» [Там же. С. 85]. Рассматривая более детально проблему романа в осмыслении Бахтина, Н.Д. Тмарченко обращает внимание на то, что хронотоп, по сути, обуславливает структуру романа и тип его героя [Там же. С. 73]. А таковым, как ранее замечал Ю.М. Лотман, рассуждая об ограниченности типов сюжетного пространства в русской литературе, во многом детерминирован романский сюжет [10. С. 715].

Опираясь на приведенные наблюдения, мы сосредоточим внимание на особенностях хронотопа, типологии героя и стиле авторов-областников. Анализ «Тайжан» в намеченной перспективе логично предва-

ритель осмыслением литературно-эстетической программы областничества, выраженной в статье Г.Н. Потанина «Роман и рассказ в Сибири» (1876), которая по существу выступила в роли комментария к романному замыслу.

Эссе областника [11. С. 18–40] представляется четкой системой тезисов, вытекающих один из другого и подчиненных общей программной идее.

Согласно первому утверждению Г.Н. Потанина, писатель должен быть областным, т.е. родиться и провести детство и юность на своей малой родине. Такое изначальное прикрепление к региону, по мнению теоретика областничества, означает, что сибирскому литератору всю жизнь следует посвятить изучению, осмыслению и решению местных вопросов. В недавней работе об этой статье областника И.А. Айзикова недаром указала, что идентификация писателя как *сибирского* осуществляется «через соизмерение с идеей кровной неразрывной связи литературы, автора и читателя с Сибирью, с мыслью о высоком служении ее культурному и духовному росту, изменению ее устоявшегося образа как места ссылки и каторги, нетронутых земель и никем не используемых природных богатств...» [12. С. 85].

Особенно ярко этот тезис вычитывается из осуждений Потаниным Светлова, главного героя прогрессивного в то время, но быстро забытого леворадикального романа И.В. Омулевского «Шаг за шагом» (1870):

«Понятно, что у него не могло образоваться никакой любви к этому захолустью; он собирался действовать, в Ушаковске или в другом месте, это ему было всё равно; в Ушаковск он приехал только потому, что тут жила его семья. Как живут ушаковцы, какие у них местные нужды, об этом он никогда не размышлял, — «глуповцы, как везде», думал он. Когда он въезжал в город, говорит автор, ему казалось, что если бы он мог приподнять в настоящую минуту крыши всех этих домов и проникнуть в самые задушевные помыслы их обитателей, — «немного бы нового он узнал и увидел». В столице Светлову наговорили о каком-то деле, дали ему программу, и вот он едет в свой Ушаковск выполнять её. Принимается он за свою деятельность не потому, что он долго жил рядом с ушаковцами, вместе с ними долго думая одну думу, долго мучился одними и теми же неудовлетворёнными потребностями, а только потому, что так обязывает программа» [11. С. 22].

Далее Г.Н. Потанин поясняет:

«Прочно только то, что основано на сознании самого общества; и вот для этого-то следовало бы Светлову, скромнее относясь к своей личной персоне и не преувеличивая значения своих небудничных интересов, заглянуть под ушаковские крыши и прислушаться к той жизни, которая там бьётся. Человек, принимающийся за дело без тщеславия, сознаёт, что он не больше как слуга того общества, которому служит...» [Там же. С. 24].

Из предыдущего высказывания вытекает убежденность Потанина в том, что роман о Сибири должен быть адресован местному читателю, а изображенная областная жизнь не может являться только материа-

лом творчества, наоборот, авторский замысел должен подчиняться этой жизни, местным интересам. Можно сказать, что в статье «Роман и рассказ в Сибири» выстраивается своеобразный идеологический круг: сибирский писатель, сибирские вопросы, сибирский читатель.

Отыскивая причины отсутствия в регионе полнокровной литературной жизни, Г.Н. Потанин отмечает следующее:

«Причина этого обстоятельства, как нам кажется, заключается в особом строении сибирского общества. Как известно, в нём не было никогда дворянства, и оно состояло только из крестьян, мещан и, частью, купцов. Место дворянства, которое в России является главной движущей силой в умственном отношении, здесь занимало чиновничество; его мы обыкновенно разумели под именем образованного общества в Сибири; но только часть его и то, собственно, мелкое чиновничество, не отличающееся высоким образованием, вполне принадлежало к местному населению по своему происхождению; остальная часть была слишком удобоподвижна и так слабо привязана к краю, что не могла в отношении его играть ту же роль, какую играло в провинциях европейской России прочно привязанное к своим усадьбам дворянство» [11. С. 18].

Следовательно, для полнокровной литературной жизни в регионе необходима местная интеллигенция, которая совместит в себе сибирское происхождение и европейскую образованность. Возможно, именно потому так горячо и язвительно в статье осуждается Светлов, имеющий всё, чтобы стать достойным представителем местной образованной общественности, но вернувшийся в родной город «не с теми», по мнению критика, намерениями и убеждениями.

Учитывая постоянное, часто болезненное, внимание Потанина и Ядринцева к имперской ситуации резкого возвышения столичного центра над подчиненными ему регионами, данная литературно-критическая программа может быть прочитана с точки зрения теории социальных полей П. Бурдьё, что позволит теоретически корректно осмыслить позицию сибирского литератора.

П. Бурдьё рассматривает литературный процесс как расположение и перемещение агентов культурного производства в одном социальном пространстве, названном полем [13. С. 367–368]. Ученый выделяет две противоположные позиции, в которых может находиться литератор: место в центре поля и место на периферии [Там же. С. 368]. Под центром литературного поля логично понимать столицу, под периферией — провинцию. По мнению Бурдьё, существование в поле изначально укоренившихся сил лишает писателя, поэта и т.д. уникальности жизненного пути, заставляя выстраивать свою траекторию (как творческую, так и биографическую) по уже существующим типам [Там же]. Следовательно, для провинциального писателя траектория уже задана: ему необходимо занять место в центре литературного поля, получив «освященность», признание других писателей [Там же. С. 380–381] или любую реакцию на себя от агентов, доминирующих в поле [Там же. С. 382]. Если символическое покорение столицы — утверждение в

центре поля – не случилось, то у писателя остается еще несколько стратегий поведения: выход из поля или обращение к «низким жанрам и к низким формам основных жанров («областной» или «народный» роман)» [13. С. 439–440].

Согласно теории Бурдьё, Г.Н. Потанин занимает в поле имперской литературы положение на периферии: родился в провинции [1. С. 9], выходец из казацкой военной среды [Там же. С. 14], до поездки в столицу учился в Омском военном училище [Там же. С. 16]. Поездка в Петербург не привела к вхождению в «пантеон», она не предполагала и попытку «покорения» столицы, скорее помогла Потанину понять расположение сил в поле и оценить свою позицию в нем. П. Бурдьё, рассматривая ситуацию неуспеха, указывает на ее двойственность: «...“провал” <...> может быть и добровольно претерпеваем, и избираем поневоле» [13. С. 375]. В случае Потанина и Ядринцева можно говорить о «провале» добровольном, так как областники уклонились от борьбы за столицу. Вместо этого они займются выстраиванием литературного субполя в Сибири, выбрав вторую, по Бурдьё, стратегию поведения после неуспеха. Избранная траектория диктует иную, отличающуюся от столичной эстетику, которая и отразилась в эссе «Роман и рассказ в Сибири», ставшем своеобразным манифестом литературного областничества. И, возможно, главный упрек, адресуемый И.В. Омулевскому, заключается в том, что писатель не сумел занять центральное место в формируемом литературном пространстве.

В конце статьи Г.Н. Потанин, рассуждая о судьбе Н.И. Наумова, делает замечание, что писатель, покидая свою родную область, лишается литературного дара [11. С. 39]. В качестве доказательств он ссылается на судьбы Гоголя, Шевченко, Решетникова. Потанин прямо не заявляет, но вполне ощутимо дает понять, что может существовать только областная, местная литература. А тогда не вызывает удивлений предложение критика отказаться от славы читаемого, широко известного писателя (возможно, даже не столько от самой славы, сколько от мечты о ней) и всю жизнь прослужить местным делам и местным интересам. На основе сказанного можно заключить, что областник сознательно разрушает ключевую для литературного поля оппозицию «центр – периферия», пытается превратить всё поле имперской культуры в сумму отдельных, самобытных областных словесностей.

Такова эстетическая программа областничества в понимании Г.Н. Потанина. Ее подробное рассмотрение помогает понять одну из главных причин неуспеха собственного романного проекта Потанина и Ядринцева: областники, манифестируя приуроченность героя к одному месту, сами того не осознавая в полной мере, пытаются в одном тексте соединить идиллическую доминанту, которая неизбежно актуализируется идеологической установкой «служить своему», а потому, в частности, требует пребывания героя в исходном локусе, и романную, для которой необходим выход героя из своей локальности.

Как получилось, что роман и идиллия оказались противопоставлены? Особенности романной формы мы вкратце осветили ранее, теперь обратимся к идил-

лии. Подробно специфику идиллического хронотопа рассматривает М.М. Бахтин. По мысли философа, идиллия представляет собой один из возможных хронотопов в романе [14. С. 373]. Главнейшим в идиллии, по Бахтину, является следующее: «...органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром» [Там же. С. 374]. Философ называет также две сопутствующие черты: во-первых, ограниченность «только основными немногочисленными реальностями жизни» [Там же], во-вторых, «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни» [Там же. С. 375]. Рассуждая о семантическом первообразе идиллии и развивая мысли Бахтина, В.И. Тюпа недавно подытожил: «Коммуникативная стратегия дискурсов упокоения – *центростремительна*, поскольку социальная ситуация покоя принципиально замкнута в своих границах» [15. С. 129]. Бахтин указывает, что идиллия послужила одной из ступеней в истории романа, обусловив несколько векторов его развития [14. С. 377]. Нас в первую очередь интересуют следующие направления: областнический роман и разрушение идиллии.

Что представляет собой пространство романа «Тайжане»? В каких взаимоотношениях окажутся разворачивающееся романное начало, связанное со становлением героя и поиском своего места в мире, и идиллическое?

Обсуждение проблемы хронотопа следует начать со следующего замечания: выбор Сибири местом действия программирует целый ряд принципиально важных черт. Вплоть до последних десятилетий XIX в. в русском образованном обществе над точными и исчерпывающими знаниями о регионе, которых на самом деле собрано уже было немало, главенствовал миф «далекой земли», призванный заполнить лакуну на культурной «карте». Поэтому «азиатская» территория России была мифологизирована самым противоречивым образом: с одной стороны, «Сибирь уже прочно вошла в литературу и устную мифологию как символ ссылки» [16. С. 24], которая «воспринималась равносильной смерти» [Там же], с другой стороны, это было пространство свободы от крепостничества и безземелья, «золотое дно» с безграничными запасами ресурсов [17. С. 69], страна крестьянского счастья. В то же время под влиянием ссылки регион превращается в место пестрого и парадоксального скопления одновременно и преступных элементов, и интеллигенции («декабристов, петрашевцев... полков» [16. С. 25]). К этому добавим, что представление «Сибирь – место каторги и ссылки» со временем трансформируется в иное: «Сибирь – место очищения от греха, место духовного воскресения» [18. С. 11–14]. В сюжетной типологии русского романа, по Ю.М. Лот-

ману, Сибирь становится местом наказания за грех, после которого следует возрождение [10. С. 723–725]. В.И. Тюпа продолжил анализ лиминального сибирского хронотопа, проследив изображение зауральского пространства в ряде произведений разных веков, и выделил черты, по которым можно распознать пространство как некий «антимир», «ад» и т.д. [19. С. 254–264].

Представление о зауральских владениях империи как о русском «Эльдорадо» нередко оборачивалось разочарованием. В конечном счете неоднозначный характер территории находил отражение в художественных текстах о Сибири всех литераторов, имевших «сибирский опыт», причем акцентируемые черты образа региона зависели от обстоятельств пребывания писателя в Сибири, его мировоззренческой и культурной установок, условий, диктуемых эпохой [20]. Особенности территории, остро воспринятые литературой, позволили исследователям выделить так называемый сибирский текст, говорить об особенностях хронотопа, удивительным образом сочетающего в себе идиллическое и inferнальное [19. С. 254–264].

Именно структура хронотопа романа «Тайжане» позволяет включить его в сибирский текст русской литературы. Inferнальные черты выступают на первый план при изображении тайги, быта прииска и таежных обитателей. Присмотримся внимательно к эпизоду, в котором представлен путь главного героя к прииску:

«Ехать по такой дороге *мучительнее*, чем по сыпучим пескам Туркестана. Тело лошади колеблется, и вместе с нею наверху раскланивается с каждой елью тайги. Грязь летит из-под копыт, садится на платье и образует глиняные футляры на ногах путников. Бубенчики под шеей лошадей позвякивают *монотонно* и в той же степени *убаюкивают мысль*, в какой качка *усыпляет* тело. Извольте так прокататься целый день, а то еще и несколько дней, потому что большая часть приисков лежит *глубоко* в тайге. Качаться в седле надоело, а сойти с лошади и идти пешком невыносимо – грязь по колено. Приедешь на прииск, чувствуешь, будто *спустился* в глубокий рудник по грязной *лестнице*» [3. С. 13–14].

Здесь мы видим две черты inferнального хронотопа. Во-первых, дорога ведет вниз, сам прииск расположен на дне ямы. То есть место действия в некотором смысле – мир, расположенный под землей. Во-вторых, путь туда мучителен для героев, качка усыпляет. Муки и сон, путь вниз по лестнице – приметы соприкосновения с лиминальным пространством [19. С. 254–264].

Третья черта «Тайжане» вычитывается из разговора Ваныкина с попутчиками по дороге к прииску:

«– Что ж никто не скажет об этом золотопромышленнику?

– А кому сказать-то? *Все боятся!* Верует ему шибко барин-то! Народ жжат, пикнуть не смеют. То же никому неохота посидеть в яме!

– В какой яме?

– *Яма* такая у них есть, два венда только сверху, а окошка нет. *Мертвые тела* туда кладут. Кто провинится, туда же сажают. Неделью-то как подержат в этой яме, самый здоровый мужик выйдет оттуда, шатается, как *тень*. На свет-то не может взглянуть сразу – отвыкает» [3. С. 15].

Страх наказания окутывает все пространство прииска. Яма-могильник, в которую не проникает свет и которая поглощает все силы здорового человека, превращая его в тень, становится местом концентрации всего пугающего, злого в изображаемом пространстве.

Каким предстанет перед героем цель его путешествия – прииск?

«Перед ними открылся прииск как на блюдечке. Широкая *падь*, образованная двумя *скатами*, в самом *низу* которой, вероятно, текла речка, была в беспорядке застроена домами различной величины. В центре виднелся дом золотопромышленника, одноэтажное длинное здание с крыльцом на переднем фасаде и с садом сзади. Кругом были построены квартиры для «слуга», контора, казармы для рабочих, больница, двухэтажные амбары с галереями и красными дверями. Все это было окружено очищенным от леса местом, так густо усеянным торчащими пнями, что поле походило на скошенное жнивье, которое было засеяно колоссальной пшеницей. Кругом, как *стена*, еловый лес» [Там же. С. 18].

Приведенный отрывок указывает на три ключевые черты в описываемом пространстве: нагнетается его низинное положение, в образе стены леса подчеркивается замкнутость и ограниченность локальности, упоминанием о протекавшей здесь некогда реке акцентируется сходство места с царством мертвых. Отмеченные особенности находят подтверждение и в дальнейшем повествовании:

«Дорога вывела на край «разреза», то есть огромной *ямы* с *отвесными боками*, внутренность которой вынута и или отвезена в сторону и сложена в «отвалы» или промыты на машине. На оголенных *стенах* разреза росли ели, корни которых жилообразно разветвлялись в обнаженных зимних слоях. *Дно ямы* было усеяно людьми, как муравейник; одни, с подвязанными головами, с каплями пота на лбу, долбили землю кайлами; другие на ручных тачках отвозили откопанный песок на машину; люди двигались взад и вперед; местами были распределены «нарядчики», которые смотрели за прилежанием рабочих; их можно было отличить по одежде, галстукам из красных платков и по отсутствию пота на лицах» [Там же. С. 18–19].

Приведенная цитата не только развивает изначально заданные черты «ада», но и захватывает новые благодаря визуальному и слуховому восприятию прииска героем (вид рабочих, занятых тяжелейшим трудом, как будто в наказание):

«Болезненный крик несся из лесу у разреза и приковал к себе внимание Ваныкина. Он скоро разглядел полотнояную простыню, подвязанную углами к ветвям елей; на ней лежал ничком рабочий; он был в забое, на него обвалилась целая стена разреза, пригнула его голову к ногам, и у него преломился становой хребет; кожа и мускулы порвались. Он оглашал тайгу неистовыми стонами; смерть его была неизбежна...» [Там же. С. 19].

Образ рабочего, занятого бесполезным трудом и прямо названного повествователем Сизифом, становится завершением картины адского хронотопа: «Посередине разреза на пустой площадке какой-то Сизиф

в броднях, красном платке на лбу и в грязной рубаше в лохмотьях бил огромным кузнечным молотом по огромному монолиту; он должен был разбить его, хотя в этом не было никакой практической цели для прииска; это была кара за какое-то ослушание» [3. С. 19]. Здесь четко усматривается прямое указание на древнегреческое царство мертвых, функционально тождественное христианскому аду.

Черты тайги-ада нагромождаются друг на друга, концентрируясь в важнейших для понимания авторского отношения к золотопромышленности местах; такое построение образа указывает на мифопоэтическое осмысление пространства сибирского прииска, что было вполне традиционно для построения романного сюжета XIX в.

С другой стороны, авторы постепенно подводят читателя и к иному восприятию рудника, которое сложно соотносится с освещенным только что. Конструирование образно-топографической связки *тайга – тюрьма* достигается способом, который можно назвать кумулятивным: Потанин и Ядринцев добавляют в разных местах то одну, то другую черту тюремного быта. Первой подвижкой к осмыслению тайги как места заключения становится часто употребляемая солдатами и арестантами фраза, как бы случайно промелькнувшая в речи собеседника главного героя по пути на прииск: «Господи, кака власть над людьми дана!» [Там же. С. 15]. Уже приведенное нами указание на замкнутость, ограниченность пространства и сравнение леса со стеной становится еще одной чертой осмысления территории тайги как места неволи. Следующим шагом развертывания образа в намеченной перспективе выступает деталь во внешности рабочих: «...снимали шапки и раскланивались, иногда обнаруживая половину бритой головы по-арестантски» [Там же. С. 19]. Указанная особенность не случайна в образе рабочих, так как на прииске они полностью зависимы от хозяина, а сбежавших ловят и наказывают. «Нарядчики», контролирующие труд, исполняют функции тюремных надзирателей.

Прямое название тайги тюрьмой принадлежит Наталье, сестре главного героя:

«Тайжанка жалуется на скуку в тайге. Она называет тайгу тюрьмой. Ваныкин смотрит в окно. Действительно, кругом прииска облегал еловый лес плотную черною стеной; острые вершины елей напоминали очень острожные пали» [Там же. С. 33].

Следует отметить, что высказывание девушки становится для Ваныкина в некотором роде открытием. Только после ее замечания он начинает критично относиться к пространству, в которое попал. Именно в речах Натальи в дальнейшем повествовании будет нагнетаться образ тайги-тюрьмы:

«— Наша тайга это — «трюм», — говорит Наталья. — Знаешь, что такое трюм? Это подвальный этаж в городских тюрьмах. Тут вечная игра, пьянство, пороки; это дно человеческого общества. Я сама не видала его, но одна моя подруга описала мне его в письме, и она сделала сравнение» [3. С. 34].

Инфернальный хронотоп помимо всего перечисленного проявляется и в изображении «дикости» таежной жизни («дикость» здесь может рассматривать-

ся как противоположность цивилизованности). Мы уже говорили о бесчеловечности условий быта прииска, в его удаленности от центров цивилизации. В романе хорошо заметна неоднородность пространства: в море всеобъемлющей дикости отыскиваются «острова» образованности: кабинет Геллерта и быт Бронислава Казтановича. Присмотримся к ним внимательнее.

Кабинет хозяина прииска, изображенный Потаниным с почти гоголевской бытописательной достоверностью, выглядит следующим образом:

«Кабинет Геллерта представлял отрывок европейской культуры, занесенный в тайгу, как кипрей и осот занесены с деревенских пашен на приисковые отвалы. На стенах висели портреты немецких музыкантов и поэтов, гравюры Рембрандта, бюстики Гете и Шиллера. Широкий шкаф вмещал не менее 200 томов, где, кроме Лессинга и других немецких классиков, была многотомная «Азия» Риттера. У другого простенка стояла горка с редкостями, окаменелостями и древностями, вынутыми из золотоносного пласта, самородок самый большой, найденный в Паисиевском прииске и лежавший на свидетельстве от горного правления, и разные замечательные поделки европейского вкуса. Под столом лежала вместо ковра шкура исторического медведя, который был убит в то самое время, как торжественно въезжал в Паисиевский прииск на корове, в которую завязал лапу. В углу стоял столик для приема золота; над ним вески и магнит, а под ним тяжеловесный окованный сундук, в котором была медная урна с замком — сюда-то всыпалось ежедневно золото и хранилось под надзором ун<т>-ера, то есть сибирского казака» [Там же. С. 22].

При этом в романе «интеллектуальная» наполненность кабинета не свидетельствует об интенсивной жизни ума Геллерта. Всё, представленное читателю, для немца не более чем способ создать комфорт вокруг себя. Иная картина наблюдается в описании быта ссыльного поляка, в образе которого представлен истинно образованный человек:

«Он попал нечаянно в гости к уединенно-жившему обывателю Брониславу Казтановичу. Все ему в его квартире показалось не по-провинциальски: куча книг, Сэй, Смит, Воловский, Рошер, Милль; полуразрушившийся от страданий и занятий организм хозяина; огненный взгляд, в контрасте с утлым телом; его обращение со слугой на вы: «Не стучите там так громко, Леонид!» Католическое имя слуги, шляпа, которую хозяин не снимал и в комнате — все переносило Ваныкина в страну, wo die Cytronen blühen» [Там же. С. 17].

Очевидно, что создание интерьеров в тексте служит для характеристики ключевых героев. Эта характеристика образов нужна Потанину для выражения идеи, «тенденции», сводящейся к артикуляции «местных вопросов»: фигура немца, в частности, позволяет автору указать на отсутствие подлинной сибирской интеллигенции, на подмену ее внешне культурными, но бесконечно чуждыми сибирской жизни людьми. Поляк тоже не может удовлетворять запросам автора, так как его заботят больше проблемы человечества, прогресса и науки, а не местные нужды.

Примечательно, что, по Ю.М. Лотману, инфернальное начало является одним из сюжетных архети-

пов русского романа, герой которого, по Ю.М. Лотману, словно обязан оказаться в Сибири: «Сибирь оказывается исключительно существенным моментом пути героев» [10. С. 724] и «...очень показательно именно для русского варианта, что – и при отсутствии ссылки или каторги – воскресение происходит именно в Сибири» [Там же. С. 725]. Вместе с тем логически развертываемая тема тайги-ада прерывается темой идиллии.

В романе она получила меньшее воплощение. Идиллическое начало конструируется с помощью приёмов ретроспекции и пейзажа. В первый раз идиллические черты мы можем проследить в изображении фантазий отца Ваныкина:

«Отец мечтал об счастье провинциала: завести свой дом, свою скотину, свою заимку – это был идеал сибирского блаженства. Он любил воображать себя сидящим за чайным столом; молодая жена сына разливает душистый чай; сливки не купленные, а от собственной коровы; маленькая внучка на коленях» [3. С. 16].

Н.М. Ядринцев, развивая созданный Потаниным образ, включает в свой вариант романа изображение «одной из станиц Киргизской степи», где окончивший гимназический курс Ваныкин присматривается к опозитизированной жизни и культуре киргизов, совершает путешествие на Алтай [4. С. 242–243].

Проводником идиллических мотивов в структуре «Тайжан» становится образ ссыльного поляка Бронислава Каэтановича, увлекающего молодого героя рассуждениями о всеобщем счастье людей. Идиллические мотивы звучат как в желании Ваныкина «войти в границы, приурочиться, локализоваться» [3. С. 34], так и в пейзажах, противопоставленных по эмоциональной окрашенности inferнальному облику прииска:

«...он ощущал мех – мягкий и сухой; он растянулся вдоль колоды, положил голову на руки и стал прислушиваться к тихим звукам тайги и приглядываться к почве, видневшейся между стеблями травы. Он нередко проводил такие часы в наблюдении над жизнью таежных крошек. Небольшое пространство, на которое смотрел Ваныкин, собрало на себе кучу миниатюрных реликвий прожитой жизни маленьких таежных лицедеев; старый брошенный кокон, похожий на изношенный стоптанный башмак крошечного лешего, валялся у подножия сараны, которая только что выпустила первый пучок своих листьев и походила очень на крошечную пальму, на красавицу Габеш в миниатюре. <...> Маленький паучок с американской быстротой прокладывая свои блестящие рельсы и висячие мосты и одну питательную ветвь прикрепил даже к носу Ваныкина. Долго любовался Ваныкин этими сценами, как вдруг услышал разговор вблизи» [Там же. С. 38].

Ближе к концу черновика образ тайги предстает перед читателем несколько в ином свете – опозитизированным, благостным:

«Тайга обхватила их со всех сторон. Ели толпятся здесь, как тростник речной, тонкие, до половины высоты с засохшими сучьями; аршинный мох чихрица висит с ветвей деревьев, как сталактиты под сводами пещеры; в этом частоколе так тесно, что стволы

сгнивших берёз стоят, опираясь на соседей, тогда как внутри их одна труха. Под сводами елей рос гороховник, в виде снопа, с горизонтальными растопыренными листиками, которые торчат в воздухе, точно тысячи ручек фальконетова Петра. В этой тайге бойко стучат по камешкам быстрые падуны, разные громотухи, гремячие ключи и прочее. Весело они шумят, эти единственные резвые дети тайги, только они одни пользуются привилегией нарушать ее величественное молчание. Они сливаются в речки, которые тихо, в еловых коридорах, текут по долинам тайги. Тайга – океан; без компаса заблудишься» [3. С. 60].

Максимальная степень поэтизации (и романтизации) наблюдается в следующем фрагменте:

«Глухая, торжественно-уединенная тайга производила сосредотачивающее на путников действие, точно храм. Чувства человеческой гордости притмирили перед ее величием. И действительно это был храм богу свободы и жизни, куда бежали вольные люди, соболевщики от кривых судов, праведней, податей и скитники, унося с собой св. Паисиев» [Там же. С. 61].

Образ Сибири у соавторов конструируется еще из одной пары взаимоисключающих свойств: мир провинциальной типичности и сибирского экзотизма.

Экзотическим (с точки зрения читателей, не живущих в Сибири) следует считать описание передвижения персонажей через тайгу, быт золотого прииска. Вместе с тем интерес для читателя европейской части России может представлять включенный Ядринцевым в текст исключительно сибирский колорит в образах местных купцов, интерьерах их домов и картинах торгова в Сибири:

«Отыскивая кяхтинского торговца, ведшего большие дела, или желая видеть управляющего заводом, он попадал и какую-то каморку, уставленную сундуками, завешенными пламенными коврами, с маленьким столиком, на котором стоял только хрустальный графин и рюмки да тарелка кислой капусты, этот единственный атрибут всякой коммерческой сделки или контракта на слово. Хозяина купца он находил часто на дворе перед кучею укубариваемых воев, посреди груды кож с кислым запахом, около бродней, полушубков, канатов и рожек» [4. С. 244].

Авторы акцентируют самобытность, необычность езды купцов:

«Так катили возвращавшиеся тюменские купцы, забавляясь лихою ездой. Лихая езда в привычке сибиряков, и с Урала уже начинается её предвестие. Про эту езду ходит много анекдотов. Проскакать 2 станции в 60 вёрст кряду в карьер здесь ничего не значит. Ямщики удивляют скоростью доставки. Лошади ни во что не ценятся при табунах скота» [5. С. 226–227].

А глава «Старые нравы Тюмени» содержит подробное описание купеческого разгула [Там же].

Что подразумевается под *провинциальной типичностью*? Йенс Херльт в статье *о городе N* выделяет следующие атрибуты провинциальности: безымянность (N, NN, Глупов, Скотопригоньевск и т.д.) города, символизирующая *одинаковость* всех провинциальных городов; скука как фон действий; сатирическое изображение действительности; удаленность топоса от столицы и непохожесть его на деревню;

вторичность по отношению к Москве и Петербургу, проявляющаяся через подражание столицам; бессобытийность, разрушаемая приездом некоего чужеродного элемента и т.д. [21. С. 81–100]. Попробуем применить эту объяснительную стратегию к «Тайжанам».

Быт прииска отражает в себе некоторые перечисленные выше черты: в тексте подчеркивается, что дни протекают однообразно, какое-либо биение жизни начинает прослеживаться только с приездом Ванькина. На подражательность быта прииска указывает использование французского высказывания Цитроновым [3. С. 48]. Однако пространство романа гетерогенно: помимо Паисиевского прииска в поле зрения авторов оказывается Томск, Тюмень, Киргизская степь и еще ряд локусов.

Парадоксальным образом Томск, будучи явно провинциальным городом (во всяком случае именно в таком облике спустя менее чем два десятилетия он предстанет в сибирских письмах А.П. Чехова), во фрагментах, принадлежащих перу Н.М. Ядринцева, отступает от предписанных литературной традицией норм «провинциальности». Несоответствия проявляются прежде всего в топографической точности автора: потенциальный читатель знает, что действие происходит в реально существующем городе, название которого не скрывается за безликим *N* или *NN* и который стоит на реке Томь. Чтобы создать неповторимый, уникальный образ города, писатель использует некоторые сведения из его истории и повседневного быта: упоминает некогда живших в городе масонов [4. С. 232, 252], курсировавший между Томском и Тюменью пароход «Ермак» [Там же. С. 234, 253], период разгуга преступности и пожаров, Мухинский бугор, Ушайку [Там же. С. 246], Юринскую гору [Там же. С. 251].

Ядринцев также характеризует жизнь в Томске как «кипучую» [4. С. 246], что явно не укладывается в образ провинциального города, которому литературная традиция предписала скуку и бессобытийность. Подспудное уравнивание Томска и столицы просматривается и в следующем пассаже: Ванькину, едва оказавшемуся в городе и созерцающему его праздничное оживление, «грязилась какая-то улица Лондона из романов Диккенса» [Там же. С. 236].

Итак, что же представляет собой пространство романа? В литературной традиции сложилась бинарная оппозиция: столица – провинция; пространство романного проекта стремится занять срединное положение, образуя весьма противоречивое и, возможно, даже неестественное сочетание: inferнальное / идиллическое, критическое («тенденция» в терминологии областников) / романтическое, экзотическое / провинциально-типичное.

Противоречивый хронотоп диктует неоднозначность характера героя и, как следствие, трудности в построении сюжета. Как заметил Н.В. Серебрянников, образ Ванькина до конца не ясен ни для соавторов, ни для читателя [6. С. 161]. Из наблюдений ученого следует, что Потанин и Ядринцев оказались в творческом плане «между Сциллой и Харибдой»: с одной стороны, прописывая путь Ванькина, они опасались представить на суд читателя бледную копию Светло-

ва, а с другой – не хотели превратить его в картонного, ходульного героя, имеющего слабое отношение к «правде жизни» и вторичного по отношению к уже известным героям романов столичной классики [6. С. 163–165].

Наиболее точно и ярко понял суть Ванькина сам Ядринцев. В письме к Потанину он дал герою такую характеристику: «многие личности будут в походе, в вояже, особенно Ванькин» [3. С. 105]. Далее областник развивает свою мысль: «Сам он есть повод для изображения обстановки, а потому я было увлекся этой обстановкой, забыв совершенно о герое, который давно посажен мной куда-то на стул, да так и сидит-дожидается» [Там же. С. 106]. Стоит заметить, что сидящим на стуле и ожидающим Ванькин получился и у Потанина: на прииске главный герой не совершает активных действий, не получает самостоятельность потому, что является лишь средством постановки «местных вопросов»; в пределах дошедшего до нас текста он нужен авторам либо для осуждения быта и алчности золотопромышленников, либо для указания на отсутствие местной интеллигенции и подмену ее ссыльными, т.е. элементами, принципиально чуждыми Сибири.

В письме к Потанину Ядринцев отметит в Ванькине черты культурного дикаря. Мы находим это замечание справедливым, так как в таком амплуа главный герой выступает и на прииске, и в Томске: он, как и потенциальный читатель, впервые видит тайгу, дороги в ней, быт золотопромышленника, квазистолничную жизнь города и т.д. Однако мы предполагаем, что эта особенность Ванькина является результатом не сознательной авторской установки, а рефлексией над уже написанными черновиками.

При этом «пустота» в образе героя позволяет ему аккумулировать целый спектр повествовательных стратегий: в «Тайжанах» можно проследить черты и романа-становления, сводящегося затем к не реализованным в полной мере биографическим траекториям «провинциал в столице» и «утраченные иллюзии», и авантюрного романа (добыча денег в тайге во время золотой лихорадки).

Судя по эпистолярному наследию Потанина и Ядринцева, подлинно романский сюжет становления Ванькина не входил в изначальные планы ни одного из соавторов: фигура Ванькина, уезжающего из Сибири, возникает только во втором наброске. Можно предположить, что в ходе работы над текстом главный герой показался писателям необходимым для *связи всех сцен*, рождавшихся в воображении областников. Затем, видя и осознавая художественную невыразительность и схематичность образа главного героя, соавторы наполняют его фрагментами своих собственных биографий: Ядринцев «подарит» Ванькину опыт учебы в томской гимназии, наделит героя «кинородческими» чертами внешности Потанина, прочертит путь юноши к просвещению через фигуры ссыльного поляка и Силезина, а затем направит в сторону Петербурга; Потанин в свою очередь отправит Ванькина знакомиться с жизнью золотоносного прииска. Следовательно, из-за *вынужденного* возникновения главного героя, из-за постановки во главу угла темы

штрафной колонизации и нравов тайги [3. С. 116], романное начало, требующее выхода героя из исходного локуса, не получает своего воплощения. Жанр очерка и фельетона («Это фельетонный роман, так и в примечании скажем» [3. С. 116]) поглощает жанр романа: эстетическая концепция областников одновременно требует от соавторов большое беллетристическое произведение из сибирской жизни и не позволяет ему быть таковым.

Подведем итог. Романский проект Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжане» строится на двух противоречащих друг другу и разрушающих друг друга стратегиях: идиллической, включающей в себя все «благостное», «приуроченное», «локальное», и романной (пороговой), в которую входит острая критика действительности и устремленность в иные пространства. Проти-

воречие проистекает из особенностей сибирского хронотопа, а также положения соавторов в литературном поле, их неудачной попытки «покорить» центр и созданной эстетической программы, ставшей следствием выбора пути в социальном пространстве. Всё отмеченное выше не позволяет выстроить внятный, сбалансированный, самостоятельный образ главного героя, носителя романного начала: он не может двигаться одновременно по взаимоисключающим траекториям, не может остаться в Сибири, в своих детских мечтах и чаяниях, и не может вырваться из начального локуса, построить свою биографию как преодоление пространственно-символических «порогов». Именно из-за этой «структурной» непроявленности, бледности героя, отсутствия в его пути полноценного становления текст приближается к очерку и не получает своего логического завершения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004. 244 с.
2. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004. 208 с.
3. Потанин Г.Н. Тайжане. Историко-литературные материалы / сост. Н.В. Серебренников. Томск, 1997. 304 с.
4. Ядринцев Н.М. Из романа «Тайжане» / публ. и коммент. Н.В. Серебренникова // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 232–252.
5. Ядринцев Н.М. «Начало романа «Тайжане»» / публ. и коммент. Н.В. Серебренникова // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / под ред. К.В. Анисимова. Красноярск, 2010. С. 224–232.
6. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. 308 с.
7. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
8. Тмарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М., 2011. 400 с.
9. Тмарченко Н.Д. Роман // Поэтика: словарь актуал. терминов и понятий / науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М., 2008. С. 215–216.
10. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 712–729.
11. Потанин Г.Н. Избранное / сост. и автор предисл. А.П. Казаркин. Томск, 2014. 400 с.
12. Айзикова И.А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 83–97.
13. Бурдьё П. Поле литературы // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 365–472.
14. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.
15. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М., 2013. 211 с.
16. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
17. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. 328 с.
18. Шатин Ю.В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 11–16.
19. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. 3-е изд. М., 2009. 336 с.
20. Анисимов К.В. Климат как «закоснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 5 (99). С. 98–114.
21. Херльт Й. «Этот город странен, этот город непрост...»: о литературной истории «города N» // Contributions suisses au XV-e congrès mondial des slavistes à Minsk, août 2013. Bern, 2013. С. 81–100.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 января 2018 г.

THE TAIGANS BY G. POTANIN AND N. YADRINTSEV AS A PREDESTINED FAILURE: THE POETICS OF THE CONCEPTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 24–32.

DOI: 10.17223/15617793/427/3

Roman A. Grigorenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: roman13-grigorenko@yandex.ru

Keywords: G.N. Potanin; N.M. Yadrintsev; regionalism; novel; chronotope; idyll; poetics.

This article analyses the novel project of the leaders of Siberian regionalism G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev which was not completed and up to 1997 was unavailable for literary scholars' reflection. Recently three fragments of the unfinished text have been found and published. The first and the largest contains a picture of a mine, the second depicts the life of Tomsk and the third spotlights the way of life and customs of Siberian merchants. Scholars have reviewed the history of the text creation, reconstructed the paths along which the main idea was changing, the thematic and aesthetic lines of the co-authors. However, a unified view on the genre nature of Potanin and Yadrintsev's work has not been elaborated, and its narrative structure has not been thoroughly studied. The very reason of how and why the regionalists' idea of the novel collapsed has never become a point for scientific discussion either. Therefore, the aim of the present article is the explanation of the creative debacle of the co-authors by analyzing the features of the architectonics of the text and its genre dominants. To conduct the research in the given direction the author appealed to the theoretical heritage of M.M. Bakhtin, N.D. Tamarchenko, Yu.M. Lotman, V.I. Tyupa. The study of the peculiarities of the Siberian chronotope in the novel required the use of research works by N.V. Serebrennikov, K.V. Anisimov and Yu.V. Shatin. Alongside with the analysis of Potanin and Yadrintsev's novel, the career of the both authors in literature was revised in the perspective of Pierre Bour-

dieu's theory of literary field. The analysis revealed that the novel project by Potanin and Yadrintsev is based on two contradictory strategies: idyllic, which includes everything that refers to the semantics of "blissful", "dedicated", "local", and novelistic, which in terms of the plot presupposes hero's crossing numerous thresholds and includes sharp criticism of reality and the depiction of the main character's aspirations in other social spheres. This article proves that the unintentional undermining of the novel's viability by the authors is based on the coincidence of several factors: 1) peculiarities of the Siberian chronotope, which was mythologized and combined a number of directly contradictory characteristics in Russian literature; 2) the position in the literary circle of the both co-authors, who, as ideologically motivated provincials, aborted their attempts to "conquer" the centre; 3) the aesthetic program created by Potanin who summoned the regional writer to dedicate his destiny to the social milieu of his homeland. All mentioned above, as it is argued in the article, did not allow Yadrintsev and Potanin to build a coherent, balanced, independent main character, the main actor on the belletristic scene. Thus, the character was compelled to move simultaneously in mutually exclusive trajectories, i.e. he could not stay in Siberia, in his childhood dreams and aspirations, but also could not escape from the initial locus in order to construct his biography as a sequence of crossing the spatial and symbolic "thresholds". It is because of this "structural" incompleteness, the pallor of the character, the absence of a complete formation in his life that the approaches to the narration did not obtain their logical and artistic completion.

REFERENCES

1. Shilovskiy, M.V. (2004) "*Polneyshaya samootverzhennaya predannost' nauke*". G.N. Potanin: *Biograficheskiy ocherk* ["Complete selfless devotion to science." G.N. Potanin: a biographical essay]. Novosibirsk: ID "Sova".
2. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the last encyclopedist of Siberia: The experience of comprehending the personality]. Tomsk: Izd-vo nauchno-tekhnicheskoy literatury.
3. Potanin, G.N. (1997) *Tayzhane. Istoriko-literaturnye materialy* [The Taigans. Historical and literary materials]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Yadrintsev, N.M. (2007) Iz romana "Tayzhane" [From the novel "The Taigans"]. In: Kazarkin, A.P. & Serebrennikov, N.V. (eds) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture* [Siberian text in Russian culture]. Is. 2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Yadrintsev, N.M. (2010) <Nachalo romana "Tayzhane"> [<The beginning of the novel "The Taigans">]. In: Anisimov, K.V. (ed.) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national plot space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
6. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the formation of regional literature]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of the literature of Siberia of the 19th – early 20th centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Tamarchenko, N.D. (2011) "*Eстетика словесного творчества*" M.M. Bakhtina i russkaya filosofsko-filologicheskaya traditsiya ["Aesthetics of Verbal Creativity" by M.M. Bakhtin and the Russian philosophical and philological tradition]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy.
9. Tamarchenko, N.D. (2008) Roman [Novel]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual. terminov i ponyatiy* [Poetics: the dictionary is relevant terms and concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy: Intrada.
10. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 712–729.
11. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected works]. Tomsk: Tomskaya poligraficheskaya kompaniya.
12. Ayzikova, I.A. (2017) The image of a Siberian writer in literary criticism and journalism of G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev (the 1870s–1900s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 83–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/6
13. Bourdieu, P. (2014) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteya. pp. 365–472.
14. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
15. Tyupa, V.I. (2013) *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow: Intrada.
16. Dameshek, L.M. (ed.) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Rodigina, N.N. (2006) "*Drugaya Rossiya*": obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka ["A different Russia": the image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
18. Shatin, Yu.V. (2016) Nekhludov's journey to Siberia: the problem of initiation. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 11–16. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/55/2
19. Tyupa, V.I. (2009) *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of the artistic text]. 3rd ed. Moscow: Akademiya.
20. Anisimov, K.V. (2009) Klimat kak "zakosnelyy separatist". Simvolicheskie i politicheskie metamorfozy sibirskogo morozha [The climate as an "obdurate separatist". Symbolic and political metamorphosis of the Siberian frost]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5 (99). pp. 98–114.
21. Herlth, J. (2013) ["This town is strange, this town is not simple . . .": about the literary history of the "town of N"]. Contributions suisses au XV-e congrès mondial des slavistes à Minsk [Swiss contributions to the XV World Congress of Slavists in Minsk]. August 2013. Bern, pp. 81–100. (In Russian).

Received: 28 January 2018

НОМИНАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ В ТЮРКСКОМ И СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: СЕМАНТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сопоставляются наименования персонажей низшей мифологии в разнотипных языках – татарском и русском – с точки зрения их фонетического облика, семантического наполнения, потенциала формирования производного значения. Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о схожести метафорически обусловленных процессов вторичной номинации, протекающих в разных языках. Такое подобие определено общностью этической оценки явлений у народов, имеющих значимые социальные и культурные различия.

Ключевые слова: мифология; мифоним; славянские языки; тюркские языки; вампир; упырь; мэцкэй; двоедушник.

Принято считать, что мифология как первичная мировоззренческая система является основой культуры любого народа. Изучение и сопоставление аналогичных или, напротив, уникальных мифологических сюжетов и образов, распространённых в разных геокультурных ареалах, позволяют обозначить особенности менталитета того или иного народа, в том числе его ценностные приоритеты; выявить межэтнические контакты, результаты взаимовлияния различных народов; ответить на многие вопросы истории, этнологии, культурной антропологии.

Глобальная картина мироздания в языческой культуре выстраивается, в основном, посредством характеристики богов, героев, присущих им функций, качеств и родственных связей. Этими мотивами пронизаны практически все космогонические и эсхатологические, антропогонические и генеалогические мифы. В свою очередь, персонажи низшей мифологии не определяют мироздание так масштабно, однако они ближе к человеку, к его повседневному быту, его чаяниям и опасениям, они в большей степени метафорически отражают те явления жизни, те социальные и личностные свойства, с которыми человек сталкивается каждый день, которым он вынужден и может противостоять. Кроме того, приобщение народов к монотеистическим религиям традиционно вытесняло из народного сознания образы языческих богов и героев, заменяя их близкими по функциям святыми, в то время как демонологические персонажи не покидали орбиту народного интереса и внимания, сохраняя в себе отголоски наиболее древних мировоззренческих элементов.

Представление о доминировании во внешнем мире враждебных сил способствовало появлению в мифологии народов мира ряда отрицательных персонажей, угрожающих жизни и здоровью человека, его благополучию, безопасности его имущества. Часто таким персонажем выступает существо, живущее за счёт физических сил человека (пьющее его кровь, поедающее его плоть, спинной мозг и т.д.), насылающее болезни, способное подчинять себе волю человека, управлять его поведением: индийские ветапы, индейские вендиго, китайские гуи, арабские гули, еврейские эстри, римские лемуры, скандинавские утбурды, западноевропейские вампиры, русские упыри, татарские и башкирские упыры, чувашские вупары и др. Во многих мифологических традициях подобные су-

щества выступают воплощением страха смерти, особенно смерти насильственной, неестественной. Незвестность, ожидающая за гранью смерти, пугала, но вместе с тем не менее страшным казалось потерять душу, существовать на земле без души, без того, что делает человека человеком, личностью. Не случайно современный человек так же, как и его далёкие предки, прежде всего опасается утратить свою сущность, вероятно поэтому такой явный коммерческий успех имеют продукты массовой культуры – комиксы, романы ужасов и фильмы ужасов, компьютерные игры, в которых поднимается тема одержимости демоном или тема зомби. В век, когда средства массовой информации, рекламные и политические технологии, различные секты способны навязать человеку определённое мнение, кардинально изменить его поведение, тема потери души как никогда актуальна.

А.А. Потебня писал, что «язык есть главное и первообразное орудие мифологии» [1. С. 303], миф не может находиться вне слова. В мифе имя персонажа, личное (например, Зевс, Кали, Ахурамазда) или родовое (например, дриады, волкодлаки, пери), по сути своей, уже большая часть его сущности, часть его облика. По законам словесной культуры, называя персонажа, мы уже его характеризуем.

Среди всех перечисленных персонажей наибольшая популярность в современной массовой культуре принадлежит вампиру, мифологическому персонажу, ставшему известным благодаря роману Б. Стокера «Дракула», а также его многочисленным киноверсиям. Современное представление о вампире, во многом романтизированное, весьма далеко ушло от истинного мифологического облика этого персонажа. Тем интереснее вернуться к истокам данного образа, в частности, к номинирующей его лексеме.

Интерес к происхождению мифонима *вампир* проявили лингвисты ещё XIX–XX веков. Так, И.Л. Лось в статье «Вампир в мифологии», опубликованной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1890–1907 гг.), подчёркивал, что «вампир – слово неизвестного, хотя довольно позднего происхождения», и указывал, что слово встречается «в немецком, романских и большинстве славянских языков; но его нет ни в церковнославянском, ни в средневековой латыни, ни даже в древне- и средненемецком языке. На Запад Европы оно перешло из Германии, куда, в свою очередь, перенято было от славян» [2. С. 479]. И.Л. Лось

также указывает на семантическую и фонетическую связь лексем *вампир* и *упырь*, объясняя разницу в фонетическом облике слова наличием носовых гласных, которое исторически имело место в языке: «...двойко произносится в славянских наречиях: вампир и упырь (вторая форма древнее). В большинстве случаев эти два слова имеют одно значение: именно они обозначают вставшего из могилы мертвеца, который высасывает кровь у спящих людей» [2. С. 479]. В.И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка относит к слову *упырь* также пометает: «Этимология неясна» [3].

М. Фасмер также пишет: «Реконструкция праславянской формы сопряжена с трудностями: **orǫgъ* или **orǫgъ*» [4. С. 165] и высказывает предположение, что слово *вампир* одного корня с *нетопырь* (род летучих мышей), поскольку в преданиях вампир часто принимает облик летучей мыши. Однако превращение упыря в летучую мышь – недостаточно распространённый мотив в фольклорных сюжетах (есть варианты превращения в кошку, собаку, свинью, сову), чтобы можно было с уверенностью говорить о такой этимологии данной лексемы.

Гораздо убедительнее выглядит версия А.А. Потебни, который ещё в 1865 г. возводил слово к глаголу *пить*: «Руск. упир<...> можно отнести к корню *пи*, так что упир – существо пьющее, упивающееся. Из этого основного представления вытекают все значения, какие мы видели» [5. С. 280–281]. Предположение А.А. Потебни выглядит логичным, ведь одно из свойств упыря состоит в том, что он *пьёт* кровь своих жертв, однако сам исследователь, указывая на родственность слов *вампир* и *упырь*, отмечает, «...вамъ удовлетворительно объясняется старинной формою предлога у», всё же обратил внимание на то, что появление в корне лексемы *упырь* (*упир* – *упырь*) гласной «-ы- объяснить трудно» [Там же. С. 281].

В то же время появление гласной -ы- можно объяснить, если учитывать версию тюркоязычного происхождения этого слова, которой придерживался ряд лингвистов – Ф.К. Миклошич, А.Г. Преображенский, Н.К. Дмитриев – и которая нашла отражение в Толковом словаре Д.Н. Ушакова: «Упырь, упыря, м. (тат. – злой дух; обжора)» [6]. Несмотря на мнение М. Фасмера, который считал, что «популярное толкование из тат. *убур*» «сомнительно в фонетическом отношении» [4. С. 165], именно фонетический облик слова заставляет сопоставить славянское *упырь* и татарское *убыр*. Эта версия поддерживается и с точки зрения семантики, так как, согласно труду В.В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» (1893), *убыр* – «мифическое существо», а восходит лексема к корню *уп-* (с пометами «казанское наречие», «тобольское наречие»), который, в свою очередь, имеет значения: 1) Всасывать в себя; 2) Проглотить; 3) Глотать с жадностью, пожирать; 4) Много и без пользы уничтожать [7. С. 1780]. То есть *убыр* – существо мифического происхождения, которое высасывает, пожирает, уничтожает; это те же характеристики, посредством которых описывают и славянского упыря. С нашей точки зрения, разумно предположить, что мифологический образ и лексема, его номинирующая, имеют общий источник.

Неясность этимологии славянской лексемы *упырь*, которую отмечают многие лексикографы, может объясняться её заимствованием из тюркских языков, в частности, из татарского, в котором словарями зафиксировано наличие производящей морфемы, имеющей семантику, соответствующую характеру мифологического персонажа. Вероятно, татарская лексема *убыр*, оказавшись в среде славянских языков, пережила фонетическую адаптацию, свойственную процессу заимствования. Возможно и другое направление этого процесса: славянская мифология и мифология тюркоязычных народов породили сходный образ сверхъестественного существа, пьющего, высасывающего кровь у людей и животных, при этом образ был номинирован лексемой, имеющей корень со значением «пить» (*пи-* – в древнерусском языке) [7. С. 280–281], со значением «высасывать, пожирать» (*уп-* – в татарском языке) [7. С. 1780; 8. С. 464], со значением «хлебать, глотать» (*ор-* – в древнетюркском) [9. С. 387]. В результате культурных контактов у славянского *упир* под влиянием татарской лексемы *убыр* появилась новая форма – *упырь*.

Интересно, что производным от тюркского корня *уп-* в чувашском языке является глагольное имя *вупар*, также означающее мифическое существо, которое «наваливается на спящих, вызывая удушье и кошмары, насылая болезни» [10. С. 254]. Здесь можно предположить, что данная лексема опосредованно могла повлиять на образование слова *вампир*, так как форма (*вьпирь*) прежде всего свойственна для болгарского языка [11. С. 549], в котором сильна группа тюркоязычных заимствований. Но при этом нельзя не учитывать и историческую связь болгар и чувашей, в этногенезе которых участвовали древние булгары.

На схеме представлены возможные пути формирования мифонима *вампир*.

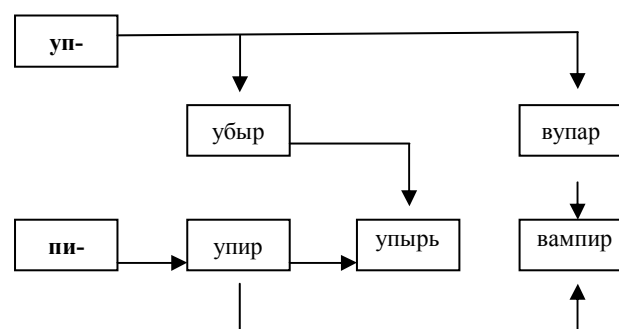

Рис. 1. Возможные пути формирования мифонима *вампир*

В.Н. Басилов также считает, что образ *вупар* близок *убыру* в мифологии татар и башкир, отчасти *упырю* восточных славян, мяскаю тобольских татар [10].

Образ *мэцкэй*, относящийся к группе вредоносных духов, является уникальным в ряду как славянских, так и тюркских мифологических персонажей. Важным аспектом этого образа является возможность стать мэцкэй при жизни. Упыри и упыры чаще всего представляют собой персонажей мира мёртвых, которые по разным причинам обретаются среди живых, хотя в некоторых славянских поверьях также отмечается возможность существования упырей, обладаю-

щих живым человеческим телом, но зловредной демонической душой. Так, Е.Е. Левкиевская сообщает, что «украинцы верили и в живых упырей – тех, чья душа могла временно покидать тело и вредить людям. Такие упыри прячут душу под камень и, пока она там, не могут умереть» [12. С. 498]. Однако в историях о мэцкей часто подчеркивается невинность человека-«носителя» злого духа, он преимущественно выступает в роли жертвы, а не источника зла.

Таким образом, с одной стороны, мэцкей свойственны атрибуты и повадки упыря: синие губы, красный язык, потребность пить кровь людей и животных, способность насылать болезни и беды, с другой стороны, в отличие от упыря /упыра, мэцкей обладает двумя душами, одна из которых – демоническая – может достаться по наследству, а может быть приобретена при жизни в результате контакта со злым духом. Представление о мэцкей как о человеке с двумя душами бытует также в турецких мифах, согласно этим мифам, «*тескеу* умирает в молодом возрасте, а вторая душа продолжает жить в лесу, охотясь на зверей и людей» [13].

В мифах сибирских татар отражено, что мэцкем может стать только женщина: девочка рождается с одной душой, а вторую может получить в наследство от женщины по линии матери или отца. После этого человек становится *мэцгай*. «В дневное время ведет жизнь обычного человека, в ночное превращается в злого духа и охотится на людей» [Там же].

Интересно, что и в славянской мифологии (в польских, украинских, словацких мифах) присутствует персонаж, заключающий в себе две души – человеческую и демоническую. Двоедушник днем ведет себя как обычный человек, а ночью засыпает непробудным сном и бродит по округе в образе коня, зайца, собаки, кошки, летучей мыши и т.п. существ. Двоедушник обладает способностью поднимать мощный ветер, и если попытаться его задержать, то он может убить силой этого ветра. Двумя душами, как и мэцкей, могут обладать и мужчина и женщина. Согласно славянским мифам двоедушником можно стать при рождении в результате предосудительного поведения родителей (нарушения бытовых или религиозных запретов) или в результате несчастного стечения обстоятельств. После смерти двоедушник может превратиться в упыря, если не будут совершены нужные обряды [14. С. 160].

В тюркоязычных и славянских мифах человек с двумя душами заболевает и умрет, если во время сна, когда демоническая душа бродит по свету, его перевернуть на ложе ногами к изголовью. И в той, и в другой мифологической традиции считается, что тогда мэцкей или двоедушник не сможет найти свое тело, отчего и наступает смерть [15].

Ареал распространения лексемы *мэцкей* в Тюменской области локализован на территории Вагайского и Тобольского районов. Приведем пример мифа о мэцкей, записанного в деревне Ишменеве Тобольского района (говор жителей данного населенного пункта относится к заболотному. Респондентом является Суюндукова Синникамал Абдразулловна 1935 года рождения. Текст записан 30.07.2015):

мэцгай пулгъан ул // ул йоргэн кеше тэ пулгъан // йоргэн ней / пылай йел / йел пулгъан инте иул / мене Вациртэ пулгъан // ул / нимэ / Танай къорткъайакъ пулгъан // оннэм кэлэйте ите / инэм кэлэйткэн ите // йома гонно тите / йома цай эцкэле йоройвос тите Вацирта // пестэ цай эцтех тите / къорткъайахлар кучэй йыйылып тите // аннан тите нес эйтэпс тите // эйтэн Танай эвэгэ керэйех / йома кон кбуй погон // кучэй кереф киттех тите // Танай эвэгэ керэк тите / шэнгэ йасагъан ти пер оссон тахта / шэнгэ пешиерей йататы игэн ти // эй / нес кергэц ти / шэнкэне меецкэ салыф ифэрте тите / ул шэнкэ пешиерей цыхты тите / самавыр уцыф евэрте / цай уцты тите / цай гъайнатты тите // утыртты тите // пер олло мынтай йован тава тите шэнкэне тите эссетеф утыраты майгъа / пасырып утыраты / пасырып утыраты тите // нес эйтэпес тите / Танай эвэ / пы нимэгэ пыгъатлем кэн пешиерей кбуйтын // нес йана гына цай эцеп цыккъан кбуй / аны ник пылай пешиерей хуйтын // ашарфыс тиф хуйаты тип эйтэте тите // йэ / пыгъатлемне ашаф хуймарфыс инте тиф / аннасын ашангъалы утыртых тиф эйтэте // ашап утыртых / нес перэр цынайах цай эцтек тэ утыртых тип // пы усе ашап утыраты / ашап утыраты / пер йован тава шэнкэне ашап кбуйты / цайны та эцеп кбуйты // иул ашайты / иул ашайты // пескэ тыга та пирмэйте / нес остэл къаватта утырафыс тип // анасын усе сыхтаф йевэрте тип // къасер сес миннэн кбурыхман тип эйтэте тите / мин къасер алай аш пелэн генэ усемне пасам тип // киц килгэн сыйырымны / тостэн килте тип эйтэте тите / кон кбунгъансын // кон кунгъансон сыйыр килгэц / мин кбурегъа кереф сыйырымны савып утыртым тип эйтэте тите // сыйырымны савып йарты пэтрэ сот саугъайын итем тип эйтэте тите / кбуранын ишегеннэн сыймайын пер оссон кеше керте тип эйтэте тите кбуранын эценэ // къасер / тип эйтэте тите / сотонно / саугъан сотонно / эцсэн эцеф хуй / эцмэсэн / пагърат / усенне йотам тип эйтэте тите // мин нимэ кбыйлангъанымны пелмэй ул сотно эцтем тэ кбуйтым пэтрэсе пелэн кутэреп тип эйтэте тите / аннан сон мене пылай вулыф киттем / усемне къасер аш пелэн генэ пасам тип эйтэте тите // аннан сыхтаф йефэрте тите //

Перевод:

мэцгай был он // он был живым человеком // жил ведь / так ветер / ветром был вот / вот в Ачирах был // он / что / Танай старухой был // бабушка рассказывала / мама рассказывала // в пятничный день / говорит / пятничный чай пить ходим в Ачирах // и мы чай попили / говорит / вместе со старухами // потом / говорит / мы говорим / давайте к Танай сестре зайдём / пятничный день ведь сегодня // говорит / кучей все зашли к ней // говорит / к Танай сестре зашли // она шаньги сделала / говорит / одну большую доску / оказывается она шаньги готовит / говорит // эй / когда мы зашли / говорит / она шаньги в печь поставила / говорит // эти шаньги испеклись / говорит // она самовар поставила / говорит / чай поставила / говорит // чай вскипятила / говорит // поставила / говорит // одну такую большую посуду //

говорит / греет шаньги в масле // накладывает / накладывает / говорит // мы говорим / Танай сестра / ты зачем так много напекла // мы ведь только что чай попили / зачем так много напекла // съестся / говорит она // ну / столько ведь мы не сможем съесть // потом мы сели поесть / говорит // сидели ели / мы по чашке выпили и сидим // эта сама сидит ест / всё ест и ест // одну большую посудину одна съела / и чай весь выпила // всё ест / всё ест // нам и помолиться не дает // мы сидим возле стола // потом она сама заплакала // сейчас вы меня не бойтесь / она говорит // я сейчас себя только едой и останавливаю // поздно пришедшую корову / из леса пришедшую / после заката // после заката я сидела в стайке и корову свою доила / говорит // когда я надоила половину ведра молока / говорит / не влезая в дверь стайки / один длинный человек вошел внутрь // сейчас / он говорит / молоко / надоенное молоко / или выпьешь / если не выпьешь / орет / тебя саму проглочу / говорит // я не зная что делать / взяла это молоко и выпила всё / что было в ведре / говорит / после этого я стала вот такой / себя сейчас только едой и останавливаю / говорит // потом заплакала //

Респондент утверждает, что данный рассказ является достоверным, потому что участником этого происшествия была ее бабушка. На реальность происшедшего указывает и конкретное имя женщины, в которую вселился злой дух, – Танай эвэ. Более того, все опрошенные респонденты единодушно уверены в реальности существования мэцкэй. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что мэцкеем, в отличие от славянского двоедушника, можно стать без какой-либо своей вины или вины своих родителей, т.е. опасность нежелательного приобщения к темным силам угрожает каждому человеку.

Этимологические источники связывают происхождение лексемы *мэцгэй* с древней основой *би:жэин* / *bi:gin*, которая имеет шесть значений: 1. Обезьяна; 2. Название девятого года двенадцатилетнего животного цикла; 3. Название созвездия Плеяд; 4. Злой дух (тюрк.); 5. Рыба; 6. Божья коровка; водяной жук; насекомое, плавающее на воде; слизняк [16. С. 128].

При анализе мифонима наиболее актуально четвертое значение: злой дух. В этимологическом словаре татарского языка единица *мэчкэй* трактуется как 'старуха ведьма' [17. С. 143]. В переносном значении слово *мэцкэй* означает обжору, что на семантическом уровне роднит эту лексему с мифонимом *убыр*, образованным, напомним, от корня *уп-* со значением «высасывать, пожирать».

Говоря о переносном значении лексем, называющих демонологических персонажей, нельзя не отметить тот факт, что все они посредством процесса метафоризации становятся основой для вторичной номинации человека. При этом отрицательная коннотация лексем сохраняется. Так, мифоним *упырь* в русском языке имеет следующие переносные значения: 1) Злой, жестокий человек; 2) Убийца; 3) Алчный человек, живущий на чужом труде, чужом горе, что наблюдается во многих примерах: *Все думают, что продюсер – это такой упырь, клещ-спиногрыз*

для артиста, который высасывает не только творческий потенциал, но и финансовый (А. Шульгин. Комсомольская правда. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/22680/22203>); *Ну вот, допустим, нам говорят: Сталин упырь, уничтожал людей, через колено ломал крестьянство, расстрелял всё поголовно командование РККА, потому виноват в отступлениях, блокаде* (О. Туханина. Комсомольская правда. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26195.5/3082721>); *Целовал ли его «монстр», «палач», «хамелеон», «врожденный садист», «упырь», «один из самых знаменитых в истории злодеев Берия?»* (А. Терехов. Каменный мост. 1997–2008). Тождественной семантикой обладает и лексема *вампи́р*: *Споры о социальной и национальной значимости крупного бизнеса не утихают со времен «Железной пяты» Джека Лондона, в которой финансово-промышленные магнаты были изображены эдакими социальными вампирами, подмявшими под себя государство и истово сосущими кровь из угнетённого народа* (Д. Карцев. Самый нужный бизнес. Русский репортер. 2013), с той, впрочем, разницей, что, в отличие от упырей, вампирами в переносном значении именуют людей, совершающих не столько физическое, сколько психическое, духовное насилие, например: *И ничего, кроме ненависти, эти вампиры молодых души не могли к себе вызывать* (А. Солженицын. В круге первом. Новый мир, 1990. Т. 1); *Он оказывается чем-то вроде домашнего вампира, без конца оскорбляющего родных, совершенно этого не замечая* (А. Кузнецова. Функции ума // Октябрь. 2002). Очевидно, переносное значение в обоих случаях формировалось на основе главной опасности, исходящей от персонажа-демона: продлевания своего существования за счёт физических или душевных сил человека. Как видим, негативная оценка дается прежде всего этическим качествам характеризуемого человека.

Лексема *мэцкей* имеет два переносных значения: 1) Обжора, прожорливый, ненасытный; 2) Алчный. Первое из них в большей степени связано не с этическими, а с физическими характеристиками человека, хотя отрицательная коннотация очевидна и здесь, второе же значение аналогично семантике метафоры, основанной на образе *упыря* / *вампира*. В то же время следует отметить, что второе переносное значение слова *мэцкей* – алчный человек – является производным и носит локальный характер (дер. Малый Кондан Вагайского района), что было зафиксировано Г.Ч. Файзуллиной в ходе полевых исследований татарских говоров Тюменской области. Исследователи отмечают: «При переносе значения сохраняется семантическое ядро 'прожорливый, ненасытный': прожорливый злой дух → прожорливый человек → алчный человек (ненасытный в материальных благах) [15. С. 60]. Например, *мэцгэй амыс* (рот [как у] вампира) «жадный до еды, денег».

Интересно, что одним из значений, свойственных лексеме *вампи́р* – человек, оказывающий на окружающих людей разрушительное психическое влияние, – обладает также диалектная татарская лексема *купкын*, в прямом значении означающая мифологического персонажа – злого духа трагически погибшего человека, умерщвляющего своих жертв путем удушения, и

нередко употребляющаяся в качестве синонима слова *убыр* (В.Н. Басилов считает лексему *купкын* синонимом слова *мэцкей* [10]), а в переносном плане имеющая значение жестокого мучителя своих близких и родных (о пьющем мужчине). Например, *шал купкын потра ойон элак кылты* (перевод: этот купкын всю семью измучил).

Таким образом, можно утверждать, что лексические процессы формирования прямого значения ми-

фонима и вторичной номинации, основанной на метафоре, протекают одинаково в разносистемных языках. Причиной этого является общность этической оценки явлений у народов, имеющих значимые социальные и культурные различия, и это, безусловно, свидетельствует в пользу общей природы этических ценностей. Данные языковые процессы и сегодня нуждаются в изучении и семантической интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М. ; СПб. : AKADEMIA, 2003. 373 с.
2. Лось И.Л. Вампир в мифологии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. V (1892): Вальтер – Вениги.
3. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / авт.-сост. В.И. Даль. 2-е изд. СПб. : Типография М.О. Вольфа, 1880–1882.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : Прогресс, 1987. Т. 1.
5. Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1865. Апрель–Июнь. Книга вторая. М. : Университетская типография, 1865. С. 1–310.
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 (4 т.). URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovuj_slovar_russogo_jazy (дата обращения: 03.03.2016).
7. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 2: Гласные. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1893.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М. : Наука, 1974. 767 с.
9. Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1969. 677 с.
10. Басилов В.Н. Вупар // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1: А–К. 671 с.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2: (К–Я). М. : Сов. энциклопедия, 1988. 712 с.
12. Левкиевская Е.Е. Упырь // Мифы русского народа. М. : Астрель, Аст, 2000. 527 с.
13. Mhachkay. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Mhachkay> (дата обращения: 02.03.2016).
14. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских преданий. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 672 с.
15. Zamaletdinov R.R., Faizullina G.C. Metaphorization of mythonyms as the way of a person secondary nomination in the Siberian dialects of tatar language // Journal of Language and Literature. 2015. Vol. 6, № 2. S. 59–63.
16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.
17. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань : Тат. кит. нәшр., 2001. 272 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 октября 2017 г.

NOMINATION OF LOWER MYTHOLOGY CHARACTERS IN THE TURKIC AND SLAVIC LANGUAGE CONSCIOUSNESS: SEMANTIC AND CULTURAL ASPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 33–38.

DOI: 10.17223/15617793/427/4

Elena N. Ermakova, Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Branch) of Tyumen State University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: ermakova25@yandex.ru; e.n.ermakova@utnn.ru

Maya V. Prokopova, Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Branch) of Tyumen State University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: m.v.prokopova@utmn.ru

Guzel Ch. Faizullina, Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Branch) of Tyumen State University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: utgus@mail.ru

Elena V. Prokutina, Tobolsk Industrial Institute, Branch of Tyumen Industrial University (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: e-prokutina@mail.ru

Keywords: mythology; mythonym; Slavic languages; Turkic languages; vampire; ghoul; metskey; dvoedushnik.

The names of the characters of the lower mythology in Russian and Tatar are compared: their phonetic design and semantic content. In heterogeneous languages there are lexemes that denote a creature living at the expense of the physical forces of people (drinking their blood), sending diseases that can subdue people's will (*vampire*, *ghoul*). The analysis of the linguistic material is based on the data of the explanatory and etymological dictionaries of the Russian and Tatar languages, as well as the information of reference books on mythology. Methodologically, the study is based upon the principles of the research approach, according to which a linguistic sign is viewed in the unity of its structure and content as an object of an integral system that includes this sign into its space and creates conditions for the representation of its specificity and laws. The main method is the method of identifying linguistic units functioning at different times, and units of different languages with the same meaning; private methods – methods of word-formation analysis and semantic description – are also used. As an illustrative material, the records made during folklore and dialectological expeditions (2014–2016) in the rural settlements of Tyumen Oblast are used. The academic novelty of the research consists in attracting the field material demonstrated for the first time, in the presentation of a detailed analysis of the polysemantic structure of dialect units (words and phraseology). The observations allowed the authors to draw a conclusion about the phonetic connection between the words *vampir* [vampire] and *upyr'* [ghoul] and their common constituents in the semantic sense. In this case, the results of the mutual influence of different peoples, their common ethical evaluation of phenomena with significant social and cultural differences were significant. However, in each language (*dvoedushnik* [double soul] in the Slavic mythology), along with similar components of the mythological image, there are unique ones. Thus, among the Turkic mythological characters there is an image of the harmful spirit *metskey*, whose uniqueness is in the fact that, according to popular beliefs, one can become it in life, while ghouls (*ubryi*) usually represent the characters of the world of the dead. It is connected with the functioning and distribution of mythonyms in different geo-cultural areas, with the peculiarities of the mentality of particular peoples, with their value priorities. On the one hand, the study allows the authors to state that, in general, the formation of the meanings of mythonyms and lexemes of secondary nomination in dif-

ferent languages are similar; on the other hand, the results of the research reveal the specific features of the formation of secondary nomination, allowing to reconstruct a fragment of the ancient national language picture of the world, which, in its turn, helps solve one of the urgent problems of modern linguistic semantics.

REFERENCES

1. Potebnaya, A.A. (2003) *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow; St. Petersburg: Akademia.
2. Los', I.L. (1890–1907) *Vampir v mifologii* [Vampire in mythology]. In: Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [Brockhaus and Efron's Encyclopaedic Dictionary: in 86 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: Semenovskaya Tipografiya I.A. Efrona.
3. Dahl, V.I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya M.O. Vol'fa.
4. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Progress, T. 1.
5. Potebnaya, A.A. (1865) *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete. 1865. April'–Iyun'* [Readings in the Imperial Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University. 1865. April–June]. Book vtoraya. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 1–310.
6. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Moscow: Gos. in-t "Sov. entsikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. [Online] Available from: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovyj_slovar_russogo_jazyk. (Accessed: 03.03.2016).
7. Radlov, V.V. (1893) *Opyt slovary tyurkskikh narechiy* [Experience of a dictionary of the Turkic dialects]. Vol. 1. Part 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
8. Sevortyan, E.V. (1974) *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic vowel stems]. Moscow: Nauka.
9. Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., & Shcherbak, A.M. (1969) *Drevnetyurkskiy slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka.
10. Basilov, V.N. (1987) *Vupar* [Ubir]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
11. Tokarev, S.A. (ed.) (1988) *Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
12. Levkievskaya, E.E. (2000) *Upyr'* [Ghoul]. In: Levkievskaya, E.E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. Moscow: Astrel', Ast.
13. Wikipedia. (n.d.) *Mhachkay*. [Online] Available from: <https://en.wikipedia.org/wiki/Mhachkay>. (Accessed: 02.03.2016).
14. Grushko, E.A. & Medvedev, Yu.M. (2001) *Entsiklopediya russkikh predaniy* [Encyclopedia of Russian lore]. Moscow: EKSMO-Press.
15. Zamaletdinov, R.R. & Faizullina, G.C. (2015) Metaphorization of mythonyms as the way of a person secondary nomination in the Siberian dialects of tatar language. *Journal of Language and Literature*. 6:2. pp. 59–63. DOI: 10.7813/jll.2015/6-2/10
16. Sevortyan, E.V. (1978) *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic b-stems]. Moscow: Nauka.
17. Akhmet'yanov, R.G. (2001) *Kratkiy istoriko-etimologicheskiy slovar' tatarskogo yazyka* [Brief historical and etymological dictionary of the Tatar language]. Kazan: Tat. kit. nashr.

Received: 25 October 2017

АКУСТИЧЕСКИЕ И ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАСНЫХ /u/ И /ʊ/ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО НОВОСТНОГО АНАЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Статья опубликована в рамках НИР по базовой части гос. задания 34.6414.2017/8.9.

Акустический анализ выявил продвижение гласного /u/ во всех типах контекста, выраженное в большей степени, чем для гласного /ʊ/. Разница обусловлена дистрибуционными отличиями и разными вероятностными характеристиками этих гласных в потоке речи. Перцептивный эксперимент продемонстрировал, что переднерядные реализации на месте канонически заднерядного /u/ большинством аудиторов-британцев интерпретируются как гласные /i/, /ɪ/, /e/, что приводит к соответствующим квазичередованиям в морфемах и словах.

Ключевые слова: британский вариант английского языка; канонически заднерядные гласные /u/ и /ʊ/; согласный контекст; продвижение вперёд; квазичередования.

Введение

На данный момент развития британского варианта английского языка продвижение вперёд гласных /u/ и /ʊ/ можно считать довольно устойчивой тенденцией, о которой неоднократно писали как зарубежные, так и отечественные лингвисты, включая Дж. Уэллза, А. Гимсона, Дж. Парсона, Т.В. Медведеву, Т.И. Шевченко, М.В. Безбородову [1; 2; 3. С. 27; 4; 5. С. 57; 6; 7]. Проведенный нами пилотный эксперимент на материале речи четырёх носителей британского варианта английского языка показал, что процесс продвижения вперёд продолжается, при этом продвижение гласного /u/ выражено сильнее, чем гласного /ʊ/ [8]. Следует подчеркнуть, что, согласно результатам пилотного эксперимента, для гласного /u/ процесс продвижения вперёд выражен в большей степени в безударной позиции, где количество гласных реализаций переднего ряда возрастает более чем в 1,5 раза [Там же. С. 52].

Здесь необходимо сделать оговорку о методике определения ударной и безударной позиции в речи. Общеизвестно, что английский язык – это язык, в котором присутствует категория словесного ударения. Однако не менее известно, что маркированные, с точки зрения словесного ударения, сегменты могут оказаться немаркированными в речи; кроме того, имеются слова, которым по большей части не свойственна отмеченность ударением в речи – артикли, инфинитивная частица *to*, союзы и т.д. (см. подробнее, например, теорию В. Лефельдта об акценте и ударении [9]). Осознавая указанные языковые факты, при определении ударности или безударности конкретного гласного сегмента мы руководствовались не только наличием или отсутствием словесного ударения, которое прописано в соответствующих словарях [10, 11], но и реализацией или нереализацией известных ведущих коррелятов ударности – длительности, интенсивности и качества гласного (степень открытости производная от длительности) в потоке речи [12–17]. Также отметим, что мы не считаем нейтральный гласный единственно возможным безударным редуцированным гласным. Согласно исследованиям Л. Хитчхока и С. Гринберга [15], в безударную позицию попадает не только /ə/, но и другие узкие гласные: /i/, /ɪ/, /e/, /ʊ/, /u/. На материале американских

качественно редуцированных гласных в спонтанной речи было показано, что направление редукции в безударной позиции задают окружающие согласные и гласные соседних слогов, и, поскольку переднеязычные согласные встречаются чаще, то самым частотным безударным редуцированным гласным оказываются закрытый и среднезакрытый гласные переднего ряда (более и менее продвинутые) – /i/, /ɪ/, реализуемые на месте предполагаемого словарем нейтрального гласного [18. С. 67–75]. Мы ожидаем, что схожая тенденция будет проявляться и в британском варианте английского языка при попадании гласных /u/ и /ʊ/ в безударную позицию, предполагающую качественную редукцию.

Целью акустического анализа была верификация данных, полученных в ходе предыдущего пилотного эксперимента на более статистически представительном материале и при привлечении большего количества дикторов. Акустически (значения первой и второй формант – F1, F2) продвинутые вперёд реализации гласных /u/ и /ʊ/ схожи с реализациями гласных /i/, /ɪ/. По мнению К. Чалдаковой и С. Хаманн [19], пересечение указанных гласных не материале изолированных слов не происходит. Между тем общеизвестно, что в потоке речи модификации фонетических единиц проявляются более ярко и реализуются в большем количестве. В связи с этим была выдвинута гипотеза о возможном пересечении этих гласных в восприятии носителей языка в условиях ограниченного контекста. Целью перцептивного эксперимента было проверить выдвинутую гипотезу о возможном фонологическом пересечении гласных реализаций переднего ряда на месте гласного /u/, традиционно относимого к заднему ряду, с гласными /i/, /ɪ/ и, как следствие, о возможной фонологической замене данного гласного на гласные переднего ряда.

Акустический эксперимент

Материал и методика исследования

Предыдущий пилотный эксперимент [8] проводился на материале речи четырёх коренных жителей-британцев мужчин старшего возраста, по оценкам экспертов – носителей RP. Дикторы были ведущими и гостями радиопередач BBC. В ходе акустического

анализа звукового материала длительностью звучания полтора часа были выявлены: 1) наличие продвижения вперёд обеих гласных фонем /u/ и /o/ при большей выраженности этой тенденции у /u/, 2) явная контекстная зависимость степени указанного продвижения для обеих фонем. Однако дисбаланс в количестве реализаций изучаемых фонем по каждому диктору и в характеристике дикторов по признаку «профессия» не позволили считать полученные данные окончательными и обусловили необходимость дальнейших уточнений.

Для того чтобы полностью сбалансировать корпус исследования по признакам пола, возраста, образования, социального статуса и профессии, из материала были изъяты два диктора, не являющиеся ведущими радиопередач. К оставшемуся материалу по двум дикторам добавился материал ещё по четырём дикторам в том же возрастном диапазоне (50–56 лет) с аналогичными образованием, полученным на территории Великобритании, и социальным статусом – ведущие радиопередач BBC [The Bottom Line; The Sound Track of my Life, The Business of Film; Confessions; BBC Radio London] и, соответственно, со значительным опытом публичного выступления. К новому материалу были применены те же правила сегментации и методики замеров F1, F2. Полученные результаты отражены в табл. 1. Кроме того, больший объем материала позволил дета-

лизировать типы контекста, к которым, помимо ранее выделенных выгодного, невыгодного и нейтрального контекста для продвижения интересующих гласных вперед, был выделен конфликтующий согласный контекст с противоположным влиянием предыдущего и последующего согласного на интересующий гласный. Уточненные данные отражены в табл. 2–3.

Обсуждение результатов акустического анализа

Согласно полученным результатам (см. табл. 1–3), тенденция большего продвижения вперед изначально более заднего гласного /u/ по сравнению с изначально менее задним гласным /o/, выявленная в ходе пилотного эксперимента, проявилась на материале всех шести дикторов. Вместе с тем отмечаются отличия. Более передний характер безударных реализаций /u/ по сравнению с его ударными реализациями наблюдался в речи половины дикторов. Для оставшихся трех дикторов тенденция оказалась противоположной. Между тем только для двух из шести разница значений F2 может быть интерпретирована как значимая (102 и 74 Гц для SB1 и SB6 соответственно). Для гласного /o/ безударные реализации для всех шести дикторов демонстрировали большее продвижение вперед по сравнению с его ударными реализациями.

Таблица 1

Качественные и количественные характеристики реализаций гласных /u/ и /o/ в ударной // и безударной // позициях во фразе (по шести дикторам)

Гласные	Параметры	Дикторы						Среднее
		SB1	SB2	SB3	SB4	SB5	SB6	
/u/ уд.	F1	352	350	326	336	335	350	342
	F2	1363	1577	1718	1653	1596	1532	1573
	D	130	98	87	101	103	110	105
	Кол-во	66	84	37	40	53	45	Итого: 325
	С переходом	17	17	16	5	13	10	Итого: 78
	Без перехода	49	67	21	35	40	35	Итого: 247
/o/ уд.	F1	427	426	401	415	394	390	409
	F2	1198	1189	1254	1244	1286	1245	1236
	D	72	67	61	89	69	92	75
	Кол-во	70	58	57	49	47	47	Итого: 328
	С переходом	3	2	10	4	5	2	Итого: 26
	Без перехода	67	56	47	45	42	45	Итого: 302
/u/ безуд.	F1	365	329	338	347	340	360	356
	F2	1465	1582	1708	1625	1587	1606	1545
	D	46	37	51	39	42	41	47
	Кол-во	31	20	67	65	37	54	Итого: 284
	С переходом	2	2	12	8	7	5	Итого: 34
	Без перехода	29	8	55	57	30	49	Итого: 240
/o/ безуд.	F1	434	424	390	387	363	387	398
	F2	1281	1380	1295	1334	1308	1274	1312
	D	39	39	42	41	47	50	43
	Кол-во	28	40	40	53	51	50	Итого: 262
	С переходом	4	4	7	16	15	9	Итого: 55
	Без перехода	24	36	33	37	36	41	Итого: 207

Детализация по типам контекстов показала следующее (см. табл. 2–3). У пяти из шести дикторов преобладающее большинство реализаций гласного /u/

(см. табл. 2) встретилось в выгодном для продвижения контексте (55%); почти в 2 раза меньше реализаций (28%) было отмечено в конфликтующем контек-

сте – втором по частотности. У SB3 отмечалось схожее количество реализаций в выгодном и конфликтующем контексте. Менее четверти (14,4%) реализаций встретилось в невыгодном контексте. Реализации гласного /u/ в нейтральном контексте сводились к минимуму (2,6%).

В выгодном для продвижения контексте было отмечено значительное количество переднерядных реализаций у большинства дикторов, лишь у одного (SB1) преобладали реализации центрального ряда. Количество реализаций заднего ряда в данном типе контекста практически не встретилось (2 из 334). Конфликтующий контекст в подавляющем большинстве случаев был образован предыдущим либо переднеязычным, либо среднеязычным согласным и последующим губным. В конфликтующем согласном контексте у четырёх из шести дикторов преобладали реализации центрального ряда, у двух остальных дикторов их количество незначительно превышало переднерядные реализации. Количество заднерядных реализаций оказалось весьма незначительным. Эти данные указывают на более сильное влияние предшествующего согласного, способствующего продвижению гласного /u/ вперёд, как минимум до центрального ряда.

Нейтральный контекст был представлен небольшим количеством реализаций (16 из 603), большинство из которых пришлось на реализации центрального ряда, и лишь у двух из шести дикторов (SB2 и SB6) встретилось незначительное количество реализаций переднего ряда. Заднерядных реализаций в данном контексте представлено не было. Невыгодный для продвижения контекст характеризуется наличием большего количества заднерядных реализаций, чем в других типах контекста (25% от общего количества реализаций в этом типе контекста, в то время как в остальных типах это число не превышает 5%). У пяти дикторов из шести в данном типе контекста преобладают реализации центрального ряда, а у одного из дикторов (SB4) количество реализаций переднего ряда преобладает над центральными. В целом в невыгодном для продвижения контексте отмечается одинаковое количество реализаций заднего и переднего рядов. Эти данные указывают на то, что во многих случаях продвижение вперёд имеет место даже в невыгодном контексте. В целом, у пяти из шести дикторов отмечается преобладание реализаций переднего ряда. У всех дикторов заднерядные реализации минимальны (см. рис. 1).

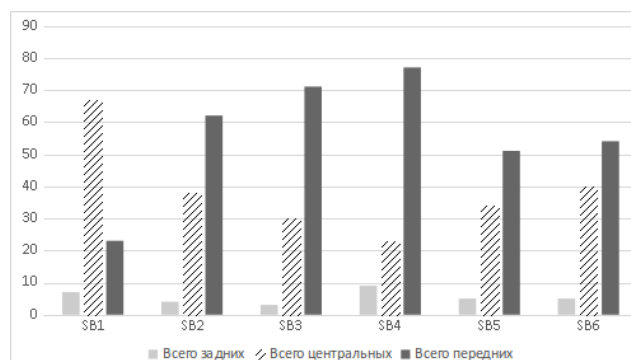

Рис. 1. Количество задне-, центрально- и переднерядных реализаций гласного /u/

У четырёх из шести дикторов наибольшее количество реализаций гласного /u/ с выраженными переходными участками по F2 от большего значения к меньшему наблюдалось в конфликтующем согласном контексте. У двух дикторов наибольшее количество таких реализаций пришлось на выгодный контекст. Это были случаи реализаций данного гласного в абсолютном исходе слова перед паузой hesitation с увеличенной длительностью.

Чуть более половины всех реализаций гласного /u/ (см. табл. 3), как и его фонологически долгой пары, встретилось в выгодном для продвижения контексте (55%). Меньшее количество (28%) реализаций приходится на конфликтующий контекст, оставшаяся часть (17%) – на невыгодный для продвижения контекст. Нейтральный контекст для данного гласного не встретился.

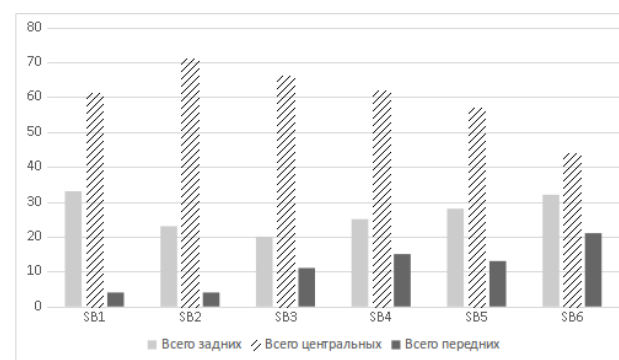

Рис. 2. Количество задне- центрально- и переднерядных реализаций гласного /u/

В выгодном для продвижения контексте реализации центрального ряда были преобладающими у всех шести дикторов и значительно превышали другие типы реализаций (в целом 74% от общего количества по всем дикторам). У четырёх дикторов из шести количество переднерядных реализаций значительно превышало количество реализаций заднего ряда, в то время как у двух других дикторов это количество было примерно одинаковым. Конфликтующий контекст для данного гласного в подавляющем большинстве случаев, в отличие от конфликтующего контекста для гласного /u/, был образован предыдущим губным или ретрофлексным согласным и последующим переднеязычным. В конфликтующем контексте у всех дикторов преобладали реализации центрального ряда над реализациями заднего ряда. Для четырёх из шести дикторов это преобладание было существенным – в 3, 4 и даже 5 раз. Реализации переднего ряда носили единичный характер и встретились у трёх дикторов из шести. Небольшое количество переднерядных реализаций в данном типе контекста объясняется более сильным влиянием предыдущего губного или ретрофлексного согласного по сравнению с последующим переднеязычным. В невыгодном для продвижения контексте более, чем в других видах контекста, преобладали реализации заднего ряда 92% (в других типах контекста их количество не превышало 30%), в то время как реализации переднего ряда отсутствовали, а реализации центрального ряда носили единичный

характер. Полученные данные указывают на то, что в невыгодном для продвижения контексте в подавляющем большинстве случаев гласный /у/ реализуется как традиционный заднерядный гласный. В целом у всех дикторов преобладают реализации центрального ряда, а реализации переднего ряда присутствуют в

заметном количестве, хотя составляют меньшинство. У всех дикторов реализации гласного /у/ с выраженными переходными участками по F2 практически всегда от меньшего значения к большему наблюдалось только в конфликтующем согласном контексте (см. табл. 3).

Таблица 2

Реализации гласного /у/ (З – заднерядные, Ц – центральные, П – переднерядные, В – всего) по типам контекстов

Тип контекста	Признак ряда	Диктор																		Всего
		SB1			SB2			SB3			SB4			SB5			SB6			
		С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	
Выгод- ный	З	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	2
	Ц	8	33	41	3	6	9	0	6	6	3	8	11	1	3	4	3	11	14	85
	П	1	20	21	3	44	47	5	38	43	4	48	52	5	31	36	0	48	48	247
	В	9	53	62	6	50	56	5	44	49	7	57	64	6	34	40	4	59	63	334
Нейтраль- ный	З	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	Ц	2	3	5	0	3	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	2	10
	П	0	0	0	1	4	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	6
	В	2	3	5	1	7	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	3	16
Невыгод- ный	З	0	7	7	2	2	4	0	0	0	0	7	7	0	3	3	0	0	0	21
	Ц	3	6	9	0	10	10	1	2	3	3	0	3	0	10	10	2	3	5	40
	П	0	0	0	0	3	3	2	1	2	0	14	14	1	1	2	0	0	0	21
	В	3	13	16	2	15	17	3	3	5	3	21	24	1	14	15	2	3	5	82
Конфлик- тующий	З	0	0	0	0	0	0	0	3	3	0	1	1	1	1	2	1	3	4	10
	Ц	5	7	12	8	8	16	9	12	21	1	8	9	7	13	20	7	12	19	97
	П	0	2	2	2	5	7	12	14	26	3	8	11	5	8	13	0	5	5	64
	В	5	9	14	10	13	23	21	29	50	4	17	21	13	22	35	8	20	28	171
И		19	78	97	19	85	104	29	76	104	14	95	109	20	70	90	15	84	99	603

Таблица 3

Реализации гласного /у/ (З – заднерядные, Ц – центральные, П – переднерядные, В – всего) по типам контекстов

Тип контекста	Признак ряда	Диктор																		Всего
		SB1			SB2			SB3			SB4			SB5			SB6			
		С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	С переходом	Без перехода	Всего	
Выгод- ный	З	0	3	3	0	5	5	0	3	3	0	8	8	0	0	0	0	1	1	20
	Ц	0	45	45	0	49	49	0	47	47	0	35	35	0	35	35	0	31	31	242
	П	0	4	4	0	4	4	0	10	10	0	0	14	0	13	13	0	19	19	64
	В	0	52	52	0	58	58	0	60	60	0	43	57	0	48	48	0	51	51	326
Невыгод- ный	З	0	22	22	0	14	14	0	6	6	0	9	9	0	21	21	0	20	20	92
	Ц	0	4	4	0	0	0	0	0	0	0	2	2	0	1	1	0	1	1	8
	П	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	В	0	26	26	0	14	14	0	6	6	0	11	11	0	22	22	0	21	21	100
Конфлик- тующий	З	4	4	8	1	3	4	7	4	11	4	4	8	6	1	7	3	8	11	49
	Ц	3	9	12	6	16	22	10	9	19	16	9	25	14	7	21	8	4	12	111
	П	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	1	0	0	0	0	2	2	4
	В	7	13	20	7	19	26	17	14	31	20	14	34	20	8	28	11	14	25	164
И	7	91	98	7	91	98	17	80	97	20	68	102	20	78	98	11	86	97	590	

Таким образом, акустический анализ показал, что оба гласных /у/ и /у/ существенно продвигаются вперёд, однако данная тенденция сильнее выражена для фонологически долгого /у/, передние реализации которого имеют значения F2, характерные для гласных переднего ряда /i/, /i/ и /e/. Полученные данные явились мотивом для проверки гипотезы о возможном восприятии передних реализаций гласного /у/ как упомянутых /i/, /i/ и /e/. Для этой цели были сформированы программа и сайт для проведения перцептивного эксперимента в режиме онлайн.

Перцептивный эксперимент

Перцептивное исследование проводилось в несколько этапов: сегментация образцов и формирование экспериментальной программы, составление анкет для эксперимента, создание веб-приложения, анализ полученных данных.

Для программы перцептивного эксперимента были отобраны гласные реализации на месте целевого гласного /u/ в последовательностях CVC в ударной и безударной позициях. Как уже упоминалось, выбор данного гласного обусловлен большим количеством случаев продвижения его реализаций по ряду до значений F2, характерных для гласных переднего ряда. Большинство отобранных образцов представляли собой примеры продвижения гласного /u/ вперёд акустически до i-, i- и e-образных гласных (кроме двух стимулов, в которых гласные были схожи с /ɔ/ и /ɜ/). Общее количество сегментов составило 38, из которых 3 были контрольными, 33 – переднерядными, 1 – центральнорядный [ɜ], 1 – заднерядный [ɔ]. В качестве контрольных сегментов были взяты реализации гласных переднего ряда /i/, /i/ и /e/ – акустически наиболее удалённые по ряду от канонически заднерядного /u/. Гласный /o/ для эксперимента взят не был, поскольку встретились лишь единичные случаи его продвижения вперёд до значений F2, характерных для гласных переднего ряда. Подавляющее большинство реализаций были центрированными.

В анкете во всех предлагаемых сериях ответов (из шести вариантов) на предъявляемый стимул обязательно присутствовал вариант, содержащий /u/. В большинстве вариантов предлагались гласные переднего и центрального ряда высокого и среднего подъёма /i/, /i/, /e/, /ɜ/ и контрастирующий с ними заднерядный открытый /a/. Для стимула с э-образным гласным был предложен вариант, содержащий заднерядный /ɔ/ вместо центрального /ɜ/.

Эксперимент проводился посредством специально созданного веб-приложения [25], где была размещена анкета для участников, программа эксперимента и образцы для прослушивания. Приложение позволяет проводить онлайн-анкетирование, сбор данных по различным срезам. Доступность аналитических возможностей (геолокация, сайты переходов) дали возможность оценить достоверность сведений о месте проживания аудиторов.

Участниками эксперимента были 16 носителей языка (10 женщин, 6 мужчин) в возрасте от 16 до 56 лет, проживающие на территории Великобритании, в таких регионах, как Ноттингем, Лондон, Глазго, Уотфорд, Лестер, Уэртинг, Манчестер, Честер, Саутгэмптон, Кэмбридж, Ньюкасл. Все участники эксперимента являются представителями разных региональных диалектов. Аудиторы задействованы в разных сферах общества: правительство, образование, обучающиеся университета, преподаватели. Ни один из них не является лингвистом по профессии.

При интерпретации результатов фонологически долгий /i:/ и фонологически краткий /i/ были объединены в одну группу, поскольку в этом случае имело место восприятие с точностью до парадигматического класса (подробнее см. об этом у В. Б. Кассевича и Е. В. Ягуновой [26. С. 108]). Кроме того, гласные /i:/, /i/, /e/ были объединены в одну группу, поскольку для

носителей английского языка они являются перцептивно близкими [27. С. 581].

Обсуждение результатов исследования

Было получено 560 ответов аудиторов на указанные стимулы (см. табл. 4). Из них лишь 12% были восприняты как /u/, а 79,5% – подавляющее большинство – как гласный переднего ряда (i-образный или e-образный гласный). Из этих 79,5% на i-образный приходится 65,7%, на e-образный 13,8%. Остальные ответы пришлось отнести на э-образный гласный 5,7%, на a-образный 0,5%. 13 образцов из 35 вообще не содержали /u/-ответов, и лишь в одном случае количество /u/-ответов доминировало над гласными переднего ряда (75 и 25% соответственно) в сочетании *do you*. Полученные данные свидетельствуют о наиболее частотной фонологической интерпретации гласного /u/ как продвинутого вперёд гласного (чаще i- или перцептивно близкого ему e-образного).

Нельзя сказать, что интерпретация услышанных стимулов как гласных переднего ряда была привязана к каким-то стимулам, взятым из конкретных слов. Среди стимулов, набравших наибольшее количество /i/ и /i/ ответов, фигурировали стимулы, взятые из слов *you, do, who, into, music, population*, как в ударных, так и в безударных позициях во фразах. Во всех гласных из этих стимулов значение F2 превышало 1600 Гц, кроме стимулов № 17 и 10. Контрольные стимулы (не включены в табл. 4) – слова *his, this, yeah* – были восприняты в соответствии с ожиданиями, как содержащие /i/ (первых два слова), /e/ (последнее слово). Ни один из контрольных стимулов не был интерпретирован, как содержащий гласный /u/. Очевидно, что восприятие первых двух контрольных стимулов могло принципиально не отличаться от восприятия гласных переднего ряда, реализованных на месте канонически заднерядного /u/, поскольку у последних также имелись случаи, когда в ответах аудиторов гласный /u/ не фигурировал (в 13 из 33 содержащих переднерядные реализации). Примечательно, что центральнорядный гласный в стимуле № 10 был также интерпретирован как гласный переднего ряда (12 аудиторами как /i/-/i/, четырьмя – как /e/). Стимул № 17, акустически содержащий гласный заднего ряда, был воспринят 13 аудиторами как /ɔ/, двумя – как /u/ и только одним – как гласный переднего ряда /i/-/i/.

Заключение

Полученные данные свидетельствуют о явном продвижении гласного /u/ вперёд во всех типах контекста. У пяти из шести дикторов количество переднерядных реализаций заметно превышает реализации центрального ряда, а количество заднерядных реализаций у всех шести дикторов сведено к минимуму. Это во многом обусловлено дистрибуционными особенностями данного гласного в потоке речи и его вероятностными характеристиками, связанными с типами контекста. У всех шести дикторов преобладающим контекстом оказался способствующий возникновению продвинутых вперёд реализаций.

Фонемная интерпретация поданных для прослушивания сегментов

№	Акустическая транскрипция	Контекст	Фонемная интерпретация, %					
			i-1	e	з:	a	u	о
1	[jɪ]	<u>You</u> should	8	1	4	2	1	0
2	[di]	<u>Do</u> you	2	2	0	0	12	0
3	[tɪd]	<u>Today</u>	9	2	1	0	4	0
4	[jɪm]	<u>You</u> know	5	5	4	0	2	0
5	[dis]	Did you <u>start</u>	16	0	0	0	0	0
6	[tɪs]	Into see	13	3	0	0	0	0
7	[hɪd]	<u>Who</u> demonstrated	13	2	0	0	1	0
8	[hɪs]	<u>Who</u> said	13	3	0	0	0	0
9	[ɪg]	<u>You</u> got	13	3	0	0	0	0
10	[ʃɜː]	That you're <u>sure</u>	12	4	0	0	0	0
11	[ɪd]	<u>You</u> do	9	2	1	0	4	0
12	[ɪɪ]	<u>You're</u> right	16	0	0	0	0	0
13	[ɪk]	<u>You</u> can't	10	2	1	0	3	0
14	[ɪɪ]	<u>You're</u> not	10	1	3	0	2	0
15	[ɪd]	<u>You'd</u> gone	13	1	1	0	1	0
16	[ɪd]	<u>You'd</u> have to	10	2	2	0	2	0
17	[jɒn]	<u>You're</u> not	1	0	0	0	2	13
18	[stɪd]	<u>Studio</u>	9	1	0	0	6	0
19	[teɪs]	Into some	1	12	2	1	0	0
20	[du]	<u>Do</u> (you) recognize	6	0	8	0	2	0
21	[hɪdʒ]	<u>Huge</u>	9	0	0	0	7	0
22	[mɪz]	<u>Musical</u>	14	0	1	0	1	0
23	[tʌp]	<u>To</u> pay	10	6	0	0	0	0
24	[diː]	<u>Do</u> you	12	4	0	0	0	0
25	[tʊð]	<u>To</u> the	9	0	0	0	7	0
26	[ɪt]	<u>You</u> it	15	0	0	0	1	0
27	[jɪn]	<u>You</u> know	15	0	0	0	1	0
28	[ɪk]	<u>You</u> could	13	0	1	0	2	0
29	[tɪs]	Into sky	14	2	0	0	0	0
30	[lɪt]	<u>Absolutely</u>	3	12	1	0	0	0
31	[dɪm]	D(o) you mean	13	2	0	0	1	0
32	[pɪl]	<u>Population</u>	15	1	0	0	0	0
33	[tʌt]	<u>To</u> talk	13	1	0	0	2	0
34	[jɪs]	<u>You</u> say	13	2	1	0	0	0
35	[dʒɪs]	<u>D(id)</u> you say	11	1	1	0	3	0
		Количество	368	77	32	3	67	13
		%	65,7	13,8	5,7	0,5	12,0	2,3

Примечание. Подчёркиванием в таблице обозначен поданный сегмент, в круглых скобках обозначен выпавший из речи сегмент.

В конфликтующем согласном контексте предыдущий согласный практически всегда оказывался либо переднеязычным, либо среднеязычным, и его влияние по естественным законам коартикуляции в основном «перевешивало» влияние последующего согласного, не способствующего продвижению. Даже в невыгодном для продвижения вперёд контексте отмечались реализации незадного ряда. В силу специфики естественных законов координации (см. работы С. В. Андросовой [28, 29]), частью которой является коартикуляция, количество нейтрального контекста оказалось сведённым к минимуму.

Для гласного /u/ продвижение вперёд также оказывается характерным, однако, несмотря на такой же процент выгодного для продвижения контекста, как и у гласного /u/, реализации переднего ряда не являются преобладающими уступая центральнорядным реализациям. Причина заключается в характере конфликтующего согласного контекста (процент которого оказался таким же, как для гласного /u/): в качестве предшествующего согласного в подавляющем боль-

шинстве случаев фигурировал губной согласный, влияние которого «перевешивало» последующий переднеязычный, что существенно сокращало количество переднерядных реализаций. Таким образом, наше предыдущее предположение [8] о большем продвижении гласного /u/ по сравнению с гласным /ʊ/ полностью подтвердилось.

Данные перцептивного эксперимента позволяют говорить о том, что переднерядные реализации на месте канонически заднерядного /u/ со значениями F2, характерными для гласных /i/, /ɪ/, /e/, большинством аудиторов-британцев интерпретируются именно как гласные /i/, /ɪ/, /e/, что свидетельствует о квазичередованиях этих гласных с гласным /u/, обусловленных действующими на данный момент фонетическими законами построения речевого потока в английском языке в целом и британском его варианте в частности. Полученные в результате таких чередований неканонические формы соответствующих морфем и слов [30] в силу их высокой частотности становятся нормой и влекут за собой изменение системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wells J.C. English Accents in England // Language in the British Isles / ed. by P. Trudgill. 1984. P. 55–69.
2. Gimson A. The RP accent // Language in the British Isles. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 45–54.

3. Parson G. From RP to Estuary English: The concept "received" and the debate about British pronunciation standards. Hamburg, 1998. URL: https://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/parsons_ma.pdf
4. Медведева Т.В. Самая популярная разновидность произношения? (К вопросу о путях развития произносительной нормы в британском варианте английского языка) // Филологические науки. 2001. № 1. С. 78–83.
5. Шевченко Т.И. Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. Дубна, 2011. 256 с.
6. Безбородова М.В. Estuary English в речи молодых образованных носителей британского варианта английского языка // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 1 (712). С. 9–17.
7. Безбородова М.В. Особенности вокалической составляющей речи молодых британцев // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 1 (607). С. 37–53.
8. Караваева В.Г., Андросова С.В. Аллофонное варьирование гласных /u/ и /ʊ/ в современной британской речи (на материале аналитических новостных передач BBC) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 46–58.
9. Лефельдт В. Акцент и ударение в русском языке. М.: Языки славянской культуры, 2006. 246 с.
10. Cambridge dictionary. Cambridge University Press, 2017. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/eng-lish/pronunciation> (дата обращения: 20.06.2017).
11. Macmillan dictionary. Macmillan Publishers Limited 2009–2017. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/denomination> (дата обращения: 20.06.2017).
12. Greenberg S., Chang S., Hitchcock L. The Relation between Stress Accent and Vocalic Identity in Spontaneous American English Discourse // Proc. of the ISCA Workshop on Prosody in Speech Recognition and Understanding. [S. l.]: [S. n.], 2001. P. 51–56.
13. Beyond the Phoneme: A Juncture-Accent Model of Spoken language / S. Greenberg, H. Carvey, L. Hitchcock et al. // Proc. of the Human Language Technology Conf. (HLT – 2002). San Diego, California: [S. n.], 2002. P. 36–43.
14. Fry D.B. Duration and Intensity as Physical Correlates of Linguistic Stress // JASA. 1955. Vol. 27. P. 155–158.
15. Hitchcock L., Greenberg S. Vowel Height is Intimately Associated with Stress Accent in Spontaneous American English Discourse // Proc. of the 7th Eurospeech Conf. on Speech Communication and Technology. [S. l.]: [S. n.] 2001. P. 79–82.
16. Silipo R., Greenberg S. Automatic Transcription of Prosodic Stress for Spontaneous English Discourse // The Phonetics of Spontaneous Speech: ICPhS-99. San Francisco: [S. n.], 1999. P. 2351–2354.
17. Silipo R., Greenberg S. Prosodic Stress Revisited: Reassessing the role of Fundamental Frequency // Proc. of the NIST Speech Transcription Workshop. College Park, MD: [S. n.], 2000. P. 1–6.
18. Луганцева Ю.С. Безударный вокализм в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2016. 214 с.
19. Chaldakova K., Namann S. High vowels in Southern British English: /u/ – fronting does not result in merger. ICPhC Regular Session. Hong Kong, 17–21 August, 2011. P. 476–479.
20. The Bottom Line" (2016) BBC Radio 4. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b006sz6t/episodes/downloads>
21. "The Sound Track of my Life" (2015) BBC Radio 2. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b05vc9gs/episodes/downloads>
22. "The Business of Film" (2015) BBC Radio 4. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b054c4bnp/broadcasts/2015/08>
23. "Confessions" (2016) BBC Radio 2. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p02nrtdq/episodes/downloads>
24. BBC Radio London. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p02nrtqm/episodes/downloads>
25. Acoustic and Perceptual Similarity of Speech at the Amur State University. URL: <https://pss.amursu.ru>
26. Касевич В.Б., Ягунова Е.В. Еще о роли фонетического слова в восприятии речи // Идеи и методы экспериментального изучения речи: сб. ст. памяти проф. Л.А. Чистович и проф. В.А. Кожевникова / отв. ред. Л.В. Бондарко, В.В. Люблинская. СПб.: Фак-т филол. и искусств С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 99–110.
27. Acoustic and Perceptual Similarity of Japanese and American Vowels / K. Nishi, W. Strange, R. Akahane-Yamada et al. // JASA. 2008. Vol. 124, № 1. P. 576–588. ISSN 0014966.
28. Андросова С.В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи): дис. ... д-ра филол. наук. Благовещенск, 2012. 535 с.
29. Андросова С.В. Слог как единица координации (экспериментально-фонетическое исследование на материале спонтанной речи). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. 272 с.
30. Андросова С.В. Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 5–15.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 ноября 2017 г.

ACOUSTIC AND PERCEPTUAL CHARACTERISTICS OF VOWELS /U/ AND /ʊ/ (IN BBC ANALYTICAL NEWS PROGRAMS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 39–46.

DOI: 10.17223/15617793/427/5

Veronika G. Karavaeva, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: Berenices1988@gmail.com

Keywords: British English; canonically back British vowels /u/ and /ʊ/; consonantal environment; fronting; quasi-alternations.

The current paper explores the acoustic cues of canonically back British vowels /u/ and /ʊ/ that tend to undergo fronting and peculiarities of /u/ fronted patterns perception. The aim of the acoustic analysis was to see the extent of fronting and to understand the magnitude of the phonetic environment (mostly consonantal) impact in terms of neutral, encouraging and discouraging fronting as well as conflicting one. The results indicate that fronting is expressed to a greater extent for /u/ than for /ʊ/ in all types of contexts due to the distributional features of these vowels in the speech flow and their variable acoustic properties associated with the environment of different types. Despite the same number of contexts that encourage fronting, front patterns with F2 values exceeding 1600 Hz were predominant only for /u/, while the central ones prevailed for /ʊ/. One of the reasons lies in the nature of the conflicting consonant environment, where the consonant preceding /u/ was almost always either apical-alveolar or palatal, and its influence, under the natural laws of coarticulation, produced a much stronger effect on the vowel than the following consonant that discouraged fronting. On the contrary, in the overwhelming majority of C₁uC₂ environments, C₁ was a labial consonant producing, by the similar natural coarticulation laws of greater C₁ influence, a more powerful retraction effect on the vowel than apical-alveolar or palatal C₂ whose fronting effect was weaker in that position. The perceptual study was aimed to test the hypothesis about the possible phonological overlap of the front patterns of /u/ (F2>1600 Hz) with /i/, /ɪ/, /e/. The experiment program contained 35 CVC sequences segmented from stressed and unstressed phrase positions, where Vs were front /u/-tokens acoustically similar to /i/, /ɪ/, /e/, and 2 CVCs with Vs similar to /ɔ/ and /ɜ/. The experiment was carried out using a specially designed web application, where a questionnaire for participants, the experiment program and tokens for listening were posted. The listeners were 16 native British speakers (10 women,

6 men), representatives of different regional dialects, involved in various spheres of society. The results demonstrate that front /u/-patterns with F2 values characteristic for /i/, /ɪ/, /e/ were interpreted as vowels /i/, /ɪ/, /e/ by most participants. This fact shows the possibility of a variable phonemic pattern of certain morphemes and words – canonical with /u/ and non-canonical with /i/, /ɪ/, /e/ – as a result of current phonetic laws of producing speech flow in English on the whole and in its British accent in particular. Non-canonical forms, due to their high frequency of occurrence, infiltrate the standard and trigger changes in the phonological system in terms of vowel shift.

REFERENCES

1. Wells, J.C. (1984) English Accents in England. In: Trudgill, P. (ed.) *Language in the British Isles*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Gimson, A. (1984) The RP accent. In: Trudgill, P. (ed.) *Language in the British Isles*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Parson, G. (1998) *From RP to Estuary English: The concept "received" and the debate about British pronunciation standards*. Hamburg. [Online] Available from: https://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/parsons_ma.pdf.
4. Medvedeva, T.V. (2001) Samaya populyarnaya raznovidnost' proiznosheniya? (K voprosu o putyakh razvitiya proiznositel'noy normy v britanskoy variante angliyskogo yazyka) [The most popular type of pronunciation? (On the ways of the development of the pronunciation norm in the British version of the English language)]. *Filologicheskie nauki – Philology*. 1. pp. 78–83.
5. Shevchenko, T.I. (2011) *Fonetika i fonologiya angliyskogo yazyka: Kurs teoreticheskoy fonetiki angliyskogo yazyka dlya bakalavrov* [Phonetics and phonology of English: English theoretical phonetics for bachelors]. Dubna: Feniks+.
6. Bezborodova, M.V. (2015) Estuary English features in the speech of young educated Britons. *Vestnik MGLU – MSLU's Vestnik*. 1 (712). pp. 9–17. (In Russian).
7. Bezborodova, M.V. (2011) Specific vowel features in young Britons' speech. *Vestnik MGLU – MSLU's Vestnik*. 1 (607). pp. 37–53.
8. Karavaeva, V.G. & Androsova, S.V. (2016) Allophonic variation of vowels /u/ and /o/ in modern British speech (based on BBC analytical news programs). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 46–58. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/4
9. Lefel'dt, V. (2006) *Akcent i udarenie v russkom yazyke* [Accent and stress in the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Cambridge University Press. (2017) *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pronunciation>. (Accessed: 20.06.2017).
11. Macmillan Publishers Limited. (2009–2017) *Macmillan Dictionary*. [Online] Available from: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/denomination>. (Accessed: 20.06.2017).
12. Greenberg, S., Chang, S. & Hitchcock, L. (2001) The Relation between Stress Accent and Vocalic Identity in Spontaneous American English Discourse. *Proc. of the ISCA Workshop on Prosody in Speech Recognition and Understanding*. Red Bank, NJ: [s.n.]. pp. 51–56.
13. Greenberg, S. et al. (2002) Beyond the Phoneme: A Juncture-Accent Model of Spoken language. *Proc. of the Human Language Technology Conf. (HLT – 2002)*. San Diego, California: [s.n.]. pp. 36–43.
14. Fry, D.B. (1955) Duration and Intensity as Physical Correlates of Linguistic Stress. *JASA*. 27. pp. 155–158.
15. Hitchcock, L. & Greenberg, S. (2001) Vowel Height is Intimately Associated with Stress Accent in Spontaneous American English Discourse. *Proc. of the 7th Eurospeech Conf. on Speech Communication and Technology*. Aalborg, Denmark: [s.n.]. pp. 79–82.
16. Silipo, R. & Greenberg, S. (1999) Automatic Transcription of Prosodic Stress for Spontaneous English Discourse. *The Phonetics of Spontaneous Speech: ICPH-99*. San Francisco: [s.n.]. pp. 2351–2354.
17. Silipo, R. & Greenberg, S. (2000) Prosodic Stress Revisited: Reassessing the role of Fundamental Frequency. *Proc. of the NIST Speech Transcription Workshop*. College Park, MD: [s.n.]. pp. 1–6.
18. Lugantseva, Yu.S. (2016) *Bezudarnyy vokalizm v spontannoy rechi (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka)* [Unstressed vocalism in spontaneous speech (an experimental-phonetic study on the material of the American version of the English language)]. Philology Cand. Diss. Blagoveshchensk.
19. Chaldakova, K. & Hamann, pp. (2011) High vowels in Southern British English: /u/ – fronting does not result in merger. *ICPhC Regular Session*. Hong Kong. 17–21 August. Hong Kong: [s.n.]. pp. 476–479.
20. BBC Radio 4. (2016) *The Bottom Line* [Online] Available from: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b006sz6t/episodes/downloads>.
21. BBC Radio 2. (2015) *The Sound Track of my Life* [Online] Available from: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b05vc9gs/episodes/downloads>.
22. BBC Radio 4. (2015) *The Business of Film*. [Online] Available from: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b054cbnp/broadcasts/2015/08>
23. "Confessions" (2016) BBC Radio 2. [Online] Available from: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p02nrvdq/episodes/downloads>.
24. BBC Radio London. [Online] Available from: <http://www.bbc.co.uk/programmes/p02nrtqm/episodes/downloads>.
25. Amur State University. (n.d.) *Acoustic and Perceptual Studies of Speech at the Amur State University*. [Online] Available from: <https://pss.amursu.ru>
26. Kasevich, V.B. & Yagunova, E.V. (2008) Eshche o roli foneticheskogo slova v vospriyatii rechi [More on the role of the phonetic word in the perception of speech]. In: Bondarko, L.V. & Lyublinskaya, V.V. (eds) *Idei i metody eksperimental'nogo izucheniya rechi: sb. st. pamyati prof. L.A. Chistovich i prof. V.A. Kozhevnikova* [Ideas and methods of experimental study of speech: a collection of articles in memory Prof. L.A. Chistovich and Prof. V.A. Kozhevnikov]. St. Petersburg: Faculty of Philology and the Arts, St. Petersburg State University.
27. Nishi, K. et al. (2008) Acoustic and Perceptual Similarity of Japanese and American Vowels. *JASA*. 124:1. pp. 576–588.
28. Androsova, S.V. (2012) *Akusticheskie i pertseptivnye korrelyaty tsel'noformlennosti sloga (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskoy spontannoy rechi)* [Acoustic and perceptual correlates of the continuity of the syllable (an experimental-phonetic study on the material of American spontaneous speech)]. Philology Dr. Diss. Blagoveshchensk.
29. Androsova, S.V. (2010) *Slog kak edinitsa koordinatsii (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale spontannoy rechi)* [Syllable as a unit of coordination (an experimental-phonetic study on the material of spontaneous speech)]. Blagoveshchensk: Amur State University.
30. Androsova, S.V. (2015) Non-canonical models of morphemes and words in Russian and English *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 1:1. pp. 5–15. (In Russian).

Received: 06 November 2017

МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СУБПОЛЯ «СГЛАЗ, ПОРЧА» ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВРЕД» В ДИАЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Проанализирована диалектная лексика со значением ‘сглаз, порча’ с точки зрения ее семантико-мотивационной структуры. Анализ показывает, что в большинстве своем диалектные единицы отражают веру носителей традиционной культуры в действенную, магическую силу зрения / взгляда, речи / слова, мысленного посыла, некоторых действий, истолкованных как могущие принести вред адресату, являющиеся определенным ритуалом-колдовством. Связь с исторически исходным значением ‘говорить / речь’ в лексемах утрачена. Обобщающими, «родовыми», выступают значения ‘сглазить / сглаз’ и ‘навести порчу’, в том числе и у широкозначных глаголов действия.

Ключевые слова: отрицательная утилитарная оценка; русский язык; диалектная лексика; мотивировочный признак; мотивационная модель.

Прагматическая оценка с точки зрения полезного / вредного для человека – одна из самых значимых во взаимодействии человека с окружающим миром. Нас интересует, какое выражение получила отрицательная утилитарная оценка в диалектах русского языка – состав лексики, семантические и мотивационные модели образования как отражение особенностей мировидения, особенностей определенного фрагмента языковой картины мира носителей традиционной культуры. Для выполнения такой задачи была сделана сплошная выборка из имеющихся выпусков Словаря русских народных говоров (СРНГ). Выборка получилась большая (более 700 единиц) и структурно-семантически, конечно же, неоднородная.

В данной статье проанализирована часть этой лексики, связанная с точки зрения суеверных представлений традиционной культуры с обозначением нанесения вреда, способов его нанесения. Эта лексика – свидетельство веры носителей традиционной культуры в действенную силу зрения / взгляда, речи / слова, мысли, некоторых действий, истолкованных как могущие принести вред адресату, как участвующие в определенном ритуале-колдовстве, приносящем «порчу».

В литературном русском языке суеверное представление о порче, сглазе сохраняется в одном из значений слова *порча* ‘заболевание, вызванное колдовством, наговором’ и глагола *портить* (устар.) ‘наводить на кого-л. порчу’, а также разг. *сглаз* ‘действие по значению глагола *сглазить*; порча’, *сглазить* ‘по суеверным представлениям: принести несчастье, болезнь, повредить кому-л. «дурным глазом»’, разг. ‘повредить кому-л. похвалами, помешать успеху чего-л., заранее предсказав его’ [1. С. 306; 2. С. 61], ср. еще устойчивое сочетание *дурной* (или *черный*) *глаз* ‘в суеверных представлениях: таинственная магическая сила взгляда, приносящая несчастье’ [3. С. 313].

В отличие от литературного языка, в диалектах вышеназванные лексемы вариативны по форме и имеют целый ряд однокорневых образований, при том, что продолжением ядерной для лексико-семантического поля литературного языка лексемы *вред* является только выражение *для вреда* (по суеверным представлениям – для порчи, чтобы навести болезнь на кого-либо. «Воду с покойника оставляют “для вреда”, чтобы испортить человека» (костром.) и производное от *вредить* – *вреждённый* ‘больной, нездо-

ровый; испорченный заговором, сглазом и т.п.’ (сев.-двин., енис., иркут.) [4. С. 189–190]. Существительное *пóрча* (*порч, порчѣ*) известно в диалектах в значениях ‘колдовство, вызывающее болезнь, дурной глаз’ (арх., волог., твер., ворон., сиб.), ‘нервная болезнь (истерия, депрессия и т.п.), вызванная колдовством, наговором’ (волог., яросл., ряз., ворон., урал.), ‘мифическое существо, насылающее на человека болезнь’ (том.), ‘предмет, с помощью которого насыляется болезнь или причиняется вред’ (волог.), ‘протухший, сгнивший продукт’ (перм.), *порча ядреная* (бранное выражение (волог.), *порчу делать, порчу посадить, подслать порчу* [5. С. 114, 116]; *пóртить* (*пóрчивать*) обозначает ‘насылать порчу, причинять вред посредством колдовства, сглазом и т.п.’ (арх., вят., твер., пск., урал., том., сиб. *Есть болесь какая-то, но отчего она, портит чего или не то, прозвали икотниками*) [Там же. С. 93; 116].

Наряду с обозначением действия – намеренно или ненамеренно приносящего болезнь, вред объекту – и его результата, в диалектной лексике есть и именования того, кто насыляет порчу – арх., онеж., волог., калуж. *портёжник, портененик, портинник, пóрчельник* ‘колдун, насылающий на людей, скот порчу (посредством злых чар, дурного глаза, наговора)’, и обозначение действия, процесса (волог., новг., пск., твер. *портёж, пóрчение*), признака (волог., вят., сарат., ворон. *пóрченный*) [Там же. С. 92–93, 114–116].

Как в литературном языке, так и в диалектах известна лексема *сглаз* в значении ‘болезнь от порчи, дурного глаза’ (арх., петрогр., костром., калуж., самар., новосиб. *Да, а тот (ребенок) помер, сглазу был*), глагол *сглазить, сглазывать* ‘причинять порчу, сглаз’ (р. урал. *Маленьких детей сглаживали*), в диалектах отмечены и варианты глаголов – *сглазнуть* ‘причинить порчу, сглаз кому-л.’ (забайкал. *Опосля как сглазнули, ни дня ни ночи покоя не знаю*), *сгласить* ‘завидуя, желая зла, нанести вред, сглазить лукавой похвалой в глаза’ (волог., костром.) [6. С. 19]. В отличие от литературного языка, представлены в диалектах и производные для *сглазить, сглаз*: слово *глаз* имеет, как и *сглаз*, значения ‘вызывание болезни, несчастья и т.п. взглядом (дурным глазом)’ (пск., тамб., курск., терск., том. *Корова с глазу пропала* (сдохла)) и ‘болезнь, происшедшая – по суеверным представлениям – от сглаза’ (арх., тамб., смол., урал., сиб. *Непитой водички дали Мотьке и глаз [болезнь от «глаза»]*

прошел) [7. С. 184], *гла́зить* ‘приносить несчастье, болезнь, вредить кому-либо взглядом (дурным глазом)’ (казан., моск., калуж., орл., курск. *Тебе только людей глазить твоими глазами*) [Там же. С. 187], а также их производные: *глазли́вый* ‘способный сглазить кого-либо’ (калуж., орл., курск. *Человек глазливый. Глаза глазливые*) и ‘способный заболеть от «дурного глаза»’ (курск., иссык.-кульск. *У меня мальчонка такой глазливый, как кто полюбуется им, так скорей и умойвай его*) [Там же. С. 188], *изглазе́ть* ‘сглазить’ (дон. *Изглазели иё, титерь фсе хвараить*) [8. С. 117; 9. С. 198], *погла́зить* ‘сглазить’ (влад. – *Знать, погода разведрится? – Ну вот еще, поглазьте!*) [10. С. 291].

Слово, способное нанести вред человеку, животному, в народной культуре определяется как *неприятельское слово* ‘недружелюбное, злое слово, которое может вызвать порчу (скота и т.п.)’ (пск. *Просьба к св. Егорию – попасти стадо «от неприятельского слова»*) [11. С. 129].

Вера в магическую силу взгляда в традиционной культуре была чрезвычайно велика, что выразилось в существовании в диалектах значительного числа лексики со значением ‘причинять вред кому-л. дурным глазом’. Лексика с этими значениями представляет собой разнокорневые образования от глаголов со значением ‘смотреть’ и неизвестна в литературном языке. Это прежде всего производные от корней *гляд-, -зор-, зеп-*.

Значение ‘принести несчастье, сглазить’ характерно для приставочных образований от глагола *глядеть*: *перегля́нуть* ‘принести несчастье, сглазить’ (пск., твер.) [12. С. 66], *поглядка* ‘дурной глаз; сглаз’ (*От поглядки прикинулось*) [10. С. 293], *испроглядеть* фолькл. ‘испортить, повредить долгим смотрением’ (арх. *Что я вам наскучила? Что я напрокучила? Али лавки испросидела? окна испроглядела? (причитание)*) [9. С. 246], *оглядеть* ‘вызвать болезнь действием дурного глаза, сглазить’ (волог., кемер. *На красно солнышко... лихие люди глазом не оглядят, словом не оговорят*) [13. С. 321] и др.

Лексика с корнем *зор-* (ср. глагол *зреть* ‘видеть, смотреть’) также обозначает причинение вреда кому-л. дурным глазом. Среди этой лексики наиболее употребительными и известными в диалектах являются производные с приставкой *при-*: *призо́р* ‘сглаз, причинение вреда кому-л. недобрым взглядом (дурным глазом), взгляд, приносящий вред, несчастье (дурной глаз)’ (арх., олон., сев.-двин., волог., ленингр., новг., яросл., смол., перм., том., сиб., енис., иркут., якут. *Здорового и призор не берет*) и ‘болезнь от недоброго взгляда (дурного глаза), порча’ (арх., мурман., олон., перм., сев.-двин., ленингр., сиб., амур., енис., иркут.), *призо́рить* ‘приносить несчастье, вредить кому-л. недобрым взглядом (дурным глазом – призором)’ (арх., волог., новг., яросл., север., вост. *Не смотри на нее, а то призоришь*), *призо́рливый* ‘обладающий недобрым взглядом (дурным глазом), способный сглазить’ (арх.) [14. С. 228–229]. Образования с приставкой *при-* получили в говорах дополнительные (как усиливающие выразительность) приставки: *опризо́рить* ‘сглазить’ (арх., олон., новг., печор., волог., пск., твер., север., вост. *Похуля, опозоришь, похваля, опризоришь*) [15. С. 294], *спризо́рить* ‘сглазить кого-л.’ (арх., новг. *По-*

галились, вот ребенка-то и спризорили) [16. С. 263] и т.д. В говорах известны однокорневые образования и с другими приставками: *обзо́р* ‘наведение порчи дурным глазом; сглаз’ (пск., твер.) [13. С. 55], *обизо́рить* ‘напустить / напускать порчу’ (костром.) [Там же. С. 62], *узо́р* ‘сглаз, порча’ (пск., твер.) [17. С. 34] и др. Слово *обзо́рить* ‘сглазить, навести порчу дурным глазом’ (пск., твер.) [13. С. 52] образовано от глагола *за́рить* со значением ‘смотреть; искать, высматривая’ (пск.) [18. С. 384]. К этому же словообразовательному гнезду относят и *зы́рить*, обозначающее ‘смотреть, таращиться’ [19. С. 109]. Вероятно, сюда же входит диал. *зе́рить* ‘смотреть, видеть’ [20. С. 266].

Лексические единицы с корнем *зеп-* обозначают не только причинение вреда кому-л. дурным глазом (ср. костр. *зе́пы* ‘глаза’: *Я вот харкну в зе́пы-ти* [20. С. 264]), но и причинение вреда злым помыслом, завистью: *озе́пать, озе́пать* ‘испортить злым помыслом, сглазить’ (костром., яросл., нижегор., иван., влад., казан., симб., тул., том., вост. *У него глаз нехорош: как на ребенка взглянет, так и озекает*), *озе́п* и *озе́п* ‘дурной глаз, вызывающий болезнь, неприятности’ (вост., иван., влад.), ‘болезнь от дурного глаза, порчи’ (влад., симб., яросл., новг. и др.), ‘порча от чрезмерной похвалы’, ‘что-л. плохое, случившееся от дурного глаза’ (влад.), ‘болезненное состояние: тяжесть в теле, головокружение’, ‘зависть с недоброжелательством, пожелание в мыслях чего-л. дурного кому-л.’ (яросл.) [15. С. 89; 21. С. 1702; 22. С. 38; 23. С. 215], *озя́пать* ‘сглазить, навести порчу, болезнь’ (костром., яросл., влад., казан., оренб., вост.) [15. С. 103]. Подобные значения имеют и однокорневые производные с приставками *у-* и *со-*: *узе́пать* ‘сглазить, навести порчу’ (вож.-свияж., яросл. *Взглянет на ягненка, сразу узекает. У его глаз нехороший, узекал, и сглазил, говорят*) [17. С. 22], *созе́пать* ‘сглазить кого-л.’ (калуж.) [24. С. 222] и т.п.

В диалектах производные с корнем *зеп-* имеют также значения, связанные с понятием «кричать», «зевать»: *зе́па* ‘тот, кто кричит во все горло’, *зе́пáлить* ‘орать во все горло’, *зе́плó, зе́п* ‘глотка, горло’ (пск., твер., смол., влад.) и *зе́пать* ‘зевать’ (влад.), *зе́пнуть* ‘крикнуть’ (калуж.) [20. С. 264–265]. Подобный круг значений у производных с корнем *зев-*: *зев, зе́в* ‘зевота’ (смол.), ‘крик’ (нижегор., сарат., пенз.) и ‘рот (пасть)’ (тул., курск.), *зе́ва* ‘зевака, разиня, ротозей’ (пск., твер., влад.), ‘крикун’ (арх., иван.), *зевáть* ‘кричать’ (яросл. и др.), *зевáчить* ‘смотреть на кого-, что-л. с праздным любопытством, разиня рот’ (краснояр.) [20. С. 242–243], *иззевáть* ‘сглазить’ (иркут.) [8. С. 136], *озевáть* ‘сглазить’ (арх., север., КАССР, вят., костром., перм., калуж., урал., тобол., зап.-, южн.-сиб., сиб., краснояр., иркут., забайкал., вост.-казах., енис. *Знать на девку уроки пали, Лихие люди озекали*), *озе́в, озе́в* ‘дурной глаз, сглаз’ (арх., КАССР, влад., твер., тамб., симб., вост., иркут., якут.) и ‘болезнь, вызванная порчей, сглазом’ (арх., вят., Киров., вост., новосиб., енис.) [15. С. 87], *обзевáть* ‘сглазить кого-либо’ (север.) [13. С. 53], *назе́в* ‘порча; сглаз’ (сиб.) [25. С. 280] и т.п. Есть еще слово *подзи́в* ‘сглаз’ (смол. *Зяенок захворал с подзиви, надо к дедам кидаться*) [26. С. 17], возможно, связано с *зевать*.

Значения 'смотреть, разинув рот', 'кричать', 'зевать' объединяет общее значение 'действие с широко раскрытым ртом', оказывающееся синкретичным и смежным по отношению к значению 'смотреть'. Такое соотношение значений подтверждают др.-рус. (с XII в.) *зияти*, *зияю* 'раскрываться, зиять', 'раскрывать рот, расширять зев, пасть', 'зевать' (с XIII в.), 'пожирать глазами с гневом и завистью' (с XVII в.) [27. С. 6], генетическая связь *зѣпать* с *зевать*, *зиять*, *зинуть*, *зяпать* 'орать во всю глотку', 'широко разевать рот' предполагается в этимологическом словаре М. Фасмера [28. С. 91, 94, 98, 111], в историко-этимологическом словаре П.Я. Черных [29. С. 322, 325]. Отмеченный в ярославском говоре глагол *улёпать* в значении 'сглазить кого-л.' (*Смотри, чтоб кто не улепал ребенка*), вероятно, также связан с понятием «смотреть», ср. твер. *улеп* в значении 'глаз' [17. С. 122].

Связь понятий «смотреть (дурной глаз)» и «причинять вред» в диалектах опосредуется и понятием «косить глазом»: *прикос* 'сглаз, порча, заболевание, вызванное наговором, колдовством' (арх., олон., новг., курган. *Коль хороший ребенок, чур, быть не в прикос. Точно у ней с прикосу болезнь, кто-то сглазил просто*), *прикосить* 'сглазить' (арх. *Жила у нас в деревне бабка. Как посмотрит на кого, так он и заболит. Сглазит, значит, прикосит*), *прикосливый* 'обладающий «дурным глазом»' (арх., волог. *Человек прикосливый, как взглянет и заболит*) и 'легко поддающийся «дурному глазу»' (перм. *Прикосливый ребенок, дак легко урочится*) [14. С. 258–259], *сприкосить* 'испортить кого-л. при помощи сглаза' (арх. *А тебя-то сприкосили – сглазили. Вот ты и болеешь*) [16. С. 263] и др. Возможно, к этой группе лексем относится и *омонокосить* 'принести вред, вызвать порчу, болезнь дурным глазом; сглазить' (арх.) [15. С. 204], не совсем ясное в словообразовательном отношении.

К рассмотренной лексической группе примыкают еще лексемы, в которых семантика зрения, смотрения имплицитно присутствует в их значении – 'смотреть, выражая эмоции' ('смотреть и охать', 'смотреть и удивляться'): *обохать* 'сглазить, охая, жалея' (арх., север. *Даве косил пожню; пришел мужик да и обохал*) [13. С. 185], *подивиться* 'сглазить' (смол., новг. *Подивилась кума на дитенка... с тех пор... кричит как зарезанный*), *подивоваться* 'сглазить' (Груз. ССР. *Зашел мужчина, подивовался на нее, и она умерла*) [26. С. 23–24], ср. *дивиться* 'смотреть на что-либо с удивлением или с завистью' [30. С. 48], *огалять* – 'испортить, сглазить кого-, что-либо' (иркут., якут., енис. *Огалили животное*) [13. С. 310], ср. олон. *галять* 'смеяться, глумиться, издеваться, проказить' (*Галить міромъ*) [31. С. 14].

В семантике последней группы лексики со значением 'смотреть, выражая эмоции' обнаруживается смежность понятий «смотреть» и «говорить» («словом, восклицанием выражать эмоции»). В диалектах мы нашли большое количество лексики со значением 'сглаз, сглазить, навести порчу', производной от лексем со значением 'говорить, кричать, судить'. Большей частью это слова с корнями *рек-*, *рок-*, *говор-*, *зык-*, *-суд-*.

Лексика, обозначающая нанесение вреда словом с исходным значением речи, представлена в диалектах разнообразными приставочными образованиями от

корня *рек-*, *рок-* (глагол **ректи* 'говорить') с приставками *в-*, *у-*, *в-с-*, *из-*, *на-*, *о-*, *с-*, *об-*, *о-с-*, *с-*, *с-б-*, *с-с-*. Поскольку в данном случае имеем дело со словом, направленным определенному адресату, то говорить и видеть – одновременный процесс, что и отразилось в семантике производных с корнями *рек-*, *рок-*. Так, производные от корня *рек-* (в основном в севернорусских говорах) представлены образованиями с приставками *в-*, *у-*: *врѣк* 'болезнь или несчастье от колдовства, сглаза, чьих-либо слов и т. п.' и 'порча, сглаз' (пск. *Врѣки: вот ты хорошая, здаровая, а потом забалела, вот и гаварят: яво саврякли*) [4. С. 190; 32. С. 62], *урекать*, *уречь* имеет значение 'причинять вред дурным глазом, сглазить' (пск., новг., твер. *Позевается, урек кто-то, голова болит, все кости так и перебирает*) [17. С. 331], *уречливый* 'дурной, причиняющий вред, сглаз' (пск., твер., свердл. *У него уречливый глаз*) [Там же. С. 334], *уречь*, *уречи* 'урочить, опризорить, сглазить, напускать порчу, уроки'. Шире всего в диалектах распространены производные с корнем *рок-*: *урок* 'изуроченье, порча, сглаз, насылка ворожбита', *урочить* со значением 'испортить недобрым, завистливым взглядом, сглазить, опризорить, или наслать на кого болезнь, или испортить кого знахарством' [33. С. 1060–1061] и образования от этого глагола (с нанизыванием приставок для большей экспрессивности):

– *изурочить*, *изурочивать* 'причинять вред дурным глазом, колдовством' (арх., сев.-двин., пск., новг., волог., вят., Киров., иван., влад., яросл., костром., смол., сарат., Удм. АССР, перм., оренб., свердл., челяб., урал., заурал., курган., тобол., алт., том., кемер., зап.-сиб., сиб., енис., якут. *По мнению народа – кто посмотрит на ребенка и неосторожно его похвалит или удивит чем-нибудь в нем, тот может его этим изурочить: ребенок сделается болен и болезнь в таком случае называется уроком*) [8. С. 173];

– *всурочить* 'сглазить' (орл. *Не всурочь его – не сглазь его*) [4. С. 219];

– *насурочить* 'сглазить, испортить' (пск., смол. *Насурочил: не возили конопельки*) [34. С. 207];

– *обурочить* 'сглазить' (арх., волог. *Не испортить, не обурочить никому: ни колдуну, ни колдунье*) [13. С. 253];

– *осурочивать*, *осурочить* 'вызывать болезнь, порчу, навлекать несчастье дурным глазом или словом' (пск., калин., брян., смол., орл., курск., новосиб. *Детенок осурочен – надо к бабке сбегать за водой*) [35. С. 97];

– *сурочить* 'навести болезнь, несчастье, порчу, сглазить' (пск., петрогр., смол., курск., орл., новосиб., том., Краснояр., верхнелен., иркут., амур. *Не гляди на дитянка, не хвали, не смейся, не сурочь*) [36. С. 287];

– *сбурочить* 'сглазить, испортить, причинить вред колдовством' (свердл. *Долго ли ребенка сбурочить*) [37. С. 195];

– *ссурочить* 'сглазить, испортить кого-л.' (брян., смол. *Глазы черные, того и гляди, что ссурочишь*) [38. С. 6] и др. Связь с исторически исходным значением 'говорить / речь' в этой лексике утрачена; обобщающим значением, «родовым», выступает значение 'сглазить / сглаз' как синоним выражения *навести порчу*.

Принесение вреда, болезни говорением обозначают также производные от корня *говор-* 'речь, разго-

вор', такие как *огов́аривать, оговори́ть* 'словом причинять вред, навлекать беду, вызывать болезнь, порчу и т.п.' (новг., арх., волог., яросл., КАССР, Киргиз. ССР. *На красно солнышко... лихие люди глазом не оглядят, словом не оговора́т... Никому моего промысла не оговорить и не озавидовать*), *огово́рчивый* 'способный принести вред, вызвать болезнь, порчу и т.п.' (волог.) [13. С. 332–333], *отговóр* 'заклинание, якобы способное вызвать болезнь, порчу и т.п.' (ряз. *Был бы мой скот... цел и сохранен... от всякого отговору и призору*) [35. С. 152]. Интересно, что *оговори́ться* имеет значение '(в суеверных представлениях) обезопасить, оградить себя от действия нечистой силы заклинаниями' «С вечера должно идти, никому не сказавшись, к месту произрастания папоротника, сесть близ его, очертиться, оговориться разными причетами и ожидать» (арх.) [13. С. 332].

Лексика, производная от корня *зык-*, употребляется в диалектах в значениях 'звук' и 'окрик' [8. С. 34]. В говорах Карелии *озы́кать* имеет значение '(по суеверным представлениям) нанести вред словом, взглядом; сглазить' [39. С. 167], новг., пск. *озы́кать* отмечается в значении 'сглазить кого-либо, напустить порчу на кого-либо' и волог. 'заболеть от сглазу, наговора' (контекст отсутствует), волог., яросл., калин. *озы́чать* 'сглазить, навести порчу' (*Не болеет он, его озычали*), волог., яросл. *о́зык, озы́к* 'наговор, сглаз, порча' (*С озыку стало́сь, озык наслан*) [15. С. 101–102; 21. С. 1702].

В эту же группу лексики включаются также лексемы, образованные от корня *-суд-* с приставками *о-, пере-, с-*, связанные в диалектах с обозначением принесения вреда, при том, что в литературном языке у глагола *судить* 'оценивать кого-, что-л., чьи-л. дела, поступки' и его производных нет таких значений [2. С. 301], например *осуди́ть* 'признать предосудительным что-л., выразить неодобрение кому-, чему-л.' [40. С. 659]. В диалектах *осуди́ть* имеет значение 'вызывать болезнь, порчу, навлечь несчастье; сглазить' (твер., пск. *«Не мешаем мы вам чай пить?» – «Не, не осудите веть»*. *Осудить значит зглазить*) [35. С. 96; 41. С. 461], *осуд* 'болезнь, порча и т.п. от «дурного глаза» или слова; сглаз' (пск., твер., новг. *Да это у нее с осуду*. *Черный поп на Сиянской горе смахивает с младенца осуды и призеры*) [35. С. 95], *пересуд* 'дурной глаз' (пск., твер. *Умер от пересуду*) [12. С. 234], *ссудный* 'дурной глаз' (смол. *Кто етою водицею помыется, избавится от причинных ссудных глаз*) [38. С. 5] и т.д.

В диалектах производные от глагола *го́лдить* 'говорить' [7. С. 289] также могут обозначать нанесение вреда словом: *ого́лдить* 'словом причинить вред, навлечь беду, вызвать болезнь, порчу и т.п.' (пск., твер., нижегор.) [13. С. 334], *ого́лчить* 'словом навлечь беду, недуг и т.п.' (пск., твер., нижегор., иркут. *Оголчили парнишка, усови взяли!*), *оголче́нный* 'испорченный действием дурного глаза' (твер.) [13. С. 337; 21. С. 1657].

Наряду с этим, к данной группе относится лексическая единица, обозначающая нанесение вреда громкой речью, криком, ср. *окрича́ть* 'сглазить' (вят. без контекста) [15. С. 163], *опева́ть, опе́ть* 'петушиным пением

напускать порчу, колдовство или, напротив, освободить от них, делать чистым оскверненное' (яросл., вят. *Петух может «опеть» и как бы через это заколдовать*) [15. С. 246], *ока́ркать* 'напустить порчу похвалой; напорочить дурное' (Даль. *Ныне ворона окаркала меня, чай, не к добру. Бабы окаркали ребенка, все в глаза лезли любясь*) [Там же. С. 112].

В лексике диалектов понятие «причинить вред, наслать порчу» соотносится не только с понятиями «сглазить / сглаз» и 'нанести вред, порчу словом', «сглаз, порча» интерпретируются как результат специального действия (действия, ритуала), мысленного вредоносного посыла. К этой группе лексики нужно отнести такие глаголы и их производные, как *сде́лать, причи́нить, напу́ска́ть, насы́лать, приворо́тить, насади́ть, поду́мать, похити́ть, потеря́ть, попритчи́ть*:

– *сде́лать* (кому что) 'заколдовать кого-л., навести порчу на кого-л.' (ряз., тамб., урал. *Они (злые люди) как сделали с ним (с сыном) чего, переродился вроде, злой такой стал, родителей не почитает*) [6. С. 58];

– *причи́на* 'сглаз, порча, болезнь' (олон., курск., дон., азерб. *Ведут невесту и жениха пешики, дружка идет отмета́ет, чтоб причины не было*) [42. С. 60];

– *на́пуск* 'сглаз' (вяз., тамб. *Скотина от напуска болеет*) [34. С. 111];

– *насы́лочный* 'насылаемый на кого-, что-либо путем заговора со злым умыслом (вызвать болезнь, падеж скота и т.п.)' (олон., волог., сев.-двин. *Вы придите, звери, медведь широколобый насылочный опрокидень, волк рысучий... и всякий зверь, в мою поскотину*) [34. С. 210];

– *приво́рот* 'сглаз, порча' (смол., влад. *От приворота перестают водиться телята*) [14. С. 149];

– *наса́живать, насади́ть* 'насылать, напускать порчу, икоту' (арх., пск., твер. *Смотри, он насадит тебе икоту*) [34. С. 149];

– *поду́мка* 'сглаз' (яросл. *Овца-то с подумки околела*) [26. С. 228];

– *похити́ть* 'причинить вред кому-л. силами волшебства, сглазить' (курск., свердл., том. *Жили мы хорошо, ты меня, ведьма, похитила*) [5. С. 348];

– *потеря́ть* 'напустить порчу, попортить' (терск. *Наверное, его потеряли, Ивлий Егорыча то*) [5. С. 277], *стеря́ть* 'навредить кому-л. дурным, недоброжелательным взглядом; сглазить' (пск., твер.), наряду с 'испортить, привести в негодность что-л.' (пск. *Стеряла часы, придется нести исправлять в город*) и 'повредить, поранить, расцарапать (руку, ногу)' (пск. *Стерял он руку, топерь болько*) [38. С. 153];

– *при́тка, при́тка* 'порча, сглаз' (перм., пенз., вят., яросл., урал., южн. сиб., забайкал.) и 'внезапная болезнь, вызванная колдовством, сглазом' (волог., яросл., калуж., вят., нижегор., казан., южн. сиб., вост.-казах.) [42. С. 16], *попри́тчить* 'наслать порчу на кого-л.' (арх., калин., тул. *Если хотят узнать, что с ним сделалось – спрашивают: что тебе попритчило*) [43. С. 345]. Для последних лексем исходным определяется значение 'прикосновение' ('прикосновение' > 'болезнь в результате прикосновения' > 'болезнь в результате злого умысла') [44. С. 165; 45. С. 204–207].

К вышеприведенной лексической группе относятся и глаголы со значением 'испортить (здоровье, психику) силой колдовства':

– *травить* ‘колдовством вызывать болезнь, навредить порчу’ (новг., Низ. Печора. *Когда человек, который колдует, он вредит людям, травит дворы, скотину, портит людей*) [46. С. 337], *стравить* ‘навести порчу на кого-л. силой колдовства, заговора и т.п.’ (арх., новг. *Стравил, говорят, голова заболела, а у меня боль своя, никто не стравил*) [38. С. 269] и производные от *травить* – *травля* ‘болезнь, вызванная колдовством, порчей’ (Низ. Печора, р. Мста. *На травлю-то и пьют травы, помогают травы*) [46. С. 340], *травяник* фольк. ‘человек, наводящий порчу’ (арх. *Смотрю я раб Божий на ясном небе первую звезду, против того осмотру на сырой земле порченника уросника или злого призорника, злого завидящего словесника или травяника*) [Там же. С. 344];

– *сромадить* ‘навести порчу на кого-л., сглазить кого-л.’ (*ромадить* ‘лечить знахарским способом’) (урал. *Перед свадьбой одна старуха сромадила невесте-то; невеста три дня плакала; видно, кто-нибудь приколдовал*) [16. С. 321; 47. С. 171];

– *поддурить* ‘испортить волшебством’ (калуж. *Поддурена скотина колдунами*) [10. С. 397];

– *погадить* ‘привести в негодность, испортить’ и ‘сглазить’ (ряз., тобол., новосиб. *Первенца у ней и погадили злые люди*) [10. С. 285];

– *исположить* ‘повредить чье-либо здоровье, чью-либо психику силой колдовства, заговора; испортить’ (волог. *Да ведь не что иное, что ее исположили*) [8. С. 238], ср. *полохаться* ‘пугаться’ (*Ишь ты, какъ исполохалась!*) [31. С. 88], *положиливый* ‘пугливый, бояливый; робкий’ (сиб., тюмен. *Парнишка положиливый, кто стукнет – он уж глаза таращит*) [43. С. 130];

слякать ‘сглазить’ (новг. *У меня малец захворал, надо быть, кто его слякал*) [48. С. 333], ср. *лякать* ‘пугать’ (смол., зап.-брян., южн., зап. *Брось лякать ребенка!*) [49. С. 272];

– *спрокұда* ‘порча, сглаз’ (костром., нижегор.) [16. С. 269], ср. *прокұдить* ‘проказничать, озорничать, бедокурить’ (арх., сев.-двин., твер., новг., волог., вят., орл., сарат., дон., курган., р. урал, зап., южн., сиб., том., краснояр., якут. *Што ты апать тут пракудиш?*) [9. С. 432; 42. С. 165].

В проанализированном материале отмечены и отдельные лексемы, не входящие по своему мотивировочному признаку ни в одну из выделенных лексико-семантических групп, например *подкид* ‘вещь, подброшенная в чужой хлев или двор, привлекающая нечистую силу, вызывающая порчу, болезнь и т.п.’ (смол.), *подкидок* ‘знахарский узелок, подкинутый кому-л. для порчи, беды’ (Даль) [26. С. 30], *непутный* ‘способный причинить вред, несчастье’ (ряз. *Да чего ж это откликается, это непутный человек откликается, это мы зовем блаз*) [11. С. 136].

Не все лексемы удается однозначно истолковать относительно мотивировочного признака, например *осорочить* ‘сглазить’ (курск.) [35. С. 44] соотносится либо с *сорочить* ‘трещать, болтать’ [50. С. 724] либо со словом *сорока* (*осорочить* – собств. ‘посмотреть

как сорока?’); *урос* ‘сглаз, порча’ и *урос* ‘упрямство, каприз’ (перм., бурят. *Вчера пришла из бани, так хорошо было, да пришла соседка, изурочила меня: поглядела на меня, нагую, и все – урос напал. Ох уж я и помаялась, голова болит, жар поднялся, спать не могу. Ой, кака баба, взгляд у ее тяжелой*) [17. С. 351].

В данном исследовании субполя «Сглаз, порча» лексико-семантического поля «Вред» большинство лексем являются производными и имеют прозрачную внутреннюю форму, ясный мотивировочный признак. Таким образом, мы можем выделить следующие модели номинации.

1а. сглаз, порча ← (приводить в) негодное, болезненное состояние взглядом (дурным глазом):

глаз, глазить, перегляд, переглянуть, призор, призорить, озён / озён, озёпать / озёпать, озёпать, озёв / озёв, озёвать, прикос, прикосить.

1б. сглаз, порча ← (приводить в) негодное, болезненное состояние взглядом с удивлением, оханием:

обдохать, подивиться, огадить.

2. сглаз, порча ← (приводить в) негодное, болезненное состояние словом, наговором:

врёк, урёкать, уречь, урёк, урёчить, оговорить, отговор, озык / озык, озыкать, осуд, осудить, оголдить, окричать.

3. сглаз, порча ← (приводить в) негодное, болезненное состояние специальным действием (ритуалом), мысленным посылом:

сделать, причинить, причина, напускать, напуск, насылать, насылочный, приворотить, приворот, насыаживать / насадить, подумать, подумка, похитить, потерять, стерять, поприitchить, приitchка / приitchка, травить, сромадить, поддурить, погадить, исположить, слякать, спрокұдить, спрокұда.

Анализ семантической структуры субполя «Сглаз, порча», входящего в лексико-семантическое поле «Вред», показывает, что в большинстве своем диалектные единицы отражают веру носителей традиционной культуры в действенную, магическую силу зрения / взгляда, речи / слова, мысленного посыла, некоторых действий, истолкованных как могущие принести вред адресату, являющиеся определенным ритуалом-колдовством, приносящем «порчу». Орудия нанесения вреда, наведения порчи соотносятся прежде всего с понятиями «дурной глаз» и («неприятельское») вредоносное слово» (*сглазить, сурочить*). Вредоносным может быть речевой акт, выражающий удивление, восхищение (с широко открытым ртом), похвалу, а также инструментом наведения порчи могут выступать зелье, недобрая мысль, испуг, прикосновение с недобрым намерением, заговоренная и подброшенная вещь. Лексемы с историческим значением ‘говорить / речь’ (*урочить* и под.) утратили связь с исходным понятием, и обобщающими, «родовыми», выступают значения ‘сглазить / сглаз’ и ‘навести порчу’, в том числе и у широкозначных глаголов действия.

ЛИТЕРАТУРА

2. Словарь русского языка : в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4. 800 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. 698 с.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 5 (военство-вырастковый). Л. : Наука, 1970. 345 с.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 30 (поприугомонить-почестно). Л. : Наука, 1996. 385 с.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 37 (свято-скимяга). Л. : Наука, 2003. 416 с.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 6 (выросток-гон). Л. : Наука, 1970. 360 с.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 12 (зубрёха-калумаги). Л. : Наука, 1977. 369 с.
9. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. М. : Русские словари-Астрель-АСТ, 2003. 608 с.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 27 (печечки-подельывать). Л. : Наука, 1992. 401 с.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 21 (негораздый-обвива). Л. : Наука, 1986. 360 с.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 26 (первее-печетник). Л. : Наука, 1991. 351 с.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 22 (обвивень-одалбливать). Л. : Наука, 1987. 368 с.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 31 (почестно-присутъ). Л. : Наука, 1997. 433 с.
15. Словарь русских народных говоров. Вып. 23 (одале-осеть). Л. : Наука, 1987. 376 с.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 40 (сопочка-ссуворить). Л. : Наука, 2006. 346 с.
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 47 (ужом-урос). Л. : Наука, 2014. 352 с.
18. Словарь русских народных говоров. Вып. 10 (заглазки-заросить). Л. : Наука, 1974. 388 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 2004. Т. 2. 672 с.
20. Словарь русских народных говоров. Вып. 11 (зароситься-зубрёнка). Л. : Наука, 1976. 364 с.
21. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2 (репринт 1909). 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Прогресс; Универс, 1994. 2030 с.
22. Мельниченко Г.Г. Ярославский областной словарь. Вып. 7 (о-пито). Ярославль, 1988. 108 с.
23. Асилов Б.И. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Вып. 2 (А-Я). Омск : Изд-во ОмГПУ, 2003. 172 с.
24. Словарь русских народных говоров. Вып. 39 (сметушка-сопочить). Л. : Наука, 2005. 343 с.
25. Словарь русских народных говоров. Вып. 19 (мутаситься-накучить). Л. : Наука, 1983. 360 с.
26. Словарь русских народных говоров. Вып. 28 (подель-покороче). Л. : Наука, 1994. 433 с.
27. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6 (зипунъ-иянуарий) / гл. ред. С.Г. Бархударов. М. : Наука, 1979. 363 с.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 2004. Т. 1. 588 с.
29. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М.: Рус. яз., 1994. Т. 1. 560 с.
30. Словарь русских народных говоров. Вып. 8 (дер-ерепениться). Л. : Наука, 1972. 370 с.
31. Куликовский Г.И. Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Тип. Императ. Акад. Наук, 1898. 151 с.
32. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 5 (вотвери-выкушать). Л. : ЛГУ, 1983. 188 с.
33. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 (репринт 1909). 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Прогресс; Универс, 1994. 1619 с.
34. Словарь русских народных говоров. Вып. 20 (накучать-негоразд). Л. : Наука, 1985. 376 с.
35. Словарь русских народных говоров. Вып. 24 (осець-отчураться). Л. : Наука, 1989. 368 с.
36. Словарь русских народных говоров. Вып. 42 (стриж-сухловина). Л. : Наука, 2008. 330 с.
37. Словарь русских народных говоров. Вып. 36 (с-святковать). Л. : Наука, 2002. 344 с.
38. Словарь русских народных говоров. Вып. 41 (ссувориться-стригчись). Л. : Наука, 2007. 343 с.
39. Герд А.С. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 (необрытнй-подузорник). СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 688 с.
40. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1983. Т. 2. 736 с.
41. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 23 (ограбал-отвечивать). СПб. : СПбГУ, 2012. 534 с.
42. Словарь русских народных говоров. Вып. 32 (присуха-протишь). Л. : Наука, 1998. 272 с.
43. Словарь русских народных говоров. Вып. 29 (покорочеть-попритчиться). Л. : Наука, 1995. 350 с.
44. Меркулова В.А. Народные названия болезней, I (на материале русского языка) // Этимология 1967. М. : Наука, 1969. С. 158–172.
45. Куркина Л.В. Этимологические заметки на полях «Этимологического словаря старославянского языка» // *Studia etymologica Brunensia* 18 / eds. by I. Janyškova, H. Karlikova. Praha, 2015. С. 203–215.
46. Словарь русских народных говоров. Вып. 44 (телепай-транба). Л. : Наука, 2011. 350 с.
47. Словарь русских народных говоров. Вып. 35 (реветь-рящик). Л. : Наука, 2001. 360 с.
48. Словарь русских народных говоров. Вып. 38 (скинать-сметушка). Л. : Наука, 2004. 373 с.
49. Словарь русских народных говоров. Вып. 17 (леснокаменный-масленичать). Л. : Наука, 1981. 384 с.
50. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 2004. Т. 3. 830 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 января 2018 г.

THE MOTIVATIONAL STRUCTURE OF THE SUBFIELD “EVIL EYE, JINX” OF THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD “HARM” IN THE DIALECTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 47–54.

DOI: 10.17223/15617793/427/6

Liu Yanchun, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liuyanchun@mail.ru

Keywords: Negative utilitarian evaluation; Russian language; dialectal vocabulary; motivational feature; motivational model.

The article discusses the vocabulary of negative pragmatic evaluation with the meaning ‘evil eye, jinx’ from the point of view of its semantic-motivational structure. The research was carried out on the material collected by the method of continuous samples from the dictionary of Russian folk dialects (more than seven hundred lexical units). Basically, this is lexicon which has no correspondences in the literary language with the exception of the lexemes *sglaz* [evil eye], *sglazit* [to hoodoo], *porcha* [jinx], *portit* [to jinx] and their derivatives. After the analysis of the semantic structure and the identification of the motivational feature, the studied lexical units were separated into three main nomination models. The first model – “evil eye, jinx ← (to make) unfit, sick with a look (evil eye)” – is represented by derivatives from the roots *glaz-* [eye], *glyad-* [look], *-zor-* [see, watch], *zep-* [eye] (cf. *sglaz* [evil eye], *sglazit* [to hoodoo], *poglyadka* [evil eye], *pereglyanut* [to bring misfortune], *prizor* [injury], *oprizorit* [to hoodoo], *ozep* [evil eye], *ozepat* [to jinx by evil thoughts], *sozepit* [to hoodoo]; *izzevat* [to hoodoo], *ozev* [evil eye] with the original meaning ‘to watch with an open mouth’, *obokhat* [to hoodoo], *podivit* [to hoodoo] and the original meaning ‘look with a surprise, a sigh’, etc.). The

second model – “evil eye, jinx ← (make) unfit, sick by word, hex, conspiracy” – is mainly expressed by derivatives from the roots *rek-* [speech], *rok-* [speech], *govor-* [talk], *zyk-* [tongue], *-sud-* [discussion], etc. (*vrek* [evil eye], *urekat'* [to do harm], *urok* [jinx], *urochit'* [to jinx by unkind, envious eyes], *izurochit'* [to jinx by witchcraft, evil eye], *otgovor* [cause of disease and damage], *ogovorit'* [to do harm by word], *ozykat'* [to hoodoo], *peresud* [evil eye], etc.). The third model – “evil eye, damage ← (make) unfit, sick by a special action (ritual), a mental message” – is represented by words with the meaning ‘to spoil (health, psyche) by the power of witchcraft’. This action is expressed by verbs with generalizing semantics and their derivatives (*sdelat'* [to do harm], *poprichit'* [to inflict harm], *nasazhivat'* [to send harm], *pokhitit'* [to do harm], *poteryat'* [to unleash harm], *pogadit'* [to make unfit], *podumka* [thinking of harm], etc.). The analysis shows that most of the dialectal units reflect the traditional culture representatives’ faith in the effective, magical power of eyesight/look, speech/word, mental message, some actions interpreted as being able to harm the addressee, as a particular ritual-sorcery. Lexemes with the historical meaning ‘speak/speech’ (*urochit'* [to jinx by unkind, envious eyes], etc.) have lost their connection with the original concept; and the meanings ‘hoodoo/evil eye’ and ‘do harm’, including in verbs with the broad semantics of action, are generalizing, ‘generic’.

REFERENCES

1. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Filin, F.P. (ed.) (1970) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 5. Leningrad: Nauka.
5. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1996) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 30. St. Petersburg: Nauka.
6. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2003) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 37. St. Petersburg: Nauka.
7. Filin, F.P. (ed.) (1970) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 6. Leningrad: Nauka.
8. Filin, F.P. (ed.) (1977) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 12. Leningrad: Nauka.
9. Degtyarev, V.I., Kudryashova, R.I., Protsenko, B.N. & Serdyukova, O.K. (2003) *Bol'shoy tolvovyy slovar' donskogo kazachestva: ok. 18 000 slov i ustoychiv. slovosochetaniy* [Great explanatory dictionary of the Don Cossacks: c. 18 000 words and fixed phrases]. Moscow: Russkie slovari•Astrel'•AST.
10. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1992) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 27. St. Petersburg: Nauka.
11. Filin, F.P. (ed.) (1986) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 21. Leningrad: Nauka.
12. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1991) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 26. Leningrad: Nauka.
13. Filin, F.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 22. Leningrad: Nauka.
14. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1997) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 31. St. Petersburg: Nauka.
15. Filin, F.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 23. Leningrad: Nauka.
16. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2006) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 40. St. Petersburg: Nauka.
17. Kuznetsova, O.D. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 47. St. Petersburg: Nauka.
18. Filin, F.P. (ed.) (1974) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 10. Leningrad: Nauka.
19. Vasmer, M. (2004) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 2. Moscow: Progress.
20. Filin, F.P. (ed.) (1976) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 11. Leningrad: Nauka.
21. Dahl, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: in 4 vols]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow: Progress; Univers.
22. Mel'nichenko, G.G. (1988) *Yaroslavskiy oblastnoy slovar'* [Yaroslavl Regional Dictionary]. Is. 7. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Institute.
23. Osipov, B.I. (2003) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the Middle Irtysh]. Is. 2. Omsk: Omsk State University.
24. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2005) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 39. St. Petersburg: Nauka.
25. Filin, F.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 19. Leningrad: Nauka.
26. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1994) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 28. St. Petersburg: Nauka.
27. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1979) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Is. 6. Moscow: Nauka.
28. Vasmer, M. (2004) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 1. Moscow: Progress.
29. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
30. Filin, F.P. (ed.) (1972) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 8. Leningrad: Nauka.
31. Kulikovskiy, G.I. (1998) *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic usage]. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akad. Nauk.
32. Lebedeva, A.I. & Mzhel'skaya, O.S. (eds) (1983) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Is. 5. Leningrad: Leningrad State University.
33. Dahl, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian language: in 4 vols]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Progress; Univers.
34. Filin, F.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 20. Leningrad: Nauka.
35. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1989) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 24. Leningrad: Nauka.
36. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2008) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 42. St. Petersburg: Nauka.
37. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2002) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 36. St. Petersburg: Nauka.
38. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2007) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 41. St. Petersburg: Nauka.
39. Gerd, A.S. (1999) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Is. 4. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
40. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
41. Ivashko, L.A., Lutovinova, I.S. & Tarasova, M.A. (eds) (2012) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Is. 23. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
42. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1998) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 32. St. Petersburg: Nauka.
43. Sorokoletov, F.P. (ed.) (1995) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 29. St. Petersburg: Nauka.

44. Merkulova, V.A. (1969) Narodnye nazvaniya bolezney, I (na materiale russkogo yazyka) [Folk names of diseases, I (on the material of the Russian language)]. In: Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologiya 1967* [Etymology 1967]. Moscow: Nauka.
45. Kurkina, L.V. (2015) Etimologicheskie zametki na polyakh "Etimologicheskogo slovaryia staroslavjanskogo yazyka" [Etymological notes on the margins of the Etymological Dictionary of the Old Slavonic Language]. In: Janyškova, I. & Karlikova, H. (eds) *Studia etymologica Brunensia 18*. Prague: Euroslavica.
46. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2011) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 44. St. Petersburg: Nauka.
47. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2001) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 35. St. Petersburg: Nauka.
48. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2004) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 38. St. Petersburg: Nauka.
49. Filin, F.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 17. Leningrad: Nauka.
50. Vasmer, M. (2004) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 3. Moscow: Progress.

Received: 28 January 2018

ИЗМЕРЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ (СОЗДАНИЕ И АПРОБАЦИЯ ТЕСТА)

Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (договор № 14Y26.31.00.14).

Представлен проект пилотной версии теста, используемого для измерения лексического компонента языковой способности, позволяющего проводить массовые измерения способностей как носителей одного языка, так и билингвов. Представлен алгоритм создания версии теста, являющийся частичной репликацией словарных шкал Милл Хилл (Mill Hill Vocabulary Scale) Дж. Равена, Дж.К. Равена, Дж.К. Курта. Характеризуются принципы отбора словника, варианты отклонений от исходного теста, результаты пробных тестирований, проведенных в группах учащихся средних школ одного региона.

Ключевые слова: русский язык; психолингвистическая диагностика; языковая способность; лексический компонент языковой способности; тестирование; тест; словарная шкала.

Введение. Способности – индивидуальные особенности развития человека, позволяющие ему овладеть теми или иными навыками и знаниями, представляют собой свойства психических функциональных систем, определяющих успех деятельности индивида. Совокупность способностей формирует потенциальные свойства личности, актуализирующиеся при определенных обстоятельствах.

Объектом нашего исследования является языковая способность (ЯС), которая занимает важное место в системе других способностей человека и, являясь самостоятельной, она зачастую выступает посредником в их развитии.

Языковая способность является одним из компонентов общего интеллекта, выделенного Чарльзом Спирменом в 1904 г. Английский психолог и статистик Ч. Спирмен предложил двухфакторную теорию интеллекта, в которой выделили g-фактор (от англ. general – основной) и s-фактор (от англ. specific – специфический). G-фактор, или «общий интеллект», определяется умственными процессами, связанными с памятью, физическими способностями, чувствами, в то время как s-фактор измеряет специфические способности, например математические, творческие. Общий интеллект, в свою очередь, также представляет собой двухкомпонентную систему, состоит из «(1) продуктивной способности, т.е. способности делать выводы, извлекать смысл из хаотического материала, схематизировать, обычно на невербальном уровне, и создавать концепции, позволяющие легко оперировать сложными понятиями; (2) репродуктивной способности – способности усваивать и воспроизводить вербальную информацию» (цит. по: [1. С. 58]).

Разнообразие способностей человека и многообразие подходов к их исследованию обуславливают множественность существующих типологий. Одной из наиболее значимых классификаций способностей человека является их деление на врожденные, к которым, как правило, относят слух, обоняние, память и научение, зрение, и приобретенные (Р.Л. Аткинсон, Р.С. Аткинсон, Э.Е. Смит, Д.Дж. Бем, С. Нолен-Хоксема). Вопрос о принадлежности ЯС к врожденным или приобретенным дискутируется и в настоящее время. Идея о врожденном характере ЯС поддерживается нативистами, к числу которых относится Н. Хомский, утверждающий: «Естественная гипотеза

такова, что дети рождаются с “языковой способностью” (Ф. де Соссюр), “инстинктивной склонностью” к языку (Ч. Дарвин)» [2. С. 21]. Он считает ЯС генетически заложенным свойством человека, утверждая, что каждый ребенок рождается с «устройством овладения языком», «компонентом биологического наследия вида» [Там же. С. 23], которое обеспечивает стремительное усвоение и научение. Ребенок рождается с пониманием правил языка – правил «универсальной грамматики», ему остается лишь усвоить вокабуляр.

Теория Н. Хомского неоднократно подвергалась критике. Оппоненты теории нативизма утверждают, что дети усваивают язык непосредственно через опыт взаимодействия [3], и это свидетельствует о социальной обусловленности ЯС, что, впрочем, соотносимо с утверждением Н. Хомского: «Обретение подспудного знания французского, итальянского, китайского и прочих языков, таким образом, оказывается возможным благодаря компоненту разума-мозга, который в эксплицитной форме моделируется универсальной грамматикой во взаимодействии с конкретным ходом языкового развития» [2. С. 22]. Оспаривая врожденный характер языковой способности, ряд ученых говорят о языковой способности как побочном механизме, сформировавшемся в результате развития мыслительных, перцептомоторных, когнитивных и прагматических систем [4].

В классификациях способностей по степени сложности¹ ЯС относится к сложному типу, так как сочетает в себе слух, говорение, мышление, восприятие, память и др.

Значимой классификацией способностей является их деление на общие и специальные, или универсальные и специфические². В рамках лингвофилософского подхода ЯС определялась как базовая характеристика человека, выступающая в качестве способа познания [5. С. 39], удовлетворения потребности в общении [6. С. 48], хранения и передачи информации, адаптации к окружающему миру [7] и обществу [8–10]. Понимание ЯС как основы осуществления речевой деятельности определяет ее место в системе общих способностей человека.

ЯС человека, являющаяся базовой отличительной характеристикой *Homo sapiens sapiens*, проявляется вариативно в системе общих и частных способностей индивидов, различаясь по степени выраженности.

Сама природа ЯС, ее вхождение в систему общих и частных способностей человека и вместе с тем связь со специфическими механизмами реализации определяют необходимость привлечения к ее исследованию методологического инструментария лингвистики и психологии. В психологии акцентируется аспект вхождения ЯС в общую систему способностей и аспект их взаимных детерминаций, психический субстрат языковой ЯС и т.д., в лингвистике основным предметом исследований является ее структура, которая, как правило, выстраивается в соотношении с уровневой системой языка. Психолингвистика как кросс-дисциплинарная область науки «интересуется структурной организацией и закономерностями функционирования функциональных систем, обеспечивающих осуществление речи и речевого восприятия» [11. С. 18], т.е. структурой ЯС человека. В психолингвистике ЯС понимается как индивидуальная способность человека к владению единицами всех уровней языковой системы в процессах порождения и восприятия речи: способность к различению фонем и их комбинации при построении фонетических оболочек слов, к образованию и распознаванию формы и семантики лексем, к построению и распознаванию грамматически правильных предложений / высказываний. Предметом исследования в психолингвистике является как общая природа и структура ЯС, так и ее вариации в системе индивидуальных способностей человека. Анализ вариативности ЯС предполагает решение проблемы характера и степени их типологизации, с одной стороны, индивидуализации – с другой. Одним из базовых понятий при втором подходе является понятие *степени выраженности ЯС*, которая может быть измерена с использованием специального психолингвистического инструментария.

В настоящее время в практике психолингвистических исследований сформировано представление о «собственном измерительном потенциале» каждого из уровней структуры ЯС и выработаны эффективные измерительные инструменты, к числу которых относятся тесты.

Отметим, что привлечение языкового материала при построении психолингвистических тестов может иметь различную направленность: манипуляции языковыми единицами испытуемыми может привлекаться для исследования как языковых, так и неязыковых способностей. Так, первый тип тестирования использовался уж в конце XIX в.: в работе *Manual for Kit of Factor-Referenced Cognitive Tests* авторы выделили 72 теста, в том числе и направленные на изучение психологических особенностей посредством анализа использования единиц языка – измерение вербального восприятия, выразительности, скорости мышления, логического обоснования и т.д. [14. С. 8]. В 2001 г. Д. Делис, Д. Каплан и Дж. Крамер разработали систему тестов для измерения невербальных функций. Система состоит из девяти самостоятельных тестов, часть которых основана на использовании словарных единиц [15].

Тестирование может быть комплексным, охватывая языковые и неязыковые способности. Примером таких тестов могут служить Wechsler Intelligence Scale

[16] и Stanford-Binet Intelligence Scale [17], которые оценивают пять когнитивных способностей человека: рассуждение, знание слов, количественные рассуждения, визуально-пространственная ориентация и рабочая память.

В настоящее время разработаны разнообразные тесты, направленные на построение теоретических моделей когнитивных функций. Подобные тесты позволяют выявить стратегии чтения, узнавания и восприятия и возможные отклонения у людей с различными заболеваниями, например афазией (Psycholinguistic Assessment of Language Processing in Aphasia (PALPA) [18], Doors and people test [19]). В PALPA задействованы различные уровни ЯС: орфография, морфология, фонология, семантика и синтаксис.

Тесты на вербальную ассоциацию оценивают прежде всего аспекты речевой деятельности. В Peabody Picture Vocabulary Test [20] соотнесение слова с изображением позволяет проводить масштабные кросс-культурные исследования на знание вокабуляра, способность узнавания денотата.

При анализе уровня развития ЯС разрабатываются системы тестов, направленные на измерение разных ее аспектов. Общий характер ЯС может быть смоделирован только на основе использования системы тестов. Вместе с тем ряд исследователей, занимающихся изучением ЯС как носителей родного языка, так билингвов и полилингвов, отмечают центральное положение лексического компонента ЯС (С. Пинкер и Р. Джекендофф [21], Марк Д. Хосер и др. [22]). Вследствие этого в мировой психологии и психолингвистике практика создания тестов для измерения лексического компонента ЯС имеет длительную традицию (наиболее известны Peabody Picture Vocabulary Test, Wechsler Intelligence Scale и Stanford-Binet Intelligence Scale, Mill Hill Vocabulary Scale и др.).

Данная практика показала, что использование словарных шкал является одним из наиболее эффективных инструментов подобных измерений. Однако, как отмечается в аналитических исследованиях, отечественная методологическая база в области психодиагностического тестирования лишь на 25% соответствуют международным требованиям надежности и валидности [23]. Это положение дел определяет необходимость продолжать работу в данном направлении для создания надежного, валидного инструментария психолингвистической и лингвистической диагностики. Как представляется, одной из задач работы в данном направлении является создание тестов, способных послужить инструментом, позволяющим получить надежный материал для проведения кросс-культурных исследований. Если ориентироваться при построении тестовых материалов на возможность решения задачи сопоставительных межкультурных исследований, то одним из эффективных путей ее реализации является репликация существующих методов, примененных для анализа ЯС носителей других языков и доказавших свою валидность. При этом, как показывает практика, при переходе к материалу других языков необходима адаптация (локализация) материала.

Одним из наиболее авторитетных тестов определения уровня лексической способности является Mill

Hill Vocabulary Scale (словарные шкалы Милл Хилл). Шкалы были разработаны в 1930-х гг. Дж.К. Равеном, Дж.К. Куртом, Дж. Равеном для измерения репродуктивной способности общего интеллекта и использовались совместно с Прогрессивными матрицами Равена, которые служили для измерения индуктивной способности. Словарные шкалы Милл Хилл сформированы на основе английского языка и прошли апробацию во многих странах. Они просты в использовании, позволяют осуществить срез двух или трех аспектов одновременно, поддаются модификации с учетом постоянного развития языка и применимы к различным возрастным группам. Кроме того, словарные шкалы предназначены для разных уровней способности и доступны в форме с выбором варианта ответа и с открытым вариантом ответа, в устном, письменном и электронном форматах.

Постановка задачи и метод. Предметом нашего исследования является создание инструментария измерения лексического компонента ЯС, определяющего способность человека оперировать словарными единицами при порождении и восприятии речи. Измерение лексического компонента ЯС человека предполагает выявление как объема индивидуального лексикона, так и его функционального диапазона, т.е. характера использования лексических единиц, их синтагматических и парадигматических связей.

Цель нашей работы – создание теста для измерения лексического компонента языковой способности. При решении поставленной цели мы выбрали методику частичной репликации и локализации (адаптации) существующей лексической шкалы, Mill Hill Vocabulary Scale. Разрабатываемый инструмент позволит измерять уровень владения ЯС носителей русского языка и тех, кто изучает русский как иностранный, проводить сопоставительные анализы в синхронии и диахронии, а также кросс-культурные исследования с привлечением результатов, полученных на основе применения оригинальной методики применительно к другим языкам.

Существуют различные способы стандартизации тестов, среди которых наиболее популярными являются практики перевода, частичная репликация и адаптация.

Перевод уже готовых тестов для использования в разных культурах возможен, о чем свидетельствует практика. Ж.Ж. Дельтур (J.J. Deltour) и М.И. Панизо (M.I. Panizo) перевели тесты Милл Хилл на французский и испанский языки. Было обнаружено, что большинство слов может быть использовано при прямом переводе, шкалирование остается примерно одинаковым в английской, французской и испанской версиях, что подтверждает межкультурный характер содержательной и конструктивной валидности теста [14]. Но в целом адаптация зарубежного интеллектуального теста (вербального или с вербальными компонентами) чрезвычайно сложна из-за несоответствия лексико-информационных особенностей языков, принадлежащих к разным языковым семьям или группам языков в пределах одной семьи, что может привести к снижению валидности теста. Так, при стандартизации теста Милл Хилл для носителей румынского языка

ученые столкнулись с невозможностью прямого перевода предложенных слов, что вполне объяснимо.

Основными причинами трудностей при создании параллельных версий одного и того же теста в форматах с открытым вопросом и выбором варианта ответа являются различная функциональная нагруженность и частотность слов-эквивалентов в структурах разных языков. По этой причине стандартизация теста для другого языка чаще всего предполагает не прямой перевод существующей шкалы измерения, но частичную или полную репликацию методики получения соответствующей шкалы лексических единиц другого языка. Мы избираем способ частичной репликации. В данной статье характеризуются этапы формирования русскоязычной версии шкал в соотнесении с оригинальной версией.

Словарные шкалы Милл Хилл измеряют приобретенный словарный запас человека, выявляют знание значения слов и их парадигматических отношений, в частности синонимии. Базу измерительной методики составляет словник слов-стимулов, их синонимов и дистракторов, т.е. единиц, представляющих собой варианты неверных ответов относительно стимульного слова.

Словник формируется таким образом, чтобы адекватно измерить уровень владения лексическим компонентом ЯС человека: для этого в состав словника включаются единицы, варьирующиеся по степени известности слов, их сложности и частотности.

Лексемы отбираются методом случайной выборки из авторитетных лексикографических источников, что снижает субъективность исследователя в их отборе. В оригинальной методике из «Краткого Оксфордского словаря английского языка» отбиралось 500 слов, расположенных через равные друг от друга интервалы. Слова были упорядочены по уровню сложности, сформированы в блоки по 50 слов и представлены детям в возрасте от 5 до 14 лет. Анализ показал, что словник содержит слишком много простых слов.

Дополнительно из Тезауруса Роже было отобрано 150 слов. В Тезаурусе были определены номера страниц с фиксированным межстраничным интервалом. Выбор слов осуществляли эксперты. Отбирались слова, которые, по мнению экспертов, «должен знать любой интеллигентный взрослый человек независимо от его профессии», но которые могут вызвать затруднения при его определении [24].

Словник для русскоязычной версии формировался методом случайной выборки единиц из «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [25] и «Частотного словаря русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [26], из каждого источника было отобрано по 500 слов.

Из «Словаря русского языка», в котором содержится 83 590 словарных статей, выписывалось каждое 167-е слово, так как интервал составил 167,18. По результатам работы было составлено два словника, один из которых содержит список слов, второй включает словарные статьи слов с ударением и контекстами использования.

Для выборки из «Частотного словаря современного русского языка (на материалах Национального

корпуса русского языка)» использовался частотный указатель лемм. Общее количество лемм (20 004) было поделено на 500 слов, в результате выписывалось каждое 48-е слово. Из готового словника по материалам двух словарей были исключены слова, не принадлежащие к знаменательным частям речи.

Сформированный список был представлен на экспертную оценку. Экспертами выступили аспиранты, сотрудники и руководитель «Лаборатории когнитивных исследований языка НИ ТГУ». В ходе экспертной проверки из словника были исключены: эмоционально-оценочная лексика (березка, бабуля и т.д.); слова-термины (боеголовка, бормашина и т.д.); разговорная лексика: косинка (косоглазие) и т.д.).

В результате был сформирован словник, состоящий из стилистически нейтрально окрашенных слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, включающий 271 единицу.

Так как применение словарных шкал Милл Хилл направлено на выявление знания значений слов и способности тестируемого отличить знакомое слово от незнакомого и соотносить его со словом, близким по значению, целевые слова, включаемые в тест, должны иметь синонимы в языковой системе. Вследствие этого из словника, сформированного на втором этапе, были исключены единицы, не имеющие синонимов. Для проверки вхождения единиц словника в синонимические парадигмы использовались «Словарь синонимов русского языка» под редакцией З.Е. Александровой [27], «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под редакцией Ю.А. Апресяна [28] и «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [29].

Оставшиеся слова были соотнесены с результатами экспертной проверки. Слова, принадлежащие к одной из названных категорий, были исключены из словника. Состав словника на этом этапе насчитывал 154 слова. Оригинальная шкала содержит 112 слов.

На третьем этапе 154 слова-стимула были ранжированы по частотности и дополнены синонимами, для которых также была определена частотность по данным «Частотного словаря современного русского языка (на основе материалов Национального корпуса русского языка)». Частотность лексем в настоящее время высчитывается на основе данных национальных корпусов, в нашем случае – НКРЯ. Сложность слова определяется несколькими признаками: частотностью, длиной и функциональной палитрой слова: к более сложным словам при прочих равных условиях относят более длинные, менее частотные слова, единицы с ограниченной сферой функционирования, с более поздним возрастом усвоения [30–32]. На данном этапе при определении сложности слова были применены три первых критерия. Как показали предыдущие исследования, в том числе проведенные и на материале русского языка, возраст усвоения находится в линейной зависимости с частотой слова: менее частотные слова усваиваются в более позднем возрасте [33. С. 32–33].

Итак, был сформирован основной список слов-стимулов, знание которых проверяется в формируемом тесте с помощью другого набора слов – вспомо-

гательного. Знание слов предполагает умение оперировать ими, отличать от омонимов и омографов, понимать возможность взаимозаменяемости, степень сходства, соотносить с синонимами и антонимами. Вспомогательный набор слов состоит из синонимов и дистракторов – слов, отличающихся по значению, часть из которых может быть близка по форме и принадлежать к общему семантическому полю. Дистракторы относятся к базовому составу лексикона, отличаются по форме и значению от целевых слов, могут находиться с ними в разной степени формальной и семантической близости, но не являются синонимами. Состав дистракторов отбирался из первоначального списка слов, не вошедших в состав целевых единиц. Таким образом, было сформировано три словника: слова-стимулы; синонимы, которые испытуемые должны соотнести со словами-стимулами; слова-дистракторы.

Работа со словарными источниками по формированию списков синонимов и дистракторов была дополнена работой с информантами, носителями русского языка со сформированной языковой способностью.

В оригинальной методике набор дистракторов отбирался с помощью опросников в формах с открытым вариантом ответа, т.е. информантам предлагалось написать синоним к слову-стимулу. Ответы для каждого слова сохранялись, ранжировались в порядке близости, неправильные ответы использовались в качестве дистракторов.

На следующем этапе работы мы также прибегли к методике лингвистического опроса: 154 слова были сгруппированы в 2 группы по 39 слов и в 2 группы по 38 слов таким образом, чтобы средняя частотность в группах располагалась примерно в одном диапазоне (24,3; 24,4; 24,6; 25,1). С помощью гугл-форм группы слов были предъявлены информантам, перед которыми была поставлена задача написать синоним к каждому слову. Слова были предъявлены 42 информантам³, в результате тестирования было получено 1 585 ответов.

Данный этап не только позволил сформировать дополнительный список дистракторов, проверить релевантность списка синонимов, но и протестировать степень узнаваемости слова информантами со сформированной языковой способностью. Информанты подобрали синонимы для абсолютного большинства слов. Ответы преимущественно состояли из вариантов, отмеченных в словарях и выбранных нами в качестве правильных ответов в планируемом опросе. Из состава предъявленных единиц к 124 словам были подобраны синонимы всеми респондентами, к 21 слову не определил синоним один человек, к 8 словам – два, к 1 слову (заваливший) – три человека не дали ответ. Таким образом, результаты онлайн-опроса подтвердили правильность отбора синонимов.

Ошибочные ответы дополнили список дистракторов, который составил 601 единицу.

Методика формирования тестов предполагает их апробацию – проверку эффективности. Следующим этапом стало формирование сетов для предъявления испытуемым в основном тестировании. Было сфор-

мировано 2 сета по 38 слов и 2 сета по 39 слов. Каждый сет формировался из слова-стимула и списка 6 слов, включающего 1 синоним и 5 дистракторов. В состав дистракторов включались единицы той же части речи, схожие по форме, у глаголов контролировалось единство видовой формы. На данном этапе дистракторы не были сбалансированы по частотности со словом-стимулом и синонимом.

На следующем этапе мы провели проверку диагностирующих способностей сформированных тестов.

Диагностирующие возможности теста определяются сбалансированным составом слов, отличающихся по степени сложности для разных групп испытуемых. В составе словника должны быть единицы, известные носителям языка с разной степенью ЯС, и слова, знакомство с которыми является маркерами перехода от одного уровня к другому. Проверка валидности теста заключалась в тестировании состава словника на наличие сбалансированного количества единиц, способных маркировать разный уровень сформированности ЯС. Проверка осуществлялась как относительно общего состава сетов, так и всех единиц.

Апробация диагностирующих способностей сформированных сетов проводилась при их предъявлении учащимся 5-, 6- и 8-х классов, находящимся на разных ступенях формирования языковой способности⁴. Мы разделили респондентов на две группы, объединив 5- и 6-е классы, с целью выявить слова, которые показали бы различие в выраженности ЯС у школьников.

Каждый испытуемый получал набор документов: на листах бумаги формата А4 предъявлялся один сет, состоящий из 38 или 39 слов-стимулов, синонимов к ним и дистракторов. Организация слов в сете представлена в таблице. Слова организованы в соответствии с оригинальной методикой, позволяющей избежать паттернизации ответов респондентов: синонимы и дистракторы расположены случайным образом по отношению к стимульному слову.

Пример организации слов в сете

Экспорт	
Приезд	Налог
Кульора	Вывоз
Йота	Выезд

В инструкции испытуемому предлагалось к слову, выделенному жирным шрифтом, выбрать синоним из шести предложенных ниже слов. Вариант ответа было необходимо обвести или поставить галочку рядом. Если слово незнакомо, испытуемому предлагалось пропустить его.

Из состава метаданных испытуемые указывали возраст и пол.

Заполнение сета занимало от 10 до 30 минут в 8-х и 5–6-х классах соответственно.

Всего было получено 113 анкет, 4 354 реакции. Предполагается, что ЯС полностью формируется к 14–18 годам.

В первой группе 5–6-х классов получено 62 анкеты и 2388 реакций, в группе 8-х классов – 51 – анкета и 1966 реакций.

Обработка анкет на первом этапе заключалась в выявлении числа правильных и неправильных ответов: верное или неверное определение синонимов. Результаты сетов заносятся в таблицу, в которой фиксировались код испытуемого, возраст, пол, вариант ответа. Варианты ответа маркировались цифрами 1 и 0 для правильного и неправильного ответа соответственно.

В полученных результатах был посчитан процент выполнения сета каждым испытуемым. Также были посчитаны процент правильности ответов для каждого стимульного слова и процент выполнения сета в целом всеми испытуемыми.

На следующем этапе был проведен статистический анализ полученных результатов. Количественное соотношение правильных и неправильных ответов было использовано для выявления статистически значимых различий по данному параметру. Анализ результатов был выполнен с помощью программы статистической обработки данных «Пакет R», с использованием теста Фишера. В результате было выделено две группы слов, одна из которых обладает диагностирующей способностью, другая – нет.

В первой группе содержатся слова, на которые восьмиклассники дали больше правильных ответов, чем пятиклассники, например *возмужать*, *аукцион*, *величие*, *экспорт*. Согласно тесту Фишера, статистическая разница между показателями двух сравниваемых групп составляет $\leq 0,05 < 1$.

Вторая группа содержит слова, различия в ответах на которые не обладают статистической значимостью, т.е. обе группы испытуемых дали примерно одинаковое количество правильных или неправильных ответов. В четырех сетах насчитывается 52 таких слова, например *лунья*, *невеселый*, *завалищий*, которые составляют 33,8% от общего количества слов. Согласно тесту Фишера, статистическая значимость соотношения равна 1. Следовательно, применительно к данной группе испытуемых слова не обладают диагностирующей способностью различения уровня владения лексическим компонентом языковой способности. Однако их диагностирующую способность можно проверить на группе младших школьников, находящихся на начальном этапе формирования ЯС.

Таким образом, двухэтапная обработка данных позволила выявить слова, которые могут служить маркерами выраженности ЯС. Кроме того, были обнаружены слова-стимулы, синонимы и дистракторы, диагностирующие возможности которых требуют дополнительной проверки. Мы предполагаем, что, возможно, сопоставление результатов испытуемых среднего звена с результатами учащихся начальной школы приведет к обнаружению статистически значимых различий в уровне оперирования более широкого круга единиц.

Дополнительное тестирование либо обнаружит варьирование доли правильных ответов в других группах испытуемых, либо покажет необходимость замены части слов этой группы.

Таким образом, пилотное тестирование демонстрирует диагностирующие возможности разрабатываемой шкалы. Слова, обладающие различным уровнем

нем сложности, служат маркерами выраженности ЯС у различных возрастных групп.

Статистическая обработка позволила также выявить недостатки шкалы и определила пути решения возникших проблем. Под недостатками мы понимаем нарушение расположения слов в сетах. Слова-стимулы, синонимы и дистракторы необходимо более последовательно сбалансировать по частотности и рангу сложности. Для решения данной проблемы необходимо проверить частотность и сложность используемых слов, сформировать списки слов, ранжированных по частотности и сложности, переоформить сету. Одним из недостатков, на наш взгляд, также является то, что в словнике насчитывается более 1/3 слов, которые не выступают маркерами выраженности ЯС в данных возрастных группах. Для проверки эффективности отобранных слов, с одной стороны, можно увеличить интервал частотности слов в словнике, повысив ранг сложности некоторых единиц словника, что возможно при коррекции выборки из «Частотного словаря русского языка»; с другой стороны, привлечь к участию респондентов младшего школьного звена и сравнить полученные ответы с

предыдущими группами. В ходе анализа мы также столкнулись с проблемой, описанной авторами в руководстве [24]: ряд дистракторов а) «затмевают» синоним; б) обладают слишком низкой частотностью по сравнению со словом-стимулом. Необходимо заменить дистракторы такого типа. Данную коррекцию планируется провести на следующем этапе работы. Важным этапом работы является массовое тестирование, которое должно продиагностировать воспроизводимость результатов в разных социальных группах испытуемых.

На следующем этапе будет сформирован новый список слов с использованием увеличенного интервала выборки. Слова будут дополнительно ранжированы по степени сложности. Считаем необходимым сбалансировать синонимы и дистракторы со словом-стимулом по степени частотности. Сформированные сету будут представлены тем же возрастным группам, что и в проведенных опросах, а также младшей возрастной группе, для того чтобы выявить наличие или отсутствие различий в тестирующих возможностях вариантов тестов приблизительно детям в возрасте 10 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, Э. Клапаред определяет сложные – как совокупность элементарных способностей или актуализацию одной специфической способности [11. С. 271–272].

² Как отмечает В.Н. Дружинин, «общие способности соотносятся с психикой как целостной системой, специальные – с отдельными ее подсистемами» [12. С. 92]. К общим, или универсальным, способностям относят способность к обучению, умственные способности, способность к труду, память, речь. Специальные способности зачастую соотносятся с деятельностью человека, к ним относятся высшие интеллектуальные способности, теоретические, практические, учебные, творческие, предметные, межличностные и др.

³ Средний возраст информантов – 23 года, 61,9% женщины, 47,6% имеют высшее образование, 50% – представители гуманитарного направления, для 100% респондентов русский язык является родным.

⁴ Тестирование проводилось в школе г. Прокопьевска Кемеровской области и школах г. Томска. Опрос школьников проводился с разрешения администрации образовательного учреждения, испытуемые были проинформированы о научной цели опроса и участвовали в эксперименте при условии письменно зафиксированного согласия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Равен Дж. Прогрессивные матрицы Равена: изменение и стабильность в зависимости от места и времени // Иностранная психология. 1998. № 10. С. 58–65.
2. Хомский Н. О природе и языке: С очерком «Секулярное совершенство и опасности, которые таит демократия» М.: УРСС: ЛЕНЛАНД, 2017. 288 с.
3. Valian V. Arguing about innateness // Journal of Child Language. 2014. № 41. P. 78–92. doi:10.1017/S0305000914000336. URL: http://journals.cambridge.org/abstract_S0305000914000336 (дата обращения: 25.07.2017).
4. Christiansen V.H. Language as shaped by the brain // Behavioural and brain sciences. 2008. № 31. P. 489–558. URL: http://www.psychol.ucl.ac.uk/people/profiles/chater_nick.html (дата обращения: 25.07.2017).
5. Потребня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г.В. Рамишвили; ред. М.А. Оборина. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
7. Pinker S., Jackendoff R. The Faculty of Language: What's Special about it? // Cognition. 2005. № 95. P. 201–236. URL: <https://ase.tufts.edu/cogstud/jackendoff/papers/FacultyofLanguage.pdf> (дата обращения: 20.12.2016).
8. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд., доп. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. 466 с.
9. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 1. 385 с.
10. Фортунатов Ф.Ф. Задачи языковедения и связь его с другими науками // Сравнительное языковедение: Общий курс. М.: КРАСАНД, 2010. С. 3–9.
11. Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл, 1999. 365 с.
12. Психология способностей : хрестоматия / ред.-сост. В.Д. Шадриков. Москва : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2012. 488 с.
13. Психология : учеб. для гуманит. вузов. 2-е изд. / под общ. ред. В.Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2009. 656 с.: ил.
14. Ekstrom R.B., French J.W. et al. Manual for Kit of Factor-Referenced Cognitive Tests. Educational Testing Service, Princeton, New Jersey, 1976.
15. Delis-Kaplan Executive Function System. Wikipedia – The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Delis%E2%80%93Kaplan_Executive_Function_System (дата обращения: 25.07.2017).
16. Wechsler Test. URL: <http://wechsler-test.com/> (дата обращения: 25.07.2017).
17. Stanford-Binet. URL: <https://www.stanfordbinet.net/> (дата обращения: 25.07.2017).
18. PALPA – Psycholinguistic Assessment of Language Processing in Aphasia. URL: <https://milogomemima.wordpress.com/2014/09/02/palpa-psycholinguistic-assessments-of-language-processing-in-aphasia/> (дата обращения: 25.07.2017).
19. Doors and People. Pearson. URL: <http://www.pearsonclinical.co.uk/Psychology/ChildCognitionNeuropsychologyandLanguage/ChildMemory/DoorsandPeople/DoorsandPeople.aspx> (дата обращения: 25.07.2017).

20. Peabody Picture Vocabulary Test. Wikipedia – The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Peabody_Picture_Vocabulary_Test. (дата обращения: 25.07.2017).
21. Pinker S., Jackendoff R. The faculty of language: what's special about it? // *Cognition* 95. ELSEVIER. 2005. P. 201–236.
22. Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, How Did It Evolve? // *Science's Compass Review: Neuroscience*. 2005. P. 1569–1579. URL: <http://science.sciencemag.org/> (дата обращения: 27.10.2016).
23. Батурич Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки психодиагностических методик. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2012. 135 с.
24. Raven J., Raven J.C., Court J.H. Manual for Raven's Progressive Matrices and Vocabulary Scales. Section 5: The Mill Hill Vocabulary Scale. San Antonio, TX : Harcourt Assessment, 1998.
25. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
26. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (дата обращения: 11.11.2016).
27. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 2001. 568 с.
28. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О.Ю. Богуславская [и др.] ; под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры (Кошелев), 2003. LXIV, вып. 3. 557 с.
29. Словарь синонимов русского языка : справ. пособие / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Астрель: АСТ, 2002. 648 с.
30. What makes a word difficult? Johnson O'Connor Research Foundation. URL: <https://www.jocrf.org/basic-page/what-makes-word-difficult> (дата обращения: 30.08.2017).
31. Kibby M.W. Note on relationship of word difficulty and word frequency // *Psychological Reports*. 1977. № 41 (1). P. 12–14.
32. Rudell A.P. Frequency of word usage and perceived word difficulty: Ratings of Kucera and Francis words // *Behavior Research Methods, Instruments & Computers*. 1993. № 25 (4). P. 455–463.
33. Нагель О.В. Словообразовательные механизмы в процессах восприятия, идентификации и использования языка : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2017. 478 с.
34. Nagel O.V., Bub A.S., Temnikova I.G. Age of Acquisition and Token Word Frequency Correlation in Lexical Decision: Recognition of Russian Suffixes // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 4. P. 150–159.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 декабря 2017 г.

DEVELOPING A TEST FOR MEASURING A LEXICAL COMPONENT OF THE LANGUAGE FACULTY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 55–62.

DOI: 10.17223/15617793/427/7

Aleksandra S. Nabiullina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barbazhushka@mail.ru

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Keywords: Russian language; psycholinguistic diagnostics; language faculty; lexicon; testing; test; vocabulary scale.

The study focuses on the language faculty which has a special place among other abilities of a human. In psycholinguistics, the extent of the language faculty is considered one of its main concepts. It can be measured by means of various psycholinguistic tools, testing systems being one of them. Researchers also emphasise the importance of the lexical component of the language faculty. The project described in the paper aims to develop a test to measure the lexicon of Russian native speakers. To solve this task the authors opted for replication and adaptation of the Mill Hill Vocabulary Scale. The paper explains the choice of the approach determined by considerable functional and semantic discrepancies in the vocabulary systems of Russian and English. The authors demonstrate the stages of test development and compare them with the original version. The measuring method relies on a list of stimuli, their synonyms and distractors, i.e. response options that are considered to be wrong in relation to a stimulus. Words varying in the degree of familiarity, difficulty and frequency are used as a stimulus material. 500 words were selected at regular intervals from the *Dictionary of the Russian Language* edited by A.P. Evgen'eva. Another 500 words were taken from The *Frequency Dictionary of Russian* by O.N. Lyasheskaya and S.A. Sharov. After an expert review, words rendering emotions, terms and colloquial vocabulary were excluded from the list. Therefore, 271 items made up the total list. After that, words that do not have synonyms were also excluded from the list. 154 stimuli were arranged by frequency. Knowledge of words implies the ability to use them, replace a word with other words and assess the degree of their similarity. As a result, the authors compiled a list of synonyms based on reliable Russian dictionaries of synonyms. Each synonym was ascribed its frequency as well. A supplementary index contains distractors, i.e. words that are different in meaning but somewhat close in form and might belong to one semantic group. At this stage, distractors were taken from the words excluded from the list of stimuli. The list of synonyms and distractors was also added with responses given by respondents. Native Russian speakers with a developed language faculty were asked to write a synonym to each stimulus. The questionnaire was conducted using google-forms. For each word in the open-ended version a record was kept of every response. Wrong words were included into the list of distractors. Experimental series were submitted to the participants. They consisted of a stimulus and six words including one synonym and five distractors. The paper also considers the testing method and results of a pilot testing among school-children aged 11–15. The results of statistical processing of testing materials are presented; further steps to improve the index and ensure its greater validity are discussed.

REFERENCES

1. Raven, J. (1998) Progressivnye matritsy Ravena: izmenenie i stabil'nost' v zavisimosti ot mesta i vremeni [Progressive matrices of Raven: change and stability depending on the place and time]. *Inostrannaya psikhologiya*. 10. pp. 58–65.
2. Chomskiy, N. (2017) *O prirode i yazyke: S ocherkom "Sekulyarnoe sovershenstvo i opasnosti, kotorye tait demokratiya"* [On Nature and Language: With an essay "Secular Excellence and Dangers that Democracy Hides"]. Moscow: URSS: LENLAND.
3. Valian, V. (2014) Arguing about innateness. *Journal of Child Language*. 41. pp. 78–92. DOI: 10.1017/S0305000914000336. [Online] Available from: http://journals.cambridge.org/abstract_S0305000914000336. (Accessed: 25.07.2017).
4. Christiansen, V.H. (2008) Language as shaped by the brain. *Behavioural and Brain Sciences*. 31. pp. 489–558. [Online] Available from: http://www.psychol.ucl.ac.uk/people/profiles/chater_nick.html. (Accessed: 25.07.2017).
5. Potebnya, A.A. (1989) *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow: Pravda. pp. 17–200.
6. Humboldt, W. von. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Translated from German by G.V. Ramishvili. Moscow: Progress.

7. Pinker, S. & Jackendoff, R. (2005) The Faculty of Language: What's Special about it? *Cognition*. 95. pp. 201–236. [Online] Available from: <https://ase.tufts.edu/cogstud/jackendoff/papers/FacultyofLanguage.pdf>. (Accessed: 20.12.2016).
8. Zvegintsev, V.A. (1964) *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [The history of linguistics of the 19th–20th centuries in essays and extracts]. 3rd ed. Pt. 1. Moscow: Prosveshchenie.
9. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
10. Fortunatov, F.F. (2010) *Sravnitel'noe yazykovedenie: Obshchiy kurs* [Comparative linguistics: a general course]. Moscow: KRASAND, pp. 3–9.
11. Leont'ev, A.A. (1999) *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. 3rd ed. Moscow: Smysl.
12. Shadrikov, V.D. (ed.) (2012) *Psikhologiya sposobnostey: khrestomatiya* [Psychology of abilities: anthology]. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK.
13. Druzhinina, V.N. (ed.) (2009) *Psikhologiya* [Psychology]. St. Petersburg: Piter.
14. Ekstrom, R.B. et al. (1976) *Manual for Kit of Factor-Referenced Cognitive Tests*. Princeton, New Jersey: Educational Testing Service.
15. Wikipedia. (n.d.) *Delis-Kaplan Executive Function System*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Delis%E2%80%93Kaplan_Executive_Function_System. (Accessed: 25.07.2017).
16. Wechsler Test. [Online] Available from: <http://wechsler-test.com/>. (Accessed: 25.07.2017).
17. Stanford-Binet. [Online] Available from: <https://www.stanfordbinet.net/>. (Accessed: 25.07.2017).
18. Milogomemima.wordpress.com. (2014) *PALPA – Psycholinguistic Assessment of Language Processing in Aphasia*. [Online] Available from: <https://milogomemima.wordpress.com/2014/09/02/palpa-psycholinguistic-assessments-of-language-processing-in-aphasia/>. (Accessed: 25.07.2017).
19. Pearson. (2006) *Doors and People*. [Online] Available from: <http://www.pearsonclinical.co.uk/Psychology/ChildCognitionNeuropsychologyandLanguage/ChildMemory/DoorsandPeople/DoorsandPeople.aspx>. (Accessed: 25.07.2017).
20. Wikipedia. (n.d.) *Peabody Picture Vocabulary Test*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Peabody_Picture_Vocabulary_Test. (Accessed: 25.07.2017).
21. Pinker, S. & Jackendoff, R. (2005) The faculty of language: what's special about it? *Cognition*. 95. pp. 201–236.
22. Hauser, M.D., Chomsky, N. & Fitch, W.T. (2005) The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, How Did It Evolve? *Science*. 298. pp. 1569–1579. [Online] Available from: <http://science.sciencemag.org/>. (Accessed: 27.10.2016).
23. Baturin, N.A. & Mel'nikova, N.N. (2012) *Tekhnologiya razrabotki psikhodiagnosticheskikh metodik* [The technology of developing psychodiagnostic techniques]. Chelyabinsk: South Ural State University.
24. Raven, J., Raven, J.C. & Court, J.H. (1998) *Manual for Raven's Progressive Matrices and Vocabulary Scales*. Section 5: The Mill Hill Vocabulary Scale. San Antonio, TX: Harcourt Assessment.
25. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.; Poligrafresursy.
26. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of the modern Russian language (on the materials of the National Corpus of the Russian language)]. Moscow: Azbukovnik, [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>. (Accessed: 11.11.2016).
27. Aleksandrova, Z.E. (2001) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik: Ok. 11 000 sinonim. ryadov* [Dictionary of Russian synonyms: Practical reference-book: c. 11 000 synonymic groups]. 11th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
28. Apresyan, Yu.D. et al. (2003) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Is. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (Koshelev).
29. Evgen'eva, A.P. (ed.) (2002) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: sprav. posobie* [Dictionary of synonyms of the Russian language: reference-book]. Moscow: Astrel': AST.
30. Johnson O'Connor Research Foundation. (n.d.) *What makes a word difficult?* [Online] Available from: <https://www.jocrf.org/basic-page/what-makes-word-difficult>. (Accessed: 30.08.2017).
31. Kibby, M.W. (1977) Note on relationship of word difficulty and word frequency. *Psychological Reports*. 41 (1). pp. 12–14.
32. Rudell, A.P. (1993) Frequency of word usage and perceived word difficulty: Ratings of Kucera and Francis words. *Behavior Research Methods, Instruments & Computers*. 25 (4). pp. 455–463.
33. Nagel', O.V. (2017) *Slovoobrazovatel'nye mekhanizmy v protsessakh vospriyatiya, identifikatsii i ispol'zovaniya yazyka* [Word-forming mechanisms in the perception, identification and use of language]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
34. Nagel, O.V., Bub, A.S. & Temnikova I.G. (2016) Age of Acquisition and Token Word Frequency Correlation in Lexical Decision: Recognition of Russian Suffixes Words. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4. pp. 150–159.

Received: 21 December 2017

МОСКОВСКИЕ РЕСТОРОНИМЫ В СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

На большом фактическом материале (более 5 300 названий) рассмотрена форма названий предприятий ресторанного бизнеса Москвы, выявлены наиболее типичные структуры ресторонимов, их лексико-грамматическое содержание. Исследование показало, что наиболее частотными являются одно- и двусловные названия, выраженные существительными («Квас», «Друзья») и атрибутивными словосочетаниями («Большая перемена», «Ноев ковчег»). Из представленных в статье способов образования имен самым продуктивным является онимизация.

Ключевые слова: ономастика; эргонимы; ресторонимы; структура имени; способы образования названий.

Введение в проблему. Одним из востребованных современной ономастикой аспектов изучения propriальной лексики является структурно-грамматический. Он обусловлен как общим вниманием лингвистов к динамическим процессам в языке новейшей эпохи, активно проявляющимся в эргонимике [1], так и поисками специалистов нейминга оптимальных названий для именования тех или иных объектов, явлений действительности. В частности, М.Е. Новичихина указывает следующие принципы создания коммуникативно эффективной коммерческой номинации: «Обеспечение информативности названия; учет обязательности ассоциативного соответствия названия; обеспечение мотивированности названия (с точки зрения потенциального потребителя); обеспечение фоносемантической привлекательности номинации» [2. С. 225]. Последнее требование напрямую связано со структурой имени, которое должно быть простым по форме, легко произносимым и быстро запоминающимся.

Сказанное выше объясняет продолжающийся интерес языковедов к имеющей национальные особенности структуре онимов [3. С. 5], связанный, как правило, с начальным этапом изучения эргонимического материала в большинстве научных работ. Указанный аспект реализуется в исследованиях как анализ формы (структуры, грамматики) онимов, способов их образования. Его результаты, построенные на региональном материале [4–6], материале отдельных разрядов эргонимов [7, 8], послужили моделью для описания нашего объекта исследования – имен заведений питания (ЗП) Москвы, названных нами ресторонимами, что отражает современное понимание этой сферы деятельности именно как ресторанного бизнеса и практику использования слова ресторан в роли родового наименования для различных типов заведений общественного питания.

Основу настоящей статьи составила авторская карта – более 5 300 ресторонимов, из которых был исключен иноязычный материал (около 1 500 имен), т.е. примерно 3 800 эргонимов. Ограничение исследования русскоязычным материалом вызвано задачами исследования – структурно-грамматической характеристикой имен, единство параметров описания которых невозможно соблюсти в условиях принадлежности лексики к языкам с различным строем. Так, название итальянского ресторана «Vivace» (яркий) не может быть отнесено в ту же группу, что и «Белый», «Фестивальное», поскольку у него нет, с точки зрения

системы русского языка, формальных показателей прилагательного. Нельзя «Geek Time» помещать в одну группу с русскими именами-словосочетаниями со связью согласования, опираясь на перевод, который, кстати, может быть неединственным по форме: *гиковое время, эпоха фанатов* (от англ. *geek* – человек, чрезвычайно увлечённый чем-либо; фанат). Исходная информация, в том числе грамматическая, может утрачиваться даже при транслитерации иноязычных ресторонимов, как произошло в русском варианте названия американской пиццерии «Papa John's» – «Папа Джонс», основанной Джоном (не Джонсом) Шнаттером, т.е. «Папы Джона». Поэтому онимы-варваризмы будут привлекаться нами только для сопоставления с русским материалом.

Структурно-грамматическая характеристика ресторонимов Москвы. В основе структурной классификации эргонимов лежит количество слов, из которых они состоят. Так, Е.М. Новичихина указывает однословные и составные эргонимы [2. С. 13], Т.А. Новожилова – однокомпонентные и (много-)двухкомпонентные [3. С. 13], Е.С. Самсонова – однословные и неоднословные [8. С. 17] – с выделением некоторых подвидов (названия-коммуникемы: «Будь здоров»!, названия-императивы – «Выпей и закуси»), речь о которых пойдет ниже. В соответствии с установившимися традициями, все ресторонимы с позиций формы делим на три группы: однословные названия, названия-сочетания слов, названия-предложения, составляющие в общей сумме русскоязычных названий 64, 34 и 2% соответственно. Несмотря на то что в качестве онимов все структуры приобретают грамматические характеристики имени существительного, ресторонимы в указанном аспекте подразделяются на типы в зависимости от частеречной принадлежности слов, входящих в их состав.

Так, наименования-однословы представлены существительными (80%), прилагательными (15%) и другими частями речи (5%). Столь серьезное преобладание субстантивной лексики вполне логично и понятно, поскольку именно она соответствует основной сути названий. Данная часть ресторонимикона столицы представлена двумя разрядами слов: нарицательными и собственными, первые в три раза превышают число вторых. Некоторые примеры: арт-кафе «Мёд», столовая «Винегрет», бар & ресторан «Мята», ресторан-бар «Чайка», кафе «Кукушка», «Рулет», ресто-бар «Омар», брассерия «Мост», вареничная «Победа», спорт-бар «Торнадо», ресторан-теплоход «Ре-

ка», вегетарианское кафе «Авокадо», кафе-терраса «Островок», кафе-кулинария «Кладовая» и др.; рестораны «Ермак», «Армения», чайная «Самоварыч», пастичерия «Роберто», кафе-бар «Валентина», пироговая «Штолле», хачапурия «Пиросмани», кафе «Гжель», «Ереван», клуб-ресторан «Петрович», биф-бар «Джуниор», ресторан здоровой кухни «Алтай», *safe-premium* «Бухаров», пивной ресторан «Лондон», кафе «Валико», «Внуково» и др. Легко заметить, что в номинации участвуют слова всех трех родов, при этом данная категория, даже в случае с проприальной лексикой, не зависит от рода номенклатурного термина. Независимой семантически и грамматически является и категория числа имени: пивные рестораны «Друзья», «Кусты», «Палки», крафт-бар «ГЕРОИ», столовая «Гости», антикафе «Бабочки», хотя чаще даются названия в форме единственного числа.

Доля прилагательных в составе ресторонимов тоже значительна, например: рестораны «Загородный», «Лубянский», «Золотой», «Светлый», «Шановный», кафе «Греческое», «Южное», «Доброе», «Лесное», «Молодёжное», «Салатовое», бистро «Восточное», шашлычная «АнтиСоветская», столовая «Рабочая», кафе-кофейня «Часовая» и др. В них обращает на себя внимание явная зависимость между родом названия и типом заведений: ресторан «Белый» – кафе «Белое», джаз-клуб-ресторан «Академический» – кафе «Академическое» и др. Рассогласованность по роду (бары «Балалаечная», «Хмельная», ресторан «Грильная», кафе «Лагманная», «Вареничная», «Трапезная») указывает на возможность перехода данных имен в номенклатурные термины по типу *столовая, блинная*.

В числе других частей речи в образовании названий ЗП участвуют наречия: («Ва-банк» «ZAVTRA», «По-домашнему», «Просто», «Клёво»), числительные («1», «13», «25»), местоимения («Наше», «Моё», «Твоё», «Я»), междометия («Брависсимо», «Уаля», «Алло», «Нихао»). В номинации используются и глаголы («Жуй!», «Жили-были»), но они будут рассмотрены в группе названий-предложений.

Названия-сочетания слов разнообразны по структуре, состоят чаще из двух знаменательных единиц. Их объединяет формальное (неоднословные, не являются предложением) и функциональное сходство (единицы номинативного плана, выражающие единое, но расчлененное понятие о предметах, признаках, действиях). В их составе: 1) собственно словосочетания (конструкции, состоящие не менее чем из двух самостоятельных слов, связанных подчинительной связью) и 2) сочетания слов (знаменательных, знаменательных и служебных), по-другому – объединения слов.

По типу опорного слова абсолютное большинство словосочетаний являются субстантивными, по составу – простыми и осложненными, со связью согласования и управления. Наиболее распространенной является первая, представленная структурой $Ad1 / Pro1 / Num1 + N1$: городское кафе «Бульварный роман», бургерная «Хорошее дело», пивной ресторан «Бычий хвост», дайнер «Базовый элемент», таверна «Сивый Мерин», ресторан «Британская Королева», кафе «Тридцатье царство», «Вишневая метель», «Щедрый барин», пироговая «Царский пир», кафе-клуб «Свой

круг», закусочная «Наша Чебуречная», бар «Хмельные совы», «Сине-желтое кафе», кафе-ресторан «1-ое Офицерское собрание», ресторан & бар «45-АЯ ПАРАЛЛЕЛЬ» и многие другие, примерно половина от общего числа ресторонимов в форме сочетания слов. Единично в их числе представлены согласовательные сочетания в форме косвенных падежей («Морских Гадов»).

Среди словосочетаний на основе связи управления наиболее частотной является структура $N1 + N2$: котлетная «Парад котлет», кафе-клуб «Точка отрыва», европейское кафе «Сила воли», антикафе «Перекресток миров», «Фабрика плова», «Долина солнца», осетинские пироги «Истоки вкуса», кафе-пекарня «Пироговая Рогова», рыбное кафе «Ботик Петра», которая может дополняться определением к имени: евроресторан «Вечер трудного дня», кафе-бар «Бар вредных привычек», «Пироги Бабы Яги». Ее разновидностью является модель неразложимого нумерологического сочетания $Num1 + N2$: кафе-клуб «90 градусов», бар «Пять баллов», клуб-ресторан «Восемь с половиной долларов», харчевня «3 таракана», европейское кафе «10 дюймов», кофейня «12 столиков», клуб-бар-ресторан «16 тонн», «100 процентов» и т. д. Другие косвенные падежи в беспредложных конструкциях практически не встречаются, за исключением фразеологизированного сочетания «Ход конем».

Многие структуры со связью управления характеризуются предикативностью и могут быть также отнесены к названиям-предложениям. В их числе $N1 + V / NA + N6$: ресторан «Алиса в Стране Чудес», чайные «Ходжа Насреддин В Бухаре», «Ходжа Насреддин в Хиве», «Чайковский в Тифлисе» (кто? где?); ресторан «Дом на Патриарших», «Пробка на Цветном», «Кабачок на задворках», «Трактир на кругу», кафе-бар «Счастье на крыше» (что? где? / какое?), кафе-пекарня «Фиалки в сахаре» (что? какое?). В следующих структурах используются другие предлоги и падежные формы, проиллюстрируем их примерами, так как регулярностью они не отличаются: «Еда от шефа», «Кулинар от Бога», «Рай у фонтана», «Кружка за Кружкой», «Счастье не за горами», «Пирог на пороге», «Андерсон для Пап», «Страсти по пасте», «Еда под пиво», «Трое из ларца», «Кофе с Собой» и др. Несубстантивные словосочетания («Охота мяса», «Суши Вёсла»), словосочетания на основе примыкания, если признать их эллиптический характер («Опять25», «Вдали от жен», «Море внутри», «Руки вверх», «ОЧЕНЬ ДОМАШНЕЕ»), также должны быть включены в названия-предложения.

Отдельного разговора требует модель $N1 + N1$, где второе имя выступает в роли особого типа определения – приложения. Сюда мы относим такие ресторонимы, как трактирь «Ипполит Матвеевич», арт-ресторан «Степа Лиходеев», рестораны «Александр Блок», «Анна Монс», «Мг. Донер», бистро «Мистер Пончик», «Старина Мюллер», «Разбойник Яношик», кафе-пекарня «Фрау Бротхен», рестораны «Пастор Шлаг», летняя веранда «Тетя Мотя», чайная «Братья Кипятковы», корчма «Батка Хмель», кафе «Баба Марта», «Одесса Мама», «Квартира 44», «Гастроном

№ 1» и др. При всем разнообразии лексического наполнения структуры очевидна определительная функция второго имени, уточняющего информацию первого: не просто «Папа» или «Марио», а «Папа Карло», «Марио Макаронник», не любая планета, а «Планета Вок». При этом в зависимости от формы выражения определяемого слова и определения изменяться по падежам в сочетаниях могут оба слова или же только одно из них (чаще определяемое). Поэтому это особая группа словосочетаний, которая неоднозначно квалифицируется в лингвистической литературе с позиций синтаксической связи между компонентами.

Так, одни лингвисты склонны считать их согласованием [9. С. 400], другие – неполным согласованием [10. С. 50], которому «скорее приличествует название параллелизма» [11. С. 232]. Е.В. Кротевич называл такую связь, при которой формы рода и числа зависимого слова скорее совпадают с соответствующими формами главного слова, чем обусловлены ими, корреляцией [12. С. 15], а И.П. Распопов – аппликацией (пояснительной связью) [13. С. 40–41], П.А. Лекант – аппозицией [14. С. 152]. В.А. Белошапкова, рассматривая связь между существительным и неизменяемым приложением (озеро Байкал, станция «Университет»), относит ее к примыканию [15. С. 133]. Действительно, в случаях гранд-кафе «Др. Живаго», таверна «Адмирал Бенбоу», греческий ресторан «Антилопа Гну», спорт-бар-караоке «Арена Олимп» и подобных связь выражается специфическим для примыкания способом – контактным постпозитивным расположением примыкающего компонента, его зависимой грамматической функцией. При изменении обеих или одной из частей сочетания («Братья Караваевы», «Семен Семеныч» / «Амиго Мигель», «Сестры Гримм») уместнее, вероятно, говорить о согласовании – полном или неполном.

Семантические отношения в различных словосочетаниях могут быть определены как:

1) атрибутивные (определятельные): «Ёшкин кот», «Наш погребок», «Ноев Ковчег», «Большая Кастрюля», «Пирог на славу», «Сады Семирамиды», «Дом Макарон», «Линия Фронта», «Путь к себе», «По рецептам любимой жены», «Начальник Чукотки», «Князь Голицын», «Дед Пихто»;

2) комплетивные: «2 льва», «5 дней», «12 ульев», «Три кабана», «Океан Суши», «Метр пива», «Море Времени», «Часть Суши» и др.;

3) редко – субъектные: «Восход солнца», «Улыбка прошлого», «Цветение Сакуры».

Выделение обстоятельственных («Счастье не за горами») и объектных отношений («Суши Вёсла») возможно только с прозвучавшими выше оговорками.

Сочетания слов (не словосочетаний) представлены сочинительными рядами, которые могут быть союзными, бессоюзными и смешанными. Примеры первых многочисленны: «Крылышко или ножка», «Кузьма и Ерёма», «Хлеб да соль», «Хмель и солод», «Чай и пряник», «Сосна и Липа», «Плюшка & Ватрушка», «Соль и перец», «Рыба и Хмель», «Филимонова и Янкель», «Я и Ты», «До и после», «Здесь и Сейчас», «Ритм & Блюз», «Чай & Плов», «Хмель & Эль»

«Шашлык & Стейк» «ФОРТЕ & ПЬЯНО», «ВКУС & ЦВЕТ» и др. Бессоюзных рядов немного: «Булки, плюшки, кренделя», «ВЕРА-НАДЕЖДА-ЛЮБОВЬ», «Вилки-Ложки», «Гамма-Дельта», нередко они оформлены по образцу сложных слов. Единичны смешанные ряды: «Пирог, Вино и Гусь», «Мандарин. Лапша и утки».

Замыкают данную группу названия в предложно-словной форме следующих моделей (располагаются в порядке частотности, всего 82 – 2,2% от общего числа русскоязычных имен):

1) У + N2 (39 ресторонимов), указывает на: а) принимающую сторону ЗП (владельца, шеф-повара) – конкретное лицо («У Адама», «У Бонифация», «У Георгия», «У Джузеппе», «У дяди Гены», «У Николаича»), обобщенное («У друзей», «У русов», «У своих», «У генералов») или символическое («У Швейка», «У Пиросмани»); б) место расположения ЗП («У родника», «У забора», «У Никитских ворот»), совмещение этих характеристик в названиях типа «У Гоголя» (рядом с театром им. Гоголя), «У Никулина» (на Цветном бульваре у цирка), «У Елисеева» / «У.Е.» (в гастрономе «Елисеевский»); в) на место встречи в ЗП («У самовара», «У мангала»);

2) НА + N6 (18): «На бульваре», «На Востоке», «На Знаменке», «На Медовом», «На Мельнице», «На Шаболовке», «На столах», «На поляне», «На лестнице», (где?), «На распутье», «На Гаваях», «На Елисейских полях» (где? в каком состоянии?);

3) ЗА + N5 (4): «За Барханами», «За бортом», «За столом!!!» (где?); «За пивОм» (за чем? с какой целью?);

4) В + N6 (3): «В раю» (где?), «В ТЕМНОТЕ?!», «В своей тарелке» (как? в каких условиях?); ПОД + N5 (3): «Под кедром», «Под крылом» (где?), рюмочная «Под Мухой» (как? в каком состоянии?);

5) Без + N2 (2): кафе-клуб «Без повода», ресторан на воде «БЕЗ ПОНТОFF»; НА + N4 (2): «На шашлыки» (куда?), «На брудершафт» (как (выпить)?); ОТ + N2 (2): «От винта», «От всей души»; С + N5 (2): «С акцентом», «S ДЫМ.КОМ» (как? какой?);

6) С + N2 (1): «С УТРА»; ДО + N2 (1): «До рассвета» (когда?).

Востребованность наименований предложно-словной формы подтверждают также случаи слияния слов типа «ДоЗари», «БеЗзабоТ», «Вгости», «#Пропельмени», редкие, тем не менее возможные, иноязычные ресторонимы (чаще усложненной структуры): «For you», «Just for you», «JUST IN SOUL». Этот список дополняют более сложные модели с двумя предлогами: «В гостях у домового», «В гостях у Аннушки» (где?), «ОТ А ДО Я» (сколько? какой?), «От заката до заката» (когда?), «С Пылу с Жару» (какой?), предикативный характер которых еще более явствен.

По структуре названия-предложения могут быть сложными (ресторан-кафе-кондитерская «СТРАНА КОТОРОЙ НЕТ»), простыми – двусоставными и односоставными, распространенными и нераспространенными. Примеры первых: «Все свои», «Люди как люди», «Ехал Грека Через Реку», «Жизнь прекрасна», «Я Самарканд», «Все твои друзья», «Лето Блиско», «Всё есть», «Пиво есть», «Сам Пришёл», «Не просто

пицца» и др. Среди односоставных представлены все типы: «Души не чаю», «Кофе Пью», «Хочу Суши», «Никуда Не Едем», «Едим Стоя»; «Ели – пили», «Ели – сумели», «Панахали»; «Вкуснее нет», «Время есть», «Рыбы нет», «Кому Охота». В качестве номинативных (назывных) предложений можно указать «Еда и Только», «Ай Да Вок», «Ура-Еда!» и др. Осложнение предложений возможно за счет однородных членов («Лепим и Варим», «Есть хинкали, пить вино»), обращений («Овсянка, сэр!», «Дорогая, я перезвоню», «Sorry, babushka», «Oui, mon Général»), сравнительных оборотов («Едим как Дома»), междометий («Алло! Суши»). Модальность односоставных названий-предложений побудительная («Федя, дичь!», «Дай суши», «Жуй!», «Живи вкусно», «Берегись автомобиля», «Давайте потанцуем», «Виват Пицца», «Разгуляй», «Улетай», «BUY & FLY», «DON'T TELL MAMA», «Give me Waffle»), обычные вопросительные («А Где Я?», «What the Food?»), восклицательные предложения («Вай Мэ!», «Ура!», «За столом!!!»), совмещение этих характеристик («Чё? Харчо!», «В темноте?!»). Очевидна диалоговая суть, контактоустанавливающая роль практически всех названий-предложений («Мерси боку», «Нихао», «Будь как дома», «Хлеб да соль», «Натюрлих!»), что дает основание ономотологам назвать их коммуникативными [3. С. 10–11] – минимальными единицами общения для непосредственной передачи чувств и эмоций коммуникантов.

Способы образования ресторонимов. В представлении путей создания проприальной лексики ономастика опирается на положения общей теории ономастики. В частности, В.Г. Гак указывал три способа создания названий:

- 1) на базе имеющихся в языке лексических единиц и аффиксальных средств (морфологическая деривация);
- 2) путем семантической и лексико-семантической трансформации имеющихся в языке слов и фразеологических сочетаний (лексико-семантический способ номинации);
- 3) на основе свободного словосочетания (синтаксический или лексико-синтаксический способ номинации) [16. С. 89].

Н.В. Подольская применительно к именам собственным отмечает, что они имеют три источника происхождения: онимизацию (переход лексической единицы из разряда нарицательных в разряд собственных), заимствование иноязычных онимов и трансонимизацию (переход имени из одного типа в другой) [17. С. 473]. Там же она замечает, что они «могут быть созданы и искусственно», не уточняя способов создания. В специальной работе, посвященной данной проблеме, она называет два способа создания имен – семантическую и грамматическую онимизацию, вкладывая в термин онимизация сразу два значения: узкое, соответствующее деапеллятивизации (утрате словом свойств нарицательности – первый способ), и широкое – создание онима вообще, любым способом. Грамматическая же онимизация понимается как образование названий с помощью изменения морфемного состава слова (с помощью аффиксации, плюрализации, сингуляризации, сложе-

ния, сращения, гибридизации) или синтаксическим путем (образование имен-словосочетаний, имен-фраз) [18. С. 42].

Во многом, вероятно, под влиянием сказанного в эргонимических работах прежде всего обосновывается необходимость разграничения этих двух принципиально различных процессов образования названий, объединенных функционально. Например, А.М. Емельянова называет их семантическим и собственно словообразовательными способами. Первый в ее работе представлен онимами-словами, образованными трансонимизацией, онимизацией и заимствованием, онимами-словосочетаниями и онимами-предложениями, второй – аббревиацией, словосложением и материальной индексацией [4. С. 10], что сужает рамки словообразовательного и отказывает неоднословным именам в образовании семантическим способом.

Сходная классификация и у Н.В. Носенко [5. С. 12–16], более логичная, на наш взгляд, хотя и с широким пониманием онимизации, семантической и словообразовательной, в которую вписывается разнородный в структурном отношении эргонимический материал. Так, в семантическом типе процесса представлены его простая (образование описательных имен типа «Государственный архив Новосибирской области»), метонимическая (магазин «Инструменты»), метафорическая (охранное предприятие «Заслон») и метафоро-метонимическая (мебельный магазин «12 стульев») разновидности, в словообразовательном – композиция, аффиксация, аббревиация и номинализация, последняя обозначает названия в форме предложений [5. С. 15].

Новейшая ономастическая литература продолжает демонстрировать отсутствие единых взглядов по этому вопросу, что выражается в наличии разнородных классификаций, порой весьма дробных. Например, в диссертации М.Г. Курбановой дана характеристика девяти способов образования эргонимов: морфемной деривации, субстантивации, лексико-синтаксического способа, аббревиации, усечения, языковой игры, лексико-семантической и лексико-стилистической онимизации с подвидами [19. С. 37–38]. Так, трансонимизация («Клеопатра», «Анталия») предстает в ней одним из типов лексико-семантической онимизации, соположенными с ней оказываются образования «с помощью числового компонента» («777»), «с материальной индексацией» («Квартира 30») [Там же]. Столь же непоследовательно представлена лексико-стилистическая онимизация, подвиды которой выделяются в зависимости от групп стилистически маркированной лексики, используемой в нейминге: сниженной лексики, архаизмов, историзмов, советизмов, в разграничении которых отсутствует единый критерий. Думается, что в этой классификации смешиваются средства и способы нейминга, не выдерживается единство ее основания. Например, языковая игра может быть выражена любым из указанных выше способов, каждый из них (онимизация, трансонимизация, усечение и пр.) может иметь в своей основе как исконную, так и заимствованную лексику.

Эту непоследовательность во многом удалось преодолеть Т.П. Романовой, которая называет шесть спо-

совов образования онимов: лексико-семантические (онимизацию, трансонимизацию, заимствование), морфологические (аффиксацию, плюрализацию, словосложение, аббревиацию, усечение, эллипсирование, телескопию), лексико-синтаксический (образование расчлененных наименований разной структуры), специфические (нумерализацию, инициализацию, сращение, сегментацию, графический, грамматический и семантический каламбуры, стилизацию, гибридизацию), фонетический и комплексный способы [20. С. 205–213]. Ю.В. Вайрах указывает три способа имяобразования: лексико-семантический, морфологический и специфический [21. С. 79], хотя логичнее было употребить данные термины во множественном числе, поскольку каждый из них представлен в работе различными подвидами. Традиционно первые представлены онимизацией, трансонимизацией и заимствованием, вторые – способами деривации, при выделении третьих автор ссылается на идеи более ранней работы другого исследователя [22]. При этом в трансаптонимизацию попали названия вида «Усадьба Егорова», «Мебель от Павла Чердынцева», в суффиксальный тип образования – «Хуторок», «Банька», «Мамочка», в морфологических способах указана субстантивация, что нелогично в свете обречения названием любой структуры грамматического статуса существительного.

Как следует из обзора литературы, у ономастов нет единого представления о способах образования имен, как нет и однозначного определения того или иного способа – в силу целого ряда причин, обусловленных спецификой материала и взглядов ученых на его происхождение, что обосновывает наши поиски своего классификационного пути. Он привел нас к отказу от такого способа, как заимствование: поток иноязычных слов в русский язык настолько мощен, их освоение идет стремительно, особенно если учесть, что случайные слова не попадают на вывеску вообще и ресторанную в частности. Столь ли принципиально отличие в использовании, например, бразильского, канадского антропонима или топонима от использования имен культурного пространства России? Чем онимизация английской лексики будет отличаться от онимизации лексики русского языка, в значительной степени иноязычного происхождения?

Мы выделяем три способа образования наименований: онимизацию, трансонимизацию и деривацию. **Онимизация** (деаппеллятивизация) может быть простой и осложненной. В первом случае происходит переход нарицательных номинативных единиц, слов и несвободных словосочетаний в эргонимы: бар «Штаб», пивной ресторан «Экспромт», кафе-клуб «Эйфория», русский ресторан «Опричник», банкетный зал «Дворянский», рюмочная «Штрафная», кафе-бар «Теплая компания», рестораны «Скромное обаяние буржуазии», «Древо Желаний», кафе самообслуживания «Деловая колбаса», столовая «Большая перемена», китайское кафе «Всякая всячина» и др. Это готовые номинемы, которые превращаются в онимы заглавными буквами и кавычками. Аналогично обстоит дело и с иноязычными названиями: кафе-клуб «Blackberry», пиццерия «Aspecto», ресторан «Apropos», кейтеринг «Bon appetit» и др.

Онимизация может осложняться рядом процессов, в их названиях в основном использована терминология работы Т.В. Поповой [23. С. 162]. За исключением первого и последнего из указанных, процессы выражаются различными нарушениями правописательных норм языка, результатом которых является смысловое обогащение названий по сравнению с исходной семантикой нарицательных единиц. Данный факт позволяет подобным эргонимам выполнять аттрактивную, экспрессивную функции, а также особо подчеркивать их дифференцирующую функцию. В числе осложнений можно отметить:

- плюрализацию: «Гости», «Друзья», «КУСТЫ», «Офицеры», «Острова», «Шашлычки», «Угли», «The Waiters», ср.: кафе «Берег» – кафе-бар «Берега», а также «Бублик» – «Бублики», «Небо» – «Небеса», «Мечта» – «Мечты», «Стейк» – «Стейк's» и др.;

- архаизацию: «Граф Орловъ», «Антикваръ», «Обломовъ», «Тютчевъ», «Ланчъ» «Хлб Насущный», «СПОТЫКАЧЪ», «ЧАЙКА», «ГРІЛЬЯЖЪ» и др., ср. «Компотъ» и «Компот», «Шуваловъ» и «Шувалов» – разные ЗП;

- транслитерацию (латинизацию / кириллизацию): «Dvor», «SMOLENKA», «Sushilka», «VALENOK», «Kotleta» и др. / бары «Брудер», «Гутен таг», «Гроссбир», «Граци», «Прэго», ср. «Белуга» и «BELUGA», «VKUS» и «Вкус» и под.;

- полиграфиксацию (использование графических знаков разных алфавитов – гибридизацию): «ВОДНЫЙ», «ХИЩНИК», «Стейк's», «КЛЮКВА», «ШЛЮЗ», «ТрапеЗа», ср. «Золотой» и «Золотой», «Самарканд» и «Самарканд»;

- кодографиксацию (привлечение параграфемных знаков): «#FARШ», «Ставь:ка» (ср. «СТАФКА»), «Д'иван» (ср. «Диван»);

- пунктуализацию: «Ш.Е.Л.К.», «9.1.1.», «B.I.G.G.I.E.»;

- искажение орфографического облика слова: «ХАЛАСЁ», «Панаехали», «Буффет», «Пельмэн», «Этажерька», «Пиффной», «КАЮК-КОМПАНИЯ», ср. «Пельмень», «БуФет»;

- выделение значимых сегментов названия (часто – ложных морфем) пробелами, дефисацией, апострофизацией, заглавными буквами (капитализацией), цифрами, другими параграфемными средствами: «Zoo Парк», «Бар би кью», «Занзи-Бар», «Ess-Thetik», «O'Map», «Cook'kareku», «M'ARS», «АмБар», «ШампуRoom», «ШексПир», «PieOK», «100LOVAYA», «Пив&Ко», «Стой!ка», «ПирО.Г.И.», «Чай+хона», ср. «Шекспир», «Омар», «Пирог»;

- варваризацию – придание лексемам русского языка иноязычного вида (по сути – аддитацию, от англ. add – прибавлять): «The Лапша», «THE Американский», «The Сад», «The Столовка», «Ля Фигаро», «Бавариус», «Бутербродус», «Кулинариум», «Экспериментаниум», ср. «Столовка»;

- инетографиксацию – стилизацию под интернет-дискурс: «Библиотека», «Гриль.ру», «Ед@.ru», «Сосиска ру», «Суши.ру», «Чайхана.ru» и др.;

- индексацию «Улетай-2», «СОКОЛ-2», «Арбат 9», «10+», «Чебуреки+», «Калитники Плюс», «Викто-

рия-Люкс», «Граф-1», «Вrix II», ср. с «Арбат», «Калитники», «Виктория», «Вrix» и подобными.

Как следует из рассмотренных примеров, в большинстве случаев осложнение онимизации представлено графическими модификациями лексических средств, участвующих в номинации, что позволяет их также квалифицировать как графическую деривацию (графиксацию) – см. ниже. В трех последних случаях можно усмотреть и собственно лексическую деривацию, осложненную элементами графиксации.

Трансонимизация предполагает переход имени из одного разряда в другой, в нашем случае – в ресторонимы. Ее результатом стало появление в данном сегменте эргонимикона Москвы таких типов названий, как:

1) *топоресторонимы*: «Европа», «Узбекистан», «Лондон», «Нью-Йорк», «Луизаина», «Халонг», «Хуанхэ», «Черное море», «Сэлэнгэ», «Кара-Кум», «Диканька», «Воробьёвы Горы», «Beverly Hills», «Bali», «BOSTON» и многие другие;

2) *антропоресторонимы*: «Марко Поло», «Novikov», «Клава», «Страдивари», «Денис Давыдов», «Katusha», «Валентина», «Мишель» и др.;

3) *мифоресторонимы*: «Гулливер», «Гаврош», «Джон Сильвер», «Тарас Бульба», «KRUZO», «Бибигон» и др.;

4) *идеоресторонимы*, в которых используются названия произведений искусства («Кавказская пленница», «Алые паруса», «Мимино», «Тихий Дон», «Кладовая солнца», «Земля Санникова», «Гусарская баллада», «Дети Райка», «Великолепный век» и др.);

5) редкие *косморесторонимы* («Альдебаран»), *георторесторонимы*, в основе которых лежат названия праздников («Татьянин день»), и некоторые другие.

Деривация может быть лексической, синтаксической и графической. Первая представлена прежде всего разного вида сложением: кафе «Офис-клуб», «Бистро-Пронто», парк-отель-ресторан «Внуково-Картамазово», ресторан «Банкет-Фуршет», «Москва-Анталья», а также «VKUSKAFE», «VODKA СЕЛЕДКА», «Люксторт», «МАСТЕРВКУС», «Мачо-гриль», «Махалля-клуб», «Москва-Суши / Москва-Sushi», «БУБЛИКШОП», «Булкин-хаус», «Блинкафе», «Тили-Тесто», «Виносыр», «Добродар», в том числе сращением («Этолето», «АллоПирог», «ТОДАСЁ», «МногоСуши», «Мойчай», «Plovebanket», «KILL-FISH»). Названия «Beerokratiya», «Гастронавт», «Delicatering», «Кафеман», «Пиццетория», «Пьянисимо», «Блиноoteca», «Sea-тория», «VITALIANO», «GRILLBURG» и подобные иллюстрируют такой тип, как контаминанты, – результат телескопии. Например, «Ploft» (плов + лофт) позиционируется как «узбекская кухня без излишеств», по подобному принципу созвучия созданы «Пиццелов», «Питербургер» и др. Аббревиация как сложносокращенный способ представлена рядом разновидностей: «У.Е» («У Елисеева»), «Х.Л.А.М.» («Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты»), «СПБ» («Сеть Пивных Баров»), «ЖЗЛ» («Жизнь Замечательных Людей»), «КПСС» («Каждому Посетителю Современный Сервис»), «HAND» («Have A Nice Day»), «ГСМ» («Горюче-

смазочные Материалы»), «ХЗ» («Хорошее Заведение»), «Я.М» («Япона Мама»), «ФаршМаг», «МосПицца», «Главпирог», «ГлавПивТорт», «РусПыш» и др.

К суффиксальному способу отнесли создание «говорящих» названий в форме фамилий («Борщёв», «Бутербродов», «Пивков», «Рассольников», «САЛАТОВ», «ГурмановЪ», «Пивоваровъ», «Харчевниковъ», «ХмельновЪ», «Пирогоф», «Чайкоф», «Колбасофф», «Шашлыкофф», «Гусятникофф», «Поварoff», «РоллОфф», «Хинкалофф», «Edakoff», «Kalyanoff») и отчеств («Самоварыч») и др. Как отмечалось выше, создание такого рода названий относят к стилизации из числа специфических способов. Возможно, в эту группу следует включить ресторонимы «Замания», «Zupregia» и некоторые другие.

Синтаксической деривацией образуются неословные наименования: «Русский чай», «Моя матрёшка», «3 комнаты», «Веранда у дачи», «Только сегодня», «Душевная Мадам», «20:12» (вечеринки ресторана начинаются строго в 20:12) и др., их структурные типы приведены выше. Нередко подобные названия построены на основе прецедентных номинем: «Вечера на Хуторе...», «НеДальний Восток», «Кому жить хорошо», «Москва гостям не верит», «Семь пятниц», «В своей тарелке», «Баловень С» (баловень судьбы), «Сливки.О» (сливки общества), «Посторонним В» (посторонним вход запрещен).

Примерами графической деривации могут служить такие названия, как «100ловка», «Pelmeni & Пельмени», «BaZa», «Колибрі», «OrangereЯ», «Буфшет», «VALENOK», «PeПАБлик», «VinoGrad» и др. Сюда же могут быть отнесены случаи, указанные как графические модификации явления онимизации.

Выводы. Таким образом, анализ показал многообразие грамматических структур в составе московских ресторонимов. Как легко заметить, в их основе лежат различные с точки зрения свободы сочетания слов – лексически свободные («Вятский дворик», «Дача на Покровке», «Душевная кухня», «Хижина пекаря», «Мамина кухня») и несвободные («Точка Кипения», «Сухой Закон», «Маленький Мук», «Страна восходящего солнца», «Товарищ Сухов»). К прецедентным структурам восходят и многие, на первый взгляд, свободные сочетания: «Петров и Васечка» («Петров и Васечкин»), «ВКУС & ЦВЕТ» (на вкус и цвет товарищей нет), «Щи да каша» (щи да каша – пища наша), «Посторонним В» (посторонним вход запрещен). Имеют прецеденты и многие однословные наименования, рассмотрим это утверждение на примере названия кафе «ЩиСлива». С одной стороны, данный рестороним отражает произношение слова *счастливо*, что соответствует одному из способов образования имен, с другой – в нем актуализированы ложные морфемы, превращающие слово в сложное, что является показателем действия иной тенденции в нейминге ЗП. Все сказанное доказывает вторичный характер искусственной номинации и делает актуальным рассмотрение способов образования не только русскоязычных ресторонимов, поскольку они общие для всего нашего материала.

Как следует из материала, при создании имени номинаторы следуют принципам коммуникативно эффек-

тивной номинации, требующей от названия не только информативности, оригинальности, но и удобной, благозвучной формы. В поисках подобных названий чаще всего обращаются к номинативному фонду русского и других языков, нередко выбирая простые («Квас», «Люкс», «Пи», «Уют», «Хмель», «Алоха», «Мини», «Нозль», «Яппи») или сложные слова, часто построенные на созвучии типа «Гоголь-Моголь», «Сюси Пуси»,

«Баш на баш», «БирБар», «Там-там», «Цыпа Цыпа», «Му-Му», «МоМо», «Ням-ням», «Тик-так», «Чак чак», «ТайЧай», «Бонбон», «ВокВок», «Тай Тай», «Маки Маки», «МоМо», «Джу джу», «ЧИР-ЧИР», «Chou Chou», «Bora-Bora» и др. По их подобию созданы «Паста и Баста», «Ладушки Оладушки», «Искусно и Вкусно», «Бульон крутон», «Биф & Пиф», «Ваби Саби», «Тейк & Вейк», «ШАБУ-ШАБУ» и многие другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайгородская М.В. Активные социалингвистические процессы в сфере городских наименований: московские вывески // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 126–151.
2. Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 37 с.
3. Новожилова Т.А. Номинация современных коммерческих предприятий (на материале русского, английского и немецкого языков) : автореф. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 16 с.
4. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 23 с.
5. Носенко Н.В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 22 с.
6. Ласица Л.А. Языковые и структурные особенности иноязычных эргонимов города Оренбурга // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 95–100.
7. Алистанова Ф.Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 24 с.
8. Самсонова Е.С. Функционирование иноязычных средств в эргонимии // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 6. С. 16–20.
9. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др. Краткая русская грамматика / ред. Н.Ю. Шведова, В.В. Лопатин. М., 2002. 726 с.
10. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис : учеб. 4-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2003. 416 с.
11. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1912. 322 с.
12. Кротевич Е.В. О связях слов. Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1959. 35 с.
13. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М. : Просвещение, 1970. 191 с.
14. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М. : Высш. шк., 2004. 247 с.
15. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М. : Высш. шк., 1977. 248 с.
16. Языковая номинация. Виды наименований / под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. М. : Наука, 1977. 360 с.
17. Подольская Н.В. Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 473–474.
18. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (К постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40–53.
19. Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика, прагматика : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014. 191 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/1648589/> (дата обращения: 4.05.2017).
20. Романова Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник СамГУ. 2007. № 5/2 (55). С. 205–214.
21. Вайрах Ю.В. Способы словообразования наименований коммерческих предприятий Иркутска // Вестник ИГЛУ. 2010. № 4. С. 78–84.
22. Гугунава Д.В. Функционирование иноязычных словоэлементов в современной речи // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 72–76.
23. Попова Т.В. Графикация как новое явление в языке и когнитивии // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 160–163.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 января 2018 г.

RESTAURONYMS OF MOSCOW IN THE STRUCTURAL-GRAMMATICAL ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 63–70.

DOI: 10.17223/15617793/427/8

Hoang Thi Hong Trang, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: hongtrang791@gmail.com

Keywords: onomastics; ergonyms; restauronyms; name structure; ways of name formation.

The aim of this article is to describe the structure of names of restaurant business enterprises in Moscow, to reveal the peculiarities of their lexical-grammatical design, the ways of their name-formation. The material for the research was more than 5 300 restauronyms (restaurant names) of Moscow, from which foreign names (about 1 500 titles) were excluded since it is impossible to maintain the unity of classification parameters in the multilingual conditions. The experience of domestic onomasiologist in the description of ergonyms in the structural-grammatical aspect was used in the study. The conclusions of the study are as following. 1. The restauronyms of Moscow are represented by three structures: single words (64 %), word combinations (34 %), sentences (2 %). The first type is shown by the nouns (Myata, Valentina), the adjectives (Yuzhnoe, Svetlyy) and other parts of speech (13, Tvoyo, Zhilybyli, Po-domashnemu, Allo). The second group is word combinations of different structures. Substantive structures with relations of agreement (Khoroshee delo, Tsarskiy pir), government (Parad kotlet, Istoki vkusa) and coordinative combinations (Sol' i perets, Krylyshko ili nozhka, Plyushka & Vatrushka) dominate. 2.2 % of the total number of Russian units are prepositional combinations (U svoikh, Na bul'vare, V rayu). The third group is sentences (Zhizn' prekrasna, Leto blizko, Dorogaya, ya perezvonyu), often expressing hortative modality (Fedya, dich'!, Davayte potantsuem), displaying their dialogue nature (Bud' kak doma, Khleb da sol', Mersi boku, Nikhao). 2. Three methods of restauronym formation are indicated in the article: onymization, transonymization and derivation. Onymization can be simple (Eyforiya, Teplaya kompaniya) or complicated by pluralization (Druz'ya, Bublik), archaization (Graf Orlov", Lanch"), transliteration (original names are represented in Latin letters: Dvor, Kotleta), polygraphization (mixes of Russian and Latin letters: VODNYY [Water]), paraphrases (#FARSH), barbarization (The Lapsha) and others. The results of transonymisation are toporestauronyms (Evropa, London), anthroporestauronyms (Marko Polo, Mishel'), mythorestauronyms (Gulliver, KRULO), ideorestauronyms (Gusarskaya ballada) and others. Derivation may be lexical (Banket-Furshet, SALATOV), syntactic (Tol'ko segodnya, Dushevnyaya Madam) and graphic (100lovka, VINOgrad). 3. Apart from the brevity and convenience of the

pronunciation, euphony plays an important role in the choice of a name. This is evidenced by the names Gogol'-Mogol', Ladushki Oladushki, Iskuso i Vkusno, and the reduplications VokVok, Momo, CHIR-CHIR, ZamZam.

REFERENCES

1. Kitaygorodskaya, M.V. (2003) Aktivnye sotsiolingvisticheskie protsessy v sfere gorodskikh naimenovaniy: moskovskie vyveski [Active sociolinguistic processes in the sphere of urban names: Moscow signs]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language. Social and functional differentiation]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Novichikhina, M.E. (2004) *Teoreticheskie problemy issledovaniya effektivnosti kommercheskoy nominatsii* [Theoretical problems of research of commercial nomination efficiency]. Abstract of Philology Dr. Diss. Voronezh.
3. Novozhilova, T.A. (2005) *Nominatsiya sovremennykh kommercheskikh predpriyatiy (na materiale russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Nomination of modern commercial enterprises (on the material of Russian, English and German languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
4. Emel'yanova, A.M. (2007) *Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda (na primere nazvaniy delovykh, kommercheskikh, kul'turnykh, sportivnykh ob'ektov g. Ufy)* [Ergonyms in the linguistic landscape of a polyethnic city (by example of names of business, commercial, cultural, sporting objects in Ufa)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
5. Nosenko, N.V. (2007) *Nazvaniya gorodskikh ob'ektov Novosibirska: strukturno-semanticheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty* [Names of urban objects of Novosibirsk: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
6. Lasitsa, L.A. (2015) Linguistic and structural features of foreign language ergonyms of Orenburg. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 11 (186). pp. 95–100. (In Russian).
7. Alistanova, F.F. (2011) *Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka kak mikrosistema* [Ergonyms of the modern Russian language as a microsystem]. Abstract of Philology Cand. Diss. Makhachkala.
8. Samsonova, E.S. (2010) Funktsionirovaniye inoyazychnykh sredstv v ergonimii [Functioning of foreign language means in ergonymy]. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 6. pp. 16–20.
9. Belousov, V.N. et al. (2002) *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian grammar]. Moscow: Nauka.
10. Valgina, N.S. (2003) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis* [Modern Russian: Syntax]. 4th ed. Moscow: Vysshaya shkola.
11. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1912) *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. 2nd ed. St. Petersburg: I.L. Ovsyaniko-Kulikovskaya.
12. Krotevich, E.V. (1959) *O svyazyakh slov* [On the relations of words]. Lvov: Lvov State University.
13. Raspopov, I.P. (1970) *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennoy russkom yazyke* [The structure of a simple sentence in modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie.
14. Lekant, P.A. (2004) *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennoy russkom yazyke* [Syntax of a simple sentence in the modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Beloshapkova, V.A. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis* [Modern Russian: Syntax]. Moscow: Vysshaya shkola.
16. Serebrennikov, B.A. & Ufimtseva, A.A. (eds) (1977) *Yazykovaya nominatsiya. Vidy naimenovaniy* [Language nomination. Types of nominations]. Moscow: Nauka.
17. Podol'skaya, N.V. (1990) Sobstvennoe imya [Proper name]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, pp. 473–474.
18. Podol'skaya, N.V. (1990) Problemy onomasticheskogo slovoobrazovaniya (K postanovke voprosa) [Problems of onomastic word formation (on the formulation of the question)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 40–53.
19. Kurbanova, M.G. (2014) *Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka: semantika, pragmatika* [Ergonyms of the modern Russian language: semantics, pragmatics]. Philology Cand. Diss. Astrakhan. [Online] Available from: <http://www.twirpx.com/file/1648589/>. (Accessed: 4.05.2017).
20. Romanova, T.P. (2007) Sistema sposobov slovoobrazovaniya reklamnykh sobstvennykh imen [The ways of word-formation of advertising proper names] *Vestnik SamGU – Vestnik of Samara State University*. 5/2 (55). pp. 205–214.
21. Vayrakh, Yu.V. (2010) Sposoby slovoobrazovaniya naimenovaniy kommercheskikh predpriyatiy Irkutsk [Ways of word formation of names of commercial enterprises of Irkutsk]. *Vestnik IGLU*. 4. pp. 78–84.
22. Gugunava, D.V. (2003) Funktsionirovaniye inoyazychnykh slovoelementov v sovremennoy rechi [Functioning of foreign words in modern speech]. *Mir russkogo slova*. 2. pp. 72–76.
23. Popova, T.V. (2011) Grafiksatsiya kak novoe yavlenie v yazyke i kognitsii [Graphixation as a new phenomenon in language and cognition]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 24 (239):57. pp. 160–163.

Received: 27 January 2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.83

Т.Г. Лешкевич

ВЕКТОР МОДИФИКАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ: СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КОНВЕРГИРУЕТ С ПОСТНЕКЛАССИКОЙ

Показана модификация постнеклассической методологии с учетом конвергенции социогуманитарного и естественнонаучного знания. Описываются сильная и слабая версии конвергенции, проблемы междисциплинарности, постнеклассические концепты первой и второй волны. Оценивая сложность как ведущую тенденцию современной эпохи, автор критически анализирует модификации субъектности в условиях инфомира, противопоставляет им антропологическую перспективу и показывает значение надэмпирической трансляции опыта.

Ключевые слова: методология; конвергенция; концепты постнеклассики; «наука о сложном»; эмергентность; аутопоэзис; субъектность.

Современная социогуманитарная картина мира вбирает в себя не только личностно заряженные, ментально-психологические интерпретации событий общественной жизни и существующей реальности, но и реакцию на достижения переднего края науки, указывающие на её мощный технологический поворот и непредсказуемые последствия интенсивного развития. Неравновесное состояние современного мира обостряет проблему адекватной репрезентации действительности и требует новых методологических средств для его познания. В жизненный мир современника проникают вопросы: от чего зависят конфигурации существующей реальности; как выразить понимание тех пусковых механизмов, согласно которым происходит редактирование «потока возможностей»; кто подпитывает инициативами и энергией трансформации и деформации современного бытия? Существует ли субъектность, облаченная властью глобального управляющего воздействия, или следует искать анонимные системосозидающие параметры упорядоченности? Интеллектуальный и инструментальный ресурс, позволяющий подступиться к острым проблемам современности, вызревает на площадке **конвергенции** социогуманитарного знания и постнеклассического понятийного аппарата. Такое сближение служит обнаружению сквозной объединяющей идеи, направленной на понимание холистического единства современного мира при всей его сложности и хаосомности.

Сильная и слабая версии конвергенции. Если анализировать цель конвергенции в масштабном гуманитарном измерении, то она спроецирована на перспективы будущего, координацию совокупных достижений современной науки в направлении «человеко-размерности» и «дружественности каждому носителю разума». Здесь фиксируется потребность в «схождении» не только социогуманитарной мысли, комплекса естественнонаучных дисциплин и технического знания, но и геополитического анализа, данных экологии, демографии, экономики, медицины и пр. Сильная версия конвергенции опирается на идею эколого-ориентированного развития, взятого в качестве фундаментального условия обеспечения существования вида *Homo sapiens*. Однако ситуация нашего вре-

мени настроена на спайку человеческого интеллекта и технико-информационного обеспечения, что во многом увеличивает риски развивающихся «в слепую» технологий, порождая дополнительные проблемы в проектировании образа будущего.

В слабой версии конвергенция предстает как взаимовлияние «фундаментального» знания и описываемой гуманитариями реальности. Здесь четко работает метафора, указывающая на то, что фундаментальные и наблюдаемые области «сшиваются» (или «зашнуровываются») и это позволяет говорить о создании единого полотна конфигураций. Слабая версия конвергенции привлекает в качестве своего аргумента функциональную асимметрию головного мозга, наличие специфики правополушарного и левополушарного мышления, демонстрирующих свою интеграцию в жизнедеятельности каждого человека. Считается, что точные науки отрабатывают ресурс левого полушария, управляющего логическими умозаключениями и формально-абстрактным стилем мышления. За правым закреплено распознавание и переработка зрительных образов, ассоциации, цвета, ритмы, формы, а также выраженная эмоциональность и интуитивно-образный способ мировосприятия. Последнее ярко представлено социогуманитарной сферой. Особенно важно то, что в силу асимметрии левое полушарие работает в режиме однозначного семантического контекста, а правое обладает возможностью создавать многозначные полисемантические связи, обуславливающие различные интерпретации.

Многозначность смыслов, рождаемых в лоне социогуманитарного знания, определила эпоху принципиального **плюрализма** задолго до ее осознания в сфере точных наук. Сейчас плюрализм полноправно заявляет о себе не только в осмыслении этнокультурного многообразия и культурно-исторических типов. Он нашел отражение и в релятивистской космологии, и во взглядах на теорию эволюции, и в осмыслении механизмов общественного развития и пр. В отличие от агрессивности монизма, требующего признание лишь одной, единственно верной теории, платформа плюрализма позволяет принять уникальность и исходное многообразие мира. Методологическая стратегия конвергенции как раз и нацеливает на общий

поток научной информации, разрушающий дисциплинарные границы и указывающий потенциал *междисциплинарного и трансдисциплинарного* взаимодействия. Вместе с тем это во многом изменяет устоявшиеся приоритеты академического мира. Еще Р. Парсонс утверждал, что основным предназначением академической системы являются развитие своей дисциплины, распространение и сохранение знания [1. Р. 547–569]. Научная элита, преданная своим дисциплинарным областям, осуществляет конкретный «вклад в науку» и управляет процедурами развития дисциплинарного знания. В силу этого логично предположить возникновение «нового менеджериализма» [2. Р. 47–70], управленческие практики которого могут быть направлены на организацию междисциплинарного взаимодействия. Однако оценка продуктивности деятельности «нового менеджериализма» весьма амбивалентна, так как он вынужден сочетать в себе и компромисс, и административно-командные методы при неясных основаниях междисциплинарного синтеза и конкретных направлений приложения усилий. Заметим также, что междисциплинарное взаимодействие предполагает достаточно высокую степень коллективной согласованности и открытости. Надежды на арбитраж «социальных сетей» и ретенальный (от лат. сеть) путь распространения информации множеству адресатов или приватную коммуникацию среди ученых как надежных каналов, обеспечивающих консолидацию, вряд ли оправданы. Исследователи показывают, что междисциплинарность, основанная на коммуникации между учеными, распадается на три типа: критика, заимствование и синтез [3. С. 65]. Более того, коммуникативные конвенции могут откровенно вступать в противоречие с регламентациями институциональной сферы.

С точки зрения реального положения дел, процесс конвергенции в настоящее время находится в зоне неопределенности, конвергенция столь же необходима, сколь и проблематична. Однако правомерна ее оценка как интегративного основания, намечающего новые горизонты синтеза науки, искусства, здравого смысла и институциональности, снижающего риски научно-технического развития и обосновывающего приоритеты будущего.

Потенциал понятийного аппарата постнеклассики. Несмотря на то что сфера методологии считается достаточно инертной и сопротивляющейся изменениям, в современной ситуации можно зафиксировать существенные подвижки в расширении *понятийного аппарата* и регулятивов постнеклассики. С одной стороны, общий императив постнеклассики, состоящий в признании ценностно-целевой стратегии, остается незыблемым, так как именно он, сопрягая цели и ценности, сохраняет уверенность в человекообразных сценариях развития. Этот регулятив сформирован на фоне утверждения представленных синергетикой постнеклассических концептов первой волны: порядок, хаос, аттрактор, бифуркация, флуктуация, диссипация, энтропия, нелинейность и пр. С другой стороны, фиксируется мощный поток обновления методологического инструментария, обеспечивающего тестирование современной ситуации, представленного та-

кими концептами, как эмерджентность, энактивизм, рекурсивность, фрактальность, сложность и др.

Заметим, что постнеклассические концепты «первой волны» родом из точных наук. Методология, модифицируя предшествующий инструментарий, сделала ставку на переосмысление роли хаосомных структур. Философско-методологическая реакция на «хаос» показала всю ограниченность его обыденного восприятия. В научном дискурсе этот концепт, обозначающий иррегулярность и уводящий к стихийно-спонтанному становлению, отсутствию однозначных пространственно-временных траекторий развития, стал весьма популярным инструментом постнеклассической методологии. Хаос в контексте неотъемлемой атрибутки мира в общем виде подчеркивает абсолютность движения и относительность покоя. Спецификация данного концепта связана с тем, что хаос – это нерегулярное движение с непериодически повторяющимися, неустойчивыми траекториями, где для корреляции пространственных и временных параметров характерно случайное распределение [4. С. 172–173]. В такой интерпретации данный концепт напрочь лишается своего деструктивного толкования. В постнеклассической картине мира хаос мыслится как состояние, производное от первичной неустойчивости материальных взаимодействий, которое может явиться причиной спонтанного структурогенеза. Стартуя от пионерской работы И. Пригожина и Э. Стенгерс [5], дихотомия «хаос – порядок» спустя четверть века укоренилась в мировоззрении ученых как универсальная характеристика развития всех уровней универсума и системообразующая магистраль новообразований.

В настоящее время задача несколько перефокусирована. В поисках «стандартов, которые работают», постнеклассическая методология опирается на значимые в мировоззренческом плане маркеры современности и, в частности, на парадигму сложностного мира. Это привело к конституированию целого направления, получившего название «complexity science» – «наука о сложном». Эпоху *сложности* определяют как «разворачивающуюся во времени становящуюся цепь событий, определенных по отношению к прошлому и неопределенных по отношению к будущему» [6. С. 86]. Активный приверженец «сложного мышления» Э. Морен описывает ее так: «...беспорядок и порядок смешиваются, вызывают друг к другу, нуждаются друг в друге, состояются друг с другом, противоречат друг другу. Этот диалог осуществляется в необыкновенной великой игре взаимодействий, превращений, организаций, где каждый работает за себя, каждый за всех, все против одного, все против всего» [7. С. 14]. Отталкиваясь от такой характеристики, можно предположить, что в стратегиях современного развития «состязаются и противоречат друг другу» ориентация на рыночную максимизацию функции полезности и стремление к ценностно-целевым приоритетам человеческого существования; энтропии социального, проникающая во все поры жизненного процесса, и яростное ей противостояние в направлении воплощения качественных целей гармонизации бытия.

Преимущество «науки о сложном» – «complexity science» состоит в том, что она сопрягает в себе рефлексивное начало, т.е. субъектность, стремящуюся распознать происходящее, придать ему «человеческое» измерение, с одной стороны. А с другой – начало объективное, событийное, связанное с «упрямыми фактами» наличной действительности и геополитической ситуации. Возникающие при этом мировоззренческие деформации обусловлены также агрессивным вторжением виртуальных форм взаимодействия, симулятивным эффектом СМИ, создающим субонтологию реальности. Смыслы ситуации активно конструируются и посредством «сетевого охвата» проецируются на человека, видоизменяя при этом «тип саморегуляции» общества.

Еще в начале прошлого века статистические закономерности, ориентирующие на учет множества факторов, выводили науку на вероятностный прогноз. Их преимущества были связаны с приближением к «текучей современности», в которой все системы характеризуются как открытые, активно обменивающиеся веществом, энергией и информацией, что и обуславливает эффект их неравновесности. На этом основании иллюзии в том, что реальность предстает неким инвариантом повторяющихся регулярностей и тождественных причинных связей, были разрушены.

Сложность современной ситуации такова, что поведение системы может быть описано лишь древовидной ветвящейся графикой, зависящей от многообразия векторов приложения энергии в поле социальной жизни. Под вопросом оказываются долгосрочная перспектива и консенсус в видении будущего, координация партнерских отношений и кооперирование совместных усилий. Особо затруднительным представляется учет супертехнологических новаций переднего края науки в контексте позитивных и негативных последствий их внедрения. В поисках *онтологической* опоры философы указывают на *сложность* как ведущую тенденцию современности, определяющей дух двадцать первого столетия [8]. Поскольку сложная цепь событий, характеризующая социокультурную динамику современности, чревата радикальной неопределенностью, так называемая логика сложности сопряжена с эмерджентностью, неустойчивым и случайным распределением траекторий развития, отклоняющимися от выбранной стратегии поведением участников взаимодействий.

«Вторая волна» обновления понятийного аппарата постнеклассики выплеснула на авансцену в качестве ведущих такие концепты, как *эмерджентность*, *знактивизм*, *аутопоэзис*, *рекурсивность*, *фрактальность*. Расширение их коннотаций направлено на поиск модели реальности, которая бы не противоречила ее действительным значениям, была бы адекватна динамике современного мира и улавливала *нерв и пульс современной эпохи*. Фокус внимания сместился на рассмотрение многообразных эффектов, которые возникают вне и помимо первоначального целеполагания, т.е. *эмерджентных*, внезапно возникающих ситуационных сценариев. Эмерджентность, демонстрирующая, согласно выводам исследователей, «бытийственную отделенность от хронологически поро-

дивших корней» [9. С. 26], привлекает в поле методологического анализа побочные продукты, периферийные пласты жизнедеятельности, ситуации расхождения цели и результатов.

Значение такого концепта постнеклассической методологии, как *знактивизм*, *вытекает из понимания того*, что любая из систем для своего функционирования и адаптивного вписывания в существующие средовые факторы должна получать информацию о «потоке возможностей» и осуществлять свой выбор. Тем самым данная система, изменяясь сама, производит определенное воздействие на сложившуюся совокупность условий и обстоятельств. Процесс, в котором качественные изменения системы, детерминированные средой, оказывают влияние на сами средовые факторы, обозначен специальным концептом – *знактивизм*. Его методологический потенциал состоит в том, что он показывает, как часть «свертывает в себе целое», участвуя в «со-возникновении» новых качеств и свойств. Е. Князева, опираясь на труды Э. Томпсона, У. Матурана, Ф. Варелы, показывает, что знактивизм – это «вдействие системы в среду» [10. С. 91–105]. Схемы изменений (то, что У. Матурана именовал как «столкновение организма и среды») учитывают совместное взаимодействие как средовых факторов, так и особенностей системы, и оказывают непосредственное воздействие на всех участников этого процесса. Здесь важна соотнесенность тела системы с самим собой, со средой, их взаимная ко-детерминация и некая синкретичная связь, «общность с жизнью». На наш взгляд, заслуживает особого внимания процесс «самоподдержания и восстановления нарушенных связей» в случае разрушающих воздействий извне. Все это направлено на сохранение и самодостраивание идентичности системы. Иными словами, система и обстоятельства ее жизни меняются конгруэнтно, однако именно поддержание *идентичности* системы свидетельствует о факте ее существования как автономной целостности, как участнице симфонии взаимодействий. Аналог знактивизма ученые усматривают в процессе интеракционизма системы и среды, где система и окружающая среда обоюдно активны.

Вытекающий отсюда концепт *рекурсивность* указывает на естественную необходимость сопряжения внутреннего и внешнего, при котором происходит осознаваемое наблюдение ситуации при одновременном конструировании ее смысла [6. С. 86]. Методологическая стратегия рекурсивности предлагает сочленять внутренний план бытия системы и внешний контекст ее существования. Каждый новый уровень организации несет собой типы взаимодействий, которые рекурсивно влияют на совокупность имеющихся обстоятельств, сложившихся регулярностей и формообразований. Их ответная реакция и трансформации, обусловленные сетью взаимодействий, производят эффект рефлексивно активной среды.

Другое значимое методологическое приращение связано с концептом *фрактал* (от лат. изломанный). В общем случае фрактал означает самоподобие, масштабную инвариантность, а также структурное тождество части и целого (например, структура воды в

капле воды). В качестве распространенного наглядного примера фрактала принимают снежинку, вместе с тем таковых множество, это и кораллы, и линия берега, и границы облаков или же японский садик, представляющий уменьшенную модель сада как такового. Иногда фрактал называют уменьшенной копией целого. Выделяют также квазифрактал, отличающейся неточностью повторения структуры. Значение фрактальности велико, ибо в самом эволюционном процессе усматривают фрактальные составляющие [11. С. 11]. Из основного свойства фракталов – самоподобия можно получить значимое прогностическое приращение, указывающее на то, что информация, содержащаяся в части, соизмерима с информацией о целом, системе. С точки зрения онтологии фрактальность как самоподобие показывает не только тождественность структуры, но и инвариантность законов функционирования данной структуры. В размышлениях о допусках современного методологического инструментария и применения фрактальности к сфере гуманитарного знания, можно обратиться к примеру, когда зрелый человек, вспоминая поступки и состояния молодости, удивляется и, быть может, краснеет, но никогда не отказывается от узнавания самого себя, от самоподобия собственному Я. Учитель всегда ценит в своем ученике похожесть на себя, воспитатель хочет передать воспитаннику качества, важные для него самого [Там же. С. 12].

Таким образом, фрактальный подход, спроецированный на проблему идентичности, обнаруживает свое значение и для современного социогуманитарного знания, и для понимания специфики реальных участников взаимодействий. Иными словами, расширенная **концептосфера** постнеклассики становится весьма востребованным метаязыком современности.

Но для того, чтобы оттенить способ развития, включающий в себя смыслополагание, постнеклассическая методология активно использует потенциал такого концепта, как **аутопоэзис** [12], выходящий далеко за пределы биологии. Уже Н. Луман использует этот концепт для описания характеристики такого социального явления, как сети интернет-пространства. Данный концепт показывает, что система в состоянии наблюдать самое себя, фиксировать то, что с ней происходит, она обладает способностью к самоописанию, достраиванию собственных компонентов и прогнозированию своих состояний. Аутопоэтический процесс самодостраивания и воспроизведения самое себя предполагает не только отработку имеющихся смыслов жизнедеятельности, но и новое смыслообразование. Он опирается на симбиоз интуитивного и рационального, спонтанного и управляемого и не может быть формализован. Е. Князева акцентирует внимание на процессе «вдействия в мир и в друг друга и взаимного отелеснивания (ин-теркорпоральности). Мы моделируем верования и намерения других людей, с которыми мы имеем дело, как будто мы находимся в их ситуации. За такой процесс ответственны в мозгу так называемые зеркальные нейроны», – отмечает автор [13]. Уместен также вывод Х. Патнэма, утверждающий, что «приходится отбросить великую мечту; мечту об описании физической реальности как

существующей вне наблюдателя, описания, которое является объектом в смысле существования безотносительно к конкретной точке зрения» [14. С. 91]. Здесь важно, во-первых, что место репрезентации реальности, на которую наука делала ставку в предшествующей парадигме, занимает рекурсивное взаимодействие. А во-вторых, что проекция от точки зрения наблюдателя свидетельствует об активном рефлексивном процессе.

В силу этого в качестве «эффективных единиц» влияния в фокусе внимания оказываются интеллектуальные инициативы [15], генерирующие программы индивидуальной активности, направленные на преобразование реальности. В них имплицитно присутствует как энергийная проекция человека, так и образ реальности, которая необходима для самореализации субъекта. Интеллектуальная инициатива содержит в себе репертуар идей и признание доминирующей персоны актора «в терминах внимания». Заметим, что именно состояние внимания Г. Хакен использовал в синергетике как значимую характеристику активности головного мозга на макроскопическом уровне [16], которое позволяет чутко настроиться на ритмы взаимодействий. Более того, резонансные взаимодействия, сопровождаемые вниманием, по своему смысловому потенциалу «состязаются» с информационными процессами и в некоторых случаях свидетельствуют о своеобразной инфляции информации.

Если стать на позиции известного отечественного науковед М.К. Петрова, утверждавшего, что «в основе культурного прогресса лежит не внешний толчок, а внутренний побудительный мотив» [17. С. 25], то интеллектуальная инициатива может быть оценена как матричный элемент постнеклассики. Однако важно понимать, что интеллектуальные инициативы могут выступать в трех ипостасях: в виде устойчивых и стереотипных регулятивов; как случайные артефакты, указывающие на зону неустойчивости; как цели – аттракторы, которые являются центрами скопления и обладают системосозидающим потенциалом. Эффективность инициативы расценивается с точки зрения внедренности человеческого мышления в реальность, укорененности в ней и привнесения в нее позитивных регуляций, что на языке синергетики означает нахождение гармонизирующих «параметров порядка».

Исследователи выделяют еще один, мало разработанный аспект, а именно вопрос о значении интеллектуальной энергии фемининного или маскулинного типа, активно вторгающейся в обустройство бытия. Тем самым в широком диапазоне социальных ситуаций задается определенная программность социально-ролевых сценариев. Энергия и жизненная сила, сопряженные со способностью «быть автором собственных поступков и решений, нести ответственность за свой выбор и действия» [18. С. 15], являются основополагающими в стратегии изменения ситуации. Понятийный аппарат постнеклассики, являясь открытой системой для включения новых, универсально значимых концептов, переносит акцент на вопрос о субъектности.

Современные модификации субъектности. Многообразие профилей ученого, предлагающих раз-

ные проекции научных изысканий (теоретик, аналитик, экспериментатор, популяризатор, эксперт и др.), свидетельствует о разностороннем вложении исследовательских усилий в направлении распознавания и конституирования тенденций развития целого. Но поскольку сегодня нельзя говорить об адекватном понимании действительности без учета проникающих во все поры жизнедеятельности технологий, то современный образ мира включает в себя сумму технологий, этот мир детерминирующих. Контуры проективного будущего подразумевают доминирование технологического и возрастающий удельный вес артефактной среды. Современная технонаука, представленная NIBC – нано-, био-, информационно-когнитивными технологиями, имеет в качестве очевидных следствий видоизменения психо-ментальной сферы субъектности.

Во-первых, фиксируется беспомощность массового человека перед натиском высоких технологий, которые, демонстрируя постоянную обновляемость, несут собой скрытую или явную нестабильность. Из-за недостаточной компетентности в сверхсложных технологиях у человека возникает ощущение принципиальной уязвимости. Интенсифицированный на основе новейших технологий производственный процесс высвобождает лишние рабочие руки и поднимает острый социальный вопрос: «Куда может быть направлена энергия “лишних людей”»? [17. С. 6] Чем она может быть связана? Психологи отмечают кризис мотиваций, когда люди лишаются жизненных целей и затрудняются сказать, чего они хотят от жизни. В то время как жесткие современные реалии требуют постоянно обновляемой технологической грамотности субъектов, способных эффективно функционировать в условиях постинформационной цивилизации.

Во-вторых, вследствие доминирующего значения инфоцентричного мира фиксируется подчиненность человека интернет-сетям. Сегодня инфозависимость сравнивается с сильнодействующими драгами, предопределяющими поведенческие девиации. Интернет как повышающий «разрешающую силу» человеческого мозга присваивает себе функции могущественного «посредника» современного существования. Модели виртуального замещения генерируют квазисобытия, которые претендуют на онтологическое равноправие, вторгаются в наличное бытие и существенно влияют на мировосприятие. Мышление приобретает клиповый характер. Представляя отрывки информации в образной форме, оно нацеливает на фрагментарность, отсекает смысловую глубину погружения, вытесняет логику и понятийный строй мышления. Емко и образно о клип-культуре писал Э. Тоффлер, подчеркивая, что на личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, обстреливают нас разорванными, лишенными смысла «клипами», мгновенными кадрами [19]. Выводы во многом спорны, но, вместе с тем, некоторые исследователи утверждают, что такую клиповую стилистику мышления обретает в целях защиты от перегрузок возрастающего объема информации [20]. Другие видят в

«клиповом мышлении» своеобразную форму побега от реальности [21. С. 15–23], своеобразный виртуальный эскейпизм, осуществляемый в условиях обедненного событиями обыденного существования. Человек, испытывающий огромную зависимость от компьютеров, выступает в облике *Homo Interneticus*.

В-третьих, ученые бьют тревогу по поводу продолжающейся деградации научного потенциала, сокращающейся численности ученых, недофинансирования уровня расходов на образование, науку и здравоохранение [22. С. 6]. Стремление к самовывживанию ставит под угрозу «здоровый смысл» академического сообщества, подвергая сомнению связь между исследовательскими достижениями, научным признанием и престижем ученого. В условиях рыночной экономики «амбивалентность ученых», которая была зафиксирована в пионерской работе Р. Мертона, а также в метких выводах П. Фейерабенда, проявилась в своих самых негативных свойствах. Поскольку образованию предан статус сферы оказания образовательных услуг, академизм, отстаивающий высокую планку профессиональных знаний и качество научных исследований, сопровождаемых воспроизводством принятой академическим сообществом системы ценностей, значительно мутировал. Это привело к активному формированию новой идентичности представителя научного мира. В свое время М.К. Петров обращал внимание на существующее мнение, что ученых часто считают «рабочими сцены»; они ответственны за идеи и нужные приспособления, но их следует держать за кулисами. Все, кто писал о политических аспектах науки, – отмечал автор, – вспоминают формулу, которая стала основным символом оценки статуса ученых – «под рукой, но не в руководстве» [23. С. 41]. Не случайно в современный научный оборот вошли термины «knowledge-worker» (работник интеллектуального труда), «фабрика мысли», во многом обезличивающие вклад ученого, задействованного в процессе создания прибавочной стоимости.

Анализ российского контекста функционирования научного потенциала выявляет весьма ощутимую неоднородность в отношении следования высоким стандартам профессионализма; разросшуюся сферу аутсайдеров в науке с характерной агрессивностью академического дискурса [24], замешанном на конкурентности, подозрительности, зависти, скрытом плагиате. Но главное, сложилась и повсеместно фиксируется ситуация отрицательной селекции, в которой производится «выдавливание» ученых с именем, «ключевых дисциплинарных фигур» [25. С. 142]. По неволе вспоминается звучащий как назидание вывод М.К. Петрова: «В человеке-профессионале совмещено несколько функций: регулирование (иногда и обеспечение энергией), порождение нового и наследственное кодирование (обучение)» [23. С. 82]. Следовательно, современность должна сделать ставку на субъектность профессионалов.

Антропологическая перспектива – важная цель конвергенции. Самоопределение современной эпохи предполагает вовлеченное участие человека в происходящие события. Познавательные практики постнеклассики, нащупывающие подходы к выявлению

нию специфических особенностей неравновесного мира, «схватыванию» характеристик ситуации, содержат в себе ряд преимуществ. Во-первых, инструментарий постнеклассики более чутко реагирует на стохастическую жизненный процесс и динамику «ускользающего бытия», чем традиционная методология. Во-вторых, в нем ощутима значимость инициатив, личной энергии ученых и ценностно-целевых регулятивов, что имплицитно содержит в себе проективную открытость к антропологическому повороту.

Антропологический поворот, заключающийся в себе идею человекомерности, показывает, что человеку в его реальной жизни необходимы не только научно-технический прогресс, но и искусство, мораль, полноценное личностное общение и вся ценностно-смысловой универсум, отраженный социально-гуманитарной сферой, которая не сводима без остатка ни к логике и научной рациональности, ни к потреблению и экономической выгоде. К истинам человеческого существования отнесены любовь, дружба, верность, порядочность, взаимопонимание, справедливость, а к «аттестации» событий привлечены совесть и стремление к гармонизации бытия, направленной на создание мира, пригодного для жизни будущих поколений. Постигание этих истин тесно связано с человеческими эмоциями, переживаниями, намерениями. Их экзистенциально-духовное наполнение обуславливает формирование жизненной позиции, предполагает открытость миру и слияние с высокими ценностями сокровищницы человеческого духа.

Ситуации, отраженные в произведениях искусства, декодируются воспринимающим сознанием, оставляют неизгладимый след в памяти и психо-ментальной сфере. Влияя на продуцирование сознанием базовых схем жизневоплощения, они способствуют надэмпирической трансляции человеческого опыта. Человек в своей конечной жизни не может быть реальным участником того многообразия коллизий и ситуаций,

к которым приобщает его мир искусства. Эмоционально выразительные возможности художественного образа рожают эффект сопереживания и свидетельствуют о его аттрактивной природе. Осуществляемая искусством надэмпирическая трансляция опыта – чрезвычайно значимый канал обогащения человеческой личности смыслоносущими ориентирами. В ней можно усмотреть путь «сведения ума в сердце». Сопрягая внутренне-субъектное с внешне-реальным, она порождает особую эмоциональную энергию намерения, снабжает человека запасом возможных вариантов ответа на вызовы, брошенные обстоятельствами, научает «искусству жить». Рефлексия над собственной жизнью – приоритет мыслящих людей, воспринимающих свое бытие как проект самовоплощенного существования.

Конвергенция, превосходя фрагментарно разбросанное знание, выступает насущным требованием современности. Человек науки в глазах общественного мнения – это не частичный индивид, а личность, от которой ожидают энциклопедической образованности, глубинных знаний, ярко выраженной мировоззренческой позиции. Он являет собой сочетание интеллектуальных, этических и рефлексивных способностей. Когда ученый, астрофизик или микробиолог на понятном и общедоступном языке рассказывает о своих достижениях широкой аудитории, конвергенция проявляется как имманентный и естественный процесс. И чем интереснее рассказ, тем очевиднее возможность перевода специального понятийного аппарата на универсальный язык осмысленного повествования. «Речевой ансамбль» и «свод познаний» работают на популяризацию достижений конкретной области, тесную спайку и органическое проникновение проблематики точной науки в социогуманитарную сферу. Конвергенция, прокладывая путь к целостному постижению универсума, обеспечивает креативное движение к новым открытиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Parsons T. Some Problems Confronting Sociology As a Profession // *American Sociological Review*. 1959. № 24 (4). P. 547–569.
2. Deem R. New Managerialism and Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities in the United Kingdom // *International Studies in Sociology of Education*. 1998. Vol. 8, № 1. P. 47–70.
3. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // *Вопросы философии*. 2010. № 4. С. 5–15.
4. Лешкевич Т.Г. Философия науки. М.: Инфра-М, 2004.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
6. Аршинов В.И. Сложностной мир и его наблюдатель // *Философия, методология и история науки*. М., 2015. Т. 1, № 1. С. 86–99.
7. Морен Э. Метод. Природа Природы. 2-е изд. М.: Канон+, 2013.
8. Mainzer K. Thinking of Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind and Mankind. New York: Springer, 2007.
9. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб.: Алетея, 2002.
10. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // *Вопросы философии*. 2013. № 10. С. 91–105.
11. Лешкевич Т.Г. Парадоксы «инно-преобразований», или Размышления о философии инноваций // *Научная мысль Кавказа*. Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. № 2. С. 7–13.
12. Матурана У., Варело Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
13. Князева Е.Н. Коммуникативная сложность // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 5. С. 110–118.
14. Патнэм Х. Реализм с человеческим лицом // *Аналитическая философия становления и развития*. М.: ДИК, 1998.
15. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.
16. Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М.: Наука, 2001.
17. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1992.
18. Лешкевич Т.Г. Проблема качественной «распаковки» смыслов бытия // *Научная мысль Кавказа*. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. № 4. С. 14–22.
19. Тоффлер А. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 2004.
20. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // *Наукоеведение*. 2016. Вып. 5 (24). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>
21. Кошель В., Сегал А. Клиповое мышление как форма обыденного сознания // *Международный академический вестник*. 2015. № 4 (10). С. 15–23.

22. Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. М. : Инфран, 2010.
23. Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М. : РОССПЭН, 2006.
24. Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е. Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // Интелрос. 2016. № 138. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/138-2016/30001-trevoga-i-entuziazm-v-diskursah-ob-akademicheskom-mire-mezhdunarodnyy-i-rossiyskiy>
25. Лешкевич Т.Г. Академический мир и его системообразующие принципы // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании–2017. Академический мир в междисциплинарных практиках : материалы второй ежегодной Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.). Ростов-на-Дону ; Таганрог : ЮФУ, 2017. С. 136–146.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 августа 2017 г.

THE VECTOR OF METHODOLOGY MODIFICATION: CONVERGENCE OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE WITH POST-NON-CLASSICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 71–78.

DOI: 10.17223/15617793/427/9

Tatiana G. Leshkevich, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Keywords: methodology; convergence; post-non-classical concepts; “complex science”; emergence; autopoiesis; subjectness.

The article is devoted to the analysis of the modification of the post-non-classical methodology taking into account the convergence of different types of knowledge. The main goal is to show the advantages of using the post-nonclassical conceptual apparatus as a universal methodological resource for studying the acute problems of our time. The author suggests distinguishing between the “strong” and “weak” versions of convergence and identifies the problems of interdisciplinary synthesis. Attention is paid to the design of “a new managerialism” (R. Deem), which assigns to itself functions of the organization of cross-disciplinary interaction. The focus is shifted to the expansion of modern methodology, which allows us to distinguish post-nonclassical concepts of the “first” and “second” waves. The author describes such concepts of post-nonclassical methodology as complexity, emergence, enactivism, recursiveness, fractality, autopoiesis and reveals their methodological potential and systemic relationship. The concept “complexity” (E. Moren; K. Mainzer) reflects the leading tendency of the modern time. The phenomenon of intellectual initiative (St. Toulmin) is a new object of methodological reflection. It generates programs of individual activity and is assessed as a matrix element of transformations. It implicitly contains the energetic projection of a person, extends the boundaries of the existing situation and points to the alternative scenarios of the future. Developing this idea, the author raises the question of modern modifications of subjectivity. The person of a global world does not think of himself out of large-scale technical technological support, out of information communications. At the same time the analysis shows that human nature is undergoing transformations due to the penetration of positive and negative trends of nano-, bio-, info- and cognitive technologies in all the spheres of the lifeworld. First, it fixes the helplessness of a mass person before the onslaught of high technologies. Second, human subordination to Internet networks becomes apparent. Under the press of information technology, the conceptual structure of thinking is supplanted by the clip-art one. The problem of the impact of information technology on the human brain is acute. And, finally, the new identity of a “knowledge-worker” which depersonalizes the scholar’s contribution is actively formed. A new wave of negative selection is recorded, suggesting an outflow and “mobbing” of established scholars, ignoring “key disciplinary figures”. It is worth highlighting that modernity should rely on the subjectivity of professionals. The article concludes that the most important purpose of convergence is anthropological perspective. Social and humanitarian knowledge provides transmission of human experience, enriching the person with meaningful landmarks.

REFERENCES

1. Parsons, T. (1959) Some Problems Confronting Sociology As a Profession. *American Sociological Review*. 24 (4). pp. 547–569.
2. Deem, R. (1998) New Managerialism” and Higher Education: The Management of Performances and Cultures in Universities in the United Kingdom. *International Studies in Sociology of Education*. 8:1. pp. 47–70.
3. Kasavin, I.T. (2010) Mezhdistsiplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii [Interdisciplinary research: to the concept and typology]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 5–15.
4. Leshkevich, T.G. (2004) *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow: Infra-M.
5. Prigozhin, I. & Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order from chaos. A new dialogue between man and nature]. Moscow: Progress.
6. Arshinov, V.I. (2015) Slozhnostnoy mir i ego nablyudatel’ [Complex world and its observer]. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki*. 1:1. pp. 86–99.
7. Moren, E. (2013) *Metod. Priroda Prirody* [Method. Nature’s Nature]. 2nd ed. Moscow: Kanon+.
8. Mainzer, K. (2007) *Thinking of Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind and Mankind*. New York: Springer.
9. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (2002) *Osnovaniya sinergetiki* [Foundations of synergetics]. St. Petersburg: Aleteyya.
10. Knyazeva, E.N. (2013) Enaktivizm: kontseptual’nyy povorot v epistemologii [Enactivism: a conceptual turn in epistemology]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 91–105.
11. Leshkevich, T.G. (2011) Paradoksy “inno-preobrazovaniy”, ili Razmyshleniya o filosofii innovatsiy [Paradoxes of “Inno-Transformations”, or Reflections on the Philosophy of Innovation]. *Nauchnaya mysl’ Kavkaza*. 2. pp. 7–13.
12. Maturana, U. & Varelo, F. (2001) *Drevo poznaniya* [The Tree of Knowledge]. Translated from English by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress-Traditsiya.
13. Knyazeva, E.N. (2013) Communicative complexity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 5. pp. 110–118. (In Russian).
14. Putnam, H. (1998) Realizm s chelovecheskim litsom [Realism with a human face]. Translated from English. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya stanovleniya i razvitiya* [Analytical philosophy of formation and development]. Moscow: DIK.
15. Toulmin, St. (1984) *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding]. Translated from English. Moscow: Progress.
16. Haken, H. (2001) *Printsipy raboty golovnogogo mozga* [Principles of brain functioning]. Moscow: Nauka.
17. Petrov, M.K. (1992) *Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo* [Self-consciousness and scientific creativity]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
18. Leshkevich, T.G. (2014) Problema kachestvennoy “raspakovki” smyslov bytiya [The problem of qualitative “unpacking” of meanings of life]. *Nauchnaya mysl’ Kavkaza*. 4. pp. 14–22.
19. Toffler, A. (2004) *Tret’ya volna* [The third wave]. Translated from English. Moscow: Izd-vo AST.

20. Semenovskikh, T.V. (2016) Fenomen “klipovogo myshleniya” v obrazovatel’noy vuzovskoy srede [The phenomenon of “mosaic thinking” in the educational high school environment]. *Naukovedenie*. 5 (24). [Online] Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>.
21. Koshel’, V. & Segal, A. (2015) Klipovoe myshlenie kak forma obydenного soznaniya [Бытовой thinking as a form of everyday consciousness]. *Mezhdunarodnyy akademicheskyy vestnik*. 4 (10). pp. 15–23.
22. Lepskiy, V.E. (2010) Problema sub’ektov rossiyskogo razvitiya [The problem of subjects of Russian development]. In: Arshinov, V.I. & Lepskiy, V.E. (eds) *Problema sborki sub’ektov v postneklassicheskoy nauke* [The problem of collecting the subjects in post-nonclassical science]. Moscow: Infran.
23. Petrov, M.K. (2006) *Filosofskie problemy “nauki o nauke”. Predmet sotsiologii nauki* [Philosophical problems of the “science of science”. Subject of sociology of science]. Moscow: ROSSPEN.
24. Abramov, R., Gruzdev, I. & Terent’ev, E. (2016) Alarm and Enthusiasm in Discourses on the Academic World: International and Russian Contexts. *Intelros*. 138. [Online] Available from: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/138-2016/30001-trevoga-i-entuziazm-v-diskursah-ob-akademicheskoy-mire-mezhdunarodnyy-i-rossiyskiy>. (In Russian).
25. Leshkevich, T.G. (2017) [Academic world and its system-forming principles]. *Mezhdistsiplinarnost’ v sovremennom sotsial’no-gumanitarnom znanii–2017. Akademicheskyy mir v mezhdistsiplinarnykh prakt ofikakh* [Interdisciplinarity in modern social and humanitarian knowledge–2017. Academic world in interdisciplinary practices]. Proceedings the second annual all-Russian conference. Rostov-on-Don. 22–24 June 2017. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU. pp. 136–146. (In Russian).

Received: 12 August 2017

БИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ СЦИЕНТИЗМ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ АЛЬТРУИЗМА И ЭГОИЗМА

Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 15-03-00710 «Категориальная оппозиция “альтруизм–эгоизм” в морально-нравственном дискурсе современности».

Предпринят анализ наиболее претензионного подхода к объяснению альтруизма и эгоизма, репрезентированного биологическими науками. Утверждается, что сегодня они примеряют на себя роль философской метафизики, осуществляя методологическую и мировоззренческую экспансию, квалифицированную как форма традиционного и инновационного метафизического сциентизма. Социобиология как своеобразный реверс в сторону традиционного биологического сциентизма актуализирует этический потенциал альтруизма.

Ключевые слова: метафизический сциентизм; альтруизм; эгоизм; социобиология; эволюционная этика; этология.

Введение. В истории европейской культуры «каждая эпоха имела свою степень, массовую норму персонализации, принимаемую данным обществом как приемлемый, терпимый уровень самообособления, эгоизма» [1. С. 463], равно, как и свою степень альтруизма. Альтруизм и эгоизм – сложные феномены, которые затрагивают основы нашего миропонимания и нравственного самосознания, крепко связаны с глубинными детерминациями человеческого поведения и несущими конструктивными элементами культуры.

Современный этап развития общества и культуры – «эпоха глобальной человеческой империи» – был охарактеризован как кризисный еще полвека назад: «Триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу», – писал А. Печчеи [2. С. 10]. Диапазон всевозможных кризисов распростерся сегодня от «кризиса экологического» до «кризиса антропологического» и этического. Вопрос «можно ли доверять этике?» звучит сегодня скорее риторически – ведь «в наше она-ученное время реальная нравственная жизнь протекает без ее прямого участия» [3. С. 6–7]. Этический дискурс современности демонстрирует оскудение базовой категориальной оппозиции этики («добро–зло»), а все другие – производны от нее: «Развенчать Добро – вот конечная цель постмодернистской “этики”, если о таковой в этом случае можно говорить. Она отражает и усиливает процесс его размывания в реальных человеческих отношениях» [4. С. 76].

На уровне социального бытия данная ситуация опознается как дефицит «духовных скреп» в секуляризованном обществе, которые по сути – не что иное, как ценности альтруизма, в которых современная культура и общество остро нуждаются. Однако очевидный запрос на них соседствует с ростом эгоистической мотивации человека, культом индивидуализма, прогрессирующей отчужденности, жестокости и агрессивности. Налицо противоречие между двумя разнонаправленными тенденциями – умножающимся количеством различных социальных практик, направленных на активацию альтруизма, с одной стороны, и ростом аморализма, сопровождающегося неприкрытым эгоизмом, необузданностью инстинктивных форм поведения, – с другой стороны.

В течение длительного времени оппозиция «альтруизм–эгоизм», равно, как и вся проблема «природы

человека» в целом, находилась преимущественно в сфере философской мысли и в юрисдикции «наук о духе». Эгоизм чаще ассоциировался с природным (животным), альтруизм – с культурным началом в человеке. Классики философии признавали, что «животность первоначальнее и в сущности сильнее, чем чистая человечность в ее проявлениях» [5. С. 581], что человек – это единственный «вольнотруженник природы» (И. Гердер). «От природы» человек естественно себялюбив, он печется о собственном благе. Нравственная же задача связана с расширением этой заботы на других, что составляет базовое содержание морали.

Эгоизм выступал одной из форм проявления индивидуализма, связанной в «социально-культурном онтогенезе» с процессом становления личности. И. Кант отмечал: «С того дня, когда человек начинает говорить от первого лица, он везде, где только возможно, проявляет и утверждает свое любимое Я (Selbst) и эгоизм развивается неудержимо» [Там же. С. 358]. Он, если можно так выразиться, «стихийен», «естествен», поэтому долгое время он как бы не замечался. Эгоизм – это «продукт этико-философского обобщения описания реальных нравов» [6], до определенной нормативной и поведенческой модели он был доведен «постфактум», в результате критической рефлексии данной обобщенно-описательной реконструкции антропологической реальности.

Альтруизм предстал в ней как нечто искусственно культивируемое, требующее специальных усилий. Считалось, что гипертрофированное развитие эгоизма может сглаживаться в процессе социализации. Акцент на роли социальных факторов в процессе личностного развития вел к пониманию эгоизма как своеобразного социального атавизма. Зачастую полагалось, что корректировка эгоистического поведения может привести к альтруизму, филантропии, ориентации на коллективистские ценности и к невротической недооценке себя и своих интересов. Однако нередки и случаи сохранения эгоизма как пожизненного свойства личности, несмотря на усилия социума, воспитания и культуры.

Обсуждаемая сегодня угроза опасности потери человеком человечности актуализирует проблему соотношения альтруизма и эгоизма в человеке и обществе,

укорененных в природе человека тем или иным способом (через социальность, мораль, психологию или биологию). При этом нельзя не отметить устойчивый рост исследований, лейтмотивом которых становится своеобразная апология эгоизма. В пределе он рассматривается как «добродетель» [7], а альтруизм – как «неописуемое зло» [8. С. 135].

Данная ситуация свидетельствует о противоречивости и неоднозначности понимания альтруизма и эгоизма, а также об их недостаточном и зачастую одностороннем осмыслении. Это противоречие подталкивает к поиску причин происходящего за пределами социокультурных механизмов. Сегодня нельзя не отметить глубокий интерес к этической проблематике со стороны биологических наук, успехи в развитии которых дают для таких поисков обширный материал и весомый повод.

Целью настоящего исследования является философский анализ наиболее претензионного подхода к объяснению альтруизма и эгоизма как феноменов не только природного, но и культурного бытия человека, репрезентированного лидером научного авангарда – биологией. Сегодня она примеряет на себя роль философской метафизики.

Методология. Методология анализа определена взглядом на продолжающийся процесс сциентификации культуры и философии с позиций диалектического метода. Формы философии – метафизика и позитивистика – не являются статичными в духовной культуре общества. Обнаруживаемые изменения исторически происходили двумя путями – натурализацией метафизической философии и гносеологизацией метафизики. Метафизический сциентизм, возникший вторым путем, был представлен за последние три столетия различными формами в зависимости от лидерства той или иной науки [9. С. 51–55]. Сегодня мы наблюдаем очередную смену лидера в сонме наук, которая ведет к новому витку сциентификации философии и появлению новой формы сциентизма, претендующего на объяснение проблемы альтруизма и эгоизма в природе и человеческой активности.

В научном дискурсе «альтруизм–эгоизм» как категориальная пара обсуждалась сначала (со времен О. Конта и Э. Дюркгейма) в социологии. Ситуация стала меняться в связи со стремительным развитием в XX–XXI вв. «наук о природе», в особенности о «живой природе», которые заявили свои претензии на верховенство и арбитраж по отношению к «наукам о духе».

Социологи по инерции склонны и сегодня рассматривать альтруизм и эгоизм как социальные явления, хотя уже и вынуждены признать их междисциплинарность. В настоящее время сражение социологии за пальму первенства в обсуждении альтруизма проиграно. Пространство публичного дискурса о нем поделено, по признанию самих социологов, между экспертами (в лице эволюционной психологии) и обыденным сознанием, балансирующим в диапазоне понимания альтруизма «от божественности моральных норм» до практицизма частных суждений [10. С. 245].

Этика, в сферу внимания которой входят альтруизм–эгоизм, вовсе оказывается сегодня ненужной, разве, что есть надежда на этику эволюционную.

В культурной ситуации XX в. возникла необходимость осмыслить проблему соотношения альтруизма и эгоизма в человеке и обществе под угрозой опасности потери человеком человечности. Психология, по крайней мере русская, по большому счету оказалась не готова к решению этой задачи. Российский психолог И.Е. Ильин констатирует: «К сожалению, об альтруизме мало что известно. Эта составляющая человеческого поведения до настоящего времени *практически не изучалась наукой*. В русской психологии нет ни одного фундаментального научного труда, посвященного этой проблеме, несмотря на то, что альтруизм является важной стороной морального развития человека» [11. С. 114].

Другой очень известный отечественный психолог – В.П. Зинченко – признавал, что такие этические категории, как «добродетель» (добро, благо), совесть безосновны: «Мы не знаем, откуда они произошли. Добродетель, сострадание, любовь, человечность – это то, что дано нам изначально как представителям человеческого рода. Откуда, почему – не знаю. Но общество и воспитание во многом определяют, насколько мы сможем распорядиться этой данностью» [12].

Констатация «ситуации незнания» всегда активизирует поиск. За дело берутся те, кто полагает, что знает, где искать ответы. На вызов ответила *эволюционная психология* – синтетическое направление современной психологии, занятое изучением видоспецифических психологических особенностей поведения человека как представителя вида *Homo sapiens*. Заметим, что многие из «видоспецифических особенностей» человека осмыслялись философами как «экзистенциалы», «феномены человеческого бытия». Эволюционная психология берется объяснить их в терминах *адаптаций*. «Эволюционно-психологический подход, – заявляют одни из его основоположников – Джек и Линда Палмер, – позволяет понять и объяснить самые глубокие феномены человеческого поведения: любовь и ревность, гневливость и сострадание, дружбу и агрессивность, лидерство и альтруизм» [13. С. 4]. Столь уверенные заявления связаны с победой эволюционного подхода в психологии и этологии человека, он также проник в эпистемологию и в этику. Этот подход стал доминантой в указанных отраслях науки в конце XX в.

Эволюционная психология заимствует одну из своих основных посылок из *эволюционной биологии* (принцип естественного отбора), другую – из *когнитивной психологии* (конструкт ментальных механизмов, которые обрабатывают информацию для реализации желаний, влечений, предпочтений и т.п.). В качестве базовой метафоры для пояснения ментальных механизмов когнитивная психология использует компьютерную метафору, основанную на аналогии работы человеческого мозга и процессора [14. С. 11]. Эти механизмы «генерируют поведение», адекватное среде. Постулируются их важность для выживания в типичных средах обитания и закрепление в структурах головного мозга (или в продуцировании мозгом соответствующего поведения). Причем отбору подвергаются не сами образцы поведения, а ментальные механизмы, лежащие в их основе, или инстинкты. Эти

механизмы видоспецифичны, они-то и обусловлены биологической эволюцией вида *Homo sapiens*. На их основе в психике формируется достаточно много стандартных схем, специализированных на выполнение определенных задач. В современном мире поведенческие паттерны многослойны. Картину усложняет наложение на биологическую эволюцию социальной эволюции. Многие первоначальные механизмы, отшлифованные миллионами лет эволюции, сегодня не слишком хорошо соответствуют нынешним потребностям. Но в виду их многочисленности у людей всегда есть выбор [15. С. 332–333].

Таковы в общем виде идеи эволюционной психологии. Из них следует, что эволюционная психология есть не что иное, как попытка биологизации психологии – то есть *био*психология. Сегодня к этому тренду добавляется еще один – морализация биологии. Она выражается в «апелляции к природе как к единственному оплоту, фундаменту или “гавани”, гарантирующей нравственное возрождение человечества и коррекцию социальных патологий» [16. С. 109].

Исследования сциентификации культуры позволяют выделить три исторические формы метафизического сциентизма: механистический (с XVII в.), кибернетический (с сер. XX в.) и синергетический (с 70-х гг. XX в.). Метафизический сциентизм в этих вариациях старался занять место низвергнутой метафизики. Поскольку истинная, но зачастую скрытая цель любой дисциплинарной онтологии – решение основного философско-антропологического вопроса о моделях и стратегиях спасения, постольку каждая крупная конструкция дисциплинарной онтологии (т.е. «*научно-философский гибрид*») создает свою концепцию спасения и соответствующие социально-онтологические метафоры общества и образы Спасителя. Все эти философско-антропологические конструкции выстраиваются «по всем канонам старой, доброй метафизики, начало которой было положено философией Платона» [9. С. 62]. Поэтому в каждой из перечисленных выше форм – своя фигура спасителя – «конструктора», «творца» и «инноватора».

Поскольку в конце XX в. произошла смена лидера в системе наук, где физика уступила почетное место биологии, постольку новый лидер явно или неявно стал осуществлять методологическую, идейную и даже политическую (властную) экспансию. Поэтому сегодня наряду с технократией можно, вероятно, говорить и о *био*-*кратии* как своеобразной форме *биологического метафизического сциентизма*. Он может выступать в двух разновидностях, назовем их традиционным и инновационным *биологическим метафизическим сциентизмом*.

Традиционный биологический сциентизм потому и традиционный, что в его рамках природа мыслится как субъект, превосходящий по своей мощи и мудрости человека. Сегодня такой сциентизм проигрывает на всемогущем рынке знаний и технологий своему «инновационному собрату». Ведь самыми авангардными сегодня можно назвать именно *биологические инновации*, вокруг которых наматываются все остальные (нано-, инфо-, когнитив- и пр.), с целью «перехитрить», «переиграть» природу. Причем в двух противоположных направлениях: с одной стороны, технологии биологизируются, т.е.

«во все большей мере опираются на биологические структуры, становятся новой биологией, то есть новой реальностью существования жизни», с другой – «сама жизнь подвергается все большей технологизации – биология превращается в разновидность технологий» [17. С. 199].

Инновационный биологический сциентизм стирает границу между природной жизнью и жизнью искусственной. Его обостренная креативность рождает новый вид артефактов: «Иногда новые вещи быстрее *делаются*, чем *понимаются*». Поэтому сегодня, когда речь идет об инновациях, все чаще звучит тема устойчивости, стабилизации этой неограниченной креативности. Если в 70-х гг. XX в. общество волновала идея устойчивого развития, то сегодня – идея «устойчивого инновационного процесса» [Там же. С. 200–201]. Возможно, это намек на то, что инноватор как спаситель, по-видимому, исчерпывает себя в своих инновациях. Формируется запрос на фигуру спасителя в образе стабилизатора.

Вполне возможно, что такой образ может быть найден в *традиционном биологическом сциентизме* как вариации *метафизического сциентизма*. По крайней мере, можно зафиксировать присутствие его поисков в эволюционной психологии и социобиологии, репрезентирующих собственные философско-антропологические конструкции этого вида сциентизма. Философия оказывается сегодня «служанкой биологии», а биовласть и биополитика – формами социальной репрезентации биократии.

Эволюционная психология как разновидность экспертного знания о человеке – прямая наследница *социобиологии* – нового научного направления, рожденного биократией. Дж. и Л. Палмер в своей книге прямо заявляют, что в виду того, что социобиология заступила на «чужую территорию», пытаясь объяснить альтруистическое поведение, мораль и этику с позиций биологической эволюции и генетического детерминизма, она стала для критиков «тем же, чем красная тряпка для разъяренного быка». «Термин “социобиология” стал ассоциироваться с множеством негативных понятий (расизм, сексизм)» [13. С. 32], поэтому выступить с апологией решались немногие. Еще на заре социобиологии многие социобиологи утверждали, что «их наука может оказаться важной для принятия политических решений» [18. С. 32]. В русской философии социобиология тоже подверглась жесткой критике, в том числе и по политическим соображениям («за буржуазность»). Ее критиковали за «беспомощность и противоречивость философских суждений» («социобиологи – вовсе не философы», «их идеи далеко не безвредны»), за спекулятивность и ненаучность и неопределенность места в системе наук («это не научное направление, а скорее совокупность трудно доказуемых гипотез» [19. С. 186–188]), за биологический редукционизм [20].

Эволюционная психология избежала жесткой критики благодаря словесной мимикрии: смена имени позволила ей «отмежеваться от негативных ассоциаций» с социобиологией. Об этом открыто заявляют Палмеры. Об этом же известный российский ученый и популяризатор науки А. Марков: «Эволюционная

психология и антропология <...> помогают нам понять, почему мы такие, какие есть. И они хранят гробовое молчание по поводу того, какими нам следует быть» [21. С. 491]. Один из глашатаев универсального эволюционизма Н.Н. Моисеев отмечал: «Люди не виноваты в том, что не все они честны, благородны, готовы к самопожертвованию, они такие есть, – жадность, агрессивность, эгоизм – тоже неотделимы от них. <...> Такова их судьба, такова история развития биологического вида *Homo sapiens*, таковы алгоритмы» [22. С. 350].

Кроме указанных новых областей науки, репрезентирующих биократию, следует назвать и *эволюционную этику*. Свой отсчет она ведет от Г. Спенсера и Ч. Дарвина. В современном виде эволюционная этика отказывается от теоретического наследства этико-философской мысли и обосновывает мораль как форму целесообразного или адаптивного поведения.

Следует отметить еще и однокоренную с этикой область знания, которая называется *этология*, – науку о биологических основах поведения животных. Основатели классической этологии К. Лоренц, Н. Тинберген и К. фон Фриш – нобелевские лауреаты (1973). Этологию прежде всего интересуют виды врожденного поведения (инстинкты). Этология человека считается наиболее проблемным «отделом» общей этологии, поскольку в ее рамках «не переоценивается сила морали», скромно осознающей себя в качестве ««всего лишь» компенсационного механизма», приспособляющего «Великий Парламент Инстинктов» к требованиям культурной жизни [23. С. 226].

Таким образом, круг «биократических» наук, претендующих на раскрытие природных оснований альтруизма и эгоизма, очерчен социобиологией, этологией, эволюционной этикой и эволюционной психологией. Надо отметить, что четкую их дифференциацию провести сложно, хотя, конечно, они отделены друг от друга. В то же время все они производны от идей эволюционной биологии и трансгрессивны в своих дискурсах. Круг знаковых имен – основоположников этих направлений – весьма подвижен: начиная с эволюционистов XIX века (Ч. Дарвин, Г. Спенсер, О. Конт, Э. Геккель и А. Эспинас, Э. Дюркгейм, М.А. Энгельгардт, П. Кропоткин и др.) и заканчивая эволюционистами XX–XXI вв. (Р. Докинз, В. Уилсон, Дж.П. и Л.П. Палмер, А. Марков, В.П. Эфроимсон, К. Лоренц, Ч. Ламсен, М. Рьюз, Н. Тимберген, Р. Триверс, Б. Фукс, Г.В. Правоторов, Д. Мак-Фарленд, С. Пинкер и др.). Можно с уверенностью сказать, что основное ядро *традиционного биологического сциентизма* как весьма заметного сегодня «*научно-философского неонатуралистического гибрида*» составляет социобиология.

Обсуждение и результаты. Рассмотрим, как обсуждается проблема альтруизма и эгоизма в дискурсе социобиологии.

Социобиология как «*научно-философский неонатуралистический гибрид*» утвердилась на метатерриториях между социологией, философской антропологией, культурологией, психологией, популяционной и молекулярной биологией, генетикой, этологией животных и человека. Свое начало она ведет от скан-

дальной публикации работы американского энтомолога и этолога Э.О. Уилсона «Социобиология: новый синтез» (1975) [24], пережившей в 2000 г. свое 25-е юбилейное издание.

Спустя три десятка лет после первой публикации, вызвавшей «бурю в Гарварде», Уилсон вспоминал в одном из интервью, что он «вошел в минное поле, закончив эту большую книгу “Социобиология”, с главой, говорящей, как это может быть применено к людям» [25]. Идеи этой главы вылились в отдельную книгу, дважды получившую Пулитцеровскую премию. Речь шла о биологических началах социального поведения, которые, по мысли Уилсона, лежат в основе «современной социальной жизни во всех ее странных формах». Движимый исключительно познавательным интересом Уилсон приглашал «пересмотреть четыре изначальных категории поведения – агрессию, секс, альтруизм и религию на основе социально-биологической теории» [26]. В интервью 2014 г. он отметил, что тогда, в этом радикалистски прозвучавшем приглашении, ему не хватило «политической осторожности» и разъяснений, «что это не означает расизма», «это не означает сексизм», что он «не пытается защитить капитализм» [25].

Социобиология, по признанию Уилсона, возникла главным образом из дискуссий по проблеме альтруизма: он стал ее «*центральной теоретической проблемой*» [27. Р. 3]. Проблема заключалась в согласовании содержания понятия «альтруизм» с общими эволюционными представлениями, создавшими образ природы как «вековой давилки» (Н. Заболоцкий), в основе которых – конкурентная борьба между особями, активизирующая их эгоистические устремления. Другими словами, естественный отбор, поощряющий индивидуальную приспособленность.

Откуда же в природе берется альтруизм, в основе которого жертвенное поведение? Альтруизм в биологии – это «технический термин», обозначающий «поведение, ведущее к повышению приспособленности (репродуктивного успеха) других особей в ущерб своим собственным шансам на успешное размножение» [21. С. 295]. Сокровенный смысл альтруизма – это смысл помощи и содействия в борьбе за существование. В том, что такое поведение встречается, не сомневались не только этологи-эмпирики середины XX столетия, но ученые и философы начала XX в. (А.Н. Бекетов, П.А. Кропоткин, П. Сорокин и др.). Сложным формам социальной организации в мире живой природы всегда сопутствуют взаимопомощь, сотрудничество, кооперативные формы поведения, альтруистические действия отдельных элементов этой организации.

Дарвиновская теория естественного отбора, подтвержденная и уточненная в начале XX в., исходит из того, что единица наследственности – ген, а цель отбора – признак, кодируемый им. Однако она не могла объяснить, почему в ходе эволюции сохраняется альтруистическое поведение, если оно уменьшает приспособленность альтруиста. Эволюция должна «вымывать» его гены из популяции, оставляя гены эгоистов вместе с их носителями. Уилсон этот дефект классической теории естественного отбора поясняет

так: «Отважный воин ведет свое племя к победе, но погибает в бою. В результате он не успевает оставить потомков либо его потомство будет немногочисленно. Гены героизма погибают вместе с ним, но выжившие члены группы будут процветать и плодиться» [28]. В чем же тогда биологическое значение альтруизма?

Социобиология как «субдисциплина» в дарвинизме взялась ответить на эти вопросы, как бы очертив программу-минимум и программу-максимум. Программа-минимум заключается в том, чтобы создать эффективную модель, объясняющую, как мог развиться альтруизм в процессе эволюции. Программа-максимум – согласовать «технический альтруизм» с «этическим альтруизмом». «Новый синтез», о котором идет речь в нашумевшей работе Уилсона, это синтез общей социобиологии (раздела этологии, в котором изучаются «общественные» формы поведения животных) и социобиологии человека.

В рамках решения первой задачи («программы-минимум») были разработаны две социобиологические модели, объясняющие альтруизм в мире живой природы: «родственный отбор» и «взаимный альтруизм».

Родственный отбор (кин-отбор). Идею родственного отбора впервые высказал британский биолог Дж. Холдейн в 1955 г., но теория родственного отбора (модель) была предложена позже, в 1964 г., «возможно, величайшим биологом-теоретиком XX века» [21. С. 299], британским генетиком У.Д. Гамильтоном (1936–2000), а термину «кин-отбор» (от англ. от *kin* – родственник) она обязана другому английскому биологу – генетику Дж.М. Смитсу [29].

Суть теории в слове «родственный». В этой модели утверждается, что самопожертвование (альтруизм) при некоторых обстоятельствах способствует воспроизводству родственных индивидов, поэтому «выгодно» эволюции. То есть альтруизм – это функция силы естественного отбора. Сначала считалось, что отбираются гены, кодирующие альтруизм. Предполагалось, что при акте самопожертвования ради близкого родственника эти гены «будут множиться, если компенсация в виде числа потомков для получателя помощи превзойдет ценность потомков для альтруиста» [30. С. 195]. Впоследствии выигрыш-компенсацию в виде совокупной приспособленности стали считать не через гены как единицы отбора, а через отдельную особь. То есть «близкое родство, – как подчеркивает Э. О. Уилсон, – является биологическим источником альтруизма и взаимопомощи», а также «важнейшим фактором, стимулирующим сложную социальную эволюцию» [28].

В 1976 г. «красноречивый журналист Ричард Докинз», как назвал своего будущего оппонента Э. О. Уилсон, объяснил эту идею широкой общественности в своем бестселлере «Эгоистичный ген». «Эгоистичный ген» – это и «основная единица эгоизма, и основополагающий закон», объясняющий и эгоизм, и альтруизм отдельного индивидуума, и даже воздействие культуры на сложную механику эволюционного процесса. «Мы, – пишет Р. Докинз, – построены как машины для генов и взращены как машины для мимов, но мы в силах обратиться против наших создателей. Мы – единственные существа на земле, способные восстать против

тирании эгоистичных репликаторов» [31]. В немалой степени благодаря такой риторике к 2000 году «определяющая роль кин-отбора и совокупной приспособленности практически превратилась в догму», – резюмировал Э.О. Уилсон. Сам Докинз не без гордости заявлял в предисловии ко второму изданию своего бестселлера: «Главная идея книги стала общепринятой и вошла в учебники» [31]. Но она «оказалась в корне неверной» и к 2010 г. была опровергнута.

«Взаимный альтруизм». Эта объяснительная модель была предложена американским биологом Р. Триверсом (род. 1943). Она также именуется как модель «реципрокного альтруизма» (от лат. *reciprocus* – возвращающийся, обратный, взаимный). Суть модели выражается в самопожертвовании ради неродственного индивидуума, если тот готов к ответной жертве. Взаимный альтруизм «действует наподобие страхового полиса»: есть общий пул, состоящий из «паев». Каждый всегда может рассчитывать на помощь, поскольку сделал свои индивидуальные вклады в пул [32. С. 98]. Что-то вроде «кассы взаимопомощи». Коренное отличие этой модели от модели кин-отбора состоит в том, что «именно взаимный альтруизм способен поощрять альтруизм между не-родственниками»: оказывающий помощь ожидает прямой отдачи. Мудрость природы в том, что эгоистичные «обманщики», не готовые на ответную помощь, быстро вычисляются и наказываются отказом в им помощи со стороны других индивидуумов. Природа сохраняет в популяции баланс численности альтруистов и эгоистов [33].

В рамках программы-максимум эти модели касались и человека. Социобиология настаивает, что существует тесная связь «между альтруизмом в животном мире и человеческой нравственностью». Р. Триверс подчеркивает сложность «альтруистической системы человека», ее эволюционную связь с развитием «моралистической агрессии» и как средства для защиты от «обманщиков», и как новой формы обмана. Он склоняется к выводу, что значение альтруизма в эволюционной истории человека связано с «созданием селекционного давления для психологических и когнитивных сил, что отчасти способствовало значительному увеличению размера гоминидного мозга во время плейстоцена» [Ibid. P. 57].

Согласно известному отечественному ученому, специалисту по морфологии мозга С. Савельеву, редкий случай в эволюционной истории *Homo sapiens*, когда его нарождающийся разум мог конфликтовать с инстинктами продуктивно, произошел раньше. Даже 4,5 млн лет слишком мало, чтобы естественный отбор отшлифовал мозг шимпанзе до мозга *Homo sapiens*. Должна была происходить селекция по социальному принципу, невероятно ускорившая эту эволюцию: «Кто оказывался не способен делиться едой, того съедали самого или изгоняли». За несколько миллионов лет жесточайший искусственного социального отбора, «отбраковывавшего» жадных эгоистов и «поощрявшего» альтруистов, произошел церебральный ароморфоз: «лобные области мозга существенно выросли и однажды стали основой разума» [34].

Следует отметить, что связка «интеллект–мораль (нравственность)» включает в себя в качестве диалек-

тически необходимого элемента так называемое зло – агрессию. Природный интеллект изначально развивался как орган антиэнтропийной активности, способствующей добыванию свободной энергии и защите накопленной энергии от притязаний извне. Поскольку этот антиэнтропийный процесс оплачивался ростом энтропии других систем, постольку интеллект выступал, с одной стороны, как инструмент агрессии, с другой – как инструмент ее экономии [35. С. 28]. С позиций социобиологии, человеческая культура, прежде всего, мораль возникают в палеолите как регулятор нарушенного у человека инстинкта агрессии и компенсатора антиэнтропийной функции интеллекта по отношению к убийству соплеменников. Первая функция «первобытной морали» состояла в том, чтобы «восстановить равновесие между вооруженностью и врожденным запретом убийства» [23. С. 224].

Хотя социобиологи часто критикуют человеческое упорство в антропоцентризме («человеку слишком хочется видеть себя центром мироздания» [Там же. С. 206])¹, основанное, прежде всего, на преувеличенном значении разумности человека, они отдают должное культурно-видовой специфике, подчеркивая, что «никто не утверждает, что люди представляют собой тех же муравьев, только в увеличенном и ухудшенном виде» [32. С. 98]. Даже фанатично преданный генетическому отбору Р. Докинз заявляет: «Большую часть всего, что есть необычного в человеке, можно вместить в одно слово: “культура”» [31]. Он ввел понятие «мима» – устойчивой негенетической единицы передачи культурной («лингвистической») информации. Из таких единиц-мимов, согласно Р. Докинзу, складывается мимфонд – эволюционно стабильный набор мимов, эдакий «генофонд культуры», в который входят «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок» и многое другое.

Э.О. Уилсон и Ч. Ламсен в 80-х гг. XX в. предлагают свою концепцию геннокультурной эволюции, в которой связка «гены–организм–культура» также интерпретируется в контексте культуры. Как выразился Э.О. Уилсон, «гены держат культуру на поводке», но «поводок этот довольно длинный» [18. С. 31]. Длина этого поводка сложена из эпигенетических правил (ЭП). Это центральное понятие в данной концепции. Под ЭП понимается врожденное ограничительное начало в психике человека, направляющее и влияющее на его мышление, «сопровождающее развитие разума» [37. С. 336]. Оно заложено в человеке благодаря отбору в целях адаптации: «Мы мыслим в определенном генетически преддетерминированном направлении, так как биологически благоприятно поступать так» [32. С. 99].

ЭП делятся на первичные и вторичные. Первичные это автоматические процессы, ведущие от сенсорной фильтрации к восприятию. Они управляют восприятием «сырой» сенсорной информации. Вторичные – действуют на основе всякой иной информации, появившейся в сфере восприятия. Они включают оценку самого восприятия, а значит, и выборы культургенов – человеческих состояний, выделяемых по функциональному признаку (труд, познание, искусство, вера).

Другими словами, вторичные ЭП перерабатывают информацию в адаптивно целесообразных формах, позволяющих ее использовать в среде (культурной, прежде всего). ЭП – своеобразные посредники «между биологией и культурой».

С помощью ЭП социобиологи Э.О. Уилсон и М. Рьюз предприняли попытку реанимировать эволюционную этику, а значит, объяснить альтруизм и мораль. Они считают, что «мораль зашифрована в эпигенетических правилах, и прежде всего во вторичных» [32. С. 99]. В основе ЭП лежат механизмы, порождающие кооперативные формы поведения и альтруизм. Суть механизмов – отбор. Отбирается и поощряется биологически целесообразное.

Э.О. Уилсон и М. Рьюз утверждают, что «чувства морального обязательства заложены и закреплены в образе нашего мышления и действий естественным отбором в виде ЭП». Моральность соответствует биологическим интересам, «мы действуем при этом бескорыстно, не по эгоистическим мотивам» [Там же. С. 100]. М. Рьюз и Э.О. Уилсон подчеркивают свое отличие от экзистенциалистов: по их убеждению, человек не может выбирать мораль. Образно выражаясь, по их мысли мораль сама «выбрала» человека, явившись ему в объективированных в культуре нормах, несущих в своей основе смыслы биологически целесообразного поведения. «Мы, люди, полагаем, что мораль имеет определенный объективный референт», однако, с точки зрения Э.О. Уилсона и М. Рьюза, это «полагание» есть не что иное, как «коллективная иллюзия человеческого рода» [Там же. С. 103]. Никаких «потусторонних», трансцендентных референтов эта полезная иллюзия не имеет. С их точки зрения, объективный референт посюсторонен, он «действительно имеет собственный дом». Очевидно, что этот дом – природа.

«Человечество – биологический вид в биологическом мире», – напоминает Э. Уилсон [30. С. 334]. Непонимание того, что реальность человека предстает этапом в грандиозном эволюционном процессе природы, в ее «великом органическом становлении» приводит, как подчеркивал К. Лоренц, к «мышлению в дизъюнктивных понятиях и сооружению типологических противоположностей» и в итоге – к непониманию «любых исторических взаимосвязей, как филогенетических, так и культурно-исторических и онтологических». Этим, по замечанию выдающегося этолога, грешат «как раз те философские антропологи, которые <...> отворачиваются от всего общего человеку и животным, вопреки своей вере в их дизъюнктивную противоположность *недооценивают* действительно существующее между ними *различие*» [38. С. 393].

ЭП как генный поводок культуры, наброшенный на нее природой, до сих пор остается камнем преткновения в дискуссиях о человеке. Причем философский смысл и претензии, связанные с понятием ЭП, проанализированы еще крайне слабо. Между тем в них не просто наличествует рациональное зерно, в них – заявка на своеобразный биологический трансцендентализм, априорные формы в котором связаны с нашим «генетическим софтом». Проклятый вопрос «о свободе воли» сегодня дополняется не менее трудным вопросом о «свободе нашей мысли», а значит о нашем

«Я», о самости как транспарентности тела и единстве духовного и телесного. Стремительно набирает естественнонаучные аргументы новая «антропологическая индульгенция»: «Это не я, это – мой мозг». В ней драматично поставлена проблема соотношения мозга и мира: «Мозг в мире и мир в мозгу». Еще в 70–80-х гг. XX в. знаменитые опыты американского психолога Б. Либета показали, что существует временной разрыв между осознанием решения «Я» и решением, которое «принял мозг». Последующие аналогичные исследования подтвердили опасения на счет нашей несвободы и отчужденности «Я» от мозга, увеличив этот разрыв с исходных 200 миллисекунд свободы до 7–30 секунд [39. С. 357]. Все эти научные проблемы бьют в самое сердце чистого кантовского разума, ставя вопросы о моральной ответственности без свободной воли, будоража философскую мысль. Новый натурализм в философии сознания, опирающийся на исследования в биологии и нейронауке, «ведет к переосмыслению метафизического обоснования традиционных этических теорий» [40. С. 151]. Еще недавно «обсуждение статуса свободы воли нейрофизиологии и психологи обычно оставляли философам». Теперь все изменилось. Экспериментальные данные последнего времени закрывают физиологам возможность уходить от центральных вопросов, «а философам более нельзя с такими данными не считаться» [39. С. 358].

Описанная ситуация – яркий пример процесса сциентификации философии. Сегодня «наука заставила философию быть строже к своим мыслительным и лингвистическим формам, указала на биопсихологическую подоплеку интеллекта и высших форм духа». Сегодня «научно-философские гибриды» «уже опережают праматерь, прокладывая неторенные пути для рефлексии» [41. С. 162].

Другой пример сциентификации философии – эволюционная этика. М. Рьюз – наиболее страстный ее апологет – подчеркивает, что «традиция» в эволюционной этике понималась как апелляция к моделям кин-отбора и реципрокного альтруизма. Он признает, что «до известной степени человеческий “альтруизм” возник на этом пути». Термин «человеческий альтруизм» отделяет «этический альтруизм» от «технического» – биологического понятия. «Когда биологи говорят об “альтруизме”, они подразумевают социальное взаимодействие, которое расширяет эволюционные возможности, где такие возможности обычно выражаются в повышении репродуктивного успеха», – напоминает Рьюз. В этом «техническом» смысле муравьи – «альтруисты». «Человеческий» (т.е. «этический») альтруизм Рьюз именует «подлинным»: «То, что мы нуждаемся в “альтруизме” – это очевидно» [42. С. 37].

«Технический альтруизм» возникает из какой-то биологической надобности, обеспечивающей биологический успех. В эволюционном процессе «по мере того, как люди становились все более и более умелыми в “альтруизме”, они все чаще к нему прибегали» [Там же]. Другими словами, имела место селекция по признаку альтруизма, он поощрялся отбором.

Рьюз убежден: «На то, как мы мыслим и действуем, оказывает тонкое <...> влияние наша биология, <...> поскольку действовать сообща и быть “альтру-

истами” – в наших эволюционных интересах, постольку биологические факторы заставляют нас верить в существование бескорыстной морали. То есть биологические факторы сделали из нас альтруистов» [42. С. 39].

В понимание самих биологических факторов как конкретных естественнонаучных оснований альтруизма социобиология внесла некоторые коррективы. В 2007 г. был положен «конец гегемонии идеи эгоистичного гена» как основного фактора эволюции: «Эгоистично-генная мантра консервативных психологов и комментаторов сейчас почти мертва». Реанимирован другой образ механизмов и факторов «альтруизма–эгоизма»: Люди – стайные животные. Мы живем и умираем в стаях. Группа обеспечивает индивиду средства физического и психического выживания. Мы нуждаемся в группе ровно настолько, насколько группа нуждается в нас. Это честная торговля, которая эволюционировала миллионы лет» [43].

Уилсон, оставшийся верен своей «конечной метафизической позиции», утверждает, что в основе возникновения альтруистического поведения у человека лежат *два вида* естественного отбора – индивидуальный и групповой. Он полагает, что «вечная дилемма добра и зла» – это, так сказать, культурный результат сложного многоуровневого отбора. Суть его в том, что на одного и того же человека одновременно действуют, как правило, две разнонаправленные силы – индивидуальный и групповой отбор. Индивидуальный отбор – результат борьбы за выживание и конкуренция за размножение в пределах группы. Он создает эгоистичные инстинкты. Групповой отбор – результат конкуренции между группами (обществами). Он создает альтруистичные инстинкты.

Разграничение между уровнями условное. Под действием родственного отбора может возникать эгоизм, и даже nepoтизм, если они работают на общий интерес: в древнем обществе, скорее всего, существовали «первобытные аналоги Медичи, Карнеги, Рокфеллеров». Но также групповой отбор может поддерживать и отдельных индивидуумов: за выдающиеся заслуги пред племенем они могли получать высокий статус и привилегии, способствующие распространению их генов [30. С. 280–282]. Именно такой сложный многоуровневый отбор ответствен за противоречивость наших побуждений: «Мы пребываем в постоянном конфликте между готовностью пожертвовать собой на благо нашего сообщества, с одной стороны, и эгоизмом, с другой стороны, побуждающим нас действовать исключительно в своих интересах» [Там же. С. 338].

По сути, природа человека, как ее понимает социобиология, определяется именно этим попеременным действием отборов. Причем первый, – поясняет Уилсон, – ответствен, главным образом, за то, что мы называем грехами, а групповой отбор отвечает за наши добродетели [44. С. 98]. То есть «этический альтруизм», как важный элемент «коллективной иллюзии» – морали, объективирует и в качестве самостоятельной культурной ценности биологически целесообразный результат группового отбора альтруистического поведения индивидов. Уникальность человека

заключается в способах сохранения динамического равновесия между разными видами отбора индивидуального и группового, а значит, и между эгоизмом и альтруизмом.

При этом «есть железное правило»: эгоисты побеждают альтруистов в пределах группы, но группы альтруистов побеждают группы эгоистов. Победа разных сил отбора, поощряющих альтруизм и эгоизм, никогда не бывает абсолютной: «Торжество индивидуального отбора привело бы к распаду общества. Торжество группового отбора – к появлению человеческих муравейников» [30. С. 282]. В истории развития человеческого общества были примеры «человеи-ников», создаваемых искусственным идеологическим отбором, культивирующим в качестве моральной нормы и идеала групповые интересы. Сегодня, в эпоху глобализации, господствующие моральные нормы и идеалы сонаправлены с культивированием интересов отдельных (эгоистичных) индивидов.

Однако полная «победа» индивидуального отбора, поощряющего эгоизм, биологически *невозможна*. Альтруистичное поведение живого биолога фиксируют на всех уровнях организации живой материи, начиная с клеточного. Оно возникло на самых ранних этапах ее эволюции. Оно не исчезло ни на одном из ее виражей, включая появление человека с его сложной «второй природой» – культурой. Эволюция все время «заботилась» о сохранении альтруистов. Зачем? Очевидно, что в них есть «энтелехиальный» биологический смысл.

Интересно отметить, что за пределами социобиологии, в несвязанных напрямую с ней областях биологии, обсуждаются идеи и результаты исследований, имеющих весьма созвучное содержание в вопросах философских интерпретаций природы альтруизма и эгоизма. Речь идет о стратегии поведения биологических структур (суб- и надклеточных), связанной с так называемой запрограммированной смертью, играющей «существенную роль в поддержании земной жизни и эволюции» [45]. Эти стратегии получили названия «аутофагия» (внутри клетки), «апоптоз» (клетка), «ораноптоз» (орган) и «феноптоз» (организм). Впервые идея о механизмах самоликвидации была выдвинута более века назад, сегодня – она в центре биологических исследований², имеющих большое практическое значение для медицины и теоретическое – для биологии.

Биологическая целесообразность программ самоликвидации индивидуализированных структур может объясняться в терминах альтруистической жертвенности: они включаются для сохранения более общих коллективистских структур – систем, занимающих более высокую ступень в иерархии жизни». Академик В.П. Скулачев назвал этот спасительный механизм природы «самурайским законом биологии» [Там же].

Если взглянуть на него с позиций метафизического биологического сциентизма, то можно увидеть его аналогии в человеческой культуре. Например, в религиозных представлениях о сакральности жертвы, в светских представлениях – об альтруистическом героизме и подвижничестве. «Мы умные животные, но все-таки животные» – настаивает М. Рьюз, подчеркивая, что мы обязаны принимать во внимание этот факт, даже то-

гда, «когда размышляем о самом человеческом из всех человеческих атрибутов, каким является наше моральное чувство» [42. С. 35].

Исходя только из этого факта, общество и культура мыслятся социобиологами не как плоды собственных усилий отчужденного от природы человека, а как *превращенная форма его биологической природы*. Человеческая культура экстрагирует из биологического смысла «технического альтруизма» смысл культурный, этический, возводя альтруизм в нравственный принцип.

Американский ученый, нобелевский лауреат по экономике (1978) Г. Саймон, размышлявший в течение многих лет над проблемой совмещения альтруизма с социобиологией, математически рассчитал, что альтруизм существует до тех пор, пока *выгоды* от него *для вида* превышают потери от уменьшения индивидуальной приспособленности. Общество, которое воспитывает в своих членах альтруизм, процветает, пока потери индивидуальной приспособленности от альтруизма не превышают выгод от послушания [46]. Подобно тому, как в природе альтруизм выполняет видеохранительные функции, в культуре он выполняет культуруохранительные функции.

Заключение. Начиная с Аристотеля, поиски природы человека связывались с его знаменитым определением данной «вещи»: человек есть *animal rationale* (лат.). Хайдеггер, указывая на ущербность любой, включая данную, метафизической интерпретации, тем не менее, отметил, что «эта дефиниция человеческой сущности не ложна». Он подчеркивал, что используя метафизические приемы, «мы всегда сумеем при этом высказать о человеке что-нибудь верное». Проблема в том, что, когда метафизика «мыслит человека из *animalitas*», она «не домысливает до его *humanitas*» [47. С. 321–323].

В основе социобиологии и ее модификаций лежит неодарвинизм К. Поппера: несмотря на свою «зачарованность» дарвинизмом, он считал его «метафизической исследовательской программой», поддерживаемой всей нарастающей мощью биологических данных [48]. Программа социобиологии квалифицирована нами как биологический метафизический сциентизм в его традиционной форме. Несмотря на существующую критику сциентизма, нам представляется возможным указать на некоторые положительные аспекты именно этой его разновидности:

1. Чрезмерный упор критиков социобиологии «методом от противного», т.е. подчеркиванием «инобытийности», «инородности» человека по отношению к природе, ведет к логичному заключению об его искусственности и открывает ворота инновационному биологическому сциентизму. Тогда возникает резонный вопрос: почему так опасно воспринимаются трансгуманистические перспективы, связанные с преодолением биологической природы человека. Ведь это так естественно (в духе 4-го закона Х. Плеснера!)? Социобиологи напоминают, что человек, избавленный от всего так называемого животного, человек как чисто разумное существо, был бы отнюдь не ангелом, а скорее его полной противоположностью [23. С. 229], т.е. бестией!

Социобиологическая проблематика имеет давние философские корни. Рациональное зерно социобиологии

связано с представлением о природе как самодовлеющем начале, «умном», «творческом», «самоупорядочивающемся». Противостояние культуры и природы, врожденного и приобретенного активно обсуждалось в европейской философии Нового времени и Просвещения. Природа рассматривалась как источник всего, что есть у человека, и образец для подражания. Новая эпоха только дыхла индустриализацией, и дух отчуждения человека от природы только нарождался. Мотивы господства над природой и подчинения ей еще боролись в умах носителей «научного разума этой эпохи». Если внимательно вчитывается в труды тех, кто причисляет себя к «современным дарвинистам-эволюционистам»³ и социобиологам⁴, то невольно складывается впечатление, что природа – это непризнанная ими гегелевская абсолютная идея, одетая в материю. Эволюционистские идеи в биологии в значительной степени сформировались под влиянием немецкой классической философии, главным результатом которой в области онтологии можно назвать идею развития мира в целом. Живая природа – та часть мира, в которой идея эволюции нашла наиболее аргументированные обоснования и наглядные представления. Поэтому социобиология, как неодарвинизм в широком смысле, может быть, вероятно, интерпретирована как эдакая форма «научного пантеизма» с соответствующей метафизикой и запросом на «натуроидею». Это в свою очередь способствует иному, «биофильному» отношению к природе, что повышает наши шансы как минимум на выживание в ней, как максимум – на спасение.

2. Существующий и культивируемый искусственный социокультурный отбор, «селекционное давление для психологических и когнитивных сил», сегодня способствует не только уменьшению размера гоминидного мозга [34], но и ломает сложившийся природно-культурный тренд – развитие цивилизации не тормозит, а возгоняет агрессию. Об этом достаточно явно свидетельствуют «явления обесчеловечивания» (восемь смертных грехов цивилизованного человечества), описанные К. Лоренцем. На фоне этих нарастающих тревожных тенденций в обществе, а также тенденций в науке, характеризующихся как «десакрализация мозга» [50], социобиология, выступая в качестве этико-антропологической концепции спасения, напоминает, что разум и альтруистично-нравственное начало имели общий генезис, что натяжение «повод-

ка», на котором природа «держит» культуру, становится критическим. Если он порвется, то этот ароморфоз в истории нашего вида окажется последним на пути к постчеловеческому будущему, в котором, очевидно, не будет проблемы альтруизма и эгоизма.

3. Социобиология подошла к такому пониманию естественнонаучных корней альтруизма и эгоизма, которые по форме своего выражения весьма напоминают антропный принцип в космологии. Напомним, что его суть заключена в «тонкой настройке» мировых констант, обеспечивших «дизайн мира», единственно совместимый с фактом нашего присутствия в нем. Не может ли оказаться, что и в биологическом сегменте мира действует свой *антропный социобиологический принцип*? Его суть тоже в «тонкой настройке» индивидуального и группового отбора, альтруистического интеллекта и агрессивности биологически обеспечивших наш противоречивый «онтический дизайн», единственно совместимый с фактом нашего присутствия бытия в качестве человека.

Поскольку антропный космологический принцип – это метафизическая позиция, обнаруживающая предел логики модерна в онтическом понимании человека как *zoon/animals*, постольку обнаружение его аналога в социобиологии может служить указанием на возможность реверса в онтологическое понимание человека. Другими словами, социобиология может иметь больший, чем казалось раньше, эвристический потенциал: возможность интерпретации альтруизма как онтологической конституции человека, т.е. возможность «домыслить» человека из «animalitas» до человека «humanitas».

Даже Г. Саймон, как он выразился, в циничном взгляде его теории на человеческую природу, пришел к заключению, что альтруизм является побочным продуктом более распространенной человеческой черты – послушания или покорности, которое он определяет как восприимчивость к влиянию общества. Русский язык в словах «послушание» и «покорность», «повиновение» донага обнажает хайдеггеровские смыслы онтологической заботы, слуха-внимания и вины как бытия присутствия. Наша человечность – «заботливая» онтологическая конституция – явлена в «онтическом дизайне» как альтруизм. В мировоззренческих структурах любой культуры он толкуется в ценностно-позитивных обертках добра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некоторые современные ортодоксы социобиологии аргументы «за» антропоцентризм парируют в логике, которой бы позавидовал христианский апологет: «С точки зрения биологической классификации человек не произошел от обезьяны – он ею как был, так и остался. <...> Мы обезьяны, как бы ни травмировал это факт наше Чувство Собственного Важности» (курсив наш. – Л.М.) [36. С. 36].

² 2002 г. – Нобелевская премия С. Бренеру, Дж. Э. Салстону и Х. Р. Хорвицу за открытие механизма апоптоза; 2016 г. – Нобелевская премия Е. Осуми за открытие аутофагии – процесса переработки собственных клеточных структур («поедания самого себя»).

³ Уместно привести замечания одного из самых ярких генетиков-эволюционистов XX в., правнука Ф.М. Достоевского Ф.Г. Добжанского (1900–1975): «Те, кто утверждают, что “человек – всего лишь одно из животных”, клеветают на биологическую науку». Сам он настаивал, что представления о человеке как *tabula rasa* и генетическом детерминизме – не более чем миф, повинный в «путаном мышлении». «Человечество участвует в двух эволюциях – биологической и культурной. И они не независимы, а взаимозависимы. Они могут быть поняты только как компоненты единой системы, единого плана, которые придают смысл не только жизни отдельных людей, но, возможно, также и существованию Вселенной» [49].

⁴ Слово «происходить» буквально означает «спускаться вниз, нисходить» и ассоциируется с представлением о прародителях и собственной родословной, которая строится *сверху* вниз, а не снизу вверх. Слова «развитие» и «эволюция» исходно употреблялись в значениях, не имеющих коннотаций с представлениями о *tabula rasa*. «Цыпленок из яйца или подсолнух из семечка развивается в самом буквальном смысле, т.е. из зародыша не возникает ничего, чего не было в самом начале» [23. С. 209–210].

ЛИТЕРАТУРА

1. Красиков В.И. В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. М., 2006. 506 с.
2. Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1980. 302 с.
3. Гуссейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль: современные исследования. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 5–18.
4. Кутырев В.А. Духовность, экономизм и технология: драма взаимодействия // Апология человеческого: предпосылки и контуры консервативного философствования : сб. ст. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. С. 64–93.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 349–587.
6. Апресян Р.Г. Эгоизм // Электронная библиотека Института философии РАН. Новая философская энциклопедия. URL: <http://iphras.ru/elib/3495.html> (дата обращения: 27.04.2017).
7. Рэнд А. Добродетель эгоизма = The Virtue of Selfishness: A New Concept of Egoism. М. : Альпина Пабlishер, 2011. 185 с.
8. Рэнд А. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике. М. : Альпина Пабlishер, 2012. 282 с.
9. Денисов С.Ф. Сциентизм в метафизике. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2011. 298 с.
10. Якимова Е.В. Феномен альтруизма: новые аспекты и современные аналитические тенденции // Социологический ежегодник: 2012 : сб. науч. тр. М. : РАН ИНИОН, 2013. С. 241–266.
11. Ильин Е. И. Психология помощи. Альтруизм. Эмпатия. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
12. Зинченко В. Доброта существует ради себя самой. URL: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/behavior/vladimir-zinchenko-dobrotasuschestvuet-radi-sebya-samoy/> (дата обращения: 27.09.2017).
13. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 383 с.
14. Петренко В.Ф. Базовые метафоры психологических теорий // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 4–23.
15. Смит Н. Современные системы психологии. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
16. Якимова Е.В., Мелони М. Морализация биологии: плюсы и минусы благостного взгляда на природу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. Реферативный журнал. 2014. № 3. С. 100–109.
17. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Звездный час философии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 198–203.
18. Смит Р. Человек между биологией и культурой // Человек. 2000. № 1. 25–36.
19. Карпинская Р.С., Никольский С.А. Социобиология: критический анализ. М. : Мысль, 1988. 203 с.
20. Никольский С.А. Социобиология – биосоциология человека? URL: <http://ethology.ru/library/?id=166> (дата обращения: 27.09.2017).
21. Марков А. Эволюция человека : в 2 кн. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа М.: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.
22. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М. : Мол. гвардия, 1990. 351 с.
23. Лоренц К. Так называемое зло (К естественной истории агрессии) // Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М. : Республика, 1998. С. 62–242.
24. Edward O. Wilson. Sociobiology. The New Synthesis. Harvard University Press, 1975. 697 p.
25. Interview with E.O. Wilson about «the personal journey behind his professional success» // Harvard Gazette. April 2014. URL: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2014/04/search-until-you-find-a-passion-and-go-all-out-to-excel-in-its-expression> (дата обращения: 29.11.2017).
26. Edward O. Wilson. On human nature. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978. URL: <http://kropfpolisci.com/human.nature.wilson> (дата обращения: 29.11.2017).
27. Edward O. Wilson. Sociobiology. The abridged edition. Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, 1980. 366 p.
28. Уилсон Э.О. Смысл существования человека. URL: <https://postnauka.ru/longreads/48108> (дата обращения: 23.06.2017).
29. Maynard Smith J. Group Selection and Kin Selection // Nature. 1964. Vol. 201. P. 1145–1147.
30. Уилсон Э. Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством. СПб. : Питер, 2014. 352 с.
31. Докинз Р. Эгоистичный ген. URL: <http://ethology.ru/library/?id=56> (дата обращения: 23.06.2017).
32. Рюоз М., Уилсон Э. Дарвинизм и этика // Вопросы философии. 1987. № 1. С. 94–108.
33. Robert L. Trivers. The Evolution of Reciprocal Altruism // The Quarterly Review of Biology. 1971. Vol. 46, № 1 (March, 1971). P. 35–57.
34. Савельев С. Мы теряем мозг. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431281/My_teryaem_mozg (дата обращения: 29.11.2017).
35. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического процесса) : курс лекций. М. : Наследие, 1996. 184 с.
36. Марков А. Эволюция человека : в 2 кн. Кн. 1: Обезьяны, кости и гены. М. : АСТ: CORPUS, 2013. 464 с.
37. Ламсен Ч.Дж., Уилсон Э.О. Прометеев огонь (Фрагмент из книги) // Этическая мысль 1991. М. : Республика, 1992. С. 325–341.
38. Лоренц К. Обратная сторона зеркала // Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М. : Республика, 1998. С. 243–488.
39. Черниговская Т.В. Человеческое в человеке: сознание и нейронная сеть // Проблема сознания в философии и науке. М. : ИФ РАН ; «Канон+», 2008. С. 325–360.
40. Секацкая М.А. Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 151–161.
41. Красиков В.И. Научно-философские гибриды: сциентификация философии в XIX–XX вв. // Вестник КузГТУ. 2013. № 1. С. 159–162.
42. Рюоз М. Эволюционная этика: здоровая перспектива или окончательное одряхление? // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 34–52.
43. Эгин Д. Прощай, эгоистичный ген! URL: <http://ethology.ru/library/?id=301,%202007> (дата обращения: 27.04.2017).
44. Грудинкин А. За муравейником – человекийник // Знание – сила. 2014. № 6. С. 94–101.
45. Скулачев В.П. Феноптоз, или Запрограммированная смерть организма. URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/25551/Fenoptoz_ili_Zaprogrammirovannaya_smert_organizma (дата обращения: 29.11.2017).
46. Саймон Г. Что такое альтруизм? // В мире науки. 1991. № 5. С. 59.
47. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 314–356.
48. Поппер К. Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа. URL: <http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/pop-per/popper6.htm> (дата обращения: 29.11.2017).
49. Добжанский Ф.Г. Мифы о генетическом переопределении и tabula rasa. URL: <http://ethology.ru/library/?id=79> (дата обращения: 29.11.2017).
50. Гуревич П. Десакрализация мозга // Философская антропология. 2015. Т. 1, № 1. С. 6–19. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/PhAn_RUS.pdf (дата обращения: 29.11.2017).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 9 января 2018 г.

BIOLOGICAL METAPHYSICAL SCIENTISM IN ADDRESSING THE ISSUE OF ALTRUISM AND EGOISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 79–90.

DOI: 10.17223/15617793/427/10

Ludmila A. Maksimenko, Omsk State Medical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: msw60@yandex.ru

Nina G. Zenets, Omsk State Medical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: df_zenec@mail.ru

Natalia L. Varova, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: nvarova@mail.ru

Keywords: metaphysical scientism; altruism; egoism; socio-biology; evolutionary ethics; ethology.

The aim of this research is philosophical analysis of the most influential approach to the explanation of altruism and egoism as phenomena of natural and cultural human existence, which are represented by biology. Nowadays biology is the leader of the scientific avantgarde. The research focuses on the most debatable parts of biology (sociobiology, evolutionary ethics and psychology, human etiology), and offers a solution to the problem of altruism and egoism, their functional characteristics in nature and culture. The methodology of the analysis has been determined by a look at the ongoing scientism of culture and philosophy from the standpoint of the dialectical method. The problem solved in the given article is connected with the contrariety and ambiguity of the understanding of altruism and egoism in humanitarian knowledge and with the specific apology of naturalism caused by confident claims to explain these phenomena by the rapidly developing complex of biological sciences. This problem can be formulated in the following questions: What does the “Bio Big Bang” observed in the Humanities mean? How can we explain the apparent lack of alternatives to naturalism in solving the problem of altruism and egoism? It is proved that the conceptualization and absolutization of models of altruism and egoism that have been developed in these areas of knowledge are, in fact, a methodological and worldview expansion of biology which can be qualified as a biological form of metaphysical scientism and denoted by the term “biocracy”. The authors have revealed two types of such scientism: traditional, where nature is a subject which exceeds a human in its power and wisdom, and innovative, where nature is an object which can be technically modernized up to a biotechnological modernization of morality (“ethic eugenics”). The authors have shown that sociobiology is a kind of a reverse toward traditional biological scientism and has the meaning of a preventive measure. It implicitly expresses concern for the modern scale of innovative transformations of human nature and articulates the request for “naturalization”. It contributes to the formation of a different, “biophilic” attitude to nature, which increases our chances for survival as a minimum, for salvation as a maximum. Sociobiology reminds that the mind and the altruistic-moral principle had a common genesis. If altruism performs the function of species protection in the animal world, it performs the functions of protection of humans and culture in human society. But the tension of the long “leash”, by which nature constrains culture, becomes critical. If it breaks, this aromorphosis in the history of our species will be the last on the way to a posthuman future in which, obviously, there will be no problem of altruism and egoism.

REFERENCES

1. Krasikov, V.I. (2006) *V ekstreime. Mezhdistsiplinarnoe filosofskoe issledovanie prichin, form i patternov radikal'nogo soznaniya* [In the extreme. An interdisciplinary philosophical study of the causes, forms and patterns of radical consciousness]. Moscow: Vodoley Publishers.
2. Peccei, A. (1980) *Chelovecheskie kachestva* [The human qualities]. Moscow: Progress.
3. Gusseyinov, A.A. (2009) *Etika i moral' v sovremennom mire* [Ethics and morality in the modern world]. In: Guseynov, A.A. et al. *Eticheskaya mysl': sovremennyye issledovaniya* [Ethical thought: modern studies]. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Kuttyrev, V.A. (2015) *Apologiya chelovecheskogo: predposylki i kontury konservativnogo filosofstvovaniya* [Apology of the human: prerequisites and contours of conservative philosophizing]. Moscow; Berlin: Direkt-Media. pp. 64–93.
5. Kant, I. (1966) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 6. Moscow: Mysl'. pp. 349–587.
6. Apresyan, R.G. (n.d.) *Egoizm* [Egoism]. [Online] Available from: <http://iphras.ru/elib/3495.html>. (Accessed: 27.04.2017).
7. Rand, A. (2011) *Dobrodetel' egoizma* [The Virtue of Selfishness: A New Concept of Egoism]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
8. Rand, A. (2012) *Otveti: Ob etike, iskusstve, politike i ekonomike* [Answers: On ethics, art, politics and economics]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
9. Denisov, S.F. (2011) *Stsientizm v metafizike* [Scientism in metaphysics]. Omsk: Omsk State University.
10. Yakimova, E.V. (2013) Fenomen al'truizma: novye aspekty i sovremennyye analiticheskie tendentsii [The phenomenon of altruism: new aspects and modern analytical trends]. In: Pokrovskiy, N.E. (ed.) *Sotsiologicheskii ezhegodnik: 2012* [Sociological Yearbook: 2012]. Moscow: RAN INION.
11. Il'in, E.I. (2013) *Psikhologiya pomoshchi. Al'truizm. Empatiya* [Psychology of assistance. Altruism. Empathy]. St. Petersburg: Piter.
12. Zinchenko, V. (2009) *Dobrota sushchestvuet radi sebya samoy* [Kindness exists for its own sake]. [Online] Available from: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/behavior/vladimir-zinchenko-dobrota-suschestvuet-radi-sebya-samoy/>. (Accessed: 27.09.2017).
13. Palmer, J. & Palmer, L. (2003) *Evolutsionnaya psikhologiya. Sekrety povedeniya Homo sapiens* [Evolutionary Psychology: The Ultimate Origins of Human Behavior]. St. Petersburg: Praym-EVROZNAK; Moscow: OLMA-PRESS.
14. Petrenko, V.F. (2013) The basic metaphors of psychological theories. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – Moscow University Psychology Bulletin*. 1. pp. 4–23.
15. Smith, N. (2003) *Sovremennyye sistemy psikhologii* [Current systems in psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Praym-EVROZNAK.
16. Yakimova, E.V. (2014) Melony M. moralizing biology: the appeal and limits of the new compassionate view of nature. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sotsiologiya. Referativnyy zhurnal*. 3. pp. 100–109. (In Russian).
17. Tishchenko, P.D. & Yudin, B.G. (2015) Zvezdnyy chas filosofii [The star hour of philosophy]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 198–203.
18. Smith, R. (2000) *Chelovek mezhdub biologiyey i kul'turoy* [Man between biology and culture]. *Chelovek*. 1. 25–36.
19. Karpinskaya, R.S. & Nikol'skiy, S.A. (1988) *Sotsiobiologiya: kriticheskiy analiz* [Sociobiology: critical analysis]. Moscow: Mysl'.
20. Nikol'skiy, S.A. (1986) *Sotsiobiologiya – biosotsiologiya cheloveka?* [Sociobiology: human biosociology?]. [Online] Available from: <http://ethology.ru/library/?id=166>. (Accessed: 27.09.2017).
21. Markov, A. (2013) *Evolutsiya cheloveka: v 2 kn.* [The evolution of man: in 2 books]. Book 2. Moscow: AST: CORPUS.
22. Moiseev, N.N. (1990) *Chelovek i noosfera* [Man and noosphere]. Moscow: Mol. gvardiya.
23. Lorenz, K. (1998) *Obrotnaya storona zerkala* [The reverse side of the mirror]. Translated from English. Moscow: Respublika. pp. 62–242.
24. Wilson, E.O. (1975) *Sociobiology. The New Synthesis*. Harvard: Harvard University Press.
25. Harvard Gazette. (2014) Interview with E.O. Wilson about “the personal journey behind his professional success”. *Harvard Gazette*. April. [Online] Available from: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2014/04/search-until-you-find-a-passion-and-go-all-out-to-excel-in-its-expression>. (Accessed: 29.11.2017).

26. Wilson, E.O. (1978) *On human nature*. Cambridge, MA: Harvard University Press. [Online] Available from: <http://kropkipolisci.com/human.nature.wilson>. (Accessed: 29.11.2017).
27. Wilson, E.O. (1980) *Sociobiology*. The abridged edition. Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge.
28. Wilson, E.O. (2015) *Smysl sushchestvovaniya cheloveka* [The meaning of human existence]. Translated from English. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/longreads/48108>. (Accessed: 23.06.2017).
29. Maynard Smith, J. (1964) Group Selection and Kin Selection. *Nature*. 201. pp. 1145–1147.
30. Wilson, E.O. (2014) *Khozyaeva Zemli. Sotsial'noe zavoevaniye planety chelovechestvom* [The Social Conquest of Earth]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
31. Dawkins, R. (1989) *Egoistichnyy gen* [The selfish gene]. Translated from English by N.O. Fomina. [Online] Available from: <http://ethology.ru/library/?id=56>. (Accessed: 23.06.2017).
32. Ruse, M. & Wilson, E.O. (1987) *Darvinizm i etika* [Darwinism and Ethics]. Translated from English. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 94–108.
33. Robert, L. (1971) Trivers. The Evolution of Reciprocal Altruism. *The Quarterly Review of Biology*. 46:1 (March). pp. 35–57.
34. Savel'ev, S. (2011) *My teryaem mozg* [We are losing the brain]. [Online] Available from: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431281/My_teryaem_mozg. (Accessed: 29.11.2017)
35. Nazaretyan, A.P. (1996) *Agressiya, moral' i krizisy v razvitiy mirovoy kul'tury (Sinergetika istoricheskogo protsessa): kurs lektsiy* [Aggression, morality and crises in the development of world culture (Synergetics of the historical process): a course of lectures]. Moscow: Nasledie.
36. Markov, A. (2013) *Evolutsiya cheloveka: v 2 kn.* [The evolution of man: in 2 books]. Book 1. Moscow: AST: CORPUS.
37. Lumsden, C.J. & Wilson, E.O. (1992) *Prometeev ogon'* (Fragment iz knigi) [Promethean fire (fragment from the book)]. Translated from English. In: Guseynov, A.A. (ed.) *Eticheskaya mysl' 1991* [Ethical thought 1991]. Moscow: Respublika.
38. Lorenz, K. (1998) *Obrotnaya storona zerkala* [The reverse side of the mirror]. Translated from English. Moscow: Respublika. pp. 243–488.
39. Chernigovskaya, T.V. (2008) *Chelovecheskoe v cheloveke: soznanie i neyronnaya set'* [Human in man: consciousness and neural network]. In: Dubrovskiy, D.I. (ed.) *Problema soznaniya v filosofii i nauke* [The problem of consciousness in philosophy and science]. Moscow: IPh RAS, "Kanon+".
40. Sekatskaya, M.A. (2014) *Moral'naya otvetstvennost' bez svobody voli. Argument v pol'zu naturalisticheskoy etiki* [Moral responsibility without free will. Argument in favor of naturalistic ethics]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 151–161.
41. Krasikov, V.I. (2013) *Nauchno-filosofskie gibrity: stsifikatsiya filosofii v XIX–XX vv.* [Scientific and philosophical hybrids: the scienification of philosophy in the 19th–20th centuries]. *Vestnik KuzGTU*. 1. pp. 159–162.
42. Ruse, M. (1992) *Evolutsionnaya etika: zdorovaya perspektiva ili okonchatel'noe odryakhlennie?* [Evolutionary ethics: a healthy perspective or ultimate senility?]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 34–52.
43. Agin, D. (2007) *Proshchay, egoistichnyy gen!* [Goodbye Selfish-Gene]. Translated from English. [Online] Available from: <http://ethology.ru/library/?id=301,%202007>. (Accessed: 27.04.2017).
44. Grudinkin, A. (2014) *Za muraveynikom – cheloveynik* [The man-hill after the ant-hill]. *Znanie – sila*. 6. pp. 94–101.
45. Skulachev, V.P. (2002) *Fenoptoz, ili Zaprogrammirovannaya smert' organizma* [Phenoptosis, or programmed death of the body]. [Online] Available from: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/25551/Fenoptoz_ili_Zaprogrammirovannaya_smert_organizma. (Accessed: 29.11.2017).
46. Simon, G. (1991) *Chto takoe al'truizm?* [What is altruism?]. Translated from English. *V mire nauki*. 5. pp. 59.
47. Heidegger, M. (1988) *Pis'mo o gumanizme* [Letter on Humanism]. Translated from German. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress.
48. Popper, K. (n.d.) *Darvinizm kak metafizicheskaya issledovatel'skaya programma* [Darwinism as a metaphysical research program]. Translated from English by N. Ovchinnikov. [Online] Available from: <http://www.keldysh.ru/pages/mrbur-web/philosophy/popper/popper6.htm>. (Accessed: 29.11.2017).
49. Dobzhansky, F. (2004) *Mify o geneticheskom pereopredelenii i tabula rasa* [The Myths of Genetic Predestination and of Tabula Rasa]. Translated from English by V. Ivanov. [Online] Available from: <http://ethology.ru/library/?id=79>. (Accessed: 29.11.2017).
50. Gurevich, P. (2015) *Desakralizatsiya mozga* [Desacralization of the brain]. *Filosofskaya antropologiya*. 1:1. pp. 6–19. [Online] Available from: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/PhAn_RUS.pdf. (Accessed: 29.11.2017).

Received: 09 January 2018

АНТИЧНЫЙ ТЕАТР В СВЕТЕ ПОНЯТИЯ «КАТАРСИС»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-36-01006
«Воспитание театром и в театре: античная педагогика сцены».

Исследуется воспитательный потенциал античного театра через призму аристотелевского понятия «катарсис». Сначала выделяются базовые интерпретации трагического катарсиса: религиозно-медицинская, этическая, структурная и интеллектуалистская. Затем производится оценка педагогических возможностей античного театра в свете каждой из вышеназванных интерпретаций. Как выяснилось, наибольшим образом педагогическим задачам отвечает последняя интерпретация катарсиса как интеллектуального прояснения.

Ключевые слова: античный театр; античная педагогика; воспитание; драма; трагедия; катарсис.

Несмотря на то что проблеме интерпретации *катарсиса* в «Поэтике» Аристотеля посвящено бесчисленное количество литературы, сокрушаться относительно невозможности установления истины в этом вопросе стало уже общим местом среди исследователей, приступающих к обзору этого аристотелевского понятия. Как сообщает А.Ф. Лосев, «к 1931 году было высказано по этому поводу 1 425 различных толкований. А после 1931 года эти толкования неизменно расширялись и количественно увеличивались» [1. С. 202]. Дж. Илс и вовсе утверждает, что в современном понимании *катарсиса* имеется «неисправимая неопределенность» [2. Р. 439].

В связи с этим в настоящей статье нас интересует, может ли в свете понятия *катарсис* античный театр рассматриваться как образовательно-воспитательное пространство. Чтобы ответить на этот вопрос, нам потребуется выделить из общей массы интерпретаций трагического *катарсиса* несколько базовых, на основе которых выстраиваются все прочие, затем обратиться к педагогическим и морально-этическим взглядам Аристотеля и, наконец, выяснить, отвечает ли хотя бы одна из базовых интерпретаций целевым установкам в рамках этики и педагогики Аристотеля.

Прежде чем приступить к намеченному плану, обратимся к полемичному пассажи из VI главы «Поэтики», где Аристотель дает определение трагедии:

ἔστιν οὖν τραγῳδία μίμησις πράξεως σπουδαίας καὶ τελείας μέγεθος ἐχούσης, ἡδυσμένην λόγῳ χωρὶς ἐκάστῳ τῶν εἰδῶν ἐν τοῖς μορίοις, δρώντων καὶ οὐ δι' ἀπαγγελίας, δι' ἐλέου καὶ φόβου περαίνουσα τὴν τῶν τοιοῦτων παθημάτων κάθαρσιν (Poet. 1449b23–27).

Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему [определенный] объем, [производимое] речью, услащенной по-разному в различных ее частях, [производимое] в действии, а не в повествовании и совершающее посредством сострадания и страха очищение подобных страстей [3. С. 651].

Нас интересует последняя проблематичная часть данного пассажа, в которой идет речь о *катарсисе*. Основное затруднение возникает по той простой причине, что сама формулировка не позволяет составить ясное представление о том, что именно очищается и как это происходит на деле. Фатальный характер это затруднение приобретает еще и потому, что читатель не может найти дополнительных разъяснений по это-

му поводу в тексте «Поэтики», поэтому ответы на поставленные вопросы приходится искать в других сочинениях Аристотелевского корпуса.

Религиозно-медицинская или классическая интерпретация. Самым ближайшим сочинением, в котором мы находим отсылку к «Поэтике» и собственно к понятию «катарсис», является «Политика», особенно ее последние главы, повествующие о воспитательной роли музыкального искусства. Исходя из разнообразия музыкальных ладов, Аристотель приходит к выводу о разнообразии целей использования музыки. «Ввиду того что мы принимаем то подразделение мелодии, какое установлено некоторыми философами, различающими мелодии этические, практические и энтузиастические и определяющими природу отдельных ладов, соответствующую каждому виду этих мелодий, мы утверждаем, что музыкой следует пользоваться не ради одной цели, а ради нескольких: и ради воспитания, и ради очищения (καθάρσεως) (что мы называем очищением – этого теперь мы объяснять не будем, а в сочинении “О поэтике” скажем об этом яснее); в-третьих, ради времяпрепровождения, т.е. ради успокоения и отдохновения от напряженной деятельности» [4. С. 641–42].

Нет нужды повторять, что обещанного разъяснения в тексте «Поэтики» мы не находим. Однако сам факт отсылки свидетельствует, что смысл и роль *катарсиса* в обоих этих сочинениях если не тождественные, то как минимум похожие. В связи с чем многие исследователи заключили, что черты музыкального *катарсиса* могут быть перенесены на драматическую почву. Итак, как мы только что видели, одной из функций музыкального искусства, по Аристотелю, является энтузиастическая функция, задачи и эффект которой сравниваются в дальнейшем тексте с религиозными песнопениями, приносящими исцеление и очищение: «Ведь переживаниям, сильно действующим на душу некоторых людей, подвержены в сущности все – различие лишь в степени; примеры – состояние жалости, страха, а также энтузиазма. И энтузиастическому возбуждению подвержены некоторые люди, впадающие в него, как мы видим, под влиянием религиозных песнопений, когда эти песнопения действуют возбуждающим образом на душу и приносят как бы исцеление и очищение (ἰατρείας τυγχόντας καὶ καθάρσεως)» [Там же]. На основании этих текстов, вкладывающих в музыку помимо всего про-

чего религиозно-мистериальный смысл, а также медицинских коннотатов¹ понятия «катарсис» была выстроена классическая интерпретация, согласно которой душа зрителей в ходе театрально представления посредством переживания страха и сострадания очищается от излишних страстей².

Главным недостатком классической интерпретации является тот факт, что с легкой руки ее сторонников античный театр и драматическое искусство становятся местом и инструментом излечения, а зрители превращаются в пациентов. Однако в «Поэтике» нет ни слова о терапевтической функции драмы и намеков на отождествление театра и больницы. Напротив, в каждой строчке этого трактата Аристотель ведет речь о «нормальной» аудитории, с «нормальными» укладами души, «нормальным» эстетическим и эмоциональным опытом [3. Р. 440]. Подобный подход также может быть раскритикован и по той причине, что в его рамках страсти изображаются как нечто отрицательное, от чего надо избавиться. Однако сами по себе страсти, по Аристотелю, не есть нечто плохое, осуждается то, как человек их переживает, чрезмерно сильно или же недостаточно. Таким образом, задача заключается не в избавлении от страстей, а в формировании правильных складов души, которые позволили бы наилучшим образом (т.е. не сильно и не слабо, но умеренно) переживать ту или иную страсть.

Этическая интерпретация. Дальнейшее развитие классической версии получила в трудах Г.Э. Лессинга. Ее суть может быть изложена в следующем виде: «В жизни люди порой чрезмерно склонны к страху или состраданию, а порой напротив, слишком мало; трагедия возвращает их в добродетельное счастливое состояние умеренности» (цит. по: [6. Р. 23]). Из данного пассажа очевидно, что классическая интерпретация *катарсиса* и вариация Лессинга выстроены с учетом аристотелевского морально-этического идеала метриопатии, который в свою очередь глубоко укоренен в общеантичном идеале умеренности. Подобного рода взгляд, как полагает А.Ф. Лосев, близок к истине, но односторонен: «В трагическом очищении есть нечто, относящееся специально к добродетели, то есть к морали. И Лессинг здесь тысячу раз прав. Но 200 лет, прошедшие со времени Лессинга, научили нас очень многому. А именно, считать трагическое очищение у Аристотеля только одним моральным актом совершенно никак нельзя» [1. С. 219]. Помимо односторонности, версии Лессинга адресуются все то же критическое замечание о неправомерной редукции драматического искусства к терапевтическому.

Структурная интерпретация. Вышеприведенные неувязки заставили исследователей искать «обходные пути», новые трактовки. Так, Дж. Илс предложил альтернативную интерпретацию, согласно которой *катарсис* не является психологическим процессом, происходящим в душах зрителей, но есть структурный элемент драматического действия. В новом изложении *катарсис* становится процессом очищения самого трагического действия. Этот процесс очищения демонстрирует, что мотивы главного героя не были *μαρόν* (грязными, преступными), хотя он и

участвует в «нечистом» действии [2. Р. 438]. Благодаря этому процессу очищения становится возможным сопереживание зрителей трагическому герою³. В самом деле, замечает Илс, когда перед зрителями появляется Эдип с окровавленными руками, им сложно ему сопереживать. Конечно, они склонны видеть в нем невинного, ибо он совершает все преступления по незнанию. К тому же характер Эдипа не указывает на то, что он способен на хладнокровное убийство отца. Однако полным его оправданием и свидетельством непреднамеренности его действий могут служить лишь муки совести и раскаяние, после открытия ему его собственных преступлений⁴. Поэтому важнейшей частью трагического действия («стержнем, на котором вращается эмоциональная структура драмы») является «узнавание» (*ἀναγνώρισις*) – «перемена от незнания к знанию», обнаружение героем тех преступлений, которые он совершил [Ibid]. После этого, видя раскаяние и скорбь главного героя, зрители могут удостовериться в чистоте его мотивов, что и приводит к истинному, «чистому» состраданию. В этом и состоит процесс трагического «очищения», по Дж. Илсу. Процесс этот, как мы видим, полностью связан с логикой происходящего на сцене, а не с душевными переживаниями зрителей, хотя и учитывает последние⁵.

Катарсис как интеллектуальное прояснение. Развивая концепцию Илса, Л. Голден предложил свою интерпретацию *катарсиса* как *интеллектуального прояснения* (*intellectual clarification*). Исходный тезис Голдена тот же самый, что и у Илса – «Поэтика» должна реконструироваться исключительно из собственного содержания, обращением к «Политике» и другим произведениям Аристотелевского корпуса недопустимо. Поэтому в поисках назначения трагического действия Голден обращается к 4-й главе разбираемого произведения, где Аристотель ведет речь о причинах возникновения поэтического искусства. Согласно Аристотелю искусство поэзии в своей основе имеет две естественные причины – склонность людей к подражанию (*μίμησις*) и удовольствие, получаемое от него. Это удовольствие мы получаем благодаря интеллектуальному процессу познания: «...результаты подражания всем доставляют удовольствие; доказательство этому – факты: на что нам неприятно смотреть [в действительности], на то мы с удовольствием смотрим в самых точных изображениях, например на облики гнуснейших животных и на трупы. Объясняется же это тем, что познание (*μανθάνειν*) – приятнейшее дело не только для философов, но равным образом и для прочих людей, только последние причастны ему в меньшей степени» [3. С. 648–649].

Таким образом, эстетическое содержание драмы на самом деле имеет глубокие основания в когнитивных способностях человека и в том удовольствии, которое каждый человек получает от познания. В этом месте Голден производит «незаметную» подмену причин и целей, заявляя, что *катарсис* как цель трагедии должен пониматься в связи с стремлением людей «поучаться и рассуждать» (*μανθάνειν καὶ συλλογίζεσθαι*). Для большей убедительности Голден

обращается к этимологическим изысканиям. Так, он отмечает, что термин *kátharsis*, как и другие греческие существительные с окончанием *-sis*, обозначает активность и процесс делания чего-то *katharōs*. Наряду с основным значением чистоты и незагрязнённости, у *katharōs* есть и иной смысл, который более отчетливо проявляется в наречной форме *katharōs*, обозначающей помимо всего прочего «ясность», «понятность» интеллектуального плана [7. Р. 55–56]. Опираясь на эти наблюдения, Голден настаивает, что истоки его видения обнаруживаются как в логике Аристотелевской «Поэтики», так и в самом греческом языке.

Как полагает Л. Голден, когда зритель, взирающий на отдельное действо на сцене, делает выводы и усматривает в этом действии универсальное содержание, у него происходит прояснение интеллектуального плана. Иначе говоря, зритель производит умозаключение (the act of inferring) об универсальных законах на основании действий, разворачивающихся в частных условиях [Ibid. Р. 53–54]. Что же касается трагедии, то она как любое поэтическое искусство также завязано на *мимесисе* и удовольствии от научения (learning), но в данном случае это узнавание специфицировано на ситуациях, вызывающих жалость и страх. Резюмирует свои размышления Голден следующим образом: «Трагедия состоит из художественного представления отдельных жалких и страшных событий, которые репрезентируются таким образом, что заставляют нас увидеть универсальные законы, которые делают эти конкретные события значимыми» [Ibid. Р. 55]. Этот познавательный процесс, согласно Голдену, и есть *цель* и *назначение* трагедии.

Итак, перед нами целый ряд интерпретаций трагического *катарсиса* из «Поэтики» Аристотеля. В-первых, *религиозно-медицинское* понимание, согласно которому цель драматического действия – порождение в душе зрителя страстей, переживание которых приводит к избавлению от этих или же подобных им страстей, что ведет к облегчению и исцелению. Во-вторых, *этическое* понимание, в котором главной целью трагедии является приведение эмоционального содержания души зрителя в баланс через удаление излишних и продуцирование недостающих страстей. В-третьих, *структурное* понимание, сторонники которого отказываются видеть в *катарсисе* процесс психологических преобразований в душе зрителей, но напротив считают его наиважнейшим структурным элементом трагедии, призванным показать (прояснить) чистоту мотивов главного героя. В-четвертых, интерпретация *катарсиса* как интеллектуального прояснения, раскрытая только что и заключающаяся в том, что зритель получает удовольствие от процесса научения, усматривая универсальные законы в единичных действиях театральной постановки.

Воспитательный потенциал театра. Теперь зададимся вопросом, можем ли мы в свете данных интерпретаций рассматривать древнегреческое драматическое искусство как один из педагогических инструментов, а античный театр как образовательное пространство? Начать следует с напоминания о том, что в «Политике» Аристотель различает воспитательное и катарсическое назначение инструмента: «Флей-

та – инструмент, не способный воздействовать на нравственные свойства, а способствующий оргиастическому возбуждению, почему и обращаться к ней надлежит в таких случаях, когда зрелище скорее оказывает на человека очистительное действие (*kátharsin*), нежели способно его чему-либо научить (*μάθησιν*)» (Pol. 1341a21–24) [4. С. 640].

Таким образом, педагогика как воспитание молодого поколения и *катарсис* как избавление от излишних страстей (как его понимают сторонники *религиозно-медицинской* интерпретации), безусловно, нигде не пересекаются. Добавим к этому, что театральное искусство для Аристотеля прочно связано с удовольствием и отдохновением, а не с научением (Poet. 1448b8–9; 1453b12; 1462a16) [3. С. 648, 660, 680]. Однако наряду с этим всё те же последние главы «Поэтики» сообщают нам о нравственном влиянии музыкального искусства. Так, неотъемлемым свойством добродетели является достойная радость благородным характерам и прекрасным поступкам (равным образом, по-видимому, огорчение относительно противоположных вещей). Прослушивание музыки, которая в ритме и мелодии являет в себе подобие различных нравственных качеств, вырабатывает должные чувства по отношению к реальным проявлениям этих качеств (Pol. 1340a15–25) [Там же. С. 636–637].

Кажется очевидным, что *этическая* интерпретация *катарсиса* наиболее сближает этот концепт с образовательно-педагогическими задачами (если под такими понимать не просто овладение главными предметами обучения – грамматикой, музыкой и т.п., но конечную цель этого обучения – формирование нравственно-совершенного, добродетельного человека). Как известно, идеал Аристотелевской этики сводится к так называемой метриопатии, в рамках которой добродетель понимается как середина между избытком и недостатком той или иной страсти. Именно с оглядкой на это положение выстраивал свое понимание *катарсиса* Лессинг: «Очищение есть не что иное, как превращение страстей в добродетельные склонности, а по обе стороны каждой добродетели, по учению нашего философа, расположены крайности, между которыми она находится, то трагедия, чтобы обратить наше сострадание в добродетель, должна быть в состоянии очистить нас от обеих крайностей сострадания; то же самое относится и к страху. Трагическое сострадание должно не только в отношении сострадания очищать душу того, кто чувствует слишком сильное сострадание, но и того, кто чувствует его слишком слабо. Трагический страх должен не только очищать душу того, кто не боится совсем никакого несчастья, но и того, в ком вызывает тревогу всякое несчастье, даже самое отдаленное, самое невероятное. Равным образом трагическое сострадание относительно страха и трагический страх относительно сострадания должны проявляться в меру, не допуская переизбытка или недостатка» [8. С. 288]. Однако, как справедливо отмечают многие исследователи, сам механизм формирования добродетельных склонностей от просмотра трагического зрелища далеко не понятен. Мы не можем отрицать эмоционального включения зрителей в действие на сцене и, соответ-

ственно, не можем отрицать нравственного воздействия (в широком смысле этого слова) на душу зрителя. Но то и другое происходит помимо воли зрителя, в этом отсутствует *προαίρεσις* (свободный выбор, решение), а следовательно, и поступок как таковой. Между тем именно поступки формируют правильные наклонности, ведь, согласно Аристотелю, добродетели возникают в человеке не от природы и не вопреки природе, но благодаря приучению (*διὰ τοῦ ἔθους*). Иначе говоря, стать добродетельным можно только обретя привычку совершать добродетельные поступки: «...совершая правые [поступки], мы делаемся правосудными, [поступая] благоразумно – благоразумными, [действуя] мужественно – мужественными» (*EN*, 1103b1–2) [9. С. 78–79].

Таким образом, поскольку нравственное влияние трагедии на душу зрителей происходит помимо их воли и свободного выбора, а значит, не затрагивает тех механизмов, которые отвечают за решения и поступки, постольку мы не можем видеть в нем один из факторов формирования правильных складов и, как следствие, педагогический инструмент.

Структурное понимание *катарсиса* в корне пресекает наши попытки поместить античный театр в образовательное пространство, поскольку целиком и полностью касается внутренней логики трагедии. Поэтому сразу перейдем к последнему варианту интерпретации *катарсиса* как *интеллектуального прояснения*. Как это ни странно, но именно это на первый взгляд вычурное понимание назначения трагического действия наибольшим образом подходит для обнаружения в античной драме образовательных коннотатов. Однако на этот раз под образованием мы будем понимать не формирование добродетельной личности, но развитие абстрактного мышления и способности к генерализации. Естественное погружение в события трагического действия и не менее естественное усматривание в этих событиях универсального содержания позволяют зрителям посмотреть на себя не как на индивида с частным набором функций и характеристик, но как на представителя рода человеческого, как на потенцию, в которой заложено множество вариантов развития. Это в конечном итоге приводит к развитию абстрактного мышления, не говоря уже о расширении внутренних духовных границ.

Вместо заключения. Представленный нами обзор позволяет заключить, что в полной мере только ин-

теллектуалистская интерпретация трагического *катарсиса* дает нам возможность рассматривать драматическое искусство как один из педагогических инструментов, а античный театр – как образовательное пространство. При этом воспитательная роль театра в данном случае трактуется как развитие абстрактного мышления. Завершая наш обзор, нам бы хотелось добавить, что проблема интерпретации трагического *катарсиса* в связи с выявлением педагогического потенциала античной драмы может быть дополнена «стоическим» вариантом решения. Наблюдая страшные и жалкие (т.е. вызывающие жалость) события на сцене, зритель сопереживает им, делаясь как бы сам действующим лицом драмы, претерпевающим все эти ужасающие события. Аристотель специально акцентировал внимание читателя «Поэтики» на том, что сострадание и страх в зрителе не могут возникнуть, если актер (точнее характер) будет слишком отличным от среднестатистического человека.

Иначе говоря, чтобы сочувствовать действующим лицам драмы, зритель должен видеть в них таких же как он или его сосед людей, ничем не примечательных. Поэтому страх и сострадание зрителя – это страх *за себя* и сострадание *к себе*, ибо он отождествляет себя с действующим лицом, и все злоключения главного героя зритель примеряет *на себя*. Воспитательный аспект в данном случае может иметь перспективный характер. Претерпевая все эти страсти в театре, зритель как бы «подготавливает» себя к тому, что то же самое может приключиться и с ним, и уже в реальной жизни. Глубокий смысл в связи с этим имеет тот факт, что злоключения трагического персонажа обусловлены не его характером или действиями, но злым роком, нелепым случаем. Осознание этого факта влечет за собой обескураживающее понимание собственной беззащитности. Вслед за этим пониманием наступает неизбежное принятие того факта, что у человека нет иной защиты от возможных ужасов злого рока, помимо твердого духа. Так и происходит очищение души от страстей. Созерцание страшных событий в жизни себе подобных людей, сопереживание им, а также понимание собственной беззащитности «воспитывают» в зрителях античной трагедии истинных стойков, которые готовы к любым испытаниям и с должным спокойствием духа перенесут все то, что человека неподготовленного повергнет в ужас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее известной медицинской трактовкой является теория Я. Бернаяса, «согласно которой очищение от аффектов сострадания и страха благодаря трагическому представлению является результатом естественной реакции, возникающей в душе зрителя как следствие искусственно усиленных и как бы разогретых восприятием трагедии соответствующих чувств. Реакция эта как бы смыкает указанные аффекты и тем самым доставляет специфическое чувство удовлетворения, – то самое чувство, которое, между прочим, получается при разрешении горя в слезах. Таким образом, Бернаяс и его последователи считают, что термин “катарсис” является синонимом термина “куфисис”, обозначающего облегчение от аффектов» [5. С. 30–31].

² Отдельный вопрос от каких именно страстей очищается душа, ответ на который зависит от того, как мы будем понимать *греч.* τοιοῦτον в *Poet.* 1449b27, А.Ф. Лосев настаивает, что его следует переводить как «подобные» и ни в коем случае не путать с «такими» и «эти» (τοῦτων), как делают некоторые филологи. Таким образом, речь идет либо об избавлении от целого комплекса страстей (включающих помимо страха и сострадания ярость и гнев), либо об излечивании зла злом (как предполагал неоплатоник Олимпиадор), т.е. переживание страха излечивает от чрезмерной склонности к этой страсти [1. С. 203–204, 241].

³ Таким образом, хотя сам процесс очищения происходит не в душах зрителей (ибо очищается драматическое действие и мотивы трагического героя), совершается он именно ради зрителей.

⁴ В этом месте Дж. Илс ссылается на 3-ю книгу «Никомаховой этики», где Аристотель отмечает, что совершенное по неведению не является произвольным в том случае, если оно заставляет страдать и раскаиваться.

⁵ Схожих взглядов придерживался А.Ф. Лосев, отказывавшийся психологизировать катарсис. По его мнению, при интерпретации катарсиса следует учитывать, что под последним мы должны понимать такое очищение, которое можно дедуцировать из того, что у Аристотеля является наиболее «чистым», т.е. из аристотелевского учения о космическом Уме. В связи с этим рабочие элементы катарсиса (страх, сострадание, узнавание) не следует понимать исключительно психологически, но напротив, видеть в них элементы, относящиеся к самой структуре трагедии. Само очищение связано с переводом страха и сострадания на более высокую ступень, что приводит к их «обезвреживанию», «животный и житейский страх» приобщается «к более высоким, а именно умопостигаемым областям» [1. С. 233].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. Харьков : Фолио ; Москва : АСТ, 2000.
2. Else G.F. Aristotle's Poetics: The Argument. Cambridge, 1957.
3. Аристотель. Поэтика / пер. М.Л. Гаспарова // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
4. Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебелева // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–643.
5. Петровский А.Ф. Сочинение Аристотеля о поэтическом искусстве // Аристотель. Об искусстве поэзии. М. : Гослитиздат, 1957. С. 7–38.
6. Lucas F.L. Tragedy in Relation to Aristotle's Poetics. New York : Harcourt, Brace and Company, 1928.
7. Golden L. Catharsis // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1962. Vol. 93. P. 51–60.
8. Лессинг Г.-Э. Гамбургская драматургия / под ред. М. Лифшица. М. ; Л. : Academia, 1936.
9. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н.В. Брагинской // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 8 декабря 2017 г.

ANCIENT THEATER IN THE LIGHT OF THE NOTION OF CATHARSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 91–95.

DOI: 10.17223/15617793/427/11

Aleksandr A. Sanzhenakov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sanzhenakov@gmail.com

Keywords: ancient theater; ancient pedagogy; education; drama; tragedy; catharsis.

The paper is devoted to the investigation of the pedagogical potential of ancient theatre in the light of Aristotle's notion of *catharsis*. The author defined the following basic interpretations of catharsis: religious-medical, ethical, structural and intellectual. The religious-medical interpretation means that the spectator's soul is purged from its excessive passions by means of a theatrical performance that brings some healing to the spectator. The ethical interpretation is that the spectator's empathy to the drama forms a proper disposition of the soul, brings the spectator back to the "virtuous and happy moderatism". The adherents of the structural interpretation of catharsis suppose that it is the tragic performance that is purified. Thus, in order to make spectators empathize with the protagonist, the creator of the tragedy must show that the motives of the protagonist are not criminal. Catharsis as an intellectual clarification is the inferring from particular events on the stage to universal laws which spectators make. Further, the author of the paper estimated the pedagogical potential of ancient theatre in the light of each of the above interpretations. Since in *Politics* (1341a21–24) Aristotle contrasts *καθαρσις* and *μάθησις*, the religious-medical interpretation of catharsis does not allow us to see pedagogical potential in ancient theatre. It is surprising, but even the ethical interpretation of catharsis does not solve the problem. The matter is that the emotional engagement of spectators in the theatrical action which entails changes in their souls is not voluntary because it does not contain *προαίρεσις*. Therefore, seeing a play cannot be an instrument for producing the virtuous disposition of the soul, for that disposition is produced by means of actions, i.e. by *προαίρεσις*. The structural sense of catharsis completely suppresses our attempts to place ancient theatre in the educational sphere, as it is entirely related to the internal logic of the tragedy. The latest interpretation of catharsis as an intellectual clarification is most suitable for pedagogical tasks (if they mean the formation of abstract thinking). In addition to the above interpretations the author offers a "stoic" version of the solution. According to this version seeing terrible events which occur with ordinary people on the stage, empathizing them, understanding their own vulnerability make spectators of the ancient tragedy true Stoics who are ready for any tests, and with due calmness of spirit they will withstand anything an unprepared person will be horrified by.

REFERENCES

1. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [the history of ancient aesthetics. Aristotle and the late classics]. Kharkov: Folio; Moscow: AST.
2. Else, G.F. (1957) *Aristotle's Poetics: The Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Aristotle. (1983) *Poetika* [Poetics]. Translated from Old Greek by M.L. Gasparov. In: Dovatur, A.I. & Kessidi, F.Kh. (eds) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
4. Aristotle. (1983) *Politika* [Politics]. Translated from Old Greek by S.A. Zhebelev. In: Dovatur, A.I. & Kessidi, F.Kh. (eds) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
5. Petrovskiy, A.F. (1957) *Sochinenie Aristotelya o poeticheskom iskusstve* [Aristotle's essay on poetic art]. In: Aristotle. *Ob iskusstve poezii* [On the art of poetry]. Translated from Old Greek by V.G. Appel'rot. Moscow: Goslitizdat.
6. Lucas, F.L. (1928) *Tragedy in Relation to Aristotle's Poetics*. New York: Harcourt, Brace and Company.
7. Golden, L. (1962) Catharsis. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 93. pp. 51–60.
8. Lessing, G.E. (1936) *Gamburgskaya dramaturgiya* [Hamburg dramaturgy]. Moscow; Leningrad: Academia.
9. Aristotle. (1983) *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Translated from Old Greek by N.V. Braginskaya. In: Dovatur, A.I. & Kessidi, F.Kh. (eds) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.

Received: 08 December 2017

ИСТОРИЯ

УДК 94(470) “1730”

К.Д. Бугров

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1730 г. И ИДЕОЛОГИЯ ПРОВИДЕНЦИАЛЬНОГО МОНАРХИЗМА

Статья посвящена анализу характера политического кризиса 1730 г. Показано, что факт избрания Анны Иоанновны на трон не имел необратимых последствий для легитимации ее царствования. В то же время идеология Верховного тайного совета не была по существу республиканской, поскольку верховники не выработали альтернативного взгляда на генезис и характер власти, что вынуждало их пользоваться сложившимся со времен Петра I политическим глоссарием провиденциального монархизма.

Ключевые слова: Российская империя; Верховный тайный совет; Феофан (Прокопович); абсолютизм; монархизм; республиканизм; конституционализм.

Со смертью Петра II в январе 1730 г. мужская линия Романовых пресеклась; российская элита столкнулась со сложным вызовом. Последовавшие события 1730 г., многократно оказывавшиеся в фокусе внимания исследователей, часто считаются первым республиканским эпизодом российской истории. Ряд исследователей характеризуют «кондиции» 1730 г. одновременно как конституционный опыт и как олигархическую по своей сути попытку членов Верховного тайного совета сосредоточить всю власть в своих руках [1. С. 191–192; 2. С. 161; 3. С. 89–105; 4. С. 12–15]. А.Б. Плотноков, признавая конституционный характер документов верховников, обоснованно указывает на то, что действия Верховного тайного совета были продиктованы в значительной мере административной логикой, сложившейся за годы екатерининского царствования, когда верховники фактически управляли государством [5. С. 117–130].

Г.В. Протасов же, говоря об идеях «верховников», характеризует их цитатой из испанского посла в России, герцога де Лириа – «республиканский энтузиазм» [6. С. 103]. Достаточно популярным среди историков оказался тезис о конституционно-республиканском характере устремлений Верховного тайного совета [7–9]. С.А. Седов настаивает на том, что кризис 1730 г. был шансом для создания в России принципиально новой политической системы, основанной на шведских образцах [10. С. 47–80]. Наконец, С.В. Польской указывает на связь между идеями «верховников» и концепциями республиканизма, либерализма и естественного права [11. С. 116–118], одновременно признавая существование «республиканской партии» помимо Верховного тайного совета, состоявшей из «среднего дворянства», равно опасавшегося и «фамильных», и основной массы «шляхетства» [12. С. 59–64]. Наиболее же радикально интерпретировал «кондиции» К.А. Писаренко, полагающий, что В.Л. Долгорукий стремился – вопреки олигархическим предпочтениям Д.М. Голицына – к установлению «демократической республики» [13. С. 94–119].

Как мы постараемся показать ниже, интерпретация действий Верховного тайного совета в 1730 г. в республиканском духе не является в полной мере корректной. По нашему мнению, в условиях политиче-

ского кризиса 1730 г. российские элиты в основном по-прежнему оперировали концептами и понятиями провиденциального глоссария политической речи. Под провиденциальным глоссарием мы понимаем специфическую риторическую манеру, описывающую власть монарха как обладающую божественным происхождением и интенсивно использующую метафоры для уподобления государя святому, герою или даже божеству. Это явления В.М. Живов и Б.А. Успенский назвали «византинизацией», указывая на то, что импорт барочной образности в российскую политическую культуру привел к возникновению панегирической риторики, в которой метафоры божественного характера власти могли читаться *буквально* [14].

Манифест Верховного тайного совета от 4 февраля 1730 г. констатировал пресечение мужской линии Романовых со смертью Петра II от оспы и указывал, что «того ради общим желанием и согласием всего Российскаго народа» на престол избрана тетка покойного императора, Анна Иоанновна. Однако в знаменитых «кондициях», составленных верховниками и предложенных Анне на подпись, воцарение обосновывалось в несколько иных категориях – «по воле всемогущего Бога и по общему желанию российского народа» [15. С. 137].

Казалось бы, конституционно-республиканский характер действий Верховного тайного совета подтверждается воспоминаниями участников событий 1730 г. Как позднее показывал на следствии член Верховного тайного совета князь В.Л. Долгорукий, другой верховник князь Д.М. Голицын говорил остальным участникам совета о том, что нужно «себе полехчить» и «воли себе прибавить». О том же, по словам Долгорукого, говорил Голицыну и генерал-аншеф П.И. Ягужинский: «Батюшки мои, прибавлять нам, как можно, воли!» [Там же. С. 184]. Более определенно высказывался о планах верховников дипломат и архитектор Ю.И. Кологривов, который показывал на следствии о своем разговоре с коллежским советником, членом Коммерц-коллегии Е.И. Мусиным-Пушкиным: «Оной Епафродит (Мусин-Пушкин. – К.Б.) упоминал, что самодержавию не рады знатные, а имянно, Голицыны, Долгоруковы, також и Михайла Матюшкин не очень то любит: он де италианец и мы

де с фамилиею своею республику любим. <...> Помянутой же Епафродит до пришествия ея императорского величества в Москву говорил с ним, Кологривовым, не худо б де, чтоб Верховный совет был, приводя все, дабы была республика. И говорил, хорошо б де, кабы баланс у нас был, а болше того ничего не говорили» [15. С. 199–200]. Казанский губернатор А.П. Волынский в письме своему кузену, бригадиру И.М. Волынскому, тоже утверждал, что Верховный тайный совет вводит республиканскую форму правления – правда, Волынского, в отличие от Мусина-Пушкина, подобная перспектива совсем не радовала [Там же. С. 80].

В этой связи важны особенности политического лексикона актов Верховного тайного совета в 1730 г., на которые обращает внимание А.Б. Плотников. Утвердив 18 февраля 1730 г. текст новой присяги, верховники убрали из текста характеристику Анны Иоанновны как «самодержицы»: «В основу общегосударственных присяг Екатерине I и Петру II был положен текст введенной Петром I “типовой” чиновничьей присяги, включенной в Генеральный регламент 1720 г. Приносилась она исключительно самодержцу. В присяге же 1730 г. термин “самодержавие в какой бы то ни было форме отсутствовал, Анна Иоанновна именовалась лишь “великой государыней императрицей”, а присягающий обещал быть “верным, добрым рабом и подданным” не только ей, но и “государству”» [5. С. 126]. Непосредственным источником для верховников, по мнению Плотникова, послужила «Форма присяги, по которой присягали на верность службы Кабинет-Министры и Сенаторы», утвержденная Верховным тайным советом в феврале 1726 г. В этом тексте речь шла о «верности Государыне Всемилоостивейшей Императрице и всему государству», а понятие «самодержавие» отсутствовало. В свою очередь, текст сенаторской присяги 1726 г. основывался на старой сенаторской присяге 1711 г., в которой термин «самодержавие» еще не употреблялся [Там же. С. 127].

Эта стратегия использования понятия «самодержавие», интересная сама по себе, обретает свое значение в контексте влияния на деятельность Верховного тайного совета политической практики шведской «Эры свобод», на которое вслед за шведским историком начала XX в. Х. Йерне [16] обращают внимание С.А. Седов [10] и С.В. Польской [17]. Возможно, отказ верховников от использования слова «самодержавие» мог означать, что Верховный тайный совет на концептуальном уровне копировал действия шведских коллективных органов власти. В шведских «Актах о форме правления» («Regierungsform») 1719–1720 гг. абсолютистское правление Карла XII характеризовалось как «неограниченное королевское единовластие» (oinskränkte konungslige enväldet) или так называемый суверенитет» [18].

Основополагающие конституционные акты Швеции были вполне доступны представителям российской элиты. Действительно, как отмечает Г.А. Некрасов, в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) хранится подборка шведских документов, которые присылали российские дипломаты в Стокгольме первой половины XVIII в.: «Тут имеются

“форма правления” Фредрика I 1720 г., шведские правительственные указы 1721–1723 гг. и документы сессии риксдага 1723 г., инструкция военной коллегии 1723 г. и другие» [19. С. 334]. После ликвидации этого «королевского единовластия» риксдаг избегал называть себя суверенным: предпочтительным выражением было “maktagande och lagbundna” – “полномочный в пределах закона”» [20. Р. 67]. По-видимому, «кондиции» воспринимались именно как упразднение «самодержавия», которое, впрочем, Анна Иоанновна вскоре вновь «всемилоостивейшее приняла», собственноручно «изодрав» пункты и упразднив Верховный тайный совет.

Даже если отказ от использования концепта «самодержавие» и означал копирование соответствующих стратегий шведского риксдага, все же верховники игнорировали ключевую для шведского опыта антитезу «неограниченного королевского единовластия» и «свободы сословий» при «добром управлении» представляющего их риксдага. И как бы мы ни характеризовали ту структуру, которую приобрела система власти в Российской империи на короткий промежуток времени зимой 1730 г., мы не можем назвать ее идеологические основания республиканскими. И.В. Курукин и А.Б. Плотников отмечают: «Ни верховники, ни их оппоненты не поднимались до принципиальной постановки вопроса о происхождении власти монарха и ее пределах: первые этого не желали намеренно; вторые, скорее всего, в массе не были к этому готовы» [15. С. 85–86]. Возможно, контуры «несамодержавной» России, промелькнувшие зимой 1730 г., могли до некоторой степени имитировать элементы европейских республиканских систем, но в целом это было уникальное явление, которое – на наш взгляд – заслуживает скорее тщательного анализа специфики, чем объяснения с помощью европейских аналогий.

Так, подписанные Анной кондиции *не являлись* частью договора, устанавливавшего избрание. Манифест о восшествии Анны на трон, как и предварительное письмо, направленное «верховниками» Анне в Митаву, вообще не содержат элементов теории общественного договора. Договорный характер носили только кондиции, последний пункт которых недвусмысленно указывал на *обратимый* характер избрания Анны в случае нарушения условий: «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской» [Там же. С. 120].

Тексты Верховного тайного совета противоречили сами себе. В разработанных верховниками «пунктах присяги» говорилось, что императрица избрана «общим желанием» народа и что она утвердила *кондиции* для того, чтобы еще лучше управлять народом ради его же блага. Это помещало *кондиции* в длинный ряд блистательных достижений монарха-демиурга, трудящегося ради блага своих подданных – в случае Петра Великого в этом ряду находились созданные им Сенат, коллегии, армия, флот, новая столица Санкт-Петербург, фабрики и многое другое [21. С. 507–508; 22. С. 397–405] – но не придавало им договорного характера и не превращало Верховный тайный совет из учреждения, созданного монаршей волей, в носителя автономной легитимности.

В резком противоречии с этим утверждением находится последний пункт кондиций, который недвусмысленно указывает на договорные отношения, нарушение которых приведет к потере императрицей короны. Кто же является второй стороной договора? Кто правомочен установить факт нарушения условий и низложить монарха? Кто и каким образом будет в таком случае избирать нового государя? Идентифицировать источник этой формулировки чрезвычайно сложно: ее точные аналоги в европейской практике XVII–XVIII вв. нам неизвестны. Право подданных лишить монарха трона было определено в кондициях с легкостью, напоминающей о легендарной клятве арагонцев, служившей источником вдохновения для европейских монархов XVI в.: «Мы, столь же достойные, как ты, клянемся тебе, который не лучше нас, принять тебя как нашего короля и суверена, если ты будешь соблюдать наши права и свободы, но если нет, то нет» [23. Р. 5–7].

Однако в двух соседних с Россией государствах, где власть монарха была жестко ограничена правовыми актами и которые могли квалифицироваться как республики – в Швеции «эры Свобод» и в Речи Посполитой – аналоги такой формулировки отсутствовали. Шведская конституция, напротив, *заставляла* монарха исполнять принимаемые комиссиями риксдага решения – вплоть до того, что в середине XVIII в. было создано факсимиле подписи короля [24. Р. 268]. Кондиции же, открывавшиеся ссылкой на Божью волю в избрании монарха, завершались фразой о «лишении короны». Такая формулировка не имела прецедентов в российской истории, больше того – шла вразрез с существовавшей практикой сопредельных государств, где власть монарха была действительно ограничена представительными ассамблеями.

В тексте *кондиций* упомянуты следующие акторы: Бог, народ, монарх и Верховный тайный совет, который монарх наделял множеством привилегий и полномочий. Из этих акторов второй стороной властного договора с монархом мог быть только Верховный тайный совет; если это так, то кого и каким образом он представляет и откуда черпает свою легитимность? Эти вопросы не были прояснены ни в «кондициях», ни в манифесте о восшествии Анны на престол.

Конечно, верховники на практике стремились ограничить власть самодержицы, перераспределив эту власть в свою пользу; согласно «кондициям», отношения между императрицей и Верховным тайным советом оказались игрой с нулевой суммой, и в этом смысле кризис 1730 г. явился суровым вызовом для российской монархии. Память об этом кризисе была острой еще в 1762 г., когда Н.И. Панин в проекте манифеста об учреждении Императорского совета сетовал на то, что «при возведении на престол покойной императрицы Анны Иоанновны и самая самодержавная власть, никогда не разделяемая от... императорской короны, уже потрясена была» [18. С. 237]. Различные проекты, составленные представителями дворянства, рассматривали вопросы о формировании выборных органов власти (путем «балатирования», «балантирования», «балтирования»), своеобразном «балансе», четком порядке продвижения по службе.

«Пункты присяги», составленные Верховным тайным советом 4 февраля 1730 г., содержали заявление о том, что «не персоны управляют закон, но закон управляет персонами» [15. С. 205]. С.В. Польской усматривает в этой формулировке влияние идей Дж. Локка об общественном договоре [11]. Однако, по нашему мнению, верховники интерпретировали договорную теорию чрезвычайно своеобразно и совсем не попытались ее развить. Последний пункт «кондиций», содержащий обязательство договорного характера, предельно лаконичен и не позволяет даже с учетом известных сегодня бумаг Верховного тайного совета убедительно интерпретировать его характер и источник.

Иными словами, верховники вообще не попытались решить проблему собственной легитимности. Формулировка же, на которую обращает внимание С.В. Польской, была – по нашему мнению – обращена против монарших фаворитов, «ласкателей» на языке XVIII в. К тому же она по существу продолжает знаменитую петровскую формулировку указа «О хранении прав гражданских» (1722): «Всеу законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти» [25. С. 656]. Поэтому кондиции невозможно рассматривать как момент рождения российской традиции договорных отношений между властью и подданными, ведь они носили характер *пожалования*, а не *договора*. А значит, при обосновании воцарения Анны использовался тот же провиденциальный политический язык.

Последовавшие события подтверждают такое заключение: в конечном счете императрица аннулировала «кондиции», надорвав свою подпись. Императорский манифест от 28 февраля 1730 г. подтверждал факт «избрания» Анны, однако добавлял, что «понеже потом верные ж Наши подданные, как духовные, так и светские, все единогласно Нас просили, дабы Мы Самодержавство в Нашей Российской Империи, как издревле прародители Наши, воспрять изволили» [15. С. 147]. Включенная в манифест новая форма присяги включала титулование Анны Иоанновны «самодержицей» – титул, который Верховный тайный совет исключил как из первого манифеста, так и из формы присяги.

Аннулирование кондиций совершилось при помощи той же ссылки на единогласную просьбу подданных, которая использовалась при их составлении. Как и прежде, под «гласом народа» понимался «глас Божий», и это давало Анне основание нарушить милостиво данное ранее императорское обещание. Факт «избрания» не предполагал, таким образом, ни ограничения власти императрицы, ни даже сдвига в представлениях о происхождении и характере императорской власти. Напротив, ограничение властных полномочий было следствием *обещания*. Ссылки на «единогласное» желание народа позволяли обосновать как ограничительные «кондиции», так и их аннулирование. В конечном счете, мотивировка самих «кондиций» оставалась вполне традиционной: наделение Верховного тайного совета новыми полномочиями провозглашалось необходимым, поскольку «целость и благополучие всякого государства от благих советов

состоит» [15. С. 119]. Но могла ли такая лаконичная формулировка убедительно поддержать те кардинальные перемены во властной структуре России, которые предположительно замыслились верховниками?

Ход кризиса 1730 г. можно интерпретировать так, что Анна вначале милостиво изволила пожаловать «кондиции», а потом – ради общего блага и по общему желанию! – аннулировала их. Об этом и говорили составители прошения о восстановлении самодержавия, поданного Анне Иоанновне 25 февраля 1730 г.: «Когда ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно для лутчаго утверждения и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойных себе признаем за так превосходную вашего императорского величества милость. Однако ж усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует, побуждает нас, по возможности нашей, не показаться неблагодарными, для того, в знак нашего благодарства, всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвалныя предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного совета и подписанные вашего величества рукою уничтожить» [15. С. 142].

Впрочем, во время событий 1730 г. проблема политической свободы – будь то освобождение, восстановление утраченной свободы или ее новое установление – так и не вышла на первый план; ни в документах Верховного тайного совета, ни в многочисленных проектах, разработанных представителями дворянства, речь о политической свободе (нации, народа, дворянства) не шла, по крайней мере, напрямую. Речь шла лишь о том, как следует организовать административный аппарат и уравновесить влияние «фамильных» аристократов.

Об этом говорит и анализ проектов, созданных в среде дворянства, съехавшегося в Москву на ожидавшееся торжество по случаю брака Петра II и Е.А. Долгорукой. Составители дворянских проектов уделили максимум внимания разным подходам к «балантированию» кандидатов на высшие государственные посты – именно об этом говорят сохранившиеся проекты. Предположительно, «балантирование» позволило бы лучше обеспечить «общее благо» благодаря большему представительству фамильных и шляхетства, но даже и расширенный состав властных органов – 21 человек, как предлагалось в «проекте двадцати пяти» и «проекте 364-х» [15. С. 209, 218] – был, по существу, весьма ограниченным [26. С. 14]. Что еще важнее, ни один из проектов не предполагал существования представительного органа: формируемые на основании «балантирования» в узкой группе социальной элиты, коллегиальные органы должны были помогать императрице управлять империей, а «сочинение» законов при необходимости осуществлялось бы путем формирования Уложенных комиссий или их аналогов под другими именами. Последующий исторический опыт покажет, что подобного рода представительные органы оказались вполне совместимы с абсолютной монархией.

А.Б. Плотников полагает, что «идейно-концептуальная основа манифеста 28 февраля была крайне неудобной для Анны Иоанновны, ставшей самодержавной правительницей, но иные обоснования ее восшествия на престол в то время отсутствовали» [5. С. 128] и что «у Анны Иоанновны не было иного выбора, кроме как согласиться на соблюдение правовой преемственности по отношению к “кондициям” и признать договорную форму своего воцарения» [5. С. 127–128]. Но избрание Анны оставалось легитимным именно потому, что «общая воля» подданных была фиктивным, а не процедурным волеизъявлением; никакого ущерба для императорской власти из факта такого избрания не вытекало. «Избрание» царицы вовсе не было связано в представлениях членов российских элит того времени с ограничением власти. Интересно, что и критики «затейки» верховников – например, Феофан или В.Н. Татищев – не подвергали критике саму формулу «избрания». Предметом их критики были «кондиции» – ограничительный акт (который можно было интерпретировать как вырванное силой пожалование) и создавший его Верховный тайный совет.

Таким образом, критике подвергся лишь факт присвоения верховниками властных полномочий, но не концептуальное основание, на котором Анна заняла трон. Кризис 1730 г. позволил идентифицировать притязания «фамильных» с аристократической формой правления и переосмыслить российскую историю заново [27. С. 52; 28].

Правда, В.Н. Татищев в «Произвольном и согласном разсуждении и мнении собравшегося шляхетства русского о правлении государственном» (1730–1750) критиковал порядок избрания Анны, заявив, что Верховный тайный совет преступил «закон естественный» (требующий согласия «всех подданных») и обвинив верховников в стремлении узурпировать верховную власть, как это сделали с императорской властью германские курфюрсты. Правда, Татищев добавлял: «Токмо сие избрание оставляется в молчании для того, что весь народ персоною ея величества доволен и никто не спорит. Токмо сие должно протестовать для порядка и сочинить на такой нечаянный случай закон, чтоб от такого беспорядка не воспоследовало то же, как коварным избранием Василия Шуйского все государство в смятение и крайнее разорение приведено было» [29. С. 146]. Упоминание о Василии Шуйском может опять-таки быть прочтено как критическая атака на «кондиции»: ведь Василий Шуйский, по мнению Татищева, при своем избрании изменил форму правления на аристократическую, чем вверг страну в море трудностей.

В целом факт избрания не мешал панегиристам прославлять Анну как самодержицу милостью Божьей. Так, в «Разсуждении о безбожии» (1730), говоря о существовании Провидения, которое не хотят признавать атеисты, Феофан вновь говорит о политике: «Но и от другого разсуждения показуется промысл Божий, разсудим только человек ли в особности, ли в обществе, то есть в республиках и церковном собрании, разные случаи и состояния увидим <...> а как чрез таковые способы чудная происходят действия, а

особливо в Монарших домах, которых состоянию не только все государство обыкло себе уподоблять, но и в самом церковном теле разныя оттуду происходят перемены: то таковые плоды с винмаи их внятно совокупляя, не лзя не признати дивнаго некоего смотра Божияго» [30. С. 24]. Например, злодеяния «худых людей», которые, казалось бы, навеки забыты, «самоудобнейше» открываются сами, «чтоб оным злодеям подобающей казни не избежать». Сам мировой порядок свидетельствует о существовании Промысла. Ведь в час опасности, когда «царству или государству настает пагуба», мудрецы этого государства «будто ослепленными делаются, так что советов здравых не могут сыскать, ни сысканных принимать и по оным действовать» [30. С. 26]. Значит, нужно усматривать в этом не «фатальные союзы» или «фортуны», но «провиденцию оную чудную Божию». Именно Промысел привел к падению древних царей – Ровоама, Седекию, Дария Кодомана; что и говорить о церковной истории с примерами страшных гонений и преследований... Везде, согласно Феофану, следует усматривать «премудрое Божие правление».

А в «Слове в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге, проповеданном Апреля 28 дня 1732 года» Феофан сравнивал государя с головой, а государство – с телом; лишаясь головы, государство «тягостный некий нашедший на себе мрак видело», однако с воцарением наследника «дух и живот свой, аки бы уже изшедший от себе, ощущает аки бы паки в себе возвращающийся»: «Сие истое сотворил нам премилосердый Бог в прошлом тысяща семь сот тридесатом году, когда, по отшествии в вечная ПЕТРА второго, державнейшую Императрицу нашу невидимою десницею своею на престол Российский возвел, венценосцем Христом своим быти Ей повелел, и подал нам непобедимую и внутрь и вне заступницу и мать о чадах веселящуюся» [31. С. 214]. Далее – в соответствии с эпиграфом «Слова», взятым из Евангелия («Воздадите Кесарева Кесареви и Божия Богови») – Феофан пространно рассуждает о богоугодности повиновения подданных государям.

Обратимся теперь к параллельно формировавшейся традиции светской придворной поэзии. Как справедливо отмечает современная исследовательница Е. Погосян, «1730-е гг. в России – время, когда придворная культура получила тот вид и статус, в которых она существовала затем вплоть до эпохи Великих реформ 1860-х годов» [32]. Создателями жанра придворной оды при аннинском дворе выступали В.К. Тредиаковский, Юнкер, Штелин и другие поэты и панегиристы; Е. Погосян говорит о 21 оде, созданной за десятилетнее царствование Анны Иоанновны, преимущественно авторами из Академии наук и из шляхетного корпуса.

Ярчайшим среди этих авторов был В.К. Тредиаковский. Ода 1730 г., написанная им для Анны, включала ссылку на божественное происхождение власти императрицы и прославляла осуществившееся с ее воцарением преобразование России – наставший «золотой век» [33. С. 56]:

Все почитает должно Анну,
Самодержицу богом данну,
Верность имать сердечну.

Торжествуйте вси российсти народы:
У нас идут златые годы.

В торжественных стихах, поднесенных Анне Иоанновне при прозаическом панегирике в 1732 г., Тредиаковский декларировал [33. С. 126]:

Твое имя в веки пребудет,
Чрез неисчетны веков круги,
Чрез удаленные народы,
И чрез всю имать цвести вечность.
Тебе бог, венцем земным славу,
И небесным прославит вечно!
Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну.

И в оде 1734 г. Тредиаковский прославлял божественный характер аннинского избрания в следующих словах [32]:

Тебе, славно императрица,
Тебе, мать щедролубива,
Тя, самодержица правдива,
Крепкая, и сильная России десница.
А кто ж лучша могла нам быти?
Самим Богом ты предъизбранна,
Самим Богом нам дарованна:
Тебе мы с любовию должны все служить.

В панегирике выпускника кадетского корпуса (а впоследствии – успешного чиновника) М.Г. Собакина «Благополучное соединение свойств, потребных к правлению великих империй» (1738), написанном нехарактерным для того времени свободным стихом, тоже воспроизводятся основные клише о монархической власти. К примеру, Собакин использует фигуру воплощения – Анна тоже оказывается новым Петром Великим [34]:

Все будущее изобилие
Удержала Божия рука до осиротевших времен,
В которые внук Великого Петра уступил
высочайшей в свете Государыне,
То есть той, которая сердце, воспламененное
Петровым духом,
Блестает равною храбростию, разумом
и мудростию,
И чрез которую север получил свет
почтения достойный,
Свет толь полезный, который токмо
от великодушных сердец происходит.
Малое пространство вдовствующего
Курландского престола
Определенныя к империи главы вместить
не могло.

В панегирике Собакина власть Анны предстает как результат божественного предначертания, и одновременно – как достойное воздания великим качествам самой императрицы [Там же]:

В тебе, Августейшая Монархиня! соединяются
все добродетели,
Храбрость является во всех твоих движениях,
Мудрость украшается больше Тобою, нежели
собственным своим преимуществом.
Ты содружна страху Божию, а паче самому Богу.
<...>
Едва токмо восприемлешь ты какое полезное
намерение,
То твои подданные от того уже и получают
изобильное благополучие,

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994. 496 с.
2. Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. Социология. Этнология. 1996. № 1. С. 154–194.
3. Пронкин С.В. Политические намерения Верховного Тайного совета в 1730 г. // Вестник Московского государственного университета. Серия 21: Управление (Государство и общество). 2011. № 3. С. 89–105.
4. Белова Т.А. Политическое движение 1730 г. и Верховный Тайный совет // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 12–15.
5. Плотноков А.Б. Акты ограничения самодержавной власти и политические проекты в России в 1730 году (итоги источниковедческого изучения) // Российская история. 2008. № 6. С. 117–130.
6. Протасов Г.В. Верховный тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов : Тамбовский гос. пед. ин-т., 1970. Вып. 1. С. 65–103.
7. Гордин Я.А. Меж рабством и свободой, 19 января – 25 февраля 1730 г. СПб. : Изд-во Пушкинского фонда, 2004. 378 с.
8. Янов А.Л. Драма смутного времени (Дело 1730 года) // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 159–177.
9. Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов н/Д : Феникс, 2007. 317 с.
10. Седов С.А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–80.
11. Польской С.В. Политические идеи Д. Локка в России в 1-й половине XVIII в. // Философский век. СПб. : Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001. № 19. С. 116–118.
12. Польской С.В. Внутрисословная стратификация дворянства и «конституционное» движение 1730 г. // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 82. С. 59–64.
13. Писаренко К.А. Тайны дворцовых переворотов. М. : Вече, 2009. 400 с.
14. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры : в 2 т. М. : Гнозис, 1994. Т. 1.
15. Курукин И.В., Плотноков А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М. : Квадрига, 2010. 280 с.
16. Hjärne H. Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder // Historisk Tidskrift. Fjerde Argangen. Stockholm : P.A. Norstedt & Soner, 1884. P. 189–282.
17. Польской С.В. «Шведский образец» и попытка ограничения самодержавия в России в 1730 году // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII–XX веках. Самара : Парус, 2001. С. 174–178.
18. Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина. Екатеринбург : БКИ, 2015. 272 с.
19. Некрасов Г.А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М. : Наука, 1975.
20. Roberts M. The Age of Liberty. Sweden 1719–1772. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 244 p.
21. Гавриил Бужинский. Похвальное слово, произнесенное в празднуемый уже в 52-й раз день рождения всепресветлейшего и державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всея России. В царствующем граде Петрополе 30 мая 1723 года, в церкви Святой Троицы, в торжественном присутствии Его императорской фамилии, Синода и Сената и многочисленного народа // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1901.
22. Перетц В.Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. М. : Изд. Имп. Академии наук, 1903.
23. Giese R. If Not, Not. The Oathe of the Aragonese and the Legendary Laws of Sobrarbe. Princeton : Princeton University Press, 1968. 288 p.
24. Andersson I. A History of Sweden. New York ; Washington : Praeger Publishers, 1975. 461 p.
25. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VI. 1720–1722. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830.
26. Белова Т.А. Конституционные проекты 1730 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5. С. 13–15.
27. Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6 (153). С. 18–53.
28. Bugrov K.D. Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th century Russian Political Thought // Bylye Gody. 2015. Vol. 37, is. 3. P. 491–498.
29. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л. : Наука, 1979. 464 с.
30. Феофан Прокопович. Разсуждение о безбожии, сочиненное архиепископом Великого Новгорода и Великих Лук, Феофаном Прокоповичем. М. : Вольная тип. Лопухина, 1784. 56 с.
31. Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. СПб., 1765. Ч. III.
32. Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli, 1997. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuens. 3.). URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537493.html>
33. Тредиаковский В.К. Избранные произведения. М. : Л. : Сов. писатель, 1963. 571 с.
34. Собакин М. Благополучное соединение свойств. Вступительное слово М. Амелина // Арион. 2007. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2007/3/so25.html>
35. Сумароков А.П. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1957. 607 с.
36. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 1986. 558 с.
37. Щербатов М.М. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. 632 с.
38. Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb : Northern Illinois University Press. 2003. 308 p.
39. Жиленко А.С. Верховный Тайный совет в системе властеотношений Российской Империи (1726–1730 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2016. 206 с.
40. Курукин И.В. Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 200–226. DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/qr.2015.3.119>

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2018 г.

THE POLITICAL CRISIS OF 1730 AND THE IDEOLOGY OF PROVIDENTIAL MONARCHISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 96–104.

DOI: 10.17223/15617793/427/12

Konstantin D. Bugrov, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Keywords: Russian Empire; Supreme Privy Council; Feofan (Prokopovich); absolutism; monarchism; republicanism; constitutionalism.

The paper deals with the analysis of the political crisis of 1730 in Russia. The author questions the influential approach which treats the political aspirations of the Supreme Privy Council as “republican” and constitutionalist. Even though some of the contemporaries indeed perceived the crisis as an attempt to introduce the republican form of government, the projects designed by the Supreme Privy Council lacked any innovative ideology regarding the genesis and character of political power. Thus, the Supreme Privy Council had to use the more traditional political glossary of providential monarchism based upon the recognition of royal charisma deriving directly from God; such a manner had already been developed in the court panegyric and sermon of the Petrine time. The very “conditions” that supposedly limited the power of the monarch were presented as the monarch’s gift to his subjects, alongside with the army, the fleet, the state apparatus, industry and science, all “created” by Peter the Great, as the official ideology was saying. Thus, the conceptual language of the projects of the Supreme Privy Council suffered from contradictions, while the part of “conditions” that threatened the newly elected Anna Ioannovna with the loss of the crown in case she broke her promise had no analogues in the European republican and constitutional tradition. Consequently, the power of Anna Ioannovna was described as deriving from Providence by means of a popular “vote”, and the recognition of such a “vote” could not lead to any limitation of her sovereign power. The refusal from “conditions” that the Supreme Privy Council imposed upon Anna was exactly an act of pursuit of the “common good” by the empress made at the request of her loyal subjects. Later, the providential legitimacy of Anna was never put to doubt, for the panegyrists like V.K. Tredyakovskii or Feofan (Prokopovich) described her as a “God-given” monarch. Since the Supreme Privy Council attempted to impose limitations on Anna’s power while simultaneously recognizing her as a “God-given” monarch, its projects could not be characterized as “republican”, and could only be seen as “constitutionalist” in a very broad sense. In addition, the very attempt of the Supreme Privy Council to bind Anna Ioannovna by a written promise can be interpreted (following A.B. Plotnikov’s opinion) within the administrative and organizational logic of the reign of Catherine I, when the members of the council de facto ruled the Empire, and, under new circumstances, probably decided to guarantee their position by means of a written act.

REFERENCES

1. Anisimov, E.V. (1994) *Rossiya bez Petra: 1725–1740* [Russia without Peter: 1725–1740]. St. Petersburg: Lenizdat.
2. Medushevskiy, A.N. (1996) Konstitutsionnye proekty v Rossii i ikh zapadnye istochniki [Constitutional projects in Russia and their Western sources]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 1. pp. 154–194.
3. Pronkin, S.V. (2011) Political intentions of the Supreme privy council in 1730. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (Gosudarstvo i obshchestvo)*. 3. pp. 89–105. (In Russian).
4. Belova, T.A. (2012) Political movement in 1730 and Supreme Privy Soviet. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 4 (111). pp. 12–15. (In Russian).
5. Plotnikov, A.B. (2008) Akty ogranicheniya samoderzhavnoy vlasti i politicheskie proekty v Rossii v 1730 godu (itogi istochnikovedcheskogo izucheniya) [Acts limiting autocratic power and political projects in Russia in 1730 (the results of source study)]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 117–130.
6. Protasov, G.V. (1970) Verkhovnyy taynyy sovet i ego proekty 1730 goda (istochnikovedcheskoe izuchenie) [The Supreme Privy Council and its projects of 1730 (source study)]. *Istochnikovedcheskie raboty*. 1. pp. 65–103.
7. Gordin, Ya.A. (2004) *Mezh rabstvom i svobodoy, 19 yanvarya – 25 fevralya 1730 g.* [Between slavery and freedom, January 19 – February 25, 1730]. St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo fonda.
8. Yanov, A.L. (1994) Drama smutnogo vremeni (Delo 1730 goda) [Drama of the troubled times (The case of 1730)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 159–177.
9. Danilov, A.G. (2007) *Al'ternativy v istorii Rossii: mif ili real'nost' (XIV–XIX vv.)* [Alternatives in the history of Russia: myth or reality (14th–19th centuries)]. Rostov-on-Don: Feniks.
10. Sedov, S.A. (1998) Popytka gosudarstvennogo perevorota 1730 goda v Rossii [An attempt of a coup in 1730 in Russia]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 47–80.
11. Pol'skoy, S.V. (2001) Politicheskie idei D. Lokka v Rossii v 1-y polovine XVIII v. [J. Locke’s political ideas in Russia in the first half of the 18th century]. *Filosofskiy vek*. 19. pp. 116–118.
12. Pol'skoy, S.V. (2011) The internal stratification of the nobility and the “constitutional” movement in 1730. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*. 82. pp. 59–64. (In Russian).
13. Pisarenko, K.A. (2009) *Tayny dvortovykh perevorotov* [Secrets of palace coups]. Moscow: Veche.
14. Zhivov, V.M. & Uspenskiy, B.A. (1994) Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Czar and God. Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia]. In: Uspenskiy, B.A. *Izbrannyye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury: v 2 t.* [Selected works. Semiotics of history. Semiotics of culture: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.
15. Kurukin, I.V. & Plotnikov, A.B. (2010) *19 yanvarya – 25 fevralya 1730 goda: sobytiya, lyudi, dokumenty* [January 19 – February 25, 1730: events, people, documents]. Moscow: Kvadriga.
16. Hjärne, H. (1884) Ryska konstitutionsprojekt år 1730 efter svenska förebilder [Russian constitutional project in 1730 after Swedish role models]. *Historisk Tidskrift*. 4. pp. 189–282.
17. Pol'skoy, S.V. (2001) “Shvedskiy obrazets” i popytka ogranicheniya samoderzhaviya v Rossii v 1730 godu [“The Swedish model” and an attempt to limit the autocracy in Russia in 1730]. In: Buttner, R., Dubina, V. & Leonov, M. (eds) *Problemy natsional'noy identifikatsii, kul'turnye i politicheskie svyazi Rossii so stranami Baltiyskogo regiona v XVIII–XX vekakh* [Problems of national identification, cultural and political ties of Russia with the countries of the Baltic region in the 18th–20th centuries]. Samara: Parus.
18. Bugrov, K.D. (2015) *Monarkhiya i reformy. Politicheskie vzglyady N.I. Panina* [Monarchy and Reform. Political views of N.I. Panin]. Ekaterinburg: BKL.
19. Nekrasov, G.A. (1975) Uchrezhdenie kollegiy v Rossii i shvedskoe zakonodatel'stvo [Establishment of collegia in Russia and Swedish legislation]. In: Pashuto, V.T. (ed.) *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noy Rossii* [Society and the state of feudal Russia]. Moscow: Nauka.
20. Roberts, M. (1986) *The Age of Liberty. Sweden 1719–1772*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Buzhinskiy, G. (1901) Pokhval'noe slovo, proiznesennoe v prazdnuemyy uzhe v 52-y raz den' rozhdeniya vspresvetleyshego i derzhavneyshego Petra Velikogo, imperatora i samoderzhitsa vseya Poccii. V tsarstvuyushchem grade Petropole 30 maya 1723 goda, v tserkvi Svyatoy Troitsy, v torzhestvennom prisutstvi Ego imperatorskoy famii, Sinoda i Senata i mnogochislennogo naroda [A panegyric delivered at the celebrated 52nd birthday of the most celebrated and most powerful Peter the Great, the emperor and autocrat of all Russia. In the reigning city of Petropolis on May 30, 1723, in the church of the Holy Trinity, in the solemn presence of His Imperial family, the Synod and the Senate and the numerous people]. In: *Propovedi Gavriila Buzhinskogo (1717–1727). Istoriko-literaturnyy material iz epokhi preobrazovaniya* [Sermons by Gavriil Buzhinsky (1717–1727). Historical and literary material from the era of transformation]. Yuryev: Tip. K. Mattisena.
22. Peretts, V.N. (1903) *Pamyatniki russkoy dramy epokhi Petra Velikogo* [Monuments of Russian drama of the era of Peter the Great]. Moscow: Izd. Imp. Akademii nauk.
23. Giese, R. (1968) *If Not, Not. The Oath of the Aragonese and the Legendary Laws of Sobrarbe*. Princeton: Princeton University Press.
24. Andersson, I. (1975) *A History of Sweden*. New York; Washington: Praeger Publishers.

25. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. Vol. VI: 1720–1722. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. kantselyarii.
26. Belova, T.A. (2013) Konstitutsionnye proekty 1730 g. [Constitutional projects of 1730]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika – Tomsk State University Journal of History*. 5. pp. 13–15.
27. Kiselev, M.A. (2013) Forma pravleniya i sotsial'naya ierarkhiya v rossiyskoy politicheskoy mysli XVII – pervoy chetverti XVIII veka [The form of government and social hierarchy in the Russian political thought of the 17th – first quarter of the 18th centuries]. *Istoricheskiy vestnik*. 6 (153). pp. 18–53.
28. Bugrov, K.D. (2015) Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th century Russian Political Thought. *Bylye Gody*. 37:3. pp. 491–498.
29. Tatishchev, V.N. (1979) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Nauka.
30. Prokopovich, F. (1784) *Razsuzhdenie o bezbozhii, sochinennoe arkhiepiskopom Velikago Novgoroda i Velikikh Luk, Feofanom Prokopovichem* [The reasoning about godlessness, composed by the archbishop of Veliky Novgorod and Velikiye Luki, Feofan Prokopovich]. Moscow: Vol'naya tip. Lopukhina.
31. Prokopovich, F. (1765) *Slova i rechi pouchitel'nyya, pokhvalnyya i pozdravitelnyya* [Words and speeches: instructive, praising and congratulatory]. Pt. III. St. Petersburg.
32. Pogosyan, E. (1997) *Vostorg russkoy ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.* [The delight of the Russian ode and solution of the poet's theme in the Russian panegyric of 1730–1762]. Tartu: Tartu Ülikooli. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/document/537493.html>.
33. Trediakovskiy, V.K. (1963) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
34. Sobakin, M. (2007) Blagopoluchnoe soedinenie svoystv. Vstupitel'noe slovo M. Amelina [A successful combination of properties. Introduction speech by M. Amelin]. *Arion*. 3. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/arion/2007/3/so25.html>
35. Sumarokov, A.P. (1957) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
36. Lomonosov, M.V. (1986) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
37. Shcherbatov, M.M. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: ROSSPEN.
38. Whittacker, C. (2003) *Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 308 p.
39. Zhilenko, A.S. (2016) *Verkhovnyy Taynyy sovet v sisteme vlasteotmosheniy Rossiyskoy Imperii (1726–1730 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie* [The Supreme Privy Council in the power relations of the Russian Empire (1726–1730): a historical and legal study]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
40. Kurukin, I.V. (2015) Platon Zubov – the minister of all ministries: favoritism in the late 18th century. *Quaestio Rossica*. 3. pp. 200–226. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/qr.2015.3.119>

Received: 26 January 2018

ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В АДМИНИСТРАЦИЮ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

На примере Администрации Томской области рассматриваются особенности работы с жалобами, просьбами граждан. Уделяется внимание электронным обращениям. Прослеживается весь процесс движения обращений: регистрация, проверка информации, подготовка запросов, постановка на контроль, исполнение, ответ заявителю и др. Выявлены проблемы, с которыми граждане наиболее часто обращаются в Администрацию, социальный состав заявителей.

Ключевые слова: Томская область; обращения граждан; электронный документооборот; электронные документы; личный прием; контроль за обращениями.

Одним из наиболее важных способов воздействия граждан на сферу муниципального управления является право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления – одна из форм участия населения в управлении. Институт обращений граждан позволяет наладить обратную связь между населением и властными структурами, являясь важным информационным каналом. Без его существования органам власти было бы сложнее собирать информацию о проблемах населения, принимать решения по их устранению. Наряду с традиционным способом обращения в последние годы появилась новая форма подачи обращений в виде электронного письма. Электронное заявление, предложение или жалобу может подать любой человек, имеющий доступ в Интернет, в любую инстанцию, независимо от места ее нахождения за короткие сроки, что является несомненным плюсом данного вида обращений.

Данная тема затрагивалась в исследованиях О.В. Мосягиной и И.А. Шияневской. Авторы в целом рассматривают технологию, специфику работы с обращениями граждан, останавливаются на проблемных моментах [1, 2]. К вопросам нормативного регулирования, необходимости внесения изменений и поправок в ФЗ, постановления Правительства обращаются В.Ф. Янковая, Н.А. Храмцова [3, 4]. Представляют интерес работы с обращениями в конкретные органы власти: в органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, в ведомства и министерства, в судебные структуры, полицию и т.д. [5–7]. Возможность обращения граждан РФ в Конституционный Суд, в Европейский суд по правам человека, непосредственно к Президенту РФ освещается в исследованиях Ю.В. Самович, М.А. Андреева. Опираясь на статистические данные, авторы отмечают рост таких обращений граждан, называют проблематику жалоб, просьб, с которыми авторы обращаются, статистику положительных и отрицательных решений [8, 9].

При обращении к данной теме источниковой базой в основном послужили Федеральные законы «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» [10], «Об основах государственной службы РФ» [11], «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [12], «О внесении изменений в ст. 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях и ст. 1 и 2 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [13] и другие законодательные акты. Последний ФЗ значительно расширяет свое действие на обращения объединений граждан, включая юридических лиц, причем не только в органы государственной власти и местного самоуправления, но и в государственные или муниципальные учреждения и иные организации, осуществляющие публично значимые функции.

Работу с жалобами, предложениями и заявлениями граждан в Администрацию Томской области осуществляет отдел по работе с личными обращениями граждан, находящийся в составе комитета по общим вопросам. Комитет находится в подчинении управляющего делами Томской области. В своей деятельности отдел руководствуется, кроме Федеральных актов, собственными нормативными документами. Автором исследования были изучены: Закон «Об обращениях граждан в государственные органы Томской области и органы местного самоуправления» [14], «Порядок рассмотрения обращений граждан Администрации Томской области» [15], «Положение о комитете по общим вопросам Администрации Томской области» и др. [16].

Целью настоящей статьи является анализ организации и технологии работы с обращениями граждан в Администрацию Томской области, так как это направление деятельности представляет собой одну из важных функций в сложной системе взаимодействий администрации и населения. Прием обращений предполагает определенную организацию этого процесса, состояние которого отражает способность органов и должностных лиц местного самоуправления своевременно и правильно реагировать на запросы и нужды граждан. Обращения граждан – важное средство проявления общественно-политической активности, заинтересованности жителей в общественных делах. Выявить, как ведется эта работа, соответствует ли она современным требованиям, каковы ее результаты, – задача данного исследования.

Отдел по работе с обращениями в Администрацию Томской области выполняет целый ряд значимых функций: регистрирует устные и письменные обращения граждан и организаций; организует личный прием Губернатором Томской области, его заместителями, сотрудниками отдела; осуществляет контроль за соблюдением порядка рассмотрения обращений; готовит ответы на обращения граждан и др.

Должностной состав отдела включает семь человек: начальник отдела, ведущий специалист, два главных специалиста, специалист первой категории, два консультанта отдела. Кабинет консультантов отдела расположен на первом этаже Администрации, что удобно для посетителей.

В отделе четко распределены обязанности между сотрудниками. Регистрацией обращений занимается главный специалист, второй главный специалист отвечает на телефонные звонки, организует и помогает проведение личного приема Губернатора, его заместителей и начальника отдела. Следит за контролем исполнения ведущий специалист, написание извещений входит в обязанность специалиста первой категории, составлением поручений и консультированием занимается начальник отдела. Консультанты отдела отвечают непосредственно за консультирование граждан, оказывают помощь в составлении судебных исков, принимают устные и письменные обращения, осуществляют звонки организациям, должностным лицам с целью выяснения обстоятельств дела.

В Администрации Томской области существует несколько каналов для приема обращений граждан: почтовый ящик, находящийся на первом этаже Администрации, где каждый желающий может оставить обращение; электронная почта: welcome@tomsk.gov.ru; канцелярия; факс; личный прием граждан; VipNet (канал для писем, поступающих из Администрации Президента).

В письменном обращении в обязательном порядке должны указываться следующие реквизиты: ФИО должностного лица, должность адресата обращения, ФИО автора обращения, почтовый адрес автора, сама просьба, личная подпись и дата.

В соответствии с п. 12.9 Типового регламента внутренней организации Федеральных органов исполнительной власти для приема обращений в форме электронных сообщений должно применяться специализированное программное обеспечение, предусматривающее заполнение заявителем специальных реквизитов, нужных для работы с обращениями и для получения ответа [17].

В Администрации Томской области для этих целей разработана электронная приемная (портал для приема обращений, доступный через Интернет). На портал поступают обращения при заполнении соответствующих граф на web-странице отдела по работе с обращениями граждан.

Данная функция располагается по следующему пути: Главная > Открытый Регион > Обращения > Подать обращение (рис. 1). При заполнении формы гражданин указывает: фамилию, имя, отчество и выбирает свое социальное положение в обществе из предложенных вариантов, например: ветеран труда, военнослужащий, пенсионер, домохозяйка и т.д. Далее необходимо выбрать, каким путем гражданин получит ответ: по почте России либо по электронной почте. В зависимости от этого красной звездой (*) будут отмечены поля, которые необходимо заполнить. Так, при выборе получения ответа по почте России нужно заполнить данные об адресе гражданина. Также можно внести и необязательные данные, такие как район, тип поселения, корпус, квартира и номер

телефона. Следующим обязательным для заполнения полем является текст обращения, к которому можно прикрепить необходимые документы.

Обращения граждан

Подать обращение

Рис. 1 Образец электронного обращения [19]

Бесспорно, важным является то, что у гражданина есть возможность оценить качество предоставленных услуг; данная функция размещена на официальном интернет-портале Администрации Томской области по следующему пути: Главная > Открытый Регион > Обращения > Онлайн-оценка качества ответа на обращение (рис. 2).

Главная > Открытый Регион > Обращения > Онлайн-оценка качества ответа на обращение

Обращения граждан

Онлайн-оценка качества ответа на обращение

Введите регистрационный код обращения

000-000-000-000

Пройдите ответить на вопросы по итогам рассмотрения Вашего обращения:

1. Каким решением принято по результатам рассмотрения Вашего обращения?

☒ Поддержано

☐ Частично поддержано

☐ Отклонено

2. Укажите срок исполнения решения, принятого по итогам рассмотрения Вашего обращения, либо поставьте "Форм не определены", если решение не содержит планируемый срок исполнения

Срок исполнения: в формате ДД.ММ.ГГГГ

17.05.2017

☐ Срок не определен

Примечание: Если решение не содержит точного срока исполнения, не детализировано или исполнено в определенном месте, укажите или либо в поле "Срок исполнения решения" укажите последний без уточнения в решении исхода, укажите дату года.

3. Исполнено ли решение, принятое по итогам рассмотрения Вашего обращения?

☒ Меры приняты

☐ Меры принимаются (срок продлен)

☐ Меры на приняты (срок нарушен)

Укажите новый срок

Отправить

Общая информация

Подать обращение

Ход рассмотрения

График приема граждан

Организация личных приемов и место их проведения

Скачать запись на личный прием

Нормативные документы

Обзор обращений

Дать Конституции Российской Федерации

Онлайн-оценка качества ответа на обращение

Рис. 2. Пример онлайн-оценки качества ответа на обращение [19]

Данная система позволяет быстро решать проблемы с обращениями населения, использовать новейшие технологии, упрощает и сокращает сроки исполнения обращений. На местном уровне эта система нашла широкое применение, так, на сайтах муниципальных образований предоставляется «обратная связь» с населением, создаются сайты и порталы по предоставлению электронных муниципальных услуг.

В Администрации Томской области, в органах местного самоуправления созданы необходимые условия для реализации права граждан на обращение. Однако продолжает сохраняться тенденция, когда жители области обращаются с жалобами и заявлениями в различные инстанции без учета их полномочий и компетенции. При этом значительная часть авторов не обращалась ранее со своими проблемами в соответствующие структуры по месту жительства. Число таких обращений продолжает увеличиваться.

Так, из Администрации Президента Российской Федерации в 2015 г. было перенаправлено для рассмотрения в Администрацию Томской области 3 250 обращений, из Аппарата Правительства

Российской Федерации, министерств и ведомств – 355, от депутатов всех уровней – 422 обращения. В 2016 г. таких обращений стало меньше. Вместе с тем эта тенденция наблюдается не по всем тематическим направлениям [18].

Регистрация обращений занимает немаловажное место в работе отдела. Ежедневно на регистрацию поступают 30–40 обращений. В первую очередь в начале рабочего дня специалист, отвечающий за регистрацию, обязан рассортировать поступившие обращения и зарегистрировать те, которые, поступили из Администрации Президента, так как они носят особо значимый характер.

Обращения, по которым Администрация Президента требует предоставить дополнительные сведения для рассмотрения в течение 15 дней, обязательно ставятся на контроль в Администрации области. На обращения такого характера Администрация Президента дает ответ заявителю самостоятельно. Все данные по регистрируемому обращению заносятся в программу КИС (корпоративная информационная система). В журнале учета обращений за текущий год, который ведется в программе McExcel, указываются только номер по порядку с начала календарного года, автор обращения и примечание. Для удобства поиска обращений на каждого отдельного автора заводится отдельное дело. Кроме того, в электронном журнале присутствуют ссылки на папки, в которые помещаются отсканированное обращение, конверт (если он имеется), поручение, извещение, переписка между исполнителями, ответ в адрес заявителя или лица, запросившего информацию.

Завершающим этапом регистрации является присвоение индекса, состоящего из первой буквы фамилии заявителя и порядкового номера с начала года (например, Н-2894). Если обращение коллективное, то индекс выглядит следующим образом: КОЛ-7843, при анонимном обращении: АН-287.

Номера обращений, подлежащих контролю, помечаются красным цветом в журнале, на деле рядом с индексом ставится буква «К». Все регистрируемые обращения подлежат обязательному сканированию и помещаются в папку с присвоенным индексом [15].

Если в обращении содержатся вопросы, решение которых не входит в компетенцию Администрации, специалисты отдела пересылают его в течение семи дней в компетентный орган. Автору документа отправляется уведомление о перенаправлении жалобы, предложения или заявления.

На обращения, поступающие из Администрации Президента, за исключением 15-дневных, и на обращения, поступающие на сайт Администрации Томской области, заводится личный кабинет, для того чтобы заявитель и Администрация Президента смогли отслеживать движение обращения. В личный кабинет вводятся регистрационные данные, данные исполнителя, если обращение ставится на контроль – данные по ответу (дата и исходящий номер) [Там же].

Для удобства классификации обращений существует «Тематический классификатор обращений и запросов граждан, организаций и общественных объединений управления Президента РФ по работе с об-

ращениями граждан и организаций», который периодически обновляется. Классификатор разделен на вопросы и подвопросы с присвоением условных обозначений или индексов.

После регистрации обращения поступают к руководителю отдела по работе с обращениями граждан, который выделяет ключевые моменты в обращении и готовит проект поручения (резолуцию), а при необходимости – сопроводительное письмо о перенаправлении обращения. В поручении содержится следующая информация: какому исполнителю, по какому вопросу следует направить поступившее заявление, предложение или жалобу.

В конце рабочего дня все поручения подписываются управляющим делами либо Губернатором, происходит распределение обращений на контрольные и бесконтрольные. В программе КИС фиксируются все этапы работы с обращением на стадии контроля исполнения, можно выяснить, у какого исполнителя в данное время находится документ, как по нему ведется работа.

В обязанность ведущего специалиста отдела по работе с обращениями граждан входит напоминание исполнителям о сроках предоставления ответов на обращения. Если обращение рассматривается несколькими исполнителями, в поручении назначается ответственный исполнитель, определяющий порядок и сроки подготовки ответа на обращение, контроль и правильность подготовки материалов. Он формирует окончательный ответ по обращению.

Так, в 2011 г. в администрацию области поступило в письменной и электронной форме 6 325 обращений, в 2012 г. – 6 733, в 2014 г. – 7 420, в 2015 г. – 8 180 обращений. Анализируя данные показатели, можно отметить следующее: увеличение обращений в 2012 г. выросло на 687 по сравнению с 2011 г., подобный показатель наблюдается в 2015 г. (рост на 606 обращений в сравнении с 2014 г.). В тоже время граждане в 2016 г. стали обращаться меньше, чем в 2015 г. 8 165 (на 15 обращений меньше). Сложно объяснить последние изменения, это требует серьезной аналитической работы.

Т а б л и ц а 1
Обращения граждан в администрацию Томской области [20]

Всего обращений	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
В письменной и электронной форме	6 325	6 733	7 420	7 574	8 180	8 165

Анализируя данные табл. 1, можно отметить ежегодный рост обращений в Администрацию Томской области, исключение – 2016 г., когда численный показатель не вырос, а наоборот, сократился на 15 по сравнению с 2015 г. Объяснить данные изменения сложно, поскольку здесь требуется серьезная аналитическая работа.

В процессе рассмотрения обращения исполнитель запрашивает дополнительную информацию в соответствующих органах, приглашает автора обращения на личную беседу, проводит проверку указанных в обращении сведений.

Управляющий делами анализирует информацию о рассмотрении обращения, дает поручение об исполне-

нии действий, определяет вид и порядок привлечения к ответственности, при необходимости ставит обращение на дополнительный контроль, подписывает ответы.

Подготовленные ответы поступают в отдел по работе с обращениями, где проверяется текст, исправляются неточности, возможные ошибки, проверяется правильность оформления документа в целом, и только после этого автору обращения оправляется окончательный ответ.

После отправки ответа автору обращения специалист отдела по работе с обращениями, отвечающий за контроль исполнения, снимает обращение с контроля, на деле заявителя ставится дата отправки ответа или дата списания дела в архив с пометкой «В дело». Дела за текущий и предыдущий годы хранятся непосредственно в отделе, дела более раннего периода хранятся в Администрации в течение пяти лет, затем часть из них уничтожается по решению экспертной проверочной комиссии, часть переходит на государственное хранение в ГАТО (Государственный архив Томской области) [14].

Большое значение в работе с обращениями граждан играет личный прием, который осуществляет непосредственно Губернатор Томской области, его заместителями по графику, утверждаемому управляющим делами Администрации Томской области. Запись на прием осуществляется специалистом отдела по работе с обращениями по телефону. В обязанность сотрудника отдела, отвечающего за личный прием, входит обязательное сопровождение граждан на прием и до выхода из Администрации.

На каждого посетителя, желающего попасть на личный прием, заводится специальная карточка с указанием имени, отчества, фамилии, даты приема, содержится кратко суть вопроса. В карточку заносятся результаты приема заявителя или резолюция ведущего приема лица с поручением соответствующему исполнителю для дальнейших действий.

Если при проведении личного приема посетитель оставил письменное обращение, оно рассматривается в порядке, установленном законодательством. В этом случае в карточке ставится пометка «оставлено обращение» с указанием номера и даты регистрации. Гражданину может быть дан ответ на устное обращение в процессе приема, если вопрос несложный и не требует уточнения.

Так, на личном приеме в прямом эфире на радио и телевидении к Губернатору Томской области его заместителям в 2014 г. обратилось 700 жителей области в 2015 г. – 868, 2016 г. – 800 человек. По этим данным прослеживается темп роста количества обращений, их тематическая направленность (табл. 2).

Таблица 2

**Активность населения по тематическим разделам
за 2013–2016 гг., % [20]**

Содержание вопроса	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Оборона, безопасность, законность	4	4	3	2
Социальная сфера	26	26	29	30
Экономика	16	18	22	26
Государство, общество, политика	16	19	13	12
Жилищно-коммунальная сфера	38	33	33	30

Сотрудники отдела с обращениями граждан проводят серьезную аналитическую работу. По поступившим в отдел обращениям подготавливаются ежеквартальные сведения, включающие количество, характер и ход рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан. По окончании календарного года составляется отчет с аналогичными сведениями. Кроме того, готовятся годовые реестры обращений, содержащие статистические данные (количество обращений и конкретный адресат). Готовят информационно-аналитические справки Губернатору, его заместителям, управляющему делами.

В результате анализа поступающих обращений выявляется круг проблем, жалоб, вопросов, которые чаще всего задают заявители. Самыми актуальными вопросами, по которым обращаются граждане в Администрацию, являются проблемы в области жилищно-коммунального хозяйства, а именно вопросы о предоставлении жилых помещений, ремонта ветхого и расселения аварийного жилья, качества и стоимости услуг в сфере ЖКХ, жалобы на неудовлетворительную работу управляющих компаний (УК), сообщалось о проблемах ТСЖ. Не уменьшается число жалоб в связи с оплатой общедомовых нужд, по формированию фонда капитального ремонта. Если проанализировать данные табл. 1 по тематике ЖКХ, то можно заметить, что по сравнению с 2013 г. в 2016 г. уменьшилось количество обращений. Это связано с углублением диалога представителей власти всех уровней с гражданским обществом по самым актуальным проблемам жизни региона и страны.

Также большое количество обращений касается социальной сферы. Увеличилось число обращений, в которых встречались вопросы труда и занятости населения; жалобы на работу медицинских учреждений. Встречаются обращения об оказании материальной помощи малообеспеченным категориям населения на первоочередные нужды, на ремонт жилых помещений (особенно от проживающих в частных домах и квартирах). Актуальными остаются вопросы организации социального обслуживания одиноких престарелых граждан, инвалидов, вопросы культуры и спорта, дошкольного образования. Вместе с тем сократилось количество обращений по вопросам льготного лекарственного обеспечения, предоставления высокотехнологичной медицинской помощи.

Не уменьшается число обращений по вопросам обеспечения жильем помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Следует отметить, что значительная часть обратившихся, получив жилое помещение, в том числе и во вновь построенных домах, сообщает о его неудовлетворительном состоянии.

Продолжался рост числа обращений от молодых семей, не имеющих реальной возможности улучшить свои жилищные условия, в том числе через участие в действующих на территории области программах. При этом значительная часть обращений в этой части вызвана отсутствием у граждан необходимой информации и тем, что участники программы несвоевременно информируются об изменении условий программы, о порядке оформления соответствующих документов.

В центре внимания продолжают оставаться вопросы долевого строительства, в части нарушения сроков

строительства и ввода в эксплуатацию жилых домов отдельными строительными организациями. Увеличилось в 2016 г. число обращений от граждан, проживающих в ветхом и аварийном жилье. Росло число обращений по вопросам содержания и ремонта дорог, работы общественного транспорта [18].

Представляет интерес и аналитический обзор обращений по районам области, который позволяет выявить наиболее злободневные проблемы в каждом регионе.

Таблица 3

Количество обращений, поступивших в Администрацию Томской области из районов, за 2013–2016 гг.* [20]

Район	2013	2014	2015	2016
Адрес не указан	28	175	182	302
Александровский	18	30	27	26
Асиновский	139	127	171	136
Бакcharский	44	34	49	48
Верхнекетский	62	69	129	143
Зырянский	45	50	52	67
Каргасокский	54	87	115	102
Кедровый	16	31	30	24
Кожениковский	68	108	106	95
Колпашевский	189	194	222	213
Кривошеинский	67	62	48	66
Молчановский	114	82	116	85
Парабельский	49	75	72	61
Первомайский	59	40	77	94
г. Северск	362	392	436	446
г. Стрежевой	106	148	193	181
Тегульдетский	10	27	20	20
г. Томск	4 964	4 719	5 004	4 668
Томский	566	563	560	641
Чайинский	28	36	60	46
Шегарский	102	99	83	114
Другие регионы	330	426	428	587
ИТОГО	7 420	7 574	8 180	8 165

* Составлено автором на основании ежегодных отчетов о рассмотрении обращений граждан.

На основании данных, приведенных в табл. 2 можно сделать следующий вывод: в Администрацию Томской области чаще всего обращаются граждане, проживающие в г. Томске, Томском районе и в г. Северск; также часть обращений поступает из других регионов, и в целом растет количество вопросов, поступающих от населения по всей Томской области. Сотрудники отдела по работе с обращениями в ежегодных отчетах приводят статистические данные по каждому из районов Томской области, содержащие график роста / падения активности населения районов за пять лет, процентное соотношение активности граждан по тематическим разделам (экономика, социальная сфера, общественная и политическая сферы, ЖКХ, оборона и безопасность).

Так, в 2016 г. увеличилось число обращений, в которых встречались вопросы труда и занятости населения. Чаще других эти проблемы освещались в обращениях жителей городов Томска и Северска, Асиновского, Верхнекетского, Каргасокского, Колпашевского, Первомайского и Томского районов. Рост активности населения в 2016 г. наблюдался в Бакcharском, Верхнекетском, Зырянском, Кривошеинском, Первомайском, Томском и Шегарском районах, городе Северске, о чем наглядно свидетельствует количественный рост обращений в органы государственной власти и органы мест-

ного самоуправления. В расчете на 1 тыс. населения наибольшее число обращений поступило от жителей городов Томска, Кедрового, Томского, Верхнекетского и Молчановского районов.

Наблюдался рост количества жалоб на работу медицинских учреждений (Верхнекетский, Колпашевский, Первомайский районы, город Томск), организацию медицинской помощи за пределами места проживания (город Стрежевой). Вместе с тем продолжилось сокращение количества обращений по вопросам льготного лекарственного обеспечения, предоставления высокотехнологичной медицинской помощи.

Аналитические справки позволяют выявить и социальный состав заявителей.

Таблица 4

Количество обращений по социальным группам, поступивших в Администрацию Томской области за 2013–2016 гг. [20]

Социальная группа	2013	2014	2015	2016
Ветераны труда	87	92	183	160
Инвалиды	236	350	452	428
Многодетные семьи	226	283	370	406
Одинокое родители	116	124	170	124
Пенсионеры	433	585	715	672
Предприниматели	130	95	139	96
Работники бюджетной сферы	282	375	360	369
Сироты	н/д	107	125	122
Другие	5 619	5 398	5 489	5 693

Среди социальных категорий населения в Администрацию Томской области чаще всего обращаются: пенсионеры, инвалиды, представители многодетных и неполных семей. В последние годы увеличилось число обращений от граждан, занятых в бюджетной сфере. В 2016 г. меньше стало обращений от предпринимателей и одиноких родителей.

В ходе работы с обращениями сотрудники перенаправляют просьбы граждан в другие организации, к тем должностным лицам, которые компетентны дать профессиональный ответ (3 003 обращения), сами непосредственно выезжают к заявителям (490), принимают решения о наказании виновных или передаче обращений в судебные органы (27).

Таблица 5

Статистика по количеству обращений, принятых к рассмотрению в Администрации Томской области за 2013–2016 гг. [20]

Результат	2013	2014	2015	2016
Виновные наказаны	н/д	70	42	27
Меры приняты	330	260	207	197
Не поддержано	41	7	24	7
Оставлено без ответа	127	38	22	9
Передано в другую организацию	2 820	2 597	2 938	3 003
Поддержано	207	585	434	326
Принято к сведению	429	357	356	185
Разъяснено	3 279	4 520	4 978	5 616
Результат не указан	187	65	260	38
С выездом на место	н/д	1125	630	490
С участием заявителя	н/д	н/д	824	651
Факты не подтвердились	н/д	53	52	31
Факты подтвердились	н/д	100	87	53
Итого решений	н/д	9 777	10 854	10 633
Итого вопросов	н/д	8 169	9 009	9 162
Итого обращений	7420	7 574	8 180	8 165
Из них повторных	н/д	3 179	3 494	3 498

Согласно данным в 2013 г. было поставлено на контроль более 62% обращений. Из них более 80 обращений рассмотрено с нарушением установленных законодательством сроков, не всегда исполнители принимали меры для полного разрешения вопросов, изложенных в обращениях, не все жалобы рассматривались с непосредственным участием заявителей. Также исполнители не всегда полностью аргументировали и поясняли свой ответ при отказе заявителю в решении проблемы и порой забывали уведомлять гражданина о продлении сроков рассмотрения обращения. Данные факторы повлекли за собой появление повторных обращений, за 2013 г. нет данных, а в 2016 г. – 3 498 обращений.

По сравнению с 2013 г. в 2016 г. дано более 10 тысяч поручений, выполнение более 70% из них было взято на контроль. Этому способствовало проведение проверок полноты рассмотрения вопросов, изложенных в обращениях, адекватности принимаемых решений, уточняется мнение заявителя об организации работы с его обращением. Отделом по контролю исполнения комитета по общим вопросам Администрации Томской области проведено более 60 проверочных мероприятий по обращениям, в которых содержались жалобы на действие (бездействие) должностных лиц. Улучшение технических условий позволяет в установленные сроки регистрировать обращения, осуществлять оперативный контроль, направлять заявителям уведомления, извещения, своевременно информировать об итогах рассмотрения.

Анализируя деятельность отдела по работе с обращениями граждан в Администрации Томской области, можно отметить, что сотрудники профессионально, на достаточно высоком уровне ведут работу с такой специфичной документацией. Отрегулирована процедура распределения должностных обязанностей между сотрудниками отдела по работе с личными обращениями граждан в целях предупреждения дублирования операций и оптимизации механизма работы с обращениями граждан на территории Томской

области и за ее пределами. Все заявители получают ответ на свои запросы, своевременно и чаще всего в срок. Регулярно осуществляются проверки полноты рассмотрения вопросов, изложенных в обращениях, адекватности принимаемых решений, уточняется мнение заявителя об организации работы с его обращением.

Следует отметить, что в последнее время в Администрации Томской области наблюдается тенденция к большей автоматизации и ускорению выполнения процедур регистрации, контроля исполнения заявлений, жалоб и предложений граждан. Деятельность сотрудников отдела постоянно совершенствуется в плане оснащения современными информационными технологиями, программными продуктами, что позволяет быстро и профессионально решать вопросы по обращению населения. Выстроена четкая система работы отдела, с помощью которой дополнительно повышается ответственность каждого должностного лица за разрешение обращений в установленные законодательством сроки и за качество предоставленных ответов. Современные технические возможности, используемые в органах управления, повлияли на возникновение новых форм и методов работы с обращениями граждан. Это позволило сделать совершенно новым по форме и содержанию общение власти и населения. Создание интернет-сайтов, общественных и интернет-приемных, «живое» общение в блогах с первыми лицами страны свидетельствует о серьезных преобразованиях в сфере работы с обращениями граждан на современном этапе.

Тем не менее, не смотря на все принимаемые меры, все также остается проблема своевременного ответа на обращения и проблема повторных обращений. Количество обращений в Администрацию Томской области пусть незначительно, но продолжает расти с каждым годом, а самыми волнующими для граждан остаются вопросы в жилищно-коммунальной и социальной сферах, следовательно, в первую очередь необходимо ликвидировать причины, их порождающие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мосягина О.В. Работа с обращениями граждан: организация и технология работы // Справочник секретаря и офис-менеджера. 2003. № 2.
2. Шияневская И.А. Организация работы с обращениями граждан // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2015. № 9.
3. Янковая В.Ф. Организация работы с обращениями граждан: закон есть, но проблемы остаются // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2013. № 12.
4. Храмовская Н.А. Расширение сферы применения Закона об обращениях граждан // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2013. № 7.
5. Ермолаева А.В. Ланденко М. Работа с обращениями граждан в органах государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления // Секретарское дело. 2004. № 12.
6. Кукарина Ю.М., Говорова Р.Т. Особенности организации работы с обращениями граждан в Министерстве образования и науки Российской Федерации // Делопроизводство. 2015. № 3.
7. Фионова Л.Р., Серова И.А. Анализ работы с обращениями граждан в отделе полиции // Делопроизводство. 2015. № 4.
8. Самович Ю.В. Право на обращение в Европейский суд по правам человека : учеб. пособие. М. : РИОР ИНФРА-М, 2012.
9. Андреев М.А. Специфика работы с обращениями граждан к Президенту Российской Федерации // Делопроизводство. 2015. № 4.
10. Ф3 «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» № 59-ФЗ от 02.05.2006 г. URL: <http://letters.kremlin.ru/acts/2.htm> (дата обращения: 09.04.2014).
11. Ф3 «Об основах государственной службы РФ» от 31.07.1995. N 119-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/1995/07/31/Federalnyjzakonot31iulya1995.html> (дата обращения: 04.07.2017).
12. Ф3 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 N 154-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/> (дата обращения: 04.07.2017).
13. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Ф3 О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 07.05.2013 N 80-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145999/ (дата обращения: 04.07.2017).

14. Закон Томской области «Об обращениях граждан в государственные органы Томской области и органы местного самоуправления» от 11 января 2007 г. N 5-ОЗ 28.12.2006 N 3834. URL: <http://base.garant.ru/7806418/> (дата обращения: 04.07.2017).
15. Порядок рассмотрения обращений граждан и организаций в Администрации Томской области от 10 ноября 2014 г. URL: <http://tomsk.gov.ru/ru/dlja-naselenija/obrascheniya-grazhdan/> (дата обращения: 17.07.2017).
16. Постановление Губернатора ТО «Об утверждении Положения о Комитете по общим вопросам Администрации Томской области» от 12.12.2012 N 177. URL: <http://docs.cntd.ru/document/951855650> (дата обращения: 17.07.2017).
17. Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти. URL: http://r02.fssprus.ru/tipovojj_reglament_vnutrennej_organizacii_federalnykh_organov_ispolnitelnoj_vlasti/ (дата обращения: 17.06.2017).
18. Сайт Администрации Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/appeal/front/new>
19. Официальный интернет-портал Администрации Томской области. Томск, 2017. URL: <https://tomsk.gov.ru/appeal/front/evaluation>
20. Текущий архив Администрации Томской области.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 января 2018 г.

TECHNOLOGIES OF WORK WITH CITIZENS' APPEALS TO THE ADMINISTRATION OF TOMSK OBLAST

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 105–112.

DOI: 10.17223/15617793/427/13

Tatiana A. Bykova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bta-tomsk@mail.ru

Keywords: Tomsk Oblast; citizens' appeals; electronic document management; electronic documents; personal appointment; control over appeals.

The aim of the article is to consider citizens' appeals, one of the most significant spheres of the Tomsk Oblast Administration activities. The incoming complaints and proposals show the urgent problems the population of the region face. Rapid response and professional solution of issues are the main tasks of local authorities. The author dwells on the structure and responsibilities of the department that works with this kind of documentation, its normative and methodological bases. It should be noted that the employees work professionally, at a sufficiently high level, with such specific documentation. The distribution of job responsibilities between the employees of the department has been regulated in order to prevent duplication of operations and optimize the mechanism of handling complaints in and beyond the territory of Tomsk Oblast. Appeals are received via several channels: via postal service, e-mail, fax, VipNet (channel for letters coming from the Presidential Administration), in person. Every day, 30–40 applications are received for registration, and the number of appeals via e-mail is growing. The procedures for working with written, oral and electronic appeals have much in common; they still differ in some aspects. The article analyzes in detail all the operations of appeal processing: registration, execution, control over execution, preparation of a reply, etc. There is a special control over appeals addressed to the President of the Russian Federation. After analyzing the activities of the department for working with citizens' appeals, the author notes that the number of appeals is growing every year; there is an increase in repeated appeals. Analysis of appeals identifies the most problematic issues of the recent years. These are issues in the field of housing and utilities sector and the social sphere. The social categories of pensioners, disabled people, representatives of families with many children and single-parent families appeal to the Administration most frequently. The greatest number of appeals (per one thousand people) comes from the inhabitants of Tomsk and Kedrov, of Tomsk, Verkhneketsky and Molchanovo districts. Appeals the department receives are analyzed quarterly concerning the number, nature and course of their processing. At the end of the calendar year, a report is prepared with similar information for the governor and other officials. Based on the identified problems, the employees of the Administration take appropriate measures to resolve, regulate and prevent similar complaints and requests in the future.

REFERENCES

1. Mosyagina, O.V. (2003) Rabota s obrashcheniyami grazhdan: organizatsiya i tekhnologiya raboty [Work with citizens' appeals: organization and technology of work]. *Spravochnik sekretarya i ofis-menedzhera*. 2.
2. Shiyanevskaya, I.A. (2015) Organizatsiya raboty s obrashcheniyami grazhdan [Organization of work with citizens' appeals]. *Sovremennye tekhnologii deloproizvodstva i dokumentooborota*. 9.
3. Yankovaya, V.F. (2013) Organizatsiya raboty s obrashcheniyami grazhdan: zakon est', no problemy ostayutsya [Organization of work with citizens' appeals: there is a law, but problems remain]. *Sovremennye tekhnologii deloproizvodstva i dokumentooborota*. 12.
4. Khramtsovskaya, N.A. (2013) Rasshirenie sfery primeneniya Zakona ob obrashcheniyakh grazhdan [Expansion of the scope of application of the Law on Citizens' Appeals]. *Deloproizvodstvo i dokumentooborot na predpriyatii*. 7.
5. Ermolaeva, A.V. (2004) Landenko M. Rabota s obrashcheniyami grazhdan v organakh gosudarstvennoy vlasti sub'ektov RF i organov mestnogo samoupravleniya [Work with citizens' appeals in state bodies of the RF subjects and local self-government bodies]. *Sekretarskoe delo*. 12.
6. Kukarina, Yu.M. & Govorova, R.T. (2015) Osobennosti organizatsii raboty s obrashcheniyami grazhdan v Ministerstve obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii [Features of the organization of work with citizens' appeals in the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. *Deloproizvodstvo*. 3.
7. Fionova, L.R. & Serova, I.A. (2015) Analiz raboty s obrashcheniyami grazhdan v otdele politzii [Analysis of work with citizens' appeals in the police department]. *Deloproizvodstvo*. 4.
8. Samovich, Yu.V. (2012) *Pravo na obrashchenie v Evropeyskiy sud po pravam cheloveka* [The right to appeal to the European Court of Human Rights]. Moscow: RIOR INFRA-M.
9. Andreev, M.A. (2015) Spetsifika raboty s obrashcheniyami grazhdan k Prezidentu Rossiyskoy Federatsii [Specificity of work with citizens' appeals to the President of the Russian Federation]. *Deloproizvodstvo*. 4.
10. Kremlin.ru. (2006) *On Procedures for Examining Appeals and Addresses from Citizens of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://letters.kremlin.ru/acts/2.htm>. (Accessed: 09.04.2014). (In Russian).
11. Rg.ru. (1995) *Federal Law "On the Principles of Civil Service of the Russian Federation" of 31.07.1995. N 119-FZ*. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/1995/07/31/Federalnyjzakonot31iulya1995.html>. (Accessed: 04.07.2017). (In Russian).
12. Consultant.ru. (2003) *Federal Law "On General Principles of the Organization of Local Government in the Russian Federation" of 06.10.2003 N 154-FZ*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/>. (Accessed: 04.07.2017). (In Russian).
13. Consultant.ru. (2013) *Federal Law "On Amendments to Article 5.59 of the Code of the Russian Federation on Administrative Violations and Articles 1 and 2 of the Federal Law "On the Procedure for Examining Appeals and Addresses from Citizens of the Russian Federation" of 07.05.2013 N 80-FZ*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145999/. (Accessed: 04.07.2017). (In Russian).

14. Garant.ru. (2007) *The Law of Tomsk Oblast "On Appeals of Citizens to State Bodies of Tomsk Oblast and Local Government Bodies" of January 11, 2007 N 5-OZ 28.12.2006 N 3834*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/7806418/>. (Accessed: 04.07.2017). (In Russian).
15. Tomsk.gov.ru. (2014) *The procedure for examining appeals and addresses from citizens and organizations in the Administration of Tomsk Oblast of November 10, 2014*. [Online] Available from: <http://tomsk.gov.ru/ru/dlja-naselenija/obrascheniya-grazhdan/>. (Accessed: 17.07.2017). (In Russian).
16. Cntd.ru. (2012) *Decree of the Governor of Tomsk Oblast "On approval of the Regulations on the Committee for General Affairs of the Administration of Tomsk Oblast" of 12.12.2012 N 177*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/951855650>. (Accessed: 17.07.2017). (In Russian).
17. R02.fssprus.ru. (2005) *Model regulations of the internal organization of federal executive bodies*. [Online] Available from: http://r02.fssprus.ru/tipovojj_reglament_vnutrennej_organizacii_federalnykh_organov_ispolnitelnoj_vlasti/. (Accessed: 17.06.2017). (In Russian).
18. The site of the Administration of Tomsk Oblast. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/appeal/front/new>. (In Russian).
19. The official Internet portal of the Administration of Tomsk Oblast. (2017). [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/appeal/front/evaluation>. (In Russian).
20. Current Archive of the Administration of Tomsk Oblast. (In Russian).

Received: 29 January 2018

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В СОВЕТСКОМ ВУЗЕ НА ДОВОЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СССР (1929–1941 гг.): МАТЕРИАЛЬНОЕ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

Анализируется практика материального и нематериального стимулирования деятельности трудящихся в рамках соцсоревнования в советском вузе 1929–1941 гг. Под трудящимися здесь и далее понимаются в том числе и учащиеся советских вузов. Рассматриваются основные способы и формы стимулирования участников соцсоревнования (прежде всего ударников труда). На основе архивных материалов обосновывается точка зрения о существовании в 1930-е гг. активной практики материального стимулирования трудовой деятельности соревнующихся трудящихся.

Ключевые слова: социалистическое соревнование; материальное и нематериальное стимулирование; мотивация труда; советский вуз; ударничество.

Одним из наиболее ярких феноменов Советского государства и общества по праву можно считать такое явление советской действительности, как социалистическое соревнование. Идея состязательности, развившаяся в соперничестве между предприятиями, учреждениями и организациями, между коллективами и отдельными трудящимися, глубоко прижилась в системе социально-трудовых отношений СССР.

Впервые развернувшись в хозяйственной сфере, движение соцсоревнования со временем распространилось и на другие области человеческой жизнедеятельности, способствуя тем самым вовлечению все больших слоев общества и популяризации явления. Тенденция постепенно нарастающей диффузии идеи состязательности довольно скоро переместилась также и на культурно-образовательные рубежи, а именно на существующую систему высших учебных заведений СССР.

Под **социалистическим соревнованием в широком смысле** предлагается понимать явление и форму трудовой деятельности, направленной на достижение максимально возможных количественных и качественных показателей в сфере материального и нематериального (духовного) производства, выражающейся в соперничестве предприятий, учреждений, организаций, коллективов и отдельных трудящихся. В узком смысле соцсоревнование рассматривается как движение трудящихся за наивысшие достижения в производстве материальных и духовных благ, выражающееся в форме заключения социалистического договора между соревнующимися сторонами либо индивидуально. Соотношение понятия «соцсоревнование» как в широком, так и в узком смыслах будет применяться здесь соразмерно рассматриваемым аспектам. Кроме того, важно заметить, что соцсоревнование рассматривается автором неразрывно с движением ударничества, определяемого нами как особая форма социалистического соревнования, выражающаяся в движении индивидуальных трудящихся за повышенную производительность труда. Понятия «социалистическое соревнование», «соцсоревнование» и «соревнование» будут использоваться как равнозначные. Под **социалистическим договором** понимается письменное соглашение трудящихся об участии в соцсоревновании, содержащее в себе показатели, по которым должна будет вестись деятельность соревнующихся.

В течение 1930-х гг. в ходе осуществления индустриализации и коллективизации, реализации пятилетних планов развития народного хозяйства, в ходе организации и проведения культурной революции в Советском Союзе, а также строительства и укрепления комплексной системы государственной обороны предельно остро стоял вопрос как подготовки профессиональных кадров, так и выявления потенциально талантливых в той или иной области индивидов.

На этом фоне и происходит значительная активизация соревновательной деятельности вузов, воспринимаемой уже как неотъемлемая составная часть коммунистического воспитания молодежи, как метод стимулирования общественно полезной деятельности трудящихся, способствующий, кроме прочего, выявлению и развитию наиболее перспективных кадров. Постепенно набирает силу мнение, что «социалистическое соревнование и ударничество стали среди студенчества и педагогического персонала естественным и необходимейшим средством повышения качества работы» [1. С. 130].

Соцсоревнование, стремительно развернувшееся в системе высшей школы СССР в 30-е гг., со временем распространилось на все ключевые направления деятельности советских высших учебных заведений: учебную работу и научно-исследовательскую деятельность; общественно-политическую работу, идейно-политическое воспитание и массовую культурную деятельность; военно-оборонную и физкультурную деятельность; материально-бытовую, административно-хозяйственную и финансовую деятельность [2, 3]¹.

В ходе становления и развития соцсоревнования в СССР совершенствовался не только механизм организации и проведения, но вместе с тем развивались также и способы материального и нематериального стимулирования труда.

В условиях осуществления индустриализации и коллективизации, развертывания культурной революции и реализации пятилетних планов развития народного хозяйства в Советском Союзе государство было заинтересовано в повышении количественных и качественных показателей, оптимизации и эффективности труда, подъеме духовного и культурно-эстетического уровня советского общества. Поэтому одним из важнейших вопросов, вставших перед руководством страны, стал вопрос «Как мотивировать советских

граждан к более эффективной трудовой деятельности?».

Для выполнения намеченных планов требовалось проведение массовой идеологической работы среди населения, отдельных его групп; такая работа проводилась и при организации соцсоревнования в советских высших учебных заведениях. Важно отметить, что с точки зрения советской идеологической парадигмы (низложение капиталистического строя и построение коммунистического общества) материальные стимулы не могли встать во главе агитации и пропаганды, поэтому в ходе развертывания соцсоревнования внимание общества намеренно концентрировалось на примерах энтузиазма, трудового подъема советских граждан, коллективов учреждений и предприятий. Таким образом, в авангард выдвинулись методы и формы нематериального стимулирования трудящихся. Безусловно, такая черта была характерна и для советской высшей школы.

В то же время изучение архивных материалов по соцсоревнованию не только не опровергает, но и, напротив, во многом подтверждает тезис об имеющейся активной практике материального стимулирования трудовой деятельности соревнующихся трудящихся (в первую очередь ударников труда). Следовательно, использование нематериальных стимулов в трудовой (соревновательной) деятельности следует рассматривать неделимо от материальных, ведь поведение советского человека определялось перманентным воздействием и тех, и других. Разумеется, что каждый отдельным индивидом приоритеты в каждом конкретном случае могли расставляться по-разному.

В данной статье внимание автора прежде всего сконцентрировано на аспектах материального и нематериального стимулирования деятельности трудящихся. За скобками намеренно остаются такие важные составляющие исследуемой проблематики, как мотивация труда вообще и рассмотрение феномена соцсоревнования с позиций существующих теорий мотиваций.

Далее будет предпринята попытка проанализировать практику материального и нематериального стимулирования деятельности трудящихся в рамках соцсоревнования в советских высших учебных заведениях 1929–1941 гг. Для удобства восприятия и изложения предлагается первоначально обратить внимание на ключевые элементы **материального стимулирования трудящихся**.

На довоенном этапе развития соцсоревнования в СССР имело место **денежное премирование** ударников / соревнующихся как из среды профессорско-преподавательского состава и административно-технического персонала, так и из кругов студенчества и молодых научных работников.

Так, в период 1933/34 учебного года за высокое качество педагогического процесса и учебной работы, ценную научно-исследовательскую деятельность, за активную общественную работу и участие в жизни вуза, за образцовые показатели в труде были премированы ударники из числа профессорско-преподавательского состава Горьковского мединститута (ГМИ). Величина премии составила от 30 до 200 руб.

на человека [4. Л. 33–35]. В том же году постановлением Президиума краевого исполкома к XVI годовщине Октября 10 лучших ударников-профессоров ГМИ получили по 500 руб. каждый [Там же. Л. 44]. Интересным представляется тот факт, что в этом же институте существовала практика премирования лучших студенток-ударниц к 8 марта (дополнительно к стипендии выплачивалась премия в 35–40 руб.) [Там же. Л. 49].

Кроме того существовали и другие способы денежного поощрения соревнующихся студентов. Так, по линии дирекции Горьковского госуниверситета выделялись единовременные пособия студентам, ведущим работу по оказанию взаимопомощи отстающим; также для некоторой части из них был увеличен размер стипендии [5. Л. 10].

При реализации отдельных форм соцсоревнования в советских вузах 30-х гг. мог выделяться *премиальный фонд для поощрения лучших* в той или иной деятельности.

К примеру Горьковский госуниверситет, реализуя план намеченных мероприятий по 3-му Всесоюзному соревнованию вузов, втузов и техникумов, выделил:

1) премиальный фонд в 500 руб. на проведение через профком ряда конкурсов по разным видам самостоятельной работы студентов (конкурс на лучшую запись и конспект лекции, конкурсы на лучший письменный реферат, лучший доклад в кружке, лучшую работу по иностранному языку и др.) [Там же. Л. 136];

2) премиальный фонд в размере 3 000 руб. – для конкурса на лучшее общежитие, лучшую комнату, лучшее в быту и культуре студента [Там же. Л. 141].

Приказом директора Горьковского мединститута от 25/XII 1937 г., «в целях стимулирования социалистического соревнования за высокие показатели в предстоящей экзаменационной сессии и в целях повышения отличничества», были установлены две премии группам за лучшие показатели в учебе и общественной работе: 1-я премия составила 500 руб., 2-я – 300 руб. При этом оговаривалось, что группа может быть признана лучшей на курсе и получить премию только в том случае, если все студенты группы (кроме отсутствующих по уважительным причинам) успешно сдадут все экзамены в установленные сроки, если группа будет активно участвовать в общественной работе и если, начиная с 25 декабря 1937 г., группа не будет иметь в течение предэкзаменационного периода пропусков лекций и практических занятий по неуважительным причинам [4. Л. 97].

Ударники / соревнующиеся имели некоторые **преимущества в материально-бытовой сфере**. В 30-е гг. в советских вузах существовала следующая практика поощрения:

1. Дополнительное питание и сниженные цены для ударников в университетских столовых. В Горьковском медицинском институте была своя студенческая столовая, обслуживающая до 900 человек. На период 1934/35 учебного года стоимость обедов ударников составляла 1 руб. 19 коп., а не ударника – 1 руб. 34 коп. Более того, в декабре 1934 г. дирекция института обязалась провести снижение стоимости обеда ударника до 1 руб. 14 коп., а не ударникам – до 1 руб.

23 коп., а кроме того ещё и увеличить калорийность обедов с 950 до 1 500 ккал [4. Л. 57].

С января 1933 г. в Горьковском госуниверситете была организована собственная столовая², рассчитанная на 275 человек. Преимущественным питанием (дополнительный отпуск хлеба и удвоенное второе блюдо) пользовались 50 человек – ударники и партийно-комсомольские тысячники. В целом в указанный период происходит повышение качества обедов, студенты получают возможность питаться в столовой два раза в день (завтрак и обед) [5. Л. 8]. Стоит добавить, что в столовой для ударников имелись отдельные столы, существовала практика выдачи им 3-го бесплатного блюда [Там же. Л. 151].

II. Преимущественное материальное снабжение ударников и лучшее обеспечение жилищных условий. Горьковским госуниверситетом, в ходе Всесоюзного соревнования вузов 1932/33 учебного года, была организована помощь своим студентам, в первую очередь ударникам, в получении личного постельного белья «путем приобретения бельёвого материала, а затем изготовления из него простыней и раздачи студентам на льготных началах» [Там же. Л. 150]; преимущественное снабжение ударников-студентов также осуществлялось по линии раздачи ордеров на одежду и обувь [Там же. Л. 8].

Схожие способы стимулирования-поощрения участников соцсоревнования имели место и в других горьковских вузах. Так, студенты-ударники Горьковского индустриального института получали лучшие постельные принадлежности [6. Л. 5]. А по плану работы Горьковского сельскохозяйственного института на II семестр 1934/35 учебного года было принято решение «при перераспределении студентов по общежитиям студентам-дипломантам VIII и IX семестров и студентам-ударникам остальных семестров обеспечить лучшие жилищные условия» [7. Л. 2].

В советском вузе ударники / соревнующиеся также имели **преимущества в удовлетворении культурно-эстетических нужд**. Так, для ударников-студентов Горьковского мединститута [4. Л. 59] и Горьковского госуниверситета [5. Л. 122] были закуплены постоянные места в ложах Гортеатра на все постановки. Руководство Горьковского индустриального института в 1937/38 учебном году решило организовать для отличников и ударников учёбы иногородние экскурсии [8. Л. 6].

Стоит отметить, что развертывание соревнования в вузе, порой, предоставляло дополнительные возможности удовлетворения культурно-эстетических потребностей не только ударников, но и не соревнующихся студентов. Например, Горьковский сельскохозяйственный институт, включившись в производственный поход имени VII Съезда Советов, обязался «для обеспечения культурного роста студентов организовать: выписку газеты или журнала на каждого студента и преподавателя, провести не менее 20 организованных посещений театра, 10 посещений музеев, 10 посещений заводов города, устроить не менее как трижды за год в каждой группе (всего 33) литературных чтоток новейших произведений литературы, договорившись и установив шефство над своей группой одного из краевых писателей» [9. Л. 20].

Бесспорно то, что помимо всех вышеназванных существовали и многие другие способы поощрения отличившихся ударников и простых участников соцсоревнования. Вот те небольшие дополнения, которые ни в коем случае не хотелось бы упускать из виду.

Так, по содоговору Горьковского индустриального института с Горьковским институтом инженеров водного транспорта и Горьковским инженерно-строительным институтом было принято решение³ *при распределении путевок в дома отдыха в первую очередь удовлетворять отличников и ударников учёбы*, успешно сочетающих академическую учёбу с активной общественной работой [8. Л. 6].

В некоторых вузах «энтузиастов» и лучших участников соцсоревнования / ударничества из числа профессорско-преподавательского состава, административно-технического персонала и из кругов молодых научных работников награждали научной командировкой, путёвкой на курорт или поездкой в дом отдыха (см. таблицу⁴).

Список премированных ударников Горьковского мединститута в 1933 г.

За проявленный энтузиазм в социалистическом соревновании и ударничестве, обеспечивающим успешную реализацию постановления ЦИК СССР о высшей школе, награждаются:	
Профессора Иост В.И., Рыбаков И.М.	Званием ударника социалистического труда и научной командировкой
Профессора Супоницкая С.И., Гаркави Х.И., Скундина С.И.	Званием ударника социалистического труда и путёвкой на курорт
Ассистенты Слесарева А.И., Елкин И.И., Кожевников Л.И.	Званием ударника социалистического труда и научной командировкой
Приват-доцент Чумаков Н.Н. и лаборант Наживина Е.В.	Званием ударника социалистического труда и домом отдыха
Профессор Черепашин Г.К., доцент Шайкевич А.Г., аспиранты Горбунова А.А. и Лаптев И.И., ассистент Зингерман Л.С.	Званием ударника социалистического труда и грамотой ударника
Кафедры хирургии, морфологии, патологической физиологии, биохимии, внутренних болезней	Званием ударной кафедры

Не случайно, что руководство советского института зачастую старалось выявить среди студентов факультетов успевающих, имеющих склонность к научной работе, изобретениям, ударников, людей с большими организаторскими способностями и другими дарованиями, чтобы в дальнейшем обеспечить их продвижение и создание необходимых условий роста [9. Л. 20].

Важно отметить, что для студентов-отличников, как соревнующихся, так и не соревнующихся, старались создать оптимальные условия в учебной и научно-исследовательской работе на кафедре (обеспечение дополнительной литературой, индивидуальные консультации, вовлечение в научные общества и кружки и др.) [4. Л. 72–73].

Среди **основных методов нематериального стимулирования** трудящихся в ходе развертывания соревнования в советской высшей школе следует назвать следующие:

1. Публичное признание или порицание с использованием СМИ и СМГ⁵. При изучении соцсоревнования в

целом и феномена соревнования в высших учебных заведениях в частности важно понимать, что в условиях советской действительности исследуемого периода существующие на тот момент информационные технологии, средства трансляции и способы презентации имели сильнейший суггестивный эффект как на сознание отдельного индивида, так и на общественное сознание.

Наиболее распространенными способами нематериального стимулирования через средства массовой информации и средства массовой презентации были:

1) *Освещение деятельности и достижений участников соцсоревнования через факультетскую и общеинститутскую, городскую и краевую (областную, республиканскую) прессу, через стенгазеты и бюллетени по соревнованию.* Так, например, ударники-студенты Горьковского химико-технологического института через общеинститутскую газету и стенгазеты сообщали о тех методах, которые они применяли в своей учебной работе; список отличившихся соревнующихся вывешивался на видном месте в институте [6. Л. 6]. В Горьковском госуниверситете деятельность соревнующихся систематически освещалась в университетской газете «За научные пролетарские кадры», работа отдельных ударников освещалась в краевой прессе, а сами участники соцсоревнования «были показаны в выставке показателей работы университета к 1 мая» [5. Л. 10].

2) *Демонстрация индивидуальных, групповых (коллективных) результатов соцсоревнования на «красных» и «чёрных» досках, специальных досках по социалистическому соревнованию в учебных заведениях и общежитиях.* В частности, на факультетах Горьковского сельскохозяйственного института существовала практика организации специальных досок по соцсоревнованию [9. Л. 20–21]. Директор Горьковского мединститута поручал завхозу «заготовить хорошо оформленные и застекленные курсовые доски соцсоревнования, которые должны были быть вывешены на видных местах: главном здании, с показателями экзаменов и портретами лучших студентов Мединститута» [4. Л. 97].

Представляются любопытными сведения по социалистическим обязательствам Казанского госуниверситета в борьбе за первенство во 2-м туре соцсоревнования вузов, втузов, техникумов и рабфаков ТАССР 1933/34 учебного года: помимо издания бюллетеня хода соревнования в отдельных учебных заведениях и Татарии в целом, казанский вуз обязался завести Всетатарскую красную книгу лучших ударников соревнования – профессоров, научных работников, студентов и отдельных учебных заведений [5. Л. 77].

II. Присуждение памятных наград, званий и отличий. В данной работе уже приводился пример (см. таблицу) с присуждением почётных званий и отличий (Ударник социалистического труда, ударная кафедра) и памятных наград (грамота ударника). Разумеется, данный перечень не является полным.

Также в определенных случаях следует рассматривать целостно во взаимосвязи с соцсоревнованием такое явление советской действительности, как сдача норм на значки ГТО, ГСО, ПВХО, «Ворошиловский стрелок» и др. Так, в ходе соцсоревнования советские высшие учебные заведения брали на себя обязательства к назначенному сроку подготовить определенное число значков того или иного комплекса той или иной степени.

Отдельной строкой в историю соцсоревнования был вписан опыт присуждения переходящего Красного знамени лучшим коллективам трудящихся.

Краевое (областное, республиканское) переходящее Красное знамя вручалось лучшему учебному заведению в системе региональной высшей школы⁶. Такая же практика сложилась и на городском межвузовском уровне.

В целях стимулирования соцсоревнования среди студенчества за высокие показатели, например в предстоящей экзаменационной сессии, а также руководствуясь задачами по повышению уровня систематического отличничества, дирекции вузов, как правило, устанавливали общеинститутское⁷ и факультетские⁸ переходящие Красные знамёна. Как на вузовском, так и на факультетском уровнях существовал определенный набор требований к соревнующимся кандидатам. Так, во второй половине 30-х гг. в Горьковском мединституте ключевым условием, но далеко не единственным, было то, что переходящее знамя того или иного факультета мог получить только тот курс, который по результатам экзаменов имел бы не менее 15% отличных оценок [4. Л. 97].

Профессорско-преподавательский состав и административно-технический персонал, молодые научные работники также включались в соревнование за переходящее Красное знамя, однако уже по своим показателям, если можно так выразиться, состязались в своей «весовой категории» в среде определенного коллектива (кафедра, бухгалтерского, канцелярского и т.д.).

В дополнение к сказанному отметим также, что открытым остается вопрос о роли и эффекте психологического воздействия на сознание и поведение соревнующихся трудящихся таких актов, как участие в совместных заседаниях (скажем, ударной бригады) или организованных слётах ударников / соревнующихся, таких как «командировочные поездки»⁹ участников соревнования и т.п.

Таким образом, в ходе становления и развития социалистического соревнования в советском вузе permanently использовались как материальные, так и нематериальные стимулы, воздействие которых следует рассматривать целостно, а не в отрыве друг от друга. Проведенный анализ архивных материалов по соцсоревнованию не только не опровергает, но и, напротив, во многом подтверждает тезис об имеющейся активной практике материального стимулирования трудовой деятельности соревнующихся трудящихся (в первую очередь ударников труда).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Зверев Р.Ю. Социалистическое соревнование в советском вузе на довоенном этапе развития СССР (1929–1941 гг.): основные направления и показатели деятельности [2]. Феномену соцсоревнования в советском вузе также посвящена статья С.А. Курасова [3].

² До этого студенты питались в столовых четырех учебных заведений, обед получали один раз в день при наличии больших очередей.

³ В рамках межвузовского соцсоревнования в период с октября 1937 г. по октябрь 1938 г.

⁴ Составлена по Выписке из Приказа № 29 от 17/III 1933 г. и Выписке из Приказа № 92 от 14/IX 1933 г. Кроме прочего на основании постановления общего собрания студенчества, профессорско-преподавательского состава и административно-технического персонала было принято решение премировать путевкой на курорт всесоюзного назначения Директора института С.А. Чеснокова [4. Л. 31].

⁵ Средств массовой информации и средств массовой презентации.

⁶ В том числе по результатам краевого (областного, республиканского) соревнования вузов, втузов, техникумов и рабфаков.

⁷ Присуждалось лучшему по результатам экзаменов и общественной работе факультету.

⁸ Присуждалось лучшему курсу на факультете.

⁹ Под «командировочными поездками» понимаются как поездки ударников / соревнующихся разных учреждений друг к другу с целью обмена опытом, так и поездки представителей проверяющей условия выполнения соцдоговора стороны к принимающему оппоненту по соревнованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Университеты и научные учреждения / ред. кол.: Р.И. Белкин, Г.И. Бройдо, Х.З. Габидуллин и др. ; Наркомпрос РСФСР. 2-е изд. М. ; Л. : Обедин. науч.-техн. изд-во, 1935.
2. Зверев Р.Ю. Социалистическое соревнование в советском вузе на довоенном этапе развития СССР (1929–1941 гг.): основные направления и показатели деятельности // Наука. Мысль. 2016. № 10. С. 7–23.
3. Курасов С.А. Социалистическое соревнование как способ организации повседневной жизни советских вузов (на материалах Владимирской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–3. С. 96–100.
4. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2533. Оп. 2. Д. 25.
5. ЦАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 30.
6. ЦАНО. Ф. 2464. Оп. 4. Д. 85.
7. ЦАНО. Ф. 2375. Оп. 2. Д. 8.
8. ЦАНО. Ф. 2464. Оп. 4. Д. 310.
9. ЦАНО. Ф. 2375. Оп. 1. Д. 81.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 августа 2017 г.

SOCIALIST COMPETITION IN SOVIET UNIVERSITIES IN THE PRE-WAR PERIOD OF THE USSR (1929–1941): FINANCIAL AND NON-FINANCIAL INCENTIVES OF LABOR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 113–117.

DOI: 10.17223/15617793/427/14

Roman Yu. Zverev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: zverev_ry@mail.ru

Keywords: socialist competition; sotssoversnovanie; financial and non-financial incentives; motivation; soviet university; udarnik.

The article analyzes the use of financial and non-financial incentives in labor activity in the context of socialist competition in Soviet universities in the pre-war period of the USSR development (1929–1941). The author attempts to examine the main methods and forms of stimulation of socialist competition participants (primarily udarniks [highly productive workers] of labor). A comprehensive analysis of archival materials gives arguments proving the active practice of financial stimulation of socialist competition participants in the 1930s. According to the author's opinion, financial and non-financial incentives should be considered in a holistic way, and not in isolation from each other, since the behavior of the Soviet person was determined by the permanent influence of the both. The main forms of financial incentives were cash bonuses and bonus funds to encourage the best in a particular activity. In addition, in the context of socialist competition in Soviet universities in the given period, the article analyzes the advantages/privileges of socialist competition udarniks/participants in the living sphere (additional food and reduced prices in university canteens, preferential material supply of udarniks and better housing conditions) and advantages in satisfying cultural and aesthetic needs. The main forms of non-financial incentives were: 1) public acceptance or censure via the media and mass presentation tools (the media coverage of activities and achievements of socialist competition participants in the faculty, institute, city and regional press, in wall newspapers and newsletters of socialist competition; visual presentation of individual and collective results of socialist competition on the “red” and “black” boards, special boards for socialist competition in universities and hostels); 2) granting commemorative awards, titles and badges of merit. The author concludes that in the course of the formation and development of socialist competition in the pre-war period of the USSR development (1929–1941), both financial and non-financial incentives were permanently used in the Soviet university, the impact of which should be considered holistically. Arguments also prove that financial stimulation of socialist competition participants was a common practice.

REFERENCES

1. Belkin, R.I. et al. (eds) (1935) *Universitety i nauchnye uchrezhdeniya* [Universities and research institutions]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: Ob"edin. nauch.-tekhn. izd-vo.
2. Zverev, R.Yu. (2016) Sotsialisticheskoe sorevnovanie v sovetskom vuze na dovoennom etape razvitiya SSSR (1929–1941 gg.): osnovnye napravleniya i pokazateli deyatel'nosti [Socialist competition in the Soviet university in the pre-war stage of the USSR development (1929–1941): The main directions and performance indicators]. *Nauka. Mysl'*. 10. pp. 7–23.
3. Kurasov, S.A. (2015) Socialist competition as way of everyday life organization of the Soviet higher education establishments (by the materials of Vladimir region). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3–3. pp. 96–100. (In Russian).
4. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 2533. List 2. File 25. (In Russian).
5. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 377. List 7. File 30. (In Russian).
6. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 2464. List 4. File 85. (In Russian).
7. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 2375. List 2. File 8. (In Russian).
8. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 2464. List 4. File 310. (In Russian).
9. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 2375. List 1. File 81. (In Russian).

Received: 22 August 2017

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.

Рассматривается региональная политика империи в Казахской степи, изучаются мнения чиновников различного ранга по ее совершенствованию. Структурно-системный метод изучения источников позволил автору очертить контуры правительственной политики, исследовать генезис взглядов чиновников различного ранга на развитие казахского общества, на совершенствование административной политики после введения реформы 1844 г. Метод помог раскрыть слабые стороны в законе, выявить предложения по совершенствованию управления Казахской степью и проследить реализацию данных предложений.

Ключевые слова: Казахская степь Оренбургского ведомства; реформа; Н.И. Любимов; М. Ладыженский; Ф.М. Лазаревский; региональная политика; Российская империя.

Территориальное расширение Российской империи в XVIII–XIX вв. поставило на повестку дня вопрос сохранения единого политического, социально-экономического и правового пространства государства. Административная политика Российской империи на окраинах имела как специфические, так и общие принципы. Эти принципы вырабатывались общим ходом исторического развития государства и приобретаемого им опыта строительства многонационального, поликонфессионального государства.

Включение в состав империи разных социокультурных обществ, в нашем случае – казахов Младшего жуза, требовало от центра единообразия административного управления и унификации правовых норм. Но решение данного вопроса столкнулось на местах с серьезными проблемами, среди которых были нехватка кадров, слабая изученность края, отсутствие полной информации об обычном праве казахов.

В первой половине XIX в. оренбургская администрация активно обсуждала вопрос эффективного управления кочевым населением Казахской степи, создания административно-территориальной модели, не производя коренного изменения. После проведения «Положения об управлении оренбургскими киргизами (казахами. – Г.Б.)» 1844 г., которое было введено в виде опыта на 5 лет, активно обсуждался вопрос дальнейшего совершенствования отдельных статей этого закона в стенах Оренбургской пограничной комиссии (ОПК), в канцелярии военного губернатора, в кабинетах МИД.

Руководитель МИД К.В. Нессельроде в письме к новому председателю ОПК М.В. Ладыженскому (1844–1854) так определил цели данной реформы: «...во-первых, привести в лучшее устройство самое управление в Орде, не делая, однако же, коренного преобразования, а оставляя тот же порядок, какой до сего был, в главных его основаниях; во-вторых, дать Оренбургской пограничной комиссии заведующей сими киргизами, большие средства для наблюдения за успешнейшим течением всех дел по Пограничному управлению» [1. Л. 103 об.; 2. Л. 51 об.]. Созданная Оренбургской администрацией модель административно-правового управления казахами была более гибкой, чем в других окраинах империи. Правительственный курс на политику в Казахской степи не всегда был отражением общих принципов, зачастую он зависел от личных взглядов администраторов регио-

на, председателя и чиновников Оренбургской пограничной комиссии.

В данной статье речь пойдет о взглядах вице-директора Азиатского департамента Н.И. Любимова (директор с 1852 по 1856 г.), председателя ОПК М.В. Ладыженского (1844–1854), чиновника особых поручений при председателе ОПК Ф.М. Лазаревского (1848–1854) на политику империи в регионе. На основе их докладных записок будет рассмотрен взгляд чиновников на совершенствование административной политики в Казахской степи.

Эти личности имели прямое отношение к Казахской степи. Вице-директор Азиатского департамента, действительный статский советник Николай Иванович Любимов¹ был представителем того учреждения, которое непосредственно определяло и отвечало за политику в этом регионе. Проведя весну и начало лета 1846 г. среди казахов, Н.И. Любимов изучил положение дел в Казахской степи после введения реформы 1844 г., увидел трудности. Он, проехав по Оренбургской линии, беседуя с султанами-правителями Орды, собрал материал о мнении представителей казахской элиты о статьях реформы 1844 г., о ее упущениях и т.д. 25 июня 1846 г. в Петербурге Н.И. Любимов представил управляющему МИД Л.Г. Сеньявину свое видение о степи. «Докладная записка чиновника Любимова, управляющему МИД относительно некоторых вопросов государственного управления у казахов Оренбургского ведомства» является результатом его поездки.

Михаил Васильевич Ладыженский прослужил долгое время в Казахской степи. В апреле 1838 г. был назначен офицером для особых поручений при командире Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанте князе П.Д. Горчакове. 23 июля 1838 г. назначен исправляющим должность пограничного начальника сибирских казахов. 3 мая 1844 г. был произведен в генерал-майоры с назначением председателем ОПК, т.е. он был непосредственным руководителем учреждения, которое определяло и проводило в жизнь региональную политику Российской империи в Казахской степи.

Чиновник особых поручений при председателе ОПК Федор Матвеевич Лазаревский, проведя 1,5 года в командировке в казахской степи, живя среди кочевого народа, в 1852 г. представил «Записку о состоянии Западной части Орды и Уральской линии» [4]. Он

изучил быт, обычное право номадов, родоплеменной состав казахов Младшего жуза. В своей работе Лазаревский поднимал злободневные вопросы, на которые должна была обратить ОПК, и искал выходы из сложного положения.

Таким образом, изучение позиций и взглядов чиновников, непосредственно реализовавших политику империи в Казахской степи, обзор неосуществленных проектов помогут нам оценить их роль и рассмотреть, насколько активной и напряженной была работа по дальнейшему совершенствованию правительственной политики в крае.

Основным органом, отвечавшим за политику в Казахской степи, была Оренбургская пограничная комиссия. Чиновники ОПК не раз обращали внимание на ее неустроенность. В 1820 г., приступив к должности председателя ОПК, В. Тимковский раскритиковал положение дел в комиссии, ее сотрудников назвал «людьми без образования, стесненными в содержании, скудными духом, более или менее замаранными хищением баранов...» [5. Л. 12]. Пограничная комиссия, по словам В.Ф. Тимковского, представляла собой «расправу, съезжую избу, некоторого рода Банк», в большем неустройстве и безобразии. Комиссия предстала перед новым председателем как «чуждое учреждение, без твердого основания, без точных положительных правил, без определенных отношений к местам и лицам», которая занималась только разбором ссор, драк, делами, касающимися кражи, перехода кочевников за р. Урал.

На неустроенность архива учреждения, на недостаток в организации делопроизводства обращали внимания и другие сотрудники ОПК. Ф.М. Лазаревский указывал на необходимость составления свода постановлений МИД, главных начальников края, касающихся всех вопросов относительно казахов Оренбургского ведомства. Он писал, что необходимо собрать все постановления хотя бы с 1824 г., так как они рассеяны в различных делах Пограничной комиссии и канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. «Они не могут быть удержаны все в памяти, а для чиновника нового, желающего изучить их, труд этот едва ли доступен, между тем от незнания их могут случаться повторения, противоречия и ошибки в распоряжениях», — писал чиновник [4. Л. 44 об.].

После введения «Положения об управлении оренбургскими киргизами (казахами. — Г.И.)» 1844 г. последовало изучение совершенства статей данной реформы. При изучении состояния казахской степи после реформы, выявления недостатков «Положения» большую роль сыграли чиновники российской администрации. Они обратили внимание при реализации закона почти на все ее статьи. Одной из статей «Положения» 1844 г. был сбор кибиточной подати. Перед оренбургскими начальниками края (председатель ОПК и военный губернатор) ставились задачи: изменить систему сбора кибиточного налога как необходимой меры, для этого назначить местными начальниками родоправителей и через них собрать информацию о числе кибиток каждого района; определить места для кочевков казахов каждого района в соответствии с числом людей, скота и другим стоятельства-

ми. Численность кибиток можно было определить только зимой, когда казахи прикочевывали к линии.

Данный вид налога собирался с каждой кибитки по 1 руб. 50 коп. серебром в год (§ 79) и находился в исключительном ведении Азиатского департамента МИД. Расходы с него производились с разрешения императора, по докладу МИД. Пограничная комиссия отчитывалась за сбор кибиточной подати перед Азиатским департаментом (§ 82, 98) [6. С. 224, 226].

С каждым годом увеличивалось количество населения, которое прикочевывало к линии. Так, например, в 1849 г. к линии прикочевало 26 546 кибиток с населением 91 189 чел. За этот год было собрано 74 тыс. руб. серебром. В 1850 г. прикочевало 50 тыс. кибиток [7. С. 224, 226]. Собрание данной подати зависело от знания точного количества людей, поэтому в этом вопросе уделялось большое внимание компетентности, добросовестности султанов-правителей, дистанчных и местных начальников. ОПК предстояло собрать не только точные сведения о населении степи, но и проверить прозрачность сбора. Все эти вопросы поднимали чиновники в своих отчетах, «Записках».

Так, например, Ф.М. Лазаревский предлагал внести изменения в § 79, 84, 86, 87 «Положения» 1844 г. В § 79 «Положения» говорится: «Доход по ведомству управления Оренбургскими киргизами суть следующие:

А) плакатный сбор по 15 к. сер. в месяц, за билеты выдаваемые киргизам, нанимающихся у линейных и внутренних жителей в работники и находящимся вне степи в отлучке от своих жилищ» [6. С. 224]. Он считал удобным разделить билеты работников от билетов «на отлучки от жилищ». Первые, по заведенному порядку, выдавались казачьим начальством. Вторые он предлагал выдавать дистанчным начальникам и султанам-правителям, а не линейным начальникам. Последние, не зная казахов, не зная тонкости дела, не должны выдавать ему билет на нахождение вне степи. Казаху также трудно и не выгодно было сперва брать «свидетельство от своей ордынской власти в том, что к отлучке из Орды нет препятствий и потом ехать к линейному начальнику для получения билета».

Параграф 84 того же «Положения» звучал следующим образом: «Кибиточный сбор производится киргизскими дистанчными начальниками и начальниками аулов и доставляется в комиссию установленным для сего порядком» [6. С. 224]. Лазаревский предлагал изменить. По его мнению, кибиточный сбор должен был собираться начальниками аулов под ближайшим наблюдением дистанчных начальников на линии и родоправителями в степи. Он считал, что одно и то же лицо должно производить сбор, так как если сбор начнут собирать и дистанчный, и аульный начальники, проверить их уже было бы трудно.

Параграф 86 «Положения» гласил: «Для предупреждения злоупотреблений при сем сборе Пограничная комиссия снабжает дистанчных и аульных начальников печатными бланковыми квитанциями на русском и татарском языках за подписью одного из советников, с приложением печати комиссии, для выдачи оных киргизам, внесшим деньги, и шнуровыми

книгами на записку сих квитанций» [6. С. 225]. Сюда он предлагал внести изменения следующего характера: указывать в квитанциях каждую кибитку, заплатившую кибиточный сбор, и показывать точно с «чьих именно кибиток сделан взнос денег». Выдача квитанций на несколько кибиток, согласно § 87 «Положения», без указания хозяев этих кибиток вызывала трудности для контроля сбора. Комиссия имела уже такие случаи. Все эти мероприятия должны были улучшить контроль за взиманием кибиточного налога с казахов Оренбургского ведомства [4. Л. 46 об.–47].

Главной целью податной системы были ее уравнительность и облегчение для бедных. По мнению генерал-майора М. Ладыженского, учитывая сложность составления нормы суммы кибиточного налога, необходимо было уточнить число кибиток каждого района и общую сумму, которая должна ежегодно собираться. Затем, объявив эту сумму, предоставить казахам возможность делать между собой раскладку подати, чтобы «каждый платил сообразно своим состоянием: богатый – более, неимеющий – менее» [6. С. 229].

Султан-правитель Западной части Орды Б. Айшуаков во время встречи с вице-директором Н.И. Любимовым указывал, что кибиточный налог одинаков как для бедняка, так и для богача. Он, как один из знатоков положения казахов, предложил освободить бедных кочевников от налогов. К категории бедных Б. Айшуаков относил кочевника, имеющего 20 баранов, 5 коров и 1 верблюда, так как это число скота могло дать кочевнику возможность существования его с семейством [Там же. С. 230].

Казахские султаны обратили внимание вице-директора на то, что «они поставлены в этой подати наравне с простыми киргизами», т.е. «Положение» 1844 г. не учитывало их привилегированное, чингизидское происхождение. Представители «белой кости» были готовы платить больше, лишь бы не быть на одном уровне с представителями «черной кости», так как это унижало первых в понятии народа. Султаны-правители просили освободить их от уплаты кибиточного налога. Н.И. Любимов высказался за удовлетворение просьбы, так как, учитывая, что число султанов в трех частях Орды незначительно, то потери и ущерб в освобождении их предвиделся не большим. Данное мнение было учтено при проведении реформ 1867–1868 гг., когда «белая кость» – чингизиды были освобождены от кибиточного налога.

Реформа 1844 г. предусматривала открытие при ОПК школы для казахских детей, главной целью которой была «подготовка способных и нужных людей», т.е. письмоводителей, для частного управления (§17). Был определен штат школы: надзиратель, два учителя и учитель законов «магометанского исповедания». К весне 1845 г. из штата школы был определен только надзиратель, на которого было возложено наблюдение за работами по отделке дома для школы, а также дома для Пограничной комиссии. Он же составлял смету на заготовление всего необходимого к открытию и содержанию школы [8. Л. 25].

«Нам следовало бы спуститься до киргизского (казахского. – Г.Б.) обычая, примирить русский закон с обычаем страны и потом, заискавши более к себе до-

верия, шаг за шагом вести народ к той степени общественного устройства, на котором желаем его видеть», – писал Ф.М. Лазаревский. По его мнению, «учреждением киргизской (казахской. – Г.Б.) школы положена прочная ступень к этому, от мальчиков, которые из нее выйдут должно ожидать в будущем многого для степи» [4. Л. 11 об.]. Школа для казахских детей при ОПК была открыта 22 августа 1850 г., и это было большой заслугой М. Ладыженского. В школе с момента открытия и до закрытия в 1868 г. получили образование 48 казахских мальчиков.

Сложным на линии оставался вопрос взаимоотношений казахов с казаками. Николай Иванович Любимов во время встреч и бесед с султаном-правителем Б. Айшуаковым обратил на это внимание. Вице-директор в докладной записке ставит вопрос рассмотрения оренбургским начальством дел о претензиях казахов и казаков на прилинейные земли. Это было связано с тем, что во время его поездки казахи часто жаловались, что казаки отняли у них все лучшие сенокосные места за линией. Он предлагал, для отращения на будущее время споров за землю между казаками и казаками и всяких насилий со стороны казаков, точно определить и выяснить права казахов и казаков на прилинейные места, чтобы каждый знал, что кому принадлежит [6. С. 231].

Надо отметить, что данная проблема поднималась казахскими депутациями во время поездки в столицу. Так, например, султан-правитель Восточной части Ахмет Джантюрин в феврале 1850 г. представил министру иностранных дел записку с несколькими просьбами. Среди них была просьба определить четкую границу между землями казаков и казаками, «дабы киргизы (казахи. – Г.И.) положительно уже знали бы какими местами прилинейные казаки могут пользоваться и какими не должны. Это – одно средство чтобы: во-первых, пресечь всякие взаимные неудовольствия, жалобы, тяжбы, а во-вторых, дать киргизам (казахам. – Г.И.) близ линии обыкновенно и постоянно зимующим, возможность поддержать и улучшить свое скотоводство, составляющее единственное их достояние» [9. Л. 163–163 об.].

На данную проблему обратил внимание и Ф.М. Лазаревский. Во время бесед с чиновником казахи высказывали ему свои трудности. Автор определил несколько причин недовольства линейных казахов, главными среди них отметил сложность сенокосения близ р. Урала и стеснение казаками. Ф.М. Лазаревский так описывает положение прилинейных казахов: «Для линейного киргиза весьма важно в его быту: выгодная зимовка и достаточный запас на зиму для скота сена. По местным распоряжениям Оренбургского начальства, сколько мне известно, уральские казаки и киргизы должны пользоваться сенокосением за р. Уралом, по необходимости и взаимному доброму соглашению.

Казаки, считаящие свои права на левый берег р. Урала несомненными и твердо стоящие за эти права, распоряжаются там сенокосением, как хозяева, без всякого соглашения с киргизами, давая им то, что захотят им дать. 20 дней они косят за р. Уралом и потом уже остатки не выкошенного отдают киргизам. Для казаков здесь два огромных преимущества: они

косят, когда сено в поре зрелости, косят, где им угодно и естественно выкашивают самые лучшие участки. Для киргизов в такой же степени 2 невыгоды: они косят сено дурное, брошенное казаками и к тому же перезревшее, сухое» [4. Л. 29–30 об.].

Еще одной проблемой, с которой сталкивались казахи на линии, были взыскания казаков за потраву. По правилам попечительской инструкции, сено должно было быть огорожено или окопано, но казаки говоря: «Земля наша и мы распоряжаемся ею, как сами знаем», не выполняли этого. Сено, собранное казаками и оставленное возле зимовок казахов, было бедствием для последних. Голодный скот, добывающий всю зиму скудный корм из-под снега, обязательно подходил к стогу, и начинались проблемы у хозяев скота.

«Когда известно, чьим скотом потравлено сено, то казаки имеют самое действительное средство ко взысканию того, что ими же назначается за потраву. Они задерживают самого хозяина или кого-либо из его родственников, или же захватывают скот его и не возвращают, пока не будут удовлетворены. Если неизвестно, чьим скотом потравлено сено, уплата за потраву разлагается на тех киргизов, которых кибитки ближе находились к сену» [Там же. Л. 32 об.].

Ф.М. Лазаревский во время проезда зимой по Уральской линии был свидетелем многих разбирательств по потравам. Он предлагал определить степень прав пользования за р. Уралом сенокосением казаков и казахов и положить предел самоуправству первых. Он рекомендовал разрешить казахам строить землянки и дома на левой стороне р. Урал.

Следует отметить, что вопрос разрешения конфликта по сенокосным землям поднимался еще ранее. Главный начальник МИДа К.В. Нессельроде не раз требовал уточнения необходимости в сенокосных землях внутри линии казаками. Возникновение института попечительства было связано в первую очередь с этим вопросом.

Прекращение барымты² и взаимных претензий стало одним из главных вопросов ОПК в налаживании спокойствия в степи. Барымта как убийство, разбой, захват русских, возмущение своих соплеменников против правительства рассматривался военным судом (§ 56). Для быстрого решения вопросов на местах, раскрытия совершенных преступлений одним из действенных методов рассматривалось передвижение султанов-правителей каждое лето в глубь степи с состоящими при них двухсотенными отрядами. Данная мера была предложена председателем ОПК М. Ладыженским: состоящие при султанах-правителях отряды были бы всегда в полной готовности, иметь одно оружие и снабжены всем необходимым, «для укрытия от непогоды и зноя палатками или джуламейками»³. Он предлагал выделять этим отрядам на содержание деньги наравне выделявшейся сумме для поимки руководителя восстания 1837–1847 гг. Кенесары Касымова. Сумма должна была покрываться за счет кибиточного налога с кочевников [8. Л. 16–16 об.].

С 1845 г. султаны-правители по решению оренбургского военного губернатора начали передвижение по степи. Данный опыт дал положительные результаты. В отчете ОПК за 1849 г. говорится: «Кир-

гизы опасаясь присутствия в орде военной силы, не всегда решаются на преступления, а разбор производимый султанами-правителями при подобных передвижениях, многочисленных родовых претензий и частных исков прежнего времени искореняет, заметно, баранту и кровную месть, два гибельнейшая по своим последствиям, начала всякого беспорядка в орде» [7. Л. 16 об.].

МИД в 1848 г. одобрил данный опыт и исходатайствовал, чтобы «часть потребной ежегодно на наем верблюдов для поднятия тяжестей и продовольствия отрядов султанов-правителей суммы 2 875 руб. сер. отнесены были на остатки от ассигнуемых, 6 573 руб. 85 ½ коп. [из денег выделенных на] улучшенное довольство отрядов, 1 500 руб. сер. в год, пополнять из кибиточного сбора» [Там же. Л. 17].

Еще одним мероприятием, где решались претензии казахских родов друг к другу, был съезд почетнейших биев и старшин враждующих родов. Данная мера также была предложена чиновниками Пограничной комиссии оренбургскому военному губернатору и МИД с представления султанов-правителей. В 1849 г. правителям Средней и Восточной частей было разрешено на границе разобрать претензии казахов родов шомекей и торткара друг к другу и принять решительные меры к разбору всех возникших на них до того претензий со стороны других родов, не приступая лишь к окончанию дел по убийствам, грабежам и барымте. В конце 1849 г. султаны-правители Ахмед Джантюрин (Восточная часть) и Араслан Джантюрин (Средняя часть) донесли о прекращении множества дел по претензиям казахов двух частей друг к другу [Там же. Л. 18 об.].

Управляющему Западной частью М. Тяпкину было поручено заняться соглашением казахов рода адай, кете и других с издавна враждующих между собою родов. Для оказания ему помощи был отправлен состоящий при председателе ОПК чиновник особых поручений Ф.М. Лазаревский [Там же. Л. 17–17 об.].

По результатам донесений султанов-правителей выяснилось, что невозможно потребовать выдачи из степи для предания суду лиц, виновных в проведении междоусобной барымты, так как в этом участвовали большею частью целые отделения и рода. М. Ладыженский предложил военному губернатору рассмотреть вопрос о предоставлении султанам-правителям и старейшинам претендующих сторон все начавшиеся с 1832 по 22 июня 1849 г. дела об убийствах, барымте, грабежах, воровстве и исках разного рода во всех трех частях орды. Он предлагал закончить эти дела на тех же основаниях, на каких Высочайше было разрешено в 1846 г. произвести разбирательства обоюдных споров у оренбургских казахов с сибирскими соплеменниками, освободив и виновников преступлений от дальнейшего преследования судом. Было получено разрешение МИД, и летом следующего года прошел съезд почетнейших биев и старшин враждующих родов во главе с султанами-правителями [Там же. Л. 17 об.–18].

Вопрос разрешения спора и претензий казахских родов к казахам рода адай и наоборот оставался открытым в течение многих лет. Это объяснялось отдаленностью кочевий адаевцев, неповиновением их

местному начальнику и отказом явиться к управляющему частью для окончания вражды с другими родами. По показанию биев обеих сторон, «вражда эта продолжалась, как например, с алимцами [алимулы] более 60 лет» [7. Л. 19]. В разрешении этого вопроса большого успеха достиг съезд почетнейших биев и старшин, проходивший в 1850 г. Султан-правитель Западной части М.-Г. Тяукин направил к адаевцам для убеждения их явиться к соглашению султана Асфендияра Сюалина. Ему, как «человеку с сильным и стойким характером, обладающему даром слова и весьма уважаемому в Орде», удалось убедить явиться на этот съезд 12 почетных биев и более 200 адаевцев. В присутствии этих биев и многих почетнейших ордынцев враждующих сторон, султаны-правители, открыв заседание, добились решения, по которому казахи родов адай и шекти решили прекратить взаимные иски [Там же. Л. 74 об.]. Проведение следствия, суда на основе казахского обычного права было одним из главных направлений региональной политики империи в Казахской степи Оренбургского ведомства.

Институт султанов-правителей стал первым этапом формирования казахского чиновничества. Ф.М. Лазаревский обращает внимание на роль султанов-правителей в усилении российской власти в Казахской степи и отношения к ней казахов. По его мнению, султаны-правители получили огромную власть, поэтому «необходимо избирать на эти должности султанов самых достойнейших, благомыслящих, отличнейших по способностям и лучших по характеру» [4. Л. 18 об.]. Именно выходцы из данной среды были устроителями и преобразователями казахской степи, но были уязвимы.

Известны примеры, когда казахи доносили на своих султанов-правителей, например на султана-правителя Восточной части Ахмета Джантюрина. Его обвинили в превышении полномочий. Пока ОПК разобралась в его невиновности, во-первых, он был ущемлен в своих правах, во-вторых, отношение подчиненных к нему вызывало еще большее уважение. Во время командировки Ф.М. Лазаревского по Западной части оказалось, что едва ли не все должностные лица этой части находились под следствием, некоторые тянулись несколько лет.

Ф.М. Лазаревский пишет: «В Орде всякий донос Пограничному начальству основан на расчетах, на отношениях и можно быть уверенным, киргиз не пустится в дела из одной любви к истине и справедливости. Большею частью доносят на тех, кто лучше служит Пограничному начальству, киргизы (казахи. – Г.И.) таких не любят» [4. Л. 43]. По мнению чиновника ОПК, следствие над должностными ордынцами «сделалось мерою такого обыкновенного, что оно потеряло уже свою нравственную сторону». На все доносы и жалобы казахов друг на друга, по суждению Ф.М. Лазаревского, необходимо было предварительно провести розыск или дознание чрез благонадежного русского чиновника. Он призывал должностных и вообще обязанных службою ордынцев за неисполнительность и упущения по службе сначала подвергать внушениям, наставлениям, исправительным взысканиям, а потом уже неисправимых – наказаниям более строгим, на основании законов [4. Л. 42 об.].

О том, насколько нахождение под следствием влияет на казахских чиновников, он писал: «Некоторые из находящихся под следствиями превосходно служат и заслугами своими имеют право на внимание и отличие начальства, но подсудность препятствует отличию их, не видя конца следствиям, не ожидая поощрения за службу, они становятся равнодушны к ней и жертвуют интересами ее личным расчетам» [4. Л. 43 об.].

Ф.М. Лазаревский предлагал: следствие над казахскими чиновниками заканчивать в кратчайшие сроки (в 1–2 месяца); над особо запутанными или трудными делами, жертвуя некоторыми формальностями, производить суд на основании тех данных, сколько необходимо для раскрытия истины; о решении суда над подсудимом публиковать по Казахской степи, чтобы казахи поняли, «сделавши преступление они не будут оставаться по несколько лет не наказанными и добрые последствия этой меры не замедлят обнаружиться» [Там же. Л. 43 об.–44].

За свою службу дистаночные и местные (аульные) начальники не получали жалованья. Вице-директор Азиатского департамента МИД Н.И. Любимов предлагал назначить им скорее жалованье, «так как не определение им доселе жалованья сего и никакого вообще возмездия за их труды производит на них, не совсем выгодное для нас впечатление, многие уклоняются от исправления возлагаемых на них должностей, или же исправляют их без всякого рачения, именно потому, что не видят никакого возмездия за подобные труды по званию...» [6. С. 231].

Предложения Н.И. Любимова не были сразу введены действия, оно требовало доработок. ОПК имела опыт награждения казахов за усердную службу, преданность правительству медалями, орденами, единовременными денежными выплатами и т.д. Так, например, в отчете ОПК за 1849 г. сообщается, что были награждены: серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее – 1; серебряными медалями для ношения в петлице с надписью «За спасение погибавших» – 2; почетными кафтанами и сукном на них – 10; единовременными денежными выплатами – 21; похвальными листами – 7 [7. Л. 40], а в 1850 г.: похвальными листами – 1; единовременными денежными выплатами – 17; золотыми часами – 1; суконными кафтанами – 19; почетными саблями – 4; серебряною медалью – 1; золотыми медалями – 2; орденом св. Анны 3 степени – 1 [Там же. Л. 92 об.]. Также ОПК награждала военными чинами. Если в 1849 г. чин хорунжего был присвоен двум, то в 1850 г. были пожалованы чины: полковника – 2; войскового старшины – 1; есаула – 1; сотника – 1 [7. Л. 40, 92 об.].

Ф.М. Лазаревский предлагал разрешить дистаночным и местным начальникам во время исполнения должностей пользоваться чинами зауряд. Это было необходимо, по его мнению, для возвышения должностей дистаночных и местных казахских начальников, чтобы при первом занятии ими тех должностей дать им очевидные преимущества перед другими, и в особенности для внушения казакам, от которых иногда местные начальники терпели и побои [4. Л. 45]. Он предлагал разрешить дистаночным начальникам во время прохождения своей службы пользоваться чи-

ном зауряд-сотника, а местным начальникам – зауряд-хорунжего.

Он предлагал дистаночного начальника через 8 лет безукоризненной и беспорочной службы наградить чином хорунжего, а второго за такую же службу чином хорунжего через 15 лет, но отличные заслуги давали им право раньше этого срока получить эти чины. Управляющих степными родами за 12 лет безукоризненной и беспорочной службы можно было награждать золотыми медалями, начальников отделений за столько же лет такой же службы – серебряными медалями. Если они показывали свое усердие и отличные качества, то те и другие имели право получить награды раньше назначенного срока [7. Л. 45–45 об.]. По предложению ОПК, казахские чиновники – султаны-правители, дистаночные начальники, аульные старшины – могли рассчитывать на награду за верную службу.

Таким образом, возникновение ряда проблем (непрекращение барымты, утайка некоторыми родоначальниками и местными начальниками кибиточного сбора, сложность форм делопроизводства в канцеляриях султанов-правителей) требовало корректировки прежнего правительственного курса. Представленные чиновниками различного ранга «Записки» как вид исторического источника позволили нам рассмотреть мнения и позиции их авторов на вопросы эффективного управления регионом, дальнейшего совершенствования административной политики в Казахской

степи. Свидетельство современников позволило нам шире и разносторонне рассмотреть имперскую политику, так как они существенно дополняют официальную документацию.

Сбор и проведение судопроизводства на основе обычного права казахов, передвижение султанов-правителей в глубь степи позволили быстро восстановить справедливость, сократить количество дел в канцеляриях султанов-правителей, разрешить спорные дела, длившиеся десятилетиями. Российская империя принесла в Казахскую степь новые правовые структуры, но не смогла до конца искоренить казахское обычное право, наоборот, она старалась изучить и на основе ее совершенствовать судопроизводство. Предложения председателя ОПК М. Ладыженского по вопросам разделения дистанции на разряды и назначение жалованья, предложения Ф.М. Лазаревского о проведении суда на основе обычного права получили свое решение. Были совершенствованы статьи положения о судопроизводстве, налогообложении в реформах, проводимых в Казахской степи в 1867–1868 гг., 1891 г.

Правительство преследовало цель политической и экономической интеграции окраин, стремилось создать государство с административной, социальной и правовой однородностью, но специфические черты регионов подталкивали центр к учету ее национальных и региональных особенностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор сборника «Материалы по истории политического строя Казахстана» М.Г. Масевич допустила опечатку в инициалах автора «Записки» Н.И. Любимова (в документе на с. 226, 233, 245 указывается Н.С. Любимов). Николай Иванович Любимов был известным дипломатом и деятелем. Указом от 10 марта 1842 г. он был пожалован в статские советники за сопровождение в качестве пристава российской духовной миссии в Пекин. 10 апреля 1843 г. Любимов был назначен вице-директором Азиатского департамента, в 1846 г. награжден чином действительного статского советника и орденом Св. Владимира 3-й степени. 26 февраля 1852 г. назначен директором Азиатского департамента [3. С. 805].

² Российской администрацией барымта рассматривалась как разбой или грабеж, акт дестабилизирующий, затрудняющий управление и контроль над степью и препятствующий торговле в этом регионе. Барымта для кочевников не была преступлением; это был скорее легитимный правовой обычай, коренившийся в свойственном казахской культуре понимании несправедливости, чести и возмездия. Хотя ее обычно воспринимали как увод домашнего скота другого кочевника, барымта не была простой покражей, поскольку увиденный скот в конечном итоге возвращался владельцу. Она расценивалась как акт самосуда, целью которого было вынудить пересмотр несправедливо решенного или вообще нерешенного дела, и если она осуществлялась успешно, то рассматривалась как достойное и даже героическое деяние [10. С. 361].

³ Джуламейка (по казахски жол уй) – это казахская юрта в миниатюре. Уральские казаки ее называли шатер, кибитка. Джуламейка широко использовалась российской армией в походных условиях в казахской степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5516а.
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 373.
3. Русский биографический словарь. Изд. Императорским Русским Историческим Обществом / под ред. Н.Д. Чечулина, М.Г. Курдюмова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. Т. 10. 846 с.
4. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 г. Д. 222.
5. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73.
6. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции): сб. док. / сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960.
7. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 г. Д. 215.
8. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389.
9. РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8.
10. Мартин В. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 360–388.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2017 г.

THE KAZAKH STEPPE OF THE ORENBURG DEPARTMENT IN THE REGIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 118–124.

DOI: 10.17223/15617793/427/15

Gulbanu B. Izbassarova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: iz_gulbanu@mail.ru

Keywords: Kazakh steppe of Orenburg department; reform; N.I. Lyubimov; M.V. Ladyzhensky; F.M. Lazarevsky; regional policy; Russian Empire.

The aim of this article is to study the standpoints and opinions of N.I. Lyubimov, M.V. Ladyzhensky and F.M. Lazarevsky, officials of different ranks who carried out regional policy in the Kazakh steppe, on further improvement of the government policy in the periphery after the introduction of the Regulations on the Management of the Orenburg Kirghiz in 1844. The aim is achieved by studying the following issues: identification of the range of suggestions requiring further improvement in the administrative and territorial policy of the empire in the outskirts; study of the opinion of the above-named officials in solving the assigned tasks of the government; analysis of their ideas on achieving the tasks. The research is based on the archival materials that the author found in archives of Russia and Kazakhstan and on a wide range of various published sources. The structural-system approach in studying the data allowed the author to describe the outlines of the government policy, to investigate the genesis of the views of officials of different ranks on the development of the Kazakh society and on the improvement of the administrative policy after the introduction of the 1844 reform in the Orenburg region. The approach helped to reveal weaknesses in the law, to identify suggestions on improving the management of the Kazakh steppe and to track the implementation of these suggestions. During the study the author came to the following conclusions: 1. The regional policy of the Russian Empire pursued the goal of political and economic integration of the country, the establishment of its legal, social and administrative homogeneity, but the center was forced to take into account the characteristics of the outskirts. 2. On the territory of the Kazakh steppe, the government course was aimed at transforming the political and legal status within the Russian state, but taking into account Kazakh customs, at introducing judicial proceedings on the basis of Kazakh customary law. 3. The Russian administration in the periphery was supported by the elite of the Kazakh society, the Chingizids, who were appointed sultans-rulers, but later representatives of the “black bone” were also brought to the service of the Russian Empire. 4. The main problems in the province were the issues of regulating relations between Kazakhs, Cossacks and line residents. 5. The kibitka (house) tax required a precise determination of the population and the improvement of its collection technique. N.I. Lyubimov, M.V. Ladyzhensky and F.M. Lazarevsky proposed various methods for improving regional policy in the Kazakh steppe, but some of them remained on paper. Most of the suggestions were taken into account in the implementation of the new reform of 1867–1868 in the Steppe.

REFERENCES

1. State Archive of Orenburg Oblast. Fund 6. List 10. File 5516a. (In Russian).
2. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 4. List 1. File 373. (In Russian).
3. Chechulina, N.D. & Kurdyumova, M.G. (eds) (1914) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 10. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. udelov.
4. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 81. 1852. File 222. (In Russian).
5. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 81. File 73. (In Russian).
6. Masevich, M.G. (1960) *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Okt'yabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the Great October Socialist Revolution)]. Alma-Ata: KazSSR AS.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 81. 1850. File 215. (In Russian).
8. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 4. List 1. File 389. (In Russian).
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82. 1848. File 8. (In Russian).
10. Martin, V. (2005) Barymta: obyчай v glazakh kochevnikov, prestuplenie v glazakh imperii [Barymta: a custom in the eyes of the nomads, a crime in the eyes of the empire]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Received: 16 October 2017

ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЙ В ГОРОДЕ КРАСНОЯРСКЕ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается криминогенная обстановка в городе Красноярске периода революции и Гражданской войны. На протяжении 1917–1918 гг. в Красноярске обострились проблема преступности и ведение борьбы с ней. Сменяющие друг друга красные и белые власти старались наладить порядок в городе, каждый своим способом, но это им плохо удавалось. Население страдало от насилия властей и бытовой преступности, так как в кризисные периоды ослаблены общественные идеалы и моральные установки.

Ключевые слова: криминогенная обстановка; Красноярск; Гражданская война; борьба с преступностью.

В период революции и Гражданской войны криминогенная обстановка в городе Красноярске обострилась еще больше, чем в годы Первой мировой войны. Среди разнообразных форм жизни горожан преступность стала ярким воплощением безвыходного положения обывателя в тех сложившихся условиях. Революция и Гражданская война оказали негативное, разрушительное воздействие на человеческую психику. В кризисные периоды истории традиционная система ценностей расшатана. Рассудительность, обращение к примерам, угрызения совести торопливо расступаются перед напором частых потребностей сиюминутного свойства. Преступные деяния не способны отразить и измерить всю глубину личного горя, которые они несут людям.

Цель исследования – рассмотреть криминогенную ситуацию в Красноярске, раскрыть мероприятия органов власти по охране порядка и борьбе с преступностью в городе.

Преступность и борьба с ней, организация охраны порядка отражена в работах таких исследователей, как З.П. Звягина, А.Н. Никитина, М.Д. Северьянова, А.И. Сыч и др. З.П. Звягин [1] рассматривает структуру и деятельность городской и уездной милиции при Колчаке. Он видит ограниченные полномочия милиции и сосредоточение руководства милицией полностью в руках руководителей губерний, а в Енисейской губернии – у П.С. Троицкого. В своих работах А.Н. Никитин [2] анализирует проблемы правоохранительных органов белого режима, действия милиции по отношению к гражданам, восприятие гражданами органов правопорядка. Автор отмечает, что низкое денежное содержание чинов милиции не привлекало на службу опытных и способных людей. На ответственные должности попадали в основном взяточники или те, кто не справлялся со своими обязанностями. М.Д. Северьянов [3] в своих исследованиях отражает отношения между людьми, приводит примеры жестокого обращения друг с другом непримиримых сторон. В годы революции и Гражданской войны отсутствовал закон силы, в основе которого лежали ожесточенность, бесстыдство, дикость. По мнению А.И. Сыч [4], именно в годы революции и Гражданской войны процветали незаконные аресты и обыски, пытки и любые казни: раздробление черепов, набивание человеческого тела гвоздями, перепиливание, костоломка, погружение несчастных жертв в воду на морозе до полного замерзания.

Главной отличительной чертой социальной психологической динамики городской повседневности после Февральской революции 1917 г. стало возрастание роли стихийно-иррациональных составляющих. В условиях двоевластия в городе обостряется криминогенная обстановка, о чем свидетельствуют сообщения из периодической печати. Вот что писала газета «Свободная Сибирь»: «Громилы продолжают пользоваться положением и орудуют во всю. На днях ими был опустошен на Песочной ул. амбар домовладельца Фридмана» [5. 14 мая]. «В ночь на 30 августа, – сообщала та же газета, – вновь был совершен шайкой разбойников дерзкий грабеж, напоминающий по обстоятельствам ограбление туруханских купцов на 50 тыс. руб. На этот раз пострадали китайцы, проживающие в д. Смирнова № 107 по Садовой улице» [Там же. 2 сен.]. «Милиция Красноярска, – делала вывод газета в начале сентября, – совершенно бессильна бороться с укоровившимся азартом на барахолке Ново-Базарной площади, где постоянно происходит картежная игра в “21”, “шмэнку”, “бело-черно” и т.д.» [Там же. 6 сен.].

Все чаще поведение горожан стало подчиняться законам психологии толпы, отличительными особенностями которой были готовность впасть в крайность, жестокость. Это хорошо видно на примере убийств городских жителей, о чем «Свободная Сибирь» писала: «Убийство Андреевой. ... Вместе с ней были убиты еще три жертвы – проститутка 18 лет, дочь кухарки 4–5 лет и дочь самой Андреевой – 15 лет... Это убийство окончательно усилило страх обывателей перед всевозрастающей преступностью. Насилие начинает себя чувствовать так, как будто весь город во власти преступников» [Там же. 7 сен.].

С приходом к власти большевиков в Красноярске начали предприниматься меры по борьбе с преступностью. 18 января 1918 г. Красноярский совет принимает обязательное постановление о борьбе с преступностью, пункт № 6 которого предусматривал вооруженное пресечение всех попыток к беспорядкам, грабежам и мародерству [6. 21 янв.]. С первых дней своего существования советская власть проводила борьбу со спекуляцией. Отряды народной милиции, чекисты проводили обыски на железной дороге, в поездах, на базарах, в залах ожидания. Конфискованный товар распределялся среди инвалидов и бедняков. Но мероприятия, проводимые властью по борьбе с преступностью, не давали должных результатов. Газеты пестрят сообщениями об уголовной хронике Красноярска и

других городов: кражах, самогоноварении, ограблениях, убийствах, поджогах, которые приводили в панический страх и ужас все население, жившее до этого спокойною, уравновешенною жизнью полусонного обывателя [7. 27 марта; 8. 19 мая].

Это отрицательным образом сказывалось на отношении граждан к новым властям. К примеру, в отношении убийства 14 ноября 1917 г. в Красноярске старшего унтер-офицера первой сотни Татарского конного полка Якова Реунова никаких мер властями не было принято [9. Л. 245]. Нередки в городах были самочинные обыски органов правопорядка. Газета «Воля Сибири» сообщала: «Милиционер железнодорожной милиции Кузнецов, в пьяном виде, позволил себе в городском саду обыскивать публику, говоря, что это поручено ему милицией». Сами обыватели отмечали, что обыски, проводимые милицией, совершались без достаточных на это оснований, в отсутствие хозяев, почти без свидетелей с неправильно составленными ордерами, где часто был перепутан адрес квартиры, не указывалась фамилия обыскиваемого гражданина. Всеми этими обстоятельствами сопровождался, например, обыск у гражданина Иванова, служащего водопроводной электрической станции. Гражданин Рудько, руководивший обыском, держался очень грубо и позволял себе много окриков вроде «Молчать!» [10. 10 июля; 11. 10 июля]. И конечно, обыватель, сталкиваясь с таким отношением власти, сам начинал отрицательно реагировать на ее действия.

Преступления, проходившие красной нитью в жизни обывателей в период нахождения у власти большевиков, не были изжиты и по приходу другой власти – белого режима.

27 июня 1918 г. губернский комиссар В.М. Крутовский обратился ко всему населению Енисейской губернии и представителям местной власти с предложением о том, «что бежавшие красноармейцы могут спокойно возвратиться к своим семьям и мирным занятиям, если сложат свое оружие и передадут его властям». Кроме того, он предлагал «делать самые тщательные обыски и опросы красногвардейцев. Ввиду обнаружения у них денег, золота и казенного имущества задерживать. Отобранное боевое оружие, казенные вещи, лошади и др. немедленно перепродать в военные штабы и сдавать под расписки, уведомляя об этом комиссариат или штаб. Виновные в покупке, продаже или скрытии народного достояния будут подвергаться самому строгому взысканию». С 19 по 24 июня чинами милиции первого отделения в разных местах города у красногвардейцев было отобрано 25 винтовок и несколько сот патронов [10. 27 июня].

Гражданская война с ее ожесточенным и политическим противоборством привела к снижению уровня правосознания. Прямым следствием этого стал всплеск бытового насилия. «Проявить свою злую волю, сделать вред другому, обругать встречного и поперечного многим ничего не стоит, наоборот, в известной среде такие поступки даже одобряются. Отрицательная энергия, длительное время накапливавшаяся в людях под воздействием тяжелых бытовых условий, общей неустроенности, искала свой выход, и зачастую направлялась на более слабых (детей, стари-

ков, домашних животных)» [12. С. 87]. Газеты пестрели сообщениями об избиениях, ограблениях, кражах, самосудах [5. 24 ноя.; 10. 7 авг.; 11. 30 июня]. К примеру, постоянно происходили между обывателями в городе следующие бытовые конфликты: «Гражданин Л.Ф. Макаренко заявил милиции, что гражданин В. Олейников ударом по лицу бутылкой, наполненной самогонкой, раздробил ему челюсть; гражданка С.Р. Калманович заявила милиции, что прислуга ее брата Е. Боровикова разбила ее пятилетнему ребенку камнем голову» [13. 1 сен.].

Заметное влияние на преступность оказывало ухудшение экономической ситуации. В условиях нищеты, голода и всеобщего дефицита, когда становилось невозможно добыть законным путем элементарные продукты и вещи, даже в прошлом самые законопослушные люди могли решиться на противозаконные действия. Постоянное недоедание, нервное напряжение, стрессы угнетающе действовали на психику людей, способствуя развитию агрессивности. Накапливавшаяся в организме отрицательная энергия должна была искать выход.

Газеты того времени наполнены заметками такого содержания: «16 декабря рано утром неизвестными злоумышленниками была совершена дерзкая кража из кладовой дома Тропина, находящейся на Узенькой улице. Воры в числе 7 человек забрались во двор, обезоружили и связали караульного, которого и заперли в конюшню <...> нагрузив 36 ящиков с салом воры скрылись. <...> Во время обыска в одной из пивнушек была арестована шайка пьянствовавших воров, состоящая из известного рецидивиста Василия Тислина, Григория Крутикова, Иосифа Шакалис, Самуила Тарутина и Тимофея Руд. Один из членов шайки скрылся...» [5. 16 дек.]; «Украден мед со двора Гафарова на 5 000 руб.; грабители обчистили Петровича, Исакова, Сараева; нападение на Волкова с целью ограбления» [10. 15, 18 сен.]; «Вчера на городском базаре, очень многолюдном, часов в 12 подрались два солдата, начались крики, паника и в несколько минут базар опустел. Вызванные милиционеры не застали буянов на месте, они исчезли вместе с хлынувшим потоком крестьянских телег и напуганных покупателей» [Там же. 19 сен.]; «В ночь с 14 на 15 марта жители города были встревожены перестрелкой на улицах города, выяснилось, что шайка вооруженных громил стала врываться в квартиры и грабить обывателей, вызванные части убойной команды и городской дружины рассеяли грабителей» [14. 20 марта].

Преступные деяния совершали не только граждане Красноярска и губернии, но и иностранцы, находившиеся в городе. Так, «10 июля 1918 г. китайцы Юлинюан и Ванлифу во время ссоры, происшедшей от игры в карты, убили товарища китайца Тянлилуя, по садовой улице в доме № 107» [10. 14 июля]. Иностранцы не только совершали преступления, но и сами становились жертвами насилия и грабежей: «Совершено вооруженное нападение на группу китайцев, 4 грабителя взяли пальто осеннее за 1 100 руб., деньги в сумме 3 000 руб.» [Там же. 10 сен.].

Преступления происходили и среди военнослужащих иностранных войск. Так, 17 января 1919 г. «Ени-

сейский вестник» писал: «Около 7 вечера в номера “Венеция” по Садовой ул., д. № 37 пришли шесть военных сербов заняли номера, пили, ссорились между собой, затем один из них в коридор бросил гранату, вследствие чего произошел взрыв, коим разрушено на сумму 8 000 руб., кроме того, была ранена служащая номеров Ксения Горшик» [15. 17 янв.].

Жертвами грабежей и насилия стали не только горожане, иностранцы, но и священнослужители. Енисейские Епархиальные ведомости постоянно сообщали об убийствах священнослужителей, их избиении. Помимо этого, пьяные посетители церкви позволяли себе петь песни, а в домашних условиях выкалывали «глаза» у икон [16]. Церкви нередко подвергались грабежам, из них выносились золотые и серебряные вещи [17. 3 дек.].

Для налаживания порядка власти стремились устрашить население жесткими мерами, в частности к участникам вооруженных ограблений применялась смертная казнь. Так, газета «Труд» писала: «В ночь с 9 на 10 октября в Красноярске приведен в исполнение приговор военно-полевого суда над Смирновым, Неженковым и Мещеряковым, участвовавшим в вооруженном грабеже» [18. 20 окт.]; «5 ноября в Красноярске приведен в исполнение приговор военно-полевого суда над Женовлевым, Чичаговым, Лазоровским за вооруженное ограбление беженского барака» [Там же. 17 нояб.].

Карательные меры не приводили к порядку в Красноярске. Преступность оставалась «бельмом на глазу» властей. Тяжелая разруха, продовольственный кризис, переживаемые людьми, мучительно отзывались на детях. Городские власти начали бить тревогу по поводу детской преступности. В ноябре 1918 г. газета «Свободная Сибирь» сообщала: «Детская преступность в Красноярске принимает весьма большие размеры. Отсутствие суда для малолетних и исправительного дома затрудняет борьбу с малолетними ворами, которые за последнее время принимают деятельное участие в ограблении квартир в базарные дни, когда хозяева уходят за покупками» [19. 30 ноя.].

В мае 1919 г. в Губернском управлении состоялось заседание представителей правительственных и общественных организаций по вопросу борьбы с детской преступностью. После продолжительных прений было постановлено: передать этот вопрос Городскому комитету по народному образованию. И далее отмечалось, что от такой «борьбы» детская преступность нескоро исчезнет [20. 27 апр. – 3 мая]. В августе 1919 г. управляющий губернии предлагал на рассмотрение Городской думы проект обязательного постановления по вопросу борьбы с детской преступностью и надзора за детьми, учащими и просил принять участие в организации надзора за беспризорными на улицах и в публичных местах, а также разработать по этому вопросу обязательное постановление [21. 1 авг.]. Но дальнейшие обсуждения и постановления дела по борьбе с детской беспризорностью и преступностью не шли.

Обычным явлением стали исчезновения людей: «Мать просит всех, кто знает что либо о судьбе сына, сообщить ей. В среду утром он вышел в черном пальто, студенческой фуражке, в кармане было его метри-

ческое свидетельство... умоляю сообщить, нет ли его между убитыми или арестованными» [10. 26 июня]; «Пропал мальчик Герман Морданов, 13-ти лет, с темными волосами, одет в темно-синюю куртку и защитного цвета рваные штанишки, босой, без шапки, в руке серебряное кольцо» [15. 25 сен.]; «Учитель пения И.П. Пэдченко <...> вышел из пекарни 9 августа в 7 часов вечера и с тех пор домой не возвращался. Все хлопоты его жены узнать о его судьбе остались без результата. Пэдченко буквально как в воду канул» [17. 18 ноя.].

Постановление административного совета Временного Сибирского правительства от 17 октября 1918 г. «Об утверждении Положения о сибирской милиции», а особенно раздел IV «О предметах ведения и степени власти милиции», п. 19 которого обязывал милицию охранять «общественную безопасность и порядок и защищать всех и каждого от всякого насилия, обид и самоуправств» [22], не приводилось в жизнь. Обыватель в городе оставался незащищенным.

Представители власти «белых», объявившей своей первоочередной задачей восстановление в стране правопорядка, не проявляли должного понимания необходимости соблюдения законности. Рядовой гражданин, обыватель не чувствовал себя защищенным перед лицом государственной власти, своеволием чиновников и всевозможных воинских начальников. В своем повседневном существовании он был попросту предоставлен самому себе [12].

Карательные мероприятия белых властей также были направлены против действия партизан, которые «организовывали саботаж и диверсии на фабриках и заводах, производящих вооружение; сжигали предоставленные склады, уничтожали склады боеприпасов и фуражные базы. Наконец, партизаны являлись глазами и ушами Красной Армии...» [23]. Борьба с «бандами» и «шайками» большевиков рассматривалась белыми не только как политика, но и как борьба с преступностью.

Расправляясь со своими противниками, белогвардейцы не жалели и местное население. Особое впечатление на жителей города Красноярска и других городов губернии произвела казнь городского головы города Канска Степанова. Из рассказа очевидца того события Евгения Колосова: «27 декабря 1918 г. в г. Канске произошло восстание. По обвинению в организации этого восстания был арестован городской голова Стапанов. <...> Генерал Розанов дал разрешение повесить Степанова. <...> Вешать Степанова повели на вокзал днем, через город. Идти пришлось мимо квартиры, в которой жила семья Степанова, его жена и двое детей, они увидели его из окна, и бросились за ним. Там на глазах огромной толпы, в присутствии жены и детей, не знавших, что им делать от ужаса и горя, Степанова повесили, и труп его подтянули высоко на кронштейне, около водокачки. Там он висел 29 часов, под ним проходили поезда. <...> Рядом с этой бесчеловечной казнью, можно поставить, только один ряд фактов: тюремные расправы в Красноярске над заложниками. Эти расправы превосходят все ужасы советских тюрем и возвращают нас даже не в средние века, а к временам первобытной жестокости, когда люди жили как звери» [24].

Возникавшие в этих случаях злоба и желание отомстить обрушивались не только на прямых исполнителей злодеяний, но и против граждан, которые в политической борьбе в кровавой схватке 1918–1920 гг. оказались по другую сторону баррикад [25].

Свои впечатления о побеге от расстрела из Красноярской тюрьмы, после июльского восстания 1919 г. в военном городке, описал его участник В.П. Кузнецов: «Выбравшись с кладбища, я побежал в направлении Покровской слободы. Конвоиры бросились за мной. Не различая предметов и препятствий, я бежал так, как только способен бежать человек от смерти. Со всего размаха полетел в ров, как в бездну, и потерял сознание. Через некоторое время пришел в сознание. Стал ощупывать себя. Радость разлилась по всему телу. Да, надо спасаться...» [26]. По воспоминаниям члена Красноярской подпольной большевистской организации М.А. Внука: «Когда мы сидели в тюрьме, нам назначали два раза военно-полевой суд, но следствие затянулось до декабря 1919 г. Опасаясь, что массовая расправа вызовет мощный гнев красноярских рабочих, была создана разгрузка тюрьмы, мы вышли из тюрьмы 21 декабря 1919 г.» [27].

При Колчаке в губерниях и областях действовала городская, уездная милиция, делившаяся на участки. Непосредственно на местах милицией руководили губернские (областные) комиссары, постановлением правительства от 28 декабря 1918 г. переименованные в управляющих. Им, в свою очередь, подчинялись начальники отделов милиции губернских и областных управлений. Начальником отдела милиции Енисейской губернии был В.Ф. Цявловский. Примечательно, что, как и в царской России, начальники милиции имели весьма ограниченные полномочия. Вся полнота власти по руководству милицией, в том числе кадровые назначения, была в руках руководителей губернии (области), т.е. в Енисейской губернии – у П.С. Троицкого [28].

Сама милиция находилась в удручающем состоянии. Из доклада уездного комиссара Енисейскому губернскому комиссару (управляющему Енисейской губернии) 4 января 1919 г. прослеживается, «что организация милиции налаживается тихо, нет подходящих людей, знающих дело или даже желающих и умеющих изучить его. Причина кроется в неустойчивости общего политического положения и того риска, который представляет сейчас служба в милиции». Далее уездный комиссар докладывал «о распушенности и отсутствии твердой дисциплины в местных казачьих частях, выражающихся в пьяных дебошах и стрельбе на улице, что крайне нервирует не только город, но и весь уезд. Силами милиции прекратить это не удастся, были случаи, когда милиция, под угрозой быть изрубленной шашкой, принуждена была оставить арестованных пьяных буянов. Кроме того, это вредно отзывалось на успешности борьбы с пьянством и выкуркой самогонки в деревне, которая заявляет, “что вы здесь в городе сначала прекратите пьянство, а потом требуйте от нас”. А главное – все это роняет в глазах населения престиж всякой власти» [29. Л. 4–7].

31 декабря 1918 г. вышло обязательное постановление уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской

губернии полковника Малыхина, в котором говорилось: «Впредь до особого распоряжения запрещаются всякие собрания и скопления публики как на улицах, так в общественных частных помещениях. Движение по улицам с сего числа прекращается с 11 часов вечера до 6 часов утра. Обращаю внимание всех граждан города, без различия общественного и социального положения, что продление или отмена мер, стесняющих временно жизнь граждан города, зависит исключительно от самих граждан. Разумное, спокойное отношение к настоящему моменту, отсутствие каких бы то ни было попыток к нарушению общественного спокойствия и порядка, прекращение нелепых слухов среди населения, все это ускорит отмену стесняющих жителей обязательных постановлений» [15. 17 янв.].

Много внимания управляющий Енисейской губернии П.С. Троицкий уделял борьбе с преступностью. В январе 1919 г. он выразил публичную благодарность красноярской милиции за поимку вооруженных грабителей. П.С. Троицкий беспокоился о качестве личного состава правоохранительных органов. Выступая 28 февраля 1919 г. в Красноярской уездной земской управе, он сетовал на то, что «особенно трудно подбирать кадры чинов милиции» [30].

Для поддержки политики колчаковского режима с 1919 г. стали появляться дружины. Определенный опыт формирования дружин был накоплен в Красноярске. О размахе этого движения говорит тот факт, что «1 июля преступлено к обучению пятой по счету дружины общественной безопасности. Призвано около 150 граждан. Количество обученных дружинников достигает 400 человек» [17. 3 июля], а на 21 июля 1919 г. был назначен медицинский осмотр нового, уже шестого по счету призыва.

2 июня 1919 г. открылось Чрезвычайное губернское земское собрание по вопросу оказания помощи дружинникам. Перед его участниками выступил несколько раз прерываемый аплодисментами управляющий губернией П.С. Троицкий. В итоге три четверти гласных высказались за оказание такой помощи. Подводя некоторые итоги действиям дружин, управляющий Енисейской губернией П.С. Троицкий писал в МВД о том, что дружины несут службу иногда месяцами и при этом отрываются от своих занятий [1].

В то же время П.С. Троицкий признавал бездействие, халатное отношение к своим обязанностям органов правопорядка. 15 августа 1919 г. в газете «Свободная Сибирь» было опубликовано его обращение к милиции, в котором говорилось: «Я слышал немало жалоб на отдельных чинов милиции, позволяющих себе нетрезвость, личную расправу и незаконные действия в отношении граждан. И поэтому воспрещаю всякое участие чинов милиции в картежных и иных занятиях, позорящих правоохранительные органы» [17. 15 авг.]. К.Г. Гинс в своих воспоминаниях писал: «Отовсюду поступают сведения о восстаниях, убийствах, грабежах и всякого рода иных насилиях, что так же указывает на необходимость создания на местах прочной власти, милиция, принятая от местных самоуправлений в ведение министерства внутренних дел, нуждается в коренной реорганизации, как в количественном, так и в качественном отношении» [31].

В 1919 г. министр внутренних дел колчаковского правительства В.Н. Пепеляев попытался навести «порядок» в своем ведомстве. Управляющим губерниями рассылались грозные циркуляры с требованиями вести беспощадную борьбу с некоторыми «уродливыми явлениями» в служебной деятельности чинов милиции. Даже в сентябре 1919 г. незадолго до полного краха колчаковщины министр продолжал объяснять своим подчиненным, что эти «уродливые явления (насилие над личностью, до убийства включительно, присвоение чужого имущества)» вооружают население против милиции, подрывают в нем вообще доверие к правительственным властям [32].

Причины же в недостатке чинов милиции заключались в низком денежном содержании, которое не привлекало на службу опытных и способных людей. На ответственные должности попадали те, кто либо не справлялся со своими обязанностями, либо брал с населения взятки, допуская всевозможные злоупотребления [1].

Следствием преступных деяний стали бесчисленные невинные жертвы населения Красноярска и городов губернии. Воспоминания одной из жертв белого режима свидетельствуют о глубине трагедии, свершившейся в то время. Эти переживания характерны для любого человека, видевшего ужасы Гражданской войны. Мария Метелева вспоминает: «Газета Красноярский рабочий в № 60 1920 г. Извещала о том, что 24 марта будут производиться раскопки могил и ям, казненных колчаковцами советских деятелей. Нелегко вспоминать и сегодня, в каком тяжелом состоянии я тогда пошла к месту раскопок. Петра я увидела полулежащим с разбросанными в стороны и сжатыми в кулак руками. <...> Нет, не смогла я оставаться до конца уложения трупов в приготовленные гробы, а только через два дня, узнав, что все они перевезены в одну из бывших казацких казарм в Покровке, сходила туда со своей четверкой детишек отдать последнее “прости” и под голову Петра, уже лежавшего в гробу, положила маленькую подушечку-душку и свой подвенечный восковой цветок и укутала красным покрывалом, сшитым из кусочков. 28 марта в теплый и солнечный день состоялось перезахоронение. <...> Несли 63 гроба и массу венков в сопровождении большого оркестра армейцев. <...> Люди безудержно рыдали и посылали проклятия палачам. На кладбище состоялся траурный митинг, после окончания которого, под залп винтовок бережно опускались гробы в братскую могилу. Выстояла я на краю могилы до конца, и выдер-

жало сердце мое это потрясающее прощание. Болела голова. Дома меня ожидали расспросы моих четырех оставшихся без отца детей...» [33].

После изгнания колчаковцев часть белогвардейского офицерства перешла на подпольное положение, не оставив надежд на свержение советской власти. В мае 1920 г. была раскрыта белогвардейская организация, состоявшая в основном из офицеров. Заговорщики создали вооруженный отряд, насчитывавший 80 человек. Губернская чрезвычайная комиссия, рассмотрев дело об антисоветском заговоре, 29 июля 1920 г. приговорила 50 членов организации к расстрелу, остальных отправили в концентрационные лагеря на различные сроки без права на амнистию. В феврале–марте 1921 г. в Красноярске были раскрыты еще две попытки переворота [34]. Все эти события отрицательным образом влияли на красноярцев, порождая страх и неуверенность в завтрашнем дне.

Работа милиции в последующие годы находилась в очень плохом состоянии. Встречались случаи взяточничества и халатного отношения к своим обязанностям. В Красноярске отделением уголовного розыска практиковались насильственно-принудительные допросы подследственных и подозреваемых в преступлениях арестованных. Материальное состояние милиции было не в лучшем состоянии, она была обмундирована лишь только на треть, благодаря чему дезертирство среди милиционеров достигало больших масштабов [35. Л. 51]. Причины этих явлений руководство видело в моральной неподготовленности милиционеров к выполнению своих обязанностей, малом заработке, плохом обмундировании и вооружении.

В годы революции и Гражданской войны на почве государственного развала и хозяйственного разорения страны население городов переживало ужасы взаимного озлобления, насилия, убийства, погромы, которые отрицательным образом сказывались на психике людей, их поведении, отношении друг другу. Последствия революции и Гражданской войны в виде различных преступлений еще долгое время сказывались на жизни города Красноярска. Сравнивая 1918–1920 гг. с началом XXI в., можно наблюдать аналогичное состояние российского общества – деморализацию, проявляющуюся в виде резкого увеличения количества преступлений. Выход из этого состояния возможен лишь усилиями государственной политики в области принятия конкретных мер по преодолению кризиса и путем личного анализа человеком своего поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звягин З.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 271–273.
2. Никитин А.Н. Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями. М., 1997. С. 50.
3. Северьянов М.Д. Размышления о революции. Красноярск, 1998.
4. Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопросы истории. 2002. № 11–12. С. 109.
5. Свободная Сибирь (Красноярск). 1917.
6. Красноярский рабочий (Красноярск). 1918.
7. Наше слово (Красноярск). 1918.
8. Голос момента (Енисейск). 1918.
9. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 159. Л. 245.
10. Воля Сибири (Красноярск). 1918.
11. Дело рабочего (Красноярск). 1918.
12. Шевелев Д.Н. Белая Сибирь: политическая риторика, репрезентации власти и мир повседневности // История Белой Сибири. Кемерово, 2003. С. 87.
13. Канский земский голос (Канск). 1918.

14. Наша деревня (Минусинск). 1919.
15. Енисейский вестник (Красноярск). 1919.
16. Енисейские епархиальные ведомости (Красноярск). 1919. № 1-2, 3, 5.
17. Свободная Сибирь. 1919.
18. Труд (Минусинск). 1918.
19. Свободная Сибирь. 1918.
20. Общее дело (Красноярск). 1919.
21. Минусинский край (Минусинск). 1919.
22. Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX – 1920 г.). Томск, 1998. Вып. II. С. 219.
23. Логвинов В.К. 40 лет со дня освобождения Красноярского края от колчаковщины. Красноярск, 1959. С. 14.
24. Сибирская авантюра и генерал Гайда. Петроград, 1919. С. 83.
25. Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). Новосибирск, 1999. С. 68.
26. Кузнецов В.П. Восстание солдат в Красноярском военном городке (июль 1919 г.) // Годы огневые... Красноярск, 1962. С. 366.
27. Внук М.А. В колчаковском застенке // Годы огневые... Красноярск, 1962. С. 71.
28. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 172–178.
29. ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 348.
30. Звягин С.П. П.С. Троицкий – управляющий Енисейской губернией (1918–1919 гг.) // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. К 180-летию Енисейской губернии : тез. докла. и сообщений науч.-практ. конф. Комитет по делам архивов администрации Красноярского края. Архивные чтения. Красноярск, 2002. 220 с.
31. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. С. 111.
32. Никитин А.Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. С. 27.
33. Метелева М.В. Духом окрепли в борьбе // Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917–1920). Красноярск : Краснояр. книж. изд-во, 1957. 224 с.
34. Красноярску – 350 лет. Красноярск, 1978. С. 79.
35. ГАКК. Ф-Р 53. Оп. 1. Д.156.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 июля 2017 г.

CRIME AND ITS CONTROL IN KRASNOYARSK DURING THE YEARS OF THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 125–131.

DOI: 10.17223/15617793/427/16

Yana V. Kapustina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yana-kapustina@yandex.ru

Keywords: crime situation; Krasnoyarsk; Civil War; fight against crime.

The aim of the article is to identify the impact of crime on daily life of Krasnoyarsk in the extreme conditions of the 1917 Revolution and the ensuing Civil War. The following tasks have been set: to consider the crime situation in the city, to characterize the protection order, to analyze the activities of the authorities in combatting crime in Krasnoyarsk. The works of Z.P. Zvyagin, A.N. Nikitin, M. D. Severyanov, A.I. Sych and others represent the research methodology. Zvyagin considers the structure and activities of the city and county police during the Kolchak rule. He sees the limited powers of the police and the concentration of the power to guide the police in the hands of the leaders of the provinces, and in Yenisei Province of P.S. Troitsky. In his works, Nikitin analyzes the problem of law enforcement of the white regime, citizens' perception of law enforcement. Severyanov and Sych in their studies reflect the relations between people, giving examples of abuse of irreconcilable sides. The source base for the study is periodicals: *Svobodnaya Sibir'* (Krasnoyarsk, 1917–1919), *Krasnoyarskiy rabochiy* (Krasnoyarsk, 1918), *Nashe slovo* (Krasnoyarsk, 1918), *Golos momenta* (Eniseysk, 1918), *Volya Sibiri* (Krasnoyarsk, 1918), *Delo rabochego* (Krasnoyarsk, 1918), *Eniseyskiy vestnik* (Krasnoyarsk, 1919). The author came to the following conclusions: 1. In the conditions of the Revolution and the Civil War, crime was on the rise in the city, as evidenced by the reports in the periodicals. 2. With the Bolsheviks' coming to power in Krasnoyarsk measures were taken to combat crime, but they did not give efficient results. 3. Crime and violence, which Krasnoyarsk residents constantly faced in the street and which were actually elements of everyday life during the Bolsheviks' power, were not eradicated with the Provisional Siberian Government coming to power. 4. Punitive measures taken by the authorities did not result in public order in Krasnoyarsk. Average people did not feel protected by the state power from the arbitrariness of officials and various military chiefs. After the restoration of the Soviet power, the consequences of the Revolution and the Civil War in the form of various crimes affected the lives of Krasnoyarsk residents for a long time.

REFERENCES

1. Zvyagin, Z.P. (2001) *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law enforcement policy of A.V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 271–273.
2. Nikitin, A.N. (1997) *Organy gosudarstvennoy vlasti "beloy" Rossii: bor'ba s dolzhnostnymi prestupleniyami* [The bodies of state power of "White" Russia: the fight against official crimes]. Moscow: Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs.
3. Sever'yanov, M.D. (1998) *Razmyshleniya o revolyutsii* [Reflections on the revolution]. Krasnoyarsk: KrasGASA.
4. Sych, A.I. (2002) O nekotorykh sotsial'no-psikhologicheskikh posledstviyakh Pervoy mirovoy voyny [On some socio-psychological implications of the First World War]. *Voprosy istorii*. 11–12.
5. *Svobodnaya Sibir'* (1917).
6. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1918).
7. *Nashe slovo*. (1918).
8. *Golos momenta*. (1918).
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-53. List 1. File 159. Page 245. (In Russian).
10. *Volya Sibiri*. (1918).
11. *Delo rabochego*. (1918).
12. Shevlev, D.N. (2003) *Belaya Sibir': politicheskaya ritorika, reprezentatsii vlasti i mir povsednevnosti* [White Siberia: political rhetoric, representations of power and the world of everyday life]. In: Zvyagin, S.P. (ed.) *Istoriya Beloy Sibiri* [History of White Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

13. *Kanskiy zemskiy golos*. ((1918).
14. *Nasha derevnya*. (1919).
15. *Eniseyskiy vestnik*. (1919).
16. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. (1919). 1–2, 3, 5.
17. *Svobodnaya Sibir'*. (1919).
18. *Trud*. (1918).
19. *Svobodnaya Sibir'*. (1918).
20. *Obshchee delo*. (1919).
21. *Minusinskiy kray*. (1919).
22. Lukov, E.V., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (1998) *Vyyavlenie i izuchenie novykh istochnikov po istorii obshchestvennoy zhizni Sibiri (konets XIX – 1920 g.)* [Identification and study of new sources on the history of social life in Siberia (the end of the 19th c. – 1920)]. Is. 2. Tomsk: Tomsk State University.
23. Logvinov, V.K. (1959) *40 let so dnya osvobodzheniya Krasnoyarskogo kraya ot kolchakovshchiny* [40 years since the liberation of Krasnoyarsk Krai from Kolchak]. Krasnoyarsk: [s.n.].
24. Solodovnikov, B. (1919) *Sibirskaya aventyura i general Gayda* [Siberian adventure and General Gajda]. Petrograd: [s.n.].
25. Ugrovatov, A.P. (1999) *Krasnyy banditizm v Sibiri (1921–1929 gg.)* [Red banditry in Siberia (1921–1929)]. Novosibirsk: YuKEA.
26. Kuznetsov, V.P. (1962) *Vosstanie soldat v Krasnoyarskom voennom gorodke (iyul' 1919 g.)* [Rise of soldiers in the Krasnoyarsk military town (July 1919)]. In: Logvinov, V.K. (ed.) *Gody ognevye...* [Years of fire . . .]. Krasnoyarsk: Krasnoyar. kn. izd-vo.
27. Vnuk, M.A. (1962) *V kolchakovskom zastenke* [In Kolchak's detention facility]. In: Logvinov, V.K. (ed.) *Gody ognevye...* [Years of fire . . .]. Krasnoyarsk: Krasnoyar. kn. izd-vo.
28. Zvyagin, Z.P. (2001) *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law enforcement policy of A.V. Kolchak]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 172–178.
29. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1800. List 2. File 348. (In Russian).
30. Zvyagin, S.P. (2002) [P.S. Troitsky, governor of Yenisei Province (1918–1919)]. *Vlast' i obshchestvo. Regional'nye aspekty problemy. K 180-letiyu Eniseyskoy gubernii* [Power and Society. Regional aspects of the problem. To the 180th anniversary of Yenisei Province]. Proceedings of the conference. Krasnoyarsk: [s.n.]. (In Russian).
31. Hins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak* [Siberia, the Allies and Kolchak]. Vol. 2. Beijing, Harbin: O-vo vrozozhdeniya Rossii: Tip.-lit. Rus. dukhovnoy missii.
32. Nikitin, A.N. (1994) *Dokumental'nye istochniki po istorii grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Documentary sources on the history of the Civil War in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Meteleva, M.V. (1957) *Dukhom okrepli v bor'be* [The spirit became stronger in the struggle]. In: Grebtsov, I.G. & Lifshits, L.I. (eds) *Nezabyvaemoe. Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnykh sobytiy v Krasnoyarskom krae (1917–1920)* [The Unforgettable. Memoirs of participants in the revolutionary events in Krasnoyarsk Krai (1917–1920)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
34. Silkova, N.P. et al. (eds) (1978) *Krasnoyarsku – 350 let* [Krasnoyarsk is 350 years old]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
35. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). F-R 53. List 1. File 156. (In Russian).

Received: 04 July 2017

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ИНОРОДЧЕСКИМИ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На основе анализа широкого круга источников рассматривается деятельность инородческих органов местного самоуправления на юге Российской империи в XIX – начале XX в. по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Сделан вывод о том, что имперские органы власти, интегрируя действующее законодательство в существующую систему обычного права кочевников, возлагали на органы местного самоуправления ответственность за обеспечение общественного порядка и общественной безопасности.

Ключевые слова: инородцы; органы местного самоуправления; общественный порядок; родовые общества; приговор.

Юг Российской империи издревле был заселен кочевыми народами. Юго-восточную, равнинную часть населяли кочевые народы, численность которых, по мнению И.В. Бентковского, «насчитывается до 90 000 разных кочующих народов: калмык, тухмен, киргизов, едисанцев, едишкульцев, джембулукцев и каранагайцев» [1. С. 2]. Географические и природно-климатические особенности данного региона обусловили интерес к нему со стороны кочевников, основным типом хозяйствования которых являлось экстенсивное скотоводство.

Изменение административно-территориального статуса региона в конце XVIII – начале XIX в. привело в 1796 г. к ликвидации института наместничества и образованию в 1802 г. Кавказской губернии, а в 1822 г. – к переименованию ее в Ставропольскую. Правовой статус конгломерата различных кочевых сообществ, образованных по этническому принципу, регулировался имперскими правовыми актами. Детализация системы управления, в том числе кочевниками на территории Кавказского края, была проведена в Высочайше утвержденном 6 февраля 1827 г. учреждении для управления Кавказской областью [2]. Отделение I главы VI «Управление инородных» посвящено системе управления и самоуправления внутренних, т.е. «обитающих в пределах области» инородцев. Статья 133 данного документа гласит: «Кочующие инородцы, так-то: Ногайцы и других наименований магометане, управляются особенным начальством, на основании их степных обычаев и обрядов, и на основании особенных об них правил» [3]. Согласно статье 7 «Устава для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», каждому аулу «предоставляется иметь аульного старосту и десятского, буде аул не менее десяти кибиток». В статье 12 оговорены условия избрания выборных должностных лиц местного самоуправления, а в ст. 13 указывается срок, на который избираются выборные [Там же]. В Отчете начальника Ставропольской губернии П.А. Брянчанинова за 1859 г. приводятся сведения о территории губернии и распределении территории между оседлыми и кочующими народами. Из него следует, что «губерния занимает до 9 857 637 десятин и 1 872 сажени, или около 94 791 $\frac{1}{2}$ квадратных верст, из коих 3 906 933 десятины 329 сажень принадлежит кочующим инородцам, а 3 051 428 десятин 2 021 сажень казакам Кавказского линейного войска, под лесами числится $\frac{1}{200}$ часть» [4. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5338. Л. 1]. Далее отмечает-

ся, что под общим названием магометанских народов в степной и маловодной части губернии кочуют ногайские и тухмянские племена [4. Ф. 101. Оп. 1. Д. 5338. Л. 27]. Анализ положений вышеуказанных статей позволяет сделать вывод о том, что данными нормативными правовыми актами было закреплено право ногайцев и туркмен на самоуправление.

21 октября 1859 г. был издан императорский указ, согласно которому «Калмыцкая степь в Ставропольской губернии с кочующей на оной калмыками Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса с их управлениями подчинить Главному приставу магометанских народов кочующих в Ставропольской губернии, и затем ему Главному приставу именоваться Главным приставом кочующих народов в Ставропольской губернии» [5. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 121. Л. 9–10].

Таким образом, с 1860 г. калмыки Большедербетовского улуса в составе 11 родов, 18 аймаков, 50 хотонов перешли в подчинение Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии [6. С. 257]. Для управления улусом было учреждено улусное управление, ставка которого до 1875 г. находилась в урочище Дудаки, а затем была переведена в с. Ивановское Медвежинского уезда.

Предметом исследования данной статьи является деятельность инородческих органов местного самоуправления на юге Российской империи XIX – начала XX в. по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Автор не ставит своей целью рассмотрение правовых аспектов общественного порядка и безопасности, а на основе анализа документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Ставропольского края акцентирует внимание на деятельности органов местного самоуправления в указанный период с целью обеспечения общественного порядка.

Местное самоуправление в кочевых обществах юга России имеет богатейший опыт, деятельность последних регулировалась еще нормами обычного права. В Калмыцкой степи, по мнению проф. К.Н. Максимова [7. С. 54], институт местного самоуправления на законодательном уровне впервые был закреплен Высочайше утвержденным Положением об управлении калмыцким народом 1847 г. [8]. Статья 14 главы II «О личных правах калмыков» гласит: «Калмыки имеют право составлять улусные и аймачные

сходы для совещания по делам общественной надобности и для выбора в общественные должности». Согласно данному законодательному акту, к полномочиям улусных и аймачных сходов как выборных органов местного самоуправления относились: выбор должностных лиц; раскладка натуральных повинностей; назначение к малолетним сиротам опекунов и учет их; совещание по вопросам местного значения; составление «приговоров о предоставлении буйной и развратной жизни калмыков в распоряжение правительства» и т.д. [8]. Приговор – это результат творчества органов местного самоуправления Калмыцкой степи в лице улусного или аймачного схода.

Согласно вышеуказанному Положению, решением аймачных старшин, хотонных старост и выборных лиц, избранных для участия в работе схода, проводилась раскладка натуральных повинностей, определялись направления социальной политики и обеспечивался общественный порядок на территории улуса, административно-территориальной единицы Калмыцкой степи. Соответственно, указанные правовые нормы распространялись и на калмыков Большедербетовского улуса, но уже в составе Ставропольской губернии.

К сожалению, в имперской правовой практике документов, регулирующих непосредственно правовой статус ногайцев или туркмен, не было разработано. Между тем положения Учреждения для управления Кавказской областью предусматривали механизм деятельности системы судопроизводства, согласно которому преступления классифицировались на общественные, частные и исковые. К общественным были отнесены: измена, возмущение в народе, побег за границу со злым умыслом и т.д. Ко второму роду – убийство, грабеж и насилие, поджоги и т.д. И к третьему – все не причисленные к вышеупомянутым двум родам. Согласно ст. 143 Учреждения, «Дела исковые разбираются первоначально через посредников и Внутренним Управлением инородцев, на основании их обычаев и обрядов». Фарфоровский на основе правоприменительной практики дополняет: «В настоящее время согласно 429 статье, II тома, 2 части Свода Законов Российской империи, исковые дела у тухмен разбираются посредниками и внутренним управлением инородцев, в случае же, если иск превышает 30 руб., – в мировых и общих судебных учреждениях» [9. С. 11].

Общественный порядок – это состояние в обществе, характеризующееся взаимоуважающим поведением его членов, основанном на соблюдении социальных норм, господствующих на данном этапе. Одновременно охрана общественного порядка и общественной безопасности является одной из форм реализации правоохранительных функций государства.

Рассматривая систему взаимоотношений общества и государства в сфере обеспечения охраны общественного порядка, российский юрист В.Н. Лешков считал, что главное предназначение государства заключается в обеспечении (посредством законодательства, правосудия, полиции, армии и т.п.) прав общества на самостоятельность, саморазвитие, самосохранение и самоуправление. Поскольку общество характеризуется многообразием интересов, задачей государства является приведение этих интересов к обще-

му знаменателю, общей пользе. С этой целью государство и наделяется властными полномочиями, в то время как общество действует на началах выборности и самоуправления [10. С. 30–31]. Согласно концепции полицейского права И.Е. Андреевского, общество и государственные органы выступают практически равноправными субъектами этой деятельности. Причем, чем «более развивается общество, тем шире делаются его предприятия относительно создания условий безопасности и благосостояния, и тем более может сокращаться непосредственное участие правительства» [11. С. 18–19].

Деятельность инородческих органов местного самоуправления по обеспечению общественного порядка и безопасности осуществлялась в следующих направлениях, которые будут проиллюстрированы конкретными фактами, выявленными в архивных фондах.

1. Соблюдение «паспортного» режима. Обеспечивая общественный порядок на определенной территории, аймачные старшины и хотонные старосты, прежде всего, отвечали за учет численности и состава проживающего на подконтрольной территории населения. По утверждению З.М. Блиевой, «представителям кочевых народов было запрещено покидать пределы своих поселений без особого подорожного паспорта (“билета”)» [12. С. 108]. Согласно делопроизводственной практике, существовала так называемая приписка к обществу и отобрание вида на жительство. Так, сход по представлению выборных должностных лиц рассматривал заявления с просьбами о приписке к обществу. Например, Ики-чоносовский аймачный сход Манычского улуса, состоявшийся 23 апреля 1914 г., рассмотрев заявление крестьянина с. Троицкого Семёна Яковлева Молчанова и полицейского стражника Михаила Щепы «о принятии их в нашу среду», вынуждено было отказать заявителям. Отказ был обоснован тем, что земельный дефицит при увеличении численности аймака мог спровоцировать конфликтные ситуации, кроме того «появление нового члена общества влечет за собой много хлопот по устройству их жизни, а этих хлопот у нас итак много, ибо с каждым годом неимущих, вдов и сирот все прибавляется» [5. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2483. Л. 2].

«Отобрание вида на жительство», т.е. лишение одноклассника большинством участников общественного схода права проживать на определенной территории, в данном случае аймака или хотона, за неправомерные поступки. Правонарушитель мог сам обратиться к однохотонцам за поддержкой. Например, согласно постановляющей части аймачного приговора от 7 сентября 1886 г. Бюрчи Нимгиров был выдворен из общества по причине «пьянства и карточной игры». Лишенный вида на жительство Нимгиров обратился «со словесной просьбой к обществу об оставлении его в среде себя, обещаясь перестать впредь, заниматься предосудительными поступками», на что общество выразило в постановляющей части приговора свое согласие, ходатайствуя перед попечительской властью «об оставлении его в нашей среде, за которым будем обязаны иметь строгий общественный надзор» [13. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 1970. Л. 31]. Пример из судебной практики Караногайского пристав-

ства свидетельствует о наличии телесного наказания как вида в юрисдикции родовых обществ. Так, пристав ачикулак-джембулукского, едисанского и едишульского народов в своем рапорте приставу кочующих народов Ставропольской губернии сообщает, что «общество почетных караногайцев приговором, состоявшимся и утвержденным 29 июня 1864 г. определило Камбулата Кошеева и Кулай Кожаева за воровство одной коровы и быка, как самознавшихся и избличенных в воровстве, розгами при ставке по 25 ударов» [14. Ф. 249. Оп. 2. Д. 30. Л. 12].

2. *Обеспечение защиты однородцев.* Общество в лице органов местного самоуправления не только стремилось избавиться от правонарушителей, но и осуществляло защиту своих членов, причем при разных обстоятельствах. Так, например, на Бурульском аймачном сходе калмыков, состоявшемся 15 апреля 1914 г., рассматривался вопрос о судьбе однообщественника Эрдни Кекеева Азыдова, который был заключен под стражу в улусной тюрьме за проступки в должности аймачного писаря и аймачного старшины. При этом участники аймачного схода акцентируют внимание на том, что данный человек пользуется репутацией общественного деятеля.

Так, «Эрдни Кекеев Азыдов был избран выборным на аймачный и улусный сходы, членом-Казначеем и Заведывающим делами Бурульской ссудо-вспомогательной кассы, членом Бурульской Аймачной строительной комиссии по сооружению хурульного здания – Сюме (имени Его Императорского Величества Возлюбленного нашего Белого Царя Николая Александровича II-го), а также по выбору г. Астраханского Губернатора Членом Черноярско-Енотаевской Землеустроительной комиссии, как достойный и уважаемый человек, уже два трехлетия. Постройка школы в нашем аймаке принадлежит всецело его инициативе и заботам и в знак признательности обществом избран Попечителем этой школы. По его исключительно стараниям вот уже 4–5 лет как у нас нет ни краж, ни грабежей скота, ни пьянства среди калмыков...» [5. Ф. И-9. Оп. 9. Д. 14. Л. 4 об.]. В приговоре отмечается, что «в истории следственной части калмыцкой степи очень мало найдется случаев применения такой строгой меры к самым профессиональным уголовным преступникам, коих ожидала самая высшая мера наказания» [Там же. Л. 4]. В постановляющей части документа общество просит следственные и судебные органы изменить меру пресечения по отношению к Эрдни Кекееву Азыдову и передать его на поручительство общества Бурульско-го аймака под денежный залог, размер которого также просят определить. «Взять на поруки» – исторически выработанная система коллективной ответственности общества за отступившихся однообщественников. В XIX в. в Российской империи эта мера наказания предусматривалась нормами Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г.

Родовые общества, взяв на поруки правонарушителя, создавали такие условия, при которых последний должен был стать законопослушным его членом. Материалы следующего архивного дела свидетельствуют о том, что органы местного самоуправления

стремились взять на поруки своих однообщественников-правонарушителей, тем самым избавив их от уголовного наказания, но если данная мера не имела успеха и имели место рецидивы, то общество вынуждено было обращаться к попечительской администрации. Например, решением Ики-Чоносовского аймачного общества калмыков от 26 октября 1912 г. «в распоряжение Правительства за порочное поведение был передан калмык Ноха Дорджи Манджиев» [5. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 17. Б/л.]. За кражу скота Ноха Дорджи Манджиев неоднократно привлекался к уголовной ответственности, но по инициативе и решению своих однообщественников, которые брали его на поруки, избегал наказания. Анализ делопроизводственной документации Управления калмыцким народом позволил сделать вывод о том, что имели место обратные случаи. Аймачное общество по приговору схода просит местные власти принять меры в отношении ряда лиц, занимающихся скотокрадством. В ответ на указанное ходатайство попечительская администрация сообщает о том, что губернатор приказал «отдать их под надзор аймачных старшин или улусного попечителя» [Там же. Д. 295. Л. 6].

Данная система работала и в условиях, когда правонарушитель после отбытия наказания возвращался в родные кочевья. Сначала после уведомления со стороны органов попечительской власти собирался аймачный сход, где в повестку дня выносился вопрос о желании или нежелании принять в свою среду конкретного человека. После обсуждения и в случае вынесения положительного решения общество постановляло не только о приписке к обществу, но и осуществлении надзора за новым членом. Так, например, в приговоре аймачного схода, состоявшегося 21 июня 1887 г. на урочище «Кецен-Булук», зафиксировано решение его участников о том, что «принять в свою среду Мучку Оматиева и иметь за ним надзор» [13. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 1970. Л. 18 об.].

3. *Оказание помощи судебным органам.* К обязанностям выборных должностных лиц местного самоуправления относилось также создание условий для эффективной работы судебно-следственных органов. К примеру, аймачные старшины должны были уведомить заседателей Зарго о проведении судебного заседания, о чем расписку предоставить в улусное Зарго. Кроме того, необходимо было обеспечить явку на судебное слушание ответчиков по гражданскому судопроизводству и обвиняемых по уголовному. В случае неявки указанных лиц и отсутствия второго экземпляра повестки с подписью о получении уведомления, старшина привлекался к ответственности с вынесением штрафных санкций [15. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 439. Л. 18].

Розыск отдельных категорий лиц по указанию судебного органа также осуществлялся должностными лицами органов местного самоуправления. Судебное производство в отношении калмыка Большедербетовского улуса Ставропольской губернии Манджика Бадминова за кражу узды завершилось вынесением решения о присуждении денежного штрафа в размере 50 коп. На имя старшины Икичоносова рода, где проживал виновный, было передано предписание от

29 июня 1916 г. о взыскании указанной суммы и передаче их улусному попечителю. Уже 17 августа того же года аймачный старшина Овше Мусынов в рапорте докладывает о том, что Манджик Бадминов, калмык Астраханской губернии, временно проживавший в Большедербетовском улусе, на данный момент выбыл в неизвестном направлении, в связи с чем штраф с него не взыскан. 5 сентября 1916 г. улусное Зарго предписывает аймачному старшине выяснить место прописки упомянутого калмыка. В ответ на данное предписание Овше Мусынов о результатах своего расследования сообщает в рапорте от 20 января 1917 г. за № 45 о том, что согласно сведениям, представленным сестрой Манджика Бадминова, проживающей в Икичносовом роде, последний «живет в Астраханской губернии Малодербетовского улуса Оргакинова рода в хотоне Бура-товом» [15. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 439. Л. 8].

4. *Финансирование деятельности по обеспечению общественного порядка.* В июле 1837 г. императором Николаем I было утверждено Положение о земской полиции, в котором были четко определены функции сельской полиции и ее должностных лиц. Главной задачей сельской полиции являлось «охранение общественного спокойствия, благочиния, смирения всякого действия, противного верноподданническому долгу и послушанию, донесение о том начальству; предупреждение и прекращение всяких неправомерных и соблазнительных сборищ; принятие, в случае нужды, особенных мер для безопасности какого-либо селения, дома или частного лица...» [16].

В кочевых обществах калмыков, туркмен и ногайцев на средства органов местного самоуправления создавались должности полицейских стражников. Состоявшийся 16 декабря 1906 г. аймачный сход общества калмыков Зюнева рода в составе 8 аймачных старшин, 25 хотонных старост и 112 выборных принял решение в связи с участвовавшими случаями «хищничества, расстраивающее скотоводческое хозяйство, а иногда в конец разоряющее малоимущих калмыков» [5. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 295. Л. 3] просить Управление калмыцким народом назначить стражника с жалованьем 300 руб. в год за счет родовых сумм. Уже 22 января 1907 г. было получено решение вышестоящих властей об учреждении должности пунктового стражника «при условии предварительного сбора денег на содержание его не менее, как на три месяца и принятия на себя обществом расходов по вооружению» [Там же. Л. 6]. Несмотря на то что общества выражали инициативу и самостоятельно осуществляли финансирование полицейских органов, по-прежнему существовали определенные трудности их комплектования из-за недостатка подготовленных

сотрудников, низкой заработной платы и популярности полицейской службы.

В этом же направлении следует выделить ассигнование средств на этапирование. Например, 17 февраля 1914 г. аймачный сход, состоявшийся на урочище Кецин Булук, в составе 1 старшины, 3 хотонных старост, 43 выборных от 5 кибиток принял решение «об ассигновании 25 руб. из аймачного капитала на пересылку в Сибирь однообщественника нашего Ноха Дорджи Манджиева» [5. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 17. Л. Б/л].

Таким образом, деятельность органов местного самоуправления кочевников юга Российской империи осуществлялась по двум основным направлениям: непосредственное осуществление правосудия и предотвращение совершения противоправных поступков, а также финансирование деятельности правоохранительных органов.

В случае же совершения правонарушения представителем органов местного самоуправления он подлежал исключению из числа выборных и на аймачном сходе на его место избирался новый кандидат. К примеру, попечитель Большедербетовского улуса в рапорте главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии докладывает о том, что калмык Бага Бурулова рода Педор Кюкенов за укрывательство кражи приговором Ставропольского окружного суда по Медвежинскому уезду, состоявшегося 27 февраля 1896 г., подвергнут тюремному заключению на два месяца. На основании судебного решения П. Кюкенов был исключен из числа выборных [14. Ф. 249. Оп. 2. Д. 30. Л. 21].

Центральные и региональные органы управления на национальных окраинах стремились на местах проводить гармоничную политику, синтезируя имперское законодательство с нормами обычного права, предоставляя инородцам право на самоуправление, в том числе и на осуществление правосудия. При этом на институт местного самоуправления возлагалась ответственность за обеспечение общественного порядка и безопасности, от поручительства за нарушивших закон однообщественников до финансирования этапирования правонарушителей до места отбывания наказания. Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии П.З. Ланко, анализируя состояние преступности среди кочевников, иронично отмечал: «В 1866 г. из всего числа калмыков, обитающих в пределах Ставропольской губернии, состояло под судом и следствием всего только 12 человек, т.е. один подсудимый приходится на каждые 340 душ населения, пропорция весьма утешительная для народа, ведущего кочевой образ жизни» [17. С. 80].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бентковский И.В. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 32. 34–35.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1827. № 877. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1830. Т. II. Отд. 2-е. 1560 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1827. № 878. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1830. Т. II. Отд. 2-е. 1560 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее ГА СК). Ф. 101.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф. И-9.
6. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII по 1920 г. Справочник / под ред. Е.И. Домова, В.В. Белоконов, Г.А. Никитенко. Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов ; Государственный архив Ставропольского края, 2008. 400 с.

7. Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М. : Республика, 1995. 320 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1847. № 21144. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1848. Т. XXII. Отд. 1-е. 950 с.
9. Фарфоровский С.А. Народно юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк. Ставрополь : Электропечатня Вайнблат, 1909. 17 с.
10. Лешков В.Н. Общественное право. М., 1871.
11. Андреевский И.Е. Полицейское право. 2-е изд. СПб., 1874. Т. 1.
12. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX в. Владикавказ : Изд-во Осетин. гос. ун-та, 2005.
13. НА РК. Ф. И-15.
14. ГА СК. Ф. 249.
15. НА РК. Ф. И-48.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1827. № 10305. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1830. Т. XII. Отд. 1-е. 1560 с.
17. Ланко П. З. Отрывки из записок о калмыках Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под ред. Н.Н. Черноярского. Ставрополь : Типография губернского правления, 1868. Вып. 1. 243 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2017 г.

POLICING BY NON-RUSSIAN LOCAL GOVERNMENT BODIES IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 132–136.

DOI: 10.17223/15617793/427/17

Irina V. Lidzhieva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russian Federation). E-mail: irinalg@yandex.ru

Keywords: non-Russians; local governments; public order; indigenous community; sentence.

The aim of this article is to examine the activities on ensuring public order and public security of non-Russian local authorities in the south of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries on the basis of the analysis of a wide range of sources. When Kalmyks, Nogais and Turkmens populated the steppe territory of Ciscaucasia and the Lower Volga they had already been integrated into the imperial legal system, yet preserved elements of self-regulation by customary law. The author aims to consider the legal aspects of public order and security, and based on the analysis of documentary materials from the collections of the National Archive of the Republic of Kalmykia and the State Archive of Stavropol Krai focuses on local government activities in this period in order to ensure public order. Public order is a state of society characterized by the behavior of shared values of its members based on the observance of social norms prevailing at this stage. At the same time the protection of public order and public security is a form of implementation of the law enforcement functions of the state. The study analyzed the record keeping documentation of the local authorities, judicial bodies, the Office of the Chief Police Officer of the Nomadic Peoples of Stavropol Province, the Office of the Kalmyk People of Astrakhan Province found in the National Archive of the Republic of Kalmykia and in the State Archive of Stavropol Krai. The territorial scope of the study covers the boundaries of the Kalmyk steppe of Astrakhan Province and the territory inhabited by the nomadic peoples of Stavropol Province. The study was based on scientific and objective principles. The author used the research methods of reconstruction, which restored individual facts and the local government's activities in this area, and comparison, which helped to analyze the local authorities' activities to ensure public order and security. The author concludes that the local government bodies of the nomads of the south of the Russian Empire worked in two main ways: (1) administered justice and prevented unlawful acts, and (2) funded law enforcement. The imperial authorities, integrating existing legislation into the customary law of the nomads, gave the local authorities powers to ensure public order and security in society.

REFERENCES

1. Bentkovskiy, I.V. (1879) Nashi kochevniki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie [Our nomads and their economic status]. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*. 32. pp. 34–35.
2. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1827. 877. Vol. 2. Pt. 2. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1827. 878. Vol. 2. Pt. 2. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
4. State Archive of Stavropol Krai (GA SK). Fund 101. (In Russian).
5. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. (In Russian).
6. Domov, E.I., Belokon', V.V. & Nikitenko, G.A. (eds) *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Stavropol'ya s kontsa XVIII po 1920 g. Spravochnik* [Administrative-territorial structure of Stavropol from the end of the 18th c. to 1920]. Stavropol: Committee of Stavropol Krai for Archives; State Archive of Stavropol Krai.
7. Maksimov, K.N. (1995) *Kalmykiya – sub"ekt Rossiyskoy Federatsii* [Kalmykia as a subject of the Russian Federation]. Moscow: Respublika.
8. Russian Empire. (1848) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1847. 21144. Vol. XXII. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
9. Farfоровский, S.A. (1909) *Narodno yuridicheskie obychai turkmen Stavropol'skoy gubernii. Etnograficheskiy ocherk* [People's legal traditions of Turkmens of Stavropol Province. Ethnographic essay]. Stavropol: Elektropechatnya Vaynblat.
10. Leshkov, V.N. (1871) *Obshchestvennoe pravo* [Public law]. Moscow: [s.n.].
11. Andreevskiy, I.E. (1874) *Politseyskoe pravo* [Police law]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. E. Pratsa.
12. Blieva, Z.M. (2005) *Rossiyskiy byurokraticheskiy apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX v.* [The Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th c. – 1880s]. Vladikavkaz: Osetia State University.
13. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-15. (In Russian).
14. State Archive of Stavropol Krai (GA SK). Fund 249. (In Russian).
15. National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-48. (In Russian).
16. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. 1827. 10305. Vol. XII. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva.
17. Lanko, P. Z. (1868) *Otryvki iz zapisok o kalmykakh Bol'sherbetovskogo ulusa* [xcerpts from notes on the Kalmyks of the Bolsheyderbetovskiy ulus]. In: Chernoyarskiy, N.N. (ed.) *Sbornik statisticheskikh svedeniy o Stavropol'skoy gubernii* [Collection of statistical information on Stavropol Province]. Is. 1. Stavropol: Tipografiya gubernskogo pravleniya.

Received: 05 March 2017

Л.Е. Мариненко, Т.А. Катцина

«ЧТО МЫ КРЕСТЬЯНЕ, ДРУГОЙ НАРОД, ЧТО ЛИ?»: СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Изучены особенности функционирования сельской системы снабжения Восточной Сибири в первой половине 1930-х гг. Авторы пришли к выводу, что система снабжения сельского населения была подчинена курсу форсированной индустриализации, она являлась инструментом для подстегивания хода коллективизации и должна была обеспечивать государству стабильное поступление сельскохозяйственной продукции. Следствием данной политики стало снижение уровня жизни сельского населения, разрушение традиционной крестьянской этики.

Ключевые слова: система снабжения; карточная система; сельское население Сибири; торговля; уровень жизни сельского населения.

Трансформация общественной системы в первые десятилетия советской власти стала причиной социальных изменений в стране, в результате уровень и качество жизни рядовых граждан существенно изменились. Вопросы об альтернативах общественного развития в первые десятилетия XX в. до сих пор актуальны и дискуссионны. В числе наиболее острых проблем историографии СССР остается вопрос о социальных последствиях проводимых преобразований, их цене с точки зрения «человеческого измерения» истории.

Цель статьи – изучить влияние государственной экономической политики в области снабжения на сельское население Восточной Сибири в условиях карточной системы первой половины 1930-х гг.

Тема эволюции системы снабжения населения СССР в годы первых пятилеток изучалась советскими [1], российскими [2] и зарубежными учеными [3]. Работы советских ученых были посвящены изучению политики партии в области торговли и снабжения, анализу организационной структуры последних, принципам их функционирования. Советские работы идеологизированы, выводы о динамичном развитии советской торговли, повышении жизненного уровня трудящихся, качественных изменениях в материально-технической базе торговли зачастую заслоняли в данных исследованиях такие противоречия реальной действительности, как товарный дефицит, голод, существование черного рынка. В постсоветский период появились новые публикации, посвященные глубокому анализу проблем и противоречий социально-экономического развития СССР, в их числе работы Е.А. Осокиной, которая обосновывает причинно-следственную связь между экономическим курсом правительства и введением карточной системы в стране, кризисами снабжения, товарным голодом. На данном этапе появились исследования, посвященные региональным аспектам проблемы торговли и снабжения в первые десятилетия советской власти [4–6]. Однако до сих пор недостаточно изученными остаются вопросы снабжения и уровня жизни сельского населения Сибири в довоенный период, данное исследование помогает частично восполнить этот пробел.

При работе над статьей были использованы принципы объективности, историзма, детерминизма, системный подход, сравнительно-исторический метод.

Проанализированный с помощью данных методов материал расположен в хронологической и логической последовательности.

В 1920-е гг. существовало несколько альтернатив развития СССР. Один из возможных путей развития предусматривал сбалансированное развитие промышленного и аграрного секторов экономики. Другой вариант был связан с задачей быстрого наращивания промышленного потенциала страны, достижения высокой степени обороноспособности за счет мобилизации всех ресурсов государства на нужды индустриализации. Напряженная международная обстановка, военная угроза, промышленная отсталость СССР и слабость основ демократии в стране сформировали благоприятную почву для форсированной индустриализации.

Во второй половине 1920-х гг. население страны начинает испытывать «товарный голод», что являлось прямым следствием курса правительства по вытеснению частного сектора из советской экономики с целью мобилизации всех ресурсов для нужд индустриализации. Политика, направленная на ликвидацию частного предпринимательства в сфере снабжения, привела к тому, что государство было вынуждено за счет собственных резервов насыщать потребительский рынок необходимыми товарами, в то время как государственная легкая и пищевая промышленность СССР в данный период была не в состоянии обеспечить возрастающий покупательский спрос населения страны. Форсированная индустриализация и политика государственных заготовок сельскохозяйственной продукции привела к продовольственному кризису.

В условиях разразившегося кризиса снабжения руководство страны вынуждено было ввести карточную систему для стабильного обеспечения продовольствием наиболее важных народно-хозяйственных объектов и ограничить уровень потребления остальной части населения. В январе 1931 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП (б) и Народного Комиссариата снабжения СССР была введена всесоюзная карточная система на основные продукты питания и непродовольственные товары.

В основе карточного снабжения населения были классово-производственный и этакратический принципы. В данной структуре центральное место отводи-

лось снабжению высшей партийной элиты, на следующей ступени иерархии находились карательные органы и армия, остальное население занимало различное место в ней в зависимости от их роли в процессе создания индустрии страны. Снабжение сельского населения находилось на одном из последних мест в этой иерархии. Большая часть жителей СССР, преимущественно проживающих в сельских поселениях, вообще не получила карточек. Основная масса крестьян оказалась за пределами карточной системы, лишь некоторые группы сельских жителей были отнесены к различным спискам снабжения.

Государство смогло организовать стабильное централизованное обеспечение лишь той части сельского населения, которая работала на наиболее важных народно-хозяйственных объектах (в совхозах, МТС, лесозаготовках). Государственный паек полагался также местному руководству и работникам политотделов совхозов и МТС, которые пропагандировали официальный политический курс среди населения. На централизованном снабжении состояли те слои населения, которые являлись опорой советской власти в деревне: бывшие партизаны и бедняцко-батрацкие элементы. Также паек выделялся сельской интеллигенции и детям. Нормы, установленные правительством для снабжения данных групп сельского населения, были лишь ориентиром для снабжающих организаций. В действительности же из-за скудных местных товарных фондов нормы эти часто не выполнялись. К примеру, в документах красноярских архивов описывались массовые случаи в 1932–1933 гг., когда сельские учителя не получали в течение одного-двух месяцев продуктов питания вообще [7. Л. 67].

На централизованном государственном снабжении была меньшая часть сельского населения. Если проанализировать пайковые нормы жителей деревни, то увидим, что государство смогло обеспечить лишь их минимальные потребности в продуктах питания и промтоварах. Для примера можно взять нормы снабжения районных руководящих работников. В октябре 1933 г. их пайковые нормы были следующие: хлеба на главу семьи в день полагалось 800 г, на каждого члена семьи – 400 г, рыбы – 2 кг в месяц, сахара – 1,5 кг, мыла хозяйственного – 500 грамм, кондитерских изделий – 2 кг на главу семьи и 1 кг на каждого члена семьи [8. Л. 84]. Для других сельских жителей, получающих пайковое снабжение, нормы были еще ниже.

Источники товарных фондов для снабжения населения частично формировались за счет центра, остальная часть изыскивалась из местных резервов. Но и этот скудный паек зависел от экономической возможности его обеспечения, как на уровне центра, так и отдельного региона. В условиях, когда государство не справлялось с обеспечением населения страны, зачастую пайковые нормы сокращались, с централизованного снабжения снимались отдельные слои населения. Так, например, в 1930 г. в одной из сводок ОГПУ о продовольственных затруднениях в Канском округе уполномоченные отмечали, что из-за отсутствия хлеба снабжение батраков и бедняков в районах прекращено. В связи с этим наблюдалось выражение недовольства со стороны бедняцко-батрацких слоев

населения. Так, в с. Ирбее во дворе общества потребителей собралась толпа жен служащих, беднячек, батрачек, которые обратились к председателю общества потребителей с требованием выдачи муки. Но председатель в связи с отсутствием муки им отказал, тогда женщины начали кричать, из толпы послышались выкрики: «Ограбили крестьян, обобрали народ, а теперь хотите остальных с голоду заморить!» При этом некоторые из женщин плакали. А бедняки и батраки, остро нуждающиеся в хлебе, говорили, что советская власть нуждается в поддержке бедноты только в момент проведения тех или иных мероприятий в деревне. В связи с голодом крестьяне все чаще высказывали мнение, что нужно выходить из колхозов и подыскивать себе другую работу или место жительства [9. Л. 123]. Бедственное материальное положение крестьян описано и в письме жителя д. Ново-Покровка Кожевниковского района, адресованном Сталину: «С 20 мая 1932г. стало нечего есть. Стало правление выдавать только тем, кто работает 800 грамм, а детям, старикам и матерям, которые из-за отсутствия ясель должны быть при детях, не выдавали хлеба совсем. Такое положение заставило колхозников выходить из колхоза: из 120 домохозяев осталось в колхозе 27...» [10. С. 238].

Карточной системой была охвачена лишь небольшая часть жителей села. Остальные сельские жители не получали стабильного пайка, они были отнесены к нетарифицированному населению. Снабжение этих людей тоже строго подчинялось потребностям индустриализации. Задачей сельской системы снабжения было создание условий для стимулирования хода коллективизации и обеспечение стабильного поступления сельскохозяйственной продукции государству.

Сельские поселения снабжались по остаточному принципу. Государственное снабжение основной массы сельского населения было лишь дополнением к принципу самоснабжения деревни. Хотя возможности последнего были ограничены. Методы государственных заготовок в деревне были направлены на получение необходимого количества сельскохозяйственной продукции при минимальных взаимных обязательствах со стороны государства. В 1930-е гг. существовала система обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции сельским населением. Государство покупало сельскохозяйственную продукцию у них по низким заготовительным ценам, а товары в деревню направляло по высоким коммерческим ценам. Государственные заготовки оставляли сельскому населению ничтожную часть продукции для собственного потребления.

Поскольку зависимость Восточно-Сибирского региона от централизованных товарных фондов была сильной, то объем поступления продуктов питания и промышленных товаров из центра определял и уровень обеспеченности населения необходимой продукцией. Распределение товарной массы между регионами СССР зависело от народно-хозяйственного значения каждого района и его вклада в процесс индустриализации. В Восточную Сибирь, которая являлась регионом преимущественно аграрным, шел меньший объем товаров, чем в другие части страны. Товаро-

оборот сельских поселений складывался из двух элементов. Первая часть товарных фондов имела целевое назначение (для отоваривания заготовок сельскохозяйственной продукции, рыбы, леса). Данные товары поступали в деревню в зависимости от выполнения трудящимися государственных планов заготовок. Вторую часть составляли товарные ресурсы, которые не зависели от выполнения сельскими жителями планов по заготовке различных видов продукции.

В основе сельского снабжения лежал принцип стимулирования государственных заготовок. Создавались специальные товарные фонды, которые поступали в сельскую местность в период уборочной кампании. Не случайно большая часть товаров в сельские поселения поступала преимущественно в третьем–четвертом квартале, когда можно было судить об итогах выполнения плановых обязательств. Объем товарных фондов, направляемых в деревню, зависел от значения каждого отдельного района в хлебозаготовительной кампании и от выполнения колхозниками плана государственных заготовок продукции. В случае невыполнения взятых обязательств колхозниками руководство вовсе не направляло в эти районы товары. В Красноярских и Иркутских архивах находится огромное количество директив центрального и местного руководства, категорически запрещающих заранее отправлять товары крестьянам в счет будущего урожая, а на местное руководство, которое распределяло товарный фонд, не учитывая выполнения плана хлебозаготовок колхозами, налагались взыскания. Поэтому можно сделать вывод, что количество направляемых товаров в деревню отнюдь не зависело от численности населения отдельно взятых районов или потребности их в промышленных товарах, в расчет брался лишь факт выполнения ими плана хлебозаготовок.

При выполнении плана хлебозаготовок производилось премирование сельского населения. Колхозы за каждый пуд сданного хлеба получали товаров на 35 копеек, индивидуальные хозяйства – на 30 копеек [11. Л. 13]. Для сравнения, в первой половине 1930-х гг. в Восточной Сибири средняя цена на шапку-ушанку в розничной торговой сети была от 12 до 20 рублей [12. Л. 9]. Это значит: чтобы заработать деньги на покупку шапки, единоличник должен был сдать государству около 66 пудов хлеба.

Государство бронировало специальные товарные фонды для сельского населения, которое производило различные виды заготовок. При заготовительных пунктах, складах и базах отраслевых объединений Народного комиссариата снабжения были открыты около 600–700 торговых лавок по областям, краям, республикам. Через эти лавки происходила продажа промтоваров, выделенных для стимулирования заготовок скота, птицы, яиц, молока и масла [13. Л. 62]. В начале 1930-х гг. колхозники, производившие заготовку сельскохозяйственных продуктов и сырья, могли получить товаров на 30–40% от полученной суммы, а единоличники – на 25–30% [14. С. 45]. В Красноярском округе в 1930 г. нормы выдачи товаров были следующими: при сдаче шерсти, молока, льна и пеньки товары выдавались в размере 30% от полученной сдатчиками суммы, яиц – 20%, утильсырья, щетины, волоса – 15% [15].

В условиях товарного дефицита жители деревни готовы были сдавать продукцию государству при условии наличия необходимых промтоваров. Дело доходило даже до того, что промтовары не продавали, а обменивали только на продукты и сырье. Подобная практика вызывала негодование со стороны сельского населения. В докладных записках Канского окружного комитета ОГПУ были описаны подобные случаи: «...Другим моментом, возбуждающим недовольство большей части единоличников всех прослоек, является кризис на промышленные товары. И это недовольство усугубляется еще и тем обстоятельством, что все общества потребителей такие предметы, как конфеты, махорка и др. стали отпускать только в обмен на товары: как, яйца, щетину, волос, шерсть и т.п. Это положение чрезвычайно отражается особенно на тех, кто не имеет кредитов на обмен и некоторые из них не получив необходимого товара пускаются на демагогические приемы. Так, например, крестьянин-середняк д. Капитоновки тут же срезал у своего коня хвост и с хвостом в руке, обращаясь к стоявшему в числе присутствующих 50 человек, бывшему партизану сказал: «Видишь, что ты завоевал, нам приходится обрезать лошадям хвосты, чтобы получить покурить». Среди толпы поднялся хохот, и послышались иронические выкрики: «Да добились большой продукции, в кооперации всего достаточно» [9. Л. 57].

Из-за товарного дефицита происходили и вовсе абсурдные случаи. Так, в с. Ивановское, по рассказам уполномоченного, «неизвестно по каким соображениям, общество потребителей додумалось отпускать гвозди только на гробы. Следовательно, чтобы получить гвозди, нужно, чтобы в семье кто-то умер. По поводу отпуска гвоздей на гробы крестьяне шутили: «Ну, значит, Советская власть о нас заботится, уже гвозди для гроба заготовила, помирай ребята, не стесняйся. Советская власть поможет, гвоздей на гроб даст, а о другом и думать не стоит» [10. С. 238]. Товарный дефицит подогревал недовольство политикой партии в крестьянской среде.

Из-за остаточного принципа формирования сельских товарных фондов размер товарооборота города и села значительно отличался. Вопреки тому, что сельское население по своей численности в РСФСР почти в три раза превосходило городское, в деревню направлялась меньшая доля товаров. Показатели сельского и городского товарооборота в начале 1930-х гг. в расчете на душу населения определялись, соответственно, соотношением 1:7 [16. С. 460].

Более высокие нормы снабжения городов и важных промышленных объектов по сравнению с деревней порождали в среде крестьян негативное отношение к власти, рабочим и служащим. Наглядной иллюстрацией подобных настроений может служить докладная записка ОГПУ о продовольственных затруднениях и политическом настроении в связи с этим населения Канского округа. Уполномоченный писал, что «В с. Нижний Ингаш середняк Д. среди толпы крестьян в 20–25 человек говорил: “Что мы крестьяне другой народ что ли, три месяца аванс давал и обуви нет, а рабочий получает, сколько ему нужно. Зачем мне сдалось стараться для государства, все дай, а те-

бе? Это, по-моему, делается все нарочно, чтобы обидеть крестьян» [17. Л. 286]. 9 июля 1930 г. на базаре г. Канска были слышны разговоры крестьян со служащими по поводу дороговизны продуктов: «А зачем вам паек, власть вас кормит. Мы не виноваты, что у нас весь хлеб забрали. Хлеб теперь продает беднота, у середняков его нет. Отбили охоту сеять, зачем, говорит, я буду на кого-то работать, да еще в тюрьме гнить, сравниюсь с бедняком» [Там же]. Эти высказывания крестьян свидетельствуют об отсутствии заинтересованности в собственном труде и расширении сельскохозяйственного производства.

Продовольственные трудности и голод были следствием аграрной политики власти. Материалы сибирских архивов практически не содержат упоминаний о голоде на территории Восточной Сибири в первой половине 1930-х гг., так как центральные и местные власти отрицали факт голода в период сплошной коллективизации. В документах содержатся лишь упоминания о «временных продовольственных затруднениях». Поэтому определить масштабы этого явления в регионе очень сложно. Причинами голода были не только природные явления (засуха), но и политика партии, когда изымалась у крестьян практически вся сельскохозяйственная продукция, а часто и семенные фонды. В публикациях М.П. Малышевой и В.С. Познанского [18] содержатся сведения о голоде в 1930 г. на юге Сибири. На основе архивных документов авторы описывают многочисленные случаи питания населения суррогатами, протравленной семенной пшеницей, нищенства, массовых выступлений крестьян.

Голодная жизнь порождала в среде крестьян мнение о том, что работать бесполезно, так как за свою работу не получишь никакого материального вознаграждения. Примером тому может служить собрание в апреле 1930 г. в сельскохозяйственной коммуне «Искра» Нижне-Ингашского района, где обсуждался вопрос о распределении дохода. На собрании звучали следующие высказывания: «За что работали, куда подевался заработок, завтра не пойдем на работу. На черта нам сдалась эта коммуна, голодаем, из зубов кровь уже от цинги идет, а молоко сдают до капли. Лучше сидеть голодом, но не работать» [19. Л. 26]. Попытки пропаганды в крестьянской среде трудового энтузиазма часто терпели крах в условиях полуголодной жизни и отсутствия материальных стимулов к труду. Подобную трансформацию традиционной трудовой этики отмечал и ленинградский рабочий, который работал в одном из колхозов Ужурского района: «Нам колхозники говорят: накормите нас и скот, а потом о соревновании говорить будем» [20. Л. 24].

Одним из последствий аграрной политики стало резкое снижение уровня потребления продуктов питания сельским населением в начале 1930-х гг. Если в конце 1920-х гг. уровень потребления жителей деревни мяса, масла, хлеба, картофеля был выше, чем у горожан, то в первую пятилетку по мясу, маслу и картофелю даже ниже. Причины этого в том, что неземледельческое население находилось на карточном снабжении и стабильно получало продукты. А крестьяне выживали лишь за счет личного подсобного хозяйства. Объем основных продуктов питания, которые

традиционно поступали в крестьянскую семью за счет собственного хозяйства, резко сократился. Это являлось следствием аграрной политики партии, направленной на изъятие сельскохозяйственной продукции по низким закупочным ценам. Сельская же система снабжения не восполняла этот пробел из-за отсутствия необходимых товарных фондов [21].

Недостаточное снабжение, полуголодная жизнь часто становились причинами бегства крестьян в города. Городское население в 1930-е гг. росло преимущественно за счет механического прироста. Отток сельского населения из деревни, несмотря на все административные преграды, происходил разными способами: через вербовку рабочей силы на стройки и сезонные работы, для продолжения учебы в городе, службу в армии. Особенно большие масштабы миграции жителей села наблюдались в начале 1930-х гг. В 1930 г. более 2 млн крестьян в СССР переселились в город, в 1931 г. – еще 4 млн. И это при том, что в 1920-е гг. в среднем ежегодная миграция сельского населения в города составляла около 1 млн человек [3. С. 96]. Масштабы добровольной миграции крестьянства несколько снизило принятие паспортной системы в стране в 1932 г., но сельское население находило иные способы, чтобы покинуть деревню. Очевидно, что основной причиной урбанизационных процессов являлся переход в СССР к индустриальному типу общества в 1930-е гг. В то же время можно отметить, что город притягивал сельское население лучшими условиями жизни, и в том числе в сфере снабжения, что дополнительно стимулировало добровольную миграцию крестьян из деревень.

После сдачи сельскохозяйственной продукции государству, формирования необходимых семенных запасов из небольшой оставшейся части урожая создавались колхозные фонды. Из них, на основании выработанных трудодней, распределялись между колхозниками оставшаяся продукция и деньги, полученные от государства. Благодаря такому остаточному принципу доходы колхозников, которые складывались на основании вышеуказанного источника, были невелики.

Основным источником дохода сельского населения являлось личное подсобное хозяйство и колхозная торговля. Советское правительство, в целях насыщения потребительского рынка сельскохозяйственной продукцией и создания материальной заинтересованности крестьян в расширении сельскохозяйственного производства, выпустило в мае 1932 г. постановление «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами». Колхозная торговля должна была осуществляться по свободно складывавшимся на рынке ценам. Доходы от торговли колхозов и колхозников не облагались налогом, а единоличники должны были уплатить 30% от полученной прибыли [22. С. 388–389]. В целом по стране цены колхозных рынков превышали государственные закупочные по зерновым культурам в 30 раз, а по продуктам животноводства – в 6–10 раз [23. Л. 25]. Крестьянам было более выгодно продавать свою продукцию на рынке. Чтобы избежать сокращения государствен-

ных заготовок, правительство ввело ограничение: крестьяне могли продавать свою продукцию на колхозном рынке лишь после выполнения плана обязательных поставок государству.

Доходы крестьян от колхозного рынка в первой половине 1930-х гг. постоянно росли. Особенно высокие темпы роста наблюдались после 1932 г., когда доля прибыли от колхозного рынка доходила почти до 70% совокупного дохода крестьянской семьи. Такой уровень стал возможен благодаря высоким ценам на продукты питания на рынке в условиях продовольственных трудностей. Для жителей городов и рабочих поселков колхозный рынок являлся необходимым дополнением к минимальному пайковому снабжению.

З.К. Звездин на основе обследования денежных доходов и расходов сельского населения страны в 1931–1932 гг. сделал вывод, что в структуре денежных доходов крестьян преобладали два вида доходов: от неzemледельческих занятий и от продажи продуктов на рынках по высоким ценам. Уровень денежных доходов отдельных деревень зависел от степени приближенности их к городскому рынку [24. С. 325]. Его мнение подтверждают данные о том, что в 1933 г. колхозы и колхозники в СССР получили от продажи на базарах собственной продукции прибыль на сумму 10 млн руб., в 1934 г. – 14 млн руб., а в 1935 г. – 16 млн руб. [25. С. 20]. Покупательная способность сельского населения Красноярского округа в 1932–1933 гг. по сравнению с 1927–1928 гг. выросла в основном за счет этих источников доходов с 14,3 до 55,5 млн руб. [26. Л. 69]. Но доходы сельского населения росли быстрее, чем товарные ресурсы, направляемые в деревню. Денежная масса скапливалась у сельского населения и в условиях дефицита товаров не возвращалась государству, что негативно сказывалось на темпах экономического развития.

Если рассмотреть структуру расходов сельского населения СССР на приобретение продуктов питания и промышленных товаров, то в 1930–1932 гг. удельный вес расходов на промтовары в ней составил около 40–50%, причем значительная часть покупок была совершена на рынке, что свидетельствует о товарном дефиците в государственной торговой сети. Удельный вес покупок крестьян в государственной и кооперативной торговле составлял всего около 25% [24. С. 326].

Таким образом, система снабжения сельского населения в первой половине 1930-х гг. была подчинена курсу форсированной индустриализации и сплошной коллективизации, она являлась инструментом для подстегивания хода коллективизации и должна была обеспечивать государству стабильное поступление сельскохозяйственной продукции. Карточная система, основанная на этакратическом и классово-производственных принципах, охватила меньшую часть сельского населения, значительная же часть жителей деревень выживала за счет самоснабжения.

В основе сельского снабжения был факт выполнения плана государственных заготовок. При успешном его выполнении необходимые товарные фонды централизованно направлялись в деревню, если же планы не выполнялись, то товарный поток сокращался или вовсе не распределялся в отдельные районы.

Все товарные ресурсы в стране распределялись между регионами в зависимости от их участия в процессе наращивания промышленного потенциала страны. Поэтому основная масса жителей деревни снабжалась по остаточному принципу, несмотря на то что сельское население по численности в три раза превышало городское. Восточная Сибирь как район с аграрной специализацией получала значительно меньший объем товарной массы, нежели другие регионы.

Товарообмен между городом и деревней страдал явной диспропорцией, крестьяне сдавали продукцию государству по низким заготовительным ценам, а получали товары по высоким коммерческим ценам. Подобная мера была вызвана тем, что покупательский спрос деревни (значительная часть доходов сельского населения формировалась за счет неzemледельческих заработков и продажи своей продукции на колхозном рынке) значительно превышал возможности его товарного покрытия. Поэтому, чтобы изъять денежные средства из деревни, государство использовало высокие коммерческие цены.

Сопоставляя объем городского и сельского товарных фондов, можно сделать вывод, что сельские поселения получали в несколько раз меньше товаров, чем город. Те товарные фонды, которые поступали в деревню, неравномерно распределялись среди населения. При распределении товарной массы также важную роль играл классовый принцип, преимущества были на стороне колхозников и бедняцко-батрацких слоев населения. Система снабжения сибирской деревни работала с большими перебоями, невыполнение плана розничного товарооборота стало устойчивой тенденцией в условиях карточной системы.

Благодаря такой экономической политике удалось добиться быстрой перекачки средств из фонда потребления населения в фонд промышленного накопления. Государство, направляя все ресурсы на нужды индустриализации, не могло обеспечить в полном объеме промтоварами и продуктами жителей села. Уровень потребления сельским населением продуктов сократился. Причем в первую очередь это касалось тех продуктов, которые крестьяне получали за счет личного подсобного хозяйства. Поэтому продовольственные трудности и голод затронули именно сельское население. Жители городов и рабочих поселков были обеспечены, по крайней мере, стабильным пайком.

Крайне скудное и неравномерное снабжение сельских поселений формировало в крестьянской среде мнение о невозможности изменить свое материальное положение в деревне. Поэтому крестьяне бежали от земли, в поисках лучшей жизни, в города. Перебои в снабжении товарами и продуктами питания, изъятие практически всего урожая для выполнения плана хлебозаготовок, невысокие выплаты из колхозных фондов не способствовали формированию стимулов к труду. В 1930-е гг. происходили разрушение традиционной крестьянской этики, отчуждение крестьян от земли и превращение их в наемных рабочих, не заинтересованных в результатах своего труда, поэтому можно говорить о процессах раскрестьянивания в данный период. Представление о том, что хороший труд является источником более обеспеченной жизни, не соответ-

ствовало реальной действительности 1930-х гг. Крестьяне не видели необходимости усердно работать, так как все равно никакой материальной отдачи от своего труда они не получали. В то же время плохое снабжение деревни, низкий уровень жизни ее жителей были факторами «внешнего раскрестьянивания», т.е. ми-

грации сельского населения в города и изменения их положения в социальной структуре. В 1930-е гг. в СССР шли урбанизационные процессы, обусловленные объективными причинами смены типа общества в стране, и аграрная политика косвенно стимулировала этот процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М. : Наука, 1965. 402 с.
2. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М. : РОССПЭН, 1999. 271 с.
3. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е гг.: деревня. М. : РОССПЭН, 2001. 422 с.
4. Мариненко Л.Е. Торговля и система снабжения в восточносибирской деревне в 1930-е гг. Красноярск : СФУ, 2012. 158 с.
5. Дударь Л.А. Карточная система снабжения различных категорий населения СССР в 1928–1934 годах // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1061–1065.
6. Малышева М.П. Голод на юге Сибири в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 84–88.
7. Центр документов новейшей истории Иркутской области (далее – ЦДНИ ИО). Ф. Р-2526. Оп. 1. Д. 8.
8. ЦДНИ ИО. Ф. П-123. Оп. 1. Д. 456.
9. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (далее – ГАКК). Ф. П-96. Оп. 1. Д. 808.
10. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. / отв. ред. М.П. Малышева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 307 с.
11. Российский государственный архив экономики. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 493.
12. ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 1. Д. 1155.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 410. Оп. 1. Д. 92.
14. Осокина Е.А. Иерархия потребления: О жизни населения в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М. : Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
15. Дефицитные товары сдатчикам шерсти, молока, яиц, льна и пеньки (1930) // Красноярский рабочий. 1930. 10 августа.
16. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 3: Создание фундамента социалистической экономики в СССР, 1926–1932 гг. / под ред. И.А. Гладкова, А.Д. Курского, А.И. Косого. М. : Наука, 1977. 535 с.
17. ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 814.
18. Малышева М.П., Познанский В.С. Голод на юге Западной Сибири в начале 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1. С. 74–78.
19. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 745.
20. ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 720.
21. Волков И.М., Вылцан М.А., Зеленин И.Е. Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917–1982 гг.) // История СССР. 1983. № 2. С. 3–20.
22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет : в 5 т. М. : Политиздат, 1967. Т. 2. 798 с.
23. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 41.
24. Звездин З.К. Материальные обследования денежных доходов и расходов сельского населения в 1931–1932 гг. // Источниковедение истории советского общества : сб. статей / под ред. Д.А. Чугаева. М. : Наука, 1968. Вып. 2. С. 319–339.
25. Нодель В.А. Ликвидация карточек, снижение цен и развернутая советская торговля. М. : Политиздат, 1935. 55 с.
26. ГАКК. Ф. Р-1301. Оп. 1. Д. 18.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2017 г.

“WE, PEASANTS, ARE WE A DIFFERENT PEOPLE?”: THE RURAL POPULATION OF EASTERN SIBERIA AND THE RATIONING SYSTEM OF THE FIRST HALF OF THE 1930S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 137–143.

DOI: 10.17223/15617793/427/18

Lyudmila E. Marinenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Tatiana A. Kattsina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: katsina@list.ru

Keywords: supply system; rationing system; rural population of Siberia; trade; rural population living standard.

The article is devoted to the study of the influence of the economic policy in the sphere of trade and supply on the rural population in Eastern Siberia under the rationing system in the first half of the 1930s. Based on the archives, the authors come to the following conclusion: the supply system of the rural population in Siberia in the first half of the 1930s was subject to forced industrialization and total collectivization. The authors studied the supply system functioning principles in the first half of the 1930s. The article states that central supply was directed to the minority of the country's rural population. The supply rate differentiation in the years of the rationing system was determined by class, production and etacrat principles. The ration for different categories of the rated population in the countryside was considerably smaller quantitatively and worse qualitatively than the ration for the same categories in towns and cities. The state could only provide minimal supply rates for its people in the context of limited goods. After the authors analyzed the formation and distribution sources of commodity funds, they came to a conclusion that their volume for the rural area was considerably lower than that for the city. This tendency was determined by the fact that all the Soviet society resources worked together for the industrialization needs. The commodity funds for the rural area were distributed extremely unevenly among the population. The funds of designated use had a significant weight. The arrival of goods to the countryside depended on the implementation of the agricultural products state procurement plan by peasants. The article studies the consequences of the commodity shortage in the 1930s, including financial resources concentration in people's hands. To withdraw these resources the state established high commercial prices for commodities directed to the rural area. Thanks to such a supply system, they managed to achieve quick money transition from the population consumption fund to the industrial accumulation fund. Food and material supply shortage, withdrawal of almost all output yield for the grain delivery plan implementation, low payments from the rural funds did not contribute to the labour stimuli development. Another side effect of this economic system was peasants' disinterest in increasing the production vol-

ume. Thus, the transformation of the society during the first decades of the Soviet system caused social changes in the country. As a result, living standards of common Soviet people changed significantly. The USSR economic policy of the 1930s led to a decrease of the rural population living standards, reduction of food consumption and destruction of traditional peasant philosophy.

REFERENCES

1. Dikhtyar, G.A. (1965) *Sovetskaya trgovlya v period sotsializma i razvernutoho stroitel'stva kommunizma* [Soviet trade in the period of socialism and the comprehensive construction of communism]. Moscow: Nauka.
2. Osokina, E.A. (1999) *Za fasadom "stalinskogo izobil'ya": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.
3. Fitzpatrick, S. (2001) *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 1930-e gg.: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
4. Marinenko, L.E. (2012) *Torgovlya i sistema snabzheniya v vostochnosibirskoy derevne v 1930-e gg.* [Trade and the supply system in the East Siberian village in the 1930s]. Krasnoyarsk: SFU.
5. Dudar', L.A. (2014) Kartochnaya sistema snabzheniya razlichnykh kategoriy naseleniya SSSR v 1928–1934 godakh [Card system of supply of various categories of the population of the USSR in 1928–1934]. *Kontsept*. 20. pp. 1061–1065.
6. Malysheva, M.P. (1998) Golod na yuge Sibiri v 1930 g. [The famine in the south of Siberia in 1930]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 84–88.
7. Documentation Center of the Modern History of Irkutsk Oblast (TsDNI IO). Fund R-2526. List 1. File 8. (In Russian).
8. Documentation Center of the Modern History of Irkutsk Oblast (TsDNI IO). Fund P-123. List 1. File 456. (In Russian).
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-96. List 1. File 808. (In Russian).
10. Poznanskiy, V.S. (2007) *Sotsial'nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gody XX v.* [Social cataclysms in Siberia: hunger and epidemics in the 1920s–1930s]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Russian State Archive of Economics. Fund 5240. List 9. File 493. (In Russian).
12. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1478. List 1. File 1155. (In Russian).
13. State Archive of the Russian Federation. Fund 410. List 1. File 92. (In Russian).
14. Osokina, E.A. (1993) *Ierarkhiya potrebleniya: O zhizni naseleniya v usloviyakh stalinskogo snabzheniya, 1928–1935 gg.* [Hierarchy of consumption: On the life of the population in the conditions of Stalin's supply, 1928–1935]. Moscow: Moscow Region State University.
15. Krasnoyarskiy rabochiy. (1930) Defitsitnye tovary sdachikam shersti, moloka, yaits, l'na i pen'ki (1930) [Deficient goods to the dealers of wool, milk, eggs, flax and hemp (1930)]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 10 August.
16. Gladkov, I.A., Kurskiy, A.D. & Kosoy, A.I. (eds) (1977) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR: v 7 t.* [History of the socialist economy of the USSR: in 7 vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-96. List 1. File 814. (In Russian).
18. Malysheva, M.P. & Poznanskiy, V.S. (1995) Golod na yuge Zapadnoy Sibiri v nachale 1930-kh gg. [The famine in the south of Western Siberia in the early 1930s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 74–78.
19. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-59. List 1. File 745. (In Russian).
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-59. List 1. File 720. (In Russian).
21. Volkov, I.M., Vyltsan, M.A. & Zelenin, I.E. (1983) Voprosy prodovol'stvennogo obespecheniya naseleniya SSSR (1917–1982 gg.) [Issues of food supply of the population of the USSR (1917–1982)]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 3–20.
22. Chernenko, K.U. & Smirnyukov, M.S. (1967) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: Sbornik dokumentov za 50 let: v 5 t.* [Decisions of the party and government on economic issues: Collection of documents for 50 years: in 5 vols]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
23. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK), Fund P-26. List 1. File 41. (In Russian).
24. Zvezdin, Z.K. (1968) Material'nye obsledovaniya denezhnykh dokhodov i raskhodov sel'skogo naseleniya v 1931–1932 gg. [Material surveys of cash incomes and expenditures of the rural population in 1931–1932]. In: Chugaev, D.A. (ed.) *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva* [Source Studies of the History of Soviet Society]. Is. 2. Moscow: Nauka.
25. Nodel', V.A. (1935) *Likvidatsiya kartochek, snizhenie tsen i razvernutaya sovetskaya trgovlya* [Elimination of cards, price cuts and extensive Soviet trade]. Moscow: Politizdat.
26. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1301. List 1. File 18. (In Russian).

Received: 24 October 2017

ПРИРОДА И ВЛАСТЬ НА СОВЕТСКОМ СЕВЕРЕ: ПРОЕКТЫ ОСВОЕНИЯ В XX в.

Рассматриваются технологические проекты, связанные с освоением северных территорий страны. Сделан вывод о том, что создание в северных регионах крупных инфраструктурных и технологических объектов было связано не только с необходимостью эксплуатации природных ресурсов, но и с демонстрацией политической власти. Вместе с тем экологические последствия этих проектов часто игнорировались государственными структурами.

Ключевые слова: экологическая история России; Север; Сибирь; модернизация; освоение Севера.

Взаимоотношения властных структур с окружающей средой занимают особое место в эколого-исторических исследованиях. Ни что так не демонстрирует мощь государства, как обладание природными ресурсами. Вне зависимости от того, рассматривалась ли природа как священный объект или как источник ресурсов, она постоянно становилась объектом политической борьбы [1. С. 716]. На протяжении XX в. менялись виды и способы, которыми люди эксплуатировали природу. С течением времени и развитием технологических возможностей менялось и понимание термина «природа» [Там же. С. 720].

На природопользовательские практики оказывали влияние и политические режимы. Бесспорно, что и демократические страны, и тоталитарные государства одинаково утилитарно подходили к природе, рассматривая её как источник экономического благополучия. Однако в СССР мичуринский лозунг о том, что человеку не стоит ждать милостей от природы и он должен взять их сам, стал неотъемлемой частью экологической политики государства. Если советская власть смогла изменить общество, то почему нельзя изменить природу? Этот вопрос руководители социалистического общества решали прямолинейно. За удивительно короткий промежуток времени подобный подход нашел своё отражение в ландшафтах: «неправильные» реки выправлялись, «бесполезные» болота осушались, а «хаотичные» леса были организованы для эффективного производства древесины. Одним из примеров такой политики государства по отношению к природе стал Советский Союз в целом и его северные регионы в частности.

Неоспорим и тот факт, что для советского государства как в период индустриализации 1930-х гг., так и во время модернизации 1960-х гг. в первую очередь было важно то, каким образом в максимально короткие сроки получить выгоду от использования природных ресурсов. Проблемы их сохранения, охраны дикой природы и тем более борьба с загрязнениями были второстепенны для советских руководителей [Там же. С. 736]. В этом плане показателен пример выступления начальника Тюменского геологического управления Ю.Г. Эрвье на заседании первой конференции Тюменской промышленной областной партийной организации в январе 1963 г., где он, говоря об открытии газовых месторождений на Тазовском полуострове, отмечал, что «можно радоваться открытию Тазовского газа с многомиллиардными запасами <...> но нельзя не огорчаться тем, что это открытие сопровождалось произвольным фонтанированием,

приведшим к большому ущербу как в денежном отношении, так и, главное, в том, что на целый год задержалась оценка этого открытия» [2]. Таким образом, становится очевидным, что для государства в первую очередь была важна утилитарная, экономическая составляющая этого открытия. В данном случае вопросы экологической безопасности и сохранности меркли перед необходимостью выполнить план по приращению нефтяных запасов, несмотря на тот факт, что уже в 1960 г. был принят закон «Об охране природы РСФСР».

Северные регионы СССР, известные своими богатыми природными ресурсами, стали объектом пристального внимания государственных структур, которые выступали по отношению к этим областям с патерналистских позиций, рассматривая их как объекты для повторной колонизации и модернизации. Здесь в XX в. на смену имперским ведомствам пришли советские партийные и народохозяйственные органы, которые, используя научную мысль, хотели освоить территорию быстро и результативно. В данном случае можно привести несколько примеров.

В 1920–1930-е гг. в научно-исследовательских кругах была популярна концепция создания крупных индустриальных объектов, которые, с одной стороны, выполняли бы свои промышленные функции, а с другой – являлись бы «проводниками» модернизационных и колонизационных идей. Так, С.В. Славин считал, что «опыт социалистического строительства на Советском Севере выдвинул как безусловно оправдавшую себя на определенных этапах развития формулу территориальных транспортно-промышленных и промышленно-транспортных комбинатов» [3. С. 232]. Разница между двумя этими организациями заключалась в следующем: основной задачей транспортно-промышленных комбинатов было развитие транспортной инфраструктуры с хозяйственным освоением прилегающих территорий; деятельность промышленно-транспортных предприятий должна была быть сосредоточена на освоении природных ресурсов, а также на развитии транспортных коммуникаций как важнейшего звена их использования. При этом примечательно и само название «колонизационный комбинат». Оно говорит нам о том, что именно с помощью промышленных технологий северные регионы должны были быть колонизированы.

В 1920-е гг. были созданы Мурманский транспортно-промышленный-колонизационный комбинат и акционерное общество «Комсеверопуть», которое занималось организацией развития производитель-

ных сил Обского и Енисейского Севера [3. С. 234]. Сфера деятельности Мурманского комбината заключалась в развитии Мурманского и Карельского регионов, в окончании строительства Мурманской железной дороги и порта, которые позволили бы в полной мере использовать природные ресурсы этого региона. Однако в связи с тем, что на первоначальных этапах работа Мурманской железной дороги сопровождалась убытками (доходы покрывали 20% убытков), она была трансформирована в комбинат. Согласно Постановлению СТО от 23 мая 1923 г. на управление нового Мурманского транспортно-промышленного колониального комбината возлагались развитие лесной и рыбной промышленности, использование прилегающих лесных массивов [Там же. С. 233].

Акционерное общество «Комсеверопуть», созданное в 1928 г., уже к 1934 г. также было трансформировано в территориальный транспортно-промышленный комбинат [Там же. С. 235]. Перед руководством Главного управления Северного морского пути стояла задача по развитию транспортной и промышленной составляющей экономики Севера Западной и Восточной Сибири. Благодаря деятельности управления начал свою работу Норильский никелевый комбинат, стали проводиться научно-исследовательские изыскания в этом регионе. Однако, по замечанию специалистов, эффективность подобных проектов оказалась низкой. Основная проблема заключалась в большой территориальной удаленности и отсутствии развитой инфраструктурной сети, связывающей регионы в единую транспортную систему.

Кроме того, если в первой половине XX в. приоритетными регионами для промышленного развития оставались центральные области, а также Европейский Север РСФСР, то во второй половине вектор индустриализации сместился на северо-восток. Освоение Азиатского Севера во второй половине XX в. стало важной социально-экономической задачей. С 1960-х гг. затраты на освоение этого региона удваивались каждые семь-восемь лет. Только за период 1960–1975 гг., по данным Совета по изучению производительных сил Севера при Госплане СССР, капиталовложения в хозяйство северных территорий значительно превысили их объем за весь предшествующий более чем сорокалетний период [4. С. 5]. В решениях съездов КПСС, других официальных документах подчеркивалась необходимость планирования народного хозяйства и руководства хозяйственными процессами на строго научных основах [5. С. 18]. Кроме того, по мнению С.В. Славина, «освоение новых районов в нашей стране выступает также как одно из основных звеньев в решении задачи рационального размещения производительных сил. Вся история индустриализации СССР является в то же время историей освоения новых районов» [6. С. 31].

Форсированное развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса актуализировало проблему создания и развития транспортной инфраструктуры Севера Сибири. В конце 1940-х – начале 1950-х здесь уже поднимался вопрос о создании Трансполярной магистрали Чум – Салехард – Игарка, однако она была законсервирована в 1953 г. [7. С. 27]. В первой

половине 1960-х разрабатываются проекты единой транспортной системы Западно-Сибирской низменности. Предполагалось развивать Транссибирскую магистраль за счет её соединения с так называемым Вагайским ходом (Екатеринбург – Тюмень – Омск) и лесовозными дорогами Заводоуковская – Тап, Егоршино – Серов – Полуночное, Чум – Лабытнанги, а также Ивдель – Обь и Тавда – Сотник [8. С. 164].

В дополнение к этому варианту для вывоза сибирской нефти создается проект Северо-Сибирской железной дороги, которая должна была объединить ветку Ивдель – Обь со строящейся дорогой Тюмень – Тобольск – Сургут и дальнейшим выходом на Сургут-Охтеурье до створа проектируемой Осинской ГЭС на Енисее и прокладки дороги Нефтеюганск – Александровское – Колпашево. Кроме того, строительство «тобольского варианта» от Тюмени до Сургута также актуализировало вопрос целесообразности создания «города Сургута с населением 250 тыс. человек, для которого важен железнодорожный подход, или сооружение нескольких небольших городов по 40–50 тыс. человек, в том числе на левом берегу» [Там же. С. 164]. В целом же создание единой транспортной структуры дало бы возможность более эффективно использовать потенциал Соснинского и Охтетурьевского газовых месторождений, а также Бакcharского железнорудного месторождения Томской области.

Вместе с тем партийные руководители Тюменской области не отказывались от идеи продолжения строительства Трансполярной магистрали. В одном из своих выступлений в 1969 г. первый председатель Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербина, говоря о развитии Севера Западной Сибири, отмечал, что «в связи с открытием и предстоящим освоением газовых и нефтяных месторождений в Ямало-Ненецком округе следует возобновить строительство железной дороги Салехард – Игарка, продолжить строительство железной дороги от Сургута до Нижневартовска и далее на восток» [9. С. 34]. При этом данная магистраль должна была быть связана с проектируемой северной веткой Транссибирской магистрали, «ответвления от которой пойдут на север и северо-восток в район Уренгой – Игарка» [10. С. 67]. Таким образом, на территории севера Западной и Восточной Сибири была бы создана единая транспортная система от Ивделя до севера Томской и Красноярской областей, образуя взаимосвязанную транспортную структуру в рамках большого индустриального региона.

Однако экологические риски реализации подобных проектов практически не учитывались. С одной стороны, это было связано с отсутствием на тот момент эффективных юридических механизмов, которые регулировали бы деятельность организаций, занимающихся созданием данных проектов. С другой стороны, подобные разработки в то время не должны были проходить обязательную экологическую экспертизу, что в свою очередь приводило к появлению серьезных экологических проблем. Так, только при строительстве одного километра автодороги отсыпного типа из хозяйственного оборота выводится растительный покров площадью около 16 га. Соответ-

ственно, при прокладке железнодорожного полотна размер отчужденных земель увеличивается в несколько раз. При этом особую угрозу для северных экосистем представляют места скопления строительной техники. В данном случае есть серьезный риск загрязнения окружающей среды утечками горюче-смазочных материалов. Кроме того, большие стройки в северных и труднодоступных регионах, как правило, являются причиной появления свалок отработанной техники, что приводит также и к техногенному загрязнению [11. С. 150]. Однако, согласно представлениям руководства страны и регионов, выгоды от реализации этих проектов перевешивали возможные экологические проблемы.

Еще одним крупным проектом советского руководства стало создание в начале 1950-х небольших гидроэлектростанций мощностью в 300–400 кВт в Восточной Сибири. Ключевой целью этого решения были обеспечение электричеством небольших поселков и колхозов, а также электрификация золотых приисков. Во многом благодаря им в Иркутской области стала развиваться золотодобыча и началась массовая электрификация сельской местности. Здесь были построены Осинская, Голуметская, Усть-Рубахинская, Пилюдинская, Полежаевская и Тагнинская ГЭС [12]. Так, построенная в 1950–1954 гг. Полежаевская ГЭС имела мощность всего 800 кВт, однако полностью обеспечивала электроэнергией Черемховский и частично Заларинский районы Иркутской области. При этом принимаемые народнохозяйственные решения редко носили научно обоснованный характер, что, в конечном счете, негативно отражалось на окружающей среде [13. С. 14].

В первой половине 1960-х гг. началась эпоха «большой гидроэнергетики». В середине 1950-х дала первый промышленный ток Иркутская ГЭС, в 1961 г. в строй вошли Братская, а позднее и Красноярская ГЭС. В дальнейшем в рамках Ангаро-Енисейского каскада ГЭС были введены в эксплуатацию Усть-Илимская и Саяно-Шушенская ГЭС. При этом строительство сибирских ГЭС оказалось самым дешевым в мире. Так, Братская ГЭС полностью окупилась уже к сдаче Государственной комиссии. Каждые два года достигалась фондоотдача, равная капитальным вложениям в строительство [14. С. 77]. При этом за первые 20 лет эксплуатации она выдала

народному хозяйству около 400 млрд кВт·ч электроэнергии и 8 раз окупилась затраты на свое сооружение [14. С. 77]. Кроме того, строительство больших ГЭС ангарского каскада привело к тому, что энергосеть «колхозных» гидроэлектростанций стала нерентабельной и они были закрыты. При этом экологические последствия деятельности ГЭС Ангаро-Енисейского каскада оказались в значительной степени более масштабнее, чем от работы малых ГЭС. Как отмечает С.Б. Сутурин, «не до конца продуманное сооружение каскада мощных гидроузлов на Ангаре привело к серьезным нарушениям природного комплекса. Грубейшие ошибки в планировании и финансировании, практические недоработки при создании Братского и Усть-Илимского водохранилищ повлекли за собой затопление миллионов кубометров древесины, ухудшение гидрохимического состава воды, нарушение экологического режима водохранилищ, ограничение их рекреационных возможностей» [13. С. 14]. Такое развитие в сочетании с массивным загрязнением воздуха, почвы и воды приводило к разрушению окружающей среды [1. С. 736].

В заключение необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, взаимоотношения государства и природы всегда носили политизированный характер. Природа становилась инструментом государственной власти, отражая её мощь, идеологию и величие. Во-вторых, идеи об изменении природы в СССР стали в определённом смысле результатом «революционного настроя». Если коренным образом можно изменить общество, то почему нельзя изменить природу под нужды общества?

Для Советского государства освоение и экономическое развитие северных территорий Сибири стали важной политической задачей. В разное время для северных регионов предлагались различные проекты, часто связанные развитием инфраструктурной сети для получения доступа и возможности использования природных ресурсов. Однако стоит отметить, что несмотря на предполагаемые дивиденды для государства, при реализации рассмотренных проектов их экологические риски не учитывались. Разработка концепций индустриального развития территорий осуществлялась без учета местных природно-географических и климатических условий, что приводило не только к нарушению в экосистемах, но и к разрушению окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zelko Frank. The politics of nature // The Oxford handbook of Environmental history edited by Andrew C. Isenberg. New York : Oxford University Press, 2014. P. 716–742.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.
3. Славин С.В. К вопросу о методах и формах управления процессом социалистического освоения Севера СССР // Проблемы Севера. 1958. Вып. 1. С. 229–243.
4. Ракита С.А. Природа и хозяйственное освоение Севера. М. : Изд-во МГУ, 1983. 329 с.
5. Тюрденев А.П., Андреев В.Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера. 1968. Вып. 13. С. 7–39.
6. Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. М., 1982. 350 с.
7. Приходько Ю.С. Строительство Транссибирской железной дороги в контексте экологической истории Сибирского Севера // Вестник СурГУ. 2016. № 6 (45). С. 27–32.
8. Варламов В.С. Вопросы транспортного освоения Западно-Сибирской низменности // Проблемы Севера. 1967. Вып. 12. С. 164–172.
9. Щербина Б.Е. Проблемы развития производительных сил Тюменской области в связи с освоением Обского Севера // Проблемы Севера. 1972. Вып. 15. С. 26–37.
10. Белорусов Д.В. Эффективность комплексного развития хозяйства в районах нового освоения // Проблемы Севера. 1972. Вып. 15. С. 63–70.

11. Богданов В.Д., Головатин М.Г., Морозова Л.М. Экологические риски при строительстве железной дороги на территории Ямало-Ненецкого автономного округа в рамках проекта «Урал промышленный – Урал полярный» // Экономика региона. 2010. № 2. С. 147–153.
12. Шелехова Л. Малые ГЭС Сибири упустили шанс на возрождение. URL: <http://www.plotina.net/mini-ges-sibiri-upustili-shans/> (дата обращения: 10.02.2017).
13. Сутурин С.Б. Взаимодействие хозяйственного механизма с охраной окружающей среды: исторический опыт и проблема Ангара-Енисейского региона (1960–1990 гг.) // Омский научный вестник. 2011. № 1 (95). С. 13–16.
14. Тимошенко А.И. Факторы модернизации экономики Сибири в XX столетии // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6 (92). С. 74–79.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2017 г.

NATURE AND THE POWER IN THE SOVIET NORTH: DEVELOPMENT PROJECTS OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 144–147.

DOI: 10.17223/15617793/427/19

Maksim S. Mostovenko, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: reiseleiter@mail.ru

Keywords: environmental history of Russia; North; Siberia; modernization; developing of North.

In the article, the author discusses projects of transport and power development of the North of Western Siberia in the 1930s–1960s. The analysis of the USSR state policy on the development of its northern territories in terms of technological capabilities became the research objective. The methodological basis of the article is the theory of modernization and the concept of ecological history. A modernization approach allowed to consider the research object as gradual invasion of technologies into the environment as a reflection by the modernists of the position of Soviet authorities. The concept of ecological history gave a chance to analyse features of the perception of nature and natural resources by government institutions. The main sources of the conducted research are materials of the State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast and works of experts in the field of ecology, economy and transport construction, which allows to consider the research object holistically. It is ultimate that both during the industrialization of the 1930s and the modernization of the 1960s the Soviet state primarily focused on how to receive benefit from the use of natural resources in the shortest terms. Problems of their preservation, of the protection of the wild nature and fight against pollution were minor for the Soviet leaders. The forced development of the West Siberian oil and gas complex actualized the problem of the creation and development of the transport infrastructure in the Siberian North. In the first half of the 1960s projects of a uniform transport system of the West Siberian lowland were developed. Zavodoukovskaya-Tap, Chum-Labytnangi timber transport roads were supposed to develop the Trans-Siberian Railway due to their connection with the so-called Vagaysk passage (Yekaterinburg-Tyumen-Omsk). The construction of 300–400 kW small hydroelectric power stations in Eastern Siberia in the early 1950s became another big project of the Soviet leaders. Electrification of small settlements, collective farms and gold mines was the key purpose of this decision. However, construction of big hydroelectric power stations of the Angarsk cascade resulted in the bankruptcy of “collective-farm” hydroelectric power stations and their closing. The main conclusions of the research are: (1) different projects often connected with the development of the infrastructure network to gain access to natural resources and have opportunities for their use were offered for the northern regions at different times; (2) the established legislative mechanisms were applied *ad hoc* and did not work in practice; (3) ecological problems were less important than economic.

REFERENCES

1. Zelko, F. (2014) The politics of nature. In: Isenberg, A.C. (ed.) *The Oxford Handbook of Environmental History*. New York: Oxford University Press.
2. State Archive of Social and Political History of Tyumen Oblast. Fund 2010. List 1. File 1. Page 117. (In Russian).
3. Slavin, S.V. (1958) K voprosu o metodakh i formakh upravleniya protsessom sotsialisticheskogo osvoeniya Severa SSSR [On the methods and forms of management of the socialist development of the North of the USSR]. *Problemy Severa*. 1. pp. 229–243.
4. Rakita, S.A. (1983) *Priroda i khozyaystvennoe osvoenie Severa* [Nature and economic development of the North]. Moscow: Moscow State University.
5. Tyurdenev, A.P. & Andreev, V.N. (1968) Osnovnye napravleniya v razvitiy sel'skogo i promyslovogo khozyaystva Severa SSSR [The main directions in the development of agriculture and trade in the North of the USSR]. *Problemy Severa*. 13. pp. 7–39.
6. Slavin, S.V. (1982) *Osvoenie Severa Sovetskogo Soyuza* [The development of the North of the Soviet Union]. Moscow: Nauka.
7. Prikhod'ko, Yu.S. (2016) Transpolar Railway building in the context of ecological history of the North of Siberia. *Vestnik SurGPU – Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6 (45). pp. 27–32. (In Russian).
8. Varlamov, V.S. (1967) Voprosy transportnogo osvoeniya Zapadno-Sibirskoy nizmennosti [Issues of transport development of the West Siberian lowland]. *Problemy Severa*. 12. pp. 164–172.
9. Shcherbina, B.E. (1972) Problemy razvitiya proizvoditel'nykh sil Tyumenskoy oblasti v svyazi s osvoeniem Obskogo Severa [Problems of the development of the productive forces of Tyumen Oblast in connection with the development of the Ob North]. *Problemy Severa*. 15. pp. 26–37.
10. Belorousov, D.V. (1972) Effektivnost' kompleksnogo razvitiya khozyaystva v rayonakh novogo osvoeniya [Efficiency of integrated development of the economy in areas of new development]. *Problemy Severa*. 15. pp. 63–70.
11. Bogdanov, V.D., Golovatin, M.G. & Morozova, L.M. (2010) Environmental risks at railway construction in the Yamal-Nenets Autonomous District within the framework of the project “Ural Industrial – Ural Polar”. *Ekonomika regiona*. 2. pp. 147–153. (In Russian).
12. Shelekhova, L. (2012) *Malye GES Sibiri upustili shans na vrozozhdenie* [Small hydro-power plants in Siberia missed the chance of revival]. [Online] Available from: <http://www.plotina.net/mini-ges-sibiri-upustili-shans/>. (Accessed: 10.02.2017).
13. Sutin, S.B. (2011) The interaction of economic mechanism with environmental protection: historical experience and problems of Angara-Yenisei region (1960–1980s). *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 1 (95). pp. 13–16. (In Russian).
14. Timoshenko, A.I. (2013) Factors of modernization of the Siberian economy in the 20th century. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. 6 (92). pp. 74–79. (In Russian).

Received: 16 October 2017

СТРОИТЕЛЬСТВО ЧУЙСКОГО ТРАКТА В 1920-х гг.

Рассматриваются восстановление и строительство Чуйского тракта в 1920-х гг. после его превращения в «первобытную тропу» в годы Первой мировой и Гражданской войн. Эти процессы сопровождались рядом важных проблем: выбор направления строительства нового тракта, противостояние Сибомеса и местных элит, отсутствие должного финансирования и технические сложности. Несмотря на это, за десятилетие после образования Советского государства основные ключевые вопросы путем компромиссов были решены и важнейшая транспортная магистраль Южной Сибири, ведущая в Монголию, получила новую жизнь.

Ключевые слова: Чуйский тракт; дорожное строительство; изыскательные работы; горные перевалы; паромные переправы.

Первая мировая и Гражданская войны нанесли колоссальный урон инфраструктуре всего государства. Эта участь постигла и некогда приносивший большую выгоду Чуйский тракт. Показательно, что дорогу в это время стали характеризовать как имеющую «первобытный вид» [1. Л. 2 об.]. Еще до полной победы «красных» и образования Советского государства остро стоял вопрос восстановления этой транспортной артерии, соединяющей Западную Сибирь с дружественной Монголией. Именно по этой причине первые сдвиги в данном направлении произошли в 1921 г., когда Гражданская война в Сибири еще не была окончена.

В 1921 г. Сибирское отделение местного транспорта (Сибомес) начал изыскательные работы на Чуйском тракте, основной целью которых являлись обследование старого левобережного варианта пути, а также изучение вариантов обхода самых проблемных участков, в том числе Семинского и Комарского перевалов. На проведение данных изысканий было выделено 3 500 руб. [2. С. 53].

Установление советской власти оказало заметное влияние на развитие Чуйского тракта. Согласно декрету ВЦИК от 31.08.1922 г. и Постановлению Сибревкома от 31.10.1922 г. был образован 3-й участок гужевых дорог Сибирского областного управления местного значения в г. Бийске, просуществовавший вплоть до 1931 г., когда Чуйский тракт перешел в ведение Удорстроя [3]. В этом же году Чуйский тракт на всем протяжении был признан дорогой государственного значения, что объяснялось, в первую очередь, его важнейшей ролью в торговых сношениях с Монголией, при этом тракту между Бийском и Улалой (Горно-Алтайском) придавалось межгубернское значение с отнесением расходов по обследованию за счет государственных кредитов [4. Л. 4 об.].

Одной из первоочередных задач новой организации стало восстановление переправ через многочисленные и бурные алтайские реки, в том числе и в самом проблемном месте – близ урочища Кор-Кечу, где проблема переправы через Катунь во все времена была самой сложной: «...выяснилась настоятельная необходимость в постройке шести припаромков на баркасах с тремя спасательными лодками через р. Катунь в с. Иня, Керкочу и Среднем Перевозе, которые были уничтожены белобандитами...» [1. Л. 2 об.]. В соответствии с указанной проблемой уже в 1922 г. были начаты восстановительные работы: во-

первых, был впервые построен деревянный мост через р. Чую близ Кош-Агача, во-вторых, к 1923 г. на участке от бома Кор-Кечу до с. Иня были запущены три парома на двенадцать подвод каждый, к тому же был приведен в проезжее состояние участок Чуйского тракта от г. Бийска до с. Верх-Комара [5. С. 8].

Вероятно, еще более важной задачей, уходящей корнями еще в изыскательные работы под руководством В.Я. Шишкова 1913–1914 гг., стал вариант выбора направления Чуйского тракта. С 1921 г. эта задача приобрела новую актуальность. Существовали две основные позиции: это старый левобережный вариант тракта (его отстаивал Сибомес) и новый правобережный (его отстаивало руководство Ойротской автономной области). Главным аргументом сторонников левобережного варианта тракта был тот факт, что правый берег р. Катунь представляет собой узкую долину реки, сжатую непроходимыми горными кряжами. Сторонники правобережного варианта же отмечали, что приспособление старого (левобережного) направления дороги под автомобильное движение нельзя оправдать ввиду того, что профиль дороги слишком изломан частыми перевалами, а также скверным грунтом, который в межсезонье и дождливую погоду представляется непроезжим. Представители Ойротии также указывали на лоббирование оставления старого направления местными богачами, в частности неким Агымаем, мимо владений которого у Теньгинского озера проходила дорога [2. С. 54]. Существовали также и иные варианты устройства дороги, которые предусматривали переход на правобережный вариант: соединение со старым направлением не в урочище Кор-Кечу, а в с. Черга или так называемый Ороктойский вариант, по которому старое и новое направление тракта соединяться через Талдинский перевал [6. С. 116].

Восстановительные работы проводились в очень небольших объемах в силу того, что предоставлялось мизерное финансирование при полном отсутствии дорожной техники, которую пришлось заменять на ручной труд. Краевед С. Исупов отмечал, что «восстановительные работы проводились лишь в небольших объемах и в основном в предгорной части трассы, которая тогда именовалась дорогой краевого значения Бийск – Улала» [5. С. 8]. Неизвестно, сколько на самом деле финансирования получило восстановление тракта в 1922 г., но согласно сметным исчислениям на капитальный ремонт Чуйского тракта закла-

дывалась сумма в размере 2,2 млн руб., а в случае удовлетворительного Катунского варианта тракта от Улалы до Караколы расстоянием в 258,17 км сумма затрат предполагалась в размере 4,84 млн руб. [7. Л. 22 об.].

Затраты на выполненные за 1923 г. дорожно-строительные работы составили 31 615 руб. при плане в 45 227 руб., но для обеспечения сплошной проезжаемости дороги данных инвестиций было недостаточно. Согласно оценкам специалистов, при работе по плану с жесткой экономией сумма требуемых вложений оценивалась в 110 тыс. золотых рублей [1. Л. 3 об.]. Основные силы были брошены на восстановление переправ и мостов на всем протяжении тракта: были построены типовые мосты балочной системы длиной около 64 м, отремонтировано балочных мостов на реках 234,7 м, отремонтированы два парома через р. Катунь в с. Катунском, построены балочные мосты на колодках через р. Каменку, р. Поперечную общей длиной 188,4 м. Главным достижением была постройка трех паромов на одну подводку с шестью припаромками на баркасах с тремя спасательными лодками через р. Катунь в с. Иня, урочище Кор-Кечу и в Среднем Перевозе. К тому же было проведено обследование Чуйского тракта на всем протяжении с составлением линейного плана, профиля и чертежей искусственных сооружений [Там же. Л. 2 об.]. Стоит заметить, что за исключением устройства паромных переправ близ урочища Кор-Кечу, все работы проводились на головном участке тракта до дер. Верх-Комара.

1923 г. для Чуйского тракта был озаглавлен проходом первых торговых караванов с советскими грузами в только образовавшуюся Монгольскую Народную Республику (МНР). Несмотря на малый грузооборот и возможность доставки товаров лишь в летний период, сам факт начала торговых связей между СССР и МНР является очень важным как для дорожного строительства, так и для международных отношений. Предметы самой торговли оставались фактически теми же, что и в XIX в.: чай, выделанная кожа, металлические изделия, ткани, маральи панты [5. С. 8]. Именно благодаря перспективности развития отношений между двумя молодыми государствами, Сибревком постановляет начать масштабную реконструкцию Чуйского тракта, а 11.03.1924 г. президиум Ойротского облисполкома выделяет на эти цели 43 750 руб. золотом [Там же]. Однако ограниченность финансирования по-прежнему была очень большой проблемой. Так, для выполнения строительно-восстановительной программы 1924 г. не доставало 27 417 руб. Единственным источником, за счет которого было возможно покрыть данный дефицит, оставалась помощь торговых и промышленных организаций, ведущих операции по вывозу сырья из Монголии [1. Л. 4]. Таким образом, была предпринята попытка восстановления тракта по принципу, используемому в дореволюционную эпоху, когда главными спонсорами строительных работ выступали купцы-чуйцы.

В 1925 г. начались изыскания нового перехода через перевал Чике-Таман. Старая дорога, несколько перестроенная в начале XX в., имела на протяжении 6,5 км 34 опасных и крутых поворота. Первый этап

работ на этом направлении был связан с обследованием существующей дороги и изысканием новых переходов, что вылилось в появлении пяти различных вариантов, но после отработки каждого из которых ни один не представился более экономичным, чем существовавший. При этом вставал вопрос, что перестроить существующий вариант выючной дороги из-за малых разворотов и большой крутизны подъемов не представлялось возможным, так как это требовало проведения огромных взрывных работ. Среди преимуществ старого варианта перехода назывались: самое низкое место перевала, густая сеть пешеходных, выючных и колесных дорог, сухость и устойчивость грунтов, относительно малая заснеженность в зимнее время.

По этим причинам уже в 1926 г. началось строительство новой дороги, которая удлиняла старый тракт на 2 км, но при этом вместо 18 серпантинов оставалось лишь 3. Руководил всеми указанными работами на перевале В.О. Пузин, в задачи которого входило, главным образом, приспособление тракта под автомобильное движение [8. С. 3]. Приблизительная стоимость постройки нового перехода через перевал Чике-Таман составила 84 625 руб. [11. Л. 10 об., 11]. Проведение серьезных работ на Чике-Тамане позволило Госторгу и акционерному обществу «Шерсть» отправить по этому пути автомобильные рейсы. Однако нормальному движению транспорта мешали два главных обстоятельства: во-первых, сложность самой дороги; во-вторых, самовольные захваты полос отвода тракта местными жителями и их небрежное отношение к сохранности дорожного полотна. Именно поэтому еще 6 апреля 1925 г. Ойротский облисполком принимает постановление «О мерах по охране Чуйского тракта», согласно которому тридцатиметровая полоса по обеим сторонам дороги становилась охранной зоной и включалась в полосу отчуждения [5. С. 8].

Власти осознавали, что ограниченность финансирования – это бич восстановления тракта. Очередной выход из сложного положения был найден в вовлечении граждан в дорожное строительство, тем самым получая возможность восстановления грунтового тракта между Улалой и Чергой, между Улалой и Бийском, приспособивая их под автомобильное движение. Налаживание бесперебойной и быстрой связи между этими населенными пунктами было особенно важным, так как Бийск того времени представлял собой важный железнодорожный и водный транспортный центр Сибири. Более того, проведение тракта по правому берегу р. Катунь через с. Суртайское, Березовку и Сростки сокращало общую длину пути на 6 км, минуя два катунских парома (в с. Катунском), а также позволяло не обходить стороной такие центральные аймаки Горного Алтая, как села Шебалино и Онгудай, в случае проведения тракта через с. Черга [9. Л. 20].

1926 г. озаглавлен новыми масштабными изыскательными работами на следующих участках Чуйского тракта: в долинах рек Сарасы, Черги и др. (для поиска обхода Комарского перевала), на Семинском перевале и Чике-Тамане (о котором сказано выше), в районах Красной и Аржаной гор, Узун- и Ер-бомов, в районе между урочищем Кор-Кечу и с. Иня [10. Л. 2 об.]. Вопрос

нахождения оптимального направления тракта так и оставался неразрешенным.

Результаты обследований существующего перевала Красная гора, проложенного достаточно пологими уклонами и закруглениями показали, что он может быть пока оставлен, так как удовлетворял техническим условиям, но при увеличении грузооборота будет выгоден долинный обход перевала, постройка которого трудностей не представляла [10. Л. 3].

Самые масштабные исследования проводились в долинах рек Сарасы, Черги и др. Комарский перевал, находящийся в этом районе, помимо неудовлетворительности существующего тракта в смысле предельных уклонов, обладал еще рядом крупных недостатков: во-первых, профиль пути имел очень волнистый вид с большим количеством подъемов; во-вторых, перевал был тройным; в-третьих, были очень тяжелые грунтовые условия при большом количестве родников, ключей и заболоченных мест, а также малой освещенности склонов гор; в-четвертых, вблизи отсутствовали каменные строительные материалы; в-пятых, местность в данном районе была очень малонаселенной [Там же. Л. 7]. В условиях грунтовой дороги трассировка вблизи существующего тракта имела и преимущества: во-первых, предложенные варианты обхода были длиннее как минимум на 5,4 км; во-вторых, стоимость постройки дешевле на более чем 21 тыс. руб.; в-третьих, требовалось меньше искусственных сооружений. Как отметили изыскатели, несмотря на большое преимущество в стоимости постройки дороги вблизи существующего тракта, он значительно уступал в эксплуатационных моментах иным предложенным вариантам [Там же. Л. 12].

Наконец, стоит отметить результаты проведения изыскательных работ относительно возможности устройства новой дороги в обход Семинского перевала и Каменного седла, где было выработано несколько альтернативных вариантов. Первый вариант – долиной р. Сарлык протяженностью 12,7 км. Второй вариант – по старому тракту в вершине р. Семы протяжением 7,3 км. Вместе с устройством дороги долиной р. Туекты стоимость постройки всего обхода Семинского перевала долиной р. Сарлык оценивалась в 109 202 руб., по второму варианту при выходе на существующий тракт в вершине р. Семы – в 1 182 002 руб. [11. Л. 11–11 об., 13].

Спустя год вновь началось активное обсуждение изменения направления строительства Чуйского тракта. 11 апреля 1927 г. Сибкрайисполком отверг многочисленные ходатайства Ойротского исполкома по этому вопросу. Как отмечает Т.С. Пустогачева, «это объяснялось, в первую очередь, гораздо большими тратами на строительство по Катунскому варианту, чем на ремонт старого. Экономическая окупаемость данного строительства представлялась слабо» [2. С. 54]. К тому же отмечалась неспособность Ойротии в силу ограничений технического и финансового характера воплотить в жизнь новое направление тракта. В скором времени Ойротский исполком своим постановлением начал проведение изыскательных работ по правому берегу р. Катунь на участке между г. Бийском и Усть-Чуей, целью которого было выяв-

ление возможностей проведения дорожного полотна по этому направлению, а также примерной стоимости данных работ. Катунский вариант дороги имел ряд несомненных преимуществ, среди которых: наличие лишь одного перевала (вместо двух очень сложных – Комарского и Семинского), а также хороший грунт на протяжении всего участка. По мнению комиссии, Катунское направление могло дать значительное преимущество и экономическую выгоду, если его превратить в дорожную магистраль [2. С. 55]. Стоит отдать должное Ойротскому исполкому, который, несмотря на многочисленные препятствия со стороны Сибомеса, смог вынести вопрос изменения направления тракта на государственный уровень, убедив Госплан в необходимости данного строительства [Там же. С. 56].

Совнарком РСФСР 4 апреля 1928 г. санкционировал строительство по новому направлению Чуйского тракта – по правому берегу р. Катунь, что встретило большое противодействие со стороны местных властей, особенно Онгудайского и Шебалинского районов, так как в таком случае они оставались в стороне от новой магистрали. Для исправления этой ситуации был предложен переход с правого берега Катунь в Усть-Семе, откуда долиной р. Семы он бы соединился со старой дорогой в с. Черга. Ввиду отсутствия поддержки, в 1928–1930 гг. дорожные работы на участке между Усть-Семой и Кор-Кечу не производились, за исключением небольших исправлений силами местных жителей [Там же]. Стоит также заметить, что для удобства дорожно-строительных работ на правобережном варианте тракта был организован самостоятельный дорожный участок № 2, руководителем которого стал один из главных борцов «переноса» Чуйского тракта с левого берега Катунь на правый – И.Е. Безответов.

В 1928 г. было изменено старое направление Чуйского тракта, он пошел от Бийска на Шульгинку, Красный Яр и Алтайское. В районе Шульгинки был создан новый катунский паром, который принял на себя большую часть грузов, проходивших ранее по парому в с. Катунском [12. С. 2]. Это действие сократило тракт почти на 16 км, что является безусловным его преимуществом. Стоит также заметить, что это был последний паром, построенный на Чуйском тракте.

Значимым этот год стал и для развития автодвижения по тракту. В г. Бийске появляются первые авторемонтные мастерские, организованные «Шосдорстроем» [13. С. 3]. Было создано отделение Всесоюзного общества содействия развитию автомобильного транспорта и дорожного строительства «Автодор», главной целью которого были подготовка автослесарей, шоферов и монтеров и, конечно, быстрее развитие автотранспорта в Бийском округе. Сложно оценить значимость и того факта, что в 1928 г. из Москвы поступила первая крупная партия грузовых автомобилей для перевозок по Чуйскому тракту. Все 12 «Фордов», закупленных в США, были переданы на недавно образованную автобазу в с. Иня [14. С. 27].

Весной 1929 г. начались строительные работы на участках Бийск – Майма – Усть-Сема – Чемал, а затем и на всем правобережном направлении [15. С. 86]. Всего в 1929–1930 гг. для работ по Чуйскому тракту

было выделено 34,4 тыс. руб., для работ по Улалинскому тракту – 90,6 тыс. руб. [16. Л. 8]. Таким образом, общая сумма выделенных средств составила 125 тыс. руб. Подчеркиваем, что большие надежды на восстановление и Чуйского, и Улалинского тракта возлагались на трудовую повинность.

1930–1931 гг. стали решающими для дальнейшего развития Чуйского тракта. На заседании президиума Ойротского облисполкома было отмечено, что тракт на участке между Бийском и Туектой разбит на 85% и, соответственно, не пригоден для автомобильного движения, а для гужевых повозок он пригоден лишь наполовину. Однако в декабре 1930 г. специальным постановлением СНК РСФСР катунский вариант Чуйского тракта был утвержден к строительству, и с весны 1931 г. в г. Бийске начало работать управление «Удорстрой». Было решено, что для строительства нового катунского варианта Чуйского тракта и поддержания в проезжем состоянии старого, необходимо объединить все имевшиеся на Алтае дорожно-строительные службы [17].

Однако утвержденный к исполнению проект Чуйского тракта отличался от проекта В.Я. Шишкова, предложенного еще по результатам изыскательных работ 1913–1914 гг. Был учтен тот факт, что оставлять в стороне от магистрали такие крупные поселения, как Шебалино и Онгудай, нецелесообразно, поэтому тракт должен был пройти не долиной Катунки до борма Кор-Кечу, а до с. Усть-Семы, где должен быть сооружен переход на другой берег с последующим выходом к старому направлению тракта у с. Черги. Общие затраты на строительство нового и ремонт старого трактов оценивались в более чем 25,3 млн руб. [Там же].

Основной задачей работ на тракте в 1931 г. стало восстановление авто-гужевого движения по старому Чуйскому тракту на всем протяжении. Состояние тракта описывалось следующим образом: полотно дороги от проходящих гуртов скота засыпано землей с откосов, а также камнями. Такое положение делало

его непригодным для нормального сообщения. Руководство работами на всем протяжении старого Чуйского тракта было возложено на Бийский дорожный отдел, но этот организационный вопрос по передаче полномочий от Ойротского исполкома долго не разрешался, что привело к ухудшению качества работ на тракте, находящемся в ведении Ойротского дорожного отдела [18. Л. 79]. Лишь Приказ № 279 по Ойротскому областному дорожному отделу от 28.12.1930 г. передал исправление Чуйского тракта в пределах Ойротской автономной области Удорстрою Главдортранса РСФСР. Вместе с тем данный приказ прекращал работы на Катунском варианте Чуйского тракта вплоть до окончания изыскательных работ, за исключением работ, которые необходимы для поддержания отдельных неотработанных участков, поддержания полотна в проезжем состоянии и заготовке строительных материалов [19. Л. 2]. Но уже в мае 1931 г. началась прокладка новой трассы. Начальником строительного управления назначается Н.К. Мартинсон [17].

Таким образом, эпопея с выбором направления Чуйского тракта спустя десятилетия обсуждений, многочисленных изыскательных работ и в буквальном смысле интриг была окончена победой позиции Ойротского облисполкома и представителей крупных торговых поселений – сел Онгудая и Шебалина. Однако на всем протяжении рассматриваемого времени заметна неспособность государства профинансировать в должном объеме восстановление и строительство Чуйского тракта. Внедрение трудовой повинности не могло оказать значительного влияния на общую картину ввиду объективных причин, в том числе отсутствием квалификации, отсутствием должной мотивации у местных жителей. Однако этот вопрос будет решен уже в 1930-е гг., когда к строительству тракта будут насильно подключены заключенные Сиблага. За счет их ручного труда будет решена проблема отсутствия строительной техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивный отдел Администрации города Бийска. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 2. Доклад начальника Дорстроя о значении строительства тракта за 1922 г.
2. Пустогачева Т.С. Строительство Чуйского тракта в первой трети XX в.: варианты, дискуссии // Мир Евразии. 2009. № 1 (4).
3. Архивный отдел Администрации города Бийска. Предисловие к описи № 1 документов постоянного хранения фонда Р-230 Управления дороги Новосибирск – Бийск – Ташанта.
4. Архивный отдел Администрации города Бийска. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 1. Протокол заседания Алтайского дорожно-технического совещания.
5. Исупов В. Века и версты Чуйского тракта // Деловой Бийск. 2010. № 35. С. 8–9.
6. Могулчина С.А. Чуйский тракт – главная артерия Республики Алтай // Материалы республиканской научно-исторической конференции «История и современность Республики Алтай». Горно-Алтайск, 2012.
7. Архивный отдел Администрации города Бийска. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 4. Сметные исчисления на постройку мостов, паромов за 1922 год.
8. Шипилов В. Перевалы Чуйского тракта // Бийский рабочий. 1986. 29 марта. С. 3.
9. Архивный отдел Администрации города Бийска. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 2. Пояснительная записка к производственному плану на 1926–1927 бюджетный год.
10. Архивный отдел Администрации города Бийска. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 3. Доклад начальника партии изысканий и по изысканиям тракта вблизи рек Сарасы, Черги и др. за 1926 г.
11. Архивный отдел Администрации города Бийска. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 9. Сведения о каменных материалах Бийск, Алтайск, Сараса и пояснительная по изысканиям перевалов по долинам реки Сараса (Чуйского тракта).
12. Шипилов В.Н. Паромы Чуйского тракта // Бийский рабочий. 1985. 10 дек. С. 2.
13. Шипилов В.Н. Авторемонтники // Бийский рабочий. 1984. 25 апр. С. 3.
14. Грехова Е.А. Чуйский тракт до монгольской границы. Историко-краеведческий очерк. Бийск, 2006.
15. Казамбаева А.Ч. Чуйский тракт – история и современность (по документам архивного фонда Кош-Агачское ФГУ «Дорожно-эксплуатационное предприятие № 221» // Материалы Республиканской научно-исторической конференции «История и современность Республики Алтай». Горно-Алтайск, 2012.
16. Архивный отдел Администрации города Бийска. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 13. Протоколы заседания Президиума Окружного исполнительного комитета Сибкрая, о подготовке к строительству за 1929 г.
17. Шипилов В.Н. Чуйский тракт // Бийский рабочий. 1984. 6 нояб.
18. Архивный отдел Администрации города Бийска. Ф. Р-230. Оп. 1. Д. 15. Директивные указания, распоряжения народного комиссариата путей сообщения Союза ССР за 1931 г.

THE CONSTRUCTION OF THE CHUYA HIGHWAY IN THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 148–152.

DOI: 10.17223/15617793/427/20

Mikhail V. Podrezov, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: misha_1101@mail.ru

Keywords: Chuya Highway; road construction; exploration; mountain passes; ferry crossings.

The article considers the problem of the reconstruction and construction of the Chuya Highway after the end of the First World War and the Civil War. The aim of the work is to highlight the problems that the young Soviet state faced in the first decade of its existence in the field of road construction. The source basis of the study is the materials of the R-230 Fund of the Novosibirsk-Biysk-Tashanta Road Administration of the General Directorate of National Highways “Gushosdor” of the USSR Ministry of Construction and Operation of Highways. It is important to note the works of Altai local historians published in local newspapers in different years, including V. Shipilov, S. Isupov and others. In the first part of the work the author describes the state of the Chuya Highway in the early 1920s. The issues of recognizing the tract a highway of state significance and the beginning of a discussion by the Soviet authorities of the possibility of using the right-bank direction instead of the left-bank are discussed here. In the second part of the work the author describes the beginning of extensive restoration work: the restoration of ferry crossings and bridges destroyed during the Civil War and the beginning of survey work at the most difficult sections of the Chuya Highway: in the valley of the Sarasaki and the Chergi rivers (the Komar Pass), search for options for detouring the Seminsky Pass, Arzhany and Red mountains, the possibility of laying a new road on the Chick-Taman Pass. In the third part of the work, the expediency of using the Katun (right-bank) direction of the Chuya Highway is discussed in detail. The issues of confrontation of the local authorities with the Siberian Branch of Local Transport, the beginning of active works on the Biysk-Ulala (Gorno-Altaysk) section are touched upon. Finally, the author comes to the following conclusions: 1. The choice of a new direction for the construction of the Chuya Highway, which turned into a whole epic, ended with the victory of the position of the Oirot regional executive committee, as well as representatives of the Shebalinsky and Ongudai districts, which resulted in the laying of the highway along the city of Biysk, Maima, Ust-Sema, Cherga, Shebalino, Ongudai and Kosh-Agach settlements up to the border with Mongolia. 2. The technical and financial resources of the region and the state to restore the highway in the specified period were very meager, which led to attempts to actively use the labor service and forces of the local population, and to force organizations involved in trade with Mongolia to finance the project. However, these attempts mostly failed, and the construction of the Chuya Highway was entrusted to SibLag, the Siberian Corrective Labor Camp, in the 1930s.

REFERENCES

1. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 2. *Doklad nachal'nika Dorstroya o znachenii stroitel'stva trakta za 1922 g.* [Report of the chief of Dorstroy on the significance of the construction of the tract for 1922].
2. Pustogacheva, T.S. (2009) Stroitel'stvo Chuyskogo trakta v pervoy treti XX v.: varianty, diskussii [Construction of the Chuya Highway in the first third of the 20th century: options, discussions]. *Mir Evrazii*. 1 (4).
3. Archival Department of the Administration of Biysk. *Predislovie k opisi № 1 dokumentov postoyannogo khraneniya fonda R-230 Upravleniya dorogi Novosibirsk – Biysk – Tashanta* [Preface to List No. 1 of documents for permanent storage of the R-230 Fund of the Novosibirsk–Biysk–Tashanta Road Administration].
4. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 1. *Protokol zasedaniya Altayskogo dorozhno-tekhnicheskogo soveshchaniya* [Minutes of the meeting of the Altai Road Technical Council].
5. Isupov, V. (2010) Veka i versty Chuyskogo trakta [Ages and miles of the Chuya Highway]. *Delovoy Biysk*. 35. pp. 8–9.
6. Mogulchina, S.A. (2012) [Chuya Highway, the main artery of the Altai Republic]. *Istoriya i sovremennost' Respubliki Altay* [History and the Present of the Altai Republic]. Proceedings of the conference. Gorno-Altaysk: Komitet po delam arkhivov Respubliki Altay. (In Russian).
7. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 4. *Smetnye ischisleniya na postroyku mostov, paromov za 1922 god* [Estimates for the construction of bridges and ferries in 1922].
8. Shipilov, V. (1986) Perevaly Chuyskogo trakta [The passes of the Chuya Highway]. *Biyskiy rabochiy*. 29 March. pp. 3.
9. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 2. *Poyasnitel'naya zapiska k proizvodstvennomu planu na 1926–1927 byudzhetnyy god* [Explanatory note to the production plan for the 1926–1927 budget year].
10. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 3. *Doklad nachal'nika partii izyskaniy i po izyskaniyam trakta vblizi rek Sarasy, Chergi i dr. za 1926 g.* [Report of the Chief of the Survey Expedition and on the survey of the tract near the Sarasaki, the Chergi and other rivers for 1926].
11. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 9. *Svedeniya o kamennykh materialakh Biysk, Altaysk, Sarasa i poyasnitel'naya po izyskaniyam perevalov po dolinam reki Sarasa (Chuyskogo trakta)* [Information about stone materials in Biysk, Altaysk, Sarasa and explanatory note for the surveys of passes along the valleys of the Saras River (Chuya Highway)].
12. Shipilov, V.N. (1985) Paromy Chuyskogo trakta [Ferries of the Chuya Highway]. *Biyskiy rabochiy*. 10 December. pp. 2.
13. Shipilov, V.N. (1984) Avtoremontniki [Autorepairmen]. *Biyskiy rabochiy*. 25 April. pp. 3.
14. Grekhova, E.A. (2006) *Chuyskiy trakt do mongol'skoy granitsy. Istoriko-kraevedcheskiy ocherk* [The Chuya Highway to the Mongolian border. A historical and local history essay]. Biysk: [s.n.].
15. Kazambaeva, A.Ch. (2012) [The Chuya Highway: history and modernity (by the documents of the Kosh-Agach “Road Operational Enterprise 221”). *Istoriya i sovremennost' Respubliki Altay* [History and the Present of the Altai Republic]. Proceedings of the conference. Gorno-Altaysk: Komitet po delam arkhivov Respubliki Altay. (In Russian).
16. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 13. *Protokoly zasedaniya Prezidiuma Okruzhnogo ispolnitel'nogo komiteta Sibkraya, o podgotovke k stroitel'stvu za 1929 g.* [Minutes of the meeting of the Presidium of the Regional Executive Committee of Sibkray, on preparations for construction for 1929].
17. Shipilov, V.N. (1984) Chuyskiy trakt [The Chuya Highway]. *Biyskiy rabochiy*. 6 November.
18. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 15. *Direktivnye ukazaniya, rasporyazheniya narodnogo komissariata putey soobshcheniya Soyuza SSR za 1931 g.* [Directive orders, instructions of the People's Commissariat for Lines of Communications of the USSR for 1931].
19. Archival Department of the Administration of Biysk. Fund R-230. List 1. File 16. *Raznye vypiski iz prikazov za 1931 g.* [Different extracts from orders for 1931].

Received: 12 February 2018

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

По материалам наскальных изображений Боярских писаниц с привлечением археологических данных о жилищах тагарской культуры анализируются возможные конструктивные особенности жилищ тагарской культуры I тыс. до н. э. Поднимается проблема интерпретации конструктивных особенностей жилищ Бояр и их полисемантического значения. Рассмотрение наскальных изображений жилищ с привлечением этнографических и археологических данных позволяет более достоверно воссоздать их возможный типологический и конструктивный облик.

Ключевые слова: Хакаско-Минусинская котловина; тагарская культура; Боярские писаницы; конструктивные особенности жилищ; срубные и юртообразные жилища; традиционные жилища хакасов.

Материальная культура тагарского населения Хакаско-Минусинской котловины (ХМК) привлекает интерес за счет ярких находок, в большей своей части из многочисленных погребальных комплексов, расположенных в регионе. Помимо предметов погребальной культуры к числу находок, представляющих значительный интерес, но в меньшей степени изученных и достаточно редко встречающихся, относятся поселения и жилища тагарской культуры.

Жилище, являясь важным элементом материальной культуры, в значительной степени устойчиво к изменениям со стороны внешних воздействий и связано в целом с этническими процессами развития. Проблема изучения жилищ тагарской культуры на территории ХМК, изолированной от внешнего мира горными хребтами Саян и Алтая¹, актуальна в силу ограниченного количества археологических данных, плохой их сохранности² сложности и неясности интерпретации изображений таких жилищ на петроглифах.

Цель работы – на основе археологических, этнографических данных и наскальных изображений, реконструировать типологию и конструктивные особенности жилищ тагарской культуры региона.

Известным памятником наскальной культуры той эпохи, содержащей изображения жилищ тагарской культуры и свидетельствующей об общности материальной и духовной культуры, являются Боярские писаницы Боградского р-на Республики Хакасия. Временем их создания считается II в. до н. э. – первая половина I тыс. н. э. [3. С. 96].

История изучения Боярских писаниц связана с именами ряда исследователей [3–8]. Боярские писаницы являются уникальным памятником древности, ярко представляющим региональную традицию петроглифов тагарской культуры VIII–II вв. до н. э. В изображении Боярских писаниц (Большой, Малой, Новой), представляющих единое композиционное и семантическое единство, центральное место древними художниками выделено изображениям древних поселков, состоящих из жилищ: юртообразных и, вероятно, деревянных срубного типа, которые являются уникальными источниками сведений о жилищах тагарской эпохи³. В научном мире именно изображения жилищ стали предметным полем гипотез и версий их типологии и функционального назначения. Проблема интерпретации типологически разных жилищ Боярских писаниц актуальна в силу вариативности суще-

ствующих точек зрения на их типологию и имеющейся в распоряжении исследователей весьма ограниченной источниковой базы. Существующие типологические варианты интерпретации жилищ Боярских писаниц следующие: жилища «типа юрт» [5. С. 8, 9]; бревенчатые дома [4. С. 41–45; 5. С. 8; 10. С. 45]; юртообразные жилища [10. С. 45–46]. В целом все исследователи типологически относили жилища к двум основным типам: юртообразным (см. рис. 1–3) и деревянным (см. рис. 4). Жилища, имеющие горизонтальные полосы (на Малой Боярской писанице) на острове (см. рис. 1), ряд исследователей считает волосяными веревками, а шалаши такого типа в это время были перевозными посредством колесного транспорта, как у средневековых монголов [11. С. 49–50; 12. С. 254]. Спорность данной точки зрения – в отсутствии материальных свидетельств о наличии колесного транспорта у тагарского населения⁴. Таким образом, из специфики самих писаниц как исторического источника, рождаются спорные и неоднозначные утверждения.

Искусство (в том числе и наскальное) является отражением духовного мира и материальной культуры человеческого общества на протяжении всей его истории. Считается, что произведения наскального искусства несут сакральный характер, создаются в магических целях и в особых местах⁵. Уровень развития искусства всегда сопоставим с мировоззрением и миропониманием человека⁶.

Семантика – наиболее скрытая сторона петроглифов, о ней можно высказать только самые общие предположения. Изображения жилищ Боярских писаниц, вероятно, следует рассматривать как единое представление тагарского населения о жилище как земном центре мироздания, в котором нашла свое проявление идея мифологического мироустройства, схема Вселенной. Мир в воззрениях тагарцев имел трехчастную структуру: уровень земли, уровень человека, уровень неба [15. С. 123]. Исследования Д.С. Раевского о скифской культуре вырисовывает единство трехчастности Вселенной в их религиозно-мифологическом представлении [16. С. 289]. В образе жилищ тагарского населения прослеживается тесная связь и параллель между образно-концептуальной моделью мира.

В традиционной культуре большинства народов жилище универсально, оно представляет и структурирует мироустройство.

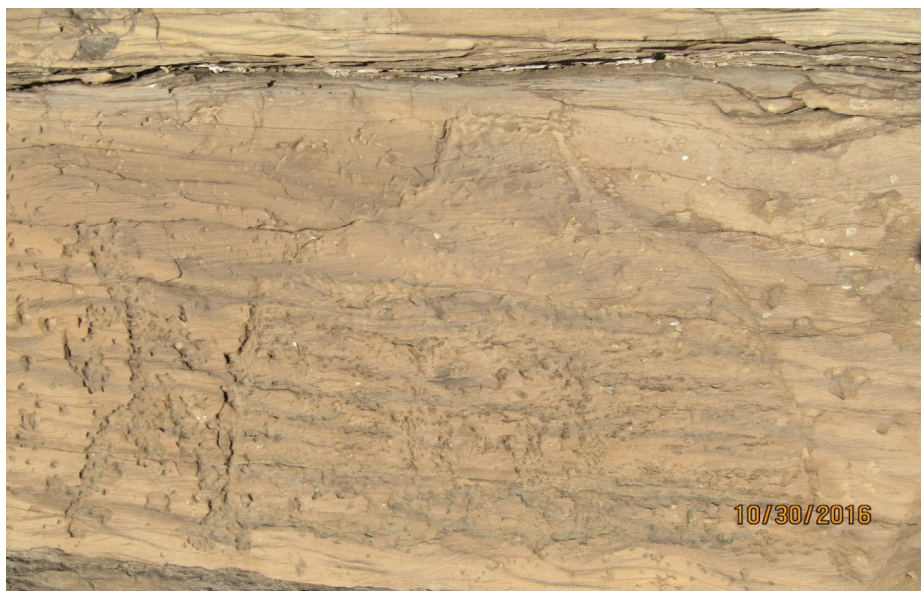

Рис. 1. Малая Боярская писаница. Юртообразное жилище (фото автора; без масштаба)

Рис. 2. Большая Боярская писаница. Юртообразное жилище (фото автора; без масштаба)

Рис. 3. Большая Боярская писаница. Юртообразное жилище (фото автора; без масштаба)

Постройка жилища отражает акт Мироздания и поэтому несет в себе нечто священное [17. С. 40]. Жилище всегда очень органично с окружающей природной средой, несет в себе черты всеобщего ее подобия, являясь микромоделью мира. Жилище тагарцев также структурирует картину мира, а его части, видимо, представляют основные уровни Вселенной. Жилище в этом представлении дублирует Мировое дерево. Так, извлеченные пни деревьев, закопанные корнями вниз и вверх в погребальном дромосе Большого Салбыкского кургана, свидетельствуют о распространении у тагарцев культа Мирового дерева [18. С. 7–8]. Мифологема Мирового дерева, как и жилище человека, соотносится со значением Середины (срединности), олицетворяет неразрывную связь нижнего и верхнего миров, что соотносится со значениями жизни и смерти. Данное соотношение позволяет объяснить бытование жилищ у тагарцев и их конструктивных особенностей и (или) использование их аналогов в погребальной обрядности.

В последующие этнографические эпохи лиственница, как и береза, были наиболее распространенными деревьями сеоков хакасов. Сообщество людей, объединенное одним деревом, было крупнее, выходило за рамки сеока и являлось более ранним по своему формированию. В тесной связи дерева и человека прослеживаются представления мировоззренческого характера, связанные с основными этапами жизненного цикла человека и дерева у хакасов выражалась в идентичности их названий: например «салаа» – палец, ветка дерева, сук [20. С. 434]; «тамыр» – артерия, вена, пульс, корень, разветвление корня, наследственность [Там же. С. 587]. В хакасском фольклоре сокращение количества членов семьи, сеока ассоциировалось с подрубанием ствола или веток дерева.

Следующей проблемой интерпретации жилищ на писаницах является их восприятие как вымышленных либо имеющих реальные прообразы. В пользу реалистичности жилищ Боярских писаниц склоняет вариативность их типологических конструкций, представляющих нашему взору: это жилища, напоминающие юрты; жилища срубного типа; жилища, совмещающие в себе черты первых и вторых. Надо отметить, что на писаницах юртообразные жилища встречаются в нескольких видах (см. рис. 1–3).

Изображая такие поселения древний художник должен был иметь какой-то реальный его прообраз, для того чтобы воплотить замысел в столь высоком детальном художественном стиле. На наш взгляд, изображения Боярских писаниц предстают отражением реальности и являются вариациями типов жилищ эпохи тагарской культуры, наглядно воплощенных художником в камне.

Разные типологические виды жилищ обусловили применение разного материала, используемого для изготовления жилищ, что заметно на петроглифах. Сопоставляя известные типы жилищ аборигенного населения этнографического периода региона [8], отмечено широкое использование дерева: для кровли – коры деревьев, срубных конструкций лиственницы. Существование жилищ срубной конструкции в эпоху

тагарской культуры вполне может быть обусловлено расцветом металлургии меди и горного дела. Н.Л. Членова начало местного производства черного металла связывает с проникновением в Южную Сибирь импорта железа с территории ахеменидского Ирана таштыкским населением в конце I тыс. до н. э. [21. С. 222]. Древние тагарские горные выработки, обильно представленные в Минусинской котловине, свидетельствуют о большой роли и распространенности металлоизделий из бронзы, меди и не ранее III в. до н. э. из железа в быту тагарцев [22. С. 139]. Большое количество изделий из металла и их ассортимент свидетельствуют о высоком уровне бронзолитейного дела [23].

Развитая деревообработка, при условии использования и широкого применения орудий из металла для деревообработки, позволяла строить срубные деревянные сооружения. И если в отношении срубных жилищ мы можем сказать об этом менее утвердительно (исходя из малого количества сохранившихся срубов тагарских жилищ), то деревянные конструкции погребальных камер в виде срубов рубленных «в лапу», «в обло», горбыль и изготовление тонких досок являются реальными материальными свидетельствами профессионализма в деревообработке. Применение в технологии строительства топоров бронзовых, проушных (плоскообушных и фигурнообушных) [2. С. 131] осуществлялось как для погребальных сооружений, так и для изготовления жилых домов.

Бытовые памятники тагарской культуры в настоящее время археологами изучены слабо, а количество поселений и исследованных ими жилищ с хозяйственными постройками немногочисленно. Эти причины не позволяют в полной мере реконструировать облик тагарского жилища. Однако археологические немногочисленные свидетельства представляют весьма значимые материалы. Так, на стоянке Есаульской под г. Красноярском был обнаружен большой очаг около двух метров с кострищем на дне, а других остатков обнаружено не было. Находка вызвала предположение, что жилище было юртообразным [24. С. 178]. К югу от Красноярска были найдены остатки деревянного рубленного дома 4×4 с остатками тагарской керамики. Устройство кровли, к сожалению, проследить не удалось [2. С. 167]. Изучение Шестаковского укрепленного поселения (с. Шестаково Кемеровской области) (III–I вв. до н. э.) принесло большие результаты в отношении возможностей для реконструкции облика жилищ. Археологами были обнаружены остатки срубных наземных жилищ с двором, включающим хозяйственные ямы (погребки) и надворные постройки. Одно из жилищ представляло собой остатки наземного строения с очагом в центре. Обнаруженные ямы от опорных столбов имели наклон в сторону центра жилища, что может быть свидетельством шалашеобразной формы этого жилища [25. С. 219]. Аналогичные находки были сделаны в Пазырыкских курганах на Алтае где были найдены остовы предполагаемых чумов из древков, крытых войлоком, они были связаны ремнем и могли устанавливаться быстро [26. С. 78]. Данная коническая форма жилища в классификации М.Б. Абсалямова относится к разряду жилищ конической формы ша-

лашного типа. Его конструкция проста: вкопанные наклонные жерди перекрещивались вверх, оставляя отверстие для выхода дыма, сверху они были обложены жердями и корой деревьев, очаг располагался по середине [27. С. 38–40].

В целом для тагарской культуры наиболее характерными были жилые постройки наземного срубного типа, конструктивно напоминающие устройство деревянных поминальных сооружений, также постройки из камня и глины [28; 29. С. 96; 30; 31].

Археологические свидетельства, полученные в результате раскопок жилищ, ограничены степенью сохранности их конструкции. Это можно отметить, на примере раскопок поселений тагарской эпохи в Хакасии. Так, в Усть-Абаканском районе археологами была детально обследована территория между Подкуниным и Оглахтинским хребтами. Наибольший интерес вызвали памятники Подкуня-I, Узунхыр и Сагьт [32]. На памятнике Подкуня-I были обнаружены детали конструкции предположительно внутренней и внешней облицовки стены дома, остатки прямоугольных конструкций, выложенных из врытых вертикально в землю плит песчаника. Плиты вкопаны параллельно друг другу, образуя тем самым внутренние и внешние прямоугольники. Имеющийся с южной стороны конструкции разрыв можно интерпретировать как вход.

Памятник Узунхыр включает в себе 8 конструкций, похожих на подкунинские (сарагашевский этап тагарской культуры, IV–III в. до н. э.). Характер поселений был долговременный, что предполагало их стационарность, т.е. постоянность. Когда одни дома разрушались, их разбирали для постройки новых. Позднее конструкции расположены поверх ранних и довольно сильно от них отличаются: ранние – четырехугольные, из врытых в два ряда вертикальных плит песчаника, поздние – округлые, в которых плиты уложены горизонтально в несколько рядов. Округлые

конструкции встречены еще на одном памятнике – Сагьт. Фундаменты жилищ округлые, в чем-то похожие на поздние конструкции с Узунхыра, а само поселение обнесено небольшой стеной, в плане образующей неправильный круг.

Интересен выбор места для постройки жилищ, что упоминает В.А. Минор, он не был привязан к наличию водоема. Близлежащие водоемы, например, как в случае с памятником Узун-Хыр, находились в отдалении до 3 км. Такая особенность позволяет говорить о том, что эти поселения, видимо, зимнего типа. Отсутствие воды поблизости компенсировалось снегом. Поселения хронологически соответствовали эпохе зарождения полукочевого и кочевого скотоводства, что привело к созданию сезонных селений летников и зимников. В пользу зимников играет факт конструкции домов с толстыми стенами, очевидно, из прессованной глины и земли и входом на юг [32. С. 19].

Археолог В.А. Минор, опираясь на исследования данных тагарских поселений, предлагает возможным говорить о появлении нового вида памятников – тагарских долговременных поселений [33. С. 200]. Однако имеющиеся данные археологических находок рассматриваемых жилищ малоинформативны. Они дают весьма мало информации о конструкции стен жилищ, такие их параметры, как высота и другие, остаются под вопросом. Особенности перекрытий жилищ тагарской культуры реконструкции не подлежат. Справедливо отмечено, что задача воссоздания конструкции перекрытий в жилищах древности является для археологии одной из наиболее трудных задач [34. С. 73]. Все приведенные данные и суждения отражают современное состояние этапа исследований поселений тагарской культуры.

Отличительной особенностью жилищ Бояр является особая конструкция крыш, представляющая характерные кровли с элементами в виде загибающихся кверху в месте стыка частей остова жилища (верхнего сруба) и настила кровли (см. рис. 2–4).

Рис. 4. Малая Боярская писаница. Жилище срубного типа с очагом (фото автора; без масштаба)

Данная «конструкция» получила название «курицы», по одноименным конструктивным особенностям элементам кровли из русского зодчества. Тагарская культура была неотъемлемой частью обширного культурного единства, сложившегося в степной полосе Евразии от северных районов современного Китая на востоке до Дуная на западе, поэтому вполне закономерным было заключение А.В. Адрианова, который видел в «курицах» на кровле жилищ Боярских писаниц «характерную китайскую архитектуру с ее многоэтажными крышами» [35. С. 54]. Действительно, загнутые крыши домов и других построек – пожалуй, самая знаменитая и характерная в настоящее время черта китайского зодчества. Появление загнутых кверху карнизов крыш жилых домов в Южном Китае относится уже к середине I тыс. Данную форму крыши, по мнению исследователей, более вероятно соотносить с небесным началом мироустройства, чем с практическими потребностями [36. С. 445–446]. Для Севера же Китая обычными были крыши домов прямые и почти плоские. В связи с этим сомнительно сопоставлять и выводить генезис крыш жилищ Бояр из китайского архитектурного зодчества, скорее наоборот, исходя из хронологической датировки писаниц, они предшествовали сложению китайской традиции изготовления крыш жилищ и должны рассматриваться отдельно, вне зависимости от эволюции своего развития из культуры Китая.

М.П. Грязнов считал, что «курицы» – это «концы горизонтальных бревен, сдерживающих жерди или колья, на которых бревна лежат» [4. С. 43]. Также можно предположить, что концы, возвышающиеся над остовом жилищ Боярских писаницах, есть не что иное, как развилины несущих столбов, на которые крепилась верхняя обвязка остова, служившая основанием крыши. Подобная конструктивная особенность в этом случае будет весьма схожей с характерным архаичным непереносным жилищем «Ат-иб» у хакасов [37. С. 17].

Возможно, поиски значения конструктивных элементов жилищ – «куриц», лежат в диаметрально противоположной плоскости⁷. Изображения «куриц» могут представлять собой образ, не являющийся конструктивной деталью представленных жилищ. «Курицы» могли иметь или заключали в себе смысл придания конструкциям облика некой торжественности, праздника или события в рамках изображенного композиционного церемониала, отраженного на Боярских писаницах. Могли наполнять функционально жилище элементами «важности», «значимости» (например, быть художественным выражением социальной значимости членов тагарского общества), что вполне соизмеримо с уровнем общественного развития тагарского общества. Культура тагарцев и их современников племен скифского мира достигла высокого уровня общественного развития, свидетельством этого является известная дифференциация в обряде погребения соплеменников. Так, более престижные вещи и предметы, используемые при погребении, соответствовали более высокому социальному статусу [2, 4, 38] и уровню развития производительных сил. А.М. Кулемзин, при выявлении более дробной градации внутри

погребального обряда погребенных тагарских воинов, пришел к выводу, что среди тагарского населения выделяется особая категория людей войны, функцию которых выполняли пастухи [39]. Изучение Большого Салбыкского кургана позволило пересмотреть ранее сложившиеся представления об уровне развития тагарского общества в сторону более сложной его социальной стратификации [18. С. 3]. Размеры и сложность конструкций погребальных сооружений и жилищ всегда свидетельствуют о положении в обществе человека, его роде и знатности. Сложная социальная стратификация, характерная для тагарского общества, вполне могла определять, каким типом жилища мог обладать человек.

Более важно здесь то, что «курицы» встречаются на всех представленных жилищах писаниц, в том числе юртообразных (см. рис. 5). Примеров в этнографии наличия «куриц» как конструктивных особенностей кровли юрт нет. Поэтому с большей долей вероятности эти «детали конструкций крыш» несли в себе и подразумевали торжественность атмосферы церемониала и были выражением социальной статусной роли его жителей. Таким образом, в изображении «куриц», которые исследователи относят к ряду конструктивных деталей жилищ Боярских писаниц мы видим не содержательные элементы, а элементы выразительные в общей композиции рассматриваемых сюжетов.

Все представленные на писаницах жилища относятся к разным типам, что позволяет заключить их не типичность только для одной местности региона распространения тагарской культуры. Видимо, они представляют собирательные образы всех типов жилищ той эпохи и, возможно, как уже отмечалось выше, были вполне дифференцированы по социальному статусу их владельцев⁸. Жилища срубной деревянной конструкции вполне могли быть распространены в таежной или подтаежной местности или являться зимним вариантом жилищ. Юртообразные жилища более соответствовали степной и лесостепной части региона. Тагарская культура базировалась на скотоводстве и земледелии, а проживание в природно-географических условиях изолированной Минусинской котловины обуславливало специфику материальной культуры тагарского населения, как, впрочем, и других культур, в том числе и автохтонного населения ХМК этнографического периода. Фактически особенность хозяйственной деятельности тагарцев представляется для нас соответствующей типологическим характеристикам жилищ на петроглифах.

Другой важной особенностью жилищ Бояр является четкая прорисовка очага (см. рис. 4) в проеме входа⁹. Если мы обратимся к планиграфическим изображениям жилищ, которые представляют жилище в плановой проекции сверху, то изображение здесь очага вполне закономерно [40, 41]. Учитывая плоскостность передачи изображений жилищ Бояр, очаг должен быть скрыт, но прорисовка его художником, на наш взгляд, намеренна. Проблема трактовки его изображения находится в области мифологического объяснения его ритуальной семантики. Открытый вход в жилище и видимость очага в проеме входа неслучайно, он является отражением синкретичности изобра-

женного события в единстве структурности Вселенной. Здесь смысл изображения очага не в его известном для жилища прямом функциональном предназначении реальной сферы бытия. Его прорисовка в жилищах писаниц, видимо имела особую значимость для художника, придавая жилищам некий сакральный смысл единения с окружающим миром и миров в целом, выражая собой отсутствие известной «пороговости» жилища как пространства окультуренного. Доступное взору изображение и прорисовка очага есть смысл придания жилищам некой открытости его внутреннего пространства и его вовлеченности в общую семантическую концепцию изображенного сюжета. Когда же это единение было необходимо показать, то изображали очаг именно так. Таким образом, значение очага, по нашему мнению, является одной из ярких черт сюжетной линии древнего церемониала изображенного в композиции писаниц.

Исследователями отмечено сходство конструкций жилищ и погребальных сооружений в Сибири [42. С. 184; 43. С. 16, 17, 48]. Фактически смысл заключается в представлении о том, что если погребальные сооружения отличаются сложностью конструкции, то вполне и более вероятно, что подобные конструкции могли быть использованы или повторялись в реальных постройках этого населения. Например, изготовление бревенчатого сруба методом «в лапу», «в обло» практиковалось древними тагарцами при захоронениях своих соплеменников. Э.Б. Вадецкая, описывая гробницы тагарцев, предполагает, что они изготавливались по типу жилых домов тагарцев: «Это были полужемлянки, стенки которых укреплены тонкими бревешками, поставленными вплотную друг к другу. Такой деревянный сплошной забор из вкопанных кольев назывался в конце XIX в. тыном или частоколом. Вплотную к тыну ставили сруб, наподобие избы, с дощатым полом и потолком. Яму закрывали несколькими накатами бревен, поверх них берестой, иногда плитками и всегда брикетами дерна. Покойников клали на пол, а в случае особенно большого числа укладывали или рассаживали на полати из досок или бревен, вставленных в щели между нижними венцами сруба. Полати – лежаки – устраивали с двух или трех сторон сруба» [44. С. 70]. Погребальные камеры вполне могли быть имитацией жилищ, вплоть до воссоздания его внутренней интерьеры. Маловероятно, что такая сложная техника изготовления погребальных конструкций в виде «домов» в гробницах у тагарцев не была ими востребована при реальном изготовлении жилищ. Как и то, что конструктивные особенности «домов» гробниц – дощатые полы, потолок, полати – не были характерны и для их реальных традиционных жилищ. Поэтому многочисленность погребальных камер срубного типа с полами и перекрытиями позволяет утверждать об устойчивой традиции деревянного строительства.

В последующие эпохи у хакасов дома мертвых, в которых обитала душа погребенного, в традиционном народном сознании ассоциировались с реальными постройками. Так, у бельтыр в XIX в. Н.Ф. Катановым была записана легенда о существовании чудского народа, курганы которых являлись их жилищами,

державшимися на подпорах. Когда выросла белая береза, то чудский народ сказал: «Родился Белый Царь (т.е. русский царь). Чем нам жить с ним, лучше наложим на себя руки!» С этими словами чудский народ подрубал подпоры своих жилищ и был задавлен в них под весом земель, которая была на крышах [45. С. 56]. Некоторые черты обряда захоронения умершего человека у койбалов имитировали черты курганных сооружений: могилу умершего после засыпания землей обкладывали с боков каменными кучами [Там же. С. 70]. В.Г. Карцов отмечал, что у жилищ на Боярских писаницах концы фасадных стропил выступают вверх и перекрещиваются, что напоминает избушки на могилах сагайцев. Качинцы могилы покойников обкладывали плитами, а богатые делали деревянные голбчики (надмогильные памятники в виде срубов) и ставили кресты или простые столбики в зависимости от того, крещен или нет [46. С. 112]. Срубные бревенчатые жилища наиболее достоверно реконструируются по погребальным сооружениям тагарских курганов. По мнению И.Л. Кызласова, многоугольные жилища с шатрово-купольной крышей и размещением очага по центру – это единственная форма традиционного саяно-алтайского жилища, которая отличает тюркские народы и увязывается с тюркоязычными пришлыми народами рубежа н. э. Жилища – «иб», по его мнению, изображены на Боярских писаницах, они же послужили основой для создания переносной войлочной юрты [47. С. 95–130]. Таким образом, срубные жилища в своих особенностях сопоставимы с конструкциями изученных срубов погребальных камер тагарской культуры, а универсальные строительные приемы их возведения применимы при постройке жилищ.

Реконструкция древних жилищ представляет для исследователей большую сложность по причине плохой сохранности остатков подобных сооружений, а их интерпретация у исследователей, как правило, сводится к известным для этнографов типам жилищ. Случаи восстановления внешнего облика сооружений путем археологической реконструкции весьма редки. Примером выступают постройки (жилища) Торгажака, которые Д.Г. Савинов сопоставляет со степными жилищами якутов – юртой-балаганом – и хакасским архаическим жилищем «ат-иб»¹⁰. Он считает, что они восходят к общему пласту (прототипу) домостроительной традиции поздней бронзы, воплощенной в постройках Торгажака [48. С. 514–522]. Открытие в Хакасии Торгажака подтверждает эту линию сопоставлений.

Изображения жилищ на писаницах приводят к мысли о сосуществовании в период господства тагарской культуры нескольких типов жилищ: бревенчатых – наиболее достоверно реконструируемых по погребальным сооружениям тагарского времени, и юртообразных, по мнению исследователей, возникших, эволюционировавших и развивающихся исторически от деревянных. Решение вопроса об юртообразных жилищах – насколько его можно интерпретировать как переносное и в полном понимании смысла считать юртой – затруднено плохой степенью сохранности таких жилищ либо их отсутствием в археологиче-

ских находках¹¹. Видимо, доказательную базу в пользу этой теории еще предстоит найти исследователям. До той поры, пока подобные свидетельства не будут обнаружены, говорить о переносном характере жилищ можно только предположительно.

Следующей проблемой является сезонность характера жилищ и поселений тагарского населения в связи с образом жизни его обитателей. Мнения о роли и развитии земледелия и его влиянии на жизнь тагарского общества у исследователей расходятся. Об орошаемом земледелии как важной и значительной отрасли хозяйства тагарцев писал С.В. Киселёв, который обнаружил следы пашни у современного с. Знаменка Богградского района в Хакасии, которое находится территориально близко от рассматриваемых нами Боярских писаниц [22. С. 137]. Об оседлой земледельческо-скотоводческой культуре тагарцев говорил А.И. Мартынов [29. С. 106]. Л.Р. Кызласов Минусинской котловине отводил роль центра продуктивного ирригационного земледелия [49. С. 31–34]. В настоящее время преобладает точка зрения о комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве тагарцев [50. С. 88; 51. С. 151]. В вопросе соотношения земледелия и скотоводства и их роли в тагарской культуре у исследователей до сих пор нет единого устоявшегося мнения, что обусловлено спецификой археологического материала. Вопрос характера поселений тагарского населения остается открытым, предположительно характер жилищ как постоянных подтверждается имеющимися в распоряжении археологическими данными, сезонность жилищ косвенно подтверждается аналогичными современным природно-географическими особенностями региона, преобладающей формой хозяйственной деятельности тагарского населения, способствующей развитию жилищ, адаптированных к условиям проживания.

Анализ имеющихся археологических, этнографических данных и писаниц Боярского хребта позволяет констатировать следующие положения.

1. Рассматриваемые жилища Бояр, предстают для нас образцом реальных построек тагарской культуры, изображенных в камне. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует визуальная сложность их конструкций и

типологическое разнообразие, которое навряд ли явилось результатом творческого вымысла художника(ов) древности. Прямым свидетельством их реалистичности (что применимо для жилищ срубного типа) являются схожесть срубной конструкции деревянных погребальных камер с конструкциями жилищ тагарского населения.

2. Имеющаяся совокупность данных археологических и этнографических материалов, наскальных изображений с большей долей вероятности позволяет реконструировать жилища срубного типа, представленных на писаницах. У народов Саяно-Алтая хронологически бытование деревянных домов отмечено на Алтае – пазырыкская культура [52. С. 56; 53. С. 257; 54. С. 37, 45], в Тыве и Северо-Западной Монголии – уюкская культура [43. С. 16, 17, 48], в Хакасии – в рассматриваемой нами тагарской культуре. Привлечение данных археологии в подтверждение срубных конструкций этих жилищ происходит через обращение к погребальным конструкциям сооружений. По мнению И.Л. Кызласова, обращение к ним с учетом стадильности присущего им символизма вполне сопоставимо для раннего железного века, когда жилище воспроизводилось в конструкции могил, а курганные постройки воссоздавали облик Вселенной [47. С. 96].

Используемые нами этнографические материалы по культуре хакасов для возможностей сопоставления материала по типам, конструктивным и пространственным особенностям жилищ и образа жизни рассматриваемых народов обусловлено схожестью условий их образа жизни в Минусинской котловине. В этой связи сопоставление основных типов жилищ и схожесть хозяйственной деятельности представляется для нас возможными и вполне закономерно обусловленными. Жилище, как наиболее устойчивая сфера материальной культуры, позволяет сопоставлять жилые постройки тагарской культуры с конструкциями известных этнографических типов жилищ коренных народов Саяно-Алтая. Однако остается неизвестным и неопределенным ряд конструктивных особенностей жилищ тагарцев, например, таких как: перекрытие крыш, параметры жилищ и их планиграфия.

Рис. 5. Малая Боярская писаница. Возможный вариант жилища из глины (фото автора; без масштаба)

3. С жилищем юртообразного типа на писаницах связывается большая неопределенность. Предположительный их переносной характер, проследить не удастся. Тем самым мнения об отнесении возникновения юрты к эпохе тагарской культуры, на данный момент, безосновательны. Причина подобной ситуации кроется в степени сохранности материала и отсутствии данных, которые могли бы стать свидетельством этого. Традиционное тюркское жилище народов Южной Сибири «иб» – срубное или столбовое с очагом в центре, крытое корой лиственницы или берестой, многоугольное или круглое по форме – является предшественником и прообразом переносной войлочной юрты. Все представления исследователей строятся на этом утверждении, а обратные мнения ошибочны [47. С. 97; 55. С. 48].

4. Проблемным остается соотнесение конструкций жилищ, зафиксированных археологами, с представленными видами и типами жилищ на писаницах. Имеющиеся археологические данные о жилых постройках из камня и глины эпохи тагарской культуры, на наш взгляд, представленных образно на писаницах (см. рис. 5), вероятно, восходят к жилищам насыпной конструкции стен или глинобитному дому.

Подобные конструкции жилищ, могли сложиться на соответствующих им безлесных территориях лишенных другого природного материала для постройки. Данный тип жилища отражает его эволюцию и специфику миграций тагарского населения в Минусинскую котловину. Жилища из камня и глины тагарского населения типологически не сопоставимы с традиционными жилищами хакасов ввиду их отсутствия у последних.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Особенностью археологических культур Минусинской котловины является то, что связи с западными районами здесь сочетались с изоляцией от них [1. С. 672].

² С.В. Киселев, отмечал, что «несчастной особенностью минусинской археологии является разрушенность культурных слоев на приречных дюнах», что служило главной причиной гибели тагарских селений [2. С. 146].

³ Надо отметить, что изображения жилищ в наскальном искусстве Центральной Азии встречаются крайне редко, поэтому представляют значительный интерес. Данную особенность М.А. Дэвлет объясняет тем, что человек в основном предпочитал изображать те объекты и инновации, которые были связаны с максимальным эмоциональным напряжением, поражали его воображение и от чего зависело само существование первобытного коллектива [10. С. 233–234]. Интерпретация образов наскального искусства, предложенная М.А. Дэвлет, применимая к Боярским писаницам, на наш взгляд, в большей мере служит примером реалистичности прототипа для наскальных образов жилищ Бояр.

⁴ Свидетельством его наличия является единственное изображение колесной повозки на погребальных памятниках раннескифского времени Тувы Аржан-2 [18. С. 56, 65].

⁵ При объяснении семантики петроглифов преобладает универсальная (мифологическая) концепция их трактовки, т.е. мифологичности системы мировоззрения древних людей, отраженной в наскальных изображениях. См., например [19]. Неоднозначность смыслового содержания петроглифов – предметное поле для их изучения. Наполнять все петроглифы только мифологическим смыслом не верно, так как в этом случае их трактовка будет весьма ограниченной в виду исключения изображений или сюжетов (части сюжетов петроглифов), представляющих сферу реального бытия людей прошлых эпох.

⁶ О.С. Советова, анализируя сходство и различия петроглифов и мелкой пластики тагарской культуры, отмечает отсутствие антропоморфных фигур среди наскальных изображений и на плитах оград курганов в пластике. Эта особенность «тагарского искусства» остается загадкой, но совершенно закономерно, как отмечает автор, дает «возможность судить не только об эстетических идеалах эпохи, но и о мировоззрении его создателей» [20. С. 76].

⁷ Ранее мы высказывали мысль, на примере русского деревянного зодчества, о похожей апотропеической функции «журиц» применительно к жилому помещению тагарского населения [50. С. 111]. Однако дальнейшее изучение Боярских писаниц и жилищ тагарской культуры дает нам основания склоняться к мысли об их неконструктивном предназначении.

⁸ Придерживаясь научного осмысления заявленной нами темы работы, все же упомянем об представлении образов Боярских писаниц, по большей части жилищ, в восприятии хакасских шаманов. 18 марта 2017 г. состоялось проведение шаманского обряда, обращения к духам местности. В обряде принимали участие три известных в Хакасии шамана: потомственная шаманка Людмила Васильевна Кобежекова, 06.12.1955 г.р., родилась в с. Новомарьясово, Красноярского края: два других шамана пожелали не распространять информацию об их личностях, как и предпочли не сниматься на фото- и видеоаппаратуру. Информация, полученная в результате проведения обряда, со слов шаманов, следующая. Поселения вблизи места писаниц (Малой и Большой писаниц) не было. На писаницах изображено некое празднество, для сравнения применялся термин «Той» (праздник, пир). Жилища, представленные на писаницах, принадлежали разным по статусу и имущественному положению людям, все они разные и из разных мест, как и люди, которые на писаницах изображены.

⁹ О священности огня у тагарцев свидетельствует использование ими «штандартов» – факелов, которые служили для поддержания священного, очищающего огня.

¹⁰ Традиционное жилище хакасов «ат-иб» (другое название – «хахпас иб») получило меньшее распространение. Оно представляло собой непереносную корьевую юрту, распространенную в подтаежных районах Хакасии. Основанием дома каркасно-столбовой конструкции служили четыре лиственных столба, вкопанных в землю в форме прямоугольника. Верхние концы столбов имеют развилины, в которые вставлены концы передних и задних поперечных брусьев, имеющие на концах выемы. В выемах лежат два продольных бруса. Все вместе – продольные и поперечные брусья, являются верхней обвязкой. Крыша представляет собой круглые жерди, сложенные в клетку, концы которых уложены друг на друга и врублены «в лапу». Крыша имеет выпуклую форму с дымовым отверстием. Стены состоят из досок или круглых жердей, установленных наклонно. Верхние концы их опираются на обвязку, а нижние образуют круглое основание жилища. Остов покрывали кусками коры лиственницы, которую придавливали досками, жердями. Дверь, которая открывалась наружу, делали с восточной стороны. Пол был земляной, очаг находился посередине юрты. «Ат иб» напоминал своей формой усеченную пирамиду и своей конструкцией полностью соответствовал шалашу, который сооружали хакасы-земледельцы и охотники в тайге – называвшийся «отах». Отличие состояло в том, что «отах» обкладывали для тепла снаружи дерном или засыпали землей, и он являлся временным жилищем.

¹¹ С.И. Вайнштейн ввел типологию наименования юртами лишь жилища с цилиндрическим решетчатым каркасом стен. Все споры и дискуссии о том, что переносная юрта была известна евразийским кочевникам в конце I тыс. до н. э., будут иметь свое решение, на наш взгляд, только в том случае, если у исследователей будут материальные свидетельства о ее разборной конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Членова Н.Л. Минусинская котловина и Сибирь: контакты и изоляция // Сибирь в панораме тысячелетий : материалы междунар. симп. : в 2 т. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 670–683.
2. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии. М. ; Л. : АН СССР, 1949. Вып. 9. 364 с.

3. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М. : ИА РАН, 2011. 382 с.
4. Грязнов М.П. Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7-8. С. 41–45.
5. Дэвлет М.А. Большая боярская писаница. М. : Наука, 1976. 39 с.
6. Дэвлет М.А. Новая боярская писаница // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 137–138.
7. Русакова И.Д. Петроглифы западной части Боярского хребта в Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 120–124.
8. Прищепа Е.В. Сопоставление изображений жилищ Боярских писаниц с особенностями традиционных жилищ и образом жизни населения Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX веках // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2017. Т. 16, № 3. Археология и этнография. С. 108–116.
9. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М. : Алетея, 2005. 472 с.
10. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. № 4. С. 42–62.
11. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М. : Наука, 1991. 296 с.
12. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
13. Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропюю тысячелетий: к юбилею М.А. Дэвлет / под ред. Д.Г. Савинова, О.С. Советовой. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. С. 53–69.
14. Советова О.С. Мелкая пластика и петроглифы тагарской эпохи (общее и особенное) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 75–76. (Тр. Сиб. ассоциации исследователей первобытн. искусства; вып. III).
15. Абсаямов М.Б. Очерки истории культуры Сибири. Красноярск : FAMILIA, 1995. 224 с.
16. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. 600 с.
17. Элиаде М. Священное и мирское. М. : Изд-во МГУ, 1994. 142 с.
18. Марсадолов Л.С. Наследие Большого Салбыкского кургана в культуре Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2011. № 1. С. 3–11.
19. Усманова М.С. Дерево в традиционных представлениях хакасов // Вопросы этнокультурной истории Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. В.М. Кулемзин. Томск : ТГУ, 1980. С. 100–106.
20. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
21. Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 206–223.
22. Готлиб А.И., Зубков В.С., Поселянин А.И., Худяков Ю.С. Археология Хакасско-Минусинского края. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. 224 с.
23. Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисей. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л., 1983. 192 с.
24. Карцов В.Г. Некоторые особенности могильных сооружений и обряда погребения в тагарских курганах близ улуса Сагай // УЗ ХАКНИИЯЛИ. 1960. Вып. VIII. С. 169–181.
25. Мартынов А.И. Шестаковское поселение по материалам раскопок 1976 г. // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. 608 с.
26. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с., ил.
27. Абсаямов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 34–42.
28. Мартынов А.И. Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах // Советская археология. 1973. № 3. С. 163–173.
29. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
30. Абсаямов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 34–42.
31. Кызласов И.Л. Праторские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва ; Самара, 2005. 96 с., ил.
32. Минор В.А. Отчет об археологической разведке на территории г. Абакана и Усть-Абаканского района РХ. Абакан, 2011. 71 с.
33. Минор В.А. Предварительные итоги обследования тагарских поселений в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия // Материалы юбилейных X межрегиональных краеведческих чтений им. В.А. Баландиной, 25 февраля 2011 года. Музей истории города Черногорска. 2011. С. 200.
34. Бейсенов А.З. Жилище сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 72–81.
35. Адрианов А.В. Писаница Боярская // Известия РКИСВА. СПб., 1906. № 6. С. 53–59.
36. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М. : Астрель, 2000. 632 с.
37. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан : Хакасское отд-е Краснояр. книж. изд-ва, 1982. 88 с.
38. Дэвлет М.А. Погребальные сооружения тагарской культуры // Вестник ЛГУ. 1958. № 4. 67 с.
39. Кулемзин А.М. Войны древнего тагарского общества. URL: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A_Kulemzin_Voynyi_Tagarskoe_obshtestvo.pdf (дата обращения: 10.05.2017).
40. Мартынов А.И. Ягуния. Кемерово : КПИ, 1973. 320 с.
41. Дэвлет М.А. Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов). URL: http://rockart-studies.ru/pdf/Devlet_MA_Drevniye_zhilischa_Miroponimanie_2006.pdf (дата обращения: 01.02.2017).
42. Соколова З.П. Жилище народов Сибири. Опыт типологии. М. : Три Л, 1998. 284 с.
43. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.
44. Вадецкая Э.Б. Имитации мертвых для продления их жизни // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сб. ст. / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул : Азбука, 2007. Вып. I. С. 66–80.
45. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-литография Императорского Казанского университета, 1897. 104 с.
46. Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Живая старина-III. Книга для чтения по историческому краеведению (XIX – начало XX века). Абакан : Хакас. книж. изд-во, 2010. С. 101–126.
47. Кызласов И.Л. Новые поиски в алтаистике. II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2009. С. 95–130.
48. Савинов Д.Г. Жилища Торгожака – якутский балаган (опыт историко-культурной корреляции) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 514–522.
49. Кызласов Л.Р. Эпоха разложения первобытно-общинных отношений и создание ранней государственности // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 29–43.
50. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск : Наука, 1977. 256 с.
51. Матющенко В.И. Древняя история Сибири. Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. 232 с.
52. Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган (Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г.). Предварительное сообщение. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 64 с., табл.
53. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.: ил.
54. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
55. Мангулан А.Х., Басенов Т.К., Мендикулов М.М. Архитектура Казахстана. Алма-Ата : Казгосиздат, 1959. 259 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 сентября 2017 г.

RECONSTRUCTION PROBLEMS OF DWELLINGS OF THE TAGAR CULTURE OF THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 153–163.

DOI: 10.17223/15617793/427/21

Yevgeny V. Prishchepa, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: pri-evg@mail.ru

Keywords: Khakass-Minusinsk Basin; Tagar culture; Boyar carvings; design features of dwellings; log and yurt-shaped dwellings; traditional dwellings of the Khakass.

The study of the dwellings of the Tagar Culture of the Khakass-Minusinsk Basin (KhMB) is important for solving problems related to the ethnic and cultural development of the Tagar society in the region. In the work the author aims to reconstruct the Tagars' dwellings on the basis of petroglyphs of Boyar carvings, some archaeological and ethnographic data about the culture and lifestyle of the indigenous population of the KhMB as a result of the comparative analysis. The article analyzes their possible typological and constructive appearance. The reconstruction of design features of dwellings makes it possible to consider them as a reflection of the level of development of the physical and socio-economic culture of the Tagar society of the first millennium BC. The performed reconstruction suggests that dwellings of a log construction, which were probably long-term, existed. The clear evidence of this is dwellings of a log type in Boyar carvings which are most reliably reconstructed according to the numerous funerary structures of the Tagar time. In this case, it is possible to speak about general methods applicable for building both domestic constructions and funerary structures. Dwellings of yurt-shaped typological constructions must be considered as another type of dwellings that existed in the Tagar Culture, as evidenced by a number of archaeological excavations and their images in petroglyphs. Apparently, the third type of dwellings was structurally built from stone and clay. Images of such dwellings stand figuratively in Small Boyar carvings, and the archaeological proof is their recent discoveries at the sites Podkunya-I Uzunkhyr and Sagyt. The author analyzes a part of rock art patterns of Boyar carvings, which suggests a new approach to the solving of the problem of interpretation of such design features of the Boyars' dwellings as the "chicken", which, in the author's opinion, are elements of the expressive value and the semantic meaning of home in the overall plotline of petroglyph composition. The author comes to a conclusion that problems of reconstruction of dwellings reflect the current knowledge of the Tagar Culture and its undiscovered distinctness. New archaeological discoveries of dwellings and settlements of the Tagar Culture and their further scientific study, presumably, will bring us closer to the understanding of dwelling constructions, their kinds and typologies, settings, planigraphy of living spaces, and, in general for the Tagar epoch, it will help solve the problems of the extension of settlements, their socio-economic conditions, and many other aspects associated with them.

REFERENCES

1. Chlenova, N.L. (1998) Minusinskaya kotlovina i Sibir': kontakty i izolyatsiya [Minusinsk Basin and Siberia: contacts and isolation]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of millennia]. Proceedings of the international symposium. In 2 vols. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Enography of the SB RAS.
2. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Ancient history of Southern Siberia. Materials and research on archeology]. Vol. 9. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Devlet, E.G. & Devlet, M.A. (2011) *Sokrovishcha naskal'nogo iskusstva Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Treasures of rock art of North and Central Asia]. Moscow: IA RAS.
4. Gryaznov, M.P. (1933) Boyarskaya pisanitsa [Boyar pisanitsa]. *Problemy istorii material'noy kul'tury*. 7–8. pp. 41–45.
5. Devlet, M.A. (1976) *Bol'shaya boyarskaya pisanitsa* [The major Boyar pisanitsa]. Moscow: Nauka.
6. Devlet, M.A. (1997) Novaya boyarskaya pisanitsa [The new Boyar pisanitsa]. In: Kiryushin, Yu.F., Kungurova, N.Yu. & Stepanova, N.F. (eds) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri* [Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University.
7. Rusakova, I.D. (2013) Petroglify zapadnoy chasti Boyarskogo khrebra v Khakasii [Petroglyphs of the western part of the Boyar Range in Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 1 (5). pp. 120–124.
8. Prishchepa, E.V. (2017) Comparison of dwellings depicted in Boyar petroglyphs with traditional dwellings of the Khakass-Minusinsk region locals and their way of life in 18th–20th centuries. *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University, Series: History and Philology*. 16:3. pp. 108–116. (In Russian).
9. Devlet, E.G. & Devlet, M.A. (2005) *Mify v kamne. Mir naskal'nogo iskusstva Rossii* [Myths in stone. The world of rock art of Russia]. Moscow: Aleteya.
10. Vaynshteyn, S.I. (1976) Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Evrazii [Problems of the history of the dwelling of the steppe nomads of Eurasia]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 42–62.
11. Vaynshteyn, S.I. (1991) *Mir kochevnikov Tsentra Azii* [The world of nomads of the Center of Asia]. Moscow: Nauka.
12. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
13. Chugunov, K.V. (2008) Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhan-mayemirskogo stilya) [Plates with petroglyphs in the complex of the Arzhan-2 mound (on the chronology of the Arzhan-Mayemir style)]. In: Savinov, D.G. & Sovetova, O.S. (eds) *Tropoyu tysyacheletiy: k yubileyu M.A. Devlet* [The path of millennia: to the anniversary of M.A. Davlet]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
14. Sovetova, O.S. (2007) Melkaya plastika i petroglify tagarskoy epokhi (obshchee i osobennoe) [Small works of plastic art and petroglyphs of the Tagar era (the general and the specific)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Stone sculpture and small works of plastic art of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Azbuka.
15. Absalyamov, M.B. (1995) *Ocherki istorii kul'tury Sibiri* [Essays on the history of the culture of Siberia]. Krasnoyarsk: FAMILIA.
16. Raevskiy, D.S. (2006) *Mir skifskoy kul'tury* [The world of Scythian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
17. Eliade, M. (1994) *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Mundane]. Moscow: Moscow State University.
18. Marsadolov, L.S. (2011) Nasledie Bol'shogo Salbyksskogo kurgana v kul'ture Khakasii [The legacy of the Big Salbik Mound in the culture of Khakassia]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 1. pp. 3–11.
19. Usmanova, M.S. (1980) Derevo v traditsionnykh predstavleniyakh khakasov [Tree in traditional representations of the Khakass]. In: Kulemzin, V.M. (ed.) *Voprosy etnokul'turnoy istorii Sibiri* [Issues of the ethnocultural history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Subrakova O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
21. Chlenova, N.L. (1992) Tagarskaya kul'tura [The Tagar culture]. In: Rybakov, B.A. *Arkheologiya SSSR. Stepnaya polosа aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Archeology of the USSR. The steppe of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka.
22. Gotlib, A.I., Zubkov, V.S., Poselyanin, A.I. & Khudyakov, Yu.S. (2003) *Arkheologiya Khakassko-Minusinskogo kraya* [Archeology of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan: Khakass State University.

23. Zavitukhina, M.P. (1983) *Drevnee iskusstvo na Enisey. Skifskoe vremya. Publikatsiya odnoy kolleksii* [Ancient art on the Yenisei. Scythian time. Publication of one collection]. Leningrad: Iskusstvo.
24. Kartsov, V.G. (1960) Nekotorye osobennosti mogil'nykh sooruzheniy i obryada pogrebeniya v tagarskikh kurganakh bliz ulusa Sagay [Some peculiarities of grave constructions and burial rites in the Tagar mounds near the Sagai ulus]. *UZ KhakNIYaLI*. VIII. pp. 169–181.
25. Martynov, A.I. (1977) Shestakovskoe poselenie po materialam raskopok 1976 g. [Shestakovo settlement based on excavations in 1976]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda* [Archaeological discoveries of 1976]. Moscow: Nauka.
26. Rudenko, S.I. (1953) *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of the Altai Mountains during the Scythian period]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
27. Absalyamov, M.B. (1977) O tipakh zhilishch na tagarskikh i tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh [On the types of dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk settlements]. In: Martynov, A.I. et al. (eds) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Is. 9. Kemerovo: Kemerovo State University.
28. Martynov, A.I. (1973) Novye materialy o tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh i zhilishchakh [New materials on Tagar-Tashtyk settlements and dwellings]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 163–173.
29. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka.
30. Absalyamov, M.B. (1977) O tipakh zhilishch na tagarskikh i tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh [On the types of dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk settlements]. In: Martynov, A.I. et al. (eds) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Is. 9. Kemerovo: Kemerovo State University.
31. Kyzlasov, I.L. (2005) *Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie sayano-altayskikh drevnostey* [Proto-Turkic dwellings. Survey of Sayan-Altai antiquities]. Moscow; Samara: IA RAS.
32. Minor, V.A. (2011) *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke na territorii g. Abakana i Ust'-Abakanskogo rayona Rkh* [Report on the archaeological exploration in Abakan and the Ust-Abakan region of the Republic of Khakassia]. Abakan: [s.n.].
33. Minor, V.A. (2011) [Preliminary results of the survey of Tagar settlements in the Ust-Abakan region of the Republic of Khakassia]. *Proceedings of the anniversary X interregional local lore study readings n.a. V.A. Balandina*. February 25, 2011. Museum of the history of Chernogorsk. Chernogorsk: [s.n.]. pp. 200. (In Russian).
34. Beysenov, A.Z. (2017) Saka dwellings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 45. pp. 72–81. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/12
35. Adrianov, A.V. (1906) Pisanitsa Boyarskaya [The Boyar pisanitsa]. *Izvestiya RKISVA*. 6. pp. 53–59.
36. Malyavin, V.V. (2000) *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow: Astrel'.
37. Patachakov, K.M. (1982) *Ocherki material'noy kul'tury khakasov* [Essays on the material culture of the Khakass]. Abakan: Khakasskoe otd-e Krasnoyar. knizh. izd-va.
38. Devlet, M.A. (1958) Pogrebal'nye sooruzheniya tagarskoy kul'tury [Burial constructions of the Tagar culture]. *Vestnik LGU*. 4.
39. Kulemzin, A.M. (1982) *Voyny drevnego tagarskogo obshchestva* [The wars of the ancient Tagar society]. [Online] Available from: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/A_Kulemzin_Voyni_Tagarskoe_obshtestvo.pdf. (Accessed: 10.05.2017).
40. Martynov, A.I. (1973) *Yagunya*. Kemerovo: Kemerovo State Pedagogical Institute. (In Russian).
41. Devlet, M.A. (2006) *Drevnie zhilishcha narodov Severnoy i Tsentral'noy Azii (po materialam petroglifov)* [Ancient dwellings of the peoples of North and Central Asia]. [Online] Available from: http://rockart-studies.ru/pdf/Devlet_MA_Drevniye_zhilishcha_Miroponimanie_2006.pdf. (Accessed: 01.02.2017).
42. Sokolova, Z.P. (1998) *Zhilishche narodov Sibiri. Opyt tipologii* [The dwelling of the peoples of Siberia. Experience of typology]. Moscow: Tri L.
43. Kyzlasov, L.R. (1979) *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: Moscow State University.
44. Vadetskaya, E.B. (2007) Imitatsii mertvykh dlya prodleniya ikh zhizni [Imitations of the dead for the extension of their life]. In: Dashkovskiy, P.K. (ed.) *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [The worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in a historical retrospect]. Is. 1. Barnaul: Azbuka.
45. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke sovershennoy s 15 maya po 1 sentyabrya 1896 goda v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the trip from May 15 to September 1, 1896 in the Minusinsk district of Yenisei Province]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta.
46. Karatanov, I. (2010) Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the external life of the Kachin Tatars]. In: Burov, V.F. *Zhivaya starina-III. Kniga dlya chteniya po istoricheskomu kraevedeniyu (XIX – nachalo XX veka)* [Living Antiquity-III. A book for reading on historical regional studies (19th – early 20th centuries)]. Abakan: Khakas. knizh. izd-vo.
47. Kyzlasov, I.L. (2009) Novye poiski v altaistike. II. Arkheologicheskie razrabotki [New searches in the Altai studies. II. Archaeological developments]. In: *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.
48. Savinov, D.G. (1998) Zhilishcha Torgozhaka – yakutskiy balagan (opyt istoriko-kul'turnoy korrelyatsii) [Dwellings of the Torgozhak – the Yakut balagan (experience of historical and cultural correlation)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of millennia]. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS.
49. Kyzlasov, L.R. (1993) Epokha razlozheniya pervobytno-obshchinnyykh otnosheniy i sozdanie ranney gosudarstvennosti [The era of the end of primitive communal relations and the creation of an early statehood]. In: Kyzlasov, L.R. (ed.) *Istoriya Khakastii s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [History of Khakassia from ancient times to 1917]. Moscow: Nauka.
50. El'nitskiy, L.A. (1977) *Skifiya evraziyskikh stepey. Istoriiko-arkheologicheskiy ocherk* [Scythia of the Eurasian steppes. A historical and archaeological essay]. Novosibirsk: Nauka.
51. Matyushchenko, V.I. (1999) *Drevnyaya istoriya Sibiri* [Ancient history of Siberia]. Omsk: Omsk State University.
52. Rudenko, S.I. (1948) *Vtoroy Pazyrykskiy kurgan (Rezultaty rabot ekspeditsii IIMK AN SSSR v 1947 g.)*. *Predvaritel'noe soobshchenie* [The second Pazyryk mound (Results of the expeditions of the Institute of History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR in 1947)]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha.
53. Polos'mak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
54. Kubarev, V.D. & Shul'ga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [The Pazyryk culture (Chui and Ursula burial mounds)]. Barnaul: Altai State University.
55. Mangulan, A.Kh., Basenov, T.K. & Mendikulov, M.M. (1959) *Arkhitectura Kazakhstana* [Architecture of Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazgosizdat.

Received: 22 September 2017

ГАЗЕТА «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Представлен результат количественного и качественного анализа 473 статей крупнейшей областной газеты «Красное знамя» за период 1944–2010 гг., посвященных музеям и музейному делу Томской области. В результате определены и охарактеризованы основные этапы развития музейного дела на территории Томской области на протяжении XX в. – в начале XXI в.

Ключевые слова: периодические издания; областная газета «Красное знамя»; музейное дело.

Периодическая печать в качестве источника изучения музейного дела в рамках отдельно взятого региона используется многими [1–4]. Автором статьи также был проведен анализ двух газет областного масштаба, касающихся истории музейного дела Томской области: «Томская неделя» [5] и «Томский вестник» [6]. Однако временной интервал указанных газет ограничивался 1990–2000 гг.

В данной статье представлен результат количественного и качественного анализа 473 статей крупнейшей областной газеты «Красное знамя», основанной в 1917 г., посвященных музейному делу Томской области. Материал областной газеты охватывал политические, экономические и социокультурные вопросы не только областного центра, но и всей области.

Газета рассчитана на широкий круг читателей, здесь ежедневно публикуются материалы, освещающие практически все сферы жизни Томской области: промышленность и строительство, сельское хозяйство, науку и образование, культуру. Популярности газеты способствовали тематические приложения: «Пятница», «Ева», «Бизнес», «Выходной» [7].

Количественный анализ публикаций в газете «Красное знамя». За период с 1944 г. (с момента образования Томской области) по 2010 г. в «Красном знамени» было опубликовано 473 статьи, освещающих музейное дело в Томской области (при этом не были учтены статьи новостного и рекламного характера). Всего в сферу интересов авторов статей, публиковавшихся в газете, попали 84 из 294 музеев и учреждений музейного типа Томской области [8. С. 149]. В советский период в газете было опубликовано 298 статей, в постсоветский – 175. Динамика публикаций газеты «Красное знамя», посвященных музеям и музейному делу в Томской области, представлена на рис. 1, 2.

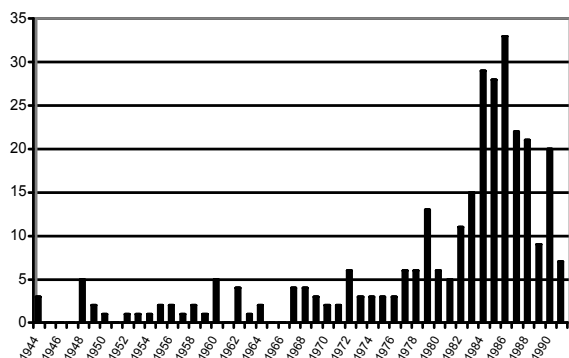

Рис. 1. Динамика количества публикаций о музеях и музейном деле в газете «Красное знамя» (1944–1991 гг.)

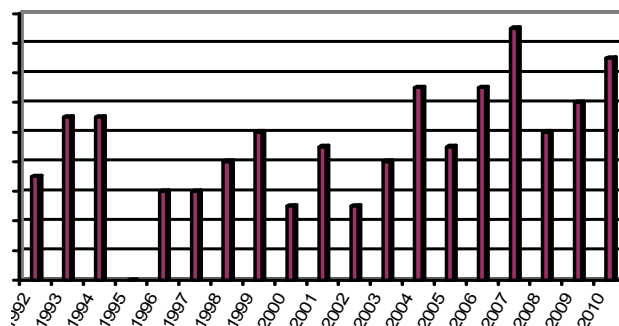

Рис. 2. Динамика количества публикаций о музеях и музейном деле в газете «Красное знамя» (1992–2010 гг.)

Динамика публикации статей о музеях и музейном деле Томской области в советский период наглядно представлена на рис. 1. Так, минимальное количество статей о музеях и музейном деле Томской области было опубликовано в 1940-х (10) и 1950-х (12) гг. Начиная с 1960-х гг. наблюдается планомерный рост статей о музеях и музейном деле, что было связано, в том числе, с общегосударственной политикой. Именно в это время зарождается интерес местных властей к музейной жизни своего края, а не в целом к деятельности культурно-просветительных учреждений, что стало следствием проведения в 1957 г. Всероссийского смотра музейной работы, посвященного 40-летию Октябрьской революции.

Наибольшее количество подобных статей вышло в 1980-е гг. – 179, причем самое большое количество было опубликовано в 1984 (29), 1985 (28) и 1986 (33) гг. Данный всплеск имеет вполне логичное объяснение: это время появления большого количества общественных музеев, для которых в 1980 г. было разработано типовое положение [9]. К началу 1990-х гг. количество публикаций о музеях значительно сократилось.

Ситуацию с публикациями о музеях и музейном деле в Томской области в постсоветский период демонстрирует рис. 2. Представленные цифры отражают сложное положение в музейной сфере Томской области в 1990-е гг. и ее постепенную активизацию в 2000-е.

С начала 1990-х гг. в кризисной ситуации оказались все сферы жизни российского общества, и музейная область не стала исключением. В то же время этот период характеризуется созданием новой нормативно-правовой базы музейного строительства, появлением новых типов музеев (корпоративных, муниципальных). И если в первой половине 1990-х гг. бы-

ло опубликовано 28 статей, то в 1995 г. – вообще ни одной. Но уже со второй половины 1990-х гг. вновь возобновились публикации о музейной жизни региона. Всего же за 1990-е гг. было опубликовано более 80 статей.

В 2000-е гг. музейная сфера Томской области стала более активной, что связано как с развитием общероссийского музейного дела, так и с событиями областного масштаба. Так, в этот период в России наблюдается появление музеев нового типа (частные, корпоративные, церковные), новых профилей, новых форм. В Томской области было создано три частных музея, возрожден церковный музей (при Томской епархии), активизировалось создание музеев этнографического и экологического профиля, а также были созданы музеи при внешкольных (дома творчества юных) и дошкольных (детские сады) учреждениях [8. С. 149].

Кроме этого, произошел ряд событий, позволивший музеям занять более высокое место в общественном сознании. Так, в 2004 г. праздновалось 400-летие Томска и 60-летие Томской области, в связи с чем активизировались научная и культурная сферы региона, что отразилось и на количестве публикаций, в частности в сфере музейного дела.

В 2001–2006 гг. в «Красном знамени» было опубликовано 44 статьи, освещающие создание новых музеев (например, Музей истории Томска), научно-исследовательскую и, как результат, издательскую деятельность музеев, связанных с юбилейными событиями региона. В 2007 и 2009 гг. в Томске состоялись областные музейные форумы. Первый проходил в Томском областном краеведческом музее (ТОКМ), второй – в художественном. Форумы преследовали несколько целей:

- 1) объединение музейного сообщества;
- 2) мониторинг музейного ресурса;
- 3) привлечение внимания широкой общественности и органов власти к проблемам развития музеев, популяризации их деятельности [10];
- 4) пополнение фондов музеев, для чего была проведена акция «Даритель», в которой приняли участие 23 человека, передавшие в дар различные предметы: фотографии, предметы быта, старинную одежду и т.д. В Томский областной краеведческий музей поступило 88 новых предметов.

Именно на 2007 г. приходится наибольшее количество статей в областной газете «Красное знамя» – 17.

Второй Музейный форум Томской области состоялся в 2009 г. Он объединил под девизом «Художественные сокровища Томской области» более 40 музеев и музейных формирований искусствоведческого профиля не только Томской области, но и Ханты-Мансийского автономного округа, Кемеровской и Новосибирской областей, Алтайского и Красноярского краев [11]. Тема форума была выбрана не случайно. Во-первых, в 2009 г. отмечалось 30-летие Томского областного художественного музея (ТОХМ) и 100-летие Томского общества любителей художеств. Во-вторых, данная тематика позволила продемонстрировать многообразие музеев искусствоведческого профиля, работающих в области и соседних регионах. В-третьих, форум способствовал «оживлению» деятель-

ности ТОХМ и его филиалов. В целом на форуме представлены были не только художественные музеи, но и музеи, имеющие художественные коллекции. Активизацию музейной жизни региона подтверждает и общее количество статей, опубликованных в «Красном знамени» в 2001–2010 гг. – 111.

Анализ тематики публикаций в газете «Красное знамя». В центре внимания авторов статей по музейному делу в течение всего времени издания находились следующие темы:

- экспозиционно-выставочная деятельность областных и муниципальных музеев (подавляющее большинство статей);
- взаимодействие музеев с общественностью, проведение научно-познавательных и общественно-значимых мероприятий;
- научно-исследовательская деятельность и ее результаты;
- издательская деятельность музеев;
- роль отдельных личностей в жизни музеев;
- современное состояние областных, районных и муниципальных музейных учреждений;
- история создания и специфика деятельности корпоративных музеев;
- участие музеев в международных мероприятиях (конференции и пр.);
- публикации о задуманных, но нереализованных проектах (рис. 3).

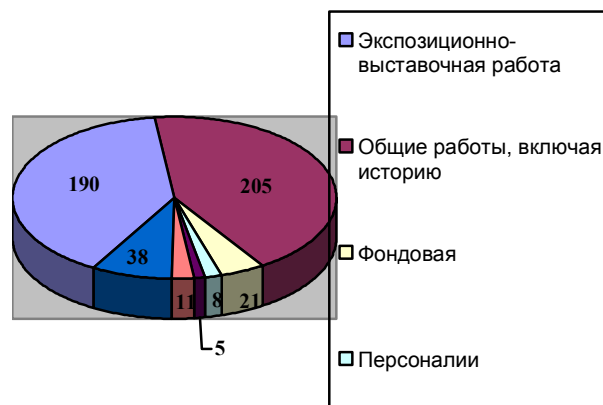

Рис. 3. Тематика публикаций о музеях и музейном деле в газете «Красное знамя» (1944–2010 гг.)

Наибольшее количество статей – 205 – это общие работы, включающие историю создания и современную деятельность музея или музейной структуры. Второе место – 190 статей – посвящено экспозиционно-выставочной деятельности томских музеев, 136 из которых информируют о выставочной работе ТОХМ. Третью позицию занимают публикации о научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности музеев, а также о музейном законодательстве. Издательской работе, персоналиям и фондовой работе посвящено 5, 21 и 8 статей соответственно, 11 публикаций – нереализованным музейным идеям и проектам, в частности идее создания музея под открытым небом в с. Коларово.

Необходимо отметить и музеи, которым были посвящены публикации. В первую очередь, это областные музеи: ТОКМ и ТОХМ.

Первому посвящены 96 статей, преимущественно исторического характера (44) и об экспозиционно-выставочной работе (42). Второму – 164 статей, 136 из которых освещают именно экспозиционно-выставочную деятельность художественного музея. Областные музеи имеют филиалы, которым также были посвящены статьи в «Красном знамени». Так, 5 филиалам краеведческого музея была посвящена 31 статья, и 5 статей – 2 из 3 филиалов ТОХМ. Таким образом, художественному музею с филиалами была посвящена 171 статья в «Красном знамени», а краеведческому – 127. Такие разные цифры имеют свое объяснение: дело в том, что ТОКМ долгое время (на протяжении 1990-х гг.) был закрыт на капитальный ремонт, и его нишу в плане музейной активности занял ТОХМ. Лишь в 2000-е гг. ситуация была нивелирована, что и показывают цифры (разрыв не очень большой).

Авторы статей осветили деятельность 14 музеев предприятий и ведомств, некоторые из которых являются корпоративными, тем самым газета познакомила общественность с новым явлением в музейной жизни страны, активно развивающимся и на территории Томской области (музей ОАО «Томское пиво», музей истории связи при ОАО «Сибирьтелеком», музей ОАО «Манотомь», музей ОАО «Томскнефть», музей леса, музей ООО «Сибэлектромотор», музей ООО «Сибкабель», Музей Северского химического комбината [12] и пр.).

Интересна и познавательна информация о музеях томских вузов. Так, авторы представили 24 статьи о музеях Томского государственного университета, 7 статей о музее Томского политехнического университета, 4 статьи о музеях Сибирского государственного медицинского университета и по одной – о музеях Томского государственного педагогического университета и Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. В статьях освещены история создания музеев, формирования их коллекций, а также судьба людей, сделавших значительный вклад в развитие вузовских музеев.

Школьные музеи также получили отражение в статьях (51) «Красного знамени». Чаше других освещалась деятельность уникального Музея А.С. Пушкина средней общеобразовательной школы с. Могочино Молчановского района (8 статей) и Музея боевой славы 19-й гвардейской стрелковой дивизии средней общеобразовательной школы № 32 г. Томска (5 статей).

Что касается нереализованных идей и проектов, то на протяжении последних 50 лет их было несколько. Так, в 1971 г. появилась идея создания литературного музея в Томске. Инициативу предложили известные на всю страну писатели: О. Городович, И. Елегечев, Д. Иванов, Л. Муравьева, Л. Пичурин, М. Филимонов, И. Марков, Э. Бурмакин [13]. Такой музей не был создан, но появился ряд литературных музеев по районам области, посвященных жизни и творчеству отдельных писателей.

В 1980-х гг. заговорили о создании музея газеты «Красное знамя» [14], однако на рубеже 1980–2000-х гг. многие проекты так и остались проектами. Это каса-

ется и проекта музея под открытым небом в с. Коларово, который так и не был открыт, и Музея спорта на общественных началах, для которого дело ограничилось лишь началом сбора экспонатов [15].

Анализ количества публикаций по музейному делу в «Красном знамени» по годам дает следующую картину:

- наибольшее количество публикаций приходится на 1980-е гг. в советский период и 2007 г. в постсоветский – 179 и 17 соответственно;

- наименьшее количество публикаций приходится на период 1940–1950-е гг. в советский период и 1995 г. в постсоветский – 22 и 0 публикаций соответственно.

В результате почти за 70 лет (с 1944 по июль 2010 г.) музейное дело Томской области прошло следующие этапы:

- начало развития (1940–1950-е гг.);
- активизация музейной работы (1960–1970-е гг.);
- бурный расцвет музейного строительства и музейной деятельности (1980-е гг.);
- стагнация (1990–1997 гг.);
- незначительный рост (1998–2006 гг.);
- стабилизация (2007–2010 гг.).

Результаты получены только при анализе публикаций одной, хоть и массовой, областной газеты – «Красного знамени». Если же взять другие издания периодической печати областного масштаба за этот же период, такие как «Томский вестник», «Томская неделя» и «Томские новости», то в процентном соотношении картина получится схожая [5, 6].

Первая волна незначительного роста музейного дела в Томской области связана с активизацией общегосударственной политики в этом вопросе и приходится на 1960–1970-е гг., расцвет же наблюдался в перестроечные 1980-е гг., что также связано с общегосударственной политикой и с активизацией общественности на местах. После смены политического строя музейная активность получает очередное развитие со стабилизацией политической и экономической жизни после кризиса 1998 г.

Стабильно активная работа в области музейного дела в регионе началась после 2007 г., когда был проведен Первый музейный форум Томской области, сплотивший музейное сообщество и выведший его на новый уровень. С 2008 г. началась полоса стабилизации в сфере музейного дела, что можно соотнести в том числе и с приходом новых руководителей в областные музеи, в музей истории города, а также с возрождением института частных музеев (в частности, такого музея, как Первый музей славянской мифологии) и появлением новых корпоративных музеев.

Подводя итог, можно сказать, что газета «Красное знамя» является крупнейшим в периодической печати источником изучения музейного дела в Томске и области. Однако данное периодическое печатное издание может быть привлечено исследователями музейной сферы региона только в комплексе с другими областными и районными газетами, а также архивными источниками для получения более полной и объективной картины изучаемого предмета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимченко В.В. Из истории развития музейного дела в Севастополе: по материалам газеты «Маяк коммуны» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2011. Т. 24, № 2 (63). С. 3–13.
2. Федоров О.А., Степанова Е.Ю. Проблемы музейного строительства и сохранения культурного наследия на страницах орловских периодических изданий // Одиннадцатые Денисьевские чтения : материалы межрегион. конф. Орел : Орлов. гос. ин-т культуры, 2014. С. 231–237.
3. Девейкис М. Музеи Петербурга на страницах журнала «Русская старина» // Библиотечное дело. 2015. № 9 (243). С. 22–24.
4. Кулешова Н.В. Общественные музеи сельских районов Омской области в 1960-е годы (по материалам местной периодической печати) // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России : сб. науч. трудов. 2016. С. 250–252.
5. Сизова И.А. Газета «Томская неделя» как источник изучения музейного дела в Томской области // Томские музеи : сб. док. и ст. Томск, 2010. С. 226–230.
6. Сизова И.А. Газета «Томский вестник» как источник изучения музейного дела Томской области // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2014. № 18. С. 110–114.
7. Бузанова В.А., Амелянчик Н.А. «Красное знамя» // Энциклопедия Томской области : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. Т. 1. С. 343.
8. Сизова И.А. Томские музеи. Музейная сеть Томской области (середина 1940-х – 2011 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
9. Типовое положение о музеях РСФСР, работающих на общественных началах // Актуальные вопросы деятельности общественных музеев. М., 1980. С. 95–101.
10. Музеи о своей жизни // Красное знамя. 2007. 30 окт.
11. Веснина Т. Доступ к сокровищам открыт // Томский вестник. 2009. 29 окт.
12. Томские музеи. Общественные, ведомственные и музеи предприятий, организаций: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / под ред. Э.И. Черняка, И.А. Сизовой. Томск, 2012. 106 с.
13. Томску – литературный музей: [коллектив.] письмо в ред. // Красное знамя. 1971. 6 июня (№ 128). С. 3.
14. Создается музей «Красного знамени» // Красное знамя. 1987. 12 февр. (№ 36). С. 4.
15. Стойлов Э. Велосипедное колесо деревянное // Красное знамя. 1999. 19 июня (№ 142). С. 7: фото. (Выходной: спецвып.).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2017 г.

THE NEWSPAPER *KRASNOYE ZNAMYA* AS A SOURCE OF THE TOMSK OBLAST MUSEOLOGY STUDY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 164–168.

DOI: 10.17223/15617793/427/22

Irina A. Sizova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sizova_i@mail.ru

Keywords: periodicals; newspaper *Krasnoye znamya*; museology.

The article presents the result of a quantitative and qualitative analysis of 473 articles of the largest local newspaper *Krasnoye znamya* for the period of 1944–2010 about museums in Tomsk Oblast. As a result, the main stages of the museum development in Tomsk Oblast during the 19th – early 21st centuries have been determined and characterized. Periodicals are an element of the history of society and the state. Most of noticeable processes and events in society were reflected in the pages of periodicals. Moreover, central and local papers have a great informative value. It is possible to study the events of museum life in dynamics, as well as to fill the gaps in the information found in other types of sources. The papers described the history of foundation and activities of museums and the dynamics of the museum sector development in the region. In addition, articles of periodicals are useful for studying the departmental affiliation of museums, their profile, and the main activities of regional, city and local museums. The frequency of article publication about museums is a key indicator of museum development in a particular period, which shows increases and decreases of interest in the museum phenomenon. 473 articles about museums in Tomsk Oblast were published in *Krasnoye znamya* from 1944 (the formation of Tomsk Oblast) to 2010. In total, 84 museums out of 294 were described in the articles. During the Soviet period, the newspaper published 298 articles, in the post-Soviet period 175. The following topics were described: exposition and exhibition activities of regional and local museums (the vast majority of articles); interaction of museums with the public, organization of scientific and social events; research activities and its results; publishing activities of museums; the role of persons in museum activities; the current state of the regional, district and local museums; history and specificity of corporate museums; participation of museums in international events (conferences, etc.); publications about conceived but unimplemented projects. The analysis of the articles of *Krasnoye znamya* revealed the following stages in museum activities in Tomsk Oblast: the beginning of the development (1940s–1950s); the activation of museum activities (1960s–1970s); a rapid increase of museum foundation and museum activities (1980s); stagnation (1990–1997); insignificant growth (1998–2006); stabilization (2007–2010). To sum up, it is possible to note that the newspaper *Krasnoye znamya* is one of the largest sources for studying museums in Tomsk Oblast. However, this newspaper can be used together with other local newspapers and archival sources to obtain more reliable information about museums.

REFERENCES

1. Akimchenko, V.V. (2011) The history of museology in Sevastopol by Newspaper “Mayak Komunny”. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Science*. 24:2(63). pp. 3–13. (In Russian).
2. Fedorov, O.A. & Stepanova, E.Yu. (2014) [Problems of museum construction and preservation of cultural heritage on the pages of Orel periodicals]. *Odinnadtsatye Denis'evskie chteniya* [Eleventh Denisiev Readings]. Proceedings of the inter-regional conference. Orel: Orel State Institute of Culture. pp. 231–237. (In Russian).
3. Deveykis, M. (2015) Muzei Peterburga na stranitsakh zhurnala “Russkaya starina” [Museums of Petersburg in the pages of the magazine “Russkaya starina”]. *Biblioteknoye delo*. 9 (243). pp. 22–24.
4. Kuleshova, N.V. (2016) Obshchestvennye muzei sel'skikh rayonov Omskoy oblasti v 1960-e gody (po materialam mestnoy periodicheskoy pechati) [Public museums of rural areas of Omsk Oblast in the 1960s (based on local periodical press materials)]. In: Smirnova, E.Yu. & Tomilov, N.A. (eds) *Kul'tura i vzaimodeystvie narodov v muzeynykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh – vazhneyshie faktory stabil'nogo razvitiya Rossii* [Culture and interaction of peoples in museum, scientific and educational processes: the most important factors of Russia's sustainable development]. Omsk: Nauka.
5. Sizova, I.A. (2010) Gazeta “Tomsкая nedelya” kak istochnik izucheniya muzeynogo dela v Tomskoy oblasti [The newspaper “Tomsкая Nedelya” as a source of study of the museum business in Tomsk Oblast]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) *Tomskie muzei* [Tomsk museums]. Tomsk: Tomsk State University.

6. Sizova, I.A. (2014) Gazeta "Tomskiy vestnik" kak istochnik izucheniya muzeynogo dela Tomskoy oblasti [The newspaper "Tomskiy Vestnik" as a source of study of the museum business of Tomsk Oblast]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 18. pp. 110–114.
7. Buzanova, V.A. & Amel'yanchik, N.A. (2008) "Krasnoe znamya". In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [Encyclopedia of Tomsk Oblast: in 2 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
8. Sizova, I.A. (2014) *Tomskie muzei. Muzeynaya set' Tomskoy oblasti (seredina 1940-kh – 2011 g.)* [Tomsk museums. Museum network of Tomsk Oblast (mid-1940s–2011)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Zaks, A.B. & Yanbykh, L.E. (eds) (1980) *Aktual'nye voprosy deyatel'nosti obshchestvennykh muzeev* [Topical issues of public museum activities]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 95–101.
10. Krasnoe znamya. (2007) Muzei o svoey zhizni [Museums about their life]. *Krasnoe znamya*. 30 October.
11. Vesnina, T. (2009) Dostup k sokrovishcham otkryt [Access to the treasures is open]. *Tomskiy vestnik*. 29 October.
12. Chernyak, E.I. & Sizova, I.A. (eds) (2012). *Tomskie muzei. Obshchestvennye, vedomstvennye i muzei predpriyatiy, organizatsiy: Materialy k entsiklopedii "Muzei i muzeynoe delo Tomskoy oblasti"* [Tomsk Museums. Public and departmental museums, museums of enterprises and organizations: Materials for the encyclopedia "Museums and Museum Business of Tomsk Oblast"]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Krasnoe znamya. (1971) Tomsku – literaturnyy muzey: [kollektiv.] pis'mo v red. [A literary museum to Tomsk: a [collective] letter to the editor]. *Krasnoe znamya*. 6 June (128). pp. 3.
14. Krasnoe znamya. (1987) Sozdaetsya muzey "Krasnogo znameniy" [The Krasnoe Znamya Museum is being created]. *Krasnoe znamya*. 12 February (36). pp. 4.
15. Stoylov, E. (1999) Velosipednoe koleso derevyannoe [A bicycle wooden wheel]. *Krasnoe znamya*. 19 June (142). pp. 7.

Received: 28 November 2017

РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ШАХТЕРОВ РОССИИ В 1990-е гг.

Представлен анализ основных методов решения социально-экономических проблем шахтеров России в 1990-е гг. Делается вывод о том, что, несмотря на положительный результат, в сфере угольной промышленности сохранился ряд острых вопросов, ответственность за решение которых перешла к владельцам предприятий. Однако институциональные основы их социально-экономической деятельности были еще в зачаточном состоянии, что способствовало консервации командно-административных методов решения жизненно важных проблем российских шахтеров.

Ключевые слова: Россия; либерализация; шахтеры; социально-экономические проблемы; решение.

Мощные шахтерские выступления, проходившие под лозунгами социально-экономического характера, являлись катализатором многих важных исторических событий. Однако в отечественной историографии до сих пор отсутствует целостный взгляд на действия органов власти и управления по решению социально-экономических проблем рабочих в такое сложное для угольной промышленности время, как 1990-е гг. К анализу социально-экономических проблем шахтеров исследователи, как правило, прибегали в моменты острых социально-трудовых конфликтов. При этом оценки социально-экономической политики в сфере угольной промышленности среди ученых-обществоведов существенно отличаются. Для большинства ученых-экономистов характерны положительные взгляды на либеральные реформы в угольной промышленности. В то время как среди социологов доминирует негативное восприятие социально-экономической ситуации, которая тогда сложилась даже в относительно успешных углепромышленных территориях. Таким образом, анализ заявленной темы позволяет дополнить отечественную историографию материалом, формирующим более широкое представление об экономических и социальных процессах в 1990-е гг. как на уровне отдельной отрасли, так и в общегосударственном масштабе.

Цель исследования – выявить основные уровни, подходы и методы решения социально-экономических проблем шахтеров России в 1990-е гг.

Рассматриваемый период – это время быстрых и радикальных трансформаций во всех сферах российского общества. Данное обстоятельство отразилось на исходных позициях теоретической и методологической базы исследования. Сложно опереться на какую-либо одну теорию в анализе такого неоднозначного и весьма противоречивого исторического явления, как действия органов власти и управления по решению социально-экономических проблем шахтеров. Поэтому авторы статьи ориентировались на те концепции, которые в наибольшей мере способствуют достижению поставленной цели, – цивилизационный и модернизационный подходы. В контексте данных подходов решение социально-экономических проблем российских шахтеров в 1990-е гг. предстает как процесс утверждения не только новых, либеральных порядков, но и формирования нового, рыночного мышления.

В ходе исследования использовались две группы методов: общенаучные и специально-исторические. Из общенаучных были использованы метод класси-

фикации, анализ, синтез и метод статистической обработки материала. Из специально-исторических методов исследования широкое применение нашли сравнительно-сопоставительный метод, историко-типологический анализ, сравнительно-исторический, историко-системный, а также проблемно-хронологический, который сыграл ключевую роль в определении характера решений социально-экономических проблем шахтеров и в формулировании заключительного вывода.

Авторы статьи опираются на различные группы источников: нормативно-правовые, делопроизводственную документацию, периодику, статистические и справочно-статистические материалы. Основополагающую роль в формировании объективного представления о происходивших процессах сыграла делопроизводственная документация, извлеченная из фондов федеральных (Государственный архив Российской Федерации), региональных (Национальный архив Республики Коми, Государственный архив Кемеровской области, Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области, Государственный архив Ростовской области) и муниципальных (Архивный отдел администрации Артемовского городского округа, Архив Партизанского городского округа (Приморский край)) архивов. Центральное место в использованной делопроизводственной документации занимают стенограммы и протоколы. Они как составная часть официальной документации встречаются в делопроизводстве фактически всех организаций, подвергшихся исследовательскому анализу. Стенограммы и протоколы имеют непревзойденное преимущество по сравнению с другими источниками: они содержат сведения, которые отражают анализ собственных действий по решению социально-экономических проблем шахтеров. В целом использованный автором комплекс источников позволяет проанализировать и полно оценить основные аспекты рассматриваемой темы.

Решение социально-экономических проблем шахтеров России в 1990-е гг. кардинально отличается от аналогичной деятельности в предыдущий, «перестроечный» период. Переход от плановой модели экономики к рыночным отношениям в корне изменил формат взаимоотношений между шахтерами и представителями органов власти и управления. При этом надежды рабочих угольной промышленности на поступательное повышение качества жизни довольно быстро развеялись, их жизненный уровень стремительно снижался [1. С. 131]. В сложившихся условиях предьявлять пре-

тензии к государству было сложно, так как угледобывающие предприятия получили существенную экономическую свободу, хоть и сохраняли определенную зависимость от центральных органов управления отраслью. В силу широкого спектра причин, прежде всего, убыточности угольной промышленности, в начале 1990-х гг. медленными темпами в отрасль продвигался частный собственник. Таким образом, российские шахтеры оказались в социально-экономическом тупике. Наиболее эффективным способом выхода из него стали акции протеста, которые вынуждали привлекать к себе внимание представителей органов власти и управления.

Конечно, социально-экономические проблемы шахтеров не выглядели уникально на фоне общероссийского спада уровня жизни трудящихся. Между тем угольная промышленность являлась одной из базовых отраслей народного хозяйства, где трудились сотни тысяч рабочих. К тому же отраслевая специфика, а также лидерство горняков в рабочем движении страны заставляли органы власти и управления более внимательно относиться к социально-экономическим проблемам в сфере угольной промышленности. Власть довольно быстро осознала недостаточность и малоэффективность использования только политических инструментов в купировании шахтерского недовольства. Требовалась системная работа в повышении экономической эффективности предприятий, а также усиление социальной защищенности горняков. Отрасль нуждалась в новом формате отношений, а также в организации деятельности новых учреждений, которые бы обеспечили решение наиболее острых проблем рабочих – безработица, переселение из районов Крайнего Севера и т.д. Нельзя утверждать, что Президент и Правительство РФ абсолютно дистанцировались от шахтерских проблем. Между тем денег в бюджете на решение вопросов угольной промышленности становилось все меньше. Соответственно, централизованно решать социально-экономические проблемы горняков было все труднее. Поэтому искать выход из кризисной ситуации, в которой оказалось подавляющее большинство шахт и разрезов, пришлось непосредственно их администрациям. Главной опорой в решении наиболее острых вопросов жизнедеятельности предприятий являлась местная и региональная власть. Последняя, совместно с федеральным центром, стала одним из активных участников процесса выработки нового механизма функционирования отрасли, а также ключевым проводником политики социальной защиты населения углепромышленных территорий. Со временем укреплялись место и роль Правительства РФ в решении социально-экономических проблем шахтеров. Таким образом, выделяются три основных уровня в решении шахтерских проблем: администрации предприятий, местная и региональная власть, Правительство РФ. Анализ деятельности каждого уровня позволяет выявить общее и особенное в решении социально-экономических проблем шахтеров, а также определить причины и факторы, сдерживавшие системную работу.

В начале рассматриваемого периода инициатива решения социально-экономических проблем шахтеров принадлежала руководству шахт и разрезов. Эйфория от экономической свободы быстро прошла, а

решать даже такие элементарные вопросы рабочих как, например, выплата зарплаты, становилось все сложнее. Низкая конкурентоспособность подавляющего большинства отечественных шахт и разрезов заставляла их управленцев думать не столько о перспективах развития, сколько об экономическом выживании в условиях макроэкономического спада и либерализации угольного рынка России. Оснований надеяться на помощь из федерального и регионального центров становилось все меньше, так как денег в бюджете не было, отсутствовала и целенаправленная политика сверху. В то же время усиление акций протеста, которые проводились под лозунгами социально-экономического характера, вынуждали директорский корпус действовать активнее и эффективнее. В конечном счете все действия начальства свелись к самостоятельному поиску внутренних резервов. Надо признать, там, где руководство справлялось с поставленными задачами, горняки не чувствовали серьезных потрясений. Наиболее значимыми действиями со стороны администраций шахт и разрезов стали новые подходы к хозяйствованию, кадровые перемены, активный поиск инвесторов, быстрые решения актуальных социально-экономических проблем рабочих и т.д. Для поддержания уровня жизни рабочих использовались и нестандартные меры – бартер, взаиморасчеты и т.п.

В начале 1990-х гг. относительно успешно складывалась социально-экономическая деятельность на шахтах и разрезах Кузбасса [2. Л. 4]. Соответственно, и решение социальных проблем рабочих здесь происходило более качественно. Имелись хоть и редкие, но показательные факты осуществления социальной поддержки высвобождаемых работников шахт и разрезов. К примеру, на предприятиях ОАО «Кузбассразрезуголь» уже в 1994 г. было создано более 300 новых высокоэффективных рабочих мест. Началось изготовление строительных материалов на базе местного сырья и отходов. Здания и сооружения закрываемых участков широко использовались для ремонта подвижного железнодорожного состава и локомотивов, для организации станций технического обслуживания, переработки сельскохозяйственного сырья и производства швейных и трикотажных изделий [3. С. 167]. Подобные примеры являлись весьма показательными и позволяли актуализировать в СМИ роль субъективного фактора в решении производственных вопросов.

Однако вплоть до середины 1998 г. социально-экономическая ситуация в сфере угольной промышленности усугублялась, что выразилось в повсеместных и долговременных задержках заработной платы рабочим. Поэтому руководители углепромышленных предприятий продолжали самостоятельно решать производственные и социальные проблемы. Процесс самостоятельного выхода из кризисной ситуации выражался в основном в двух формах – это отказ от собственных экономических обязательств и оптимизация производственной деятельности. Первый вариант решения вопроса выразился в том, что многие предприятия сначала перестали платить налоги в бюджет государства, а потом и отказались платить железной дороге за грузоперевозки [4. С. 3]. В условиях системно-

го кризиса и всеобщих неплатежей это выглядело «нормально».

Директора шахт и разрезов были вынуждены еще более активно заниматься оптимизацией производственного процесса, внимательнее относиться к проблемам рабочих, быстрее осваивать законы рынка и т.д. С их стороны чаще использовались жесткие методы в отношении потребителей продукции, посреднических организаций, нарушителей трудовой дисциплины, оказывалось большое внимание модернизации оборудования [5. Л. 34] и т.д. Наиболее успешные из них перешли на более высокие управленческие должности, например, С. Денисенко. На рубеже 1997–1998 гг. ему удалось вернуть шахту «Полысаевскую» в разряд передовых угольных предприятий Кузбасса [6].

Увеличение с конца мая 1998 г. финансирования отрасли из федеральных источников значительно облегчило положение шахтерских предприятий и населенных пунктов. Однако ситуация оставалась сложной, так как, во-первых, выделенных средств оказалось меньше обещанного (в том числе и потому, что Правительство РФ опасалось цепной реакции). Во-вторых, одноразовый взброс денег не решал таких актуальных проблем угольщиков, как рентабельность предприятий, стабильная зарплата и т.д. Администрациям предприятий приходилось заниматься поиском альтернативных вариантов сбыта продукции, оперативно решать вопросы обеспечения безопасности производственного цикла, поддерживать функциональные возможности предприятий, обеспечивать техническое перевооружение шахт [7] и т.д. В крайних случаях (например, угроза летального исхода во время голодовок рабочих) руководители предприятий использовали быстрые и нестандартные решения по выплате заработной платы. Весьма распространенными вариантами «нахождения» денег являлись распродажа второстепенного имущества, а также банковские кредиты, которые директора шахт и разрезов брали под огромные проценты [8. Л. 156].

В целом действия руководителей предприятий позволили в наиболее сложное для угольной промышленности время сохранить производственный потенциал и оказать рабочим адресную социальную помощь. Методы самостоятельного выхода угледобывающих предприятий из экономического кризиса, несомненно, сыграли важную роль в решении острейших социальных вопросов горняков, но они имели объективную ограниченность.

Главной опорой в социально-экономической деятельности руководителей углепромышленных предприятий стали органы местной и региональной власти. Высокая степень совместной заинтересованности в успешном решении жизненно важных вопросов шахтеров стимулировала поиск путей выхода из кризисного положения, в котором оказалась угольная промышленность, а вместе с ней и смежные отрасли местного и регионального хозяйства. Такие усилия наиболее очевидны были в ведущих углепромышленных территориях – Кемеровской и Ростовской областях, Республике Коми и Приморском крае. Здесь органы региональной и местной власти оказывали разностороннюю помощь предприятиям угольной про-

мышленности. Наиболее важными в их деятельности являлись: не прекращавшаяся борьба с попытками быстрого, часто необоснованного и безответственного закрытия шахт; отстаивание дополнительных мер финансовой поддержки шахтерских городов и поселков.

Региональными и местными администрациями предпринимались конкретные меры поддержания производственных возможностей шахтерских предприятий: предоставлялись отсрочки и рассрочки по уплате налогов; составлялись графики поэтапного погашения недоимок; проводилась реструктуризация задолженности в бюджеты на долгосрочный период, давались ссуды и т.д. [9. С. 324; 10]. С их участием решались вопросы погашения задолженности рабочим, изыскивались новые способы социальной защиты трудящихся и их семей, создавались условия по развитию предпринимательства, снижались объемы бартерного расчета и уровня железнодорожных тарифов, обеспечивалась занятость населения [11. Л. 19; 12; 13] и т.д. В середине 1990-х гг. финансовое бремя предприятий было облегчено благодаря полной передаче городской социальной инфраструктуры в ведение муниципалитетов.

Появились и новые формы защиты социально-экономических интересов углепромышленных территорий. В 1995 г. десятки шахтерских городов и поселков решили объединить усилия по защите общих интересов, что привело к созданию Ассоциации шахтерских городов (АШГ). Основная цель данной организации заключалась в консолидации и координации работы администраций углепромышленных городов и поселков, защите социально-экономических интересов их населения. АШГ стала противовесом отраслевым интересам шахтерских профсоюзов и приватизировавшихся угольных компаний. Во многом благодаря ее деятельности удалось наладить поступление средств на социальные программы без дополнительных этапов и посредников, а следовательно, без риска коррупции [14. С. 44].

Деятельность АШГ способствовала реализации важных социальных программ на муниципальном уровне и обеспечению социальных гарантий горнякам и членам их семей, а также содействовала динамичному и рациональному развитию экономики шахтерских городов и поселков. Данная организация участвовала в законотворческой деятельности по решению проблем и защите интересов жителей углепромышленных территорий в Правительстве РФ и Законодательных собраниях с целью принятия соответствующих документов. С деятельностью АШГ напрямую связано увеличение в 1997 г. более чем в полтора раза по сравнению с предыдущим годом количества новых непрофильных для отрасли рабочих мест [3. С. 181]. Учет интересов всех слоев населения того или иного шахтерского города или поселка позволял гасить пламя протеста не только горняков, но и работников бюджетной сферы.

Действия АШГ активно поддерживались региональными администрациями, но в 1998 г. стала очевидна недостаточность потенциала данной организации для решения даже самых острых проблем шахтерских семей. Майский кризис того года актуализировал действия исполнительной власти на местах. С их стороны более внимательно контролировался ход

выполнения социально-экономических обязательств, которые взяло на себя Правительство РФ; больше уделялось внимания развитию малого и среднего бизнеса; изыскивались новые способы повышения сбора налогов в бюджет; реализовывались новые формы поддержки малоимущих семей [15. Л. 1] и др.

В середине 1998 г. в угольной промышленности появились очертания новой институциональной системы социально ориентированного регулирования структурных преобразований в угольной отрасли и углепромышленных территориях. Центральным звеном новой системы стали администрации углепромышленных регионов [16. С. 37]. Они эффективнее регулировали добычу и реализацию угля, а также хозяйственные процессы в смежных отраслях. Особенно заметными в этом направлении были действия губернатора Кемеровской области А. Тулеева, который первым в стране реализовал единую стратегию развития угольной промышленности [17. С. 28–29]. Он прекратил практику совершенно бездумного закрытия шахт и проигнорировал требование МБРР по прекращению строительства новых угледобывающих предприятий. Уже в 1998 г., впервые за все время рыночных преобразований, в Кузбассе удалось остановить падение объемов добычи угля, а в дальнейшем иметь их ежегодный рост.

В укреплении социально-экономической стабильности региональная власть стала использовать широкий арсенал методов воздействия, в том числе и «квазирыночного» характера. Так, например, А. Тулеев ограничил рост важных для областной промышленности тарифов на электроэнергию, уголь и тепло, эффективно возвращал федеральные долги по социальным выплатам, освободил угольную отрасль от посредников, «выдавил» из области «не оправдавшие доверия» компании. В результате более половины промышленных предприятий края оказались под контролем областных властей [18. С. 9; 19]. Здесь раньше и быстрее произошел переход в частные руки угольных предприятий, что позволило стимулировать рост всех технико-экономических показателей, повысить их конкурентоспособность, стимулировать рост инвестиций в угольную отрасль края и т.д. [20. С. 9]. Одним из показателей положительных изменений стало то, что Кемеровская область в 1999 г. вошла в число самых быстро развивающихся регионов России [21]. В том году положительные тенденции наблюдались и в экономике других углепромышленных регионов, даже таких депрессивных, как, например, Приморский край [22. Л. 7].

Региональная и местная власть принимала активное участие в реализации программ по сносу ветхого и строительству нового жилья, а также решению других социальных проблем. Расширение полномочий региональных органов власти позволило активнее привлекать бизнес в реализацию социально значимых проектов. Работники предприятий угольной промышленности получили дополнительные формы поддержки за счет отраслевых соглашений и договоров о социальном партнерстве [23. С. 237]. Увеличивалось количество работников угольной отрасли, направленных на отдых в лечебно-оздоровительные санатории и профилактории, стали проводиться спортивные соревнования среди угольных компаний и т.д. [24. С. 221].

Значимым решением стало предоставление органам местного самоуправления шахтерских городов и поселков права получения средств на программы местного развития [25. С. 29]. Это способствовало снижению коррупции и мобильной доставке дефицитных средств. Дополнительное финансирование и меры органов власти и управления по выводу угольной промышленности из кризиса позволили сдержать развитие негативного сценария в социальной сфере шахтерских городов и поселков страны.

Таким образом, органы местной и региональной власти сумели создать условия перевода шахтерского недовольства в русло кропотливой и позитивной социально-экономической деятельности, а также интенсифицировать деятельность Правительства РФ в решении жизненно важных вопросов населения углепромышленных территорий.

Положительный результат усилий руководителей предприятий и углепромышленных территорий во многом зависел от действий федерального Правительства. Этому способствовала и высокая степень централизации угольной промышленности. Однако до середины 1990-х гг. действия Правительства РФ в решении социально-экономических проблем рабочих носили весьма пассивный характер. Политика главного исполнительного органа страны в этом вопросе, по сути, сводилась к естественному отбору [26. С. 260], после чего все должно было выйти на устойчивые темпы развития. В условиях политической и хозяйственной нестабильности широкие экономические свободы оказались неэффективны. Ослабление «контроля сверху» усилило влияние субъективного фактора, поэтому только некоторые из них сумели воспользоваться новыми преимуществами. По мере обострения ситуации в угольной промышленности все очевиднее становился системный характер ее проблем. Руководители страны помнили крупномасштабные забастовки 1989 г., поэтому им приходилось корректировать избранную в 1992 г. стратегию экономического развития государства. Правительству РФ срочно требовалось решить две основные задачи по выводу угольной промышленности из кризиса: провести системные и кардинальные реформы в отрасли, а также обеспечить высвобожденных горняков другой трудовой деятельностью.

Поскольку процесс реального реформирования шахтерской отрасли затягивался, в 1993 г. был создан орган для оперативного решения ее острых вопросов – Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (МВК). Она имела чрезвычайно широкие полномочия, ее решения были обязательны для всех министерств, ведомств и субъектов Федерации. Несмотря на определенный эффект в деятельности МВК, данный орган не обладал ни опытом, ни четкой программой действий. Поэтому деятельность данной комиссии, как правило, становилась заметна в моменты решения наиболее острых социально-трудовых конфликтов.

Вполне оправданным в данной ситуации стал план реструктуризации угольной промышленности, который был принят в 1994 г. Правительством РФ. Данный план предусматривал переход российских шахт и разрезов на уровень рентабельной угледобычи, в том

числе и посредством закрытия неэффективных и опасных в использовании предприятий. Важнейшей задачей реструктуризации являлось обеспечение работой уволенных шахтеров. Однако вплоть до середины 1998 г. темпы увольнения рабочих угольной промышленности заметно превышали запланированные, что провоцировало социально-трудовые конфликты в отрасли. Только создание Правительством РФ в конце 1997 г. таких государственных структур, как «Соцуголь» и «ГУРШ», позволило постепенно отработать организационно-нормативные механизмы реструктуризации и оптимизировать ее финансовую поддержку. Первая организация отвечала за руководство программами местного развития и решение социальных проблем, обусловленных реструктуризацией угольной промышленности, вторая – за организационно-техническое и аналитическое обеспечение работ, связанных с ликвидацией неперспективных и убыточных шахт и разрезов.

Центральной задачей для федеральных органов власти и управления являлось сокращение задолженности по зарплате. Всероссийские «рельсовые войны», разразившиеся в мае 1998 г., заставили их изменить свой взгляд на реструктуризацию угольной отрасли в целом и положение рабочих в частности. Главному исполнительному органу страны пришлось признать прямую ответственность за многомесечные задержки «кровно заработанных». Правительство РФ стало быстрее гасить задолженности по зарплате, увеличило дополнительное финансирование отрасли, стало открывать стратегические запасы и т.д. Для решения этой проблемы были оперативно задействованы внутренние и внешние источники. Использование последних порой шло вразрез с международными обязательствами России, но на это не обращалось внимание. Хотя и не в полном объеме, деньги на погашение задолженности по зарплате все же шли. Причем их поток постепенно увеличивался и, что было немаловажно, имел «живое» содержание. Кроме того, с целью искоренения злоупотреблений деньгами, выделенными на зарплату рабочим, открывались единые расчетные счета [27. С. 209].

Начавшаяся в мае 1998 г. выплата долгов горнякам сопровождалась финансовой поддержкой депрессивных шахт и разрезов, реструктуризацией задолженности организаций угольной промышленности по всевозможным страховым взносам и начисленным пеням [28]. Это позволило ускорить процесс реформирования предприятий, оперативно решить самые острые проблемы в социальной сфере углепромышленных регионов, оживить деятельность многих шахт и разрезов, а в целом снять общественно-политическую напряженность.

Материально-финансовая поддержка угольной промышленности и социальной сферы шахтерских городов и поселков осуществлялась не только благодаря прямым, но и косвенным мерам воздействия. Главный исполнительный орган страны пошел навстречу руководителям шахтерских регионов, постепенно расширяя их финансово-экономические полномочия и устраняя барьеры на пути развития угледобывающей отрасли. Например, в июне 1998 г.

снизились тарифы на перевозки угля по всей сети железных дорог на 25% [29].

В середине 1998 г. положительные перемены произошли в решении таких задач угледобывающих предприятий, как: возврат долгов со стороны посреднических фирм, выполнение тарифного соглашения, увольнение скомпрометировавших себя директоров предприятий и компаний, нормализация системы взаиморасчетов, упорядочение налогообложения, проведение аудиторских проверок хозяйственной деятельности шахт и разрезов, увеличение капиталовложений в угледобывающую промышленность, индексация заработной платы, повышение тарифов оплаты труда, выполнение Правительством РФ обязательств по социальной защите населения и т.д. Степень выполнения данных задач на разных предприятиях, конечно же, отличалась, но она носила повсеместный характер.

Погашение долгов перед горняками продолжило и новое Правительство Е. Примакова. В 1999 г. на 200 млн руб. была снижена задолженность по заработной плате шахтерам. Этому во многом способствовала положительная динамика доходной части федерального бюджета. В результате более чем вдвое увеличился общий объем средств на государственную поддержку угольной отрасли. Кроме того, в том году наблюдался рост удельного веса «живых» денег (с 22 до 37,8% от общего объема) [30].

Однако увеличение финансирования угольной промышленности не могло в корне решить проблем рабочих, отрасль нуждалась в системном оздоровлении. Отставка правительства С. Кириенко после финансового дефолта и формирование нового Кабинета министров в сентябре 1998 г. не позволили фактически до октября выстраивать какую-либо четкую программу по выходу из кризиса угольной промышленности России. Поэтому федеральная власть поддерживала социально-экономическую стабильность в шахтерских регионах, фактически используя только дополнительные источники финансирования. Основой источников внутреннего характера являлось изменение бюджетной политики, повышение эффективности фискальных учреждений, в том числе на региональном уровне [31. Л. 6]. Из внешних факторов выделялась помощь международных финансово-экономических организаций, в первую очередь МВФ и МБРР.

Новые способы повышения эффективности угледобывающих предприятий и компаний обозначились осенью 1998 г. с появлением правительства Е. Примакова. Его концепция реализовывалась в двух основных направлениях. Первое – усиление государственного регулирования деятельности угольной промышленности. Второе – углубление и расширение рыночных преобразований. Правительство РФ стало укреплять свои позиции на угольном рынке, не подвергая при этом сомнению важность продолжения реструктуризации шахтерской отрасли [32]. Тем более по мере решения жизненно важных проблем горняков и роста угледобычи в стране государственная активность в этой сфере снижалась.

Первое направление свидетельствует о завершении эпохи «дикого капитализма» в угольной промышленности. Главными задачами государственного

вмешательства являлись: организация регулируемого рынка сбыта угля, формирование честной конкуренции между предприятиями и компаниями, поддержка смежных отраслей промышленности, создание конкурентных преимуществ российских шахтеров на международном уровне, действия по вытеснению с угольного рынка России иностранных конкурентов [31. Л. 11]. Происходило изменение системы бюджетного финансирования отрасли, реформировалась налоговая система, закреплялись в федеральной и региональной собственности стратегически важные угледобывающие компании, был создан «Угольный комитет» при Министерстве топлива и энергетики РФ, обновилось содержание «Основных направлений реструктуризации угольной промышленности России» и др. Таким образом, повышалась социально-экономическая ответственность государства перед трудящимися угольной промышленности.

Влиять на укрепление конкурентоспособности отечественных шахт и разрезов на международном уровне Правительству России оказалось сложнее. Между тем и здесь произошли положительные изменения. Во-первых, укрепление позиций отечественных компаний на внутреннем рынке автоматически улучшило их производственно-экономические показатели и способствовало росту их конкурентоспособности, в том числе на мировом уровне. Во-вторых, повысить рентабельность экспортно-ориентированных компаний позволила ликвидация «валютного коридора» в августе 1998 г. В итоге экспорт каменного угля из России увеличился с 24 млн тонн в 1998 г. до 27,8 млн тонн в 1999 г. [33].

Вторым направлением «новой» экономической политики правительства Е. Примакова стала интенсификация либеральных преобразований. Это выразилось в дальнейшей приватизации шахт и разрезов, корректировке законодательства, стимулировании роста эффективности производства и др. Первоочередное внимание отводилось курсу на приватизацию угольных компаний как важнейшему условию обеспечения их рентабельности. Это повысило приток в отрасль долгожданных инвестиций (в том числе иностранных), снизило издержки добычи угля, укрепило межотраслевые связи и т.д., а в общем позволило повысить конкурентоспособность российских шахт и разрезов. Уже в 1999 г. приватизированные предприятия стали демонстрировать лучшую динамику развития в сравнении с государственными [34. С. 135], что подчеркивало правильность избранного пути. Впервые за годы рыночных реформ угледобыча в стране стала расти, существенно поднялась производительность труда в отрасли, снизились травматизм и число несчастных случаев на угольном производстве [35; 36. С. 215; 37. С. 10]. Благодаря позитивным процессам в деле реформирования отрасли с 1999 г. средства господдержки все более ориентировались на цели структурных преобразований и социальную защиту высвобождаемых в ходе реструктуризации работников [38. С. 5], а не на закрытие убыточных шахт.

Повышение уровня экономической эффективности угледобывающих предприятий и компаний позволило сконцентрироваться на решении наиболее острых

вопросов рабочих. Важной особенностью деятельности правительства Е. Примакова стала реализация ответственной социальной политики в шахтерских городах и поселках. Как никогда ранее Правительство РФ показывало желание встать на путь социального партнерства с профсоюзами [39. Л. 181]. Из наиболее значимых мер главного исполнительного органа страны в 1999 г., по сравнению с 1998 г., выделяются следующие: увеличение финансирования из федерального бюджета мероприятий по социальной защите работников, высвобожденных при реструктуризации угольной отрасли; более четкие и конкретные формы и содержание приобрело социальное партнерство товаропроизводителей, профсоюзов, государства и местных органов власти в решении социальных проблем реструктуризации угольной отрасли и обеспечении жизнедеятельности в углепромышленных муниципальных образованиях и т.д. [40. С. 22; 41. С. 105].

Сложнее всего решались проблемы, связанные с безработицей. Ей посвящались заседания как самого Правительства, так и его комиссий. К созданию эффективного механизма трудоустройства привлекались руководители региональных администраций. Там, где закрытие шахт продолжилось, при активном участии федерального центра срочно создавались новые рабочие места. Проблему безработицы решали тремя способами. Первый – шахтеров переводили работать на другие (новые или более рентабельные) угледобывающие предприятия. Вторым – им предлагали трудоустройство на предприятиях и организациях других отраслей хозяйства, например, в дорожном строительстве. Третьим и наиболее значимым способом ликвидации безработицы являлось вовлечение горняков в предпринимательскую деятельность.

Возможность заняться собственным бизнесом предоставлялась многовариантно. Имелись примеры «залпового» предоставления средств. В таких случаях работникам закрывавшихся предприятий вручали целевые денежные сертификаты (субсидии). Их размер соответствовал 20-месячной средней заработной плате [42. С. 8, 43; 43. С. 77]. На них шахтеры приобретали автомобили, тракторы или иные средства, позволявшие зарабатывать на жизнь [14. С. 93; 44. С. 1; 45. С. 1]. Такой вариант ликвидации безработицы использовали МВК и другие специализированные организации.

Системная деятельность по вовлечению освобождаемых шахтеров в предпринимательство осуществлялась посредством разнообразных, но конкретных программ, с привлечением денег угольных траншей [46. Л. 8]. К их реализации порой подключались и иностранные консультанты. Британский фонд «Ноу-хау», например, активно содействовал становлению малого предпринимательства в Кемеровской и Ростовской областях [14. С. 92; 47]. В общем, в 1999 г. в углепромышленных территориях было введено 588 новых рабочих мест по добыче угля (в 1998 г. только 242), 8929 рабочих мест в сфере малого и среднего бизнеса других отраслей [16. С. 38].

С осени 1998 г. одним из важных направлений социальной политики федерального Правительства стало возобновление решения такой важной проблемы, как переселение шахтерских семей из районов Край-

него Севера и приравненных к ним местностей. Количество горняков и членов их семей, переселившихся в центральные районы страны, увеличилось в 17 раз [48. С. 127].

Таким образом, процесс решения социально-экономических проблем шахтеров на уровне Правительства РФ имел «догоняющий» характер. Только в конце рассматриваемого периода на федеральном уровне были приняты меры, обеспечившие стабильную и конкурентоспособную работу шахт и разрезов. Заметно возросли тогда и действия по социальной защите населения углепромышленных территорий, что позволило снизить мощь протестного движения шахтеров. Однако даже в конце 1999 г. Правительство РФ так и не сумело в полной мере решить весь комплекс жизненно важных вопросов рабочих угольной промышленности. Немаловажно и то, что продолжали доминировать командно-административные методы

выхода из кризисной ситуации. Правовое поле решения вопросов углепромышленных территорий существенно отставало от реальной картины жизни.

В целом положительные результаты экономической и социальной деятельности органов власти и управления позволили сохранить в углепромышленных территориях общественно-политическую стабильность. При этом ряд не решенных вопросов поставил под сомнение перспективы развития угольной промышленности. В этих условиях заметно возросла ответственность владельцев угледобывающих предприятий и компаний за результаты не только экономической, но и социальной деятельности. Однако институциональные основы этой деятельности были еще в зачаточном состоянии, что способствовало консервации командно-административных методов решения жизненно важных проблем российских шахтеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожков А.А., Соловенок И.С. Основные тенденции развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418.
2. Письмо В.И. Спицына (председателя трудового коллектива шахты «Зенковская») Президенту РФ Б.Н. Ельцину, Председателю Госкомимущества РФ Чубайсу А.Б., 1 декабря 1993 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5674.
3. Попов В.Н., Рожков А.А. Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России. М., 1998.
4. Радчиков В. Рельсовое перемирие // Трибуна (Сыктывкар). 1998. 25 декабря.
5. Протокол № 2/98 заседания совета директоров ОАО «Интауголь» (по заочной форме), г. Инта, 28 февраля 1998 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 2594.
6. Авласевич В. Феномен «Полысаевской». Рынок: проблемы, решения // Городская газета (Ленинск-Кузнецкий). 1998. 27 января.
7. Носырев Е. «Джой» начинает грызть пласты // Городская газета. 1997. 18 ноября.
8. Выписка из протокола № 6/98 заседания совета директоров ОАО «Интауголь», г. Москва, 3 июня 1998 г. // НАРК. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2594.
9. Хроника трудового подвига. Междуреченск, 2005.
10. Ильясова Г. Лидеры НПП в столичных коридорах власти с мыслями о голодовке // Заполярье (Воркута). 1997. 13 декабря.
11. Отчет о деятельности Центра занятости населения г. Артема за 1994 г. // Архивный отдел администрации Артемовского городского округа (Приморский край). Ф. 110. Оп. 1. Д. 11.
12. Майдаров В. В какого «дурака» играют профсоюзы – подкидного или переводного? // Шахтерская правда (Прокопьевск). 1998. 13 марта.
13. «Я предлагаю выход...» // Контакт (Междуреченск). 1998. 2 мая.
14. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов). М., 2004.
15. Стенограмма встречи заместителя Председателя Правительства России О.Н. Сысуева с представителями забастовочных комитетов, лидерами профсоюзов, руководителями предприятий, организаций, главами городов Кемеровской области, г. Кемерово, 19 июля 1998 года // Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р.-1345. Оп. 1. Д. 403.
16. Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Трансформация социально-экономических механизмов структурных преобразований в угольной промышленности России // Горная промышленность. 2015. № 5.
17. Pleines H. Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse. Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa, Bremen. 2006. № 80.
18. Бирюков С. Политика. Общество, власть и фактор лидерства // Свободная мысль-21. 2003. № 4.
19. Худобин Е. Уголь «Черниговского»: лучше черен да горюч, чем к воровским рукам липуч // Кузбасс (Кемерово). 2000. 2 февраля.
20. Дюпин А.Ю. Угольная промышленность Кузбасса и ее перспективы // Уголь. 2005. № 4.
21. Кузбасс начинает и выигрывает // Кузбасс. 2000. 2 февраля.
22. Протокол схода жителей п. Углекаменск, 1999 г. // Архив Партизанского городского округа (Приморский край). Ф. 35. Оп. 1. Д. 362.
23. Буфина Н.Э. Развитие системы социального партнерства на угольных предприятиях Кузбасса в XXI в. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012.
24. Бирюкова О.В. Реструктуризация угольной промышленности Кузбасса в середине 1980-х – начале 2000-х гг. (на примере г. Кемерово) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012.
25. Ротин В.Г., Черни А.В. Роль ассоциации шахтерских городов в решении социальных проблем угольных муниципалитетов // Уголь. 2001. № 3.
26. Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса. Прокопьевск, 1995.
27. Лень П.М. Горбатый мост или Прозрение в преисподней. М., 1999.
28. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по стабилизации социально-экономической обстановки в угледобывающих регионах». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12357> (дата обращения: 20.10.2015).
29. Тарифы снижаются // Искра (Инта). 1998. 4 июня.
30. Проблемы и перспективы развития угольной промышленности. Федеральный справочник. Топливо-энергетический комплекс России. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).
31. Протокол заседания Правительства РФ от 21.08.98 // ГАРФ. Ф.-10104. Оп. 1. Д. 3.
32. Второе рождение указа № 777 // Заполярье. 1998. 9 октября.
33. Экспорт важнейших видов промышленных товаров из Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm (дата обращения: 15.04.2016 г.).
34. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
35. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. URL: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016).

36. Harte S., Grävingholt J., Pleiners H., Schröder H.-H. *Geschäfte mit der Macht*. Bremen, 2003.
37. Бирюков С. Политическая динамика Кузбасса на рубеже XX и XXI веков // Свободная мысль. XXI. 2003. 30 апреля.
38. Щадов В.М. Рост рентабельности угольного производства // Уголь. 2005. № 8.
39. Протокол заседания президиума Ростовского территориального комитета Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, 22 ноября 1999 г. // Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. Ф. Р-1127. Оп. 2. Д. 57.
40. Социальные проблемы и программы местного развития угольных регионов России // Информационный вестник. 2000. № 2.
41. Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. М., 2000. Т. III.
42. Коллективные действия Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности // Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепроф).
43. Пяткин А.М. Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9.
44. Кочетков А. В Шахты прибыл вице-премьер Б.Е. Немцов // Пласт (Шахты). 1998. № 33 (50). Август.
45. Кузнецов Н. Программы местного развития. Шахтерам – шахтерово // Наша газета (Кемерово). 1999. 5 июня.
46. Проект Закона Ростовской области по охране труда, приложение к решению президиума Правительства Ростовской области от 12 января 2000 г. № 3 // Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-4495. Оп. 3. Д. 22.
47. Малый бизнес должен стать делом шахтеров // Заполярье. 1998. 11 августа.
48. Соловенко И.С. Основные направления нейтрализации протестного движения шахтеров России в 1992–1999 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2017 г.

ON SOLVING THE SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF RUSSIAN MINERS IN THE 1990S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 169–177.

DOI: 10.17223/15617793/427/23

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, TPU Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Ronél Ferreira, University of Pretoria (Pretoria, South Africa). E-mail: ronell.ferrea@up.ac.za

Vladislav G. Lizunkov, Yurga Institute of Technology, TPU Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: vladeslave@rambler.ru

Ekaterina V. Politsinskaya, Yurga Institute of Technology, TPU Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: Katy031983@mail.ru

Keywords: Russian Federation; liberalization; miners; social and economic problems; decision.

The aim of the research is to reveal the main levels, approaches and methods of solving the socio-economic problems of Russian miners in the 1990s. The content of the article is based on various groups of sources: normative-legal, business-related documentation, periodicals, statistical and reference-statistical materials. A key role in the formation of an objective view of the processes that took place was played by records management documents extracted from the funds of federal, regional and municipal archives. The authors of the article draw attention to the fact that in the early 1990s, Russian miners found themselves in a social and economic impasse; and their problems were resolved at the level of administrations of enterprises, local and regional authorities, as well as the Government of the Russian Federation. Attention is focused on the fact that at the beginning of the period under consideration the initiative to solve the socio-economic problems of miners belonged to the management of mines and sections. In general, the actions of enterprise managers made it possible for the coal industry to save its productive potential and provide targeted social assistance to the workers. However, these actions had an objective limitation. The authors of the article believe that the main support in the socio-economic activities of the heads of coal enterprises were local and regional authorities. The most important in their activities were the continued struggle against attempts to quickly close the mines and defending additional measures of financial support for mining towns and settlements from the federal center. The analysis of sources and literature showed that the positive result of the efforts of the heads of enterprises and coal-mining territories largely depended on the actions of the Government of the Russian Federation. Until the mid-1990s such actions were passive. The creation in late 1997 of state structures such as Sotsugol and GURSH allowed the gradual development of organizational and regulatory mechanisms for restructuring and optimizing its financial support. The final conclusion can be the following: positive results of economic and social activities of the authorities and management allowed maintaining socio-political stability in the coal-industrial territories. At the same time, a number of unsolved issues cast doubt on the prospects for the development of the coal industry. Under these conditions, the responsibility of owners of coal mining enterprises and companies for the results not only of economic but also of social activity increased noticeably. However, the institutional foundations of this activity were still in its infancy, which contributed to the preservation of command and administrative methods for solving the vital problems of Russian miners.

REFERENCES

1. Rozhkov, A.A. & Solovenko, I.S. (2017) Major trends in Russian coal industry in the late 20th - early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 124–136. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/16
2. State Archive of the Russian Federation. Fund 10200. List 4. File 5674. *Pis'mo V.I. Spitsyna (predsedatelya trudovogo kollektiva shakhty "Zenkovskaya") Prezidentu RF B.N. El'tsinu, Predsedatelyu Goskomimushchestva RF Chubaysu A.B., 1 dekabrya 1993 g.* [Letter from V.I. Spitsyn (chairman of the work collective of the Zenkovsky mine) to President of the Russian Federation Boris N.N. Yeltsin and Chairman of the State Property Committee of the Russian Federation A.B. Chubais, December 1, 1993].
3. Popov, V.N. & Rozhkov, A.A. (1998) *Sotsial'nye problemy v ugledobyvayushchikh regionakh pri strukturnoy perestroyke ugol'noy promyshlennosti Rossii* [Social problems in the coal-mining regions in the restructuring of the Russian coal industry]. Moscow: [s.n.].
4. Radchikov, V. (1998) Rel'sovoe peremirye [Rail truce]. *Tribuna*. 25 December.
5. National Archive of the Republic of Komi. Fund R-1659. List 1. File 2594. *Protokol № 2/98 zasedaniya soveta direktorov OAO "Intaugol"* (po zaochnoy forme), g. Inta, 28 fevralya 1998 g. [Minutes No. 2/98 of the meeting of the Board of Directors of OJSC Intaugol (by correspondence), Inta, February 28, 1998].
6. Avlasevich, V. (1998) Fenomen "Polysaevskoy". Rynok: problemy, resheniya [The phenomenon of "Polysaevskaya". Market: problems, solutions]. *Gorodskaya gazeta*. 27 January.
7. Nosyrev, E. (1997) "Dzhoy" nachinaet gryzt' plasty ["Joy" begins to gnaw layers]. *Gorodskaya gazeta*. 18 November.
8. National Archive of the Republic of Komi. F.R-1659. List 1. File 2594. *Vypiska iz protokola № 6/98 zasedaniya soveta direktorov OAO "Intaugol"*, g. Moskva, 3 iyunya 1998 g. [Extract from Minute No. 6/98 of the meeting of the Board of Directors of OJSC Intaugol, Moscow, June 3, 1998].
9. Korolev, B.A. (ed.) (2005) *Khronika trudovogo podviga* [Chronicle of the labor feat]. Mezhdurechensk: Kontakt.

10. Il'yasova, G. (1997) Lidery NPG v stolichnykh koridorakh vlasti s myslyami o golodovke [Leaders of the Independent Miners' Union in the capital's corridors of power with thoughts of a hunger strike]. *Zapolyar'e*. 13 December.
11. Archive Department of the Administration of the Artyom urban district (Primorsky Krai). Fund 110. List 1. File 11. *Otchet o deyatelnosti Tsentra zanyatosti naseleniya g. Artyoma za 1994 g.* [Report on the activities of the Employment Center of Artyom for 1994].
12. Maydarov, V. (1998) V kakogo "duraka" igrayut profsoyuzy – podkidnogo ili perevodnogo? [What kind of "Durak" are the trade unions playing: throw-in or passing?]. *Shakhterskaya pravda*. 13 March.
13. Kontakt. (1998) "Ya predlagayu vykhod..." ["I suggest a way out..."]. *Kontakt*. 2 May.
14. Adaev, E. et al. (2004) *Den' shakhtera (restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti glazami uchastnikov i zhurnalistov)* [Miner's Day (restructuring of the coal industry through the eyes of the participants and journalists)]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
15. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund R-1345. List 1. File 403. *Stenogramma vstrechi zamestitelya Predsedatelya Pravitel'stva Rossii O.N. Sysueva s predstaviteleyami zabastovochnykh komitetov, liderami profsoyuzov, rukovoditelyami predpriyatiy, organizatsiy, glavami gorodov Kemerovskoy oblasti, g. Kemerovo, 19 iyulya 1998 goda* [Transcript of the meeting of Deputy Prime Minister of the Russian Government O.N. Sysuev with representatives of strike committees, trade union leaders, heads of enterprises, organizations, heads of cities of Kemerovo Oblast, Kemerovo, July 19, 1998].
16. Rozhkov, A.A., Anistratov, M.K. & Frolov, A.A. (2015) Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh mekhanizmov strukturnykh preobrazovaniy v ugol'noy promyshlennosti Rossii [Transformation of socio-economic mechanisms of structural transformations in the Russian coal industry]. *Gornaya promyshlennost'*. 5.
17. Pleines, H. (2006) Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse [The Political Influence of coal lobbies in Poland, Russia and Ukraine. A comparative policy analysis]. *Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa*. 80.
18. Biryukov, S. (2003) Politika. Obshchestvo, vlast' i faktor liderstva [Politics. Society, power and the leadership factor]. *Svobodnaya mysl'*. 21. 4.
19. Khudobin, E. (2000) Ugol' "Chernigovskogo": luchshe cheren da goryuch, chem k vorovskim rukam lipuch [The coal of Chernigovskiy: better black and flammable than sticking to thieves' hands]. *Kuzbass*. 2 February.
20. Dyupin, A.Yu. (2005) Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa i ee perspektivy [Coal industry of Kuzbass and its prospects]. *Ugol'*. 4.
21. Kuzbass. (2000) Kuzbass nachinaet i vyigryvaet [Kuzbass begins and wins]. *Kuzbass*. 2 February.
22. Archive of Partizansk urban district (Primorsky Krai). Fund 35. List 1. File 362. *Protokol skhoda zhiteley p. Uglekamensk, 1999 g.* [Minutes of the meeting of residents of the village of Uglekamensk, 1999].
23. Bufina, N.E. (2012) Razvitie sistemy sotsial'nogo partnerstva na ugol'nykh predpriyatiyakh Kuzbassa v XXI v. [Development of the social partnership system at the coal enterprises of Kuzbass in the 21st century]. In: Zelenin, A.A. et al. (eds) *Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and industrial potential of Russian regions]. Kemerovo: Kemerovo State University.
24. Biryukova, O.V. (2012) Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa v seredine 1980-kh – nachale 2000-kh gg. (na primere g. Kemerovo) [Restructuring of the coal industry of Kuzbass in the mid-1980s – early 2000s (on the example of Kemerovo)]. In: Zelenin, A.A. et al. (eds) *Intellektual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and industrial potential of Russian regions]. Kemerovo: Kemerovo State University.
25. Rotin, V.G. & Cherni, A.V. (2001) Rol' assotsiatsii shakhterskikh gorodov v reshenii sotsial'nykh problem ugol'nykh munitsipalitetov [The role of the Association of Mining Cities in solving the social problems of coal municipalities]. *Ugol'*. 3.
26. Lopatin, L.N. (1995) *Istoriya rabochego dvizheniya Kuzbassa* [The history of the working-class movement of Kuzbass]. Prokopyevsk: [s.n.].
27. Len', P.M. (1999) *Gorbatyy most ili Prozenie v preispodney* [A humpbacked bridge, or Insight in the underworld]. Moscow: Forum.
28. Kremlin.ru. (1998) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O merakh po stabilizatsii sotsial'no-ekonomicheskoy obstanovki v ugledobnyayushchikh regionakh"* [Decree of the President of the Russian Federation "On measures to stabilize the socio-economic situation in coal-mining regions"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12357>. (Accessed: 20.10.2015).
29. Iskra. (1998) Tarify snizhayutsya [Tariffs are decreasing]. *Iskra*. 4 June.
30. Federalbook.ru. (c. 1999) *Problemy i perspektivy razvitiya ugol'noy promyshlennosti* [Problems and prospects of development of the coal industry]. [Online] Available from: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderzhanie/FS-7/IV/Problemy%20i%20perspektivi.pdf>. (Accessed: 02.02.2017).
31. State Archive of the Russian Federation. Fund 10104. List 1. File 3. *Protokol zasedaniya Pravitel'stva RF ot 21.08.98* [Minutes of the meeting of the Government of the Russian Federation of August 21, 1998].
32. Zapolyar'e. (1998) Vtoroe rozhdenie ukaza № 777 [The second birth of Decree No. 777]. *Zapolyar'e*. 9 October.
33. State Statistics Committee. (2002) *Eksport vazhneyshikh vidov promyshlennykh tovarov iz Rossiyskoy Federatsii* [Export of the most important types of industrial goods from the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm. (Accessed: 15.04.2016 g.).
34. Kozhukhovskiy, I.S. (2003) *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii* [Restructuring of the Russian coal industry]. Economics Cand. Diss. Moscow.
35. State Statistics Committee. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli Rossiyskoy Federatsii v 1992–2008 gg.* [Socio-economic indicators of the Russian Federation in 1992–2008]. [Online] Available from: www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls. (Accessed: 02.04.2016).
36. Harte, S., Gravingholt, J., Pleiners, H. & Schröder, H.-H. (2003) *Geschäfte mit der Macht* [Doing business with power]. Bremen: Edition Temmen.
37. Biryukov, S. (2003) Politicheskaya dinamika Kuzbassa na rubezhe XX i XXI vekov [Political dynamics of the Kuzbass at the turn of the 21st century]. *Svobodnaya mysl'*. XXI. 30 April.
38. Shchadov, V.M. (2005) Rost rentabel'nosti ugol'nogo proizvodstva [Growth of profitability of coal production]. *Ugol'*. 8.
39. Center for Archival Documents Storage in Shakhty, Rostov Oblast. Fund R-1127. List 2. File 57. *Protokol zasedaniya prezidiuma Rostovskogo territorial'nogo komiteta Rossiyskogo nezavisimogo profsoyuza rabotnikov ugol'noy promyshlennosti, 22 noyabrya 1999 g.* [Minutes of the meeting of the Presidium of the Rostov Territorial Committee of the Russian Independent Trade Union of Coal Industry Workers, November 22, 1999].
40. Informatsionnyy vestnik. (2000) Sotsial'nye problemy i programmy mestnogo razvitiya ugol'nykh regionov Rossii [Social problems and programs of local development of the coal regions of Russia]. *Informatsionnyy vestnik*. 2.
41. Rosinformugol'. (2000) *Ugol'naya promyshlennost' Rossiyskoy Federatsii za 1999 god* [Coal industry of the Russian Federation for 1999]. Vol. 3. Moscow: Rosinformugol'.
42. Current Archive of the Independent Trade Union of Coal Industry Workers (Rosugleprof) *Kollektivnye deystviya Rossiyskogo nezavisimogo profsoyuza rabotnikov ugol'noy promyshlennosti* [Collective Actions of the Russian Independent Trade Union of Coal Industry Workers].
43. Pyatkin, A.M. (2005) Sotsial'naya napryazhennost' v ugledobnyayushchikh regionakh: sotsial'nyy fenomen, real'nost' i perspektiva [Social tension in coal-mining regions: the social phenomenon, reality and prospects]. *Ugol'*. 9.
44. Kochetkov, A. (1998) V Shakhty pribyl vitse-prem'er B.E. Nemtsov [Vice-Premier B.E. Nemtsov visits Shakhty]. *Plast*. 33 (50). August.
45. Kuznetsov, N. (1999) Programmy mestnogo razvitiya. Shakhteram – shakhterovo [Local development programs. Miner business to miners]. *Nasha gazeta*. 5 June.
46. State Archive of Rostov Oblast. Fund R-4495. List 3. File 22. *Proekt Zakona Rostovskoy oblasti po okhrane truda, prilozhenie k resheniyu prezidiuma Pravitel'stva Rostovskoy oblasti ot 12 yanvarya 2000 g. № 3* [The draft law of Rostov Oblast on labor protection, an annex to the decision of the Presidium of the Government of Rostov Oblast of January 12, 2000 No. 3].
47. Zapolyar'e. (1998) Malyy biznes dolzhen stat' delom shakhterov [Small business should become a business of miners]. *Zapolyar'e*. 11 August.
48. Solovenko, I.S. (2016) Principal directions to control protest campaigns of Russian miners in 1992–1999. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 117–130. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/16

Received: 16 October 2017

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В РЕЙХСТАГ ГЕРМАНИИ 1928–1932 гг.: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Рассматривается вопрос об источниках статистических данных по выборам 1928–1932 гг. в рейхстаг Веймарской республики, разноточностях и неточностях различных интерпретаций этих данных. Выявлены четыре группы данных и их интерпретаций, неточности в данных, используемых отечественными исследователями, внесен ряд дополняющих выводов к существующим расчетам. В частности, пересмотру подверглись данные по проценту явки избирателей, количеству не пришедших на выборы избирателей в сумме с недействительными бюллетенями, процентные данные по голосованию за основные партии Веймарской республики.

Ключевые слова: Рейхстаг 1928–1932; выборы в Германии; Веймарская республика; источники по электоральной истории Германии.

Если обратиться к данным результатов выборов в рейхстаг Веймарской республики, то обращает на себя внимание тот факт, что используемые исследователями числа часто сильно различаются. Анализ источников этих данных показывает, что в них изначально заложены некоторые неточности, которые при интерпретации начинают давать серьезные расхождения в исследовательских работах. Это определяет актуальность рассмотрения данной проблемы и необходимость пересмотра ряда положений.

Сводная таблица данных в Советской исторической энциклопедии (СИЭ) стала основной для советских исследователей [1. С. 324]. В самом крупном исследовании советского времени, посвященном приходу нацистов к власти, А.А. Галкин оперировал данными этой таблицы, но по ряду позиций сделал корректировку, основываясь на работах западногерманских авторов 1950–1960-х гг. Так, за национал-социалистов (НСДАП), по мнению автора, проголосовало на выборах 1930–1932 гг. не 18,3 и 37,4%, а 18,5 и 37,1% соответственно [2. С. 162, 171–172]. (Следует учитывать явную опечатку при публикации на стр. 165, где процент голосов, поданных за нацистскую партию, указывается как 31% для июля и 26,4% для ноября 1932 г.) Пересмотрел А.А. Галкин и данные по проценту избирателей, пришедших к избирательным участкам на выборах в рейхстаг 1928–1932 гг.: 1928 г. – 74,5%, 1930 г. – 81,4%, июль 1932 г. – 83,5% [Там же]. В дальнейшем советские исследователи и из так называемого социалистического лагеря, а за ними и российские ученые использовали данные СИЭ или данные с корректировками Галкина [3. С. 68–69; 4. С. 123; 5. С. 335; 6. С. 246].

Новый пересмотр данных о выборах в рейхстаг Веймарской республики в отечественной историографии произошел уже в начале XXI в. Основной методологический подход – заимствование данных из различных исследований. Одна из таких работ выполнена коллективом авторов из Ставрополя (А.А. Аникеев, Г.И. Кольга, Н.Е. Пуховская) [7]. Главный недостаток труда с источниковедческой точки зрения – это то, что источник используемых данных не всегда возможно установить. Так, например, указана явка избирателей на выборах в рейхстаг 1928 г. как 75,5%, с отсылкой на издание «Немецкая история. 1933–1945: документы по внутренней и внешней политике» под

ред. В. Михалки (Deutsche Geschichte. 1933–1945) [1. С. 92], однако в самом издании указан иной процент – 75,6 [8. С. 342]; 83,4% явки избирателей на выборы в рейхстаг в июле 1932 г. дается со ссылкой на работу Манштайна, но там нет таких данных [9. С. 125–126]. Процент голосов избирателей, отданных на выборах 31 июля 1932 г. за Компартию Германии (КПГ), указывается как 14,3, а для НСДАП – 37,3 [7. С. 95], но, к сожалению, отсутствуют ссылки на источник. Общая ссылка на весь блок рассуждений дается на работу Манштайна, где этих данных нет [7. С. 95; 9. С. 125–126]. Следует отметить и ряд мелких неточностей. Так, например, для данных по выборам 6 ноября 1932 г. идет отсылка к изданию «Документы к немецкой истории» (Dokumente zur Deutschen Geschichte. 1929–1932), но их происхождение из другого источника – «Немецкая история. 1933–1945» (Deutsche Geschichte. 1933–1945: Dokumente zur Innen und Aussenpolitik) [8. С. 342; 10. С. 110–111]. Противоречия в приводимых данных встречаются и внутри самого текста исследования: так, данные по явке для сентябрьских выборов 1930 г. даются то 81,4%, то 82% [7. С. 92–93]. При этом обращает на себя внимание, что приводимые цифры сходны с теми, что использовал А.А. Галкин.

Еще один пример публикации отличных данных по выборам в рейхстаг Германии 1928–1932 гг. – это современное учебное пособие по истории Германии под общей редакцией Б. Бонвеча, где приводятся данные из исследования Хорста Мёллера [1. С. 324; 11. С. 369; 12. С. 265].

Сводные таблицы из СИЭ, «Deutsche Geschichte. 1933–1945» и исследования Хорста Мёллера основывались на первоисточнике – «Статистическом ежегоднике Немецкого государства» («Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», StJDR), выпускавшемся статистическим управлением Германии. Х. Мёллер фактически приводит данные ежегодников 1928–1935 гг., но вместо абсолютных чисел дает пересчет в процентах. СИЭ и «Deutsche Geschichte» предоставляют переработанные данные, дополненные и исправленные на основании работ различных исследователей.

СИЭ, «Dokumente zur Deutschen Geschichte 1929–1932», «Deutsche Geschichte 1933–1945», таблица из которого основывается на «Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte» под редакцией Эрнста Хубера

(Huber), назовем первой группой данных по выборам в рейхстаг Германии 1928–1932 гг. [1. С. 324; 8. S. 342; 13. S. 98; 14. S. 669; 15. S. 16–26]. При общей принципиальной схожести, следует отметить, что внутри группы существуют разночтения. Так, в сводной таблице в «*Deutsche Geschichte 1933–1945*» встречаются два разночтения с данными СИЭ: 1) 11,9% вместо 11,7% голосов избирателей у Zentrum (партия Центра) на ноябрьских выборах 1932 г., 2) и для тех же выборов 16,9% у КПП вместо 16,8% [8. S. 342]. (Упомянем и еще одно, выходящее за рамки данной работы: в результате выборов в рейхстаг в марте 1933 г. одно парламентское место Баварской народной партии (БНП) отдается партии Центра – 18 вместо 19 и 74 вместо 73 соответственно [Ibid. S. 342]).

Вторую группу представляет исследование Хорста Мёллера [16. S. 539]. Результаты голосования по партиям, а также явка избирателей в процентном выражении отличаются у Мёллера по большинству позиций [17. S. 265] (табл. 2).

В третью группу мы отнесли современные немецкие сводные данные, представленные на электронном ресурсе gonschior.de/weimar/Deutschland (gonschior.de, или электронный ресурс) [12]. Представленные здесь данные в основном соответствуют первой группе, с оговоркой, что цифры даются по сотые после запятой, а группе 1 происходит округление до десятых. Однако существуют три разночтения с первой группой. Для партии Центра на июльских 1932 г. выборах 12,44%, что равно при округлении 12,4%, а не 12,5%, как в группе 1; 2) 11,93% вместо 11,7% для партии Центра на ноябрьских выборах 1932 г.; 3) 16,86% у КПП вместо 16,8% на тех же ноябрьских. Что касается второго и третьего разночтения, то они имеют мест только с СИЭ, но не со всей первой группой [Там же].

Четвертую группу, на наш взгляд, составили данные из «Выборы и голосование в Веймарской республике» (*Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933*; далее – *Выборы и голосование*) Ю. Фальтера, Т. Линденбергера и С. Шуманна [12. S. 41, 44].

Данные по количеству избирателей разнятся в изданиях «Статистический ежегодник» и «Выборы и голосование» для выборов 1932 г., с электронным ресурсом – и для выборов 1930 г. Данные электронного ресурса в этом вопросе следуют изданию Фальтера, Линденбергера и Шуманна, различаясь только в выборах 1930 г. (табл. 2). Данные первой группы (Striefeler, Huber, *Deutsche Geschichte 1933–1945*), учитывая принцип округления до сотен тысяч человек, не противоречат ни одной, ни другой группе. Сходная картина представляется и по явке избирателей на участки для голосования. Данные в «Выборы и голосование» вместе с электронным ресурсом незначительно отличаются от «Статистического ежегодника» по ноябрьским выборам 1932 г., а между собой разнятся почти на 1,3 млн избирателей в данных явки на выборы 1930 г., при этом данные «Статистического ежегодника» и «Выборы и голосование» здесь совпадают (с учетом округления). Округленные цифры первой группы и здесь не противоречат ни одной из групп. По действительным бюллетеням «Статистический ежегод-

ник» и первая группа, учитывая округление чисел, совпадают почти во всех значениях со всеми источниками данных. Существенная разница проявляется на ноябрьских выборах 1932 г., где в «Статистическом ежегоднике» почти на 1 тыс. действительных бюллетеней больше. Количество действительных бюллетеней, приводимых электронным ресурсом, существенно отличается для выборов 1930 г. – на 14 тыс. бюллетеней.

Количество недействительных бюллетеней избирателей, приведенное в «Статистическом ежегоднике», сильно разнится с первой группой и незначительно расходится с данными в «Выборы и голосование» (расхождения в данных по ноябрьским 1932 г. выборам и мартовским 1933 г.) (см. табл. 3). В количестве бюллетеней, признанных недействительными, электронный ресурс явно представляет промежуточный вариант между «Статистическим ежегодником» и «Выборы и голосование». «Статистический ежегодник» и «Выборы и голосование» различаются по количеству недействительных бюллетеней для выборов ноября 1932 г. и марта 1933 г. С данными «Статистического ежегодника», «Выборы и голосование» и электронный ресурс расходятся в количестве бюллетеней, признанных недействительными на ноябрьских выборах 1932 г.; данные «Статистического ежегодника» и «Выборы и голосование» отличаются от электронного ресурса по недействительным бюллетеням для выборов 1930 г., где последний дает на 13 тыс. больше недействительных бюллетеней, чем в указанных двух изданиях. Эти расхождения имеют прослеживаемую корреляцию с различным определением количества избирателей, явки на избирательные участки и числа действительных бюллетеней (табл. 2, 3). С учетом всех замечаний данные первой группы в общем совпадают в округленном виде с данными «Статистического ежегодника» и «Выборы и голосование» по общей явке и действительных бюллетеней (количеству проголосовавших), расходятся с электронным ресурсом вместе с ними в данных действительных бюллетеней для выборов 1930 г., однако значительно отличаются от всех по количеству недействительных бюллетеней.

Следует признать, что служащие германского статистического управления 1930-х гг. определяли процент недействительных бюллетеней от общего числа избирателей вместо общего числа пришедших на выборы. Эта же ошибка расчётов перешла и в сводные данные Мёллера. Верный подсчет недействительных бюллетеней произведен для каждой группы в строке 10 табл. 3 (так же неверно производить подсчет из числа действительных бюллетеней, как приведено в строке 6 табл. 3 для сравнения).

Подытоживая проблему недействительных бюллетеней и проблемы расчета явки избирателей, для разных групп определенных источников отметим следующее. По версии первой группы, на выборах 1928–1933 гг. в рейхстаг Веймарской республики процент недействительных бюллетеней составлял от 0,64 до 1,43, для третьей и четвертой группы – от 0,72 до 1,32 (gonschior.de, «Выборы и голосование») (табл. 3). Расчеты третьей и четвертой групп более точны в этом вопросе. Средний показатель процента недей-

ствительных бюллетеней для парламентских выборов Германии в 1930–1933 гг. составлял 0,88 для данных третьей и четвертой или 0,9 – для первой группы, что значительно больше, чем на президентских выборах марта–апреля 1932 г. (табл. 3).

Наши подсчеты общего количества «неопределившихся избирателей» (тех, кто не пришел на избирательные участки для голосования или чей бюллетень был признан недействительным) несколько разнятся с расчетами Генриха Штрифлера [17. S. 23] (см. табл. 4). Так, между выборами 1928 и 1930 гг. немецкий исследователь устанавливает разницу в –2,9 млн голосов, а по нашим подсчетам получается –2,5 млн голосов, что на 0,4 млн больше (т.е. количество избирателей, чьи голоса никому не достались, уменьшилось на 2,5 млн). В 0,9 млн избирателей Штрифлер устанавливает разницу между выборами 1930 г. и июля 1932 г., а у нас получается –0,6 млн. Что касается разницы между июльскими и ноябрьскими выборами 1932 г., то данные наших подсчетов действительных бюллетеней почти совпадают с расчетом немецкого исследователя с разницей в 40 тыс. бюллетеней: по мнению Штрифлера, стало на 1,6 млн меньше, в наших подсчетах эта цифра составляет 1,56 млн.

Как уже указывалось, неверность подсчета процента явки избирателей на выборы в «Статистическом ежегоднике» и у Мёллера заключается в том, что явка высчитывается из действительных бюллетеней, а не из общего числа пришедших на выборы. В связи с этим происходят расхождения в данных второй группы (StJDR, Мёллер) с данными первой группы (СИЭ, Huber, Deutsche Geschichte), третьей (gonschior.de) и четвертой («Выборы и голосование»). Такой подсчет неправомерен, так как явка должна определяться по об-

щему количеству пришедших на избирательные участки избирателей. Таким образом процент явки избирателей более точен в группах 1, 3 и 4 и неверен в «Статистическом ежегоднике» и у Мёллера. Так же некорректны вносимые исследователями поправки к данным первой группы, указанные выше и в таблице в конце (табл. 2).

Данные по абсолютным числом голосов, отданных избирателями за Социал-демократов (СДПГ), Компартию (КПП) и НСДАП, в группе 1 и 2 (StJDR) совпадают (разница в степени округления) (табл. 1, 2). В «Выборы и голосование» приводимые абсолютные значения для данных партий расходятся с группами 1 и 2 в показателях выборов 1924 и 1932 гг. – различия в количестве избирателей, общей явке и действительных бюллетенях естественным образом влекут эти расхождения. Однако приведенные данные в процентах у них почти не различаются и зависят от степени округления. Самое серьезное разночтение имеет отношение к июльским выборам 1932 г., где издания группы 1 указывают 14,56% голосов за КПП, группы 3 – 14,56%, а группы 4 – 14,5%. Процентные доли, рассчитанные Х. Мёллером на основании абсолютных чисел «Статистического ежегодника», являются неточными.

Таким образом, общая явка избирателей в процентном выражении наиболее точна в первой (Huber, Deutsche Geschichte 1933–1945, СИЭ [1. С. 324; 8. С. 342; 14. С. 669]), третьей (gonschior.de) и четвертой («Выборы и голосование») [12. С. 41, 44]) группах. В них же (для первой группы – с указанными в статье поправками и уточнениями) верно указан процент голосов избирателей, поданных за партии. Данные по бюллетеням, признанными действительными и недействительными, верно отражены в третьей и четвертой группах.

Таблица 1

Процент голосов избирателей, отданных за основные партии Веймарской республики на выборах в 1928–1932 гг. в рейхстаг, по различным источникам

Партии	20 мая 1928 г.	14 сентября 1930 г.	31 июля 1932 г.	6 ноября 1932 г.	Источник
СДПГ	29,8	24,5	21,6	20,4	СИЭ [1. С. 324]
	28	24,5	21,5	20,4	Möller [17. S. 265]
	29,8	24,5	21,6	20,4	Falter, Lindenberger, Schumann [12. S. 44]
	29,76	24,53	21,58	20,44	gonschior.de/weimar
КПП	10,6	13,1	14,6	16,8*	СИЭ
	10,6	13,1	14,2	16,8	Möller
	10,6	13,1	14,5	16,9	Фальтер
	10,62	13,13	14,56	16,86	gonschior.de/weimar
НСДАП	2,6	18,3	37,4	33,1	СИЭ
	2,6	18,3	37,2	33,0	Möller
	2,6	18,3	37,4	33,1	Falter, Lindenberger, Schumann
	2,63	18,33	37,36	33,09	gonschior.de/weimar

* 16,9% в «Huber» и «Deutsche Geschichte 1933–1945».

Таблица 2

Общее количество и процент явки избирателей на выборах 1928–1932 гг. в рейхстаг Германии по различным источникам

Год	1928	1930	1932, VII	1932, XI	Источник
Кол-во избирателей	41 224,7	42 957,7	44 226,8	44 373,7	Статистический ежегодник (StJDR), Möller [16. S. 539; 17. S. 265]
	41 224 678	42 957 675	44 211 216	44 374 085	Falter, Lindenberger, Schumann [12. S. 41]
	41 224 678	42 982 912	44 211 216	44 374 085	gonschior.de/weimar/
	41,2	43,0	44,2	44,4	Striefler, Huber, Deutsche Geschichte 1933–1945 [8. S. 342; 14. S. 669; 15. S. 16]

Явка	31 165,8	35 225,8	37 162,1	35 759,1	StJDR (сумма действительных и недействительных бюллетеней) [16. S. 539]
	31 165 789	35 225 758	37 162 081	35 758 259	Falter, Lindenberger, Schumann [12. S. 41]
	31 165 789	35 224 499	37 162 081	35 758 259	gonschior.de/weimar/
	31,2	35,2	37,2	35,7	Huber, Deutsche Geschichte 1933–1945 [8. S. 342; 14. S. 669]
	27 080 120	34 972 000	36 832 000	35 472 000	СИЭ [1. С. 324] (если сложить данные)
	27 080 120	34 972 000	36 832 000	35 472 000	Dokumente zur Deutschen G 1929–1932 [13. S. 97] (если посчитать сумму всех голосов за различные партии)
Действ. бюллетеней	30 753,3	34 970,9	36 882,4	35 471,8	StJDR [16. S. 539]
	30 753 247	34 970 857	36 882 354	35 470 788	Falter, Lindenberger, Schumann [12. S. 41]
	30 753 247	34 956 471	36 882 354	35 470 788	gonschior.de/weimar/
	30 753 247	34 970 857	36 882 394	35 470 788	Möller [17. S. 265]
	30,753	34,971*	36,882	35,471	Huber, Deutsche Geschichte 1933–1945 [8. S. 342; 14. S. 669]
Явка, %	74,60	81,41	83,39	79,93	StJDR, Möller [16. S. 539; 17. S. 265;]
	75,6	82	84	80,6	СИЭ, Huber, Deutsche Geschichte 1933–1945 [1. С. 324; 8. S. 342; 14. S. 669]
	75,6	82	84,1	80,6	Falter, Lindenberger, Schumann [12. S. 44]
	75,6	81,95	84,06	80,58	www.gonschior.de/weimar [12]
	74,5	81,4	83,5	–	Галкин [2. С. 162, 171–172]
	75,5	81,4 или 82	83,4	–	Аникеев [7. С. 92, 95]

* В «Deutsche Geschichte 1933–1945» ошибочно стоит «34,571», в СИЭ – 34,971.

Таблица 3

Количество недействительных бюллетеней на выборах 1928–1933 гг. в рейхстаг по группам данных

Данные		Год выборов	1928	1930	1932, VII	1932, XI	1933
StJDR, Möller [16. S. 539; 17. S. 265]	1	Избирателей, тыс.	41 224,7	42 957,7	44 226,8	44 373,7	44 685,8
	2	Проголосовавших	30 753,3	34 970,9	36 882,4	35 471,8	39 343,3
	3	Недейств. бюллетеней, тыс.	412,5	254,9	279,7	287,3	311,7
	4	Процент недейств.	1,00	0,59	0,63	0,64	0,69
	5	Соотношение рядов 3–1	1,00	0,59	0,63	0,65	0,7
	6	Соотношение рядов 3–2	1,34	0,73	0,76	0,81	0,79
Falter, Lindenberger, Schumann [12. S. 44]	7	Явка на выборах, тыс.	31 165 789	35 225 758	37 162 081	35 758 085	39 658 310
	8	Проголосовавших, тыс.	30 753 247	34 970 857	36 882 354	35 470 788	39 343 302
	9	Недейств. бюллетеней, тыс.	412 542	254 901	279 727	287 471	315 008
	10	Недейств. бюллетеней, %	1,32	0,72	0,75	0,8	0,79
www.gonschior.de/weimar	7	Явка на выборах, тыс.	31 165 789	35 224 499	37 162 081	35 758 259	39 655 029
	8	Проголосовавших, тыс.	30 753 247	34 956 471	36 882 354	35 470 788	39 343 311
	9	Недейств. бюллетеней, тыс.	412 542	268 028	279 727	287 471	311 698
	10	Недейств. бюллетеней, %	1,32	0,76	0,75	0,8	0,79
Группа 1 [8. S. 342; 14. S. 669]	7	Явка на выборах, тыс.	31 200	35 200	37 200	35 700	39 700
	8	Проголосовавших, тыс.	30 753	34 971	36 882	35 471	39 343
	9	Недейств. бюллетеней, тыс.	447	229	318	229	357
	10	Недейств. бюллетеней, %	1,43	0,65	0,86	0,64	0,9

Таблица 4

Количество не принявших участие в выборах в сумме с бюллетенями, признанными недействительными, для выборов 1928–1933 гг. в рейхстаг Германии, тыс.

	Год выборов	1928	1930	1932-1	1932-2	1933
1	Избирателей, тыс.	41 224,7	42 957,7	44 226,8	44 373,7	44 685,8
2	Действительных бюллетеней	30 753,3	34 970,9	36 882,4	35 471,8	39 343,3
3	Не проголосовавшие (разница между кол-вом избирателей и действительными бюллетенями)	10 471,40	7 986,80	7 344,40	8 901,90	5 342,50
4	Разница в кол-ве не проголосовавших с предыдущими выборами		–2 484,60	–642,40	1 557,50	–3 559,40
5	Разница в кол-ве не проголосовавших + с предыдущими выборами у Штрифлера [15. S. 23]		–2 900	–900	1 600	–3 500

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская историческая энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия, 1963. Т. 4.
2. Галкин А.А. Германский фашизм. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1989.
3. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М. : РОССПЭН, 2002.
4. Гинцберг Л.И. Фракционная борьба в КПГ в канун прихода Гитлера к власти. Новые материалы // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 116–125.
5. Кульбакин В.Д. Очерки Новейшей истории Германии. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1962.
6. Руге В. Как Гитлер пришел к власти: германский фашизм и монополии / пер. с нем. М. : Мысль, 1985.
7. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001.
8. Deutsche Geschichte 1933 – 1945: Dokumente zur Innen und Aussenpolitik / hrsg. von W. Michalka. Frankfurt a/M. : Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1993.
9. Manstein P. Die Mitglieder und Wähler der NSDAP. 1919–1933: Unters zu ihrer schichtmassigen Zusammensetzung. 2 Überarb. Aufl. Frankfurt a/M., 1989.
10. Dokumente zur Deutschen Geschichte. 1929–1932. Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1975.
11. Результаты выборов в германский рейхстаг (1928–1932 гг.) // История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча. Т. 3: Документы и материалы. М. : КДУ, 2008.
12. Reichstagswahlen 1919–1933. Das Deutsche Reich. URL: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Uebersicht_RTW.html
13. Falter J.W., Lindenberger T., Schumann S. Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933. München : Beck, 1986.
14. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte / hrsg. von Ernst Rudolf Huber. Stuttgart : Verlag W. Kohlhammer, 1992. Bd. 4.
15. Striefler H. Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen. Düsseldorf : Wende-Verlag W. Hagemann, 1946.
16. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Herausgegeben vom Statistischen Reichsamte. Zweiundfünfzigster Jahrgang. 1933. Berlin : Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61, 1933.
17. Möller H. Weimar: die unvollendete Demokratie. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1990.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2017 г.

STATISTICAL DATA OF THE WEIMAR REICHSTAG 1928–1932 ELECTIONS RESULTS: ON THE INTERPRETATION OF THE SOURCES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 178–183.

DOI: 10.17223/15617793/427/24

Eduard E. Shults, Center of Political and Social Technologies (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuapl@yandex.ru

Keywords: Reichstag 1928–1932; elections in Germany; Weimar Republic; sources on electoral history of Germany.

The article is devoted to the Reichstag elections in the Weimar Republic in 1928–1932 and the problem of sources of statistical data, discrepancies and inaccuracies of different interpretations of these data. The author reveals four groups of data and their interpretations, inaccuracies in the data researchers used, and gives some new calculations and conclusions. In particular, the turnout of voters in percentage, the number of non-comers in the sum with invalid bulletins, the percentage data on vote for the main parties of the Weimar Republic were revised. The author divides the main existing sources of data on the results of the elections to the German Reichstag of 1928–1932 into four groups, depending on the proximity of their data and techniques of calculation. The first group includes the Soviet historical encyclopedia and three German editions: *Dokumente zur Deutschen Geschichte 1929–1932*, *Deutsche Geschichte 1933–1945* and *Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte*. With the general basic similarity in this group, there are discrepancies, but they are not so considerable. The second group is represented by a study of Horst Moeller, in which the results of vote on the parties and the voter turnout in percentage terms differs essentially in the majority of positions from the other groups. The contemporary German electronic edition at gonschior.de/weimar/Deutschland, in which data generally correspond to the first group, yet have some essential differences, represents the third group. The fourth group includes *Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933* by J. Falter, T. Lindenberger and S. Schumann. The author comes to a conclusion that the percent of the voter turnout is more exact in groups 1, 3 and 4 and is incorrect in *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich* and in Moeller's study. Data on the general voter turnout in percentage terms are most exact in the first, third and fourth groups. They (in the first group with the corrections and specifications given in the article) give correct percent of votes for the parties. Data on bulletins recognized valid and invalid are truly reflected in the third and fourth groups. The author makes calculations according to which the number of those who did not come to polling precincts for vote or whose bulletins were nullified differ from calculations made by Heinrich Schtrifler and accepted in science. The difference between the elections of 1928 and 1930 was 2.5 million votes, but not 2.9 million votes, the difference between the elections of 1930 and July, 1932 was 0.6 million instead of 0.9 million. The difference between the valid bulletins in the July and November elections of 1932 was 1.56 million, but not 1.6 million, as Schtrifler considered.

REFERENCES

1. Zhukov, E.M. (ed.) (1963) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Galkin, A.A. (1989) *Germaniskiy fashizm* [German fascism]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
3. Vatlin, A.Yu. (2002) *Germaniya v XX veke* [Germany in the 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
4. Gintsberg, L.I. (2001) *Fraktsionnaya bor'ba v KPG v kanun prikhoda Gitlera k vlasti. Novye materialy* [Faction fight in the CPG on the eve of Hitler's coming to power. New materials]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 116–125.
5. Kul'bakin, V.D. (1962) *Ocherki Noveyshey istorii Germanii* [Essays on the Newest History of Germany]. Moscow: Izd-vo sots.-ekon. lit.
6. Ruge, W. (1985) *Kak Gitler prishel k vlasti: germanskii fashizm i monopolii* [How Hitler came to power: German fascism and monopoly]. Translated from German by G. Rudaya. Moscow: Mysl'.
7. Anikeev, A.A., Kol'ga, G.I. & Pukhovskaya, N.E. (2001) *NSDAP: ideologiya, struktura i funktsii* [NSDAP: ideology, structure and functions]. Stavropol: Stavropol State University.
8. Michalka, W. (ed.) (1993) *Deutsche Geschichte 1933–1945: Dokumente zur Innen und Aussenpolitik* [German History of 1933–1945: Documents on Domestic and Foreign Policy]. Frankfurt: Fischer-Taschenbuch-Verlag.
9. Manstein, P. (1989) *Die Mitglieder und Wähler der NSDAP. 1919–1933: Unters zu ihrer schichtmassigen Zusammensetzung* [The members and voters of the NSDAP. 1919–1933: On their layered composition]. Frankfurt: P. Lang.

10. Ruge, W. & Schumann, W. (eds) (1975) *Dokumente zur Deutschen Geschichte. 1929–1932* [Documents on German history. 1929–1932]. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften.
11. Bonvech, B. (ed.) (2008) Rezul'taty vyborov v germanskiy reykhtag (1928–1932 gg.) [Results of elections to the German Reichstag (1928–1932)]. In: *Istoriya Germanii* [History of Germany]. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: KDU.
12. Gonschior.de. (n.d.) *Reichstagswahlen 1919–1933. Das Deutsche Reich* [Reichstag elections of 1919–1933. The German empire]. [Online] Available from: http://www.gonschior.de/weimar/Deutschland/Uebersicht_RTW.html.
13. Falter, J.W., Lindenberg, T. & Schumann, S. (1986) *Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919–1933* [Elections and Votes in the Weimar Republic: Materials on Voting Behavior, 1919–1933]. Munich: Beck.
14. Huber, E.R. (ed.) (1992) *Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte* [Documents on the German constitutional history]. Vol. 4. Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer.
15. Striefler, H. (1946) *Deutsche Wahlen in Bildern und Zahlen* [German Elections in Pictures and Figures]. Dusseldorf: Wende-Verlag W. Hagemann.
16. Statistischen Reichsamt. (1933) *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1933* [Statistical Yearbook for the German Reich for 1933]. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing in Berlin SW 61.
17. Möller, H. (1990) *Weimar: die unvollendete Demokratie* [Weimar: the unfinished democracy]. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag.

Received: 06 September 2017

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.01 (47)

С.В. Дмитриев, А.И. Загневская

СМЫСЛОВОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕШЕНИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ В КОНТЕКСТЕ ОНТОДИДАКТИКИ

Обсуждается проблема смыслового проектирования решения двигательных задач как психосемантического компонента креативного-двигательного действия, характеризующегося через внутреннюю позицию личности, т.е. с точки зрения онтодидактики. Описана дидактическая модель с многофункциональной структурой, представляющая собой тот информационно-смысловой контекст, на фоне которого строятся психосемантические механизмы управления построением двигательного действия.

Ключевые слова: онтодидактика; смысловое проектирование; моделирование; двигательные действия.

Известно, что действие и интеллект, действие и сознание не могут существовать друг без друга – это две стороны одной медали. Подлинное действие Homo sapiens (человека разумного) является следствием осуществления смысла (термины «смысл», «мысль», «замысел» имеют общее лингвистическое содержание). Наряду с утверждением первичности материальных действий по отношению к идеальным следует подчеркнуть и то, что, возникнув на основе материального, идеальное, в свою очередь, управляет деятельностью. Решающая роль сознания в деятельности человека зафиксирована в «Библии» – «В Начале было Слово...». В данном случае слово можно трактовать как некий информационный репликатор (смысловой репродуктор) данных программ предстоящей деятельности.

Цель исследования – создание дидактической модели, позволяющей осуществлять смысловое проектирование решения тех или иных двигательных задач.

Результаты и их обсуждение. Нами разработана дидактическая модель, позволяющая осуществлять смысловое проектирование решения двигательных задач (рис. 1). Данная модель имеет многофункциональную структуру и представляет собой тот информационно-смысловой контекст, на фоне которого строятся психосемантические механизмы управления построением двигательного действия. С точки зрения онтодидактики информационное моделирование двигательной задачи осуществляется, как правило, в три этапа: (1) сначала определяются компоненты задачи (таксономическая модель); (2) затем выявляется структура компонентов (структурная модель); наконец, (3) определяется динамика их взаимных связей и отношений в процессе смыслового проектирования и выработки целевой программы (модель функционирования). Такой способ «мышления моделями» в онтодидактике позволяет более детально выявлять нормативно-смысловые механизмы регуляции тех или иных движений, выделять «генеральный маршрут» выработки двигательного решения, более точно оценивать функциональную роль и значение отдельных «звеньев в цепи движений» и диалектику их взаимных влияний. В структурно-функциональной схеме механизмов мышления соединения узлов-блоков имеет не формальный, а интенциональный характер – существенна направленность их связи, смысловая ориентировка (вектор отношений), а не просто наличие в системе [1].

При разработке модели решаемой задачи существенное значение имеет программно-смысловое обеспечение двигательного действия, предусматривающее: (1) виды и функции целевых регуляторов; (2) выбор или конструирование методов построения алгоритмических предписаний; (3) «методологические функции» – действия над моделями (имитационный эксперимент, поисковая рефлексия и отбор наиболее эффективных операторов). Указанные процессы не являются независимыми, а взаимодействуют между собой в ходе выработки смысловой программы двигательного действия.

В соответствии с *принципом голографии* (большое в малом, или повторяемость целого в его частях) в компонентном составе выделено «ядерное звено» двигательной задачи. Таким звеном являются *цели и их производные* – целевые установки, целевые требования, целевые средства (см. компоненты центрального блока). Цель может быть и началом моделирования задачи, и сопутствующим фактором, и результатом действия целеполагающих операторов. При этом цель личности выступает как ориентирующий и задающий оператор, цели двигательного действия и цели решаемой спортсменом задачи – как программные операторы. Каждый из блоков (системы структурных элементов) двигательной задачи может находиться в формально-логических отношениях подчинения, соподчинения, перекрещивания, внеположенности или эквивалентности.

В онтодидактике при моделировании задачи каждый из компонентов может взять на себя функцию доминирующего, системорегулирующего фактора в выработке решения. К числу таких факторов можно отнести следующие: *побуждающие операторы* (ситуация задачи, требуемые условия); *ориентирующие операторы* (целевые установки); *задающие операторы* (целевые требования), *порождающие операторы* (целевые средства) [2, 3].

Указанные проектно-рефлексивные регулятивы, обеспечивающие саморегуляцию двигательных действий, не предзаданы извне, а должны быть порождены индивидуально (или совместно с тренером и партнерами по обучению). Само порождение замысла предполагает диалог (полилог) с другими действующими лицами, взаимокритику и взаимосогласие с ними. Воплощение замысла – функция не менее творческая по сравнению с

созданием замысла-идеи, а рефлексия есть не просто оценка правильности исполнения, а системный анализ-синтез накопленного в действии опыта, его возможностей и ограничений. Рефлексия тем самым подготавли-

вает новые замыслы, проекты, программы, новые креативно-двигательные действия человека, способы создания благоприятной взаимообучающей, взаимопонимающей (dixi) предметной среды деятельности.

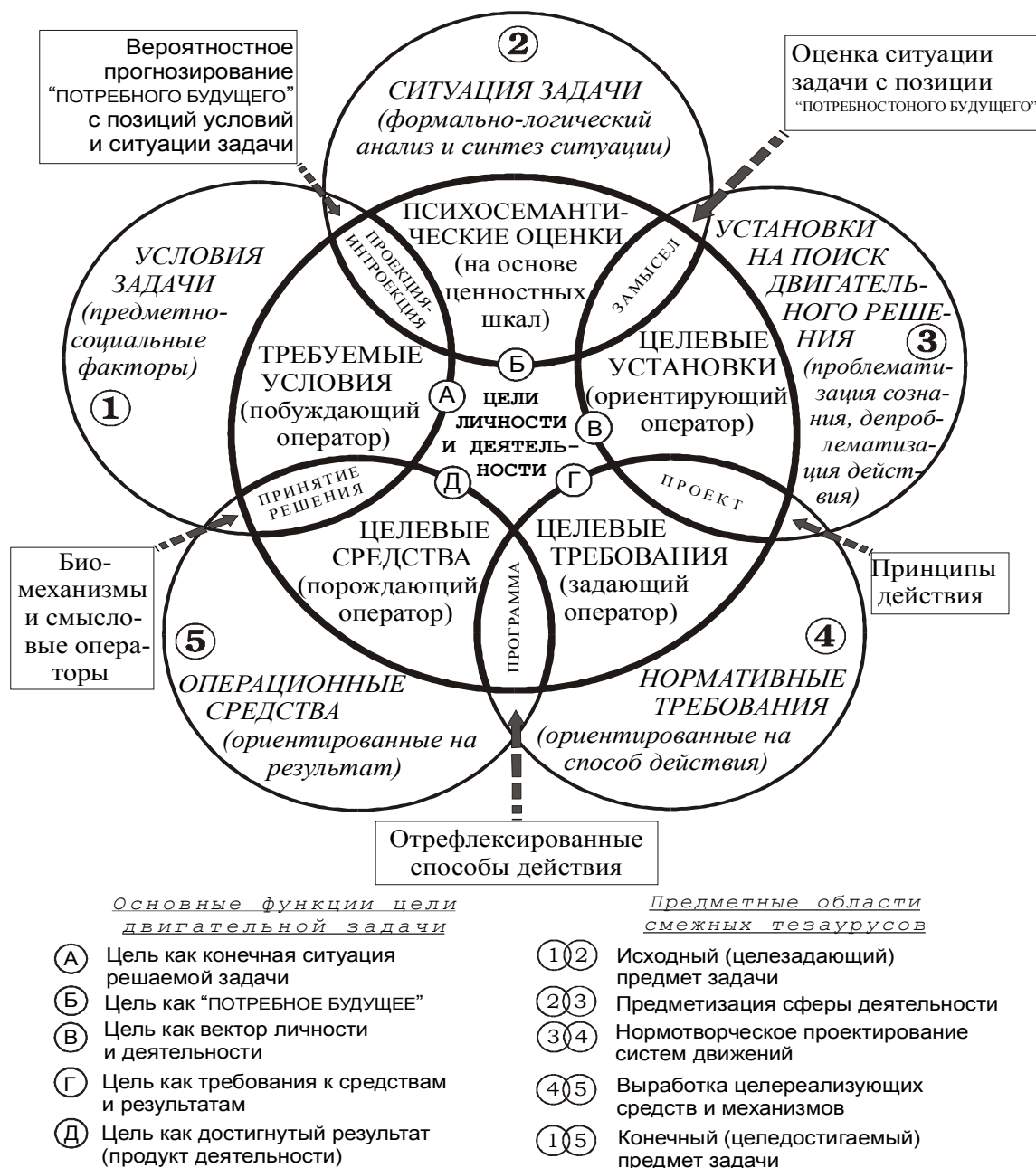

Рис. 1. Модель двигательной задачи как деятельностный оператор, мотивирующий действие, задающий ему цели, интенции, смыслы и служащий средством выработки способа достижения проектируемого результата

Важную роль при этом играют факторы создания педагогом личностно-ориентированного поля *взаимо-со-действия* (коррекционно-обучающей и развивающей среды), психолого-педагогической поддержки и помощи, методы экспрессивно-двигательной адаптации и готовности к доверительному общению. Педагог должен на занятиях по физической культуре и спорту постоянно обеспечивать реализацию *принципа конформного общения* – Dixi et animam levavi (лат. – сказал, ответил, высказался и облегчил тем душу).

Например, толкателю ядра при подскоке ставится цель: загребаящим движением левой ноги сверху

вниз захватить опору; осуществить поворот таза и скручивание туловища; начать активное вращательное разгибание правой ногой. На основе выработки соответствующих требований к двигательному результату и средствам решения задачи возникают целевой замысел, целевой проект и целевая программа. *Целевой замысел* – это ведущая идея (общая схема действия), которая хотя и содержит в себе «эскиз» решения задачи (своего рода предпроект), все же является в значительной степени гипотетической. При этом формулируется целевая установка, задающая *смысловую программу* действия: для разгона ядра

стремись воздействовать на него левой ногой и правым плечом.

Отметим, что целесмысловые установки характеризуются «захваченностью» вопросами, *как и для чего (зачем)* делается то или иное движение с точки зрения глобальной, генеральной цели двигательной задачи. В результате знание спортивной техники (организованное как теория) трансформируется в технологический метод.

Теория спорта и физической культуры пока еще недостаточно использует методы смысловой когезии (англ. cohesion – связанность), когерентности (лат. cohaerentia – сцепление), семантического регистра (лат. registrum – упорядоченный список чего-либо), что не позволяет адекватно воспроизвести в сознании занимающихся семантическую целостность двигательных действий. Так, *смысловой регистр* используемых в обучении методов должен определять выбор образно-языковых средств в зависимости от компетентности (уровня знаний) и нарушения двигательных функций занимающихся. *Смысловую когезию* необходимо рассматривать как механизм определения тех или иных функционально-ориентированных «опор» для построения индивидуальной картины двигательного действия (умозаключения, афоризмы, сентенции, пословицы, катахрезы и т.п.). *Смысловая когерентность*, как правило, связана с переходом на более высокую ступень понимания данного объекта в результате укрупнения единиц индивидуального знания, компрессии или развёртывания операционного смысла формируемой системы движений [4, 5].

Так, известно, что орфографическая грамотность младшего школьника во многом определяется зрительно-графическим представлением (образом): нужно видеть, как пишется слово, а не только слышать и произносить его. Фонематический слух позволяет человеку воспринимать разницу в произношении тех или иных звуков и воспроизводить (артикулировать) их в своей речи. Мы правильно слышим только те звуки, которые умеем произносить. Необходимо *проговаривать* слово (функция преимущественно левого полушария мозга) и одновременно *рисовать в уме* его знаково-графический образ (функция преимущественно правого полушария). Парадокс онтодидактики заключается в том, что мы должны «рисовать» (в том числе создавать *знаковые модели* объекта), чтобы *видеть* (продуцировать) внешнюю и внутреннюю форму объекта, а не *рисовать то, что видим*.

Другой пример – резчик по дереву контролирует и оценивает свои движения-действия не только зрением, но и обязательно осязывает объект преобразования рукой (осуществляя зрительно-двигательный синтез информации). Разная древесина – объект воздействия – требует различных видов перцептивно-моторной координации движений: липа нуждается в плавной резьбе ножом, а сосна – в ударной технике стамеской.

При проектировании двигательных действий тренер-педагог всегда должен осуществлять так называемый генетический анализ: 1) цели какого субъекта определяются – *субъекта развития?* (какие функции следует развивать); *субъекта познания и преобразования?* (что является предметом и средством его деятельности, *экспертной оценки?* (исходные предпо-

сылки и движущие силы; 2) цели какой деятельности этого субъекта определяются – работа с языковым сознанием или операционным интеллектом? формирование метода или способа действия? достижение программного продукта или инновационного результата? При построении двигательного действия интегрируются в единую систему *нормы-требования* (дескрипторы), *нормы-правила* (прескрипторы), *нормы-эталоны* (стандарты) и *нормы-оценки* (шкалы оценивания). Данный принцип целеполагания и целереализации должен быть ориентирован на построение *действий, рациональных по способу и эффективных по программно-целевому продукту деятельности* [6].

Таким образом, указанные нами методы онтодидактики позволяют в той или иной степени учитывать *интеллектуальную направленность* личности, *технологическую направленность* деятельности, *телесно-лингвистическую направленность* мышления человека, осваивающего двигательные действия. Здесь в наиболее полной мере проявляется единство технического устройства и его смыслового назначения, функциональной структуры и психорегулирующей смысловой организации двигательных действий в системе педагогического управления.

Следует иметь в виду, что в целевых проектах и программах присутствуют *объективная логика решения* (фиксируемая в принципах, методах и способах действия) и *субъективно-личностная логика решения двигательной задачи* (представленная в целесмысловых установках, телесно-ориентированных средствах). Если принципы и методы решения задачи в значительной мере *абстрагированы от личности*, а механизмы и способы действия по преимуществу *ситуативны* (разрабатываются, как правило, для типичных ситуаций), то целесмысловые и телесно-ориентированные регулятивы во многом *личностны*, связаны с неформализуемыми свойствами личности индивида (темперамент, характер, эмоционально-двигательный регистр, гибридный язык проектно-двигательного мышления).

При разработке целесмысловых программ двигательного действия можно выделить шесть основных блоков, представленных на рис. 1. [7].

1. Условия задачи. Моделирование задачи тесно связано с совокупностью внешних и внутренних субъективно-значимых условий, в которых приходится действовать спортсмену. Задача всегда включает субъекта в процесс его взаимодействия с предметной средой деятельности. Существуют три группы факторов, определяющих условия решения двигательной задачи. *Первая группа факторов* связана с *логикой объекта* – структурой двигательного действия. Так, например, при выполнении упражнений с гантелями или штангой вдох должен сочетаться с пассивной фазой движения, а выдох – с активной. *Вторая группа факторов* связана с *логикой предметно-социальной среды*, в которой человек осуществляет свою деятельность, физическими параметрами внешней среды, межличностными отношениями занимающихся. *Третья группа факторов* (так называемый человеческий фактор) представляет собой совокупность морфофункциональных систем (телесная индивидуаль-

ность), неформализуемых свойств личности (психическая индивидуальность), психонейрогенных и соматических особенностей человека. Большое значение имеет динамика практических (гр. *praxis* – действие) состояний и психических процессов – поведенческих, нейрофизиологических, сомато-вегетативных, функциональных и операционных механизмов. Так, например, совершенно различна артикаляция движений у скрипачек Акико Суванди (японская школа исполнения) и Ванессы Мэй (корейская артистка-шоумен). И та, и другая, «сливаясь с инструментом» в единое целое, находятся в непрерывном изменении мимики и пантомимики – переступания, наклоны, повороты позвоночника, подседы и выпрямления тела. Вместе с тем можно отметить, что в основе движений японской скрипачки заложен *эмоционально-практический интеллект* (естественное сопряжение – контаминация – движений тела, эмоций и извлекаемых звуков), в то время как у В. Мэй доминирует *имиджевый текст движений*, связанный с *игрой на публику*.

2. Ситуация задачи. Строго говоря, существует не объект деятельности, а *ситуация деятельности* (включающая несколько объектов). Ситуацию задачи следует понимать через взаимодействие личности и среды. Ситуация в той же степени является функцией личности спортсмена, в какой поведение личности является функцией ситуации решаемой задачи – они взаимосвязаны и взаимозависимы. В этом заключается *единство субъекта и объекта деятельности*. В конструктивной педагогике ситуация задачи рассматривается в связи с наличием потребности в достижении той или иной цели и некоторой преграды (в том числе «ментально-двигательных барьеров») на пути к её удовлетворению. Занимающийся спортом должен не просто реагировать на ситуационно-двигательные барьеры, но анализировать их в контексте своих возможностей, одновременно определяя себя как субъекта действия в данной ситуации. Это позволяет ему *активно проникать в реальность* (по А.Н. Леонтьеву). Таким образом, чтобы образовалась актуальная для спортсмена ситуация задачи, недостаточно иметь систему ситуационных барьеров. Необходим субъект действия, который бы не только переживал так называемое *состояние озадаченности*, но *хотел* и *стремился* преодолеть возникающие затруднения. Если человек не имеет потребности самоутверждения, отказывается от реализации цели, то по сути дела он «выходит» из ситуации задачи. В беседах со спортсменами необходимо обратить их внимание на то, что проектно-двигательное мышление эффективно функционирует тогда, когда появляется потребность в нём, когда человек наталкивается на какие-то трудности и препятствия. Весьма важно, чтобы занимающийся спортом не столько реагировал на ситуацию, сколько *вовлекался в ситуацию*, ставящую его перед необходимостью смыслового взвешивания барьеров, поиска путей и рациональных средств двигательных действий, раздвигающих границы его личностного самосовершенствования. Известно, что *ученик, от которого никогда не требуют ничего такого, чего он не в состоянии сделать, никогда не сделает всего, что он может* (Дж. Милль). Таким образом, в ряде случаев

важны не только традиционные методы помощи и страховки, но и разработка методов и средств создания препятствий для целеустремленных спортсменов – *помощь посредством противодействия*.

3. Цели решаемой задачи. Под целью двигательной задачи понимается осознанное предвосхищение желаемых и потребных человеку результатов действия и способов их достижения с помощью определенных средств. Цель – не просто образ будущего результата (перцептивная или вербализованная модель), а определенный процесс познания и преобразования действительности, в ходе которого спортсмен оценивает, чем является *именно для него* целеполагаемое будущее. При этом он не ограничивается констатацией своего отношения к действительности, а осознает значимость этого отношения, его преобразующий характер; не довольствуется «мысленным предвосхищением» результата действия, а *стремится* к его достижению. Цель выступает как регулятор действия и как объект (предмет) регуляции со стороны субъекта. Выбор цели – это одновременно и принятие на себя определенных обязательств, ответственности за произведенный выбор. Если к выбору цели принуждают какие-либо внешние обстоятельства, личностная ответственность решателя задачи выражена в гораздо меньшей степени. Если же спортсмен вырабатывает цели самостоятельно, по своей воле и инициативе, он оказывается ответственным перед самим собой. Чем выше уровень избираемых целей, тем выше уровень притязаний спортсмена, тем выше его самооценка.

В онтодидактике при формировании двигательной задачи необходимо различать три вида целей: (1) *цели действия* как требования к программному результату («поле допустимых результатов» при множестве возможных, в том числе альтернативных, способов деятельности); (2) *цели субъекта* как позиционно-личностная ориентация деятеля (на основе мотивационных факторов, интенций и уровня притязаний); (3) *цели решаемой задачи* как способы (или средства) достижения целей субъекта. Последний целевой оператор становится функциональным объединением целевых механизмов, связанных как с целями восприятия, так и целями действия. Известно, что цели действия и цели решаемой задачи на этапе освоения деятельности не всегда совпадают. Цель действия ориентирована на *эталон*. Это своего рода нормативная цель, связанная с определением программного продукта. Она определяется системой целевых требований к результату. Цель решаемой задачи ориентирована на *способы* достижения программного продукта с учетом функциональных возможностей спортсмена. Все функционирующие цели являются системопорождающими факторами в выработке решения двигательной задачи. Процесс целеполагания осуществляется в моделях и через посредство таких моделей, как: *цель-проект* (способ представления) конечного результата, *цель-программа* (способ действия), *реализованная цель* (двигательный результат). Программно-целевой результат не задается однозначно образом будущего – он творится личностью в том направлении, которое определяет вектор операционной цели, алгоритм про-

ектно-двигательного задания, смысловой оператор двигательного действия.

4. Целевые установки. Актуальные потребности спортсмена, решающего двигательную задачу, находят отражение в установках личности, выражающих состояние операциональной готовности. Целевая установка рассматривается как готовность действовать в конкретных условиях ситуации задачи в соответствии с целями и отношением человека к этим целям и задаче в целом (включая готовность к рискованным действиям). В этом заключаются её *побуждающая* и *направляющая функции*. С другой стороны, целеустановка выражает намерение действовать определённым способом. В этом заключается *программирующая функция* целевой установки. И, наконец, в той или иной установке воплощается предметная направленность внимания на тот или иной объект, смысловое взвешивание поступающей информации в контексте решаемой задачи (*оценочная функция* целеустановки). Вполне понятно, что при разных целевых установках – сделать, как можно лучше, сделать не хуже других, лишь бы сделать – эффективность решения двигательной задачи будет разной.

При моделировании двигательной задачи целевая установка может выполнять следующие функции: (1) своего рода *«предцели»*, детерминирующей процесс выработки у занимающегося целевой программы; (2) *«избирательного фильтра»* («шлагбаума») по отношению к возможным целям (здесь осуществляется выбор цели, соответствующей мотиву деятельности); (3) *«продуцента цели»* (например, образование намерения действовать как результат принятого решения). Известно, что основной функцией целевой установки является не действие, а принятие решения о действии на основе ожидания (прогнозирование ситуации), намерения (прескриптом к действию), настройки в психомоторной сфере (повышение тонуса рабочих групп мышц). По сути дела, операционно-целевые установки не являются психофизиологическими механизмами – реализаторами двигательного действия. Их цель – видеть, предвидеть, «затачивать» биомеханический инструмент, служить «приводным ремнем» в механизме принятия двигательного решения.

Известно, что наличие рациональной техники является необходимым, но недостаточным условием для достижения спортсменом высоких результатов в единоборствах. Не менее важно уметь правильно опознавать возникающие в бою ситуации и быстро принимать оптимальные решения. Совершенствование систем опознавания является, как было отмечено выше, одной из важнейших сторон тактико-технологической деятельности в тренировочном процессе. При совершенствовании систем опознавания следует обратить внимание боксеров на умение различать близкие по структуре ментально-перцептивные образы (например, финт и имитируемое этим финтом двигательное действие) и быстроту опознавания. Совершенствовать не только быстроту опознавания (механизмы *memory search* – поиск в памяти и сличение), но и быстроту ответного реагирования недостаточно. Необходимо технически отработать несколько возможных ответных действий на каждое действие противника.

Так, например, известно, что удар боксера «строится от таза» (точнее – от опоры ногами). Поэтому опытный спортсмен по исходной позе и телодвижениям ног и тазового пояса может прогнозировать какой удар будет нанесен и соответственно перестраивает свою систему движений таким образом, чтобы минимизировать эффективность ударного действия противника. Заметим, что в восточных единоборствах для повышения «перцептивной тренированности» (механизмов когнитивно-перцептивного и категориального анализа) применяют тренировочные халаты, скрывающие движения ног и тем самым затрудняющие анализ (идентификацию, распознавание) удара и оценку степени вероятности диагноза: разгибание правой ноги и поворот тазового пояса (скручивание таза налево) предшествуют «развертке» ударного действия правой рукой в голову или туловище.

Отметим, что восприятия и представления преимущественно субъективны, категориальный анализ (в силу фиксации в языке) интерсубъективен. Вероятностный прогноз – это не только отражение через перцептивное действие, но и *отражение через моторное действие*. В этом случае *психика-деятельность* забегает вперед, ведет за собой *психику-образ*.

Большое разнообразие и неожиданность боевых действий, различного рода сбивающие факторы затрудняют оценку создавшихся ситуаций, осуществление адекватных двигательных актов и, следовательно, предъявляют повышенные требования не только к перцептивно-двигательным, но и к интеллектуальным процессам. В антропных технологиях обучения осуществляется переход от так называемой стимульной парадигмы (которая трактует познавательный процесс как *реактивно-данный*) к деятельностной парадигме (здесь функция представления объекта – *созданного в сознании* – осуществляется в форме предметной деятельности).

С точки зрения буддийской психологии целью спортивного совершенствования является освобождение человека от пут «феноменального существования». В качестве образцов-эталонов, связанных с психологической регуляцией живых движений наставники боевых искусств часто приводят психомоторику животных. Считается, что при вербализованном управлении моторикой спортсмен неизбежно оказывается в ситуации сороконожки, запутавшейся в собственных ногах, когда она стала думать о своих шагах (известная даосско-чаньская притча).

Отметим еще одну важную для спортсмена двигательную установку – *готовность к риску*. Здесь имеются в виду двигательные решения, в которых решительность и риск сочетаются с предусмотрительностью – это своего рода «осторожная смелость». Установка на риск, определяемая высоким уровнем притязаний спортсмена, отражает его потенциальную готовность к абсолютному проявлению своих творческих сил, задатков, способностей к достижению своего «акме». Например, если рядовой спортсмен действует не испытывая судьбу (т.е. преимущественно под влиянием ситуационных переменных), то спортсмен, способный к риску, имеющий возможность ис-

пользовать малейший шанс на успех, может мобилизовать резервные аварийные программы и реализовать свои потенциальные возможности в наиболее полной мере.

Известно, что основной функцией операционно-целевых установок является не действие, а готовность действовать – на основе ожидания (прогнозирование развития ситуации), намерения («прескриптом к действию»), настройки в психомоторной сфере (повышение тонуса рабочих групп мышц) в соответствии с модельными представлениями о текущей и оперативной реальности data-driven, когнитивными и концептуальными процессами (conceptually driven processes) решателя задачи.

5. Целевые требования. Система нормативно-заданных целей и установок при моделировании задачи определяет дифференциально-интегральную оценочную шкалу (шкалу ценностей и шкалу оценок), с помощью которой задаются так называемые целевые требования к проектируемому двигательному действию. Эти требования представляют собой совокупность нормативно-целевых характеристик, отвечающих определённым критериям (в частности, целесообразности и рациональности) в системе спортивной биомеханики. Исходя из единства содержательной (предметной) и технологической (операционной) сторон деятельности, требования биомеханики могут относиться как к механизмам и способам действия (специфика системы движений в рамках конкретных возможностей спортсменов), так и к программному продукту. Первая группа требований ориентирована на *рациональность* техники движений, вторая – на *эффективность* достижения результата.

В онтодидактике следует различать три типа нормативно-целевых требований к двигательным действиям спортсмена-инвалида: **(1) нормы-каноны**, регламентирующие действия (эталоны, стандарты, нормативные модели спортивной техники в сфере теории ФК); **(2) нормы-предписания**, регулирующие процесс технологического построения операционных систем движений в тех или иных видах спорта (инструкции, алгоритмы, правила соревнований, советы). *Это предметно ориентированные нормы* двигательных действий (разработанные по мере объекта). И, наконец, в сфере адаптивной физической культуры существуют **(3) антропноориентированные нормы** (соответствующие мере субъекта) действия (с учетом нозологической специфики инвалидов-спортсменов). Регулятивная функция нормативно-целевых требований может быть *стимулирующей* (побуждающей к определенной деятельности), *лимитирующей* (ограничивающей ее) и *запрещающей*. Требования, не содержащих никаких ограничений, не бывает. Поэтому целевые требования могут формулироваться не только на основе позитивных предписаний (например, для штангиста – выполнять тягу снаряда и подведение коленей под гриф, стоя на всей ступне), но и в терминах запретов (не допускать колебаний штанги в сагиттальной плоскости). Возможны и нормативные предписания третьего типа, определяющие границы свободно выбираемого способа действия (разрешено все, что прямо не запрещено).

6. Целевые средства. К целевым средствам следует отнести замысел, проект и программу построения двигательных действий. *Целевой замысел* – совокупность технологических идей, которая хотя и содержит в себе общую схему построения системы движений, все же является в значительной степени гипотетическим образованием, требующим проверки на опыте и теоретического обоснования. Функция *целевого проекта* заключается в формировании эскизного решения, направленного на достижение генеральной цели деятельности. Проект направлен на прогнозируемый конечный результат и оценивается *по критерию целенаправленности*. *Целевая программа* как совокупность методов и функционально-алгоритмических структур оценивается *по критерию целесообразности*. Если проект характеризуется *целенаправленной субординацией* процессов деятельности, то программа – их *системной координацией*. При этом необходимо формировать специфические смысловые ключи к основным механизмам двигательных действий.

Заключение. В спортивно-двигательной педагогике смысловое проектирование рассматривается нами не как «ориентировочная основа» операционной системы движений, внешняя по отношению к человеку, но как психосемантические компоненты самого креативного-двигательного действия, всецело характеризующиеся через внутреннюю позицию личности. В ходе смыслового моделирования субъект действия оценивает получаемую информацию (например, по критериям истинности или пользы), оценивает рациональность применяемых целевых средств (по критериям эффективности результатов действия), а главное – разделяет оценки, предлагаемые преподавателем-тренером, соглашается (или не соглашается) с ними. В результате спортсмен становится не пассивным исполнителем заданных извне целей и ориентировок (в когнитивно-деятельностной парадигме – от действия к мысли), а активным целеустремленным деятелем, создающим собственную персонифицированную сферу. «Я создаю – меня ещё нет» – заглавие одного из стихотворений Вяч. Иванова (ср. лат.: Fio, ergo sum – Становлюсь, следовательно, не есмь). Здесь речь идёт об углублении процессов духовно-деятельностного развития (постоянного «зановорождения», по М.К. Мамардашвили) и самотрагического человека в социокультурном образовательно-обучающем пространстве развивающейся личности. Это так называемая ментально-двигательная парадигма обучения – от мысли к действию.

Можно полагать, что разработанные нами методы онтодидактики – ментального проектирования креативно-двигательных действий – *открывают* студенту / спортсмену / любому творческому деятелю *путь к себе*: ведь человек – это homo theos (творящий мудрость), целая вселенная, а значит, границ для его самосовершенствования не существует. При этом сам творец *открывается для себя*, становится *распахнутым* для всего мира, вызревает из собственного будущего: «Счастлив, кто точку Архимеда умел сыскать в себе самом» (Ф. Тютчев).

ЛИТЕРАТУРА

1. Загrevский О.И., Загrevский В.И. Техника «большого оборота назад из стойки на руках в стойку на руках на параллельных брусьях» на этапе формирования двигательного умения и навыка // Теория и практика физической культуры. 2015. № 7. С. 23–25.
2. Лубышева Л.И., Дмитриев С.В. Методология онтодидактики как новая стратегия подготовки кадров в системе физкультурного образования // Теория и практика физической культуры. 2017. № 6. С. 3–5.
3. Лубышева Л.И., Загrevская А.И. Кинезиологический подход как методология современной спортивной науки и практики // Теория и практика физической культуры. 2015. № 12. С. 3–6.
4. Шилько В.Г., Галажинский Э.В., Потовская Е.С., Шилько Т.А. Воспитание профессионально значимых физических качеств для эффективной деятельности в экстремальных условиях // Теория и практика физической культуры. 2016. № 6. С. 91–92.
5. Шилько В.Г., Потовская Е.С., Шилько Т.А., Гусева Н.Л. Воспитание физических качеств средствами элементов спорта для организации деятельности человека в экстремальных условиях // Теория и практика физической культуры. 2016. № 8. С. 91–93.
6. Загrevский В.И., Загrevский О.И. Моделирование пространственного движения элементов биомеханической системы с вращением вокруг произвольной оси // Теория и практика физической культуры. 2017. № 6. С. 83–85.
7. Дмитриев С.В. От технократической биомеханики к социокультурной теории двигательных действий. Н. Новгород, 1999. 246 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 ноября 2017 г.

SEMANTIC PLANNING OF MOTOR TASK SOLUTIONS IN THE CONTEXT OF ONTODIDACTICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 184–190.

DOI: 10.17223/15617793/427/25

Stanislav V. Dmitriev, Nizhny Novgorod State Pedagogical Institute (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: stas@mts-nn.ru

Alexandra I. Zagrevskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandra.zagrevskaya@yandex.ru

Keywords: ontodidactics; semantic planning; modeling; motor actions.

The aim of the study was to develop a didactic model that allows to semantically design solutions for certain motor tasks. The authors of the article have developed such a model. It has a multifunctional structure and is an information-semantic context, on the basis of which psychosemantic mechanisms of control over motor action performance are built. In accordance with the principle of holography (“big in small” or “the whole is reproduced in its parts”), the “nuclear unit” of a motor task, its purpose, is determined in the component structure of the model. The purpose can be the beginning of task modeling, a “co-factor” and the result of task-setting operators. Each of the structural elements of a motor task can be in formal logical relations of subordination, coordination, outness or equivalence. It is shown that in ontodidactics, when modeling tasks, each of the components can take over the function of the dominant, system-forming factor in decision-making. These factors include: motivating operators (situational tasks, required conditions); guiding operators (target); determining operators (task requirements), generating operators (target motion). This allows to take into account the intellectual orientation of an individual, the technological focus and body and language orientation of thinking of a person who masters motor actions. When developing semantic programs of a motor action, the authors identified the main units that reflect the success of solving motor tasks. The authors conclude that in sport-motor pedagogy conceptual design is considered as psycho-semantic components of a physical action characterized through the inner position of a person rather than as a “tentative basis” of the operating system of movements, external to a person. In semantic modeling, the athlete assesses the received information, the rationality of motor actions and, most importantly, accepts assessment by the teacher-coach, agrees or disagrees with it. As a result, athletes become active goal-directed persons and create their own “peronosphere”, and not passive performers of externally set goals and orientations.

REFERENCES

1. Zagrevskiy, O.I. & Zagrevskiy, V.I. (2015) Technique of grand swing backward from handstand in a handstand on parallel bars in skill acquiring phase. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 7. pp. 23–25. (In Russian).
2. Lubyshcheva, L.I. & Dmitriev, S.V. (2017) New specialist training strategy in national physical education system: ontodidactic methodology. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 6. pp. 3–5. (In Russian).
3. Lubyshcheva, L.I. & Zagrevskaya, A.I. (2015) Kinesiological approach as methodology of modern sports science and practice. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 12. pp. 3–6.
4. Shil'ko, V.G., Galazhinskiy, E.V., Potovskaya, E.S. & Shil'ko, T.A. (2016) Development of professionally significant physical qualities for efficient performance in extreme conditions. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 6. pp. 91–92. (In Russian).
5. Shil'ko, V.G., Potovskaya, E.S., Shil'ko, T.A. & Guseva, N.L. (2016) Physical qualities improvement via sports to step up stress control under extreme conditions. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 8. pp. 91–93. (In Russian).
6. Zagrevskiy, V.I. & Zagrevskiy, O.I. (2017) 3D model of biomechanical system elements rotation around arbitrary axis. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 6. pp. 83–85. (In Russian).
7. Dmitriev, S.V. (1999) *Ot tekhnokraticeskoy biomekhaniki k sotsiokul'turnoy teorii dvigatel'nykh deystviy* [From technocratic biomechanics to the sociocultural theory of motor actions]. Nizhny Novgorod: UKP.

Received: 10 November 2017

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ КИНЕЗИОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДОШКОЛЬНИКОВ 5–6 ЛЕТ

Рассматриваются содержание кинезиологического потенциала старших дошкольников, включающего в себя показатели двигательной подготовленности и физического развития детей 5–6 лет, а также результаты корреляционного анализа, объясняющие их взаимосвязь. Наиболее значительное влияние на уровень проявления двигательных качеств детей оказывают такие показатели физического развития, как длина и масса тела.

Ключевые слова: кинезиологический потенциал; дети старшего дошкольного возраста; двигательная подготовленность; физическое развитие; корреляционные связи.

В настоящее время многие педагоги и родители обеспокоены состоянием здоровья, физическим развитием, двигательной подготовленностью современных дошкольников, т.е. уровнем проявления их кинезиологического потенциала. Кинезиологический потенциал человека включает в себя психологический, морфофункциональный, двигательный, биомеханический и другие компоненты. Психологический компонент представлен особенностями психических процессов и свойств личности – восприятий, ощущений, мышления, воображения, внимания, памяти, волевых качеств, характера, темперамента и т.д. [1. С. 28–30].

Двигательно-координационный компонент характеризуется двигательными способностями, которые можно разделить на два больших класса: кондиционные и координационные. Класс кондиционных, или энергетических, способностей включает в себя силовые, скоростные способности, выносливость, гибкость, а также их сочетание (скоростная выносливость, силовая выносливость, скоростно-силовые способности). Координационные способности: способность к равновесию, ориентированию, реагированию, дифференцированию параметров движения, к ритму, перестроению, вестибулярной устойчивости, произвольному расслаблению мышц и т.д. Кроме того, двигательно-координационный компонент кинезиологического потенциала человека характеризуется и всевозможными сочетаниями кондиционных и координационных способностей.

Для осуществления целенаправленных двигательных действий необходимо иметь представление о биомеханических характеристиках движения, которые отражают механическое состояние и изменения биосистемы [2. С. 47]. Биомеханический компонент кинезиологического потенциала отражает способность человека к овладению оптимальной техникой двигательных действий.

Морфофункциональный компонент кинезиологического потенциала представлен морфологическими и функциональными характеристиками. Морфологические характеристики включают в себя длину и массу тела, окружность грудной клетки, экскурсию грудной клетки, состав тела и т.д.; функциональные – частоту сердечных сокращений (ЧСС), систолическое и диастолическое артериальное давление (АД), жизненную емкость легких (ЖЕЛ), физическую работоспособность (PWC_{170}), максимальное потребление кислорода (МПК), аэробные возможности организма и т.д.

В рамках данной статьи рассмотрим взаимосвязь показателей двигательного и морфологического компонентов кинезиологического потенциала детей 5–6 лет, что и являлось **целью** исследования.

Методы и организация исследования. В исследовании принимали участие 109 детей в возрасте 5–6 лет. Из них 51 мальчик и 58 девочек.

Тестировалась двигательная подготовленность (наклон вперед из положения сидя, прыжок в длину с места, бросок мяча массой 1 кг, бег 10 м) и измерялись показатели физического развития (рост, масса тела, динамометрия).

Анализ результатов тестирования проводился с использованием программы Statistica 10.0 фирмы Statsoft. Сравнение показателей двигательной подготовленности и физического развития детей при оценке распределения признака в группах осуществлялось при помощи критерия Шапиро–Уилка. Так как проводился анализ двух независимых выборок, в которых был выявлен ненормальный вид распределения, использовался непараметрический критерий Манна–Уитни. Для определения взаимосвязи физического развития и двигательной подготовленности применяли факторный и корреляционный анализ.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования установлено, что дошкольное детство отличается большим количеством сенситивных периодов развития многих физических (двигательных) качеств [3. С. 57–58]. Сенситивный период развития движений и действий длится в среднем от 1 до 4 лет, и значимость его для общего развития ребенка трудно переоценить. В процессе активного движения у ребенка повышается вентиляция легких, вследствие чего происходит насыщение крови кислородом, достаточное для снабжения клеток головного мозга, которые участвуют в развитии всех психических функций [4. С. 10–13].

В период старшего дошкольного детства формируются основы физической культуры и спорта, а также необходимые умения и навыки, мотивация к физкультурно-спортивной деятельности, в результате чего закладываются основы физического, психического и социального здоровья и происходит формирование спортивной культуры личности. Расширяется объем и совершенствуется качество движений, которыми ребенок овладел на предыдущих этапах развития. Работоспособность нервной системы повышается, постепенно процессы торможения в головном мозге начинают преобладать над процессами возбужде-

ния. В данном возрасте начинают складываться двигательные стереотипы, что облегчает взаимодействие с внешней средой, формирует жизненно необходимые потребности, позволяет обогатить двигательный опыт ребенка и заложить фундамент дальнейшего физического совершенствования [3. С. 57–58].

Этот сенситивный период протекает неравномерно: в его течении имеются моменты времени, когда ребенок концентрирует свое внимание на определенных движениях и действиях. Если в начале периода ребенка интересуют именно движения (у него есть потребность ощутить возможности своего тела, для чего он пытается, например, открыть дверь толчком ноги, сдвинуть тяжелые вещи и т.д., эти действия вызывают удовольствие, благодаря процессу, а не результату), то впоследствии его начинают интересовать все более и более сложные действия, для выполнения которых необходимо обладать определенным уровнем двигательной подготовленности, свободы и выразительности движений [5. С. 272].

На основе изучения и анализа литературных источников нами были определены показатели физического развития и двигательной подготовленности для исследования их взаимосвязи у детей 5–6 лет.

Анализ полученных данных позволил выявить особенности различий показателей двигательной подготовленности и физического развития девочек и мальчиков. Не меньшее значение имеет и сравнительный анализ абсолютных показателей двигательной подготовленности и физического развития испытуемых того и другого пола (табл. 1).

Таблица 1
Средние показатели физического развития и двигательной подготовленности мальчиков и девочек 5–6 лет

№ п/п	Показатель	Мальчики	Девочки	p
1	Длина тела, см	110,6±17,7	113,6±5,7	0,3
2	Масса тела, кг	20,3±3,9	19,9±2,8	0,6
3	Динамометрия (левая рука), кг	7,4±3	6,5±3,3	0,2
4	Динамометрия (правая рука), кг	7,4±3,2	5,9±3,5	0,06
5	Наклон вперед из положения сидя, см	1,8±4,2	6,2±5,2	0,02
6	Прыжок в длину с места, см	99,9±20	91,4±29,1	0,15
7	Бросок набивного мяча массой 1 кг, см	208,1±73,7	189,8±70	0,3
8	Бег 10 метров, сек	3,2±0,4	3,3±0,6	0,6

Примечание. p<0,05 – достоверно значимые различия.

В процессе исследования двигательной подготовленности и физического развития испытуемых при помощи непараметрического метода математической статистики достоверные различия (p<0,05) выявлены в тесте «наклон вперед из положения сидя» (табл. 2), что позволяет говорить о более высоком уровне развития у девочек такого физического качества, как гибкость.

В ходе корреляционного анализа у девочек определена взаимосвязь длины тела (тест 1) с результатами всех других тестов. Этот показатель коррелирует с показателями массы тела (R = 0,78), с динамометрией левой и правой рук (R = 0,58, R = 0,51), а также с показателями прыжка в длину с места (R = 0,55), броска набивного мяча (R = 0,68); высокая отрицательная

взаимосвязь зафиксирована с показателями теста «бег 10 м». Показатель теста «длина тела» имеет среднюю положительную взаимосвязь с таковым теста «наклон вперед из положения сидя» (см. табл. 2).

Таблица 2
Матрица коэффициентов корреляции показателей физического развития и двигательной подготовленности девочек

№ теста	Коэффициент корреляции							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	1	0,78	0,58	0,51	0,48	0,55	0,68	-0,72
2	–	1	0,68	0,50	0,23	0,31	0,57	-0,34
3	–	–	1	0,85	0,38	0,59	0,64	-0,33
4	–	–	–	1	0,33	0,56	0,78	-0,34
5	–	–	–	–	1	0,88	0,68	-0,66
6	–	–	–	–	–	1	0,71	-0,74
7	–	–	–	–	–	–	1	-0,70
8	–	–	–	–	–	–	–	1

Примечание. Жирным шрифтом выделены значения, при которых наблюдается высокая или средняя корреляция (R≥0,50 и R≥0,40) соответственно; прочерк означает отсутствие достоверной связи. Показатели: тест 1 – длина тела, 2 – масса тела, 3 – динамометрия левой руки, 4 – динамометрия правой руки, 5 – наклон вперед из положения сидя, 6 – прыжок в длину с места, 7 – бросок набивного мяча, 8 – бег 10 м.

С увеличением длины тела, увеличивается и мышечный компонент тела, следовательно, возрастает и сжимающая сила мышц кисти.

Уровень проявления скоростно-силовых качеств детей 5–6 лет (прыжок в длину с места) прямо пропорционален соматометрическим показателям, речь идет о длине конечностей, так как дальность полета тела зависит от начальной скорости и угла вылета.

С ростом длины конечностей увеличиваются сила отталкивания мышц ног, а также уровень кинестетико-дифференциальных способностей [6. С. 236–240].

Корреляционный анализ двигательной подготовленности детей выявил, что сила левой и правой кистей зависит от массы тела: чем выше масса тела, тем выше уровень проявления силовых и скоростно-силовых качеств (см. табл. 2).

Известно, что сила мышц имеет прямую зависимость от количества мышечных волокон, т.е. от толщины мышцы (диаметр физиологического сечения). Отсюда следует, что сила кисти зависит от развития мышечной массы.

У девочек установлено положительно высокое влияние гибкости на результаты таких тестов, как «прыжок в длину с места» (R = 0,88), «бросок набивного мяча» (R = 0,68), и отрицательно высокое – на результаты теста «бег 10 м» (R = -0,66) (см. табл. 2).

Как мы говорили ранее, старший дошкольный возраст – сенситивный период для развития гибкости.

У девочек это физическое качество имеет положительную взаимосвязь с развитием скоростно-силовых способностей.

Кроме того, при анализе результатов исследования установлена положительно высокая взаимосвязь теста «прыжок в длину с места» с показателями теста «бросок набивного мяча» (R = 0,71), но отрицательно высокая взаимосвязь – с результатами теста «бег 10 м» (R = -0,71) (см. табл. 2).

Данные тесты отражают уровень проявления скоростно-силовых способностей детей.

Матрица коэффициентов корреляции показателей физического развития и двигательной подготовленности мальчиков

№	1	2	3	4	5	6	7	8
1	1	0,69	0,60	0,58	0,13	0,37	0,27	-0,24
2	—	1	0,55	0,46	0,28	0,44	0,44	-0,26
3	—	—	1	0,87	0,53	0,56	0,58	-0,60
4	—	—	—	1	0,47	0,56	0,58	-0,70
5	—	—	—	—	1	0,50	0,50	-0,59
6	—	—	—	—	—	1	0,58	-0,78
7	—	—	—	—	—	—	1	-0,77
8	—	—	—	—	—	—	—	1

Примечание. Условные обозначения те же, что в табл. 2.

Результаты корреляционного анализа двигательной подготовленности и физического развития мальчиков схожи с таковыми девочек.

Показатель «длина тела» имеет высокую положительную взаимосвязь с показателями массы тела ($R = 0,69$), динамометрии левой ($R = 0,60$) и правой ($R = 0,58$) кисти (табл. 3).

При исследовании взаимосвязи двигательной подготовленности и физического развития мальчиков была выявлена положительно высокая корреляция показателей динамометрии левой и правой руки с таковыми двигательной подготовленности: наклон вперед из положения сидя ($R \sim 0,50$), прыжок в длину с места ($R = 0,56$), бросок набивного мяча ($R = 0,58$), а также отрицательно высокая взаимосвязь с показателями теста «бег 10 м» ($R \sim -0,55$) (см. табл. 3).

При исследовании взаимосвязи показателей физического развития и двигательной подготовленности мальчиков 5–6 лет мы наблюдаем высокую корреляционную зависимость уровня проявления гибкости, скоростно-силовых и скоростных способностей от длины и массы тела (см. табл. 3).

Выводы. Наиболее значительное влияние на показатели двигательной подготовленности детей 5–6 лет оказывает физическое развитие. Взаимовлияние исследуемых параметров зависит от пола – у девочек оно выражено более значительно, чем у мальчиков.

Результаты исследования могут найти применение при оптимизации отбора средств, методов и форм работы по физическому воспитанию детей старшего дошкольного возраста, а также в процессе совершенствования программной и нормативной базы физического воспитания на разных этапах онтогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загrevская А.И. Актуализация кинезиологического потенциала студентов в условиях физкультурно-спортивного образования // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2015. № 1. С. 28–30.
2. Загrevский В.И. Программирование обучающей деятельности спортсменов на основе имитационного моделирования движений человека на ЭВМ: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1994. 47 с.
3. Вершинин М.А., Финогонова Н.В., Сабуркина О.А. Физическое воспитание старших дошкольников на основе использования средств спорт игр // Теория и практика физической культуры. 2017. № 6. С. 57–58.
4. Аверьянова Н.И., Рудавина Т.И., Старкова А.И., Старкова И.Л., Соколова В.А. Насыщение крови кислородом у младших школьников // Актуальные вопросы педиатрии: сб. трудов конф. Пермь, 2016. С. 10–13.
5. Монтессори М. Помоги мне сделать это самому. М.: Карапуз, 2000. 272 с.
6. Сосунковский В.С. Структура и содержание психомоторной подготовленности детей 11–12 лет // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 236–240.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 7 ноября 2017 г.

THE INTERRELATION OF THE COMPONENTS OF KINESIOLOGICAL POTENTIAL OF PRESCHOOLERS AGED 5 TO 6

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 191–194.

DOI: 10.17223/15617793/427/26

Vadim S. Sosunovskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

Kseniya V. Sukhostavskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sovest_epohi@mail.ru

Elena O. Verevkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lena_kz2016@mail.ru

Keywords: kinesiological potential; children of senior preschool age; motor readiness; physical development; correlation connections.

The research aims to analyze the relationship between the parameters of the motor and morphological components of the kinesiological potential of children aged 5 to 6. The study involved 109 children aged 5 to 6. Of these, 51 were boys and 58 were girls. The subjects were tested for their motor fitness (seated forward bend, long jump, ball throwing (1 kg), 10 meter run); their physical development indicators (height, weight, dynamometry) were measured. The relevance of the study is based on the concern many teachers and parents have about modern preschoolers' state of health, physical development, motor preparedness, that is, about the manifestations of their kinesiological potential. Human kinesiological potential includes psychological, morphofunctional, motor, biomechanical and other components. The psychological component is represented by features of mental processes and traits of a person. The motor-coordination component is characterized by motor abilities that can be divided into two large classes: conditioning and coordinating. Conditioning or energetic abilities includes power, speed, endurance, flexibility and their combinations (speed endurance, power endurance, speed-strength abilities). Coordinating abilities include abilities to balance, to orientate, to respond, to differentiate movement parameters, to rhythm, to rearrange, as well as abilities of vestibular stability, voluntary muscle relaxation, etc. In addition, all possible combinations of conditioning and coordinating abilities characterize the motor-coordination component of the human kinesiological potential. The biomechanical component of the kinesiological potential reflects a person's ability to master the optimal technique of a motor action. The study of the relationship of the components of the kinesiological potential of the girls has shown that indicators of physical development (height) have a high correlation with the indexes of physical fitness (seated forward bend ($R=0,48$), long jump ($R=0,55$), throwing 1 kg ball ($R=0,68$), 10 meter run ($R=-0,72$)). The study of the boys has shown that the

indices of physical fitness are highly interconnected (seated forward bend – long jump ($R=0.56$) – throwing 1 kg ball ($R=0.58$) – 10 meter run ($R=-0.60$)).

REFERENCES

1. Zagrevskaya, A.I. (2015) Aktualizatsiya kineziologicheskogo potentsiala studentov v usloviyakh fizkul'turno-sportivnogo obrazovaniya [Actualization of the kinesiological potential of students in physical culture and sports education]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka – Physical Education: Education, Training*. 1. pp. 28–30.
2. Zagrevskiy, V.I. (1994) *Programmirovaniye obuchayushchey deyatel'nosti sportsmenov na osnove imitatsionnogo modelirovaniya dvizheniy cheloveka na EVM* [Programming of training activity of sportsmen on the basis of simulation modeling of human movements on the computer]. Pedagogy Dr. Diss.. Moscow.
3. Vershinin, M.A., Finogenova, N.V. & Saburkina, O.A. (2017) Team sports driven physical education of senior preschoolers. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 6. pp. 57–58. (In Russian).
4. Aver'yanova, N.I., Rudavina, T.I., Starkova, A.I., Starkova, I.L. & Sokolova, V.A. (2016) [Saturation of blood with oxygen in younger schoolchildren]. *Aktual'nye voprosy pediatrii* [Topical issues of pediatrics]. Proceedings of the conference. Perm: Knizhnyy format. pp. 10–13. (In Russian).
5. Montessori, M. (2000) *Pomogi mne sdelat' eto samomu* [Help me do this myself]. Moscow: Karapuz.
6. Sosunovskiy, V.S. (2015) The structure and content of psychomotor preparedness of children aged 11–12. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 236–240. (In Russian).

Received: 07 November 2017

ПРАВО

УДК 341.01

В.В. Ершов

О ФОРМАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, РЕАЛИЗУЕМЫХ В РОССИИ

Исследуются фундаментальные формы международного права и иные, в отношении которых ведутся дискуссии. Автором сделан вывод, что к фундаментальным формам международного права относятся основополагающие (общие) принципы международного права, международные договоры и обычаи международного права; к дискуссионным формам международного права – прежде всего «решения Европейского Суда», «судебные прецеденты», «стандарты», «правовые позиции» суда, «доктрины авторитетных ученых», «судебная практика», «мягкое» право и др.

Ключевые слова: формы права; основополагающие (общие) принципы международного права; международные договоры; обычаи международного права; «судебные прецеденты»; «судебная практика».

В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [1] «при осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации... неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта» [2]. Буквальное толкование данного пункта Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет утверждать, что, во-первых, международное право, как и внутригосударственное право, обязательно для применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами; во-вторых, неприменение международного права, как и внутригосударственного права, может выступать апелляционным, кассационным или надзорным поводом для отмены или изменения судебного акта.

Приведенные положения на практике порождают у судей ряд вопросов: что понимать под общепринятыми принципами международного права? Какие нормы международного права должны применяться? В чем состоят различия понятий «норма» и «принцип» международного права? Даже в учебниках по международному праву утверждается: «Любой общепризнанный принцип международного права является общепризнанной нормой, но не всякая общепризнанная норма международного права является общепризнанным принципом» [3. С. 39].

Эти важные вопросы стали предметом рассмотрения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Так, в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснено: «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо» [2].

Многие российские научные и практические работники, полагая, прежде всего с позиции юридического позитивизма, разделяют весьма широко распространенную точку зрения, в соответствии с которой международное право по существу сводится только к международным договорам. К сожалению, эта научная позиция нашла свое отражение также и в российских правовых актах.

Например, ст. 6 Семейного кодекса Российской Федерации называется «Семейное законодательство и нормы международного права» и устанавливает: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора». Другой пример: ст. 9 ЖК РФ называется: «Жилищное законодательство и нормы международного права». Однако содержание статьи в полной мере не соответствует ее названию: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые представлены жилищным законодательством, применяются правила международного договора».

Некоторые авторы (Б.Л. Зимненко) в современное международное право включают помимо международных договоров правотворческие решения международных организаций [4. С. 30–31]. Б.Л. Зимненко полагает также, что «частью правовой системы России стал международный обычай, содержащий общепризнанные принципы и нормы международного права» [Там же. С. 28]. Автор признает международный обычай «основным источником общепризнанных норм международного права» [Там же. С. 29]. Наконец, общепризнанными принципами международного права Б.Л. Зимненко считает «...основополагающие общепризнанные нормы международного права, отклонение от которых недопустимо. Причем, когда речь идет об общепризнанных принципах, то выделяются два вида принципов: основные и отраслевые общепризнанные принципы международного права» [Там же. С. 28].

Вместе с тем, на мой взгляд, во-первых, теоретически спорным представляется выделение только «двух видов принципов» – «основных и отраслевых общепризнанных принципов». Думаю, более обоснована классификация на основополагающие

(общие) принципы международного права, являющиеся самостоятельной фундаментальной формой международного права, и специальные принципы международного права, содержащиеся в иных формах международного права. Последние возможно подразделить на специальные межотраслевые и отраслевые принципы международного права, регулирующие какую-либо сферу общественных отношений, например гражданские или трудовые отношения.

Во-вторых, традиционное отождествление в международном праве «принципов» и «норм» права, думаю, прежде всего также основано на юридическом позитивизме. Как представляется, принципы права и нормы права по своей природе – различные правовые средства регулирования общественных отношений, содержащиеся в формах как международного, так и внутригосударственного права. Не каждый принцип международного права, являющийся более универсальным правовым средством регулирования общественных отношений, конкретизирован в нормах международного права, но каждая норма международного права (которую, в частности, возможно рассматривать как более конкретное правовое средство регулирования общественных отношений) должна вырабатываться в соответствии прежде всего с основополагающими (общими) и (или) специальными принципами международного права.

Роль обычаев как источника международного права всегда подчеркивал И.И. Лукашук, считающий основной формой существования общепризнанных принципов и норм международного права обычай, находящий закрепление в различных международных актах, резолюциях международных организаций и многосторонних договорах [5. С. 52].

С позиций юридического позитивизма длительное время было общепризнанным считать обычаем лишь правило поведения, закрепленное в каких-либо правовых документах и поддерживаемое государством. Вместе с тем обычаи права, в том числе обычаи международного права, исторически более обоснованно признавать самостоятельной формой, предшествовавшей формам не только внутригосударственного, но и права международного.

Анализируя доктрины обычного права, А.С. Коновалова выделила четыре группы концепций: автономную, естественно-правовую, позитивистскую и социологическую (паритетную) [6. С. 12]. Автономная концепция признает обычное право как самостоятельное правовое явление. Позитивистская концепция обычного права основывается на признании формой права только обычая права, признанного государством. Социологическая концепция обычного права разграничивает право социальное и право государственное как противоположные явления. Естественно-правовая концепция обычного права прежде всего делает акцент на соответствии обычного права справедливости [Там же].

С позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания обычаи международного права, во-первых, являются одной из самостоятельных и первичных форм международного права наряду с иными фундаментальными формами международ-

ного права, например основополагающими (общими) принципами международного права (*jus cogens*) и международными договорами. Во-вторых, в настоящее время обычаи международного права могут вырабатываться, думаю, лишь в случаях пробелов в иных формах международного права. В-третьих, современные обычаи международного права должны соответствовать прежде всего основополагающим (общим) и специальным принципам, а также нормам права, содержащимся в других фундаментальных формах международного права.

При исследовании источников гражданского права Р.З. Зумбулидзе отметил: «Обычное право как источник гражданского права основывается на “силе факта”, то есть многократном и единообразном повторении известного поведения. Образец такого поведения должен вырабатываться авторитетными лицами общества или социальной группы для того, чтобы иметь социально-принудительный характер. Оно является партикулярным источником гражданского права, хотя может иметь и общепризнанный характер. Для образования обычая требуется определенный промежуток времени, длительность которого устанавливается в каждом конкретном случае... Отличие между правовым обычаем, регулирующим гражданско-правовые отношения, и обыкновением состоит в том, что первый представляет собой правило поведения, сложившееся в качестве нормы права и существующее независимо от воли субъектов гражданско-правовых отношений, а второе не приобретает статус нормы права, так как может применяться только по прямо выраженной воле соглашения сторон договора» [7. С. 6–7].

Полагаю, что обычаи международного права в современный период могут вырабатываться в результате деятельности, например, международных организаций, иных правотворческих субъектов международного права, устанавливающих дополнительные средства правового регулирования общественных отношений в результате обнаружения пробелов в иных формах международного права и поддерживаемых соответствующими субъектами в случаях повторения аналогичных фактических отношений. Поэтому обычаи международного права возможно рассматривать в качестве одной из фундаментальных форм международного права, реализуемой в России, содержащей сложившиеся и устоявшиеся специальные принципы, а также нормы права, регулирующие спорные общественные отношения в случаях пробелов в иных фундаментальных формах международного права, поддерживаемые, в частности, уполномоченными правотворческими и правоприменительными органами, организациями и лицами.

Далее необходимо проанализировать и другие точки зрения об источниках (на мой взгляд, точнее – о формах) международного права. Так, Д.Д. Невирко утверждает: «В настоящее время решения Европейского Суда имеют особую правовую природу. За время своей деятельности Суд **подверг толкованию** (выделено мною. – В.Е.) практически все положения Конвенции, чем несколько изменил ее первоначальный облик. Опыт руководства ранее принятыми решениями при рассмотрении дела является чрезвычай-

но распространенным. На практике решения Европейского Суда рассматриваются как равнозначные по своей юридической силе положениям Конвенции. Зарубежные ученые прямо указывают на прецедентный характер решений, выносимых Европейским Судом, указывая, что контрольные органы Конвенции признают себя связанными прецедентом (Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак)» [8. С. 11].

В специальной литературе имеется и противоположная точка зрения: «Судебные решения в международном праве не имеют характера прецедента, а представляют собой лишь акты применения международных норм по конкретному делу» [9. С. 11]. На мой взгляд, акты любого суда, в том числе и Европейского Суда по правам человека, как органа правоприменительного, а не правотворческого, с позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания, дифференциации правотворческих, исполнительных и судебных органов власти, разграничения правового и индивидуального регулирования общественных отношений не могут (и не должны) быть «судебными прецедентами права». В соответствии с научно обоснованной концепцией интегративного правопонимания, не отождествляющей, а разграничивающей право и неправое, в судебных актах могут содержаться только результаты индивидуального судебного регулирования общественных отношений, обязательные лишь для участников данных процессов, а не «судебные прецеденты права», обязательные для неограниченного круга лиц [10. С. 4–23]. Результаты индивидуального судебного регулирования общественных отношений действительно учитываются другими судами при рассмотрении аналогичных споров. Более того, в соответствии с международными договорами результаты индивидуального регулирования правоотношений также могут быть обязательными, в том числе для судов.

Например, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» указано: «Как следует из положений статьи 46 Конвенции, статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней” (далее – Федеральный закон о ратификации), правовые позиции Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд), которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятые в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов» [11].

В процессе обсуждения проекта данного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации возник вопрос, учитываются ли российскими судами постановления Европейского Суда по правам человека, принятые в адрес других государств. В результате активного обсуждения данной проблемы Пленум Верховного Суда Российской Федерации пришел, думаю, к теоретически обоснованному выводу: «С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции

Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции (выделено мною. – В.Е.). При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда» [11].

Некоторые авторы называют «новым источником международного права» «стандарты» международного права. Например, Э. Ридель полагает, что «стандарт» может быть использован в качестве синонима нормы или принципа права и играет важную роль наряду с традиционной триадой «источников» международного права [12. Р. 58–85]. «С этим нельзя согласиться, – справедливо возражает Н.А. Цивадзе, – потому что стандарт может формулироваться в любой из... норм, точнее и договор, и обычай могут содержать стандартное правило» [13. С. 22].

Отдельные зарубежные специалисты относят к числу «источников» международного права доктрины наиболее авторитетных ученых. В связи с этим важно подчеркнуть: ст. 38 Статута Международного Суда ООН, принятого 26 июня 1945 г., **называет судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве лишь «вспомогательного средства для определения правовых норм»** (выделено мною. – В.Е.).

Многие специалисты считают судебную практику самостоятельной формой права. Однако такой вывод не соответствует позиции Международного Суда ООН, который неоднократно подчеркивал, что суд является правоприменительным, а не правотворческим органом, роль которого ограничена толкованием обычных норм права.

Показательно, что преамбула Устава ООН, принятого 26 июня 1945 г., не содержит исчерпывающего перечня источников (на мой взгляд, точнее – форм) международного права. В числе основополагающих форм международного права названы только международный договор «и другие» (по терминологии Устава) формы международного права. Такой подход представляется теоретически обоснованным, поскольку в будущем практика может выработать и другие формы международного права, в том числе реализуемые в России.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в России могут заключаться три вида международных договоров – межгосударственные, межправительственные и договоры межведомственного характера [14]. В процессе подготовки проекта Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» возник спор о том, все ли три вида международных договоров имеют приоритет над федеральными законами в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции России.

Большинство ученых, ведущих исследования в области международного права, прежде всего исходя из

норм международного права, гарантирующих обязательное исполнение международных обязательств, отвечали на этот вопрос утвердительно. Специалисты же в области общей теории права возражали против такого толкования, поскольку международные договоры Российской Федерации должны применяться, только если они соответствуют иным формам международного права, имеющим более высокую юридическую силу. Действительно: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (ст. 26 Венской Конвенции «О праве международных договоров»); «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора» (ст. 27 Венской Конвенции «О праве международных договоров»). Кроме того, «государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключить договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения. Нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой» (ст. 46 Венской Конвенции «О праве международных договоров»).

Вместе с тем, согласно ст. 103 Устава ООН, «в том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Наконец, согласно ст. 53 и 71 Венской Конвенции «О праве международных договоров» «договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права... императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер... Когда договор является недействительным в соответствии со ст. 53, участники:

а) устраняют, насколько это возможно, последствия любого действия, совершенного на основании положения, противоречащего императивной норме общего международного права; и

б) приводят свои взаимоотношения в соответствие с императивной нормой общего международного права».

В правоприменительной практике чаще всего возникают проблемы, связанные со спорами о соответствии основополагающим (общим) принципам и нормам международного права межправительственных международных договоров и международных договоров межведомственного характера. Принимая во внимание приведенные правовые аргументы, на мой взгляд, в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении

судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» дано теоретически убедительное разъяснение: «Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор (часть 4 статьи 15, статьи 90, 113 Конституции Российской Федерации)» [2].

При рассмотрении конкретных споров суд не вправе применять международные договоры Российской Федерации, не соответствующие основополагающим (общим) принципам и нормам международного права в конкретном деле (*ad hoc*); может обращаться с запросом о соответствии спорных международных договоров Российской Федерации основополагающим (общим) принципам и нормам международного права в Верховный Суд России. В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации имеет право обращаться с рекомендацией о прекращении или приостановлении действия международных договоров Российской Федерации в установленные федеральным законом органы государственной власти (ст. 35 Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации»).

Считаю необходимым подготовить и принять соответствующие изменения и дополнения в Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации». Во-первых, лишить ведомства права заключать международные договоры. Во-вторых, уточнить права органов государственной власти в процессе заключения международных договоров. В-третьих, конкретизировать нормы права о приостановлении и прекращении международных договоров. В-четвертых, установить эффективную ответственность должностных лиц, виновных в подготовке, подписании и применении международных договоров, не соответствующих основополагающим (общим) принципам и нормам международного права.

Как представляется, основополагающие (общие) принципы международного права (*jus cogens*) являются фундаментальной формой международного права, в соответствии с которой должны вырабатываться специальные принципы и нормы, содержащиеся в иных формах международного права. Вместе с тем нет единства позиций научных и практических работников относительно природы основополагающих (общих) принципов права, в частности международного права. Так, С.Ю. Лаврусь определяет принципы права как «сформулированные в нормативно-правовых предписаниях либо выводимые из них **фундаментальные идеи** (выделено мною. – В.Е.), выражающие сущность права, определяющие его содержание и общий характер правового регулирования общественных отношений... принципы права – это

все-таки нормы права» [15. С. 14, 17]. К.А. Чернов полагает, что «принцип права – это идея, отражающая уровень развития фактических общественных отношений и правосознания, являющаяся элементом права, носящая нормативный характер» [16. С. 9–10]. И.К. Шаов анализирует принципы международного права как «**фундамент международного правопорядка**» [17. С. 14] (выделено мною. – В.Е.).

На мой взгляд, основополагающие (общие) принципы международного права не являются «фундаментальными идеями», «принципами-нормами», а уж тем более – «фундаментом» чего-либо. Не может быть и исчерпывающего перечня основополагающих (общих) принципов международного права в каких-либо национальных правовых актах и даже в международных договорах. Более убедительной представляется позиция Е.Т. Усенко: «В иерархической структуре международного права главенствующее системообразующее место принадлежит его основным принципам, составляющим идейную и нормативно-правовую основу системы... Без или вне основных принципов международного права нет и самого международного права как правовой системы. Основные принципы международного права дополняют связь ее элементов по однородности их свойств содержательной связью и тем самым придают системе характер содержательной целостности» [18. С. 105–106].

Как представляется, *основополагающие (общие) принципы международного права прежде всего выступают как устоявшиеся в течение многих лет и длительное время применяемые в правоприменительной практике фундаментальные средства правового регулирования общественных отношений, вырабатываемые и признаваемые прежде всего международным сообществом государств, отклонение от которых в правоприменительной практике недопустимо.* Основополагающие (общие) принципы международного права отражают объективные общемировые закономерности правового регулирования общественных отношений, которые не должны зависеть от субъективного усмотрения, например, каких-либо государств, международных правотворческих организаций и т.д. В связи с изложенными теоретическими аргументами основополагающие (общие) принципы

международного права считаю возможным признать фундаментальной формой международного права, неоспоримым правом (*jus cogens*), обязательным для правотворческих и правоприменительных органов государственной власти.

Перечень основополагающих (общих) принципов международного права (*jus cogens*) не может быть ни исчерпывающим, ни ограниченным только какими-то международно-правовыми актами. Отдельные основополагающие (общие) принципы международного права (*jus cogens*) обозначены, например, в ст. 1 и 2 Устава ООН и Декларации «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», принятой 24 октября 1970 г. Среди них представляется необходимым прежде всего назвать такие основополагающие (общие) принципы международного права (*jus cogens*), как добросовестное выполнение международных обязательств, а также равенств и уважение основных прав человека.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Первый: развитие интегративных процессов в мире затрагивает взаимосвязанные и взаимозависимые глобальные общечеловеческие права и правовые интересы. В связи с этим «позитивное» национальное право представляется очевидно недостаточным для регулирования столь сложных общественных отношений, возрастают роль и значение международного права.

Второй: международное и внутригосударственное право, реализуемое в России, объективно существует в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права.

Третий: основополагающие (общие) принципы международного права (*jus cogens*) имеют более высокую юридическую силу по отношению к международным договорам и обычаям международного права.

Четвертый: это позволяет установить следующую иерархию фундаментальных форм международного права, реализуемых в России: 1) основополагающие (общие) принципы международного права (*jus cogens*); 2) международные договоры; 3) обычаи международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.
2. Российская газета. 2003. № 224. 2 дек.
3. Международное право : учеб. / под ред. Ю.М. Колосова и Э.С. Кривчиковой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Междунар. отношения, 2005. 656 с.
4. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система РФ. М. : РАП, Статут, 2006. 416 с.
5. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М. : Спарк, 1997. 332 с.
6. Коновалова А.С. Обычное право в Российской правовой жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 23 с.
7. Зумбулидзе Р.З. Обычное право как источник (форма) гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 25 с.
8. Невирко Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 27 с.
9. Самхарадзе Д.Г. Взаимодействие источников современного международного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 30 с.
10. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4. С. 4–23.
11. Российская газета. 2013. № 145. 5 июля.
12. Riedel E. Standards and Sources. Farewell to the Exclusivity of the Sources Triad in International Law? // ESIL. 1991. № 2. P. 58–85.
13. Цивадзе Н.А. Применение норм международного права судами Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 30 с.
14. Российская газета. 1995. 21 июля.
15. Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 30 с.

16. Чернов К.А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 31 с.
17. Шаов И.К. Международный правопорядок и пути его совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 20 с.
18. Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. М. : Норма, 2008. 240 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 января 2018 г.

ON THE FORMS OF INTERNATIONAL LAW IMPLEMENTED IN RUSSIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 195–200.

DOI: 10.17223/15617793/427/27

Valentin V. Ershov, Russian University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: evv@rsuj.ru

Keywords: sources and forms of law; basic (general) principles of international law (jus cogens); international treaties; customs of international law; “judicial precedents”; “legal propositions” and positions of court; “case law”; “soft law”.

The article explores the fundamental forms of international law and others, in respect of which discussions are held. The subject of the study is legal relations arising, existing and changing in the system of international law. The article aimed to solve the following problems: (1) the legality of the application of international treaties of the Russian Federation that do not comply with the fundamental (general) principles and norms of international law in a particular case; (2) the reasonableness of the relevance of introducing a number of changes into the law “On International Treaties of the Russian Federation”; (3) the appropriateness of including the doctrine of the most authoritative scholars into the sources of international law; (4) determination of the place of judicial decisions in the system of sources of international law; namely, whether they are precedent, or are only acts of application of international norms in a particular case. The research methods used in the study were both general (analysis, synthesis) and private (analysis of independent characteristics, method of peer review). The author concludes that the fundamental (general) principles of international law, international treaties and customs of international law are fundamental forms of international law; the debatable forms of international law are, first of all, “decisions of the European Court”, “judicial precedents”, “standards”, “legal positions” of the court, “doctrines of authoritative scholars”, “judicial practice”, “soft law” and others. The following conclusions were also drawn: 1. Development of integrative processes in the world affects interrelated and interdependent global human rights and legal interests. In this regard, the “positive” national law seems clearly insufficient to regulate such complex social relations; the role and importance of international law are growing. 2. International law and domestic law implemented in Russia objectively exist in a single, developing and multi-level system of forms of national and (or) international law. 3. The basic (general) principles of international law (jus cogens) have a higher legal force in relation to international treaties and customs of international law. 4. This allows us to establish the following hierarchy of fundamental forms of international law implemented in Russia: 1) the basic (general) principles of international law (jus cogens); 2) international treaties; 3) the customs of international law.

REFERENCES

1. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. (2003). 12.
2. *Rossiyskaya gazeta*. (2003). 224. 2 December.
3. Kolosov, Yu.M. & Krivchikova, E.S. (eds) (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Uchebnik* [International law. Textbook]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
4. Zimnenko, B.L. (2006) *Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema RF* [International law and the legal system of the Russian Federation]. Moscow: RAP, Statut.
5. Lukashuk, I.I. (1997) *Normy mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme Rossii* [Norms of international law in the legal system of Russia]. Moscow: Spark.
6. Konovalova, A.S. (2005) *Obychnoe pravo v Rossiyskoy pravovoy zhizni* [The customary law in the Russian legal life]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
7. Zumbulidze, R.Z. (2003) *Obychnoe pravo kak istochnik (forma) grazhdanskogo prava* [Customary law as a source (form) of civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
8. Nevirko, D.D. (2004) *Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: problemy sootnosheniya, vzaimodeystviya i ierarhii* [Rights and freedoms of man and citizen: the problems of correlation, interaction and hierarchy]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
9. Samkharadze, D.G. (2005) *Vzaimodeystvie istochnikov sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Interaction of sources of modern international law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
10. Ershov, V.V. (2013) *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy kak parnye kategorii* [Legal and individual regulation of public relations as pair categories]. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 4. pp. 4–23.
11. *Rossiyskaya gazeta*. (2013). 145. 5 July.
12. Riedel, E. (1991) Standards and Sources. Farewell to the Exclusivity of the Sources Triad in International Law? *ESIL* 2. pp. 58–85.
13. Tsivadze, N.A. (2005) *Primenenie norm mezhdunarodnogo prava sudami Rossiyskoy Federatsii* [Application of the norms of international law by the courts of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
14. *Rossiyskaya gazeta*. (1995). 21 July.
15. Lavrus', S.Yu. (2005) *Realizatsiya printsipov prava v yuridicheskoy praktike* [Implementation of the principles of law in legal practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
16. Chernov, K.A. (2003) *Printsip ravenstva kak obshchepravovoy printsip rossiyskogo prava* [The principle of equality as a general legal principle of Russian law]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
17. Shaov, I.K. (2004) *Mezhdunarodnyy pravoporyadok i puti ego sovershenstvovaniya* [The international legal order and ways of its perfection]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
18. Usenko, E.T. (2008) *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays on the theory of international law]. Moscow: Norma.

Received: 16 January 2018

ВОЕННЫЙ СУД ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ХРОНОДИСКРЕТНОГО МОНОГЕОГРАФИЧЕСКОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

С позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения исследуется военный суд присяжных в России в период деятельности Временного правительства в 1917 г. и в современной Российской Федерации. Предпринимается попытка проследить эволюцию идеи военного суда присяжных в Российской империи. Проводится сравнительно-правовой анализ военного суда присяжных по таким критериям, как подсудность, требования к присяжным заседателям, количество присяжных заседателей.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение; военный суд присяжных.

В Российской империи суд присяжных, как известно, впервые появился в 1864 г. Но если военные суды представляют собой ординарное явление в мировой судебной практике, то военные суды с народным представительством, а именно с участием присяжных заседателей, – редкий феномен в мировой истории. В частности, «на континенте Европы были опыты введения военных присяжных, оказавшиеся крайне неудачными» [1. С. 44]. Впервые военный суд присяжных возник во Франции в годы Великой французской революции в 1789 г., но вскоре, в 1796 г., он был упразднен Национальным Конвентом из-за большой степени пристрастности приговоров присяжных заседателей под предлогом «неприменимости сего учреждения к свойству военных преступлений и вредным последствиям для дисциплины... с тем чтобы возложить на одних и тех же членов суда разрешение вопроса как о вине подсудимого, так и о следующем ему наказании» [2. С. 144]. Дольше всего просуществовал военный суд присяжных в Швейцарии, где он был отменен в 1889 г. [1. С. 44].

Эволюция идеи военного суда присяжных в Российской империи. В военных судах Российской империи «ввиду особых условий военного быта» общественный элемент в отправлении правосудия не привлекался [Там же]. Вместе с тем следует отметить, что при разработке Военно-судебного устава 1867 г. предпринималась определенная попытка реализации идей Судебных уставов 1864 г. в деятельности органов военной юстиции и тем самым «совершить коренное преобразование военно-судебной части» [2. С. 907], в связи с чем предполагалось ввести некое подобие присяжных заседателей и в военные суды Российской империи, но это предположение вплоть до 1917 г. так и не было осуществлено ни законодательно, ни тем более на практике.

В частности, в ноябре 1862 г. после утверждения императором Александром II 29 сентября 1862 г. «Основных положений преобразования судебной части в России» [3] как концептуальной основы будущих судебных преобразований по гражданскому ведомству с целью составления проекта нового Военно-судебного устава из представителей военного и морского ведомств была образована специальная комиссия под председательством генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского [2. С. XIII]. Основной задачей этой комиссии стала выработка общих оснований военного и морского судопроизводства

в соответствии с «Основными положениями преобразования судебной части в России» 1862 г., «допуская отступления от них только в тех случаях, где они оправдываются необходимостью или пользою военной и морской службы» [2. С. XV].

В период с ноября 1862 г. по апрель 1863 г. состоялось 23 заседания комиссии [Там же. С. XIV]. С целью профессионального подхода к работе в комиссии приглашались гражданские лица с юридическими познаниями, среди них: Н.А. Буцковский, С.И. Зарудный, В.Д. Спасович и др. [Там же. С. XV].

При обсуждении в комиссии вопроса об устройстве военных судов члены комиссии высказались за то, чтобы «устройство военных судов сколь можно ближе уподобить устройству общих судов государства» [Там же. С. 13]. В частности, в соответствии со статьей 2 части первой «Судопроизводства» «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 г. для общей уголовной юрисдикции планировалось учредить суды трех видов: 1) единоличный мировой суд с возможностью апелляции в съезд мировых судей; 2) окружной уголовный суд без участия присяжных заседателей и с жалобой на его решения в областную судебную палату, уголовный суд с участием присяжных заседателей; 3) Правительствующий Сенат как высшая кассационная инстанция [3].

Однако тут же оговаривалось, что «система судопроизводства должна стоить государству не слишком дорого», соответственно «должна быть приспособлена, по возможности, к средствам, которыми военное ведомство располагать может»; кроме того, «она должна быть применима без особых затруднений к военному времени» [2. С. 14].

В отношении проектируемых военных судов члены комиссии пришли к единому мнению, что они по своему статусу должны соответствовать «уголовным окружным судам и областным палатам» и «должны быть, подобно им, отделены, по возможности, от влияния административных властей, т.е. начальников войск» [Там же. С. 24]. На основе этого предлагалось законодательно закрепить, что «военные суды отнюдь не должны быть ни назначаемы, ни собираемы войсковыми начальниками по каждому особому делу, а должны быть судами постоянными, от войсковых начальников независимыми» [Там же].

Проектировалось членами комиссии участие временных членов от военного ведомства в качестве при-

сяжных заседателей и при рассмотрении дел в военном суде. В частности, по единогласному мнению всех членов комиссии, в военном суде «должны быть члены постоянные и члены временные» [2. С. 26]. При этом в задачу постоянных членов военных судов планировалось включить применение закона, тогда как в задачу временных членов – разрешение вопроса о виновности или невиновности подсудимого в качестве присяжных [Там же]. В этом случае разрешение вопроса о виновности подсудимого «не будет уже требовать специальных юридических познаний» [Там же. С. 27]. Напротив, члены комиссии пришли к выводу, что «составить военный суд исключительно из военных юристов-техников едва ли возможно, при недостаточном распространении юридического образования между нашими военнослужащими, подобный суд... потребует огромных издержек на свое содержание» [Там же. С. 28]. При этом члены комиссии не согласились с мыслью о том, что предоставление временным членам суда решения вопроса о виновности подсудимого может привести «к упадку самой дисциплины» [Там же. С. 27]. Нужно лишь, по мнению членов комиссии, «1) назначать для выбора временных членов определенный довольно строгий ценз и 2) выбор временных членов предоставить начальству» [Там же].

Все эти соображения привели большинство членов комиссии к убеждению в необходимости разделить функцию военных судей по образцу Швейцарии и предоставить разрешение вопроса о виновности или невиновности подсудимого временным членам военных судов, призываемым от войск, а разрешение вопроса о применении законов возложить на обязанность постоянных военных судей.

Подробно обсуждая вопросы о временных членах военного суда, члены комиссии пришли к мнению, что временные члены военного суда, также как и присяжные заседатели общих уголовных судов могут и не быть учеными юристами, так как на их обязанности будет лежать только решение вопроса о виновности или невиновности подсудимого. При этом члены комиссии единодушно отмечали, что «при решении подобного вопроса не столько нужно знание закона, сколько добросовестность, нелицеприятие и душевное убеждение», вследствие чего члены комиссии полагали, что «всякий штаб и обер-офицер, хорошо знакомый с правилами военной службы, привыкший к уважению дисциплины и не увлекающийся юношескими грезами и несбыточными мечтами, может быть временным членом всякого военного суда» [Там же. С. 34].

Планировалось, что временные члены военных судов должны быть назначаемы высшим начальником войск, т.е. корпусным или окружным начальником из числа штаб- и обер-офицеров всех войск, состоящих под его начальством [Там же. С. 35]. Однако члены комиссии так и не пришли к единому мнению относительно порядка составления списков, по которым временные члены суда будут назначаться военным начальством. Было лишь упомянуто, что назначенные на определенное заседание военного суда временные члены «не могут быть вновь назначаемы для исполнения сих обязанностей ранее, как по истечении известного срока времени» [Там же].

С другой стороны, члены комиссии подробно определили служебный и иные цензы в отношении временных членов военного суда: «...временным членом военного суда может быть назначен только тот, кто прослужил в действительной службе не менее 8 лет и при том находился в строевой службе не менее 4 лет, или кто прокомандовал не менее 8 лет какую либо строевою частью, а сверх того не был опорочен судом» [2. С. 35].

В отличие от присяжных заседателей гражданского ведомства, число которых после отвода сторонами должно было быть 12, в отношении военного суда члены комиссии пришли к выводу, что «в заседании суда по каждому делу должны присутствовать не менее 6-ти временных членов офицерского звания, а именно два штаб-офицера и четыре обер-офицера» [Там же. С. 35]. А учитывая процедуру отвода временных судей сторонами, члены комиссии проектировали установить, что «к каждому периоду заседаний должны быть назначены от корпуса или округа четыре штаб-офицера и восемь обер-офицеров» [Там же. С. 35].

Руководствуясь подобными рассуждениями, комиссия к апрелю 1863 г. разработала проект «Основных положений преобразования военно-судной части», которые, по сути, должны были бы стать своего рода программой для дальнейшей разработки военно-судебного законодательства. В частности, в статьях 78–109 главы второй «Военно-уголовное судопроизводство» проекта «Основных положений преобразования военно-судной части» [Там же. С. 115–120] предполагалось участие временных членов в военном судопроизводстве по образцу и подобию участия присяжных заседателей в рассмотрении уголовных дел по гражданскому ведомству, при этом, согласно статьям 95 и 96 проекта, предполагалось, что в функции временных членов военных судов будет входить только решение вопроса о вине или невиновности подсудимого по большинству голосов [Там же. С. 118].

Впоследствии при обсуждении программы военно-судебного законодательства среди членов комиссии, пусть и меньшинством в 12 голосов из 31, было высказано мнение о невозможности согласиться с предположением проекта о назначении в состав военных судов временных членов от войск с возложением на них только одной обязанности разрешать вопрос о вине или невиновности подсудимых, подобно присяжным заседателям гражданского ведомства. Свое мнение они аргументировали неудачным опытом Франции и единичным (на момент составления проекта) опытом Швейцарии, что, по их мнению, «явно доказывает несостоятельность подобного учреждения и для нашей армии», и, следовательно, считали необходимым «допустить временных членов только для укомплектования постоянных, возложив на них одинаковые обязанности в решении дел с постоянными членами военных судов» [Там же. С. 144].

Большинство же членов комиссии в 19 голосов из 31, пытаясь отстоять в лице временных членов военных судов разделение вопроса факта и вопроса права, считали, что временные члены военных судов «вовсе не имеют значения присяжных гражданского ведом-

ства и резко отличаются от них как по способу назначения, так и теми условиями, которые должны соединять в себе временные члены военных судов» [2. С. 145]. Аргументировалось это тем, что «присяжные избираются из всех сословий и классов общества и единственным условием для них постановляется достижение известного возраста и неопороченности судом. Между тем временных членов военных судов не предполагается избирать из числа всех военнослужащих, а они должны быть *назначаемы начальством* из офицеров, пробывших в строевой службе не менее четырех лет и находящихся на действительной службе не менее восьми лет, или три года прокомандовавших частью» [Там же]. В силу подобных рассуждений большинство членов комиссии считало, что подобные условия, вполне обеспечивая интересы военной службы в военном суде, ясно доказывают, что предполагаемые временные члены не имеют ничего общего с учреждением присяжных в гражданском ведомстве.

Таким образом, по сути, соображения вышеизложенных двух мнений, как меньшинства, так и большинства, не отвергали пользы составления военных судов из членов постоянных и временных; возникшее разногласие относится лишь к определению круга обязанностей, которые должны быть возложены на тех и других членов военных судов. В этом отношении большинство «полагало полезным предоставить временным членам военного суда разрешение только одного вопроса о вине или невинности подсудимого с тем, чтобы применение закона предоставлено было одним постоянным членам» [Там же. С. 146]. В свою очередь, меньшинство, напротив, считало необходимым возложить исполнение тех и других обязанностей как на временных, так и на постоянных членов военного суда [Там же].

Однако мнение большинства так и не убедило военное и морское руководство страны, что временные члены военных судов отличаются от присяжных заседателей гражданского ведомства. Скорее всего, несмотря даже на назначение временных членов судов вышестоящим начальством, руководство страны было обеспокоено относительной независимостью временных членов военных судов в решении вопроса о вине или невинности подсудимого. Поэтому впоследствии именно мнение меньшинства и было поддержано при разработке проекта Военно-судебного устава представителями Военного и Морского Генерал-Аудиториатов, и, по сути, под влиянием административного ресурса было принято решение «возложить на временных членов одинаковую с постоянными членами военных судов обязанность решения вопросов как о вине подсудимого, так и о применении наказания, и, согласно сему, для производства дел в военных судах принять те же правила, какие установлены для производства дел в окружных судах без участия присяжных Высочайше утвержденными судебными уставами 20 ноября 1864 года» [Там же. С. 148].

Сначала эта мысль относительно временных членов военных судов получила законодательное закрепление в статьях 77–93 «Основные положения преобразования военно-судной части», утвержденные императором Александром II 25 октября 1865 г. [Там же.

С. 251–254], а впоследствии нашла свое отражение в окончательной редакции Военно-судебного устава 1867 г., утвержденного императором Александром II [4].

Таким образом, принципиальными отличиями временных членов военных судов, в отличие от присяжных заседателей, было, во-первых, их назначение вышестоящим начальством и, во-вторых, соединение функций разрешения вопроса о вине или невинности подсудимого, а также применение закона и определение меры наказания вместе с постоянными членами («коронными судьями») военных судов, что не позволяет говорить нам о существовании военного суда присяжных в Российской империи.

Впервые же практическое воплощение идеи введения присяжных заседателей в отечественное военное судопроизводство начало реализовываться в 1917 г. после прихода к власти Временного правительства [5]. В частности, Постановлением Временного правительства от 6 мая 1917 г. «О временных военно-морских судах» создавались временные военно-морские суды с участием присяжных заседателей, а Постановлением Временного правительства от 28 мая 1917 г. «Об отмене назначения временных членов в состав военно-окружных, корпусных и равных с ними по власти военных судов и о введении военных присяжных заседателей» институт присяжных заседателей вводился в военных сухопутных судах.

Так же как быстро были созданы военные суды присяжных, они были быстро и упразднены. Произошло это в том же 1917 г. после Октябрьской революции, когда был принят Декрет СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 г. В советский период российской истории не было в нашей стране ни суда присяжных, ни, тем более, военного суда присяжных. Следовательно, военный суд присяжных является хронодискретным институтом, к изучению которого может быть применена методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [6].

В 1993 г. в Российской Федерации в качестве эксперимента в нескольких субъектах в уголовном судопроизводстве стали участвовать присяжные заседатели. Постепенно этот эксперимент распространился на всю территорию страны, и суд присяжных из эксперимента превратился в неотъемлемый компонент уголовного судопроизводства. В середине 2003 г. суд присяжных функционировал уже во всех регионах, кроме Чечни, где он был введен в 2010 г. Однако в военном судопроизводстве присяжные заседатели в Российской Федерации появились не сразу. Только с 1 января 2004 г. они начали действовать в нашей стране в военных окружных (флотских) судах. Произошло это вследствие реализации Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 181-ФЗ. «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Основываясь на методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, сравним военные суды присяжных в так называемый межреволюционный период 1917 г. и Российской Федерации. Кстати, до настоящего времени в рамках данного научного направления военный суд присяж-

ных не изучался, исследований как дореволюционного военного суда присяжных [5, 7, 8], так и современного военного суда присяжных [9, 10] очень немного.

В рамках данной статьи предпринимается попытка провести сравнительно-правовой анализ военного суда присяжных в межреволюционный период 1917 г. и в Российской Федерации по таким критериям, как подсудность военному суду присяжных, требования к присяжным заседателям военных судов, количество присяжных заседателей в военных судах, роль присяжных заседателей военных судов в уголовном судопроизводстве.

Подсудность военному суду присяжных. И в межреволюционный период 1917 г., и в современной Российской Федерации судам присяжных подведомственны тяжкие уголовные преступления. Причем их круг в дореволюционной России был шире. Судам присяжных были подсудны все преступления, наказания за которых были связаны с ограничением или лишением прав состояния. В настоящее время присяжные заседатели рассматривают более узкий круг дел, но также характеризующихся особо высокой степенью общественной опасности и за которые может быть вынесено наказание в виде пожизненного лишения свободы (п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ).

В межреволюционный период 1917 г. морские суды присяжных рассматривали дела о воинских преступлениях, совершенных чинами флота и морского ведомства. Кроме того, в Финляндии, входившей в то время в состав Российского государства, но на территории которой не было собственно русских судов, военным морским судом присяжных рассматривались все уголовные преступления, совершенные, в том числе и гражданским населением. Что касается военных сухопутных судов присяжных, то по общему правилу их подсудность совпадала с подсудностью морских судов присяжных, однако в районе боевых действий она значительно расширялась. Военные суды рассматривали здесь все преступления независимо от их субъектов. Таким образом, военному суду присяжных было подсудно и гражданское население [11. С. 176–177].

В настоящее время военному суду присяжных подсудны преступления, совершенные только «военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, дела о преступлениях, совершенных гражданами (иностранными гражданами) в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дела, отнесенные к компетенции военных судов Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 7 ФКЗ от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»). В соответствии с ФКЗ от 23 июня 2016 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в статью 23 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» с 1 июня 2018 г. в гарнизонных судах также предусмотрено учреждение суда с участием присяжных заседателей.

Отметим еще один важный момент. В 1917 г. военный суд присяжных являлся обязательной формой судопроизводства, предусмотренной для рассмотрения определенных преступлений субъектами, уста-

новленными законом. Сейчас военный суд присяжных, как и суд присяжных вообще, является в Российской Федерации альтернативной формой судопроизводства. Ее выбор (естественно, только по категориям дел, подсудных суду присяжных) зависит исключительно от желания подсудимого.

Требования к присяжным заседателям военных судов. В законодательстве устанавливались и устанавливаются требования, предъявляемые к кандидатам в присяжные заседатели. На требованиях, предъявляемых к современным присяжным, мы подробно останавливаться не будем, так как этот вопрос очень широко освещен в научной литературе [12–16]. Укажем только, что они установлены Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

В законодательстве 1917 г. имелось положение о том, что в общие списки не могли попасть лица, опротестованные судом, следствием или ограниченные в правах и преимуществах по службе; неграмотные; оказавшиеся несостоятельными должниками (так как на них кредиторам легко было оказать давление), а также находящиеся на службе менее одного года в мирное время и трех месяцев – в военное. Последнее, по мнению А.А. Демичева, вызывалось тем, «что только человек, прослуживший в армии определенное время, в состоянии полностью понять смысл и последствия совершенного военного преступления или проступка» [11. С. 178].

Принципиальная разница между присяжными военных судов в 1917 г. и начале XXI в. заключается в том, что в первом случае ими могли стать только военные (офицеры, солдаты, матросы). Следовательно, вполне корректно говорить о военных присяжных заседателях. Сейчас в соответствии с Федеральным законом «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» требования ко всем присяжным заседателям, независимо от суда, в котором предполагается их действие, являются едиными. А ст. 9.1 устанавливается порядок отбора кандидатов в присяжные заседатели военных судов, схожий с порядком отбора заседателей всех прочих судов, где предполагается существование института присяжных заседателей.

Количество присяжных заседателей в военных судах. Классический вариант суда коллегии присяжных в Российской империи состоял из 12 человек. В военных сухопутных судах ситуация была иной: коллегия присяжных состояла из 10 человек (строго по пять солдат и пять офицеров), а на территории, где велись военные действия, – из восьми (по четыре солдата и офицера). Что касается морских военных судов, то коллегия присяжных состояла здесь из шести человек. Тут также сохранялся паритет, а именно: трое присяжных были из офицеров, другая половина – из матросов и солдат.

В Российской Федерации до недавнего времени состав коллегии присяжных из двенадцати человек был незыблемым, хотя некоторые исследователи предлагали его сократить [17]. Однако с 1 июня 2018 г. количество присяжных заседателей в коллечи-

ях сокращается. В соответствии с ч. 21 ст. 328 УПК РФ в редакции ФЗ от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» коллегия присяжных заседателей окружных (флотских) военных судов (равно как и судов субъектов РФ) будет состоять из восьми человек, а коллегия присяжных гарнизонных военных судов (как и районных судов) – из шести человек.

Итак, сокращается численный состав суда присяжных. Впервые в истории гражданского суда присяжных в России он будет составлять менее двенадцати человек. Однако напомним, что для военных судов присяжных состав восемь и шесть человек – не новость. Мы уже указывали, что в военных сухопутных судах присяжных он составлял десять или восемь человек, а в военных морских судах присяжных – шесть.

Роль присяжных заседателей военных судов в уголовном судопроизводстве. В Российской империи в гражданских судах существовала классическая модель суда присяжных. Ее главной особенностью являлось то, что в уголовном судопроизводстве действовали две независимые друг от друга коллегии – коронные судьи (три человека) и присяжные заседатели (двенадцать человек). Присяжные заседатели решали вопрос о виновности / невиновности и о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения в случае признания его вины (так называемые вопросы факта). Коронные же судьи решали только так называемые «вопросы права», а именно: в случае признания вердиктом присяжных подсудимого виновным выносили ему приговор, определяли размер наказания и т.д. либо на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей выносили оправдательный приговор. Подобная модель суда присяжных с 1993 г. функционирует в современной России. Именно она используется и в военных судах Российской Федерации.

Иной была ситуация в межреволюционный период 1917 г. В военных морских судах была создана специфическая модель суда с народным представительством, сочетающая модель суда присяжных и модель суда шеффенов [11. С. 179]. Собственно судебная коллегия состояла из председательствующего, назначаемого из постоянных судей военно-морского суда) и из двух избираемых по жребию из матросов и солдат судей. Коллегия же присяжных в морских судах, как мы уже указывали выше, состояла из шести человек. Специфической чертой такой модели суда с народным представительством, как справедливо указывает С.Ю. Агафонов, «является то, что один и тот же человек исключительно в силу жребия, мог оказаться в роли либо присяжного заседателя, либо шеффена. Более того, в одном деле этот человек мог оказаться присяжным, а в другом (причем рассматриваемым в тот же день) – шеффеном» [8. С. 156].

Исследователи дореволюционного военного морского суда присяжных обращают внимание на еще

одну его особенность, заключающуюся в том, что в совещательной комнате заседатели подавали свои голоса в письменной форме, «путем тайной подачи голосов» [8. С. 160; 11. С. 180]. Несомненно, эти меры вызывались необходимостью повышенной степени защиты заседателей от мести подсудимых в условиях военного времени.

В сухопутном военном суде присяжных также сложилась специфическая модель суда с народным представительством. До стадии определения наказания процесс здесь проходил в соответствии с правилами действовавшего Устава уголовного судопроизводства. Присяжные заседатели в совещательной комнате самостоятельно выносили вердикт. Однако вопрос о назначении наказания на основе вердикта решал не профессиональный судья, а все та же коллегия присяжных заседателей, но при участии судьи, который обладал исключительно консультативно-совещательными полномочиями.

Специфика рассмотренных выше вариантов военного суда присяжных обуславливалась, по нашему мнению, особенностями конкретно-исторической обстановки изучаемого периода (Первая мировая война, приход к власти Временного правительства, революционная ситуация, демократизация армии и флота и пр.). Говорить об эффективности или неэффективности военных судов присяжных в досоветский период весьма проблематично, так как существовали они очень короткий период времени.

В заключение статьи считаем необходимым отметить, что есть все основания считать военный суд присяжных в нашей стране хронодискретным судебным институтом. Собственно идея его введения в России возникла в ходе подготовки судебной реформы 1864 г., однако его история в России началась в 1917 г. и была прервана советской эпохой. Возрождение военного суда присяжных после перерыва исторической традиции произошло уже в конце XX в. в Российской Федерации.

Таким образом, как было продемонстрировано в данной статье, к изучению военного суда присяжных применима методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. Естественно, разница в конкретно-исторических условиях начала и конца XX в. весьма существенна, поэтому не все аспекты бытия дореволюционного и современного военного суда присяжных могут быть сопоставимы. Тем не менее проведение сравнительного анализа корректно в вопросах подсудности военному суду присяжных, требований, предъявляемых к присяжным заседателям военных судов, количественному составу присяжных заседателей в военных судах, роли присяжных заседателей военных судов в уголовном судопроизводстве. В целом исторический опыт существования отечественного военного суда присяжных может использоваться (а в некоторой степени, как свидетельствует законодворческая деятельность) в Российской Федерации, уже используется) в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щегловитов И.Г. Суд присяжных // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 9. С. 1–49.

2. Сборник законодательных работ по составлению Военно-судебного устава. СПб. : [В тип. 2 Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии], 1867. XV. 936 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 2-е. СПб., 1865. № 38761.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLII. Отд. 1-е. СПб., 1871. № 44575.
5. Демичев А. Военный суд присяжных // Законность. 1997. № 8. С. 56–58.
6. Демичев А.А. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 23–28.
7. Демичев А.А. Деятельность российского суда присяжных в 1864–1917 гг.: историко-социальные аспекты (на материалах Московского судебного округа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1998.
8. Агафонов С.Ю. Суды с народным представительством в России в X – начале XX веков (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 196 с.
9. Николаева Т.Г., Агабаева А.В. Право прокурора на обжалование решений, вынесенных при рассмотрении уголовного дела окружным (флотским) военным судом с участием присяжных заседателей // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2015. № 2. С. 30–32.
10. Николаева Т.Г., Агабаева А.В. Функции прокурора при поддержании обвинения в окружном (флотском) военном суде при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 12. С. 52–54.
11. Демичев А.А. История российского суда присяжных (1864–1917 гг.). Н. Новгород : НГПУ, 2002. 236 с.
12. Шнитенков А.В., Великий Д.П. Комментарий к Федеральному закону «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (постатейный). М. : Юстицинформ, 2007. 33 с.
13. Нарутто С.В., Смирнова В.А. Присяжные и арбитражные заседатели: теория и практика. М. : Проспект, ТК Велби, 2008. 208 с.
14. Тиссен О.Н. Теоретические и практические проблемы формирования коллегии присяжных заседателей. М. : Юрлитинформ, 2010. 292 с.
15. Урлеков Н.В. Институт присяжных заседателей: проблемы формирования и деятельности. Владимир : Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2010. 172 с.
16. Спирин С.В. Теория и практика формирования состава коллегии присяжных заседателей по уголовному делу. М. : Юрлитинформ, 2011. 184 с.
17. Демичев А.А. Перспективы российского суда присяжных // Государство и право. 2002. № 11. С. 101–104.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 ноября 2017 г.

THE MILITARY JURY COURT IN RUSSIA AS AN OBJECT OF CHRONODISCRETE MONOGEOGRAPHICAL COMPARATIVE JURISPRUDENCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 201–207.

DOI: 10.17223/15617793/427/28

Andrey V. Ilyukhin, Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: andrew062@mail.ru

Vera A. Ilyukhina, Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: eva3011@bk.ru

Polina R. Vezanova, Academy of Law and Management of Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: polina-vz@mail.ru

Keywords: chronodiscrete monogeography comparative jurisprudence; military jury court.

The article is devoted to the study of the military jury court in the pre-revolutionary and in the inter-revolutionary period of 1917, on the one hand, and in modern Russia, on the other hand. The aim of the study is to conduct a comparative legal analysis of the military jury court in the inter-revolutionary period of 1917 and in the Russian Federation from the position of chronodiscrete monogeographical comparative jurisprudence. The criteria for the analysis are: jurisdiction to the military jury court, requirements to jurors of military courts, number of jurors, the role of jurors in military courts in criminal proceedings. During the study the analysis of the Russian legislation of the second half of the 19th – early 20th centuries and the end of the 20th – early 21st centuries was conducted. The acts of the Supreme and Central state bodies of pre-revolutionary and inter-revolutionary Russia as well as the federal legislative and sublegislative acts of the Russian Federation were studied. The methodology of the article includes techniques of analysis and synthesis; special formal-legal and comparative-historical techniques. The analysis of the Russian legislation gave an opportunity to determine that the jury court in the Russian Empire first appeared in 1864; however, the military courts of the Russian Empire did not involve a public element in the administration of justice. At the same time it was discovered that during the development of the Military Judicial Charter of 1867, a certain attempt to implement the ideas of the Judicial Charters of 1864 in the activities of military justice bodies was made. In this connection it was intended to introduce a certain analog of jurors in the military courts of the Russian Empire by having temporary judges in the military courts who would only decide the question of the defendant's guilt or innocence, but the idea was not realized. It was identified that the first practical implementation of the idea of introducing jurors in the domestic military legal proceedings began to be realized in 1917 after the Provisional Government came to power; but the military courts of the jury were abolished after the October Revolution in 1917. During the Soviet period of Russian history, there was neither a jury court, nor, especially, a military jury court in our country. In the Russian Federation, jurors began to participate in criminal proceedings as experiment in several regions in 1993. However, in military court proceedings, the jury in the Russian Federation appeared only on January 1, 2004, when they began to operate in our country in military district (naval) courts. It is also stated that from June 1, 2018, garrison courts will also have trials with the participation of jurors. A conclusion is made that there is every reason to consider a military jury court in our country as a chronodiscrete judicial institution. Consequently, the historical experience of its existence can be used at present.

REFERENCES

1. Shcheglovitov, I.G. (1913) Sud prisyazhnykh [Jury trial]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 9. pp. 1–49.
2. Anon. (1867) *Sbornik zakonodatel'nykh rabot po sostavleniyu Voennno-sudebnogo ustava* [Collection of legislative works on the drafting of the Military-Court Charter]. St. Petersburg: [V tip. 2 Otdeleniya Sobstv. E. I. V. kantselyarii].
3. Russian Empire. (1865) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. Vol. XXXVII. Pt. 2:38761. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. kantselyarii.

4. Russian Empire. (1871) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection Two. Vol. XLII. Pt. 1:44575. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. kantselyarii.
5. Demichev, A. (1997) Voennyi sud prisyazhnykh [Military jury court]. *Zakonnost'*. 8. pp. 56–58.
6. Demichev, A.A. (2016) Principles and prospects of development of scientific directions “Chrono-discrete monogeography comparative law”. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1 (33). pp. 23–28. (In Russian).
7. Demichev, A.A. (1998) *Deyatel'nost' rossiyskogo suda prisyazhnykh v 1864–1917 gg.: istoriko-sotsial'nye aspekty (na materialakh Moskovskogo sudebnogo okruga)* [The activities of the Russian jury court in 1864–1917: historical and social aspects (on the materials of the Moscow judicial district)]. Abstract of History Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
8. Agafonov, S.Yu. (2012) *Sudy s narodnym predstavitel'stvom v Rossii v X – nachale XX vekov (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Courts with people's representation in Russia in the 10th – early 20th centuries (a study in history and law)]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
9. Nikolaeva, T.G. & Agabaeva, A.V. (2015) Pravo prokurora na obzhalovanie resheniy, vynesennykh pri rassmotrenii ugovonnogo dela okruzhnym (flotskim) voennym sudom s uchastiem prisyazhnykh zasedateley [The right of the prosecutor to appeal against decisions made in the consideration of a criminal case by a district (naval) military court with the participation of jurors]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voennopravovoe obozrenie – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*. 2. pp. 30–32.
10. Nikolaeva, T.G. & Agabaeva, A.V. (2014) Funktsii prokurora pri podderzhanii obvineniya v okruzhnom (flotskom) voennom sude pri rassmotrenii ugovonnykh del s uchastiem prisyazhnykh zasedateley [Functions of the prosecutor in supporting the prosecution in a district (naval) military court when considering criminal cases with the participation of jurors]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voennopravovoe obozrenie – Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*. 12. pp. 52–54.
11. Demichev, A.A. (2002) *Istoriya rossiyskogo suda prisyazhnykh (1864–1917 gg.)* [The history of the Russian jury trial (1864–1917)]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University.
12. Shnitenkov, A.V. & Velikiy, D.P. (2007) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu “O prisyazhnykh zasedatelyakh federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii v Rossiyskoy Federatsii” (postateyny)* [Commentary to the Federal Law “On jurors of federal courts of general jurisdiction in the Russian Federation” (article-by-article)]. Moscow: Yustitsinform.
13. Narutto, S.V. & Smirnova, V.A. (2008) *Prisyazhnye i arbitrazhnye zasedateli: teoriya i praktika* [Jurors and arbitrators: theory and practice]. Moscow: Prospekt, TK Velbi.
14. Tissen, O.N. (2010) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya kollegii prisyazhnykh zasedateley* [Theoretical and practical problems of formation of the jury]. Moscow: Yurlitinform.
15. Urlekov, N.V. (2010) *Institut prisyazhnykh zasedateley: problemy formirovaniya i deyatel'nosti* [Institute of jurors: problems of formation and activities]. Vladimir: Vladimir State University.
16. Spirin, S.V. (2011) *Teoriya i praktika formirovaniya sostava kollegii prisyazhnykh zasedateley po ugovnomu delu* [Theory and practice of forming the jury in the criminal case]. Moscow: Yurlitinform.
17. Demichev, A.A. (2002) Perspektivy rossiyskogo suda prisyazhnykh [Prospects of the Russian jury trial]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 101–104.

Received: 29 November 2017

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СТРАН В ОБЛАСТИ УСЫНОВЛЕНИЯ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА

Представлены результаты сравнительно-правового анализа национального законодательства Франции, Великобритании, России, Испании, Германии, Италии и США в области усыновления по ряду оснований: виды усыновления, требования, тайна усыновления, отмена усыновления. Анализ обусловлен вопросами определения общих и специфических черт каждой правовой системы и установления тенденции развития института усыновления. Делается вывод о доминировании национальных норм и усложнении процедуры усыновления.

Ключевые слова: усыновление; усыновитель; усыновленный; ребенок; биологическая семья; принимающая семья; «международное усыновление».

Усыновление детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является приоритетной формой устройства практически во всех современных государствах. При этом усыновление как правовой институт в каждой стране обладает своими особенностями, которые обусловлены различными правовыми системами, конституционными принципами, моральными ценностями и менталитетом народов, национальной культурой и др. [1].

Таким образом, выявление особенностей феномена института усыновления дает возможность определить позицию государств в урегулировании имеющих место семейно-правовых отношений при усыновлении. При этом возникает вопрос, происходит ли гуманизация национальных законодательств в области усыновления, способствующая эффективности «международного усыновления», или же актуализируется значение внутригосударственных интересов, создающих привлекательные условия для усыновления.

Анализ института усыновления зарубежных государств авторы ограничили изучением национальных законодательств Франции, Великобритании, России, Испании, Германии, Италии и США. Это обусловлено тем, что граждане именно вышеперечисленных стран активно участвуют в качестве усыновителей российских детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. И именно связь с отечественной правовой практикой усыновления и послужила важным основанием для данного исследования. Кроме того, с Германией у Российской Федерации существуют давние связи в области усыновления, а с Испанией [2], Италией [3] и Францией [4] заключены двусторонние договоры о сотрудничестве в области усыновления. Обращение к законодательствам США и Британии, странам – представителям англо-саксонской правовой семьи, позволяет показать отличия континентального права в подходе к феномену усыновления.

Как правило, нормы, касающиеся усыновления, находят свое закрепление в национальном гражданском законодательстве (которое регулирует также семейные отношения). Отдельно стоит выделить Италию и страны англо-саксонской правовой семьи (США, Великобритания), в которых отношения в области усыновления регулируются отдельным законом. В Российской Федерации данные нормы закреплены в Семейном кодексе.

Вместе с тем следует отметить, что в некоторых государствах существует несколько видов усыновле-

ния. В США – это открытое и закрытое усыновление. При закрытом усыновлении биологические родители теряют всякую связь с ребенком, но алиментные обязательства по отношению к ребенку сохраняют. В рамках открытого усыновления принимающая семья и биологическая семья ребенка продолжают поддерживать контакт. Принимающая сторона отчитывается биологической семье о состоянии усыновленного, разрешает общение. Такое усыновление должно соответствовать интересам ребенка, сохраняет преемственность при усыновлении родственниками, менее травмирует ребенка. Однако общение с ребенком невозможно, если биологическая семья была жестока по отношению к нему [5]. Признаки открытого усыновления присутствуют также в законодательствах Германии и Франции, но только в США оно закреплено в специальной норме.

Во Франции существуют две формы усыновления: полное усыновление (*adoption plénière*) и простое (*adoption simple*). При первом усыновляемый теряет всякую связь со своей прежней семьей и считается ребенком усыновителя. В связи с этим усыновляемому выдается новое свидетельство о рождении, а в брачное свидетельство супругов вносятся сведения о нем как их общем ребенке. При полном усыновлении могут быть усыновлены:

- 1) дети, на усыновление которых отец и мать или семейный совет дали свое согласие;
- 2) дети, находящиеся на государственном попечении;
- 3) дети, признанные оставленными родителями, на условиях, предусмотренных в статье (не проявляют интерес).

Кроме того, полным усыновлением является усыновление супругом ребенка супруга.

Во всех остальных случаях действует процедура простого усыновления, при котором у усыновляемого ребенка сохраняются связи с семьей его биологического родителя [6. С. 76–78].

Несмотря на то что каждое из рассматриваемых нами национальных законодательств предусматривает как передачу детей на усыновление в другие страны, так и усыновление детей из других стран, уровень социального развития государств позволил разделить их на «принимающие» и «отдающие», что влияет на законодательство и степень государственного участия, так как затрагиваются национальные

(в частности, демографические) интересы государства [7].

Вместе с тем сравнительный анализ институтов усыновления в странах континентального и англосаксонского права дает возможность определить подходы к усыновлению по ряду оснований. Первым из них является усыновление по субъектам:

1. Усыновление супругами. Усыновление обоими супругами возможно во всех странах и является приоритетным, так как такая семья наиболее полно соответствует интересам ребенка. Это относится и к усыновлению однополыми парами в некоторых странах (Франция [6], США [8], Великобритания [9]).

2. Усыновление одним из супругов. Доступно не во всех странах. Так, в США запрещается усыновление одним родителем и, кроме того, граждане США, не состоящие в браке, не могут усыновить детей из Индии или Китая, что обусловлено прямым запретом в данных странах. В Германии [2. С. 330] и Франции [6. С. 73–74] возможно единоличное усыновление: в частности, если второй супруг недееспособен – повышается минимальный необходимый возраст потенциального усыновителя. Также существует процедура усыновления одним супругом ребенка второго супруга. Такое усыновление не считается единоличным, и ограничения по возрасту в данном случае снимаются.

3. Усыновление одним человеком (не состоящим в браке). Усыновление одним человеком возможно в большинстве стран (Франция, Испания, Германия). Такое усыновление менее приоритетное, чем усыновление парой, но допустимо, в частности, в случае усыновления родственником. При этом законодательство США при усыновлении одним человеком уточняет, что следует тщательно проверить, происходит ли такое усыновление с целью установления родительно-детских отношений или усыновитель руководствуется иными целями [8. С. 7].

4. Совместное усыновление неженатой парой. В Великобритании возможно такое усыновление, когда один сожитель официально изъявляет желание усыновить, а второй сожитель подает заявку на получение вида на жительство (фактически будет проживать вместе с усыновителем и ребенком) [9. С. 50–52]. При этом полной родительской властью в отношении ребенка обладает только первый сожитель, который становится усыновителем, власть же второго сожителя ограничена. Такой режим действует до достижения ребенком 16-летия либо до изменения статуса сожителей.

Вторым основанием для усыновления ребенка является возраст усыновителей. Здесь тоже проявляются несколько подходов:

1. Устанавливается разница в возрасте между усыновителем и ребенком. Такой подход имеет место в законодательстве Италии и США. В Италии для усыновления должна быть разница в возрасте от 18 до 45 лет, в США – от 25 до 43 лет. Это единственные страны, в которых был отмечен максимальный предел.

2. Устанавливается только минимальный возраст. В германском гражданском уложении минимальная разница в возрасте между усыновителем и усыновленным не указана. Вместо этого как для совместного усыновления, так и для единоличного опре-

делен только минимальный возраст – 25 лет. В случае совместного усыновления второй супруг должен достичь возраста 21 года. Для усыновления ребенка супруга тоже указан минимальный возраст – 21 год [10. С. 330]. В Великобритании минимальный возраст усыновителя также составляет 21 год, но возраст второго супруга может быть снижен до 18 лет. Упоминание о верхнем возрастном пределе отсутствует, но лицо должно по состоянию здоровья соответствовать интересам ребенка [9. С. 52].

3. Минимальный возраст усыновителя устанавливается прямо, но с учетом разницы в возрасте между усыновителем и ребенком. Примером такого подхода являются Испания и Франция. В Испании минимальный возраст усыновителя равен 25 лет и разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым должна быть 14 лет [11. С. 43], а во Франции установлен минимальный возраст для единоличного усыновления 30 лет, в случае же совместного усыновления устанавливается разница в возрасте в 15 лет, при этом супруги должны прожить в браке не менее 5 лет [6. С. 73]. При усыновлении детей супруга разница в возрасте устанавливается в 10 лет. Поэтому можно утверждать, что самые строгие требования к усыновителям в отношении возраста закреплены в законодательстве во Франции (минимальный предел, разница в возрасте, совместное проживание) [12].

Также следует отметить аспекты, косвенно подчеркивающие важность возраста усыновителей как состоявшихся личностей. Так, в законодательстве США и Италии определен срок совместного проживания супругов до начала процедуры усыновления. В Италии он составляет 3 года [13], а в США при внутреннем усыновлении – 2 года. Кроме того, в США недопустимо усыновление супругами, которые более одного раза расторгли брак [8. С. 36]. На наш взгляд, данные условия важны: такая пара уже состоялась, имеет опыт совместного проживания, это в свою очередь снижает вероятность семейных конфликтов (что положительно влияет на ребенка и его воспитание), повышается вероятность того, что такая семья не распадется и действительно уверена в необходимости усыновления.

Важным основанием в институте усыновления выступает верхний возрастной предел усыновляемого лица. По данному критерию все страны можно условно разделить на две группы:

1. Для первой группы стран возможно усыновление детей, не достигших определенного возраста (как правило, возраста совершеннолетия). Данное положение закреплено законодательствами Италии, России, Германии, Великобритании. В этих странах возможно усыновление детей, не достигших возраста 18 лет.

2. Во второй группе стран возможно усыновление ребенка, достигшего возраста, вышеуказанного в законодательстве. Такая норма предусмотрена законодательными актами Испании, Франции и США. В Испании усыновление будет иметь место и в случае, если непосредственно перед достижением усыновляемым совершеннолетия были совместное про-

живание или отношения в рамках опеки [11. С. 44], а во Франции – если была затянута процедура усыновления или в случае замены простого усыновления полным [6. С. 74]. При этом по законодательству Франции верхний возраст усыновляемого ниже, чем в других странах, и составляет 15 лет. В США возможно усыновление лица старше возраста совершеннолетия (18 – по общему правилу, 19 лет – в ряде регионов, в частности в Алабаме и Небраске, 21 год – в Пуэрто-Рико и Миссисипи) при наличии следующих обстоятельств:

- если усыновляемый является недееспособным или умственно отсталым;
- если кандидат в усыновляемые является недееспособным или пасынком, отношения с которым уже существовали во время его несовершеннолетия;
- если человек приходится усыновителю племянницей или племянником и проживал в течение трех месяцев с ним до наступления совершеннолетия;
- если он моложе усыновителя не менее чем на 15 лет.

Остальные требования (и ограничения), предъявляемые к усыновлению, в основном схожи во всех странах. В частности, усыновление должно соответствовать интересам ребенка и запрещено усыновление двумя лицами (если данные лица не являются супругами). Законодательство Италии, как и законодательство России, запрещает усыновление братьев и сестер по отдельности, если, конечно, нет веских причин [13]. Германское гражданское уложение воспрещает усыновление, если может быть нанесен вред не только интересам усыновляемого, но и интересам родных детей [10. С. 330]. В Испании более детально подошли к этому вопросу и законодательно закрепили, в отношении кого нельзя проводить усыновление (потомок, лицо под опекой, родственник через брак или по второй линии кровного родства) [11. С. 43]. В Великобритании обязательным является проживание на территории Соединенного Королевства с целью возможности определения, являются ли условия приемлемыми для усыновляемых. Кроме того, в Великобритании запрещено усыновление не только лицом, совершившим преступление в отношении ребенка, но и членом семьи усыновителя, имеющего судимость за такое преступление [9. С. 47].

В США, Франции и Великобритании возможно усыновление лицами нетрадиционной сексуальной ориентации. Так, согласно британскому закону об усыновлении нахождение ребенка в однополый семье не вредит его воспитанию, а отказ в усыновлении будет носить дискриминационный характер.

Следует также отметить, что в США и Соединенном Королевстве много внимания уделяется культурному, этническому и религиозному статусу ребенка. Так, в 1978 г. в США из-за частого отъема индейских детей из традиционных домов и таким образом выпадения их из индейской культуры был принят Закон «О социальном благополучии индейских детей» (ICWA), который вводит определенные ограничения на усыновление индейских детей. Индейским ребенком считается неженатый человек до 18 лет либо член индейского племени, либо человек, обладающий пра-

вом состоять в племени. При усыновлении индейского ребенка приоритет отдается в следующем порядке:

- 1) член семьи индейского ребенка;
- 2) другие члены племени ребенка;
- 3) другие индейские семьи.

Племя или родители ребенка могут ходатайствовать о передаче дела под юрисдикцию племенного суда. Закон 1978 г. устанавливает общие требования по отъему и размещению индейских детей в приемных семьях и позволяет племени ребенка вмешиваться в дела по усыновлению. Кроме того, по просьбе усыновленного индейского ребенка, достигшего совершеннолетия, или по просьбе его усыновителей уполномоченные органы при необходимости должны раскрывать информацию, необходимую для зачисления ребенка в племя и для определения всех его преимуществ [8. С. 10].

В целом во избежание возможных конфликтов между усыновленными и усыновляемыми после процедуры усыновления и для успешной адаптации ребенок должен находиться некоторое время в контакте с потенциальными усыновителями. В связи с этим условно можно выделить два подхода:

1. Первый предполагает совместное проживание усыновляемого и усыновителей. Такое проживание позволяет наблюдать их совместный быт, не закрепляя его юридически. Так, в Италии для того, чтобы ребенка можно было усыновить, он в течение года находится на предусыновительном воспитании в семье [13], во Франции усыновители и усыновленные должны быть знакомы и проживать с усыновителем не менее 6 месяцев [6. С. 74]. В Германии существует испытательный срок [10. С. 330]. Британский суд, принимая решение об усыновлении, должен убедиться в том, что местные власти «имели достаточно возможностей, чтобы увидеть ребенка с заявителями в их домашней обстановке» [9. С. 50].

Второй подход проявляется в том, что усыновляемый и усыновители вступают в непосредственный контакт, но вместе не проживают. Условие о совместном проживании отсутствует в законодательствах Испании, Российской Федерации, США.

Важным основанием для усыновления ребенка является согласие определенных лиц. В законодательстве разных стран по этому вопросу также сложились свои особенности. Таковыми лицами являются:

1. Ребенок, если достиг определенного возраста. Например, в Испании этот возраст равен 12 годам [11. С. 43], во Франции – 13 [6. С. 74], в Италии – 14 (но ребенок 12 лет и младше в зависимости от способности к рассуждению также заслушивается судом, но его согласие не спрашивается) [13], в Германии – 14 [10. С. 330]. Если дети не достигли этого возраста, то согласие за них дают уполномоченные органы. Отметим, что во всех этих странах возраст согласия ребенка выше, чем в России [12].

2. Наследники усыновителей. Условие, присутствующее в законодательстве Италии, предполагает, что если усыновители имеют законных или узаконенных наследников, достигших возраста 14 лет, то их мнение также должно быть заслушано [13].

3. Родители усыновляемого. Данная категория закреплена в законодательствах всех рассматривае-

мых нами стран. По общему правилу согласие не требуется, если родители недееспособны или их местонахождение неизвестно. Более того, в нормах Испании, Франции и Германии для родителей, лишенных родительских прав, присутствует запрет на согласие [6. С. 74]. Отметим, что законодательства Испании и Германии содержат запрет на согласие матери в течение определенного времени после рождения (30 дней – Испания и 56 дней – Германия). Норма защищает интересы ребенка и его здоровье, а также саму мать от возможного неверного решения, вызванного послеродовым состоянием. И в Германии, если мать знает потенциального усыновителя ребенка, указанный срок не учитывается [10. С. 330–331].

4. **Супруг усыновителя**, если усыновление (признание) осуществляется одним из супругов. Является общим правилом (исключение, если супруг недееспособен).

5. **Супруг усыновленного**, если такой есть, тоже должен дать свое согласие. Данная категория закреплена в законодательстве Германии [Там же. С. 331]. Отметим, что если усыновитель дал согласие, но скончался (или стал недееспособным), то второй супруг может продолжить усыновление от имени обоих супругов. Данное правило присутствует в Испании, Франции, Германии и Италии.

Последствия усыновления в целом схожи (в Испании не указаны) – ребенок приобретает все права родных детей, отношения с родной семьей прекращаются [11. С. 46]. Немного иначе дело обстоит во Франции. В случае простого усыновления, как указывалось выше, ребенок остается в родной семье, сохраняются наследственные права, но усыновитель единственный наделен по отношению к усыновленному всеми правами родительской власти. Возникает обязанность по взаимному содержанию между усыновленным и усыновителями, усыновленным и биологическими родителями, но биологические родители предоставляют содержание только в том случае, если такой возможности нет у усыновителя. В случае же полного усыновления ребенок также приравнивается в правах к родным детям [6. С. 76].

Отдельно выделяется вопрос с фамилией усыновленного (в Испании не указано). В большинстве стран усыновленный приобретает фамилию усыновителей и передает ее своим детям. Законодательство Германии разрешает, если это необходимо для блага ребенка, сохранить фамилию биологических родителей или присоединить ее к новой фамилии. При полном усыновлении во Франции ребенок приобретает фамилию усыновителя, а при простом фамилия усыновителя добавляется к фамилии биологических родителей [Там же. С. 77].

Как правило, усыновление приводит к полному прекращению отношений с бывшей семьей. При этом в законодательстве ряда стран предусмотрены некоторые исключения. Например, законодательство Испании допускает общение усыновленного с бывшей семьей, но только если один родитель законно определен и усыновитель выступил за поддержание с ним связи [11. С. 46]. Во Франции [6. С. 93] и Италии [13] сохраняются брачные запреты в отношении бывшей семьи, а именно запреты на вступление в брак с ли-

цами, с которыми усыновленного связывает кровное родство, даже если усыновленный не поддерживает связь с бывшей семьей [6. С. 93]. Определить родственную связь в подобной ситуации возможно благодаря тому, что в законодательстве Франции не закреплена тайна усыновления, а законодательство Италии разрешает сотрудникам службы государственной регистрации доступ к сведениям об усыновлении и бывшей семье [13]. Данный запрет несет как биологическое (не допускает кровосмешения и приобретение детьми генетических заболеваний), так и социальное значение (не противоречит морально-этическим представлениям) [5. С. 114–115]. При этом в отношении бывшей семьи доминирует биологический фактор, а в отношении новой семьи – социальный. Между тем в большинстве рассматриваемых нами национальных законодательств эта норма не имеет законодательного закрепления, что может создавать противоречия в правоприменительной практике.

В законодательстве Германии указано, что если супруг усыновляет брачного ребенка своего супруга, брак которого прекратился вследствие смерти предыдущего супруга, то прекращение родственных отношений не наступает по отношению к родственникам умершего родителя (бабушки, дедушки, тети, дяди). Если усыновители находятся с ребенком во второй или третьей степени родства или свойства, то прекращаются только родственные отношения ребенка и его родственников по нисходящей линии по отношению к родителям ребенка и вытекающие из них права и обязанности [10. С. 335]. При простом усыновлении во Франции усыновленный сохраняет связь с бывшей семьей (взаимное содержание, наследственные права) [6. С. 78]. В США отношения между биологическими родителями и детьми обусловлены типом усыновления. И, как уже было сказано выше, отношения сохраняются между биологическими и принимающими родителями [8. С. 8].

Не все страны признают отмену усыновления. Так, Испания [11. С. 332] и Италия [13] установили, что усыновление является безвозвратным, но при этом испанское и итальянское законодательства приводят два основания, когда отмена возможна (грубое пренебрежение усыновителем своими обязанностями и покушение на жизнь усыновителя усыновленным). Франция допускает отмену простого усыновления, но при наличии веских причин. Иск об отмене может подать усыновленный в возрасте 15 лет [6. С. 79]. Германия разрешает отмену усыновления, если оно вредит интересам ребенка, а также в нескольких ситуациях:

1) если другой супруг или настоящий родитель готов взять на себя заботу о ребенке и его воспитании при условии, что осуществление им родительского попечения не противоречило бы благу ребенка;

2) если отмена должна сделать возможным новое усыновление ребенка;

3) если не было согласия заинтересованных лиц, а также если заявление или согласие недействительны. Отмена исключается, если заявитель все-таки подтвердил свое желание усыновить ребенка [10. С. 333–335].

С отменой усыновления по общему правилу прекращаются все отношения с новой семьей: законодательства всех стран тут едины. Наиболее подробно последствия прописаны в гражданском уложении Германии. Так, родственные отношения ребенка и его родственников по нисходящей линии с кровными родственниками ребенка и вытекающие из них права и обязанности, за исключением родительского попечения (если таковое было установлено), возобновляются. Если же возврат ребенка в семью вредит его интересам, то суд назначает опекуна и родительская власть не восстанавливается. Отмена усыновления отменяет и новую фамилию ребенка, но если же она стала брачной, то фамилия сохраняется [10. С. 337].

Стоит особо отметить, что законодатели серьезно подошли к содержанию тайны усыновления. В Германии тайна усыновления может быть открыта только в том случае, если того требуют общественные интересы [Там же. С. 333]. Законодательство Италии запрещает доступ к сведениям, касающимся матери, которая заявила при рождении, что желает остаться неназванной. При этом уточняется, что при достижении 25 лет усыновленный (или раньше, если есть уважительные причины) получает всю информацию о своих родителях. В частности, совершеннолетний усыновленный гражданин получает информацию о биологических родителях в случае, если его приемные родители умерли или найти их не представляется возможным [13]. В США за нарушение тайны усыновления предусмотрено наказание от штрафа до тюремного заключения [8. С. 13–132].

Стоит уточнить, что усыновление в большинстве стран является бесплатным и поддерживается государством. Лишь в законодательстве США усыновление закреплено как платная процедура. Это объясняется тем, что агентства по усыновлению детей должны платить высокую заработную плату своим сотрудникам, уровень образования которых должен быть не ниже уровня магистра. Те, в свою очередь, проводят различные исследования в области усыновления, предоставляют консультации по лишению родительских прав и осуществляют надзор за семьями, принявшими на воспитание ребенка. В связи с этим закон четко устанавливает законные и незаконные платежи. К законным платежам относятся: расходы, связанные с юристом, переводом, другими платежами. К незаконным платежам относятся платежи биологическим родителям, платежи за временное размещение ребенка и ряд других [Там же. С. 125].

Законодательство каждого из рассмотренных нами государств прошло свой индивидуальный путь развития и становления института усыновления. Этому

способствовали проводимая социальная политика государства, внешняя политика государства, культура, религия. Но при этом большинство стран (в частности, страны континентального права) имеют общие универсальные принципы, такие как учет интересов ребенка при усыновлении, согласие заинтересованных лиц на усыновление, приоритет усыновления супружеской парой. Сложившаяся практика, обусловленная распространением института «международного усыновления» (что в итоге разделило государства на «принимающие» детей и «отдающие»), потребовала приведение некоторых положений процедуры усыновления к общему виду путем принятия ряда международных актов (Конвенция о юрисдикции, применении права и признании решений об усыновлении [14], Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления [15], Европейская конвенция об усыновлении 1967 г. [16]). Особенность таких актов заключается в том, что они оставляют много моментов на усмотрение стран-участниц. Соответственно национальные правовые нормы в области усыновления продолжают доминировать.

Более полная унификация законодательства вряд ли возможна в данное время, и это вызвано даже не национальными традициями, а практически функционирующей сетью учреждений и действующими нормами и их тесным вплетением в существующую правовую систему. Например, в ряде зарубежных стран, в отличие от Российской Федерации, существуют специализированные суды по вопросам усыновления, дети могут помещаться во временную семью, в США усыновление является прерогативой специализированных агентств. Поэтому можно прийти к выводу, что унификация института усыновления и решения вопросов касательно «международного усыновления» маловероятна. Международное законодательство в основном будет представлено двусторонними договорами и региональными актами как наиболее удовлетворяющими интересам сторон.

Современное зарубежное законодательство демонстрирует усложнение процедуры усыновления (совместное проживание с усыновленным до усыновления, длительное совместное проживание супругов, расширение списка лиц, дающих согласие на усыновление) с целью создания дополнительных гарантий для защиты прав усыновленных и усыновителей.

В зарубежной законодательной практике не сложилось единого мнения относительно преимуществ и недостатков открытого усыновления, позволяющего поддерживать связь с бывшей семьей, как это принято в США и Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления. Подписана в Гааге 29 мая 1993 г. URL: http://www.usynovite.ru/documents/international/convention_int/ (дата обращения: 03.10.2017).
2. Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей. Подписан в Мадриде 09 июля 2014 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.10.2017).
3. Договор между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей. Подписан в Москве 6 ноября 2008 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.10.2017).
4. Договор между Российской Федерацией и Французской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей. Подписан в Москве 18 ноября 2011 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.10.2017).
5. Антакольская М.В. Семейное право. М.: Юристъ, 2002. 336 с.
6. Le Code civil (Code Napoléon) le 21 Mars, 1804/ Droit.org. URL: <http://codes.droit.org/CodV3/civil.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).

7. Катионова А.О., Катионов О.Н. Международное усыновление как философско-правовое явление // *Философия образования*. 2011. Т. 38, № 5. С. 197–202.
8. Uniform adoption act (1994) / Uniform Law Commission. URL: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/adoption/uaa_final_94.pdf (дата обращения: 03.10.2017).
9. Adoption and Children Act 2002 // *Legislation.gov.uk*. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/38/contents> (дата обращения: 03.10.2017).
10. Bürgerliches Gesetzbuch / Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz (1896). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/bgb/gesamt.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).
11. Civil Code (approved by Royal Decree of July 24, 1889) / Agencia Estatal boletín oficial del estado. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/1889/BOE-A-1889-4763-consolidado.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).
12. Семейный кодекс Российской Федерации: Кодекс Рос. Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.10.2017).
13. Diritto del minore ad una famiglia. Legge 4 maggio 1983, n. 184 / Il sito web della commissione parlamentare per l'infanzia. URL: http://www.camera.it/_bicamerale/leg14/infanzia/leggi/legge184%20del%201983.htm (дата обращения: 03.10.2017).
14. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся усыновления детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновление на национальном и международном уровне. Утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3 декабря 1986 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.10.2017).
15. Конвенция об юрисдикции, применимом праве и признании решений об усыновлении. Подписана в Гааге 15 ноября 1965 г. // СПС «Кодекс» (дата обращения: 03.10.2017).
16. Европейская конвенция об усыновлении. Подписана в Страсбурге 24 апреля 1967 г. URL: <https://www.zonazakona.ru/law/abro/712/> (дата обращения: 03.10.2017).

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 декабря 2017 г.

ADOPTION LEGISLATION IN DIFFERENT COUNTRIES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 208–214.

DOI: 10.17223/15617793/427/29

Anna O. Kationova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katioasha@mail.ru

Nikolay Ye. Lukyanov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: DrCoks@yandex.ru

Keywords: adoption; adoptive; adopted; adopter; adoptee; family of origin; adoptive family; intercountry adoption.

The article deals with the results of a comparative legal analysis of adoption legislation in France, Great Britain, Russia, Spain, Germany, Italy and the USA. The analysis includes the following components: requirements for adopters (or an adopter), types of national adoption, persons giving their consent to adoption, requirements for a child, special requirements for adoption, impossibility of adoption, adoption outcome, relationship between an adopter and an adoptee before adoption, adoption privacy, adoption cancellation, relationship between an adoptee and his or her former family. The object of this research is the adoption legislation in different countries. The authors used both general scientific methods such as analysis, deduction and classification, and a specific scientific method – the comparative legal method for studying adoption, which has oriented the research on the specific result – to determine a possibility of unification and harmonization of the national adoption legislations. The article deals with a number of tasks: to show the development tendencies of the adoption institute; to determine the general and specific development regularities of the national adoption systems. The content of the research includes the following results: 1. Most of the countries have common universal principles: taking the child's interest into account, receiving the interested persons' consent to adoption and giving married couples priority in adoption. The established practice was conditioned by the expansion of the "intercountry adoption" institution, which divided countries into those which "receive" and "give" children. The practice required unification of some adoption procedures by adopting a number of international instruments. A distinctive feature of such instruments is in the fact that much is left at the discretion of the participating countries. Accordingly, domestic legal systems of adoption still dominate in those countries. 2. At present, a more complete unification of the legislation is unlikely due to the chain of institutions already functioning and the current regulations interwoven into the existing legal system, rather than some traditional cultural practices of the countries. Thus, the unification of the adoption institution, which can promote the effectiveness of "intercountry adoption," is unlikely. International legislation will mostly be represented by bilateral agreements and regional acts in the best interests of all parties. 3. Modern foreign legislation is characterized by the complexity of adoption procedures (i.e., living with an adoptee before adoption, spouses living together for a long time, expansion of the list of persons giving their consent to adoption), which guarantees additional protection of adoptees' and adopters' rights. 4. In foreign legislative practice, there is a divergence of opinion regarding advantages and disadvantages of open adoption, which allows to keep a relationship with a former family as it is accepted in the USA and France.

REFERENCES

1. Usynovite.ru. (1993) *Konventsija o zashchite detey i sotrudnichestve v otnoshenii inostrannogo usynovleniya*. Podpisana v Gaage 29 maya 1993 g. [Convention on the Protection of Children and Cooperation in Respect of Intercountry Adoption. Signed in The Hague on May 29, 1993]. [Online] Available from: http://www.usynovite.ru/documents/international/convention_int/. (Accessed: 03.10.2017).
2. Konsul'tantPlyus. (2014) *Dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiy i Korolevstvom Ispaniya o sotrudnichestve v oblasti usynovleniya (udochereniya) detey*. Podpisan v Madride 09 iyulya 2014 g. [Agreement between the Russian Federation and the Kingdom of Spain on cooperation in the field of adoption of children. Signed in Madrid on July 09, 2014]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154511/. (Accessed: 03.10.2017).
3. Konsul'tantPlyus. (2008) *Dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiy i Ital'yanskoy Respublikoy o sotrudnichestve v oblasti usynovleniya (udochereniya) detey*. Podpisan v Moskve 6 noyabrya 2008 g. [Agreement between the Russian Federation and the Italian Republic on cooperation in the field of adoption of children. Signed in Moscow on November 6, 2008]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=44788#00020817819580067898>. (Accessed: 03.10.2017).
4. Konsul'tantPlyus. (2011) *Dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiy i Frantsuzskoy Respublikoy o sotrudnichestve v oblasti usynovleniya (udochereniya) detey*. Podpisan v Moskve 18 noyabrya 2011 g. [Agreement between the Russian Federation and the French Republic on cooperation in the field of adoption of children. Signed in Moscow on November 18, 2011]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=53647#08420472083145683>. (Accessed: 03.10.2017).
5. Antakol'skaya, M.V. (2002) *Semeynoe pravo* [Family law]. Moscow: Yurist".

6. Droit.org. (1804) *Le Code civil (Code Napoléon) le 21 Mars, 1804* [The Civil Code. The Napoleonic Code]. [Online] Available from: <http://codes.droit.org/CodV3/civil.pdf>. (Accessed: 03.10.2017).
7. Kationova, A.O. & Kationov, O.N. (2011) International adoption as a philosophical-legal phenomenon. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 38:5. pp. 197–202. (In Russian).
8. Uniform Law Commission. (1994) *Uniform Adoption Act*. [Online] Available from: http://www.uniformlaws.org/shared/docs/adoption/uaa_final_94.pdf. (Accessed: 03.10.2017).
9. Legislation.gov.uk. (2002) *Adoption and Children Act 2002*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/38/contents>. (Accessed: 03.10.2017).
10. Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. (1896) *Bürgerliches Gesetzbuch* [The Civil Code]. [Online] Available from: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/bgb/gesamt.pdf>. (Accessed: 03.10.2017).
11. Agencia Estatal boletín oficial del estado. (1889) *Civil Code (approved by Royal Decree of July 24, 1889)*. [Online] Available from: <https://www.boe.es/buscar/pdf/1889/BOE-A-1889-4763-consolidado.pdf>. (Accessed: 03.10.2017).
12. Konsul'tantPlyus. (2017) *Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Kodeks Ros. Federatsii ot 29 dekabrya 1995 g. № 223-FZ (red. Ot 01.05.2017)* [Family Code of the Russian Federation: Code of the Russian Federation of December 29, 1995, 223-FZ (as amended on May 1, 2017)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. (Accessed: 03.10.2017).
13. Il sito web della commissione parlamentare per l'infanzia. (1983) *Diritto del minore ad una famiglia. Legge 4 maggio 1983, n. 184* [Right of the child to a family. Law of 4 May 1983]. [Online] Available from: http://www.camera.it/_bicamerale/leg14/infanzia/leggi/legge184%20del%201983.htm. (Accessed: 03.10.2017).
14. Konsul'tantPlyus. (1986) *Deklaratsiya o sotsial'nykh i pravovykh printsipakh, kasayushchikhsya usynovleniya detey, osobenno pri peredache detey na vospitanie i ikh usynovlenie na natsional'nom i mezhdunarodnom urovne. Utverzhdena rezolyutsiey General'noy Assamblei OON 3 dekabrya 1986 g.* [Declaration on social and legal principles relating to the adoption of children, especially in the transfer of children for upbringing and their adoption at the national and international levels. Approved by the resolution of the UN General Assembly on December 3, 1986]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=16681#012418248580821079>. (Accessed: 03.10.2017).
15. Kodeks. (1965) *Konventsia ob yurisdiktzii, primenimom prave i priznanii resheniy ob usynovlenii. Podpisana v Gaage 15 noyabrya 1965 g.* [Convention on Jurisdiction, Applicable Law and the Recognition of Adoption Decisions. Signed in The Hague on November 15, 1965]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901898347> (Accessed: 03.10.2017).
16. Zonazakona.ru. (1967) *Evropeyskaya konventsia ob usynovlenii. Podpisana v Strasburge 24 aprelya 1967 g.* [European Convention on Adoption. Signed in Strasbourg on April 24, 1967]. [Online] Available from: <https://www.zonazakona.ru/law/abro/712/>. (Accessed: 03.10.2017).

Received: 27 December 2017

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ИЗБРАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Представлен анализ практики применения и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном судопроизводстве. Обосновывается вывод о том, что действие современного правового механизма избрания и исполнения указанной меры пресечения не позволяет достичь целей избрания мер пресечения, влечет нарушение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, а также лиц, совместно с ним проживающих. Вносятся предложения правового характера по совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности в обозначенной сфере.

Ключевые слова: домашний арест; контроль; уголовно-исполнительная инспекция; обвиняемый; запреты, наложенные судом.

Включение в систему мер процессуального принуждения меры пресечения в виде домашнего ареста как менее строгой, по сравнению с мерой пресечения в виде заключения под стражу, является проявлением гуманизма уголовной политики российского государства. Целесообразность данного решения законодателя подтверждается устойчивой тенденцией увеличения за последние годы количества решений судов об удовлетворении ходатайства следователя, дознавателя об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста [1].

Между тем анализ практики применения и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) свидетельствует о возникновении в рассматриваемой сфере¹ немалого числа проблем как процессуального, так и организационно-правового характера, приводящих к затягиванию сроков производства по уголовному делу, препятствующих достижению целей применения меры пресечения, влекущих необоснованное ограничение конституционных прав подозреваемого, обвиняемого и лиц, совместно с ним проживающих, и др. Указанное является результатом недостаточной проработанности правового механизма избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

На протяжении 2011–2015 гг. отмечалась устойчивая динамика ежегодного увеличения количества подозреваемых, обвиняемых, в отношении которых судом была избрана анализируемая мера пресечения: в 2011 г. – в 2,0 раза больше, чем в 2010 г., в 2012 г. – в 2,0 раза больше, чем в 2011 г., в 2013 г. – в 1,1 раза больше, чем в 2012 г., в 2014 г. – в 1,2 раза больше, чем в 2013 г., в 2015 г. – 1,4 раза больше, чем в 2014 г. Только в 2016 г. отмеченная динамика изменилась, что проявилось в уменьшении в 1,2 раза, по сравнению с 2015 г. числа подсудимых, в отношении которых судом была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста [1]. Рост числа указанных лиц сопровождается все более частым возникновением ряда проблемных ситуаций в правоприменительной деятельности уголовно-исполнительной инспекции (далее – Инспекция), на которую Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 (в ред. от 23.04.2012 г. № 360) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах их штатной численности» возложена обязанность исполнять меру пресечения в виде домашнего ареста (п. 1). Од-

новременно уточним, что уголовно-процессуальным законом (ч. 10 ст. 107 УПК РФ), приказом Минюста России, МВД России, СК России, ФСБ России, ФСКН России от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» (далее – Порядок) на Инспекцию возложена обязанность осуществлять контроль за соблюдением подозреваемым, обвиняемым, подсудимым² наложенных судом ограничений и (или) запретов.

Негативным последствием действия современного правового механизма исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста является то, что контролирующий орган в лице Инспекции лишен возможности единообразно реагировать на нарушение лицом, в отношении которого исполняется домашний арест, запрета и (или) ограничения, наложенного судом, допущенное им на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. В первом случае, согласно п. 19 Порядка, Инспекция первоначально обязана устно уведомить следователя, дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, в его отсутствие – руководителя следственного органа, начальника органа дознания или начальника подразделения дознания о факте указанного нарушения (в течение 2 ч с момента установления данного факта), затем Инспекция осуществляет то же самое процессуальное действие, но уже в письменной форме и в более длительный период времени – в течение 24 ч с момента установления факта нарушения условий исполнения меры пресечения, одновременно регистрируя этот факт в соответствующем журнале учета. При поступлении уведомления Инспекции о нарушении подозреваемым, обвиняемым условий исполнения домашнего ареста следователь, дознаватель рассматривает вопрос о подаче в суд ходатайства об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста (п. 22 Порядка).

При выявлении Инспекцией факта нарушения подсудимым условий исполнения домашнего ареста сотрудник Инспекции проводит проверку факта нарушений условий исполнения меры пресечения и (или) установления отсутствия указанного лица в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего

ареста, по результатам которой составляет заключение, подлежащее утверждению начальником Инспекции (п. 28–30 Порядка). Указанное заключение служит основанием для составления Инспекцией представления об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста на более строгую меру пресечения – в виде заключения под стражу, направляемое в суд (ч. 14 ст. 107 УПК РФ, п. 31 Порядка).

Согласно ч. 4, 10 ст. 108, ч. 1 ст. 110 УПК РФ в судебном заседании по разрешению ходатайства об избрании в отношении подсудимого меры пресечения в виде заключения под стражу обязательно присутствует прокурор. Кроме того, следует подчеркнуть то обстоятельство, что уголовно-процессуальный закон накладывает на следователя, дознавателя процессуальную обязанность предварительно согласовывать указанное ходатайство в отношении подозреваемого, обвиняемого соответственно с руководителем следственного органа, прокурором (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). В целях обеспечения системности в применении норм уголовно-процессуального закона, а также учитывая практику удовлетворения судами – всего лишь чуть более половины – вносимых Инспекциями представлений о замене меры пресечения в виде домашнего ареста на более строгую – в виде заключения под стражу [2], целесообразным является предварительное согласование Инспекцией анализируемого представления с прокурором. Такое согласование кроме того следует рассматривать в качестве процессуальной гарантии законности и обоснованности обращения Инспекции в суд с целью изменения меры пресечения, избранной в отношении подсудимого. Отмеченное согласование будет способствовать изменению позиции судов при оценке рассматриваемых представлений Инспекций. Последнее в свою очередь позволит повысить общий превентивный потенциал контроля, осуществляемого Инспекцией в порядке ч. 10 ст. 107 УПК РФ, и, как следствие, – снизить количество нарушений запретов и (или) ограничений, предусмотренных п. 3, 4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ, подсудимыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Системный анализ представленных процессуальных форм деятельности Инспекции при осуществлении одного и того же контроля (единого по своему назначению, установленного единой нормативной правовой базой, осуществляемого единым органом) приводит к выводу о несовершенстве правовой регламентации осуществления Инспекцией указанного контроля, определенной Порядком. Приведем обоснование авторскому утверждению.

Так, не логичной с точки зрения системного толкования законодательства, регламентирующего уголовно-процессуальную деятельность при исполнении рассматриваемой меры пресечения, выступает правовая регламентация процессуальных полномочий Инспекции в случае установления нарушения подозреваемым, обвиняемым условий исполнения домашнего ареста (ч. 14 ст. 107 УПК РФ, п. 19 Порядка). Такая регламентация влечет двуэтапность осуществления уполномоченными субъектами процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению вопроса о

замене меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу, что необоснованно, исходя из содержания принципов уголовного процесса – разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ), и процессуальной экономии³.

Первоначально указанные выше доказательства Инспекция представляет следователю, дознавателю, в производстве которого находится уголовное дело. Он их оценивает, по результатам чего принимает одно из двух процессуальных решений: о возбуждении перед судом ходатайства об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста либо о невозбуждении отмеченного ходатайства. При этом первое процессуальное решение следователя, дознавателя облекается в письменную форму в виде постановления. Во втором – соответствующий процессуальный документ не составляется.

Если Инспекции удалось доказать следователю, дознавателю наличие факта нарушения подозреваемым, обвиняемым условий исполнения домашнего ареста, то начинается второй этап «движения» доказательств, собранных Инспекцией, – их оценка уже судом в порядке, предусмотренном ст. 17, 88, 108 УПК РФ.

Негативными последствиями такой правовой регламентации процессуального порядка изменения меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу выступает, во-первых, появление волокиты в движении материалов о нарушении подозреваемым, обвиняемым условий домашнего ареста; во-вторых, необоснованное сужение объема полномочий Инспекции на стадии предварительного расследования – лишения ее права непосредственного обращения в суд по указанному вопросу, а не к следователю, дознавателю первоначально, хотя уголовно-процессуальным законом допускается возможность обращения Инспекции по исследуемому вопросу сразу в суд, но только на стадии судебного разбирательства (ч. 14 ст. 107 УПК РФ).

Уголовно-процессуальным кодексом РФ, а также подзаконными нормативными правовыми актами ответственность за качество контроля за соблюдением подозреваемым, обвиняемым ограничений и (или) запретов, установленных судом, возложена исключительно на Инспекцию. Следователь, дознаватель такую ответственность не разделяет ни при каких обстоятельствах. Поэтому вполне естественным выступает и различный подход со стороны следователя, дознавателя, с одной стороны, и Инспекцией – с другой, в оценке собранных контролирующим органом доказательств факта нарушения подозреваемым, обвиняемым условий исполнения домашнего ареста. Кроме того, обращение следователя, дознавателя в суд с целью изменения домашнего ареста на более строгую меру пресечения приводит к увеличению процессуальной нагрузки на него, которое обуславливается необходимостью: 1) подготовки им процессуального документа – постановления о возбуждении перед судом ходатайства о замене меры пресечения в виде домашнего ареста; 2) согласования указанного документа с руководителем следственного органа, дознавателем – соответственно с прокурором; 3) направления материалов, обосновывающие необ-

ходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого, обвиняемого, в суд; 4) уведомления подозреваемого, обвиняемого, защитника, участвующего в уголовном деле, о направлении в суд рассматриваемого ходатайства и др. (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). Последнее обстоятельство – увеличение процессуальной нагрузки – не следует нивелировать при оценивании решения следователя, дознавателя об отказе в дальнейшем движении материалов, представленных Инспекцией, на предмет его обоснованности.

Правовой анализ ч. 14 ст. 107, п. 3, 5 ч. 1 ст. 399 УПК РФ свидетельствует о том, что законодатель не исключил Инспекцию, выступающую в роли контролирующего органа, из числа субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Более того, Инспекция наделена рядом процессуальных полномочий, реализуемых ею как в досудебном и судебном производстве, так и на стадии исполнения приговора, что влечет принятие судом юридически значимых для движения уголовного дела, для надлежащего исполнения приговора процессуальных решений. Среди таких полномочий особый практический интерес представляет право Инспекции собирать доказательства, подтверждающие нарушение подсудимым условий применения к нему домашнего ареста, которые представляются суду с целью изменения указанной меры пресечения на более строгую (ч. 1 ст. 110, п. 3 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). В данном случае с 2011 г. ни Конституционным Судом РФ, ни Верховным Судом РФ, ни правоприменителями, ни учеными не ставилась под сомнение правомерность наделения Инспекции правом собирать документы для последующего их представления в суд в обоснование внесенного ею представления о замене меры пресечения в виде домашнего ареста. Полагаем, что это объясняется тем обстоятельством, что оценку собранных Инспекцией доказательств, подтверждающих факт нарушения подсудимым условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, в конечном итоге осуществляет суд в соответствии со ст. 17, 88 УПК РФ. С учетом мнения сторон – участников судебного заседания данная судом оценка представленных Инспекцией доказательств позволяет определить обоснованность ухудшения правового положения подсудимого, которому домашний арест может быть заменен на заключение под стражу.

Отдельно следует подчеркнуть, что Порядком конкретизируются перечень процессуальных действий, которые обязана осуществить Инспекция при выявлении нарушения подсудимым условий исполнения домашнего ареста, а также их последовательность, уточняется временной интервал принятия соответствующих процессуальных решений и производства процессуальных действий (п. 28–31). В целях упорядочения процессуальной деятельности Инспекции по собиранию анализируемых доказательств Порядок установил перечень документов, материалов, которые представляются в суд в качестве доказательств, подтверждающих факт нарушения подсудимым условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. В качестве таковых выступают

рапорт, объяснения, справки, акты применения технических средств контроля (п. 29 Порядка), данные пульта мониторинга по соблюдению подсудимым условий исполнения домашнего ареста (п. 24 Порядка). Форма большинства из них получила нормативное закрепление (Приложения № 13, 18, 20, 22 к Порядку), что усиливает их доказательственное значение.

Руководствуясь целесообразностью установления единого порядка как осуществления контроля за соблюдением подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, ограничений и (или) запретов, установленных судом, так и реагирования контролирующим органом на выявленные нарушения условий исполнения этой меры пресечения, допущенные указанным подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, необходимым представляется наделение в законодательном порядке Инспекции правом обращения в суд с представлением, согласованным с прокурором, о замене избранной в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста с одновременным уведомлением об этом следователя, дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело. Отмеченное требует корректировки уголовно-процессуальных норм, закрепленных ч. 8, 14 ст. 107 УПК РФ.

В развитие указанного целесообразно нормативно определить единый процессуальный порядок реагирования Инспекцией на нарушение подозреваемым, обвиняемым, подсудимым условий исполнения домашнего ареста, руководствуясь содержанием п. 28–31 Порядка. С этой целью содержание п. 19 Порядка необходимо привести в соответствие с п. 28–31 Порядка. Необходимо также закрепление в нормативных правовых актах единого порядка деятельности Инспекции при установлении отсутствия лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, – согласно содержанию п. 31 Порядка.

Поскольку сроки досудебного производства регламентированы более жестко (ст. 162, 223 УПК РФ) в сравнении с процессуальными сроками, определяющими продолжительность судебного разбирательства, которые УПК РФ не конкретизированы, то в целях исключения их затягивания целесообразным является сокращение сроков, регламентированных п. 28 и 31 Порядка. В частности, вполне достаточным представляется установление срока – 12 ч (вместо 24 ч) для фиксации факта нарушения в журнале учета нарушений и составления сотрудником Инспекции рапорта начальнику Инспекции, а также для направления в суд представления об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста по завершении проверки, оконченной подготовкой заключения по ее результатам. Требуется корректировка содержания и иных пунктов Порядка.

Реализация внесенных предложений законодательного характера позволит унифицировать уголовно-процессуальную деятельность Инспекции при исполнении ею меры пресечения в виде домашнего ареста⁴, что повысит эффективность применения мер

пресечения, ограничивающих конституционные права и свободы личности.

Смежной с указанной выступает иная проблема, возникновение которой обусловлено действием современного правового механизма исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. В частности, необоснованным представляется лишение законодателем Инспекции права обжаловать решение суда в досудебном и судебном производствах об отказе в удовлетворении представления, по сути – ходатайства, Инспекции об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста. Перечень субъектов, наделенных правом как апелляционного, так кассационного, надзорного обжалования, закреплен ч. 1, 2 ст. 389¹, ст. 401², ч. 1 ст. 412¹ УПК РФ и не включает представителя Инспекции. Отмеченное сужение объема правомочий Инспекции не обоснованно с точки зрения системного толкования норм уголовно-процессуального права в контексте того, что уголовно-процессуальный закон каждого субъекта уголовно-процессуальной деятельности наделяет правом судебного обжалования незаконного или необоснованного процессуального решения или процессуального действия властного субъекта уголовного судопроизводства, включая суд, которые затрагивают его права и законные интересы (п. 14 ч. 4 ст. 47, п. 10 ч. 1 ст. 53, п. 5 ч. 4 ст. 56, п. 3 ч. 3 ст. 60, ч. 1 ст. 123, ст. 125, ч. 1, 2 ст. 389¹ и др. УПК РФ). Исключением является Инспекция, выступающая в рассматриваемом случае контролирующим органом, процессуальный статус которого регламентируется ч. 8, 12, 14 ст. 107 и др. УПК РФ.

В данном случае усматривается прямое нарушение уголовно-процессуальной нормы, закрепляющей принцип уголовного судопроизводства – право на обжалование процессуальных действий и решений (ч. 1 ст. 19 УПК РФ). Нарушение указанного принципа в свою очередь влечет нарушение баланса процессуальных прав субъектов уголовно-процессуальной деятельности, необходимость соблюдения которого установлена основополагающим принципом уголовного судопроизводства – состязательность сторон (ч. 4 ст. 15 УПК РФ).

Не обосновано указанное сужение процессуального статуса Инспекции как контролирующего органа и с точки зрения правоприменительной практики, поскольку порядка 35–45% направляемых Инспекцией представлений о замене домашнего ареста мерой пресечения в виде заключения под стражу оцениваются судом как незаконные или необоснованные [2], что нивелирует положение Инспекции как участника уголовного судопроизводства.

Для правоприменительной практики негативными последствиями лишения Инспекции права обжалования указанных решений суда выступают формирование у подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, психологии дозволенности нарушения условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и на этом фоне – систематическое нарушение указанными лицами порядка исполнения домашнего ареста. В немалых случаях это спо-

собствует созданию условий для их сокрытия от органов предварительного расследования, суда, от исполнения уголовного наказания, и в конечном итоге препятствует установлению всех обстоятельств по расследуемому и рассматриваемому уголовному делу, надлежащему исполнению приговора суда.

В сложившейся ситуации наделение Инспекции правом обжалования в апелляционном, кассационном и надзорном порядке означало бы появление дополнительных процессуальных гарантий обоснованности разрешения судом представления начальника Инспекции об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста, восстановило бы равенство процессуальных прав участников судебного заседания (ч. 3 ст. 107, ст. 108 УПК РФ) в соответствии с принципом уголовного судопроизводства – состязательность сторон, закрепленного ст. 15 УПК РФ.

Таким образом, необходимо скорректировать содержание ч. 2 ст. 389¹, ч. 1 ст. 401² УПК РФ, расширив круг субъектов обжалования и включив в него представителя федерального органа исполнительной власти, который указывается в ч. 10 ст. 107 УПК РФ.

Анализируя практику исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, следует признать, что в правовом регулировании исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста важную роль выполняет Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за местонахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» (далее – Постановление). Во-первых, им устанавливается перечень технических средств, которые могут использоваться Инспекцией в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в месте исполнения меры пресечения и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений при избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде домашнего ареста. Во-вторых, отмеченным Постановлением закрепляются правила применения Инспекцией указанных технических средств. Между тем применение правовых положений данного Постановления не позволяет решить вопросы, возникающие при осуществлении контроля Инспекцией. Остановимся на некоторых из них.

Первое. Обозначенный в Постановлении перечень технических средств является недостаточным. Обоснование этого заключения автором представлялось ранее [3. С. 95–110]. В настоящее время в целях повышения эффективности осуществления анализируемого контроля актуализировалась необходимость применения Инспекцией иного технического средства – портативного видеорегистратора.

Портативный видеорегистратор – цифровая видеокамера, которая работает автономно и позволяет осуществлять видеозапись на карту памяти. Характеристиками карты памяти являются возможности ее замены, а также неоднократной записи на нее видеoinформации.

Потребность в использовании портативного видеорегистратора обусловлена необходимостью объективной фиксации фактов нарушения запретов и (или) ограничений, установленных судом подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Одновременно его применение позволит суду также дать объективную оценку осуществляемым сотрудниками Инспекции процессуальным действиям и принимаемым процессуальным решениям на предмет их законности и обоснованности в порядке ч. 14 ст. 107 УПК РФ.

Для определения правового основания допустимости применения Инспекцией портативного видеорегистратора при осуществлении контроля за подозреваемым, обвиняемым, подсудимым при исполнении домашнего ареста практический интерес представляет принятие Федерального закона от 26.04.2016 № 114-ФЗ «О внесении изменений в ст. 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении». Согласно указанному закону данные видеорегистратора судом теперь рассматриваются в обязательном порядке, а не по усмотрению суда – в качестве доказательства по делу об административном правонарушении. В таком случае самым главным является правильное и своевременное совершение действий по приобщению данной видеозаписи к материалам дела об административном правонарушении. Только при соблюдении указанных условий суд признает видеозапись как допустимое доказательство. В частности, при составлении протокола об административном правонарушении целесообразно в нем указать марку, модель видеорегистратора, серийный номер цифрового носителя информации (флэш-карты), которая содержит видеозапись, дату и время осуществления указываемой в протоколе видеозаписи.

Указанный опыт правового регулирования, а также сложившуюся в этой связи судебную практику целесообразно использовать и в деятельности Инспекции по применению ею портативного видеорегистратора. Полученные с помощью портативного видеорегистратора сведения и оформленные надлежащим образом с большей степенью вероятности будут признаны судом в качестве допустимых доказательств по факту нарушения лицом условий исполнения домашнего ареста.

Для придания юридического значения данным, полученным с помощью портативного регистратора, необходимо п. 1 Постановления Правительства РФ № 134–2013 г. дополнить абзацем в следующей редакции: «Портативный видеорегистратор – цифровая видеокамера, работающая автономно и позволяющая осуществлять видеозапись на карту памяти».

Для обеспечения надлежащего применения указанного технического средства целесообразным представляется и разработка ФСИН России Методических рекомендаций о порядке применения портативных видеорегистраторов сотрудниками Инспекции при осуществлении контроля за нахождением подозрева-

емого, обвиняемого, подсудимого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом ограничений и (или) запретов, в которых следует детально прописать порядок фиксации нарушения подозреваемым, обвиняемым, подсудимым условий исполнения домашнего ареста.

Второе. Сложность применения Инспекцией технических средств при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста состоит в создании препятствий к их использованию лицами, совместно проживающими с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. Она обусловлена как несовершенством правового регулирования порядка избрания судом меры пресечения в виде домашнего ареста, так и несогласованностью правил, содержащихся в Постановлении Правительства № 134–2013 г., и в совместном приказе Минюста России, МВД России, СК России, ФСБ России, ФСКН России от 11 февраля 2016 г. В частности, избирая меру пресечения в виде домашнего ареста, суд в случае совместного проживания с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым в жилом помещении – месте исполнения домашнего ареста иных лиц на законных основаниях, необоснованно, по нашему мнению, не истребует (ч. 1 ст. 107 УПК РФ) их согласия на применение указанной меры пресечения по месту этого жилого помещения.

Отсутствие согласия совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лиц на применение меры пресечения в виде домашнего ареста влечет появление в правоприменительной практике непоследовательной позиции указанных лиц, существенно осложняющей осуществление Инспекцией контроля в порядке ч. 10 ст. 107 УПК РФ. В рассматриваемых ситуациях совместно проживающие с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, лица первоначально, как правило, не возражают испытывать ряд неудобств из-за применения технических средств с целью осуществления контроля за нахождением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений. Но по истечении определенного времени они начинают препятствовать сотрудникам Инспекции исполнять свои должностные обязанности по осуществлению контроля за соблюдением лицом, находящимся под домашним арестом, запретов и (или) ограничений, возложенных на него решением суда.

Анализируя нормативно-правовое регулирование порядка исполнения решения суда о применении домашнего ареста в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, следует акцентировать внимание на том факте, что процессуальная обязанность получить письменное согласие совместно проживающих на законных основаниях с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лиц Постановлением Правительства РФ № 134–2013 г. возлагается на Инспекцию и только в случае принятия ею решения об установке устройства аудиовизуального контроля в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста

(п. 8 Постановления). Порядок накладывает на Инспекцию процессуальную обязанность ознакомить совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лиц с решением Инспекции об использовании технических средств контроля по месту исполнения домашнего ареста – месту жительства указанных лиц (Приложение 15 к Порядку).

Вполне очевидно, что правовой смысл такого действия, как получение согласия лиц на установку технических средств контроля, не тождествен правовому смыслу иного действия – ознакомление этих лиц с решением об установке технических средств по месту жительства последних. В последнем случае не исключается вероятность отсутствия согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, на применение технических средств контроля. Последнее, безусловно, следует расценивать как нарушение конституционных прав лиц, совместно проживающих с лицом, находящимся под домашним арестом, на неприкосновенность жилища, нарушение частной жизни и др., что недопустимо в правовом государстве и что исключает Конституция РФ (ст. 23).

Несовершенство правовой регламентации порядка избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста влечет появление в правоприменительной деятельности Инспекции нередкие факты проявления недовольства со стороны совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лиц по поводу установления в их жилище технических средств контроля за подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. В дальнейшем они начинают препятствовать сотрудникам Инспекции в доступе к этим техническим средствам.

В связи с изложенным уголовно-процессуальной нормой, закрепленной ст. 107 УПК РФ, необходимо на властных субъектов судебно-контрольного производства возложить процессуальную обязанность истребовать согласие совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, в отношении которого разрешается ходатайство об избрании меры

пресечения в виде домашнего ареста, лиц относительно места исполнения домашнего ареста, что позволит на законных основаниях реализовывать меры контроля в жилом помещении, в котором они проживают, и исключить их воспрепятствование исполнению сотрудниками Инспекции своих полномочий согласно ч. 10 ст. 107 УПК РФ.

Обозначенную проблему необходимо разрешить также на нормативном уровне, приведя в соответствие с п. 8 Постановления Правительства РФ № 134–2013 г. содержание п. 23 Порядка и Приложения 15 к Порядку. В частности, изложение п. 23 Порядка следует начать с абзаца в следующей редакции: «Установка аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля осуществляется при наличии письменного согласия лиц, совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Указанным лицам одновременно разъясняются последствия применения указанных технических средств и их ответственность, предусмотренная законодательством Российской Федерации, за воспрепятствование осуществления сотрудниками Инспекции контроля за подозреваемым, обвиняемым, подсудимым».

Одновременно необходимо скорректировать содержание Приложение 15 к Порядку, заменив слова «С постановлением ознакомлен» на слова «На установку технического средства контроля согласен (на). Предупрежден (на) об ответственности за воспрепятствование сотрудникам Инспекции в осуществлении контроля».

С учетом изложенного следует заключить, что для полного достижения целей избрания в уголовном судопроизводстве меры пресечения в виде домашнего ареста с соблюдением прав и законных интересов лиц, в отношении которых применяется указанная мера пресечения, а также лиц, совместно с ними проживающих, требуется устранение пробелов и рассогласованности правовых норм в механизме правового регулирования порядка избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, Обзор ФСИН России от 27.03.2014 № исх. 19-12773 «О деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России при осуществлении контроля за лицами, которым судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста за 2013 год».

² Следует признать неудачным с точки зрения законодательной техники закрепление совместным приказом от 11 февраля 2016 г. понятия «лицо, нарушившее условия исполнения меры пресечения после назначения судебного разбирательства». Оно является громоздким, поэтому затрудняет понимание его правового смысла. Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ указанное лицо фактически является участником уголовного судопроизводства, именуемым подсудимым. Использование в данном приказе термина «подсудимый» позволило бы его текст сделать более лаконичным, более доступным для восприятия, а значит, и более удобным для правоприменения. Руководствуясь изложенным, в представленной научной работе автор оперирует понятием «подсудимый».

³ Принцип процессуальной экономии хотя и не получил законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законе, но является общепризнанным со стороны юридического сообщества. См., например: [4. С. 171–175].

⁴ Раскрывая обозначенную проблему, автор не ставил перед собой задачу – теоретическое обоснование целесообразности наделяния Инспекции правом обращения в суд с представлением об изменении меры пресечения. Решение данной задачи – самостоятельное, глубокое научно-практическое исследование, которое, безусловно, является актуальным. Его значимость обусловлена тем обстоятельством, что до недавнего времени Инспекция осуществляла свои полномочия в уголовном судопроизводстве исключительно на стадии исполнения приговора, на которой применяются нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права [5]. С декабря 2011 г. пределы реализации полномочий Инспекции расширены, поскольку стали охватывать досудебное и судебное производство по уголовным делам в связи с исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста. Такое изменение правового статуса Инспекции, а также поиск в данной связи ответов на частные вопросы (например, «может ли Инспекция инициировать отмену меры пресечения?») – предмет отдельного научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010–2016 гг. Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц). URL: www.cdep.ru (дата обращения: 22.05.2017).
2. Статистика ФСИН России по форме ФСИН-1, утвержденной приказом ФСИН России от 01.08.2014 г. № 398. Раздел 15.
3. Малышева О.А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора. М., 2017.
4. Петрухин И.Л., Батунов Г.П., Моршчак Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979.
5. Булатов Б.Б., Николук В.В. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ // Российская юстиция. 2014. № 2.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 февраля 2018 г.

THE ADVERSE EFFECT OF THE ACTION OF THE LEGAL MECHANISM OF APPLYING HOUSE ARREST AS A MEASURE OF RESTRAINT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 215–221.

DOI: 10.17223/15617793/427/30

Olga A. Malysheva, Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: moa_0510@mail.ru

Keywords: house arrest; control; criminal executive inspection; defendant; prohibitions imposed by court.

Inclusion of house arrest as a measure of restraint that is less stringent than detention in the system of procedural compulsion measures is a manifestation of humanity of the criminal policy of the Russian state. However, the analysis of the application and execution of house arrest (Article 107 of the RF Code of Criminal Procedure) shows a considerable number of problems. These problems lead to delays in criminal proceedings, which prevents the achievement of the purposes of the application of the preventive measure and entails an unjustified restriction of the constitutional rights of the suspects, the accused and persons living together with them, etc. This situation is a result of the insufficient elaboration of the legal framework of the choice and execution of house arrest as a preventive measure. In particular, the probation department is devoid of the ability to consistently respond to the violation by persons under house arrest of the ban and/or the restrictions imposed by the court that the persons made at the stage of preliminary investigation and trial. The negative consequences of this are red tape in the processing of materials about the suspect's violation of the terms of house arrest, an increase in the number of these violations and failure of the imposed measure. The imperfection of the legal regulation of house arrest execution is evidenced by the fact that the probation department was deprived of the right to appeal the court's decision on refusal to satisfy petitions of the department to change the measure of restraint from house arrest to detention. The negative impact observed is that the suspects, the accused, the defendants under house arrest form the idea of permissibility of violations of the conditions of house arrest, which frequently leads to their subsequent concealment from the bodies of preliminary investigation, judgment, from execution of criminal punishment. A negative consequence of choosing house arrest as a measure of restraint is also manifested in the fact that in frequent cases persons living together with a person under house arrest block the access of the probation department to the technical devices that monitor the behavior of this person. This prevents the enforcement of the legislative regulation under Part 10 of Article 107 of the RF Code of Criminal Procedure. Given the above, elimination of gaps and inconsistency of legal norms in the legal regulation of house arrest as a measure of restraint is required. The author makes relevant proposals.

REFERENCES

1. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2010–2016 gg.* [Consolidated statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2010–2016]. Section 4. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru>. (Accessed: 22.05.2017).
2. Federal Penitentiary Service of Russia. (2014) *Statistika FSIN Rossii po forme FSIN-1, utverzhdennoy prikazom FSIN Rossii ot 01.08.2014 g. № 398* [Statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia in the form FSIN-1, approved by the order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 01.08.2014 No. 398]. Section 15.
3. Malysheva, O.A. (2017) *Ugolovno-protsessual'nye osnovy ispolneniya prigovora* [Criminal procedural bases of execution of a sentence]. Moscow: Norma: INFRA-M.
4. Petrukhin, I.L., Baturon, G.P. & Morshchakova, T.G. (1979) *Teoreticheskie osnovy effektivnosti pravosudiya* [heoretical bases of efficiency of justice]. Moscow: Nauka.
5. Bulatov, B.B. & Nikoluk, V.V. (2014) Problemy soglasovaniya (preodoleniya konkurentzii) norm UPK RF i UIK RF [Problems of harmonization (overcoming competition) of the norms of the Code of Criminal Procedure and the Correctional Code of the RF]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 2.

Received: 04 February 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИСТОВА (ТИННИКОВА) Анастасия Станиславовна – аспирант отдела русской классической литературы рубежа XIX–XX вв. Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: atinnikova@bk.ru

БУГРОВ Константин Дмитриевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

БЫКОВА Татьяна Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: bta-tomsk@mail.ru

ВАРОВА Наталья Леонидовна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета. E-mail: nvarova@mail.ru

ВЕЗЁНОВА Полина Романовна – студентка Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань). E-mail: polina-vz@mail.ru

ВЕРЁВКИНА Елена Олеговна – студентка факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: lena_kz216@mail.ru

ГНЮСОВА Ирина Фёдоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: irbor2004@mail.ru

ГРИГОРЕНКО Роман Андреевич – аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: roman13-grigorenko@yandex.ru

ДМИТРИЕВ Станислав Владимирович – д-р пед. наук, профессор кафедры теоретических основ физической культуры Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (г. Нижний Новгород). E-mail: stas@mts-nn.ru

ЕРМАКОВА Елена Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры филологического образования Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета. E-mail: ermakoya25@yandex.ru; e.n.ermakova@utnn.ru

ЕРШОВ Валентин Валентинович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: evv@rsuj.ru

ЗАГРЕВСКАЯ Александра Ивановна – д-р пед. наук, зав. кафедрой гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: alexandra.zagrevskaya@yandex.ru

ЗВЕРЕВ Роман Юрьевич – магистрант кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород). E-mail: zverev_ry@mail.ru

ЗЕНЕЦ Нина Геннадьевна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Омского государственного медицинского университета. E-mail: df_zenec@mail.ru

ИЗБАСАРОВА Гульбану Болатовна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: iz_gulbanu@mail.ru

ИЛЮХИН Андрей Владимирович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань). E-mail: andrew062@mail.ru

ИЛЮХИНА Вера Алексановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России по кафедре теории государства и права, международного и европейского права (г. Рязань). E-mail: eva3011@bk.ru

КАПУСТИНА Яна Васильевна – преподаватель Ачинского колледжа отраслевых технологий и бизнеса, соискатель кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: yana-kapustina@yandex.ru

КАРАВАЕВА Вероника Георгиевна – аспирант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: Berenices1988@gmail.com

КАТИОНОВА Анна Олеговна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: katiosha@mail.ru

КАТЦИНА Татьяна Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и методики социальной работы Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: katsina@list.ru

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна – д-р филос. наук, профессор кафедры общей психологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: Leshkevicht@mail.ru

ЛИДЖИЕВА Ирина Владимировна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: irina-lg@yandex.ru

ЛИЗУНКОВ Владислав Геннадьевич – канд. пед. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета. E-mail: vladeslave@rambler.ru

ЛУКЪЯНОВ Николай Евгеньевич – ассистент кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: DrCoks@yandex.ru

Лю Яньчунь – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: liuyanchun@mail.ru

МАКСИМЕНКО Людмила Александровна – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Омского государственного медицинского университета. E-mail: msw60@yandex.ru

МАЛЫШЕВА Ольга Анатольевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань). E-mail: moa_0510@mail.ru

МАРИНЕНКО Людмила Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: velichinskaya.lyudmila@mail.ru

МОСТОВЕНКО Максим Станиславович – мл. науч. сотр. лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: reiseleiter@mail.ru

НАБИУЛЛИНА Александра Суфуатовна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: barbazjushka@mail.ru

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович – аспирант кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: misha_1101@mail.ru

ПОЛИЦИНСКАЯ Екатерина Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета. E-mail: Katy031983@mail.ru

ПРИЩЕПА Евгений Валерьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан). E-mail: pri-evg@mail.ru

ПРОКОПОВА Майя Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры филологического образования Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета. E-mail: m.v.prokopova@utmn.ru

ПРОКУТИНА Елена Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Тобольского индустриального института (филиала) Тюменского индустриального университета. E-mail: e-prokutina@mail.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: rezanovazi@mail.ru

САНЖЕНАКОВ Александр Афанасьевич – канд. филос. наук, науч. сотр. отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: sanzhenakov@gmail.com

СИЗОВА Ирина Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: sizova_i@mail.ru

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета. E-mail: solovenko71@mail.ru

СОСУНОВСКИЙ Вадим Сергеевич – аспирант кафедры гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

СУХОСТАВСКАЯ Ксения Владимировна – магистрант кафедры гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: sovest_epohi@mail.ru

ФАЙЗУЛЛИНА Гузель Чахваровна – канд. филол. наук, доцент кафедры филологического образования Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета. E-mail: utgus@mail.ru

ХОАНГ Тхи Хонг Чанг – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: hongtrang791@gmail.com

ШУЛЬЦ Эдуард Эдуардович – канд. ист. наук, директор Центра политических и социальных технологий (г. Москва). E-mail: nuap1@yandex.ru

ФЕРРЕЙРА Ронел – PhD, зав. кафедрой педагогической психологии Университета Претории (Южная Африка). E-mail: ronel.ferrea@up.ac.za

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 427. Февраль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 февраля 2018 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 26,1. Тираж 50 экз.
Заказ № 3102. Цена свободная.

Дата выхода в свет 30 марта 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru